

РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Серия самых выдающихся книг великих русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения:

Св. митр. Иларион	Коялович М. О.	Соловьев В. С.
Св. Нил Сорский	Лешков В. Н.	Бердяев Н. А.
Св. Иосиф Волоцкий	Погодин М. П.	Булгаков С. Н.
Иван Грозный	Беляев И. Д.	Хомяков Д. А.
«Домострой»	Филиппов Т. И.	Шарапов С. Ф.
Посошков И. Т.	Гиляров-Платонов Н. П.	Щербатов А. Г.
Ломоносов М. В.	Страхов Н. Н.	Розанов В. В.
Болотов А. Т.	Данилевский Н. Я.	Флоровский Г. В.
Пушкин А. С.	Достоевский Ф. М.	Ильин И. А.
Гоголь Н. В.	Одоевский В. Ф.	Нилус С. А.
Тютчев Ф. И.	Григорьев А. А.	Меньшиков М. О.
Св. Серафим Саровский	Мещерский В. П.	Митр. Антоний Храповицкий
Шишков А. С.	Леонтьев К. Н.	Поселянин Е. Н.
Муравьев А. Н.	Победоносцев К. П.	Солоневич И. Л.
Киреевский И. В.	Фадеев Р. А.	Св. архиеп. Иларион (Троицкий)
Хомяков А. С.	Киреев А. А.	Башилов Б.
Аксаков И. С.	Черняев М. Г.	Концевич И. М.
Аксаков К. С.	Ламанский В. И.	Зеньковский В. В.
Самарин Ю. Ф.	Астафьев П. Е.	Митр. Иоанн (Снычев)
Валуев Д. А.	Св. Иоанн Кронштадтский	Белов В. И.
Черкасский В. А.	Архиеп. Никон (Рождественский)	Лобанов М. П.
Гильфердинг А. Ф.	Тихомиров Л. А.	Распутин В. Г.
Кошелев А. И.		Шафаревич И. Р.
Кавелин К. Д.		

ЮРИЙ ВЕНЕЛИН

**ИСТОКИ РУСИ
И СЛАВЯНСТВА**

МОСКВА
Институт русской цивилизации
2011

УДК 39
ББК 63.5
В-29

Венелин Ю. И.

В-29 Истоки Руси и славянства / Сост., предисл. и коммент. П. В. Тулаев / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2011. — 864 с.

Первое издание избранных трудов выдающегося русского историка, одного из основателей и классиков славяноведения Юрия Ивановича Венелина (1802–1839) включает наиболее ценные его работы, большинство из которых не переиздавались в течение последних 160 лет. Они посвящены происхождению Руси и славянского мира. С особой тщательностью автором изучены древние и современные ему болгары, словене, балты, малороссы и великороссы. Он доказывает, что славяне – старожилы в Европе, наравне с греками и римлянами, показывает родственную связь венедов-славян с вандалами, русов – со скифами, критикует идеологию «украиноцентризма», а также норманскую теорию происхождения государства Российского, мода на которую приобрела в XIX веке черты настоящей «скандинавомании».

Исторические и филологические исследования автора основаны на редких, ныне забытых или не востребованных источниках, что делает новое издание ценным для науки и всех интересующихся истоками русской цивилизации.

УДК 39
ББК 63.5

ISBN 978-5-902725-91-6

© Институт русской цивилизации, 2011.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Юрий Иванович Венелин (1802–1839) – выдающийся историк, языковед, этнограф и фольклорист первой половины XIX века. Он был одним из основателей славяноведения как самостоятельной науки. Ему принадлежит целый ряд мировых приоритетов: совершив научную экспедицию от Императорской Российской академии на Балканы, он написал первую грамматику болгарского языка, издал первую книгу по истории болгар, опубликовал первый сборник древних славянских грамот, составил первую в Европе программу преподавания славистики для университета. Ю. И. Венелин стал одним из основоположников славянской школы в русской исторической науке.

Еще при жизни, в самом начале научной карьеры, когда вышел первый том трудов Ю. И. Венелина под названием «Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам» (1829), автор получил известность в литературной и академической среде. Однако слава это была с оттенком скандальности – из-за романтического, порою дерзкого стиля, некоторых смелых гипотез и неожиданных открытий. Конкуренты и недоброжелатели поставили на Венелине клеймо «фантазера», даже не вникая в его более зрелые произведения.

Серьезному изучению богатейшего творческого наследия пионера отечественной славистики посвятили себя лишь немногие ученые.

Начало жизненного пути

Юрий Иванович появился на свет 22 апреля 1802 года, в селе Большая Тибава (Nagy-Tibava) в Карпатских горах, получив при рождении имя Георгий Гуца (Georgius Hutza). Тогда это была часть Угрии (Венгрии), входившей в состав Австрийской империи. Сам историк считал себя по происхождению карпато-россом (русином). Фамилию Венелин (Венелович) и русское имя Юрий он принял уже в сознательные годы, когда уехал жить в Российскую Империю.

Отец Георгия Гуцы был протоиереем (Vice-Archi-Di-
aconus) Верховины, и сын тоже захотел получить духовное образование. После окончания гимназии в городе Унгвар (нынешний Ужгород) он стал сначала воспитанником местной духовной семинарии, а затем, в 1821 году, – учеником епископского лицея. Именно там Георгий впервые соприкоснулся с миром науки и углубился в древнюю историю. Философские предметы он продолжил изучать во Львовском университете, который был одним из крупнейших культурных и религиозных центров Европы.

В университете семинарист получил возможность слушать лекции лучших профессоров города, а в студенческой библиотеке читать оригиналы классиков мировой истории и литературы. Уже тогда его славянскую душу притягивали родные древности эпохи античности, а пытливый ум обращал пристальное внимание на «исторически спорные и темные места, требующие объяснения». Плоды просвещения так увлекли ум юноши, что он решил всю свою творческую жизнь посвятить наукам. Но для этого надо было отказаться от карьеры католического священника, и Георгий решился на дерзкий шаг. Вместе со своим двоюродным братом Иваном Ивановичем Молнаром юноша решил бежать в Россию, разорвав узы религиозных и семейных обязательств.

В годы царствования Александра I Российская империя вступила в период своего расцвета. Еще свежи были в памяти славные победы над армией Наполеона, торжественные

шествия казаков через Триумфальные арки Парижа и Санкт-Петербурга. Освобожденная Европа, подчинившись политической воле Священного Союза России, Австрии и Пруссии, горячо обсуждала решения дипломатических конгрессов по переделу мира. Взгляды аристократии с любопытством и ревностью обратились на Северо-Восток. Туда же, в монархическую, просвещенную, дворянскую Россию стремилось сердце молодого русина.

Избранный маршрут не был прямым. Сначала юноша хотел совершить морское путешествие через Триест (старословенский Тргесте), Стамбул (Константинополь) и Одессу. Однако война на Балканах разрушила эти планы. Пришлось ехать другим путем, с длительными остановками. Весной 1823 года Георгий Гуца с братом нелегально пересекает границу в Карпатах и прибывает в Кишинев, а оттуда через год направляется в Москву.

Здесь он и появился в 1825 году под именем Юрия Ивановича Венелина. В поисках работы беженец первым делом обратился к своему земляку, известному слависту и педагогу Ивану Семеновичу Орлаю (1771–1829), написавшему первую историю Закарпатья на русском языке. Тот принял просьбу юноши с пониманием, но посоветовал ему заняться «более благотворной наукой», а именно – медициной. Венелин вынужден был временно смириться с судьбой и поступил на медицинский факультет Московского университета, где проучился еще три года. В 1829 году он выдержал испытание на звание лекаря, но в конце концов оставил это поприще и, следуя зову души, полностью посвятил себя гуманитарным наукам.

В студенческие годы Юрий Венелин проводил дни и ночи за изучением классических трудов и первоисточников на древних языках. Благо, что образование позволяло ему это делать. Кроме греческого и латыни он свободно читал на немецком, французском, английском, итальянском, испанском, общался на мадьярском и волошском (румунском), не говоря уже о славянских языках. Еще в библиотеке Львовского

университета любознательный русин начал выписывать все ценные исторические сведения о славянах и родственных им племенах: из Страбона, Тацита, Плиния, Кассиодора, Иордана, собранные в изданиях типа «*Monumenta inedita rerum Germanicorum*». Особое внимание Венелин уделял истории Византии, выписки о которой составили целых пять тетрадей. Здесь были и его собственные переводы из хроник императоров, и фрагменты из византийских писателей, взятые из антологии «*Corpus historiae Byzantinae*», и конспекты авторов нового времени – Гиббона, Шафа, Манхарта, Кера и прочих. Вместе рабочие тетради студента составляли своеобразную переносную библиотеку, тематическую «базу данных», если использовать современную терминологию.

Вот как рисует портрет нашего автора его брат, лучше других знавший Юрия Венелина в молодые годы: «При крепком телесном сложении он отличался и атлетическим сложением духа: мощный ум, глубина соображений, возвышающаяся до сильных поэтических восторгов, редкая способность сосредоточивать силы духа на один предмет и отвлекаться от всего окружающего составляют внутреннюю его физиономию. Его трудолюбие и напряженное размышление были удивительны. Он почувствовал в себе раннее призвание к истории, и как ни старался уклониться от сего пути, но внутренний голос возвратил его к нему, и возвратил навсегда»¹.

Поскольку поступить на какую-либо официальную должность по любимой специальности Венелину сразу не удалось, он заработка ради устроился домашним учителем. Педагогическое поприще не было самоцелью, хотя среди его учеников встречались выдающиеся личности, такие как Константин и Иван Аксаковы – будущие идеологи славянофильства. Главное, что профессия частного преподавателя давала молодому ученому столь необходимое ему свободное время, которое он почти всецело тратил на исследования древностей.

Венелин был выдающимся современником А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, А. С. Хомякова. Классики русской литературы первой половины XIX века – это его приятели, его среда

обитания, ибо и сам он был яркой личностью пушкинской эпохи. Он следит за выходом каждой новой главы «Евгения Онегина», положительно отзываясь о поэме «Борис Годунов», критически разбирает историю Дмитрия Самозванца в истолковании Н. Карамзина.

Блестящее образование, хорошее воспитание и выдающиеся личные качества открывали перед молодым ученым двери гостеприимных домов России. Венелин бывал у историка и писателя М. П. Погодина, общался с А. С. Шишковым, И. И. Срезневским, печатался в популярных периодических изданиях той эпохи: «Московский вестник», «Телескоп», «Отечественные записки», «Журнал Министерства народного просвещения» и пр.

В устных беседах Венелин часто выражал обоснованный протест против господствовавшей тогда в Европе немецкой критической школы. Как знатока первоисточников и многих достоверных данных о древних славянах, его возмущал упорный монополизм норманистов-западников, тормозивших своим высокомерием развитие отечественной науки. «Они одни овладели всею славой европейского мира; все славные дела новой истории немцы относят к одним себе», – досадовал наш славянофил. При этом он ссылался для аргументации на свой неизданный архив, опубликовать который у него не было средств.

Помочь Венелину вызвался М. П. Погодин, академик Петербургской АН, издатель «Московского вестника» и «Москвитянина». Этот корифей старой школы не только с вниманием выслушал аргументы молодого романтика, но и убедил его оставить медицину, чтобы тот в своих печатных трудах «сообщил ученому свету отважные и оригинальные гипотезы о славянах и их именах»².

«Древние и нынешние болгаре»

Подготовка первой книги заняла около года. Поскольку до этого Ю. И. Венелину не удавалось публиковать свои крупные сочинения, он собрал в один том все, что касалось темы прямо и косвенно. Поэтому монографию «Древние и нынешние болгаре» (1829) не следует воспринимать как историю

одного народа. Фактически этот первый том был посвящен обзору древнейшей истории восточных славян в целом.

Венелин исходит из общей посылки, что славяне – старожилы в Европе, наравне с греками и римлянами. Более того, он утверждает, что становление славянского народа как ствола предшествовало развитию греков и латинов как ветвей. Во времена расцвета Афин и подъема Рима «славяне уже в полной мере разделены были на племена». Они назывались тогда другими именами, например скифами, готами, вандалами. Болгары, по его мнению, были также одним из восточных славянских племен, получивших свое название от реки Волга (волгари). В западную Европу они явились под именем гуннов, во главе со своим великим вождем Атиллой, завоевавшим силой и мудростью необъятные земли от Волги до Сены. В заключение автор анализирует «военно-политическую роль, которую играла Россия (Болгаро-Россия) в Европе в правление Атилы, и перевес ее над прочими государствами».

Вот это отождествление многих восточно-европейских племен со славянами, русами, в котором видно было желание автора прокомментировать древние события через призму современности, и вызвало критический протест у лидеров академической школы. И отчасти они были правы. В патриотическом пылу Венелин называл гуннов – «сынами Руси», Словению – «Адриатической Украиной», Меровингов – «Мировичами», а Атиллу – «русским царем».

Значит ли это, что метод автора сводился к русофильским эпитетам и славяномании? Нет, не значит. Позже автор сам признавал, что написанная им глава об Атилле наиболее слабая в книге. Он писал, что в первом томе его изысканий «очень многое не вполне развито и что можно сказать еще очень многое в оправдание и объяснение всего этого»³. В доказательство этого своего утверждения он подготовил специальное исследование на следующую тему: «Критическое разложение всех имен Атилина семейства и прочих, так называемых гуннских его вельмож, о которых только упоминает Приск в своих путевых заметках», имея в виду славянское окружение великого вождя.

О своем собственном методе, родившемся в полемике с западной школой, Венелин сказал следующее: «Я далек от того, чтобы, подобно сим ученым, наоборот приписывать все славянам. Как историк я не принадлежу ни к одному племени земного шара. Признаюсь, что в сей готской или общей германской кутерьме скрывается и значительная часть дойчерских племен. Надобно только попотеть в изысканиях, чтобы определить им надлежащее место и в истории, и в Германии. Я здесь изложил только общие черты, или главное основание. Прочие же подробности объяснит дальнейшее исследование»⁴.

К счастью, вскоре такая возможность у молодого историка появилась. Сергей Тимофеевич Аксаков, отец прославленных учеников и воспитанников Венелина, выхлопотал ему научную поездку на юг Европы. Она была оформлена как официальная командировка Российской академии, «с Высочайшего Государя Императора дозволения». На государственное пособие молодой автор, ставший к тому времени уже известным славистом-полиглотом, отправился в ученое путешествие, длившееся с 19 апреля 1830 года по 16 октября 1831 года. Цель этой уникальной археографической поездки состояла в том, чтобы «обозреть по возможности все хранящиеся в тамошних монастырских и других библиотеках печатные книги и рукописи на славянских наречиях и на языке молдавском, волошском и греческом»⁵. Венелин должен был собирать памятники народной словесности, отыскивать неизвестные летописи, делать снимки с наиболее ценных рукописей. Ему также было поручено выучить досконально современный болгарский язык с целью написания грамматики и небольшого словаря⁶.

Научная экспедиция в Болгарию и Валахию очень дорого обошлась Венелину в смысле душевных затрат и здоровья. Во время длительного путешествия – из Москвы на Балканы и обратно – он перенес немало испытаний: еще на юге России на него напали бандиты, которые чуть было не закололи путешественника вилами, а в Силистре, в южных степях на берегу Дуная, путешественник перенес тяжелую болезнь, пролежав в лихорадке десять дней, не вставая с постели.

Посланник Российской академии внимательно изучил несколько городов на своем маршруте, включая Харьков, Одессу, Варну и Бухарест, сожалея о том, что ему не удалось посетить богатые книгохранилищами и архивами православные монастыри на Афонской горе в Македонии. Везде Венелин видел подтверждение своей теории о «россизме болгар»: в их разговорном языке и фольклоре, в традиционной одежде и древних культах, в грамотах и старинных книгах. По поводу языка он писал секретарю Российской академии П. И. Соколову: «Наш церковный есть решительно болгарский IX века»⁷.

Несмотря на все трудности, Венелин успешно справился с поставленными перед ним задачами. Собранная им во время путешествия коллекция из 66 грамот и 20 снимков, в том числе в архивах и библиотечных фондах Бухареста, была передана в Российскую академию. «Грамматика нынешнего болгарского наречия» была окончена в 1835 году. К печати, правда, ее не приняли, несмотря на положительный в целом отзыв академика А. Х. Востокова. Остальные труды были изданы позже, уже после смерти автора. «Влахо-болгарские или дако-славянские грамоты, собранные и объясненные Юрием Венелиным» вышли в свет в 1840 году, а «Болгарские песни из сборников Ю. И. Венелина» были опубликованы в 1855 году.

Отдельно следует сказать о книге «Критические исследования об истории болгар Ю. И. Венелина, с прихода болгар на Фракийский полуостров до 968 года, или покорения Болгарии Великим князем русским Святославом», изданной на иждивении И. Н. Денкоглу в частной типографии Николая Степанова в 1849 году. Она представляет собой систематическое изложение основных фактов и выводов первой книги нашего слависта, однако не является вторым ее изданием. Таковое было осуществлено в 1856 году И. Молнаром в типографии Московского университета. Две самостоятельные книги Венелина о болгарях отражают различные этапы его научного творчества: ранний, то есть до поездки на Балканы, и более зрелый, то есть после возвращения в Россию.

Чтобы понять причины болгарофилии нашего автора, необходимо учитывать тот исторический фон, на котором происходили его, казалось бы, далекие от современности исследования. К началу XIX века Балканский полуостров и его северные границы находились под властью Османской империи. Мусульманское иго вызывало протест у покоренных сербов, хорватов, болгар, греков, румын и молдаван. Однако самостоятельных сил этих народов было недостаточно для полного освобождения. На северо-востоке у них был только один сильный союзник – Российская империя. Ее существование было причиной постоянных турецко-русских конфликтов в районе Причерноморья.

Очередная война между мусульманами и христианами разразилась в 1828–1829 годах, как раз когда Ю. И. Венелин завершал свою первую книгу о болгарах. Прибывшая с миротворческими целями в Грецию, где началось освободительное восстание, соединенная эскадра России, Англии и Франции разгромила турецко-египетский флот. В ответ на объявленную султаном «священную войну» русские войска форсировали Дунай и овладели Варной. В июне 1829 года они перешли через Балканы и заняли Адрианополь, находящийся недалеко от проливов. Чтобы не потерять Стамбул (Константинополь), мусульмане вынуждены были подписать мирный договор и пойти на большие уступки. По Адрианопольскому миру за Россией помимо Крыма, присоединенного к Империи еще в 1783 году, было закреплено устье Дуная и Черноморское побережье Кавказа от Анапы до Поти. Проливы Босфор и Дарданеллы отныне стали свободными для прохода русского торгового флота. Греции была предоставлена самостоятельность, а Молдавия, Валахия и Сербия получили расширенную автономию.

Болгария не получила подобных прав, но внутренние порядки в стране были несколько смягчены. В частности, ее жители получили право свободно эмигрировать в Россию. В 1829–1830 годах началось массовое переселение болгар в южные районы империи, в частности в Одессу и Кишенев, где Венелин завел свои первые знакомства с беженцами. В самой

стране набирало силу национально-освободительное движение, готовившее почву для будущей независимости страны. Вот почему образованного и хорошо разбиравшегося в балканских проблемах русина Российская академия послала в научную командировку.

Исследовательская деятельность ученого вызвала у болгар большую симпатию. Его книги с усердием прочитывала вся национальная элита того времени – А. Априлов, Н. Палаузов, Р. Чолаков, В.Николов и другие, что позволяет утверждать, что они оказали значительное влияние на дело болгарского возрождения⁸.

В знак глубокой признательности Венелину за то, что он сделал для болгарского народа в области истории, фольклористики и языковедения, балканские беженцы сложили ему при жизни поэтическую оду, а после смерти – поставили памятник на могиле в Даниловом монастыре с трогательным посвящением: «Он первый напомнил свету о забытом, но некогда славном и могущественном племени болгар и пламенно желал его возрождения. Господи, услышь молитву раба Твоего»⁹.

Не будем забывать также о том, что именно на деньги болгарских подписчиков хранители авторских рукописей смогли издать вторую книгу Венелина. По этой прозаической причине самостоятельное исследование Юрия Венелина «Древние и нынешние словене» впервые было отпечатано (общим числом 319 экземпляров) не как отдельная монография под собственным именем, а как второй том историко-критических изысканий автора, продолжающий первую книгу.

«Древние и нынешние словене»

Прежде всего заметим, что новый фундаментальный труд не мог появиться внезапно. Ему предшествовали научные исследования, конспекты и переводы, многочисленные неопубликованные работы. Помимо древних греческих, римских и византийских авторов Венелин изучил все доступные ему труды выдающегося словенского филолога Е. Копитара, иностранного члена-корреспондента Санкт-Петербургской Академии

наук, занимавшегося исследованием древнеславянских памятников в Вене, его соотечественника – историка А. Линхарта, этнографические сочинения серба В. Караджича, хорватского археолога М. П. Катанчича, словака П. И. Шафарика. Он критически проштудировал также издания таких немецких авторов, как Байер, Шлецер, Гердер. Ко всему прочитанному Венелин присовокупил незаурядный опыт лингвиста и путешественника, что позволило ему сделать широкие обобщения.

Предварительная подготовка книги была начата автором еще в 1834 году, вскоре после того, как он получил титул действительного члена Общества истории и древностей Российских. Работа продолжалась с перерывами в период его занятий на должности инспектора классов московских училищ (1836–1838) Тогда же, впрочем, были написаны некоторые его статьи. Однако неожиданная смерть Венелина 26 марта 1839 года прервала обширные труды.

Одиночество, напряженная работа днями и ночами, безучастие окружающих, бедность и тяжелый внутренний конфликт, из-за которого он чувствовал себя одиноким, в конце концов привели к развитию нервной болезни. Когда наступил очередной кризис, Венелин направился в университетскую клинику, но там для него не оказалось свободных мест. По возвращении домой больной упал на пороге своей комнаты, пораженный сердечным ударом. Спустя еще несколько часов, перед самой заутреней Светлого Воскресения, он скончался на руках своего брата.

И. И. Молнару, ставшему хранителем архива Венелина, пришлось завершать брошенную монографию. Он не только подготовил к печати авторские рукописи, но включил в издание все, имеющее прямое отношение к словенам, дополнив изначальную рукопись почти на сотню страниц. Он же довел до требуемого качества незавершенную карту Словении. Иван Иванович как никто другой понимал значение уникального труда своего родственника и единомышленника, почему и назвал в предисловии вторую книгу Венелина «одним из глубокомысленных творений русской ученой литературы»¹⁰.

Монографию под названием «Древние и нынешние словене в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам. Историко-критические изыскания Юрия Венелина. Том II» отпечатали в 1841 году типография Московского университета общим объемом в 326 страниц. Издание включает, помимо основного текста, великолепный гравюрный портрет автора работы художника Дрегера, краткое предисловие М. П. Погодина, очерк И. И. Молнара «Черты из частной и ученой жизни Юрия Ивановича Венелина» и вложенную карту «Словении, или Дунайских земель в продолжение первых 4-х столетий».

В России это было первое исследование, посвященное истории словенцев. Нынешняя Словения входила тогда в состав Австрийской империи, и политики не выделяли проживавших там славян в особую этническую категорию. Венелин, сам родившийся на восточной окраине этой Империи, первым обратил внимание на то, что словенцы, искусственно разделенные границами тогдашних государств, вместе составляют единый народ. Из истории автору было известно, что вся Штирия, Хорутания, южная часть Австрии, часть Тироля и вся западная Угория – были заселены словенцами (он упустил из внимания только группу венецианских словенцев, проживавших в Горице и Адриатическом Приморье). Он знал также о том, что словенцы были автохтонными жителями Паннонии и Восточных Альп, в отличие от пришедших позднее на Балканы хорватов и сербов. По мнению Венелина, часть словенцев была вытеснена с исконных территорий за Дунай на север, где они оформились в субэтнос под похожим именем словаки.

Пытаясь определить родственные связи между отдельными европейскими племенами, Венелин разделял родовое имя «славяне» и видовое «словене». Он писал: «Наречие словен отличается от всех других славянских наречий; словенин не есть ни чех, ни серб, ни поляк, ни кроат, ни по имени, ни по наречию, ни по одеянию, ни по нравам, ни по истории»¹¹.

Именно Венелин впервые ввел в литературу само название будущего государства Словении, тогда еще не существо-

вавшего на политической карте мира. За десять лет до словенского поэта И. Весел-Косески, упомянувшего это имя в оде по случаю приезда в Люблянду австрийского императора Фердинанда I, русский историк пророчески обосновал это будущее политическое и географическое название страны. «Если бы в нынешнем 1834 году нужно было назвать часть упомянутых стран и самое Иллирийское королевство по имени их обитателей, то должно бы назвать их Словениею, *Slowenenland, la Slovenie*», – писал Венелин во вводной части книги¹².

Глубокие знания позволили исследователю выстроить собранные археологические и литературные факты в логичную модель развития. После общего обзора энциклопедических сведений о Словении, ее географии, народонаселении, языке и введения в библиографию Венелин сформулировал свою хронологическую схему. Он разделил историю словен на четыре большие эпохи: 1) Кельтскую, т.е. в которой они покрываются кельтским мраком, или молчанием; 2) Римскую, т.е. под властью римлян: от Августа до Атиллы – от Р.Х. до 450 г. н.э.; 3) Русскую, от Атиллы до Карла Великого – 450–800 гг.; 4) Франкскую, а вскоре Немецкую, – от Карла Великого до XIX века. Эти названия эпох условны, ибо они отражают авторское понимание исторического процесса, однако они в данном случае не хуже таких расплывчатых понятий, как «античность» или «средние века».

Далее автор описывает старинные регионы и населявшие их племена: Венецию, Карнию, Истрию, Паннонию, Норик, Рецию, Винделицию, Далмацию, Иллирию. Он пишет, что коренными жителями Словении были венеды (венеты, венды), показывает родственную связь вендов-славян с вандалами. Не скатываясь к упрощенным выводам типа «этруски – это русские», Венелин показал также родственные связи ретов (ретийцев, ретян) и словен, на которую позже обратили внимание И. Срезневский и И. А. Бодуэн де Куртене. В параграфе «*Germani* у древних не немцы» автор легко доказывает очевидное: Германией всегда называлась территория, где проживали многие славянские племена, в частности, давние предки нынешних лужицких сербов.

Имперские войны Рима на севере показаны Венелиным как поэтапное завоевание Словении (1-я, 2-я и 3-я Словенские войны). Здесь принципиально важна сама перемена точки зрения, чтобы отучить читателей, воспитанных на «Записках о Галльской войне» Юлия Цезаря, смотреть на самих себя глазами оккупантов. Автор показывает, как некогда свободная страна, управляемая племенными жупанами (от славянского «пан» – господин), сумевшая выставить войско в 180 тысяч человек (!), после покорения стала римской провинцией.

Историческая картина особенно ясно предстает перед глазами, когда изучаешь карту «Дунайских земель». Непривычно видеть многочисленные племена вендов, ванов, ретов, карнов, бойев, паннонцев, кроатов и прочих славян, разделенные не политическими границами, а лишь горными вершинами и реками. Аналогичную карту расселения родственных племен Карантании (средневековой Словении) в эпоху до Карла Великого составил в конце XVIII века Антон Линхарт, автор книги «Versuch einer Geschichte von Krain und der urbirger sudlichen Slaven Oesterreichs»¹³.

В книге «Древние и нынешние словене» содержится много интересных автографов и фактов о письменах. Вдохновленный криптографическим опытом предшественников, ученый-полиглот принялся расшифровывать с помощью славянских языков древние надписи этрусков и ретов, которых он считал предшественниками словенцев. О качестве перевода и комментариев можно спорить, но факт наличия у наших предков докириллической письменности (в том числе – более древней глаголической) у читателей Венелина уже не вызывает сомнения. Кирилл и Мефодий не изобретали славянских письмен, а только восстановили то, что уже было до введения латинского богослужения в славянских племенах¹⁴ – таков один из главных выводов автора книги.

После публикаций А. Черткова и Е. Классена в России, Р. Пешича – в Сербии, лингвистических исследований М. Бора о венедском и славянских элементах в этрусском письме, а также новейших криптографических открытий в

долине Валькамоника (север нынешней Италии) и Каменной могиле (Украина) краткие реплики Венелина кажутся ученическими. Но первые шаги всегда делать тяжелее, чем следовать проторенной дорогой.

Перечень богов древних славян, списанный с «Ономастикона» М. Похлина XVIII века, и комментарии к нему Венелина тоже представляются на первый взгляд наивными. Однако специалист при внимательном изучении заметит здесь много ценных деталей: Аполлон – сравнивается с Беленом, считавшимся прежде кельтским богом; Сейвина – напоминает нам поморскую Сиву; Эхо – имеет славянское имя *Ogglasuvavka*, Фортуна – это Среча, то есть Судьба (Удача); Марс – сравнивается с Тором и Ладонем; Минерва имеет вполне русскую аналогию – Модрица, Рап – это Пан, он на иностранные языки не переводится, и т.д. и т.п. Стараясь осмыслить значение этих и других славянских богов, Венелин делает общий вывод о мировоззренческом дуализме, господствовавшем на определенном этапе развития наших предков. Согласно такой философии, не только добро (Белен, Белбог), но и зло (Чарт, Чернобог) объективно необходимы для жизни, и борьба между данными полюсами происходит не внутри человеческого ума, а в основах самого мироздания.

Давая общую оценку книги «Древние и нынешние словене», И. И. Молнар написал: «Последующие труды ученых покажут, до какой степени важен был труд Венелина, труд, исполненный любви к славянству и благородного самоотвержения для науки. Конечно, немногие понимают необходимость и пользу критических изысканий времен, предшествовавших образованию государства варягами-русью, но искреннее одобрение сих немногих и их сочувствие высокому стремлению в душах самоотверженных стоит выше рукоплесканий толпы»¹⁵.

К сожалению, среди тех, кто впоследствии не оценил по достоинству упомянутый труд Венелина, оказалась сотрудница Института славяноведения и балканистики И. В. Чуркина. Наряду с отдельными положительными характеристиками она сформулировала общее критическое заключение: «Для истори-

ческой науки 40-х годов XIX века история словенцев Венелина не являлась шагом вперед. Но она знакомила русского читателя со словенцами, с их географией, литературой, современным положением. И в этом было ее положительное значение»¹⁶.

Эта характеристика не объективна. Первое издание книги «Древние и нынешние словене» не ограничивалось переложением общедоступных энциклопедических фактов. Оно содержало много нового, как с научной, так и политической точки зрения, по сравнению с предыдущими книгами на ту же тему. Хотя бы потому, что давало смысловое сравнение двух полюсов славянского мира – западного и восточного. Первое русское исследование о Словении, где было точно предсказано даже название будущей страны, знакомило наших соотечественников отнюдь не только с банальными фактами. Оно предлагало качественно иное видение древности как родных истоков, где славянский мир был органичным целым, независимым от римлян, германцев и византийцев.

Очерки и статьи Венелина, в том числе неопубликованные

Мы кратко прокомментировали две первые книги Ю. И. Венелина, вышедшие как авторские монографии с его участием. Однако написанных трудов, как изданных, так и неизданных, у него было гораздо больше. В списке авторских сочинений, прилагаемом ко второму тому «Изысканий», упоминается 66 названий. Наиболее значительные из них разбираются в обстоятельном описании «Бумаги Ю. И. Венелина, хранящиеся в библиотеке Императорского Общества истории и древностей Российских» Е. И. Соколова¹⁷, напечатанном в 1898 году.

Труды Венелина, даже в их черновом или конспективном виде, имеют научную ценность, поскольку он добросовестно работал с историческими и языковыми источниками, до сих пор не изданными или не исследованными.

Одним из первых был опубликован очерк Ю. Венелина «Скандинавомания и ее поклонники» (1842), посвященный критическому разбору норманской теории. В нем доказывает-

ся славянское происхождение варягов-руси, которые пришли в Новгород из владений вендов в Балтийском поморье. В исследовании варяжской темы Венелин продолжает линию Ломоносова, т.е. критикует методологию Байера, Миллера и Шлецера, российских историков немецкого происхождения. Венелин критикует также норманизм современников Карамзина и Погодина.

К незавершенному очерку «Скандинавомания» примыкает небольшая, но весьма насыщенная фактами и цитатами работа под названием «Известия о варягах арабских писателей и злоупотребление в истолковании оных». Арабские авторы, называвшие варягов «славянами из славян», подтверждают точку зрения Нестора-летописца, который считал варягами балтийских славян.

В 1846 году в «Чтениях Императорского Общества истории древностей Российских при Московском ун-те» была издана брошюра «Окружные жители Балтийского моря, то есть леты и славяне». Она соединила вместе два этнографических очерка Венелина: первый – о латышах, литовцах и прусах, а второй – о поморах и Балтийской Славонии. В обоих, помимо географического описания, имеются лингвистические и мифологические изыскания. Мы публикуем в настоящем сборнике второй очерк.

Доказанное нашим автором тесное родство между славянскими и балтийскими языками свидетельствует о европейском происхождении и глубокой древности славянских языков. Эту тему Венелин развил в специальном очерке «О времени рождения названий: греческое, латинское, немецкое и русское или гражданское, славянское или церковное письмо», опубликованном в 1847 году. Он доказывал, что, согласно древнерусским рукописям XI века, из 43 букв кириллицы 19 были построены более или менее самостоятельно с учетом имевшихся правил. Буквы Ж, Г, Ш, Щ, Ц и некоторые другие были заимствованы из более древней глаголицы. Ее происхождение наш лингвист, в свою очередь, связывал с этрусским алфавитом, а не греческим и не финикийским.

Венелин вообще очень высоко ставил значение языкового наследия. «Ничто так цельно и так долговременно не сохраняется, как слово в устах человека, слово, как клад, завещанный нам отдаленнейшими предками», – писал славист-полиглот. И далее: «Полный словарь народного языка есть система его философии – это я называю философией языка»¹⁸.

Свободно читая на славянских наречиях, Венелин профессионально подошел к проблеме их систематизации и классификации, чем сегодня занимается сравнительная лингвистика. Его «Конспект преподавания истории и славянского языка и литературы», представленный университетскому совету еще в 1834 году, стал первой в Европе программой преподавания славистики. Эта итоговая работа была оценена и впоследствии широко использовалась профессурой России, Болгарии, Чехии, Германии. В этом смысле Венелин выступил в качестве предшественника преподавателей славянской филологии и истории, таких как О. М. Бодянский, И. И. Срезневский, П. И. Прейс, В. И. Григорович¹⁹.

В 1847 году в очередном выпуске «Чтений Императорского Общества истории древностей Российских» была опубликована ранняя рукопись Венелина «Мысли об истории вообще и русской в частности». Сей небольшой очерк автор, вероятно, написал в рамках подготовки задуманного им курса для университета. Он содержал некоторые размышления по методологии и обобщению ценных фактов. Поэтому мы решили поместить историософский труд в самом начале нашего сборника – в качестве своеобразного предисловия от автора.

В этой же серии под редакцией секретаря О. Бодянского в 1848 году было опубликовано сочинение Венелина «О первом и втором нашествии зависянских славян на Русь до рюриковых времен». Оно показывает родовые связи наших предков, с незапамятных времен расселившихся на просторах от Лабы до Волги. Сей очерк дает представление о нашем авторе как этнографе и собирателе фольклора.

В том же году типография Московского университета выпустила сборник, включавший три самостоятельных очерка

Венелина: «О готах», «Об обрах», «О споре между южанами и северянами насчет их россизма». Первые два продолжали этнографический обзор варварских племен. Готское нашествие на Русь было первым вторжением, зафиксированным летописцами. Под именем готов Венелин понимал предков восточных славян и балтов, пришедших из древней Германии, где они назвались сербами. Экспансия аваров, пришедших в центральную Европу с Востока, из степей современной Украины и России, тоже привело к завоеванию Руси. Аvaraми (обрами), по мнению Венелина, средневековые авторы называли предков болгар.

Совершенно отдельно по содержанию стоит размышление нашего карпато-росса о споре между южанами и северянами, где он разбирает актуальную по сей день проблему этнических противоречий между украинцами и русскими. Работа имеет методологическое значение, поэтому мы поместили этот иронический очерк в качестве заключения или своего рода *post scriptum*'а.

В 1855 году исследователь П. А. Безсонов подготовил и опубликовал два объемных тома «Болгарских песен из сборников Ю. И. Венелина», сопроводив их своей биографией. Вступительная статья самого автора о песенном фольклоре древних славян имеет самостоятельное значение.

В серии этнографических и исторических очерков назовем также работы: «О нравах и обычаях сербов», «О характере народных песен у славян задунайских», «О песнелюбии славян закарпатских (словаков)», «Политическое состояние Европы рюриковых времен и разбор записок Юлия Цезаря», незавершенный разбор труда Шафарика о происхождении славян, небольшие статьи о варягах, этрусках, гуннах, монголах, критические заметки, конспекты, выписки, записи народных песен, поверий и пословиц.

Среди трудов по филологии, описанных Е. И. Соколовым, упомянем прежде всего «Граматику нынешнего болгарского наречия» (1834) на 387 страницах в переплете; «Мысли об изъясном и критическом разборе Н. Карамзина о Дмитриии Само-

званце» (64 стр.), а также небольшие статьи «Карпато-русские пословицы», «Об украинском правописании», «О слове *баярин*», «О происхождении маршалов и производстве слов».

Среди неизданных статей по исторической и современной географии: «О древних славянах», «О географической номенклатуре», «Опыт гидравлической географии», «Топографическое обозрение Дунайской долины» (включая наброски к картам), «Окружные жители Варяжского моря», «О мореплавании и торговле России в XI веке по известиям византийцев».

Есть у Венелина педагогические размышления «Три рода способностей» и «Нечто об общественном воспитании». Есть сатира в форме «Сказки о том, как калачи пекутся да статьи пишутся» и пародии на физическую теорию света (она написана на основе юношеской диссертации Венелина «*De calore animale*» 1828 года).

Заметную часть архива Венелина занимают письменные переводы с латыни, греческого, немецкого, польского, преимущественно на исторические темы. Это материалы по казачеству и биография его любимого героя Богдана Хмельницкого, куда помимо отдельных фрагментов следует отнести объемное переложение «Истории десятилетней войны казаков с поляками» Самуила Грондского (155 страниц). Фрагмент из этого труда был опубликован в 1836 году «Журналом Министерства народного просвещения». Это также девять глав из латинской книги Якова Рейтенфельса с описанием Московии эпохи царя Алексея Михайловича (1680). Это «Путешествие» Кухарского, профессора Варшавского университета, изданное в оригинале по-немецки. Прочие переводы, такие как «Краткое обозрение всеобщей истории» (157 страниц), фрагменты из «Энеиды» Вергилия и «Готики» Иордана, можно считать ученическими, но нельзя не учитывать при общей оценке личности нашего подвижника.

Время от времени Венелин вел частный дневник, где есть страницы, посвященные его путешествию в Бессарабию и московским встречам. Большой документальный интерес представляет его официальная и личная переписка с президен-

том Российской Академии А. С. Шишковым, библиотекарем Академии П. И. Соколовым, деятелями болгарского возрождения В. Е. Априловым и П. Палаузовым, с такими русскими учеными и писателями, как М. П. Погодин, И. И. Срезневский, С. Т. Аксаков, а также лицами духовного звания²⁰.

Методологические и исторические проблемы

Венелину мало было пробудить интерес к истокам славянства и Руси, он имел честолюбивые амбиции написать подлинную историю русского народа с учетом его юго-восточной части, создать основы дакийской археологии, открыть новую эпоху в этнографии и истории Европы. В своих публикациях он время от времени делает обобщающие выводы и формулирует свою методологию изучения истории. Венелин объявляет «всеобщую войну» (*sic!*) за очищение древней истории славянских племен от клеветы и лживых наслоений поздних комментаторов.

Венелин полагал, что исследователь древностей должен опираться не только на критическую литературу, но на целый комплекс источников: местные и иностранные летописи, археологические памятники, надписи и изображения на них, старинные монеты, народные песни и предания, а также старинные грамоты, сохранившие особенности языковых канонных разных веков.

Основатель российского славяноведения критикует «теореманство», то есть исторический схематизм, упрощенно трактующий сложные мировые процессы и приводящий к таким доктринам, как тевтономания, татаромания, монголономания и т.п. Синхронистическому и механическому методу изложения истории он противопоставляет органический взгляд на народ как живое целое. Здесь чувствуется опыт врача, исходящего из биологических основ познания мира.

Венелин последовательно выступает против теории переселения различных славян в Европу и защищает автохтонность наших предков-старожилов. Хорошо зная географию античности и Раннего средневековья, он предупреждал об опасности

историко-оптического обмана топографической номенклатуры. «Исчезновение имени с ланскарты не должно быть принято за вещественное исчезание народа»²². По мнению Венелина, наши предки слыли, то есть назывались, в давние времена не только «россами», но также роксаланами, антами, венедами, сарматами и скифами.

Наш историк исходил из диалектического единства славян как многообразной семьи народов и племен. Славяне – это единый род, а отдельные племена (россы, чехи, ляхи, сербы, словенецы) – это частные виды²³.

Россы, или русь заморская, поселившиеся в восточной Европе на великом речном пути «из варяг в греки», стали главной частью великого народа, «держашего одною рукою Понт, а другою Балт». Отчего и обширная эта земля прозвалась Русью²⁴.

Вслед за своим предшественником и земляком И. С. Орлаем ученый отстаивает мнение о племенном единстве населения Карпат и Галиции с русью, об общности их языка и древней литературы.

Большое значение Венелин придавал доказательству соответствия имен Русь и Скифия. Он указывает на общность территории двух этих земель, на схожесть антропологических типов (скифы были светловолосыми и голубоглазыми), а в дополнение к этому приводит цитаты из средневековых авторов: Никиты Хонийского о «руси, которую и скифами именуют» и Льва Диакона о «тавроскифах, на их языке россами называемых». Автор утверждает, что скифы накануне первого Вселенского Собора в IV веке уже имели христианскую Церковь и послали в Nikeю своего епископа, подписавшегося под именем Ros (ρωσ). Потому и крещение князя Владимира с дружиной состоялось в 862 году от Р.Х не в Киеве, а в Херсонесе. По этой же причине Анна Комнина (Anna Comnina) называет Изяслава Киевского и Олега Тмутараканского скифами, а галичских князей именует Тавроскифскими²⁵.

Венелин рассматривал Южную Русь и Северную Русь как две части единого целого. При этом он высоко оценивал

роль Южной Руси в духовном образовании всего российского мира. По культурно-просветительскому влиянию он сравнивает Петра Могилу с Петром Великим. Вместе с тем он как никто другой четко показывает влияние Винетской, Волынской и Арконской республик (для многих его современников вообще неизвестных) на вечевой строй Новгородской Руси.

В специальной работе «О споре между южанами и северянами насчет их россизма» Венелин подробно и не без юмора излагает тонкости этой актуальной по сей день полемики, где достается и «москалям», и «хохлам». Он доказывает, что попытка любой из сторон присвоить только себе исконное имя «рус» или «росс» исторически неоправданна, ибо оно по сути общее для обеих. Производные имена: «русин», «русак», «русский», «русский», «россиянин» восходят к одному и тому же корню. Россов, расселившихся на Восточно-Европейской равнине, стали называть «москалями» на Западе тогда, когда Москва (Moskovia) возвысилась над другими княжествами всея Руси и стала проводить великодержавную политику. Примерно в это же время получает распространение имя «Украина», чтобы обозначить им земли южных русов и казаков, попавших под власть польских и литовских шляхтичей. Сам Венелин везде пишет по-русски «Украина», «украинские казаки», «Кіев» и даже «Мало-Россия», имея в виду часть единой Руси-России, а не две разные страны²⁶.

Надо учесть также, что Венелин писал о славянах тогда, когда в границы Российской империи входила не только Малороссия и Белая Русь, но и значительная часть Польши, т.е. для него запад Руси был не за границей, а частью большой Родины.

Он все время полемизирует с норманистом Карамзиным, чья «История государства Российского» (1816–1829) выходила в годы формирования нашего славянофила как исследователя. Среди независимых суждений Венелина был вызов монистическому методу Карамзина: «Нам после истории государства Российского нужна еще и история русского народа»²⁷. Жаль, что при этом он не использовал выдающийся труд В. Н. Татищева «История Российская с древнейших времен».

Страстно критикуя норманскую школу во всех ее проявлениях, Венелин в своих суждениях порой выходил за рамки научного стиля и позволял себе слишком категоричные выражения. Они напоминают нам о нынешней горячей полемике по национальному вопросу, доходящей порой и до драки.

Как выиграла бы историческая наука, если бы она поменьше внимания обращала на частные дискуссии, с выяснением личных, религиозных и политических амбиций, а больше занималась объективным изучением наследия предшественников! Тогда бы не пришлось через десятки и даже сотни лет снова «открывать велосипед».

Возьмем для примера венедскую проблему, ключевую для понимания этногенеза западных славян, не раз будоражившую умы российских ученых. Северным венедом уже после Ю. Венелина посвятил свою замечательную публикацию (1854–1855) А. Гильфердинг, также скончавшийся в молодом возрасте. Его почти забытая книга «История балтийских славян» была переиздана лишь десять лет назад, да и то не полностью, репринтом плохого качества и небольшим тиражом. Подробный словарь славянских урочищ на территории Европы под названием «Славянский мир» (1885) опубликовал в Варшаве А. Ф. Риттих, обрусевший немец. Особое место «запутанному и трудному вопросу» славянского этногенеза уделил П. Милюков в первом томе своих «Очерков по истории русской культуры» (1896), позже переиздававшихся в парижской эмиграции и лишь совсем недавно напечатанных в посткоммунистической России.

В советское время внимание к венедом резко уменьшилось даже у археологов-славистов. В сталинский период краткие сведения о венедах встречаются в трудах академика Н. С. Державина, но вскоре после публикации они были изъяты из библиотек и упрятаны в спецхраны. В послевоенные годы венедскую проблему мимоходом упоминали такие специалисты, как Б. А. Рыбаков, В. В. Седов, А. Г. Кузьмин, со ссылками на античных и средневековых авторов. А когда интерес к этногенезу славяно-русов снова начал пробуждаться-

ся, Г. Г. Литаврин и Л. А. Гиндин потратили немало усилий для доказательства того, что «идентификация славян с частью венетов у Иордана, хотя и прочно вошла в научный оборот, не имеет ничего общего с реальной историей»²⁸. В этом же критическом ключе написан очерк профессионального историка и публициста А. М. Иванова «История венетов»²⁹.

Реальная история! Образ прошлого, настоящего и будущего мира – вот за что всегда велась борьба. На Западе она принимала не менее острые формы, чем в России. Полемика между польской и немецкой школой археологии в лице Ю. Костржевского и Б. фон Рихтхофена, дискуссия среди антропологов, начатая шведом А. Ретциусом, немецкая пропаганда концепции «индогерманской расы» археолога Г. Коссины, критика южнославянских теорий со стороны чеха Л. Нидерле, борьба с идеологией «иллиризма» со стороны словенцев, желавших независимости от Югославии. Эти и другие споры на исторические, этнические, расовые темы отражали интересы различных наций и политических сил.

В этом сложном идеологическом контексте в 1988 году появился совместный труд «Венеты: наши далекие предки» трех словенских авторов, М. Бора, Й. Шавли и И. Томажича, который был переведен на основные европейские языки и вызвал международную дискуссию. Авторы подробно, каждый со своей точки зрения, развивали ту линию, которую четко обозначил еще в первой половине XIX века в книге «Древние словене» Ю. Венелин, хотя они даже не подозревали о ее существовании. В Словении и до упомянутой тройцы были ученые, углублявшиеся в славянские древности: Д. Жункович, Л. Вербовчек, Д. Терстеняк, Б. Графенауэр, Ф. Кос, чье наследие наряду с западным было актуализировано, а вот русские ученые остались за пределами заслуженного внимания.

Встреча двух научных школ – славяноведения и венетологии – состоялась в Любляне в 2001 году на международной конференции «Венеты в этногенезе жителей центральной Европы», куда автор этих строк помимо доклада привез свою монографию «Венеты: предки славян» (М., 2000). Она была из-

дана сразу на двух языках обществом «Др. Франц Прешерн», а вскоре увидела свет и на сербском языке в Белграде.

Продолжением просветительской работы в данном направлении стало издание в России фундаментальных исследований Й. Шавли «Венеты: наши давние предки» (М., 2003) и М. Бора и И. Томажича – «Венеты и этруски у истоков европейской цивилизации» (СПб., 2008). По своему замыслу они близки к трудам Венелина. Словенских коллег тоже вдохновила борьба с антиславянской школой археологии и доведенной до абсурда теорией «переселения народов». Они изучили древнейшую историю Норика и Карантании, местную топонимию, мифологию, народные обычаи, и особенно внимательно – венетское и этруское письмо, уходящее своими тысячелетними корнями в дохристианскую эпоху.

Важным результатом наших усилий стало издание книги Ю. И. Венелина «Древние и нынешние словене» в Любляне на словенском языке. Это подтвердило высокое значение российской науки и ее традиционные приоритеты. Доброе имя нашего автора получило международную славу, а его дело получило творческое развитие в условиях современной европейской интеграции.

Общая оценка личности Ю. И. Венелина и его трудов

Труды Венелина трудно объективно оценить без понимания особенностей его личности, его душевного и интеллектуального склада. Почему выдающийся историк и языковед не смог убедить оппонентов в правоте своих доводов? Почему основатель отечественного славяноведения и автор первой университетской программы по преподаванию славистики до сих пор общепризнан лишь как болгаровед? Почему некоторые ученики и последователи Венелина более знамениты, чем сам учитель? Постараемся ответить на эти вопросы.

От рождения карпато-росс получил романтическую, весьма чувствительную и эмоциональную натуру. Он был очень любознательным, впечатлительным и вспыльчивым.

Из-за какой-нибудь научной проблемы Юрий Иванович мог потерять сон на несколько дней или «сходить с ума» от смысловой ошибки в летописях. Вместе с тем Венелин был внутренне дисциплинирован и очень трудолюбив. Он проводил дни и ночи в библиотеках за чтением книг, получая глубокое наслаждение от работы со старинными фолиантами. Будучи весьма тщательным и доскональным в научных исследованиях, он проявлял себя как истинный эрудит, энциклопедист, фонтанирующий любопытными фактами, цитатами и сравнениями.

Вместе с тем крайняя педантичность и скрупулезность приводили к тому, что исследователь порой тонул в бескрайнем море исторических событий и фактов. Его тексты иногда напоминают коллекцию из цитат. Увлечшись какой-нибудь темой, Юрий Иванович погружался в нее с головой, однако не всегда доводил до логического конца. Случалось, бросал работу, написав ее лишь наполовину, – многие его рукописи остались незавершенными или неопубликованными.

Литературный стиль Венелина – смесь строгого академизма и романтического полета, где есть место для научных аргументов, доброй иронии, гоголевского юмора и поэтических сравнений. По описанию Дуная в очерке «Об обрах, их царстве и его пределах» видно, что Венелин обладал даром художественной речи³⁰.

Иногда автор отвлекается от основной темы исследования, становится не в меру многоречивым, доходит до категоричных, дерзких и задиристых выражений. Горячий полемист нелицеприятно критикует современных ему собратьев по цеху – Карамзина, Полевого, Шафарика.

Будучи тонким дипломатом, Венелин рассыпался в вежливости и комплиментах по отношению к своим покровителям из дворянского сословия. Однако он не стеснялся по-барски называть простой народ «черню», считал его темным, ленивым, достойным постоянного понукания.

Имея с молодых лет слабое здоровье и обостренную чувственность, доходящую до нервозности, Венелин страдал от

одинокости. Он искренне искал среди современников дружбы, которую почитал одной из величайших ценностей человеческого бытия. Наиболее близок ему был историк М. П. Погодин, в котором он видел доброго приятеля и человека «умного из умнейших», хотя тот не отвечал романтику полной взаимностью.

Несмотря на выдающиеся научные труды, заслуживающие серьезного внимания и полноценного издания, Венелин был холодно принят академическим сообществом столицы и не сразу стал авторитетом славяноведения. В русине, приехавшем из Закарпатья, ведущие специалисты того времени видели лишь одаренного провинциала и дилетанта, который со временем может составить им конкуренцию.

Погодин, хотя и сочувствовал Венелину и морально помог ему на этапе подготовки первой книги, в целом отнесся к нему высокомерно. Академик считал, что Венелин слишком сильно увлекается, многое дает безотчетно, в виде догадок и гипотез. «Он задумал совершить революцию в истории средних веков. Войско у него прекрасное, но построено оно плохо»³¹, – пошутил как-то о своем приятеле Погодин.

Книга «Древние и нынешние болгары» была воспринята читающей публикой весьма противоречиво. Многие находили ее занимательной, полезной, актуальной. Она быстро разошлась по библиотекам и вскоре была переведена на немецкий язык профессором Рейцем. В то же время въедливые специалисты воспользовались случаем, чтобы пожурить и поучить начинающего историка. Плодовитый автор Н. А. Полевой, чья 6-томная «История русского народа» как раз выходила в те годы, написал резко отрицательный отклик на первую книгу Венелина. Другой профессиональный историк, член-корреспондент Санкт-Петербургской Академии наук чех П. Шафарик, в своей знаменитой монографии «Славянские древности» опроверг некоторые выводы русина и оценил их как порождение страсти «к новосказаниям и особенным понятиям о народной чести и славе»³².

Возможно, именно поэтому Российская академия отказалась печатать тщательно составленную Венелиным грам-

матику болгарского языка, а начальство Московского университета не утвердило его в качестве заведующего кафедрой славянской филологии. В научно-археологическую командировку по северным и западным землям славян направили не автора «Окружных жителей Балтийского моря», а его коллег: сначала молодого О. М. Бодянского (в 1837–1842 годах), а затем более опытного, обстоятельного, но имевшего узкую филологическую специализацию И. И. Срезневского (в 1839–1842 годах).

Истинное значение Венелина при жизни хорошо понимал только его любимый брат Иван Молнар, оценивший его подвиг следующими словами: «Венелин принадлежал к тем, которые за честь славянскую готовы на самопожертвования, – это есть необходимое следствие любви бескорыстной, убеждение святого... Он заговорил о славянском мире, о некогда могущественном народе болгарском, о славянизме русов. Он заговорил или о тех предметах, о которых Запад ничего не знает, или говорил так, как не говорят на Западе. Этого было довольно, чтобы явились многие охотники затопать его в грязь, но сделать это не так легко, как думают некоторые: стремление к истине всегда находит одобрение и рано или поздно получает мзду свою»³³.

После смерти Венелина в 1839 году его наследие стало предметом изучения узкого круга специалистов. Помимо двоюродного брата лишь П. А. Безсонов занялся серьезно его архивом, издал упомянутый сборник болгарских песен, написал очерк «Некоторые черты путешествия Ю. И. Венелина в Болгарию» и составил обзорную статью, которая была помещена в виде предисловия ко второму изданию книги «Древние болгары» (1856). В этом пафосном исследовании Безсонов дал свою оценку творчеству выдающегося слависта. Помимо многих биографических деталей он подметил главное: исследования Венелина «разрывают узкие требования книги и кабинетной учености, выводя нас на простор животрепещущей действительности»³⁴.

Первой в России книгой о научном наследии основателя отечественного славяноведения стала монография Ф. Л. Мо-

рошкина «О трудах Венелина по славянской истории» (СПб., 1842). Он был последователем нашего карпатского русина и с учетом его открытий одновременно написал свой собственный труд «Историко-критические исследования о русах и славянах», изданный в том же году.

В Болгарии влияние Венелина привело к появлению целой плеяды молодых патриотов, воспитанных на его наследии, во главе с В. Априловым («Денница новоболгарского образования», Одесса, 1841) и Н. Палаузовым («Жизнеописание на Ю. И. Венелина», Одесса, 1851)³⁵.

Когда умер Иван Иванович Молнар и бумаги Венелина были переданы в 1874 году Императорскому Обществу истории и древностей Российских, то они сначала попали к секретарю Бодянскому, а потом (1877) в библиотеку Общества. После тщательной описи полученного архива некоторых рукописей Венелина, упомянутых в приложении к изданию 1841 года, не оказалось на месте. Так, Е. И. Соколов, подробно описавший его бумаги, замечает, что среди них не оказалось упоминавшегося в одном из писем «Хроникона» Акрополита, переписанного историком во время работы в библиотеке Бухареста.

В конце XIX века в северной столице Российской империи вышла монография П. Бочкова «Венелин» (СПб., 1890), подтвердившая устойчивый интерес научной общественности к нашему автору.

Дополнительным стимулом для исследования трудов Ю. И. Венелина стал его 100-летний юбилей в 1902 году, вызвавший серию публикаций в Болгарии и России. В Софии празднование круглой годовщины прошло весьма торжественно. К юбилею вышли памятные очерки В. Николова, В. Златарского, М. Попруженко. Их идеи позже развивали в своих трудах Р. Чолаков (1916), Й. Илиев (1939), П. Динековъ (1942) и другие. В России этот юбилей был отмечен выходом книги П. Г. Розанова «Памяти доктора Юрия Ивановича Венелина. 1802–1902» (М., 1902)³⁶.

В самом начале XX века видный ученый Львовского университета И. С. Свенцицкий опубликовал несколько небольших

статей из архива Венелина в составе своего фундаментального труда «Материалы по истории возрождения Карпатской Руси» (т. 1–2, Львів, 1906–1909). Они касались частных проблем краеведения и этнографии («О песнолюбии славян закарпатских», «Карпато-русские пословицы», «Мадьярские слова, взятые из русского языка», «Несколько слов о россиянах венгерских» и др.) и сыграли положительную роль в поддержании интереса к творчеству нашего автора у местных патриотов.

Новые авторитеты славистики в Санкт-Петербурге и Москве, не знавшие Венелина лично и для коих он был лишь одним из деятелей прошлого, особенно не углублялись в его труды и при их оценке выражения выбирать не старались.

Академик И. В. Ягич, автор хрестоматийной «Истории славянской филологии» (1910), в своем энциклопедическом обзоре разнес нашего русина как нерадивого школьника. Упомянув известные факты из его биографии, Ягич назвал Венелина «продуктом и даже жертвой романтического увлечения». Его «сумбурные взгляды» и труды, в которых острый на язык хорват видел лишь авторское честолюбие и «любование опасной игрой в гипотезы», для науки якобы «оказались почти совсем не нужными, пропали бесследно»³⁷. Эти слова – явная клевета и какой-то зловещий приговор, а не объективная характеристика Венелина.

Еще более далек от правды биографический очерк Юрия Венелина, опубликованный в популярной дореволюционной энциклопедии Брокгауза и Эфрона, подписанный инициалами «И. Л.» (вероятно, это И. Лучицкий). Здесь автор нагромождает одно абсурдное соображение на другое. Вычитав откуда-то заголовки отдельных трудов Юрия Венелина, рецензент делает неверный вывод, что «последние годы своей жизни Венелин посвятил научно-литературной деятельности, отданной почти исключительно Болгарии»; мол, «в России их вовсе не ценят, между тем как в Болгарии они считаются чуть ли не народной святыней». Имя Венелина, по ложному мнению автора справочной статьи, стало «символом исторических фантазий», ибо он якобы был человек, «увлекавшийся красивыми гипотезами,

и его исторические сочинения больше напоминают роман, чем научное исследование»³⁸. Совершенно ясно, что «И. Л.» не читал труды Венелина, ибо даже наиболее популярные из них написаны в академической манере, с цитатами на древних и новых языках, которые ныне понять могут лишь специалисты.

Неудивительно, что после таких ложных оценок наш автор надолго приобрел в официальной славистике статус *persona non grata*. То тут, то там появлялись отдельные исследования о Венелине, специалисты описывали и комментировали его архив, но всеобщего признания и академического издания его сочинений так и не последовало.

В первые годы советской власти, когда был уничтожен Институт славяноведения в Ленинграде, а его сотрудники репрессированы по обвинению в «фашистском заговоре», об издании трудов Венелина в России не могло быть и речи. В опале оказались даже такие видные ученые, как Н. С. Трубецкой, В. И. Вернадский, М. С. Грушевский. Н. С. Державину, автору книги «Происхождение русского народа» (1944), удалось сохранить свои позиции благодаря тому, что он поддерживал личную дружбу с академиком Н. Я. Марром, главным авторитетом советской лингвистики той эпохи, а также из-за вторжения в СССР настоящих фашистов и нацистов³⁹.

Первым в Советском Союзе фундаментальным исследователем биографии и творчества Ю. Венелина стала Тамара Байцура, выпустившая в 1968 году обстоятельную монографию «Юрий Иванович Венелин». Она была написана в результате многолетней работы в главных библиотеках и архивах страны, в частности в рукописном отделе Государственной библиотеки имени В. И. Ленина (бывшей Румянцевской). Однако впервые опубликовало ее в переводе на украинский язык Словацкое Педагогическое Издательство в Братиславе (бывшая Чехословакия). Тамара Байцура досконально исследовала не только печатные труды Венелина и широко доступную научную литературу о нем, но даже рукописи неопубликованных сочинений, что выгодно отличает ее научный труд от вторичных и недостоверных статей плагиаторов. Изучив наследие

карпато-русской интеллигенции XIX века как единое целое, в лице таких ее представителей как: И. С. Орлай, П. Д. Лодий, М. А. Балугьянский, В. Г. Кукольник и, разумеется, Венелин, она смогла увидеть достижения и приоритеты отечественной школы славистики в контексте европейской науки⁴⁰.

Устойчивое внимание к наследию Венелина проявили его земляки с Западной Украины. В 1989 году, к столетию со дня смерти выдающегося карпатского русина, в Ужгороде был издан сборник «Венелін Ю. І. і розвиток міжслов'янських взаємозв'язків» и, что еще более важно, «Бібліографічний покажчик» объемом 83 страницы. Вскоре там же была организована международная научная конференция «Ю. І. Гуца-Венелін і слов'янський світ», материалы которой были изданы в 1992 году. Доброе имя нашего русина было снова поднято на должную высоту, и труды его – пусть даже в старых изданиях – вновь стали предметом изучения и вдохновения.

В условиях национального подъема на Украине в конце XX века у некоторых местных авторов возникло желание истолковать личность Венелина как исключительно «украинского исследователя». При этом в качестве главных аргументов упоминаются его происхождение, то есть фамилия и имя (Георгий Гуца), полученные от родителей, а также годы юности, проведенные в Ужгороде и Львове. Это по-человечески понятное стремление нынешних украинцев увидеть в Венелине прежде всего своего земляка в конце концов приводит их к неверным выводам. А отмахиваться от необоснованных попыток «украинизировать» нашего автора нельзя, ибо за дискуссией о национальной принадлежности Венелина стоит вопрос о происхождении и сущности Руси-Украины как таковой⁴¹.

Прежде всего напомним, что малая родина Георгия Гуцы, как бы ее ни называли: Закарпатьем, Карпатской Русью или Угрией, с XI по XX век, то есть почти тысячу лет (!), находилась под властью венгров. Юридически она входила в состав Венгрии, Австрийской империи, буржуазной Чехословакии и стала частью Украины (точнее УССР) только в 1945 году. Сам Венелин никогда не считал и не называл себя «украинцем». Он

был «карпато-рус по рождению», а по делу всей своей жизни был русистом и панславистом.

Русов Закарпатья наш историк считал частью единого русского народа, разделенного волей истории на две большие части – северную и южную, или так называемых великороссов и малороссов. Сложившаяся за столетия разница в манере речи южан и северян привела не к возникновению нового языка, а к формированию двух основных наречий, южного и северного. В одной из своих работ Венелин говорит даже не о двух, а о трех основных русских говорах – «великорусском, малорусском и карпато-русском наречии». В любом случае, речь идет об очень близких формах языка одного корня, и сами украинцы называют свою родную речь «мовой», что значит «молва», «говор».

Все без исключения авторские труды Венелина, его документы и письма написаны и опубликованы по-русски, разумеется, по современным ему правилам. Конспекты по-латыни и на прочих иностранных языках – это признак учености, а не иной национальности. Украинская тематика у Венелина присутствует наряду с другими славянскими темами, а не самостоятельно. Она всегда рассматривается с антизападной точки зрения: Венелин критикует латинизированное «украинское правописание», с восторгом описывает войну православных казаков против поляков-католиков, превозносит гетмана Богдана Хмельницкого за то, что тот «повернул великую машину, действовавшую на Западе, к России, тем, что он покорился Алексею Михайловичу; это дало новое направление делам всего славянского мира, и даже всей Европы».

В личной переписке с друзьями Венелин неоднократно высказывает свою душевную привязанность к «величавой Москве», или «Москве-матушке», как он ее нежно называет. Во время длительного путешествия на Балканы он пишет, что «скучает по ней, как любовник по невесте», и даже называет себя «москалем». Одновременно карпатский уроженец называет Харьков «Москвой Малороссии» и «столицей Украины». Это искреннее москвофильство было обусловле-

но не только величайшим расцветом культуры Российской империи в золотой век ее дворянства, но также православной историософией. Она была обоснована, в частности, в неоднократно упоминаемой Венелиным «Истории славяно-болгарской» Паисия Хилендарского. Монах и просветитель, основоположник болгарского национального возрождения XVIII века считал, что московская земля была изначально освоена Мосхосом (сыном легендарного Яфета) от коего была прежде названа Москва-река⁴².

Одним словом, не может быть сомнения в том, что Юрий Иванович Венелин был русским человеком по духу, языку и убеждениям. Этот очевидный факт засвидетельствован с большим пафосом в прощальном некрологе Венелина, написанном его любимым братом: «Он пришел к нам от наших русских, западных братий, один, на чуждую для себя сторону, не как иноземец, ищущий хлеба, но как бескорыстный деятель на поприще русской науки; пришел полный своей славянской, родной жизни, и воспоминания о ней никогда его не оставляли». Он пришел в Москву с пятью рублями в кармане, а оставил после себя бесценное наследство, «которым может истинно гордиться русская народная история как в наше, так и во всякое время, пока будет существовать русский народ и русское народное чувство»⁴³.

Надо также учитывать международное влияние Венелина, которое выходит за рамки русско-болгарских отношений. Ведь он был одним из тех просветителей, кто подготовил революционный 1848-й год, принесший пробуждение славянскому миру, а потому названный историками «весной народов». В Праге состоялся исторический конгресс, собравший около 300 делегатов из братских стран, за которым последовал большой съезд в Москве (1867) и новая волна славянофильства. Однако эти яркие события истории разворачивались уже без участия Венелина, столь много сделавшего для их подготовки.

Первой ласточкой признания заслуг Венелина в посткоммунистической России XXI века стала публикация его объемного автографа «О происхождении славян вообще и россос в

особенности». По содержанию и общей композиции это своего рода итог или конспект предыдущих исследований историка. Здесь стиль автора более ровный, упорядоченный и логичный. Поэтому работа была помещена в самом начале тематического сборника «Антинорманизм» (№ 156, Москва, 2003), которое издает возрожденное Русское историческое общество. Автор публикации и предисловия Ю. В. Колиненко делает необходимые комментарии и дает общую положительную оценку Венелина. Она ставит его в один ряд с такими современными ему идеологами славянофильства, как Шафарик, Ганка, Караджич, и обращает внимание на существование ряда последователей Венелина. «Несмотря на короткую жизнь (всего 37 лет) его концепции настолько были важны и пришлись вовремя (да и написаны были с редким критическим чувством), что можно говорить о целой школе его учеников, *школе Венелина* – к которой принадлежали М. Морошкин, Н. В. Савельев-Ростиславич, А. Ф. Вельтман»⁴⁴. К этому списку мы можем добавить Константина и Ивана Аксаковых, А. С. Хомякова, И. М. Бодянского, П. А. Безсонова, А. Д. Черткова, Д. И. Иловайского, а также упомянутых деятелей болгарского возрождения, ибо последователи не обязаны повторять слово в слово воспринятый ими опыт. В конечном счете более важен общий дух, общее направление мысли и дела.

Конечно, у Венелина помимо бесспорных открытий есть гипотезы, требующие дополнительной проработки, есть натяжки и неточности, есть даже ошибки. Однако его положительный вклад в науку несоизмеримо больше, чем обсуждаемые критиками недостатки. Он навсегда вошел в историю как выдающийся пионер славяноведения.

О первом издании избранных трудов Венелина

Идея переиздать труды Ю. И. Венелина появилась уже в ходе ознакомления с ними, ведь их научная ценность очевидна. Однако замысел опубликовать собрание избранных сочинений историка созрел не сразу.

Первым делом мы выпустили в свет упомянутый выше репринт книги Венелина «Древние и нынешние словене» (2004). Основной авторский текст был скопирован с издания 1841 года, подготовленного к печати И. И. Молнаром, то есть наиболее полной версии (расширенной, начиная со страницы 241). Книга вызвала большой интерес у славянофилов, а наше предисловие к ней с биографией автора было размещено на многих интернет-ресурсах.

Высокую оценку она получила у современных подвижников русинского возрождения. Один из активистов этого движения Михаил Дронов поместил на страницах газеты «Народны новинки. Культурно-сплоченьський тыжденик русинів СР» (р. XIV, ч. 50–51, 15.12.2004) положительную рецензию под названием «Нове перевыдання Венеліна в Москві».

Затем мы опубликовали вторую часть очерка «Окружные жители Балтийского моря» (2006). Она была отпечатана мини-тиражом в качестве приложения к журналу «Атеней», однако была замечена специалистами и тоже получила положительный отклик.

В 2009 году монография была переведена с нашего издания на словенский язык и издана в Любляне в издательстве Петра Амалетти со знаменитой картой Дунайского мира: Jurij Venelin. Starodavni in danasnji Slovenci (331 p.). Автор предисловия Андрей Шишко (Andrej Shishko), разбирая и комментируя исследование автора XIX века, восклицает: эту книгу словенцы ждали 168 лет!⁴⁵ Новейший перевод классика славяноведения уже вызвал неподдельный интерес у научной общественности и способствует дальнейшему развитию регионоведения⁴⁶.

Наконец, стали появляться репринтные интернет-публикации дореволюционных книг Ю. Венелина в формате PDF и DJVU. Они стимулировали наши исследования и значительно ускорили продвижение к намеченной цели.

При подготовке собрания сочинений к печати нам пришлось решать немало научно-технических проблем. Выбор содержания определялся двумя основными факторами: доступностью текста и его соответствием тематике нашего сборника по

истокам Руси и славянства. По понятным причинам в первую очередь мы решили переиздать те труды Венелина, что уже были опубликованы, – работа в архивах с рукописями требует большого времени и привлечения специалистов-текстологов.

Порядок подачи авторских материалов в целом соответствует истории их появления в свет, то есть открывают сборник большие книги Венелина, впервые изданные Московским университетом в 1829 и 1841 годах, а завершают – статьи, публиковавшиеся в «Чтениях Императорского Общества истории и древностей Российских» с 1842 по 1848 годы. Исключение сделано для небольших очерков, имеющих методологический характер; их мы поместили в качестве авторского предисловия и послесловия.

При внимательной вычитке сборника были обнаружены небольшие повторы мыслей и фактов в работах разных лет, которые мы, однако, оставили, не желая деформировать авторский текст.

Язык автора начала XIX века имеет свою специфику, как по общему стилю, так и по правилам написания. Не изменяя сам текст, мы при наборе и редактировании лишь следовали новой, послереволюционной орфографии. Авторскую пунктуацию мы не меняли, сделав исключение лишь для некоторых фраз, где вместо смысловых точек многократно следует знак точка с запятой, отчего получаются многосложные предложения длиной в абзац. Также приведено в соответствие с современной орфографией написание слов со строчных либо прописных букв.

Вся иностранная терминология – на старославянском, древнегреческом, латыни, немецком и французском языках – сохранена. Однако длинные цитаты даются только в переводе, без авторского дублирования текста на языке источника.

Благодарности

В ходе творческой работы составителю настоящего издания была оказана существенная поддержка рядом лиц, имена которых стоит здесь упомянуть.

Прежде всего, хочется поблагодарить за поддержку в публикации избранных трудов Ю. И. Венелина нашего современника и подвижника, выдающегося историка и издателя энциклопедии «Святая Русь» в 30 томах, а также трудов классиков русской мысли Олега Анатольевича Платонова. В замечательной серии «Русская цивилизация» он уже выпустил более 50 книг, среди которых – переизданные труды славянофилов А. С. Хомякова, И. С. Аксакова, А. Ф. Гильфердинга, Н. Я. Данилевского, И. В. Киреевского, Ю. Ф. Самарина, А. И. Кошелева, Д. А. Валуева, И. Д. Беляева, В. Н. Лешкова, П. А. Безсонова, В. И. Ламанского и других. Наше издание дополняет этот почетный ряд.

Составителя настоящего издания первым «навел на след» академик А. Г. Кифишин, указавший, что во втором томе «Древних болгар» (sic!) Ю. Венелина имеется редкая выписка из «Ономастикона» XVIII века со списком богов древних славян, а также ценная библиография по славянским древностям.

Вторым человеком, настоявшим на продолжении исследования трудов Венелина, был Богуслав Волков. Он помог составителю копировать книги автора в Исторической библиотеке г. Москвы, а затем сканировать и обрабатывать для репринта тексты монографии «Древние и нынешние словене».

Особую благодарность хотелось бы выразить Юсту Ругелу, который сразу понял значение личности Ю. И. Венелина и его трудов. Общество «Франце Прешерн», возглавляемое нашим другом из Словении, издало в Москве несколько книг, посвященных древней культуре славян, в том числе перечисленные выше труды М. Бора, И. Томажича и Й. Шавли, а также монографию «Венеты: предки славян», принадлежащую перу автора этих строк.

Милан Смолей, проживающий в Финляндии, не только перевел эту монографию на словенский язык, но и организовал первую творческую поездку составителя настоящего издания в братскую Словению. В ходе перевода он консультировал его по истории западного славянства и помог найти в зарубежных библиотеках редкие ныне издания.

Замысел переиздать книгу «Древние словене» поддержал директор Национальной и университетской библиотеки г. Любляны г-н Ленарт Шетинц, предоставивший составителю возможность работать в фонде старинных книг и отделе картографии.

Академик Ю. К. Бегунов, профессиональный текстолог и болгаровед, автор многих ценных исследований и публикаций, итоги которых подведены в его фундаментальной «Истории Руси» (т. 1–3), существенно поддержал работу вдумчивыми рецензиями и рекомендациями.

Тамара Байцура, ныне проживающая в городе Прешев (Словакия), любезно предоставила один экземпляр своей монографии о Юрии Венелине, а также авторские оттиски своих малотиражных брошюр по карпато-русской тематике, которые помогли уточнить многие детали и доработать биографию карпато-росса.

Наш верный друг из Болгарии Антон Радославов Рачев любезно помог набрать текст книги Венелина «Древние и нынешние болгаре», а также прислал в подарок копии редких болгарских публикаций автора.

Помощь в наборе других текстов оказали: Алла Рыжова, Елена Шеломенцева, Алена Пецко, а также моя жена и помощница – Надежда, благодаря которой я ежедневно имею душевную опору и техническую поддержку.

Для меня, как автора предисловия и составителя первого издания избранных трудов Венелина, большая честь и радость внести свою лепту в благородное дело возвращения потомкам наследия Юрия Иванович Венелина – таким, какое оно есть. Умный читатель обязательно найдет чему поучиться у столь талантливого предшественника, даже если обнаружит у него ошибки и неточности: исследователи древностей – редкие и забытые факты, педагоги – историю античного мира и ценные философские размышления, студенты – вдохновляющий пример для подражания, и все мы – живую картину родной старины.

Павел Тулаев

МЫСЛИ ОБ ИСТОРИИ ВООБЩЕ И РУССКОЙ В ЧАСТНОСТИ

Слово *история*, Бог весть с чего взятое, означает описание или изображение; посему *история России* есть то же, что *изображение России*. Таким образом, [вы] напишете историю нынешней России тогда только, когда изобразите ее со всех сторон и во всех ее частях, представите ее на ладони. Дело идет о народе. Так:

1) откройте его отличительные черты от прочих народов, язык, имя;

2) изобразите его *устройство* (organisatio), ибо народ как целое, есть тело органическое; организм этот есть не иное что, как только порядок; порядок же есть единственное условие существования, или жизни *целого*.

Устройство народа состоит из двоякого порядка: а) *внешнего*, или формы устройства, и б) из *внутреннего*, или законов и прав. Вот два условия жизни народа, как целого, из коих первое представляет нам *органы*, или орудия жизни народной, а последнее самую внутреннюю, *жизненную силу*. Оба рода порядка имеют между собою столь тесную связь, что один без другого существовать не может. Изображение всего *первого* на чужом языке называется археологией, археографией (ἀρχαιολογία, ἀρχαιογραφία). Русского названия этой науки нет, ибо ученые, для общего блага, до сих пор думали, что понятнее будет название науки, вымастеренное из какого-либо бусурманского языка, чем русское, и что полезнее для уразумления оногo имени заставить юношу коптеть 7 лет над

эллиническим языком, чем посредством русского слова позволять ему понять то в одну секунду.

Это просто, по-русски, можно перевести *чинопись*, т.е. описание чинов.

Изображение *последнего* есть *πομοῦρῳφια*, *помография*, *законопись*, *δικαιοῦρῳφια*, *dicaeographia*, *правопись*, описание прав и законов, иначе, – *правоведение*, *законоведение*.

Изобразив подробно внутреннее и внешнее устройство народа, т.е. тело как целое, мы уже получаем о нем довольно ясное понятие.

3) Изобразите *душу* народа. В этой статье изобразите: а) характер и нравы; б) умственные способности: 1) всю сферу его сведений касательно Бога, Природы и самого человека; 2) состояние искусств и изделий.

4) Изобразите его, так сказать, *прозябание*: а) все роды напитка, пищи, им употребляемой, образ приготовления и употребления оной; б) все виды, качества и формы одеяний; в) качества и формы жилищ; г) опишите ясно все вещи, употребляемые в общежитии, во-первых, из необходимости, во-вторых, из пользы, в-третьих, для удовольствия; словом, опишите *обзаведение* народа, или *питание*.

5) Получив понятие о теле народа или массы, устройстве оной, душ или духа оной, и образ пропитания оной, вы начертили главные условия, соединение коих составляет полную жизнь народа, совершенно аналогически с теми законами или условиями, какими поддерживается жизнь самого человека.

Единственный признак сей жизни есть *движение*, как в человеке, так и в народе. Может быть, скажете, что человек может жить некоторое время без всякого движения, т.е. что, ничуть не двигаясь, он все живет. Нет, движение хотя и не ощутительно снаружи, но составные частицы его тела движутся безостановочно. И тогда, когда тело человека будет находиться в совершенном, так называемом, покое, дыхание, как условие питания тела, движет большую часть покоящегося тела, а пульс разливает во все уголки оно движущуюся влагу, т.е. питательные соки. Посему самое *питание* тела, само по себе,

есть вечное движение, происходящее в столь строгом порядке, что нельзя ему не удивляться довольно.

Конечно, подобное движение совсем различно от того, которое производит человек, возбужденный от сна и принявшийся за работу. Разница ощутительна; посему, вообще, движение разделить можно на: 1) движение внутреннее, или питания, или существования, или порядка; 2) движение внешнее, или предприятия.

Совершенно подобным образом происходит и в народе. *Внутреннее* движение есть: а) *повиновения*, или *порядка*; это есть непрерывное течение дел государственных, дел управления всего целого во всех больших и малейших его частях; б) *питания*, когда все частицы сего целого *гоняются* за собственным своим пропитанием. *Внешнее* движение, или *предприятия*, суть все те деяния, которые целый народ, или часть оною по воле целого, *предпринимает*; эти-то предприятия суть дела, или деяния народа, почти всегда клонящиеся к своей настоящей или будущей пользе, а иногда и для пользы другого, если этого требует собственная выгода, точно так, как это бывает и с человеком. Дела народа обыкновенно происходят или посредством послов, или посредством армий, или посредством коммерческой компании, караванов; сюда относятся все предприятия для общего удобрения и усовершенствования поля наук, искусств и ремесел, и кое-что еще, тому подобное.

В сем-то последнем (внешнем движении) мы должны понять и изобразить степень *народной деятельности*, от которой единственно зависит его независимость и довольство, т.е. *счастье*.

Итак, в полном изображении народа вы должны очертить и степень его деятельности, и сравнить с делами других. Это весьма нужно знать; ибо эта деятельность не всегда находится на той же точке: иногда бывает сильнее, иногда — слабее, иногда в том, а там в другом отношении. Конечно, только из верного назначения разных оттенков деятельности народа можно начертать верное его жизнеописание, или описание его деяний.

Наконец, б-е: чтобы почувствовать относительное достоинство, деятельность, относительное состояние народа, должно познакомиться с его соседями; ибо нужно знать, какую роль он играет в кругу своих соседей. Это суть те оттенки, которые вполне осветят ваше изображение.

Вот условия, по которым вы должны начертить ясное и живое *изображение*, т.е. *историю* сегодняшней России. Дело огромное, труд утомительный; сколько предметов, сколько понятий, сведений должно войти в состав этой огромной картины! То есть вы должны знать Россию во всех возможных отношениях и подробностях, насквозь и поперек; т.е. ваша голова должна заключать в себе библиотеку всех наук, проистекающих из вышеупомянутых условий.

Из этого выходит, что редкий, очень редкий россиянин может быть живописцем своего отечества; ибо у редкого вся упомянутая библиотека в голове. Мне никто еще не попадался в глаза, коему были известны все подробности состояния России во всех отношениях; разные ее черты и мне еще не известны.

Правда, есть лица, которые находятся на столь выгодных точках, что могут все почти обозреть; однако и многое убегает их взора по той или другой причине. Вообще, живописец должен иметь все возможные пособия и материалы для своей картины, т.е. он должен иметь пред собой готовые и верно срисованные черты порознь для того, чтобы соединить их в одно неразделенное целое. Но это искусство, представить все отдельные черты в единстве, весьма трудно и требует гениального творца; между тем как изобразить порознь, например, состояние медицины, законодательства, торговли, хлебопашества, нравов и прочее может написать всякий.

Но изобразить сих предметов нельзя без частых повторений в одних того, что сказано в других; ибо теснейшая связь находится между медициной и законами, медициной и общежитием, общежитие связано с нравом и духом народным, дух с деятельностью в науках и искусствах, и, вообще, все внешнее движение народа, деятельность с законами, законы с просвещением и религией; словом, всякая черта выходит из

другой и переливается в иную, так что одна другой является причиной и следствием.

Итак, даже изображение или история одного целого, находящегося перед вашими глазами, есть сама по себе утомительнейший труд, ибо, кроме необходимости всех подробных и, вместе, верных сведений, надобно еще владеть редким и отличнейшим искусством живописать или описывать.

Конечно, цель *истории* настоящей России есть та, чтобы познакомить с ней всякого. Верного понятия, верного знакомства нельзя ожидать, как только от верного описания. Для сего нужно снять *копию*, так сказать, с самой природы и представить всю машину ясно, как бы на ладони.

Съемка подобной копии может иметь весьма полезные и благие следствия, ибо скорее и удобнее укажет на недостатки в натуре и подаст повод к исправлению оных. Для сего нужно бы все, что только можно или позволительно выводить наружу.

По-настоящему, надлежало бы всякий год снимать с целой народной массы верную копию и хранить ее в надлежащем порядке; тогда только всякий наблюдатель, обозревая несколько копий, например 10, может усмотреть с копии до копии постепенное перерождение, исправление целого, преобразование или переход, исправление целого, в тех или в других или во всех чертах. Эти только 10 верных копий, или изображений, т.е. история целого, могут составить верную десятилетнюю *историю* государства. Правда, что многое и главное в копии нелегко переменяется, т.е. то, что ныне было и в прошлом году, останется и в будущем и т.д. Однако никогда одна копия не похожа совершенно на другую; разница между ними всегда большая или меньшая, смотря по тому, как нововведения, изменения в общем устройстве и явления народной деятельности происходят чаще и больше. Чем более и ощутительнее разница между копиями, тем более было деятельности и движения к лучшему в государстве; но если эта разница между 10 копиями, первую и десятою, очень малая, то это показывает, что народ в продолжение десятилетия находился в глубокой тишине или так, в летаргическом бездействии; это был бы прямой путь к его ничтожеству,

бедности и слабости. Междоусобие, или внутреннее волнение, раздор между частями, есть совершенно то, что конвульсии в человеке, от коих все тело изнемогает и умирает.

Итак, по этому очень ясно, что значит история народа или государства не только лет 10-ти, но и 500, и 1000 лет; разумеется, столько же верных изображений или копий отечества.

Эти 1000 копий, конечно, составляют 1000 томов, в которых многое повторяется одно и то же; но историк не переписет всех этих копий вполне, но только представит первую полную и, переходя через следующую, заметит только их постепенные различия, не повторяя всего, находящегося в первой. Или историк изображает подробно и ясно все постепенные перемены в своей копии от 2-й до 1000-ой; заметит настоящие причины этих перемен и вместе пускается за их последствиями, которые суть не иное что, как последующие перемены же; или если сих естественных следствий или перемен не последовало, то изобразит те причины или обстоятельства, которые их удержали. Вот поприще для всякого гения. Эта гениальность состоит в том, кто сумеет предмет свой изобразить вернее и живее.

Вообще, гениальных творений из тысячи сочинений подобного рода очень немного, да и те только произведены в одной почти Германии. Впрочем, и в этих кое-где иногда не достает или живости, или верности. Близкие к верной копии сочинения суть плод двух великих условий: а) приготовить верные материалы, открытие и очищение коих стоит утомительных и продолжительных изыскательных трудов; б) владеть в высшей степени искусством описывать короче, яснее и в самом естественном порядке. Тот величайшую сделает услугу науке, кто совершит то и другое. Вот, кажется, верная идея верной или, по крайней мере, близкой к подлиннику истории.

Теперь легко понять, что значит история, или верное *изображение* от древнейших до нынешних времен. Единственная цель этого изображения, этой истории есть чтобы короче *познакомить* нас с прежним бытием народа.

Конечно, мы с удивлением знакомимся со всеми народами, т.е. с удовольствием читаем верное и живое описание

Японии и японцев, или хилийцев. Подобным же образом любопытство наше возбуждается для знакомства не только через отдаленное пространство, но и время; таким же образом другим миром кажется для нас и XIV или XIII столетия, как и Америка или Новая Голландия.

Но если любопытство везде привлекательно относительно к чужим предметам, то, конечно, нет ничего любопытнее и достойнее внимания короткого знакомства со своим отечеством другого мира, другого времени. Кто бы имел столь скотское сердце, чтобы не жаждал знакомства со своими отцами, дедами, предками, с корнем самого себя, с частью самого себя? Не желал бы узнать короче их житье-бытье, кушанье, разговор, одяние, образ мыслей и проч. и проч.? Если так, то взгляните на копии их бытия, если их имеете.

Знакомство будет тем короче, чем живее будет копия; но живость эту не могут сделать самой яркой одни слова, на помощь к ним должны поспешить и искусства, преимущественно живопись, т.е. представить подлинный предмет пред глаза ваши, точно так же как и в натуральной истории, т.е. изображении естественных предметов.

С некоторого времени стали требовать картин или картинных изображений во всеобщей истории. Это значит, что люди, наскучив бессвязностью между предметами или фактами всемирной истории, пожелали видеть в ней какую-либо связь, или, лучше сказать, какой-либо общий смысл. К несчастью, из частей, не имеющих между собой никакой связи, нельзя составить ни смысла, ни картины. Деланы были, преимущественно в Германии, многочисленные опыты всеобщей истории. Старания писателей не стремились уже к тому, чтобы выразить существо во всеобщей истории, но изыскивали способы облегчить ее изучение. Способы эти опять были механические, ибо дело шло только о порядке, в котором бы лучше представить происшествия: одни представляли в таблицах, другие подразделяли по столетиям, третьи на периоды, эпохи и проч., по их умению; наконец, иные подразделяли по языкам, вероисповеданию и проч.

Вообще, нет существенной выгоды из синхронистического изложения истории всех стран, ибо кроме того, что большею частью между событиями разных стран нет никакой связи, те, которые подразделяют свою историю на периоды, при изображении событий всякой страны нить их рассказа постоянно возвращается с конца к началу периода, так что хронология одного и того же периода столько раз повторяется, сколько государств сочинитель предположил себе изобразить. Подобное повторение периода или его годов немало затрудняет учащегося. Я заметил на опыте, что учащийся смешивал летосчисление предшествующей главы с хронологией последующей.

Казалось бы, что сложение нескольких, т.е. нескольких частных историй, в одну книгу должно составить одно целое. Конечно, одну целую книгу, но не историю, в которой все представляется отдельно и независимо одно от другого; например, в IX гл. описываются дела Англии в продолжение полувека, а в X дела Австрии или России. Если хотите знать, как составляется всеобщая история, то вот вам рецепт:

Возьми один том готовой, хорошей истории всякого государства; раздели, вообще, время, *quantum satis* или *ad libitum*, на периоды в 10, 20 или 50 лет; сделай экстракт из каждого первого тома, т.е. схвати одни верхушки, соедини в одно, *miscere ac divide in partes aequales №* столько, т.е. смешай и раздели на столько равных глав, из скольких томов деланы экстракты; *detur, Signetur*, т.е. отпусти и надпиши: *проглотить бедному ученику наизусть по одной экстрактной главе в день.*

К этому присоединяется иногда изустное замечание, чтобы ученик, если экстрактная глава произведет в нем тошноту, сделал из нее извлечение. Таким образом, целый первый том, который представлял связь и смысл исторический, разбивается при помощи всеобщих историй на несколько фактов без связи и смысла.

Теперь возьмите *всеобщую историю* в трех мизерабельных томиках, историю, начинающуюся с Ноева ковчега и оканчивающуюся нашими временами, историю, в коей на 300 или 400 страницах должны находиться истории всех народов

и всех веков! Что вы в ней найдете! – ex omnibus aliquid, ex toto nihil, т.е. из всего кое-что, а вообще ничего.

Прежде так называемые всеобщие истории писывались в 10 томов, ныне другие расчеты. Ныне пишутся они единственно для училищ, для детского обихода, а поэтому в легком объеме.

Нигде столько не было писано всеобщих историй, как в Немечщине, ибо никто столько не прилагал стараний в воспитании юношества, как терпеливые немцы. Нельзя не признаться, что необходимо должно познакомить юношество и с историей других народов; но для достижения этого избрали неудобный синхронистический способ так называемой всеобщей истории, в которой связь событий одного народа прерывается событиями другого.

Но почему бы не составить для юношества краткие отдельные истории других народов? На 30 страницах можно вкратце, ясно и достаточно изобразить весь ход исторических судеб какого-либо государства, или народа. Такие краткие истории должны заключить в себе только общие черты и всячески избегать мелочных событий и должны быть изложены занимательно; тогда ученик восчувствует любопытство обратиться к источникам и объяснить себе подробнее тот или другой оборот в истории какого-либо народа. Поэтому необходимо прилагать краткую роспись лучшим историческим источникам всякой страны или народа. Составители учебных исторических книг тем более не должны упускать это из виду, что никакой ученик не выходит с учебной скамейки знатоком и мудрецом.

Так как краткая история одной страны по своему объему должна избегать частных событий, сопровождавших какой-либо оборот в судьбах народа, а должна заключать в себе только *общие* черты, то она и есть *общая история* известной страны; в противном случае она будет *подробною, пространною*. Таким образом, одно и то же государство имеет двоякую историю, *общую и пространную*, т.е. смотря по ее изложению.

Замечу еще, что общая история имеет то преимущество, что возбуждает в читателе любопытство и рвение к занятию, между тем как синхронистическая утомляет, затрудняет и

поселяет отвращение от занятия. *Общую историю* составлять весьма нелегко, ибо открыть *общие исторические* черты можно только по подробном изучении *пространной истории*. Следственно, читатель легко поймет, скольких трудов должно вынести тому, кто вздумал бы составить и соединить в одной книжке общей истории всех стран и народов!

Теперь спросите, как назвать книгу, заключающую в себе *общие истории* разных государств? *Общими же*, а не *общей*, ибо всякая из них составляет *особенное* целое. *Общая* же история может заключать в себе события *общие*, если не всему человечеству, то, по крайней мере, нескольким странам или народам. Всеобщая история составляется только из общих отдельных историй, т.е. выбираются из них те только черты, которые находятся и у других народов, т.е. которые посему составляют часть одного общего целого.

Но вот еще новый камень преткновения для составителей так называемых всеобщих историй, а именно: *общую* или *всеобщую* историю можно составить тогда только, когда события или так называемые факты *разбракованы*, т.е. следует предварительно определить себя и знать, что такое *общая черта*, что *всеобщая*; какие отношения *общей* черты к событиям, ко времени и сколько может она иметь степеней и т.д.? Я не помню, сделал ли кто из универсальных историков трех образованнейших народов подобные вопросы: кажется, никто. Потому-то именно и видим чрезмерное разногласие в так называемых всеобщих историях относительно к выбору событий: вообще, quot capita, tot sensus, т.е. *сколько голов, столько и голосов*.

Заметим, что есть двоякая категория в изучении какого-либо предмета: аналитическая и синтетическая. *Подробности* так же относятся к *общим* чертам, как и анализ (разбор) к синтезу (общему составу). Таким образом, в новейшее время в других науках стали отыскивать и собирать *общие черты*, из коих и составила *общая* наука того или другого предмета; так, например, ныне есть частная, или пространная, есть и общая физика. Равным образом и в медицинских науках есть подробная, есть и общая анатомия, физиология, патология и т.д.

К несчастью, покамест мало думали об общих чертах, о самой общей истории: да и как было приниматься за нее, если никому не приходило в голову изложить *логику* исторической науки, в которой бы было определено значение слов, или родов, например, как мы выше сказали, что такое общая черта, что всеобщая, что частная, второстепенная и проч., или как можно и как нельзя делать исторические изыскания. Когда эта историческая логика была бы всем известна, тогда не было бы такого бесконечного разногласия не только во всеобщих историях, но и в самых исторических изысканиях. Не должно забываться, что большая часть человеческих недоумений и несогласий происходит единственно от того, что каждому слову не определено его известное значение.

Объясню мысль мою двумя, тремя примерами. Общие черты, например, русской истории, как и всякой другой, суть те явления, которые сопровождали народную мысль в продолжение одного или нескольких столетий. Так, например, со времен Владимира Великого до наших времен она разделяется на две черты: уделы и государство. В первом периоде господствовала идея *личной крупной собственности* князей, а в последнем идея *общественной собственности* (*res publica*), т.е. *казенности*. Отыскать первое появление имущества государственно-го и описать постепенное его развитие до новейших перемен значит написать целый том; тогда этот целый том представит развитие одной *общей черты* русской истории. Таким образом, можно и в государственном устройстве найти одну или две общие черты. Начало, изменение, развитие государственной механики тоже может составить том, два; так, например, история Сената в его составе и действиях сама собой представит общую черту другого рода. Так и история просвещения составит опять общее нечто, которое может иметь тоже свои эпохи, свои периоды возрастания и упадка.

Само собой разумеется, что описание какой-либо общей черты требует трудов и изысканий, потому что общая история не так пишется, как подробная или пространная. Сверх сего первая представляет еще ту особенность, что историк только

в верно изображенной общей черте может настоящим образом оценить заслуги какого-либо исторического лица по тому или другому предмету. Так, например, я не знаю, кому больше обязана Россия своим просвещением, *Петру ли Великому* или *Петру Могиле*, Киевскому митрополиту. Имеем свидетельства, что зашедшая Южная Русь (так называемые малороссы) почти исключительно одни долгое время заведовали учеными, большею частью духовными, учебными местами, с самого начала училищности в Северной Руси. Не упоминая о множестве штатных и вольно кочевавших по северу южно-русских учителях, я в этой беглой статье укажу только на трех главнейших великих церковных учителей России, южно-русских уроженцев, иерархов: *Феофана Прокоповича*, *Стефана Яворского* и св. *Димитрия Ростовского*. Под непосредственным влиянием подобных мужей заводились, улучшались по Северной Руси первые школы, разумеется, духовные. Мы не забудем, что под подобной эгидой начал свое учение и незабвенный *Ломоносов*, который первый подал мысль и хлопотал об учреждении Московского университета.

Иные из современных писателей, взявшись судить о ходе просвещения в России, с гордостью указывают на заслуги Московского университета. Каковы бы ни были эти заслуги, оспаривать их нельзя; однако не должно забыть, что Московский университет долгое время не имел бы ни студентов, ни достаточного числа профессоров, если бы до учреждения его не процветали в некотором отношении духовные училища. Всякому известно, что до недавнего времени дворянство не посылало детей своих для самообразования в Университет; ремесленное, купеческое и хлебопашественное сословие не могли этого делать по другим отношениям; таким образом, значительная часть студентов рекрутуема была в духовных училищах.

Кроме этого отношение духовных училищ к Университету было еще и то, что лучше всего, почти единственно, приготавливалось юношество для университетского курса только в духовных училищах. Не забудем, что начало и первое развитие русской литературы принадлежит духовным училищам; не за-

будем, что большая часть мужей, на ученость коих осмелятся указать русские историки, получила образование в духовных училищах; не забудем, что большая часть и нынешних заслуженных по части наук мужей проистекает из духовных училищ. Не стану упоминать о тех лицах, которые унесли свои сведения на поприще службы государственной. И ныне еще светская училищность не в состоянии одна покрывать нужды России, так что и досель преимущественно иерархия доставляет верных служителей и алтарю, и Престолу, и наукам.

Таким образом, начало благодетельного влияния иерархии на все государство, на весь народ должно быть исторически изыскано и развито. Если взять Северную Русь XVI или XVII века и сравнить с Южной Русью, принадлежавшею тогда к ляхо-летто-русской Речи Посполитой, то Южную Русь видим на гораздо высшей степени училищности, чем Северную, ибо тогда как эта последняя едва имела еще Заиконоспасское училище, Южная имела уже три академии – *Львовскую*, *Виленскую* и *Киевскую*, и к этим народным прибавьте еще *Варшавскую* и *Краковскую*. Академии эти стояли более или менее на степени учености, общей тогда всем европейским высшим училищам.

Правда, южнорусские академии не приносили стольких литературных плодов, как другие европейские, ибо Южная Русь имела свои домашние неприятности и угнетения. Несмотря на это, она имела достаточное число образованных лиц, и эта-то масса благотворно действовала на массу северную.

К числу условий учености Южной Руси принадлежало изучение латинской литературы, общей тогда всей Европе. Известно, до какого остервенения доходило на Северной Руси предубеждение против латинизма: все, что отзывалось латынью, в глазах народа отзывалось ересью. По Судебнику Иоанна Васильевича царь, между прочим, обязывался Русь «*оборонити от всех иноверных Басурман и Латин*». По свидетельству одного современника, в царствование кесаря Алексея Михайловича из всего северного дворянства один только боярин *Лукиан Колосов* знал латинский язык; поэтому ему и вверено было управление *Врачебным*, или *Лекарским*, *Приказом*; но,

по свидетельству того же очевидца (Рейтенфельса), это знание латинского языка послужило к его гибели, хотя не сказывает как. Несколько раз кафедра латинского языка в Законоспасском училище была закрываема и открываема. Должно признать, что Южная Русь *лбом, грудью пробивала* на север путь к училищности сквозь толстое, закоснелое предубеждение, нередко с личной опасностью.

Из всех южнорусских академий более прочих действовала на севере Киевская. Известно, однако, что Киевская академия обязана своим воссозданием *Петру Могиле*; из Могилиной школы вышли впоследствии Прокоповичи, Яворские и Димитрии Тупталы.

Как бы то ни было, по крайней мере исторически известно, что просвещение в общем своем объеме во многом вошло в Россию силой Петра Великого, и не из Западной Европы, но из Южной России. Конечно, заслуги Петра Великого неоспоримы; сей монарх тем более великим оказывается, что он много сделал не только по части просвещения, но и по другим отраслям народной жизни, т.е. в Петре Великом сосредоточиваются эпохи не одной, но нескольких *общих черт* русской истории. Несмотря на это, заслуги Петра Великого, сколь бы они велики ни были, не дают права историку умалчивать о заслугах других лиц. Я привел только параллель между принцем *Петром Могилою* и *Петром Великим*; но не решусь отдавать кому-либо из них преимущество относительно черты просвещения России, ибо и Петр Великий оказал заслуги. Отдавать преимущество тогда только можно, когда подробно оценены будут все последствия и влияния учреждений и Петра Великого, и Петра Могилы.

Но это не скоро еще должно ожидать, ибо, хотя и изданы целые библиотеки о деяниях Петра Великого, о состоянии и влиянии южнорусских академий и училищ на Северную Русь почти *ни зги не писано*.

Всю эту параллель я привел единственно для того, чтобы показать, что *общие черты и составляемые из них общие истории нелегко пишутся и требуют новых трудов и новых изысканий*. Так, например, должно прежде: 1) составить и из-

дать обстоятельную историю Киевской академии с начала ее устройства, равно и других учебных мест Южной Руси; 2) жизнеописание всех лиц, образовавшихся в Киевской академии и бывших впоследствии правителями школ и наставниками в Северной Руси, а преимущественно в Москве; 3) историю развития и распространения по Северной Руси вообще духовных училищ, семинарий и приходских; 4) наконец, собрать сведения о заслугах по части таких отдельных, которые могли быть полезными России помимо Киевской академии. Объясним последний пункт анекдотом.

В прошедшем столетии* явился на Южной Руси юноша, уроженец *Быстрицкого уезду* в Трансильвании; имя ему *Гавриил*. Судьба его завлекла было в архипелаг и на Афонскую гору, где он имел случай отлично изучить древний эллинский язык. Прибыв в Яссы, он смутными обстоятельствами той страны приведен был в Ново-Русский край. В Екатеринославле и, кажется еще, в Полтаве принял он на себя труд учить эллинскому языку. Тогда было в России много кафедр эллинского языка при Университете, при академиях и т.д. Это не помешало юному быстрицкому пришельцу сформировать и образовывать подлинных знатоков старогреческого языка. Словом, он образовал России отличных эллинистов, каковы: *Мартынов*, *Гнедич*, *Огинский*, *Куницкий* и другие, которые, впрочем, не принимались за перо. Труды и переводы греческих классиков Мартынова и Гнедича известны и памятны будут всей России. Огинский, однако, обратился на переводы с английского; отец *Петр Куницкий*, настоятель одесского собора, к сожалению, мало писал, но зато является одним из главных учредителей и образователей Кишиневской семинарии. Сверх службы его алтарю он оказал важные услуги и Отечеству в кутузовскую турецкую войну, находясь там со своим учителем, тогдашним митрополитом Молдавии и Валахии.

Но обратимся к эллинской школе Гавриила Быстрицкого; труды ее известны; а если Русь была бы принуждена указывать на кого-либо в параллель с Фоссами и с Кузениями, то

---

* Т.е. в XVIII веке. — Прим. сост.

смело может обратиться на *Мартынова* и незабвенного Гнедича. Я теперь не знаю наверное, многих ли эллинистов образовал России Московский университет, в который вписывались люди ученые *ex professo*. В сравнения я ни за что не войду, а хотел этим только анекдотом показать, что иногда действительные заслуги и учебное влияние могут пройти мимо высоких училищ, мимо мест и учреждений *ex professo*; что отлично чему-либо выучиться можно и на степени новорусской, или украинской; что дело не зависит от строения, а от человека; что только *выбрать отличного человека* может значить: *завести отличное училище*.

Так как человек на человека не похож и образовательное умение дано не всякому, то тем более и рачительнее следует открывать таких людей, каков был быстрицкий юноша, иначе историк не получит настоящего понятия о развитии и распространении образованности; равным образом и не в состоянии будет отдать справедливость настоящим заслугам и припишет их не к своему месту. Посему он вспомнит следующую руководительную истину, что *учредитель училища не все сделал, если только выстроил дом и нанял педагога; что уметь выбрать человека значит все сделать*.

Но довольно об этой общей черте.

Равным образом и в других отношениях народ может представлять общие черты. Так, например, история воинственности или походов, история законодательства, история торговой и производительной промышленности. Кто бы подумал, что можно даже собрать и написать *историю общественной честности (histoire du developpement de la probite publique)*; что эта история сама по себе имеет свои эпохи, которые составляют колорит в каждом периоде народной жизни. Разные состояния общественной честности производили различные явления. Всякий народ имел перевороты в своей честности. Наконец, можно написать историю *моды*, историю всех *пересаженных в Отечество растений*, историю *хлебопашества*, историю *градскости*, или развития городов и мещанства (*Historia urbanitatis*), и сопряженно с ней *градского общежития (de la civilite)* и т.д.

Итак, всякий народ может иметь столько же общих историй, сколько имеет и сторон. Если кто пожелал бы почерпнуть для себя поучение в истории своего Отечества, то может это получить только в полном изображении отдельных черт народной жизни, а не в пространной хронологической истории, в которой есть отрывки из всякой отдельной черты и в коей эти отрывки разбиты по разным страницам отрывками, принадлежащими к другим общим чертам; в которой, например, после известия о придворных интригах следует описание похода без указания на его последствия; а там восстание такого-то города против налогов; а там пострижение в монахини такой-то благородной девы с умильным прибавлением об ее сердечных чувствованиях; а там что такой-то в таком-то году запретил кораблям купцов такого-то народу выходить из гавани по поводу долгов или контрабанды и проч.

Таковы так называемые государственные истории; такова история Карамзина; таковы истории большею частью и других народов. Правда, в таких историях собрана, накоплена в хронологическом порядке *всякая всячина*, или всякого рода *синхронистическая смесь*, но в такой смеси вы не увидите продолжения *отрывков*, не найдете последствий ни интриг, ни похода; не усмотрите, какую пользу принесло запрещение на такие-то товары. В последующем царствовании вы увидите другие отрывки, которые, однако, едва ли согласите с отрывками предшествующего царствования. О многих вещах встречаются нередко отрывки только через 50 лет. Какое же поучение может приобрести читатель в такой истории, в которой он сам должен снова собирать разъясненные, неразвитые и недостаточные отрывки; в которой сам еще должен трудиться, сам составлять для себя картину из отрывков, сам составлять для себя нечто целое, общее и добиваться исторического смысла? Ибо *только целое может выразить физиономию; ее младость, возмужалость, дряхлость; только полная, общая черта может показать возраст народа, объяснить, что он сделал и чего еще от него ожидать можно, с какими препятствиями он боролся, борется и может бо-*

роться; только знание общей черты может предохранить от неправильных мер (preserver des fausses mesures).

Превосходство *общей* истории перед *пространною* в учебном отношении есть еще в том, что в *общей* есть единство, ибо *общая* преследует и развивает в продолжение всех столетий одну мысль, одну черту; представляет ее превратности, ее судьбу; между тем как в *пространной* вместе говорится и о других чертах народной жизни; истории их на всяком шагу пересекаются, перепутываются, внимание развлекается и на всяком шагу не удовлетворяется. Поелику история, как и всякий рассказ, не может допускать более одного предмета, коего судьбу должно рассказывать (в противном случае, если допустить два главных лица или предмета, тогда можно сказать, что две истории, два рассказа смешаны, *сложены* в один), то выходит, что в истории *пространной*, как я ее досель называл, нет *единства*. Такую историю должно называть *сложной*; такова история Карамзина.

В применении того и другого рода истории к учебному ее употреблению, или, лучше сказать, соображая ту и другую вообще со вниманием читателя, на самом опыте окажется превосходство *общей* истории перед *сложною*, которое излишне было бы доказывать; ибо всяк по собственному своему опыту скажет, что стоит только однажды прочесть полное развитие (сколько бы оно пространно ни было) судеб какой-либо черты или предмета, чтобы его никогда не забыть. И действительно, трудно забыть такую историю, в которой при единстве главного предмета все изложено ясно; в коей все находится в связи; проистекает одно от другого; в коей все составляет *одно целое*. Возьмите роман, в коем все сосредотачивается в одном лице, так называемом герое романа, и сравните с другим, в коем подробности разделяются между двумя героями: вы заметите, что даже ребенок по прочтении расскажет подробности первого, почти не занимаясь, в настоящем их хронологическом порядке; между тем как во втором будет путаться, упускать из виду многое, принужден будет припоминать себе многое и т.д. Вот почему такие романы не нравятся читающей

публике. Таково свойство единства и гармонии или согласия не только в истории, но и во всей природе.

Не забудем, что в общей истории какая-либо черта народной жизни, например идея *просвещения*, олицетворяется; она должна быть героем романа. Объяснив пользу, выгоды, необходимость, спасительность просвещения, читатель заинтересовывается в судьбах его; он преследует с напряженным вниманием все те мелочи, которые способствовали к его развитию или с коими оно должно было бороться, и не прежде удовлетворяется его любопытство, как только дошедши до настоящего его положения, до его *status quo*.

Этого вовсе не бывает, или весьма редко, в историях так называемых государственных, в коих в этом отношении, т.е. в отношении самом важном, господствует *безначалие* или *многоначалие*. Вот почему такие истории должно 30 раз перечитывать, чтобы *изучить*, так сказать, *наизусть*. Это *изучение*, которое, само по себе, есть труд и мучение, не существует в природе вещей, ибо таков человеческий ум, что для него излишне было бы изучать что-либо рассказанное *ясно* и *связно*.

Итак, очевидно, что история Карамзина *не история, а временник*, в коем собрана *всякая всячина в хронологическом порядке*. Форма, по которой писал Карамзин и писали историки других народов, есть также форма *хронографов* (летописей), или *временников*. Так как летописи не заключают в себе всех источников, необходимых для верного изображения общей какой-либо черты, то первые историографы при недостатке достаточных материалов для созидания целого почти по необходимости принуждены были придерживаться формы *летописной*, для них тем более удобной, что она принимала всякого рода факты и без связи, было б только это в хронологическом порядке.

Что же осталось делать бедному людскому воображению, человеческому вниманию в подобных историях? Тешится, чем может: отдельные интриги между вельможами, царедворцами, соблазнительные анекдотцы занимают несколько воображение любопытного. Обыкновенно биографические

(жизнеописательные) отрывки, сценические изображения без начала и конца, без причин и последствий наполняют подобные истории.

Впрочем, и в этой мишуре смысл человеческий не изменяет своему инстинкту, своему требованию общего, или главного, предмета. Поскольку в подобном хаотическом состоянии история представляет вид драматизма общества, то воображение устремляется на главное лицо, на самое блестящее. Вот почему он более относится к венчанным или повелительным лицам; вот почему более всего подобные летописи и истории наполнены отрывками из жизни сих главных лиц; вот почему, например, «Историю государства Российского» можно назвать более *жизнеописанием* великих князей, нежели историей.

ДРЕВНИЕ И НЫНЕШНИЕ БОЛГАРЕ В ПОЛИТИЧЕСКОМ, НАРОДОПИСНОМ, ИСТОРИЧЕСКОМ И РЕЛИГИОЗНОМ ИХ ОТНОШЕНИИ К РОССИЯНАМ

І. Введение

1) Болгаре. Имя народа. Характерические черты. Язык и сродство

Прежде, нежели приступим к рассмотрению исторической тяжбы болгар, мы должны несколько познакомиться с нынешним их состоянием, а после уже следовать за ними в древность.

Болгаре (нынешние) – племя славянское, одного рода со всеми прочими: россиянами, поляками, чехами, кроатами, словенами, сербами и проч.

Собственное имя народа, т.е. то, которым он сам себя называет, есть, или спросите лучше всякого болгарина, кто он таков? Он ответит вам: «*Аз сам болгарин*» или во множественном «*Ны смы болгаре*». Карамзин, веривший их татаризму, склонял неправильно *болгары*, *болгаров* и проч. Иные даже пишут *булгары*, *булгар* или *булгаров*. Всякий согласится, что сие имя должно склонять, как и *россияны*, *россиянов*, то не менее и *болгары*, *болгаров*; дерет уши не только русскому грамматик, но и всякому болгарскому поселянину. Нестор склонял сие имя правильно: *болгаре*, *болгар*. Почему же не следовали ему наши

писатели? Сообразно сему надо писать *Болгария*, а не *Булгария*, как этому мы выучились было от иностранцев.

«Болгаре – говорит один грек в своем сочинении (Resume Georg. de la Turq., p. 404), – вообще роста высокого, сложения и силы атлетической, постоянны, трудолюбивы и неустрашима. – Разгласили было, будто они негостеприимны; но я, напротив, могу уверить, что в деревнях путешественник везде принимаем с отличною вежливостью и радушием. Молодые девушки выходят ему навстречу и, бросая пред ним разные цветы, приглашают его остановиться в приятной хижине их родителей. Впрочем, в больших городах надобно прибегать к гостиницам. Турки не так гостеприимны, как болгаре». При том они опрятны во всем их домашнем быту. Вот некоторые черты нравственного и телесного характера сего несчастного народа, некогда благороднейшего из всех славянских племен. Я представил бы их моим читателям в виде более просторном и живом, если бы случилось мне посетить все сии области.

Язык *болгарский* отличается от всех прочих сродственных, как-то: от сербского, кроатского, словенского, русского и проч. И составляет совсем особое славянское наречие. На сей язык славянские литераторы столь же мало обращали внимания, сколько и на самый народ. Я написал подробный разбор его по всем частям речи¹. Вообще язык сей более всего подходит к сербскому, и после к малороссийскому. Сербы довольно хорошо понимают болгар, точно как поляки или кроаты – чехов. Впрочем, они говорят так скоро, что с трудом поймешь в разговоре и слова, тождественные с русскими.

2) Места проживания

Жилища болгар, если исключить их колонии в Южной России, находятся в Турецкой империи. Трудность или нерадение были причиною, что до сих пор мы не могли иметь полных и верных как статистических, так и *народописных сведений* о сем государстве. Все почти писанное об оном ныне отнюдь не отображает вполне всех характеристических черт сего политического тела; да и то большею частию со-

ставлено из поверхностных известий, касающихся почти исключительно до одних турок, и анекдотов из сераля, рынка, бань, кофейных домов и проч.

Зная, что вся масса сей державы состоит из совершенно разнородных частей, укрепляемых между собою проницательною политикою Порты, надлежало бы постараться изобразить взаимное отношение оных между собою, что, однако, еще никем не исполнено. Главное искомое здесь – понятие о населенности Турции по количественной пропорции каждого из населяющих оную народов. В сем отношении некоторые стали было делать опыты, которые, однако, основаны на догадках. Посему и количество болгар, и пространство, ими занимаемое, было загадкою. Числом обыкновенно полагали их до одного или 1½ миллиона, основываясь предположительно на пространстве земли, называемой *Болгариею*. И под этою вывескою таилось все понятие нашей географической братии о количестве сего народа, стесненном в узкие пределы небольшой страны! Ныне, по верным известиям, если разобрать народонаселение каждой турецкой области порознь, выйдет следующее положительное сведение:

Население *Болгарии* составляют:

- а) Главное *болгаре*.
- б) Частное турки, волохи, греки.

Население *Румелии* составляют:

- а) Главное *болгаре*.
- б) Частное турки, греки и проч.

Население *Македонии* составляют:

- а) Коренное *болгаре*.
- б) Частное турки, греки.

Население *Албании* составляют:

- а) Главное скипетари (албанцы, арнауты).
- б) Частное *болгаре*.

Население *Фессалии* составляют:
Волохи, *болгаре*, турки, греки.

На сей раз не могу сказать, до какой точки простирается болгарский народ к югу (в Ливадии) или простирается ли в самом деле. По крайней мере, известно, что в прежние времена они простирались, в смеси с греками, до самой южной оконечности Мореи, где слыли под именем *езеритов* и *миленников* (Const. de adm. imp., с. 50). Следы их видеть можно, кроме исторических свидетельств, и из славянских названий разных мест, как в Ливадии, так и в Морее. Вообще болгаре живут более в селениях, чем городах, которые преимущественно населены имперскими привилегистами, предоставившими себе честь жить на счет чужих трудов, турками или даже греками. В Болгарии есть города, населенные и одними болгарами. Впрочем, они не совсем чужды и румельских, и македонских городов. Так, например, в *Инджиге* подле Константинополя живут (как утверждает один грек в своем Resume Geograph. de la Turquie. Paris, 1826. Стр. 504) одни болгаре и занимаются приготовлением толстых сукон; равно и в *Белграде*, неподалеку от упомянутой столицы. Тот же грек говорит (стр. 529), что три города – *Буюк-Бечик*, *Базар-Джедид* и *Сидеро-Капиш*, лежащие у контесских и салоникских берегов архипелага, населены одними болгарами и проч. Многое еще объяснится в подробнейшем описании сих стран.

Еще заметим, что в VIII веке сделано было императором Юстинианом II столь значительное переселение болгар из европейских областей Империи в Анатолию, что целая область заселена была ими, которая впоследствии доставляла Империи до 30 000 отборных солдат. Не знаю, уцелело ли потомство сего обширного поселения; по крайней мере, до сих пор никому, кажется, не вздумалось хотя несколько о нем поосведомиться. Впрочем, это не удивительно, если вспомним, что не заботились изведать и о болгарях румельских и македонских.

(Однако из рассказа одного болгарина я угадываю, что румельцы имеют об анатольских своих единоплеменниках не-

которые сведения. Один литератор показывал мне несколько листов церковной книги, писанных уставом и полууставом и вывезенных, по уверению его, из Анатолии. Впрочем, это подлжит еще изысканию.)

Сверх сего известно, что значительная часть болгар поселилась в разных округах Новороссии и Бессарабии. Значительную часть населенности многолюдного города Кишинева составляют сии задунайские выходцы и занимают часть города, называемую *Болгариею*. По Молдавии, Валахии и Трансильвании много их разбрелось семействами.

3) Масса их, или количественное отношение

Из сего видно, что болгаре в Европе числом превосходят турок, тем больше еще греков, так что их по превосходству можно признать за господствующий народ в европейской Турции.

Здесь заметим причину, почему при таком количестве болгарского народа имя Болгарии ограничено только в пределах страны, и ныне известной под сим именем? Потому, что в сей стране преимущественно болгаре были самостоятельны; Румелия же, или Фракия и Македония, почти всегда принадлежавшие Империи, хотя и были населены болгарами, но не могли быть переименованы в такое имя, которое не принадлежало сему государству. Вообще и имперские болгаре, и сами греки назывались римлянами (Ρωμαοι).

Не менее значительна масса болгар и в отношении к прочим славянским племенам. Они еще ныне многочисленнее сербов, кроатов, поляков и самих чехов, кроме россиян. Если бы сей народ не понес значительных потерь от долговременного железного ига и убийственной политики Порты, от чумы; если бы сей народ во всех странах, им обитаемых, донныне оставался господствующим, то за верное можно предположить, что ныне мог бы быть столь массивным, столь же колоссальным, как и россияне. Сие-то понятие должно предохранять нас от дурных предположений касательно бытия сего народа в давно прошедшие времена.

4) Падение болгарского государства

Государство сие существовало с древнейших времен и теряется в хаосе так называемого скифского мира. Оно возвышалось и нисходило попеременно по всем степеням могущества, пока, наконец, по общему ходу дел человеческих не сокрушилось под ударами врагов своих и не потеряло политическое свое бытие. Народ, однако, не перестал существовать и донныне. Мало сведений о нем имеется теперь потому, что с тех пор, как государство сие исчезло из среды европейских держав, турки заняли его место и укрывали болгар от взоров Европы. Конечно, той же участи подвержены и греки, но они в этом отношении были счастливее; прошедшее их существование беспрестанно отражалось в воображении европейцев посредством спасенных ими греческих исторических памятников. В огромных кипах византийских летописей Восточная империя изображена до мельчайших подробностей. Сверх сего греки, быв под властью венециан, прежде всех турецких подданных, приучились несколько к европейской промышленности и образованности. Значительная часть их, рассеявшаяся по разным странам Европы, присутствием своим беспрерывно напоминала о себе и несчастном своем отечестве; и вообще народ греческий столько знаменит, что нельзя позабыть его совершенно. Болгаре не имели тех выгод. Населяя самые внутренние части европейской Турции (с одной стороны они прикрываемы были волохами, с другой сербами, с запада албанцами, с юга, от Мореи, греками) и укрываясь от писателей в сельских своих жилищах, преданы забвению.

В этом отношении более посчастливилось сербам, их соседям, хотя они их и малочисленнее. Это приписать должно их соседству с Австрийскою империей, а отчасти и с Италией, и пребыванию их в самой Венгрии в значительном количестве. Сербы образованностью и просвещением почти опередили нынешних греков; их юношество образуется в разных академиях Венгрии и училищах высших наук; отличнейшее купечество Венгрии состоит большею частью из сербов; некоторые даже из среды их распространяют круг своих коммер-

ческих действий и на прочие европейские государства. Сербы служат Венгрии как в военном, так и в гражданском званиях². Россия и Австрия имели из среды их многих отличнейших генералов. Наконец и возродившаяся у них литература обратила на себя внимание европейских ученых и заслужила почетное место во всеобщей языкописи (λογογραφία). Впрочем, все сии преимущества известности заслужены одними венгерскими сербами, коих слава отражается и на их турецких собратий, живущих в Сербии. Но эти последние такие же невежды, как и болгаре. Однако и они дали о себе знать военно-политическим своим подвигом под предводительством *Георгия Петровича*, прозванного Черным.

Болгаре не имели подобных о себе возвестителей, и если бы имя их не отзывалось громко и со стуком оружия в византийских летописях, то европейцы забыли бы об них совершенно. Сей народ лишился не только отечества, но и истории. До сих пор еще никто не обрабатывал оной надлежащим образом (сочиненная *Раичем* и *Енгелем* кратка и недостаточна, ибо составлена не из собственных его источников, но из чужеземных). Чтобы возратить нынешнему болгарскому народу историческое его достоинство, надлежало бы насмотреться на живую картину прошедшего его бытия, и тем облагородилось бы наше понятие о нем. Не стану приводить здесь доказательств исторических, сколько важны и занимательны сведения о сем народе; скажу только, что Болгария еще в XIV столетии, например в царствование короля Александра, с 1330–1354 годов, играла довольно значительную роль. Тогда еще она владела, кроме собственно так называемой Болгарии, отчасти Валахию и некоторыми северными округами Романии и Македонии. В могуществе не уступала тогдашней империи Цареградской, и короли ее придерживались своих претензий на обладание Грециею. Титул Александра был: *Царь и Самодержец Всеболгарский, Греческий, Албанский* и проч. Угодно же было судьбе, чтобы в то самое время, когда россияне освобождались от ига татар, их близкие собратья пали под ярмо татар же туркестанских! «Златовенчаный лев Болгарии (герб

ее) лежит, – как выражается Раич, – распростертый на земле, удушенный магометанизмом». Дело в том, что Туркестан поглотил три (и более) независимых государства: 1-е – Империю, которая в последние времена походила более на порядочное княжество, и высокое значение слова Империи едва ли ей годилось; 2-е – славянское королевство Болгарию; 3-е – сильное княжество Сербию и Кроацию и проч.

Между тем как европейские публицисты, человеколюбивые политики, *охали* над судьбою греков; меж тем как вселенские летучие листки испещрены именем фанариотов, сулиотов, идриотов, эллинов и проч.; между тем как всякая политическая голова не преминула рассуждать о возрождении или нет византийского орла, болгаре не бывали и в помине, даже никакой славянин не рыдал над телом зарезанного льва. Почему же так? И огромное его туловище заброшено в балканских, македонских и румельских лесах; там питается им чудовище двурогое, вышедшее из пустынь Аравии; перья же орла ветром разнесены по белому свету.

Итак, падение царства болгар вместе повлекло за собою и их неизвестность.

Казалось, что война россиян с турками в Болгарии как в прошедшем, так и в настоящем столетии подаст повод к обращению особенного на сей народ внимания и к исторжению его из неизвестности. Это обстоятельство делается еще тем важнее, что наш церковный, священный язык, кроме многих других обстоятельств русской истории, еще и до сих пор считается загадочным. Иные приняли оный за древний моравский, другие – за сербский, без убедительных доказательств на то и на другое. Далее сербов (к востоку) по неизвестности болгар никто не смел шагнуть, и знаменитый даже Добровский отважился в Македонию не иначе, как под сербским конвоем. Он принял язык Священного Писания, хотя не совсем решительно, «за сербо-болгаро-македонский» (см. его Кирилла и Мефодия, перев. М. Погодина, стр. 110).

Несмотря на всю занимательность обширного болгарского народа, нельзя не удивиться, что не только Карамзин

никакого не обращал на них внимания, но и другие новейшие народописцы при исчислении славянских племен большею частью совсем не упоминают о болгарах, живом нынешнем народе, между тем как исчисляють истребленных славян померанских! Пусть иностранцы, по неведению ли или по нерадению, мало о них заботятся, но тем непростительнее нам забыть болгар, из рук коих мы получили крещение, которые нас научили писать, читать, на коих природном языке совершается наше богослужение, на коих языке большею частию писали мы почти до времен Ломоносова, коих колыбель сопряжена неразрывными узами с колыбелью русского народа и проч. *Quod erat demonstrandum**.

5) Болгарская иерархия

Болгарская иерархия во время самостоятельности своего отечества находилась под управлением собственного патриарха, имевшего пребывание то в *Доростоле*, или *Дристрре* (Силистрии), то в *Охриде*, или *Ахриде*, в Македонии, или в *Тернове*, т.е. сообразно политическим обстоятельствам. Он правил своею паствою независимо от патриархов Восточной империи; посему и всю его иерархию можно принимать за особенную Церковь, т.е. по *болгарскому* или славянскому богослужению за *Славянскую*, хотя она в догматах ниже в обрядах своих ничем не отличалась от собственно Греческой. В том же смысле называется и иерархия Антиохийского патриаршества *Сирийскою Церковью*.

За падением государства должен был неминуемо последовать и упадок иерархии. В XV столетии, а именно около 1463 года, болгарские архипастыри, пребывавшие в городе *Тернов*, именовались *патриархами Терновскими и всея Болгарии*; архиепископ же Ахридский именовался *архиепископом Ахридским, Юстинианы первой и всея Болгарии*.

(В XIV столетии, во время существования болгарского государства, российское духовенство, без сомнения, было коротко знакомо с болгарским, от коего переходило много со-

* Что и требовалось доказать (*лат.*). – *Прим. сост.*

чинений на Русь. Тогда болгарский народ, господствуя и в Валахии, и в Молдавии, не был столь удален от россиян, а жил с ними смежно, как мы увидим обстоятельнее после. Сверх многого другого, занятого россиянами у него, было, кажется, обыкновение русских архипастырей (в Киеве, Москве и Львове) прилагать к своим титулам *и всея России*, в подражание болгарским, кои только одни до россиян сие имели обыкновение.)

По завоевании в 1453 году Константинополя и Цареградский, и Терновский Патриархи очутились под одним правлением. Порта, лишив христиан собственного их правления, не лишила, однако, их *духовного*; Патриарху Цареградскому вполне подтверждено его достоинство и власть в управлении. Однако не так обходилась она с болгарским, коего на первый случай предоставила самому себе; власть его, однако ж, стала уменьшаться со дня на день, и турки не иначе стали смотреть на него, как на простого архиерея, который вопреки им крепко придерживался своего титула. Словом, греки довели до того, что болгарские патриархи унижены на степень экзархов и подчинены цареградскому архипастырю, и тем отворен путь их монахам на болгарские кафедры.

Итак, ныне, при соединении двух иерархий в одну, оба разнородные племени, и *болгаре и греки*, управляются вместе одним духовным начальством, выбираемым из среды обоих народов. Македонские или румельские епархии можно назвать и болгарскими, и греческими; первые потому, что простой епархиальный народ есть болгаре и богослужение производится на славянском языке; *последние* же, ибо главною частию управления более заведывают греки. По недостатку подробнейших официальных сведений о европейской Турции вообще я не мог до сих пор собрать в подробности самых точных и определенных известий о всех епархиях, в пределах коих распространен болгарский народ, ниже означить их пределов и взаимных их между собою отношений. Главнейшие из них суть:

В Болгарии: 1) Митрополит в *Тернове*, именующийся и Экзархом всея Болгарии, 2) Митрополит или архиепископ в *Варне*, 3) Архиепископ в *Силистрии*, 4) Архиепископ в *Триа-*

дице, т.е. Софии, 5) Епископ *Ловицкий*, в *Ловче*, или Ловице, зависит от Екзарха Терновского; *Замаковский* (в Замакове) от Софийского.

В Македонии: 1) в *Изкопе* (Uskup, Scopia) митрополит, 2) в *Салонике* архиепископ или митрополит же, 3) в *Верее* архиепископ, 4) в *Кастории* архиепископ, 5) в *Сересе* архиепископ, 6) в *Кюпрели* епископ, зависящий от Салоникского, 7) в *Кюстендиле* епископ и проч.

Прежде были архиепископские кафедры и в Видине и в Охриде; но ныне, по-видимому, упразднены Портою. Прочее может нам объяснить и много пользы принести внимательное путешествие по всей европейской Турции; тогда можно бы изложить главные черты и болгарской церковной истории.

б) Религия, политическое состояние, просвещение

Болгаре большею частью греческого исповедания. Как турки составляют сами исключительно военный класс, а по-сему и дворянское, так сказать, сословие, то болгаре в отношении гражданского их бытия представляют род мещанского сословия и вообще земледельческий класс. Хлебопашество, виноделие, садоводство, скотоводство, а преимущественно овцеводство есть исключительное их занятие.

Не имея ни прав, ни законов отечественных, болгаре обеспечение жизни и собственности должны ожидать от свойств и характера областных пашей, или комендантов крепостей. Посему участь гражданского их бытия выставлена на произвол военной необузданности их победителей. Сверх сего, врожденная турецкой черни гордость и ненависть к иноплеменникам и иноверцам бывает весьма часто причиною наглых оскорблений и драк.

Умственное состояние болгар соответствует их политическому. Будучи рабами, они погружены в невежество, общее не только им, но и их господам. Может быть, это зло предотвратила бы хорошо устроенная иерархия, если уже болгарам не дозволено иметь собственных высших сословий; но и иерархия, к несчастью, в плачевном положении. При недостатке училищ

для образования юношества, определяемого для священного звания, белое духовенство обыкновенно на той же с простым народом степени просвещения. Сверх сего, политика Порты не позволяет болгарам, как и прочим христианам, ни сооружать, ниже обновлять старых церквей, в чем просители могут успеть разве при больших пожертвованиях. Само собою разумеется, что при невыгодных обстоятельствах, недостатке в церкви или духовнике, не один болгарин бросился в объятия исламизма. Сверх сего, латинские монахи, привлекая турецких христиан к Унии, коснулись и болгар, между коими, однако, гораздо меньше униатов, чем между греками, армянами и сербами.

7) Литература

О болгарской литературе нечего и говорить, ибо она еще не возродилась.

Впрочем, и между ними стали появляться любители просвещения и письменности отечественной, например, гг. Йордан *Генович* и Василий *Ненович*. В 1824 году издан в Брашове (в Кронштадте, в Трансильвании) болгарский букварь, церковными буквами и на болгарском языке, – под заглавием: *Букварь с различны поучения, собрани от Петра Беровича; за болгарски-те училища. Напечатана с помощта г. Антоньова Иоанновича. В годе 1824.* Я не видал ни одной русской азбуки, которую бы можно сравнить с достоинством сей книжки, весьма поучительной; изложение статей ее ясно, слог приятный, показывающий, что болгарский язык гибок для всяких оборотов; сия книжка в 141 страницу. К ней прибавлено объявление о подписке на следующие книги, которые намеревались издать:

1. *Священное цветособрание, собрано от ветхи-ат и нови-ат завет.*

2. *Лексикон малкий на 4 языцы: болгарски, гречески, влашки и российскийски.*

3. *Грамматическа етимология на те же языцы.*

4. *Катихизис на наша православна вера.*

5. *Священная история за ради деца-та.*

6. *Грамматика болгарска.*

Успех сего предприятия мне еще неизвестен; а о прочем в другой раз.

8) О состоянии нынешних болгар в турецких владениях³.

С сожалением признаюсь, что, не быв в турецких владениях за Дунаем, я не мог изобразить сего народа в нынешнем его положении верно и подробно. Во введении я предложил только главные черты, которые должно распространить, объяснить. Кстати прилагаю здесь несколько слов из примечательного «Путешествия» г. Вальша из Константинополя в Апилию, только что вышедшего в свет на днях.

«Нынешние болгаре, – говорит Вальш, – совершенно утратили тот воинственный дух, который некогда отличал их предков; все они обратились в земледельцев и пастухов, лучше было сказать скотоводов, живущих в деревнях, которые составлены из неправильно выстроенных хижин (это значит: правильно выстроенных хижин, но не расположенных по плану, разбросанных) и не заслуживают названия городов. У них есть, однако же, несколько городов, где они производят торговлю и имеют заводы. Город Селимма к югу от Балканских гор (в Румелии) имеет около 20 000 жителей, которые почти все болгаре. Они производят в сем городе разные изделия, весьма уважаемые в Турции, как то: толстые сукна, граненые ружейные стволы и проч., но главное их изделие, более сообразное с их пастушескими правами, есть приготовление розового масла. Большое пространство вокруг Солиммы занято на этот предмет садами, и растущее в оных множество розовых кустов увеличивает еще красоту местоположения. Розовое масло в большом количестве отправляется в Европу, и мы простым поселянам обязаны за изящнейшее и приятнейшее благоухание природы».

Мнение г. Вальша, будто болгаре совершенно утратили тот воинственный дух, который некогда отличал их предков, мне кажется несправедливо, ибо сей народ не имеет ни малейшего случая, в котором бы мог выказать свою храбрость; во-первых, потому что солдаты в Турции одни турки; во-вторых,

лет тому с 35 назад Порты запретила им носить оружие; в-третьих, жилища их усеяны неприступными крепостями и множеством турецкого гарнизона, и, наконец, бдительный надзор Порты делает почти невозможным восстание болгар, в котором они могли бы только и отличиться. Итак, народу остается только наблюдать тишину и терпение. Вообще же воинственный дух какого бы то ни было народа никогда не выходит совершенно из его сердца⁴; обстоятельства только утоляют или возбуждают оный. Впрочем, высокий рост и атлетический вид болгар совершенно ручается, что они могут быть и отличнейшими солдатами.

«Из всех, – продолжает г. Вальш, – виденных мною когда-либо деревенских жителей болгаре суть самые простые, самые ласковые и самые услужливые». Это и я сам могу подтвердить собственным своим небольшим опытом. «Они представляют разительную противоположность с грубыми и невежествующими турками, которые замешались между ними и отличаются от них самыми резкими оттенками... Болгаре отличаются своими черными шапками из бараньего меха; они носят короткие суконные полукафтаны из некрашеной шерсти, которую прядут и ткут их жены, белые широкие шаровары и кожаную обувь, привязанную за подъем ноги ремнями; они не имеют при себе ни пистолетов, ни ножей, ни какого другого оружия». Я сказал, что отняли у них, между тем как сербы и албанцы и ныне еще носят оное. «В особенности же обращают они внимание своим искренним, ласковым обхождением и любовью к ближнему. Все болгаре, нами встречаемые, казалось, принимали нас не иначе, как друзей своих. Когда буйволы их или арбы загораживали нам дорогу, то они спешили сворачивать в сторону; если же видели нас в какой-нибудь беде, то сей час спешили к нам на помощь. Дома их для нас открывались, и приезд наш был радостью для всего семейства. Платимые нами им за гостеприимство деньги были совершенно ничтожны, и я точно уверен, что если бы мы ничего не дали, то сами они, конечно, не потребовали бы. Турецких женщин никогда не увидишь; болгарские же, напротив того,

исправляют все домашние работы. Они обходились с нами так дружелюбно, как с родными. Одежда их весьма опрятна и ловко сделана, она состоит из исподницы и кофты темно-синего цвета, обшитых светлою каймою, и из белой рубахи, спущенной ниже юбки и убранной складками около шеи и рук с оборкою, похожею на кружева. Замужние женщины повязывают голову платком, которого один конец висит у них на плечах. Девушки ходят с открытою головою, убирая себе волосы различными монетами. Все они носят серьги, запястья и кольца даже с трех- или четырехлетнего возраста. Ноги у них босые. Они очень трудолюбивы и никогда не покидают своего веретена. Часто они просили у нас иглу, и я очень жалел, что не взял с собою ножницы и других женских принадлежностей, которые для них были бы драгоценны.

Болгарские деревни обыкновенно состояются из 30 или 40 домиков, раскиданных без всякого порядка и правильности. Дома сии, выстроенные из плетня, который в промежутках набит землею, во внутренности своей чисты и удобны; в них не беспокоят вас ни мошки, ни дым, ни неприятный запах. В одном углу жилища всегда лежат мешки, набитые шерстью, или ковры для спанья.

Язык, которым говорят болгаре, не имеет ни малейшего сходства с языком турок, жидов и армян, с которыми они беспрестанно находятся; они принесли его с собою из Сарматии (т.е. из Руси; полно вздорничать в XIX веке старинными прозвищами), и он есть славянское наречие, подходящее более всех прочих на русский язык. Поселившись в сих странах, они приняли христианскую веру и, пребыв с тех пор верными членами Греческой Церкви, они подчинены греческому Патриарху в Константинополе, который назначает у них епископов. Сии последние всегда бывают из греков, и по естественному предпочтению они ввели язык свой при богослужении по обе стороны Балканов. В случае же, если богослужение отправляется не по-гречески, то его читают на древнем еврейском языке (с какой стати, этого не понимаю), и как болгаре не понимают ни того, ни другого, то богослужение отправляется у них на языке, для

них неизвестном. Даже в немногих школах, заведенных в городах, все учебные книги греческие, хотя язык сей нисколько не употребителен в народе; от того происходит, что болгаре до сих пор находятся в невежестве».

Итак, г. Вальш подтверждает сказанное мною насчет угнетенной болгарской иерархии. Дело в том, что Порта старается отуречить болгар, а греки огречить. Недостаток в церковных книгах между болгарамы происходит от того, что Порта воспрещает народу вводить у себя славянские типографии и высшие училища. Греческое же духовенство ничуть не заботится о доставлении в церкви своих прихожан книг славянских. Прежде, когда в Валахии и Молдавии богослужение отправлялось на славянском языке, книгами, печатаемыми тогда в Букаресте, запасались и задунайские, и румелийские болгаре; но нынешние волошские для них не годятся; посему нужда в церковных книгах у них со дня на день увеличивается. Величайшим благодеянием для сего народа было бы, если испросят ему у Порты позволение завести собственные типографии и высшие училища, попечение о благосостоянии училищ поставить в обязанность всем епархиальным начальствам и проч. Таким только образом народ и может приобрести собственную письменность; тем только и можно сделать иго его сноснее; что в самом деле и для Порты имело бы благотворные следствия. Не стану рассуждать, удобоисполнимо ли оное желание; это не мое дело. Впрочем, я изложил оное подобно всякому другому, который нередко страдает над невозможным, говоря: если бы... если бы... – и так далее. *Sapienti sat!*

«Язык, котрым говорят болгаре, – продолжает наш путешественник, – никогда еще не был приведен в грамматическия правила». Несправедливо. Сей язык, подобно другим, подвергался своим переворотам; его можно вообще разделить на древний и новый, т.е. несколько изменившийся. Итак, сей язык в древнем своем периоде был приведен в грамматические и синтаксические правила; литература его, коей и ныне еще имеем много памятников, в том числе и Св. Писание, и

Богослужение наше, была весьма обширна. Только нынешний не был приведен в грамматические правила. Недавно, однако, объявили было о подписке на несколько болгарских книг, и между прочим на Грамматику (см. выше). «Мне сказывали, что недавно на оном издано несколько печатных книг, но мне они не попадались, а все, которые видел я в школах, были греческие, а в церквах – славянские. При двух или трех деревнях есть священник; но, за исключением нескольких мест, у болгар не было ни церквей, ни училищ, ни книг, и, кроме торговцев, содержащих лавки, которые обыкновенно бывают греки, вероятно, что никто из жителей деревень, чрез которые мне случилось проезжать, не умел ни читать, ни писать. Подобно как у народов золотого века, злодеяние между ними неизвестно, и путешественник, проезжающий чрез страну их, не только безопасен от следствий порочных наклонностей, но везде обретает приятель, проистекающую от самых похвальных добродетелей». Это бедные чада Руси!

II. Спор о начале истории

Начало истории всякого народа более или менее темно. Тому доказательством служат разные исторические исследования ученых людей. Всякий просвещенный историк старался проникнуть в мрачную древность, чтобы отличить и оживить темную картину давно прошедшего бытия своих предков. Вот о чем заботится историческая критика. Но взор изыскателя-критика обыкновенно простирается почти только до первого летописателя, который, в свою очередь и со своей точки глядя в туманную древность без всяких верных пособий, откликается как о виденном им. Положение его как *зрителя* бывает всегда самое опасное, скользкое. Счастлив тот из них, у кого было здоровое душевное зрение и кто мог в потемках избежать привидений. Во всяком, однако, случае *сведения* летописца касательно давно прошедших до него времен суть большею частью

предполагательные, которых отнюдь нельзя принимать за истину, не поверив оных прежде критикой. Посему всяк согласится, что и взор первых летописателей был ограничен и мог простираться только на известное пространство, определяемое естественностию. Посему: 1-е, отвергаются отклики тех, кои по своей легковёрности, игривости воображения или лживости говорят о тех временах, до коих они не могли проникнуть. 2-е, отдаленнейшую точку, до коей досягало зрение первого правдолюбивого летописателя, нельзя признавать за первую эпоху бытия какого-либо народа, – например, русского с 862 года. В объяснении начала истории того или другого народа надлежит поступать с отменной строгостью и осмотрительностью не только к источникам, но и к самому себе, ибо: а) ошибки летописцев, б) неправильное или педантическое толкование их изречений, в) недоумение между ими и нами весьма легко могут подать повод к заблуждению и нелепостям.

Главное правило – ни я, ни ты, ни он не смей выдавать себя за пробирную палатку, в коей должна быть признаваема истина или определяемы степени вероятностей. Эта честь принадлежит *здравому рассудку и естественности*.

Сии мысли невольно родились во мне при взгляде на древнюю европейскую историю, которая почти вся (исключая Грецию и Италию) состоит из весьма загадочных мест.

Всякий европеец старался более или менее решить задачи в истории своего отечества; всякий желал более или менее прославить своих предков велеречивым описанием их деяний, или, лучше, всякий желал прославиться громкостию их имени. По сему побудительному поводу бросились изыскивать и начало своего собственного племени, и его происхождение. Отваживаясь налегке за отдаленнейшую точку исторического следа своих предков, многие поспешили присвоить им названия неизвестных и совсем загадочных народов: шведы – *готов*, немцы – *германов*, поляки – *сарматов*, венгры – *гуннов* и *аваров*!

Между тем, при распространении в Европе просвещения и усовершенствования истории стали являться затруднения, объяснения, изыскания, предположения, догадки, доказатель-

ства, опровержения, сомнения... Так родилась историческая критика, и споры то перестают, то возобновляются и донине.

Здесь заметим, что в прошедшем столетии не во всех частях Европы равно занимались исторической критикой, которая требует трудов, терпения и постоянства. Немцы преимущественно, по своему характеру, принялись за нее. Французы не имели терпения для ее утомительной работы и согласились лучше верить крикам с сей стороны Рейна, что предки их, *франки*, были отличными дайчерами. Между поляками некоторые стали было приниматься за сие занятие, но голос их был так слаб, что нельзя было принять их решения. Россияне еще не имели ни одного критика, который бы мог заседать во всеобщем суде. Венгры имели отличных изыскателей, но только для домашних надобностей.

Итак, должно отдать полную справедливость и первенство в изыскательных трудах *тайтовским* племенам, как датчанам, шведам, англичанам, но преимущественно немцам. Германия была верховным и почти единственным историческим судилищем, пред которым должен был предстать весь древний европейский мир до Карла Великого, множество исчезнувших народов оно, от которых остались в летописях только имена и их имущество – *слава*. (Слава или хорошее мнение о человеке составляет одну из лучших частей его имущества, сказал какой-то философ.)

Хотели узнать, кому принадлежит сие наследство, и наш исторический ареопаг превратился в аукционный торг, на коем все почти, знаменитое в европейской древности, приписано немцам, без всяких ясных на то документов. Так, например, *готы*, *герулы*, *квады*, *маркоманы*, *аланы*, *франки*, *лонгобарды* (ныне даже покусились было и на *вандалов*), равно как *варяги*, *россияне*. Сверх сего были и такие писатели, которые стали утверждать, что и латыши, и чухонцы отчасти немцам одолжены своим происхождением (см. № III Матер. для ист. просв. в России, в статье о *литовских народах*). Наконец, права свои простерли и на Индию. Прочее же, по определению сего ареопага, как бесмертные *гунны*, *авары*, *козары* и *болгары*, отданы татарам.

Я не знаю, какое участие принимают калмыки или бухарцы и башкирцы в сем присужденном им магдебургскими и геттингенскими их доброжелателями наследственным праве; по крайней мере, до сих пор они не заботились об оном. Однако между тем французы и россияне, несмотря на полное свое право объявлять и собственные свои доводы, подписались беспрекословно под немецкое свое происхождение. Не хочу быть адвокатом в деле обоих сих народов, но не могу не вступить за истину в пользу *здравой истории*; не могу здесь не заметить, что славянский народ обижен ареопагом до чрезвычайности. Объявят ли меня еретиком касательно его верховного решения или нет, все равно; но я поспорю за удел, присужденный татарам, кои в оном отнюдь не нуждаются, ибо они слишком уже богаты славою собственных своих деяний.

Я не обвиняю почтенных германских изыскателей в покушении на честь болгарского народа, о котором говорить здесь я намерен, а напротив, предполагаю в них желание принести пользу всеобщей истории, которая во многих ее частях была еще загадочной. Если они ошиблись, то это могло произойти от слабого или неосмотрительного соображения судебных обстоятельств.

Между тем как запад Европы после некоторых изыскательных трудов, нередко заключающихся в простых догадках, показался многим покамест довольно объясненным, надлежало приняться и за восток. Венгерцы, принадлежащие к оному, затолковали было кое-что независимо от немцев, но толковали о себе, не касаясь чужого племени. Долго никто не смел тронуться за мрачный восток, на коем мелькало много народов, много жестоких переворотов.

Наконец молодой швед *Иван Тунманн*, переселившийся в Германию, решился выступить на сие скользкое поприще и в 1774 году издал свои «*Untersuchungen ueber die Geschichte der oestlichen europaeischen Voelker*» (*Исторические изыскания о народах Восточной Европы, как-то: болгарях, козарах, венграх, волохах, албанцах и проч.*), которым, кроме двух последних, приписал татарское происхождение.

В кругу своих изысканий он встретился с исследованиями венгерцев, и сия-то встреча дала направление его изысканиям, параллельное венгерским. Вообще способ Тунманнова изыскания мне не нравится. Надлежало прежде короче познакомиться с нынешними живыми жителями Восточной Европы и потом преследовать их историю обратно в древность до тех пор, пока можно было; там надлежало остановиться и изыскать, откуда взялись сии народы и куда девались, как исчезли те, которые носились на том же пространстве до появления на оном сих последних? Решение сих вопросов повело бы его к важным и более естественным открытиям, противоположным тем, которые он выводил, а именно: он начал с древнейших времен, с давно исчезнувших народов или их имен, о коих не имел решительного понятия, и, переходя чрез новые, беспрестанно появляющиеся племена и потеряв в сем лабиринте из виду прямую линию, ведущую на ныне живущие народы Востока, принужден был для перехода к оным допустить нестерпимое в здравой истории предположение *превращения из народа в народ*. Впрочем, он подвизался прежде всех на сем поприще, потому изысканий его первого опыта отнюдь нельзя было принять безусловно за решения.

Сей-то опыт принят был в Германии со всеобщими рукоплесканиями и возбудил изыскательную деятельность и других отличных ученых. Тогда-то Шлецер отважился в поход к северным народам. Сценою его подвигов были Северная Германия, Скандинавия и Россия. Перекричав всех громко и смело, он сделался оракулом своих последователей. Впрочем, Шлецер вышел на север учеником Тунманна и состарился учеником же, то есть, подписавшись под главный догмат Тунманнова учения, верил татаризму народов Восточной Европы. В изысканиях же своих касательно севера, а преимущественно Руси, он последовал учению Байера, которое более развил и распространил, с некоторыми изменениями.

Между тем в Германии и Англии образовалось общество ученейших мужей для составления всемирной истории по частям ее. Один из членов оного, г. Енгель, принялся за историю

Венгрии и прочих племен Восточной Европы, между коими и болгар. Здесь-то он развил подробнее учение Тунманна, тоже с некоторыми прибавками.

Дух обоих ученых и способ изысканий байеро-шлецевского и тунманно-енгелевского совершенно сходны между собою; оба учения привлекли к себе множество последователей и так составились две секты столь многочисленные, что ныне сделались уже почти исключительно господствующими. Проповедники учения о востоке приняли вместе и учение северных изыскателей, и наоборот. Из сего соединения обеих сект составилось общее о востоке и севере Европы учение, или образ мыслей как бы вселенский, в полной мере отразившийся в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина и доныне господствующий.

Желая рассмотреть учение о народах Восточной Европы, мне надлежало бы войти в состязание с самым автором оного, Тунманном; но как оно повторено Енгелем и несколько обстоятельнее, то я предпочел сего последнего. Зная характер молодого Тунманна, можно было надеяться, что и он сам оставил бы свои предположения: он признавался, что готов отказаться от своих мнений, если окажутся новые сильнейшие доводы; но, к несчастью, смерть его похитила весьма рано – на 30-м году жизни.

Разбор доказательств о татарском происхождении болгар

Упомянутые изыскатели и историки, по известным им причинам, приняли свое положение, что *древние болгаре были татаре*, почти за доказанную истину; но как во времена истории, более известных, ныне не находили татар под сим именем, а славян, то вследствие оного (положения) допустили другое, что *древние болгаре превратились в славян*.

Итак, сообразно с сими двумя положениями весь спор о сем деле разделяется на два отделения.

1-е. На разбор доказательств, подтверждающих будто бы татаризм древних болгар.

2-е. На разбор доказательств их *превращения* в славян, и нечто вообще о теории и возможности оного.

Первое. «Что болгаре были – говорит Енгель (см. Allg. Welthist. XLIX. Th. pag. 252), – действительно татарского происхождения, видно из Нестора, который выводит их из земли козар».

А) Вот что Нестор сказал (по Кенигсб. см. стр. 10): «*Словенску же языку, яко же рекохом живуцим на Дунаи, приидоша от Скиф, рекше от Козар, рекомии болгаре, и седоша по Дунаеви, и насильницы Словеном быша*».

Объясним сие место. Нестор здесь говорил о словенах определенно в частности, а не о славянах вообще; посему имя *словен* здесь является как видовое, принадлежащее одному только славянскому племени, коему оно и ныне только и принадлежит. Это явно видно из определенных им жилищ их наименованием *Дуная*. Но если бы он имени *словен* придавал общее значение, был бы несправедлив, ибо славяне населяли не одну сторону дунайскую, но долины рек от Рейна и до Волги.

Впрочем, о живущих на Дунае не сказано еще совершенно определенно, ибо Дунай длинен. Думаю, поэтому известно, что всегдашними жилищами собственно так называемых словен были страны, некогда называемые *Noticum, Pannonia, Carnia* и отчасти *Raetia*, а ныне *Австрия, Штирия, Каринтия, Карниолия, задунайская часть Венгрии, Краина*⁵. Конечно, словене обитали по Дунаю с границ Баварии до Белграда или реки Дравы; в Сербии их совсем уже не было, тем менее в Болгарии. Теперь понятно, где именно *живуцим на Дунае*.

И насильницы Словеном быша. Известно, что болгаре в Венгрии основали было сильную династию, оружие коей, как увидим впоследствии, проникало далеко на запад. Конечно, занятые болгарами в Венгрии, преимущественно по сию сторону Дуная, места до их сюда прибытия обитаемы были римскими колониями, после готами и отчасти словенами же, отсюда вытесненными. Посему Венгрия искони была собственно *словенной*, чрез которую протекал Дунай. Вот где именно *болгаре Словеном насильницы быша*.

Я привел это еще не в ответ Енгелю, но в объяснение Несторова места, которое подтверждает, что болгаре не могли

смешаться со словенами в Болгарии; чтоб отвратить кривое толкование сего последнего выражения Несторова, в котором, казалось бы, он болгар исключает из числа славян, если бы *словен* он принимал за родовое название, что, однако, несправедливо. Народ, носящий имя болгар, мог быть также видом того огромного целого, коего имени не знаем и называем славянами только по произволу, именем, переделанным из видового *словене*. Из Несторова выражения можем только заключать, что болгаре не словене, точно как и поляки, и сербы не *словене* же, однако славяне.

Но обратимся к Енгелю.

Какое следствие в пользу татаризма болгар из того, что Нестор их выводит из земель козар? Во-первых, сей народ (козар) не только Енгелю, но и прочим изыскателям был гораздо менее известен, чем самые болгаре, ибо не был столь знаменит; во-вторых, сей народ давно исчез, давно уже нет ни следов оного, кроме древних летописей, весьма кратких, весьма неопределенных. Верных сведений о нем и по сию пору нельзя было добиться. И теперь еще одни думают, что козаре были татаре, ни другие, ни третьи не приводили достаточных доказательств. Посему как можно из выражения *приидоша от Козар* дать понятие о татаризме болгар? Как можно доказывать предположение предположением же? Сверх сего, *от Козар* не значит именно из самой Козарии, из среды козар, ибо оба народа, если они были различные, не могли населять одну и ту же страну в одно и то же время. *От Козар* можно понимать из *соседства козар*. Но положим, что Нестор понимал именно из Козарии, но выражения его, кажется, нельзя принять за самое правильное, ибо когда страна *Козария* стала быть известною в VIII и IX столетии, тогда болгаре уже давно были на Дунае. Итак, если болгаре вышли из самой этой *Козарии*, то она тогда, когда в ней жили болгаре, была не *Козарией*, а Болгарией; посему надлежало сказать: *приидоша из Болгарии*, разумеется, древнего их отечества.

Впрочем, что Нестор вместо Болгарии наименовал Козарию, небольшая ошибка; ибо имя древней Болгарии по выходе

ея сыновей стало выходить из употребления и заменено Козарией по имени новых поселенцев, и сие название было известнее и Нестору. Он употребил оное единственно для указания на страну, в коей жили издревле болгаре, т.е. на Болгарию. В том именно смысле именуем Молдавию и Валахию, говоря о происшествиях на примере 900–920 годов, несмотря на то что сии имена введены в употребление только в XV столетии и проч. Из сего видно, что *болгаре приидоша от Козар* значит из древней Болгарии; что не могло служить Енгелю отнюдь никаким доказательством их татаризма.

[О болгарских именах]

Б) «Собственные имена их древних вождей звучат по-татарски, например: Кубрат (греками иногда превращаемый в Кробат), Батбая (Batbajas), Котраг (от коего болгаре отчасти назывались и котрагами, откуда опять происходит скучное переименование в кутригуров), Аспарух, Тербель (Terbelis), Телец (Teletzs), Баян (Bajanus, греками часто превращаемый в Paganus), Токт (Toctus), Кампаган (Campaganus) (Хан Кампа), Цериг; сверх сего, имена знаменитых болгарских мужей: Боил (Boilus), Цигат (Tzigatus), Конартикин, Булиас (Bulias), Таркан и проч.»

То-то и беда, что сии имена вождей прозвучали Енгелю по-татарски; то-то и беда, что участь древних болгар зависит от состояния слуха сочинителя! Так как вся важность сего второго доказательства зависит только от слуха, то я скажу смело и решительно, что имена отнюдь не звенят по-татарски, и дело с концом и великолепным ответом, и все доказательство опровержено по достоинству.

Но прибавлю еще одно словцо. Не стану распространяться об испорченном слухе автора доказательств; скажу только, что он слишком приучил оный к беспрестанному [имя]слав в истории российской, польской, померанской, чешской, моравской, сербской, кроатской, далматской и проч., так что о славянах не иначе дерзает подумать, как только под фирмою *славов*. По этой-то причине и древние болгаре показались ему не славянами.

На сие отвечаем: имена собственные владельцев в начале истории всех почти славянских племен не оканчиваются на *–слав* – это всяк видеть может в истории русской, польской, чешской, померанской, почему же и не в болгарской? Впоследствии же и болгаре имели своих *славов*, как и прочие их соплеменники.

Но еще есть и другая причина, по которой упомянутые болгарские имена прозвучали в ушах изыскателя по-татарски, а именно: с некоторого времени стали требовать от собственных имен славян отчета в их этимологическом *происхождении* и значении, и если оправдывались они нынешним языком, то удостоивали их славянского происхождения; в противном случае называли варварскими, а именно *татарскими, скандинавскими*, как попало по соседству, и даже нашелся такой ученый, который толковал, что Владимир и Святослав происходят из скандинавских Вальдемара и Свена! Конечно, если продолжится подобная изыскательная система, то филантропы могут опасаться, чтобы агенты скандинавской славы не распростерли своего влияния и на прах покойного Тамерлана. Уже и так горе от ума!

Сколько в России, Богемии, Моравии, Славонии и еще ныне найдете в употреблении собственных названий, ничего не означающих и не имеющих никакой связи с языком! И в древние времена собственные имена рождались случайно, часто без всякого значения, было бы только слово или звук, как знак указательный того или другого лица. И ныне разве нужда народу знать, что значит Иван, Григорий, Мария, Вася, Гриша, Маша и проч.?

Положим, что вышеозначенные болгарские имена совершенно ничего не означали, то какое следствие можно вывести в доказательство их татаризма? Сверх сего, рождается еще вопрос, в таком ли виде оставили нам византийцы сии имена, в каком они произносимы были тогдашним болгарском народом? Всяк согласится, что отвечать можно не иначе, как только отрицательно, ибо если они еще и впоследствии искажали имена болгарские, уже явно славянские, имеющие значение и происхождение грамматическое, то тем более коверкали оные

в те времена, когда были еще некие знакомы с сим народом. Итак, имен, приведенных изыскателем, за настоящие, правописанные принять нельзя; а судить по звуку их, худо толкуемому, сущий вздор. Это в отношении к слуху изыскателя.

Теперь о самых именах. Кто знает лучше татар, чем г. Енгель, тот не найдет ни малейшего сходства сих спорных имен с татарским. Я измучил было одного татарского муллу выпрашиванием у него татарских имен, и в полученных не нашел ни малейшего сходства со спорными болгарскими. Впрочем, некоторое созвучие, иногда и весьма удачное, можно найти и между арабскими и немецкими; какое же отсюда следствие? Вот настоящие имена венгров, кои весьма близко подходят к татарским: Барчай, Кичин, Корай и проч.

Но разберем спорные по порядку.

а) Кубрат звучит по-татарски?

б) *Batbajas*, иначе *Baianus*⁶ есть исковерканный Боян. И это татарское имеет происхождение?

в) *Kotrag. Lis penes indicem*^{*}, ибо потеряло свое значение грамматическое. Мнение, что народ по этому имени назывался отчасти котрагами или котригурами, обветшала басня.

г) *Аснарух*. Греки затемнили значение этого имени; однако же оно звучит, как у южных славян *силюх, ложух, ленюх, конюх, кожух* и проч.

д) *Тербел* (*Terbelis*). Почему его так назвали болгаре, объяснит тот, кто скажет, почему поляки *Леху, Краку*, или *Локетку* дали такие имена и проч. Или не переименовали ли его византийцы? Или разве нет славянских слов, которые бы немножечко были похожи на *Тербеля*?

е) *Телец*. Покорный слуга.

ж) *Боян*. Бояна греки, как уже Стриттер заметил, превращали и в Пагана, и употребив вместо буквы *б*, коей не имеют, равно как и *уа* вместо *я*.

з) *Samraganus* тоже Боян. «Хан Кампа» – толкует изыскатель!

и) *Tzerigus*? иначе: *Telerigus*?

---

* Здесь: Внутреннее противоречие (лат.). – Прим. сост.

й) *Voilus* и *Bulias*, или, лучше *Bolias* (*Βοίλος, Βουλίας, Βοιας*). Все, кажется, одно и то же. Греки называли болгарских военачальников *βοιλαδης, βοελαδης* т.е. воеводы, которые у болгар действительно назывались сим именем; в единственном же будет *βοιλας*.

Впрочем, был в Болгарии и особый класс вельмож, называвшийся *болери* (читай *боляри*), по-русски *бояре*. Греки их называли *βυλιας, и βολιας*.

Между тем *Βοιλας* и *Βοισιλα* употребляли для означения собственного имени *Воеслава*.

к) *Таркан* и *Конартикин*, титулы болгарских царевичей *Романа* и *Бориса Петровичей*. За верность греческой копии нельзя ручаться.

Если же судить о сих именах вообще, то заметим, что г. Энгель из длинного списка болгарских исторических лиц, в коих везде виден их славянизм, несмотря на некоторое изменение под пером греческим, выбрал те, которые исковерканы более всех и посему сделались невразумительными и не объяснимыми, по его мнению, из славянского языка.

Византийцы в средние и последние времена болгарской истории уже несколько поправильнее стали писать имена исторических лиц сего народа. Но вышеозначенные имена принадлежат древней эпохе болгарской истории, а именно той, когда ни греки (писатели только) с народом не были коротко знакомы, ни народ сам, будучи язычником, писать не умел. Сие обстоятельство тем более показалось Энгелю к стати, что он намеревался древних болгар превратить в татар. Но что он во всех отношениях не имел права коснуться сего доказательства, мы уже видели. Ибо: 1-е, понятие или силлогизм: имена невразумительные, татарские, ложный. 2-е, их всего менее можно объяснить из татарского языка. 3-е, их звучание больше можно признать за славянское, чем за татарское. 4-е, если бы даже и было между ими и татарскими некоторое случайное созвучие, то из сего заключать еще не следует о народности. 5-е, сии имена изменены греческим пером. 6-е, несмотря на сие, многие из них очевидно суть славянские.

Здесь, не в ответ изыскателю, прибавлю кое-что об именах славянских вообще и о болгарских в частности. Это пригодится. Я заметил уже, что первый и самый простой способ давать имена лицам состоит в выдумывании слов или звуков, совсем не относящихся к словопроизводству и совершенно невразумительных. Так водится в народе; например, в черни у карпато-россов (т.е. у русинов, иначе русняков), где герольдия еще не в моде, найдете имена: *Тева, Двело, Шекмар, Руцак, Малайло, Бургун* и проч., рождающиеся и исчезающие вместе с лицами и ни из какого языка не объяснимые. Подобное же можно найти и у других славянских племен. Впрочем, сей способ не мог остаться единственным, ибо нельзя было обойтись без того, чтобы народ не производил и имен порядочных и вразумительных и не ввел бы какой-либо общей для оных формулы. Никакой народ не славился толиким разнообразием сих формул, как славяне. После них следуют греки и римляне. Прочие же народы, по бедности или по негибкости своего языка, не могли иметь оных. По сей-то причине, например, немцы, кроме множества непонятных названий должны были принимать для наименования себя имена существительные всякого рода вещей и животных, и даже землеписных мест, и прилагательные, и из них сложные, и, наконец, названия всякого рода ремесленников; например: *hr. Fuchs, г-н Лиса; hr. Wolf, г-н Волк; hr. Bär, г-н Медведь; hr. Hase, г-н Заяц; hr. Hahn, г-н Петух; hr. Thal, г-н Долина; hr. Berg, г-н Гора; hr. Bauer, г-н Мужик; hr. Langbein, г-н Длинная кость; hr. Klopstock, г-н Клепальная дубина; hr. Graukopf, г-н Седая голова; hr. Weiss, Schwarz, Roth, гг. Белый, Черный, Красный; hr. Becker, Müller, Schneider, Drechsler, гг. Хлебник, Мельник, Портной, Токарь; hr. von Schwarzburg, von Grüenthal, von Liechtenstein, г-н из Шварцбурга, г-н из Гринентала, г-н из Лихтенштейна и проч. Даже есть *hr. Engelmann, г-н Ангельский человек; hr. Hofmann, г-н Придворный человек* и другие всякого рода человеки и проч. и проч. Вообще знающие немецкий язык могут насчитать тысячи подобных примеров при чтении немецких фамильных имен. И почтенное имя нашего изыскателя значит *Ангел* (Engel); напротив, был извест-*

ный герой, сподвижник Фридриха II, *Mannteufel*. Посему, как в немецких обществах именуют лица по их фамильным названиям (как и у прочих европейцев), то нередко затрудняются или совестятся именовать лица, имеющие не совсем блестящее прозвище, в их присутствии. Подобным образом встречаются гг. *Гора с Горюю*, *Лиса с Петухом* и проч.

Французы не совсем последуют немцам. Они большею частью имеют названия (если исключить владельцев, именующихся по названиям своих земель), не имеющие никакого грамматического значения и составленные машинально и произвольно из букв – вышло бы только слово или звук; всяк пишется, как ему угодно или как угодно было его родоначальнику. В пример приведу несколько фамилий из списка парижского купечества за 1820 год: *Chatel, Chatelain, Chatelanat, Chatelet, Chatelin, Chatellain, Chatelle, Chatelier, Chatenay, Chatenet*; или *Girard, Girardin, Girardaut, Girault, Giraud, Girot, Girod, Girodet* и проч. Впрочем, есть у них и названия грамматические: *Mrs le Blanc, le Noire, le Rouge, le Marchand* и проч., коих, однако, к невразумительным можно отнести как 5 к 100.

Венгерцы (природные мадьяры), подобно немцам, принимают имена некоторых животных и даже вещей; *Farkas – Волк, Medve – Медведь, Szeker – Повозка* и проч. Но этих не так много. Притом они употребляют и прилагательные для означения фамилий: *Fekete – Черный, Fejer – Белый, Sarga – Желтый, Veres* (Вереш) – Красный, *Nagy* (Над) – Великий, *Vastag* – Толстый, *Kicsiny, Kis* (Кичин, Киш) – Малый и проч. Кроме сих также носят названия иностранных народов: *baro Orosz – барон Россиянин, baro Horvath – бар. Кроат, Nemet – г-н Немец, Ratz – Серб, Olasz – Итальянец, Olah – Волох, Török – Турок, Görög – Грек, Örmény – Армянин*. Но более всего употребительны имена, образуемые из названий мест, селений, городов прибавлением к оным буквы *i*, которая соответствует славянскому *-ский*, например, *Buda – Budai, Eszterhaz – Eszterhazi, Szetsenyi* (Сечень) – *Szetsenyi, Radvany – Radvanyi, Rakotz* (Паковец) – *Rakotzi, Gara – Garai* и проч. И имена ремесленников.

Славяне, в свою очередь, по свойству своего языка и гибкости оного имели ту выгоду, что, имея у себя особые формулы, могли удержаться от присвоения себе имен вещей и животных, им не принадлежащих. Первое их обыкновение было давать имена лицам сообразно с их характером, нравами, деяниями, образом жизни или телесным качеством и проч. В сем отношении имена бывали:

1-е, сложные: *Ратибор, Людомил, Доброход, Сивоус, Долгорук, Белобрад, Падибрад, Святой, Радогост* и проч.

2-е, а) Прилагательные: *Мстивой, Боривой, Ярой* и проч.
б) Некоторые из сложных сделались образцом и для других; одно, кончающееся на *-слав*, подало повод к образованию многих других, так что все прилагали к *-слав* что только было угодно: *Вратислав, Болеслав, Вячеслав, Изяслав, Святослав, Вертислав, Бранислав, Владислав, Ярослав, Держислав, Предислав, Примислав* и проч. Так же и кончающиеся на *-мир*: *Владимир* у россов, болгар и померанцев, *Яромир, Везимир* у померанцев, *Казимир* у поляков, *Драгомир, Тихомир, Добромир, Стратимир, Радимир* у болгар, *Строимир, Властимир* у сербов и кроатов и проч. Так составлялись имена у всех славянских племен.

Теперь взглянем на особые формулы, свойственные некоторым славянским племенам порознь.

1-е) Окончание *-ик* свойственно весьма многим именам славянским: начальник, чиновник, странник и проч. По сему образцу производятся и имена собственные лиц, или от понятных, или от непонятных имен: *Шевчик, Крафчик, Томечик* и проч. Сверх сего, сюда принадлежат и уменьшительные: *Михалик* от Михаил, *Ерик* от *ярый* или *ерый* (jery), *Томашик* и проч. Имена подобных окончаний весьма употребительны между *словаками* в Венгрии и отчасти в Моравии. Здесь же и в Богемии они весьма часто превращаются в *-ек*: *Калачек, Хованек, Воронек* и проч. К сим можно причислить и окончания на *-ак*: *Новак, Черняк, Позняк* и проч. Сии формулы преимущественно принадлежат славянам в Германии, Силезии, Богемии, Моравии, Западной Венгрии.

2-е) На *-ец*: *Воронец, Маринец, Иванчинец, Перевалишинец, Прачинец* и проч. у тех же славян.

3-е) Образуемые из названий мест окончанием *-ский*: *Волховский, Вяземский, Белгородский* и проч. Сей способ вошел в употребление исключительно у поляков. Впрочем, встречаются подобные имена и у прочих славян, кроме болгар, сербов и кроатов.

4-е) На *-ко*, уменьшительные: у малороссов и отчасти у сербов, напр. *Живко, Славко, Стойко, Лобко, Бранко* и проч.

5-е) *Отцеименные* (*patronymica*), производимые от имен родителей.

Прибавлением: а) *-ич* или *-ович, -вич*: *Живкович, Стойкович, Лобкович, Гражалкович, Бранкович, Данилович, Атанасевич, Славич, Савич* и проч. Это есть общая формула у сербов и кроатов, как *-ский* у поляков. Впрочем, она также отчасти свойственна и болгарам, малороссам и полякам. б) Образованием прилагательных притяжательных, имеющих значение родительного падежа. Это есть окончание на *-ов, -ев, (-ова, -ово, -ева, -ево)* от имен мужеского рода, и *-ин (-ина, -ино)* от женского рода: *Петр – Петров, Михаил – Михаилов, воин – Воинов, Таца – Тацын, Епраксяв – Епраксин, баба – Бабин*. Сообразно сим произведены названия и от прочих имен не только вещей и животных, но и от имен, которые по какой-либо формуле были уже образованы, и даже от названий местностей. Сей способ образования имен теперь принадлежит исключительно россиянам. Некогда он был в употреблении и у померанцев. Остатки сих имен и ныне еще там находятся в довольном количестве, носимые онемечившимися лицами.

Подобным образом производимы были и имена городов, селений, проч., на *-ов, -ин* (город), *-ово, -ино* (селение). Географическая карта Померании и теперь изобилует *-овами* и *-инами*: *Буков, Волхов, Щетин (Stettin), Зверин (Schwerin), Берлин, Демин, Воллин, Теплин* и проч. Между тем как сии *отцеименные* сделались фамильными, введены в русском языке вышеприведенные на *-ович*, которые тоже указывают на происхождение лиц; *-ич* собственно значит то же, что *-ов*. Воин – Воинов, сын

Воина, Воинович – сын *Воинова*. Имена на *-ович* вне России суть имена только *фамильные*; в России же они только *отцеименные* и составляют *второе* имя лица, а *третье* – *фамильные*. Обыкновение называться тремя именами существует издавна, как известно, в одной только России; в других государствах Европы этого не было.

Из древних народов одни римляне имели то же обыкновение (греки хотя и имели в своем языке *отцеименные*, но назывались только одним, и иногда двумя именами). Сходство этого обычая у *римлян* и *россиян* столь разительно, что я не могу удержаться здесь от краткого сравнения между ними.

У римлян были прозвания, взятые от разных вещей, животных, прилагательных и даже глаголов, которые имели свои обыкновенные латинские окончания или получали новые: *Lupus, Verres*; или *cicer* – горох, *Cicero* – Горошек, *tuber* – горб, *Tubero* – Горбач, *nasus* – нос, *Naso* – Носач и пр.; или *Crassus, Brutus, Rufus, Minutus, Fulvus, Quintus, Sextus, Septimus, Octavus, Maximus, Flavius* и проч. Итак, если, например, фамильное имя семейства было *Rufus* (Рыжий), отец семейства назывался *Octavus-Rufus*, сын его *Maximus-Rufus*, то отцеименное сына делалось постановлением имени *Octavus* в родит. падеже с окончанием на *-ius*, сообразно со склонением местоимений *nultus, ullus, alter* и проч. (посему частица *-ius* то же, что в русском *-ов* или *-ович*); итак, *Maximus Octavius Rufus*, по-русски Максим *Октавович Руф*, сын его *Curtus Maximus Rufus*, Курт *Максимович Руф*, внук его, напр. *Quintus Curtius Rufus* и т.д. Впрочем, *-ius* делались и фамильными, точно как и в русском; *Sextus Acilius Fabius, Tullus Hostilius Flaminius*, так сказать: Секст *Ацилиев сын Фабиев*, Тулл *Гостилиев сын Фламиниев*; или, иначе, Секст *Ацилиевич Фабиев*, Тулл *Гостилиевич Фламиниев*. Так и от женских, но только на *-inus*, (*-ин* по-русски): *Antonia – Antoninus* (Антонин), *Saturnia – Saturninus* (Сатурнин), *Sabinia – Sabininus* (Сабинин), *Messala – Messalinus* (Мессалин) и проч. Вообще, *-ius* исключительно господствовало в Риме, как *-ов* в России; и всегда римлянина узнавали по его имени, как ныне россия-

нина. В римских обществах так же противно было законам учтивости и этикета именовать присутствующих по их фамилиям, как и в собраниях московских или петербургских; например, никто бы ни за что не согласился назвать знаменитогостряпчего в глаза Цицероном, вместо *Марк Туллич*, если не хотел получить в ответ: *o tempora, o mores!* Или отправиться на съезжую. В письмах обыкновенно ставили «*Marce Tulli!*» – «*Марк Туллич!*», а не *monsieur* или *herr Cicero!*

б-е) У болгар было прекрасное обыкновение давать имена лицам по душевным и телесным их качествам. Сии имена производились как из имен существ. и прилагательных, так и из глаголов, и даже из наречий, и оканчивались на *-ан* или *-ян*: *Боян, Пружан, Каран, Телан, Душан, Милован, Доброван, Дрожан, Бранкован, Стоян, Золан, Радован, Асян, Деян*, или *Делян, Чижман, Кавкан*, или *Кокан, Рознован* и проч. и проч. (все они суть исторические лица). Сия формула из всех славянских племен принадлежала преимущественно болгарам, и несколько и сербам, у коих тоже некоторые из сих имен были в употреблении. Впрочем, и русскому языку не чужд сей дар образования характеристических существительных, но только не на *-ан*, а на *-ун*: *бегун, скакун, говорун, болтун, шалун, крикун* и проч. (а иные и по-другому, на *-ак, -ик, -ец* и проч.). Несмотря на сие, есть и в русском: *буян, великан, грубиян* и т.д.; еще больше из многих русских фамильных названий: *Резанова, Друганова, Жаданова, Черпанова, Лобанова, Рубанова* и проч. видно, что некогда и русским не была чужда подобная формула.

Вообще у славянских племен в произведении имен царствовала некоторая мода. Были эпохи, что одни формулы выходили из употребления при появлении новых. Во всей Померании и Балтийской Украине *-славов* не менее было, как и в России. Эпоха их началась с X столетия, в то самое время, как и в России. До того у померанцев царствовало преимущественно окончание *-ик* да *-гост*, если следить оное с X века обратно в древность, например: *Генерик, Фредерик, Гунерик, Аларик, Генсерик, Рерик, Ерик*; последнее уменьш. от *Ерый* (Jery) – так произносили и еще произносят германские славяне слово

ярый; у поляков сие имя произносится *Jery'eu* (Ержей), у словаков в Венгрии *Jiry* (Йирий), у россиян *Юрий*. После принятия христианства приняли оное в значении *Георгия*. Еще и другие виды были сего слова: *Яровой*, *Яровид*, *Яромир*, *Ярослав*, или *Еровой*, *Еровид* и проч. Заметим, что *Ерик* (Egicus, Egich) перешло от знаменитых некогда балтийцев и к их соседям, датчанам и шведам, точно как и некоторые другие, однако несколько переложенные: *Володимир* (Voldemar), *Всеволод* (Wesswald, Oswald), *Яромир* (Jaromar), *Вячеслав* (Wenceslaus, Wenzel); так и *Henrik*, *Frederik* – тоже, по-видимому, измененные, ибо в чистоте их можно сомневаться и проч.⁷ Возвратимся к Енгелю.

В) «Их короли в древнейших византийских известиях, когда болгаре не перемешались еще со славянами и волохами, называются *ханами* или *хаганами*. Так называет их у Стриттера Кодин и Теофилакт» (Метог. Popul. II, pag. 499).

Это самый щекотливый довод в полемике гг. *Енгеля и Тунманна*. Рассмотрим прежде составные его части.

1-е) «*Ханами* или *хаганами*». Это голое предположение, которое прежде надлежало доказать для того, чтобы годилось в доказательство. Отнюдь нельзя сказать решительно, одно ли и то же было *хан* и *хаган*.

2-е) «*Когда болгаре не смешались еще со славянами и волохами*». Темно и неопределенно. Где со славянами? Кажется, должно понимать: со словенами в Венгрии. Итак, древнейшие византийцы до тех пор только называли болгарских королей *хаганами*, пока они не смешались со словенами? Словенская земля к востоку, собственно, ограничивалась Дунаем. Мы видели, и еще увидим обстоятельнее, что Восточную Венгрию (до Дуная) болгаре наследовали от римлян и готов и за Дунай собственных жилищ не переносили. В Болгарии же, Валахии, Молдавии никаких словен не было. Где же было, и могло ли произойти сие смешение? Очевидно, что сие смешение лучше должно принять за соседство. И сие-то соседство было причиною, что византийцы перестали государей новых пришельцев называть *хаганами*? Но если византийцы перестали их имено-

вать *хаганами* потому только, что болгаре в Венгрии граничили или, допустим, смешались со словенами, то почему они перестали их так называть в Молдавии, Валахии, Болгарии, где они совершенно были чисты от словен? Еще: если соседство или, положим, некоторое смешение со славянами имело влияние на существование *хаганов*, то им никогда не существовать было, ибо не избежать было соседства с другими славянами. Болгаре прежде, нежели перешли в Валахию, Венгрию и за Дунай, жили в Южной России, а потом, древнее, и в *Восточной*, и на Волге, т.е. в соседстве или даже в смеси с российскими славянами. Почему же это обстоятельство, еще до появления болгар на Дунае, не воспрепятствовало употреблению слова *хаган*? Или, скажу больше, почему болгаре уже на Волге, а не за Дунаем не превратились в славян?

3-е) «В древнейших византийских известиях». Объясним сие в обоих смыслах, буквальном и логическом. а) Древнейшие известия о болгарах начинаются с половины VII столетия, т.е. с тех пор, когда имя болгар стало входить в общее употребление. Посему, если дело идет буквально о болгарах, то византийцы их королей отнюдь не называли *хаганами*; сие имя они прилагали в начале VII, в исходе VI столетий аварским повелителям, а там немножко далее кутригурам, а там опять *гуннам*.

б) Но если *гуннов*, *кутригуров*, *аваров* принимать за народ, тождественный с болгарами, как уже это делал и сам Енгель, то сии имена, как исчезнувшие, нельзя иначе принять, как за произвольные и введенные одними только писателями; посему и бывшее у них слово *хаган*, как тоже исчезнувшие, должно признать за произвольное, зависевшее от одних писателей и собственно не принадлежавшее народу. Итак, *существование* сего имени неизвестного происхождения никак не может давать понятия о народности или племенности, т.е. о татаризме народа.

Но если по нарицательным названиям государей позволено заключать о племенности или происхождении народа, то в этом случае надлежит знать, так ли именно болгаре называли своих государей, т.е. *хаганами* или *ханами*; надле-

жит услышать это слово из уст самого народа, а не из-под пера греческого. Чтобы *хаган* было настоящее имя, сомнительно; по крайней мере, знаем, что византийцы пишут оно и *казан*, *кезен*. Но положим, что это было действительно *хан*, переделанный греками в *хаган*, и что сие слово татарское, то из сего так же можно заключить о татаризме болгар, как о латинизме россиян из слова *император*, или о славянизме мадьяров из слова *kiraly* (кираль) – король. Но *хаган*, *казан* принято изыскателями за *хан* по поводу, 1-е, некоторого созвучия; 2-е, по поводу предположения, что болгаре были татаре: *хазан* значит *хан*. Но, милостивый государь, ведь вы доказываете предположение: болгаре были татаре; то же предположение, только в других словах: *хазан* значит *хан*; следовательно – не значит ли это доказывать *idem per idem*, подтверждать положение им же самим? Это ли значит доказывать?

Гораздо пристойнее было бы узнать то имя, которое у византийцев сделалось *казаном* или *хаганом*, и повод перехода его к ним, если не они сами выдумали оно. Трудно, думаю, добиться сего имени; по крайней мере, можно предположить, что оно, по общей болгарской формуле для названий, оканчивалось действительно на *-ан*, тем более что так образуемы были и титла, или имена чинов, как, например: *Bolias Tarkan* (*Болярин Таркан*), титул болгарского царевича, и другие имена грамматические. Впрочем, болгаре своих государей именовали *князьями*, а впоследствии и *царями*. Сие последнее слово переделали из *цезарь* своим скорым выговором в *царь*. Впоследствии оно со многими другими от болгар перенято и россиянами, кроме коих ни у одного из прочих славянских племен не было в употреблении.

Но слово *князь* как славянское было общим у всех племен сего народа. Многие старались объяснить происхождение оно. Большая часть изыскателей как бы с достоверностью утверждали, что оно есть сокращенное *конязь*, что означает будто всадника или ратника, имевшего преимущество ездить в походе верхом (смотри: О Древност. Русск. Успенского. Стр. 225). «Слово *князь* родилось едва ли не от *коня*, хотя

многие ученые производят его от восточного (?) имени *каган* и немецкого *könig*», – говорит Карамзин, том I, стр. 75. Но какое отношение от всадника к государю? Сверх сего сомнительно, чтобы сие слово происходило прямо от коня. По правилу словопроизводства какого бы то ни было славянского наречия, одни только следующие могут быть образованы: *коняр*, *коняк*, *конюг*, *конник*, *коник*, *коничек*, *коняг*, или, если даже и сократить, будет: *княрь*, *княк*, *князь* и проч.

Хотя, впрочем, *князь* ли, *конязь* не происходит непосредственно от *коня*, однако *конь* есть, очевидно, его корень. Но как от него произвести это имя? Следующим образом: а) Слово женское *княгиня*, производимое от мужского, супружеского, не может быть произведено этимологически от *князь*; в нем именно видно, что имя, из коего оно образовано, кончилось на -г-, посему и было *князь*; отсюда *княгиня*. Производимое же от *князь* есть *княжна*. б) Сего именно окончания на г требует производство слова *князь* или *князь*. Это окончание на -ь- показывает родительный падеж или прилагательное притяжательное от имени, которое должно было кончиться на -г-: *враж*, или *вражий*, от *враг*; а *княжий*, или *князь*, от *князь*. Но как *князь* склонять было неудобно и трудно выговаривать: *князя*, *князю*, и сбивались на выговор более удобный: *князя*, *князю*, то и в именительном *князь* заменено словом *князь*. Но что *князь* есть собственно *князь*, подтверждает слово *княжна* и *князь*, и ныне еще иногда появляющийся в газетных объявлениях и проч. Итак, повторим вкратце; родители: *князь* и *княгиня*; дети их: *князь* и *княжна*. *Князь* могло быть и *конязь*, т.е. кому как угодно было произносить. Посему *князь* действительно, хотя не непосредственно, могло происходить от *коня* в своем этимологическом отношении. Чтобы сие имя означало само собою государя, нельзя допустить по низкому его происхождению.

Предлагаю следующее предположение⁸. *Коназь* или *кназь* было имя собственное или прозвище лица до незапамятных времен, достигшего верховной власти, подобно цесарю, и славившегося могуществом во всем славянском мире. По-видимому,

имя его сохранилось в памяти потомства, как и Юлия Цесаря. Впрочем, имя коняга самого прекратилось, но сохранилось в его сыновьях и прочих потомках, которые прослыли *княжьями*, т.е. *княжими*, т.е. *княжескими* сыновьями, наследниками *Коняга*, т.е. *Коняговичами*, точно как и наследники *Карла В. – Каролингами*. *Князь*, отцеименное, сделалось впоследствии нарицательным той власти, которую имели верховные правители. Итак, знаменитый *Коняг* у Славян поминается только в своих потомках, но сам он существует у немецких племен. Кто не знает слова *könig*? Как сие имя от славян перешло к немцам, всяк догадается, кто вспомнит, что к сим же немцам перешел и знаменитый итальянец *Caesar*, превратившийся по греческому правописанию (*Καισαρ*) в *Kaiser*, и к славянам (болгарам и россам) под сокращенным именем *царь*; – кто вспомнит, что западные славяне таким же образом увековечили у себя имя *Карла Великого (Carolus)*, называя своих государей его именем: *король, краль*. До 800 году по Р.Х. Север покрыт был тьмою. В продолжение этого мрачного времени Север очень мог иметь своих *Карлов, Цесарей, Аннибалов, Александров Македонских; Конягь*, может быть, принадлежал к их числу и был увековечен, как *Цесарь* и *Карл Великий*. (*Догадка*.)

В слове *князь* окончание *-ь* в этимологическом отношении есть то же, что и *-ов*, например *Михайлов*; и *Князь*, и *Михайлов* – отцеименные. Я забыл выше заметить, что у болгар окончание *-ан* служило и в значении отцеименных: например, отец *Мило*, сын *Милован*, отец *Бранко*, сын *Бранкован* и проч. Может статься, что они кроме *князь* употребляли издревле и *княгань* или *кягань*. Карпато-россы в Мармарошском графстве, у коих слово *князь* вышло из употребления, *княгиню*, однако, удержали, но называют ее только *кягиней* и *кегиней*, что у греков могло быть *хагань, кагань*. По крайней мере, не вижу ничего, что бы могло противоречить сему предположению. Если же слова *княгань* вместо *князь* у болгар не было, то византийцы своего *хагана* переделали из какого-либо собственного имени, тем более что *-ан* было господствующее окончание народных болгарских имен. Еще и теперь можно найти имена, *хагану*

созвучные: у карпато-россов – *Кохановичь*, у поляков – *Кохановский*, у Сербов – *Кокан* или *Коканович*. В росписи болгарских имен, у Стриттера, нахожу двух вельмож *Кавканов*, один *Дометиян Кавкан* (*Δομετιανος ὁ Καυκανος*) около 1015 года, а другой *Кавкан* был воеводой войска у короля *Делана*, или *Телана* (*Deleanus*), 1040. История мало сохранила нам древних болгарских имен. Вероятно, одно из них, принадлежавшее какому-либо из их князей, греки приняли за нарицательное власти, – был ли то *Кавкан*, или *Кокан*, или *Кохан*, или другой похожий на это, все равно. Довольно заметить еще то, что и самое маловажное обстоятельство могло быть к сему поводом. Кто бы подумал, что в Германии императора будут называть кайзером потому, что одна римлянка (мать Юлия, прозванного *Caesar*, а *caedo* – *секу*, *режу*, как бы – *Высеченцем*) не могла родить без хирургической операции! Впрочем, византийцы до тех пор только называли их каганами, пока не узнали настоящего названия, как народа, так и государя, коего впоследствии переводили *архонтом*. Что византийцы действительно могли принять собственное имя какого-либо болгарского воеводы или князя в значении государя, тому доказательством могут служить приведенные уже мною примеры. Заметим еще, что турки долго называли сербских князей *Волковичами*, потому только, что знакомство их с сербами началось во время княжения *Волковича*; так *Чернович* значило князя Катарского и Далматского, *Карлович* – Дураццсага. Как бы то ни было, но слова *Chaganus*, *Kaganus*, *Kegenes* ни в каком отношении нельзя приводить в доказательство татаризма болгар.

Г) «Обычай их государей: *делать жертвоприношения животными, омыватъ ноги в море, содержать многих наложниц, быть принимаему войсками своими при радостных восклицаниях* суть татаро-восточные»⁹.

Сие доказательство так маловажно, что даже не стоит внимания. Будто бы подобных нравов и обыкновений не было у славянских племен! Кто не знает, что балтийские славяне приносили на жертву своему *Триглаву*, *Радогосту* или *Вода-*

ну не только животных, но даже и людей? Или кто не знает, что россияне по выходе из Днепра в Черное море на одном из островов оного имели обыкновение приносить жертву из животных богу – по-видимому, моря или погоды? Кто не знает, что Владимир Великий до своего обращения имел множество наложниц? Сверх сего, если вникнете в историю и прочих славянских стран, найдете довольно примеров, что князья содержали отличные гаремы. Впрочем, о многоженстве татар можем говорить, кажется, только со времени их магометанства, которое дало им понятие и позволение учредить гаремы. До сей эпохи мы не можем знать ничего об образе жизни татар касательно сего обычая; по крайней мере, нельзя полагать, чтобы при кочевой жизни они таскали с собою многих жен. Войска приветствовали своих государей криком и стуком оружия и в европейских странах.

Д) «Имя *бесерменов*, в русской летописи прилагаемое болгарам, у турок означает их народное название».

Чтобы понять смысл русской летописи, замечу следующее. Слово *болгаре* было собственным именем болгар задунайских, т.е. сей народ сам себя так называл и по сию пору называет. Эти настоящие болгаре уже с V столетия проживают на Дунае. Русский летописец мало говорил о сих болгарях, да и то сокращенно, из византийцев. В том месте, где он болгар называет бесерменами (бусурманами), говорит, притом несколько подробнее, о болгарях волжских. Они принадлежат к XI и XII столетиям и никакого отношения не имеют к болгарам задунайским. Волжские болгаре были действительно татаре, а верою магометане (XI, XII, XIII столет. и проч.), как и прочие их единоплеменники. Народное их название неизвестно; по крайней мере, наверное, было татарское, которое, может быть, существует и до сих пор. Болгарами же себя они не называли, ибо не были сим народом, а одним из татарских племен; но болгарями их называли только россияне, или, лучше, русский летописец, потому что они заняли после выхода настоящих болгар за Дунай сию древнюю Болгарию,

или еще лучше потому, что населяли древний знаменитый на Волге город Болгары.

Итак, болгаре на Дунае означают настоящий народ, болгаре на Волге – только горожан, какого бы они рода ни были. В том точно смысле иностранцы до недавних времен россиян называли *московитянами* (Рим – *римляне*, *афиняне* и проч.); в том же значении волжских болгар называют и арабские писатели; но когда упоминают о дунайских, тогда, разумеется, уже о настоящем народе. Что волжские татары, обитатели города Болгар, никогда не назывались *болгарами*, неоспоримое доказательство в том, что ныне сего имени нет ни малейшего следа между татаро-турецкими племенами. Между тем известно, что собственное народное имя, так сказать, впечатленное в существо самого народа, исчезнуть не может, разве вместе с народом. Мы видим, что оно сохранилось и донныне в одном из славянских племен, коему только и принадлежало. Посему, говоря о болгарях волжских в XI и последующих столетиях, говорится о татарах. Было ли *бесермены* их собственное название, как Нестор их будто называет, неизвестно. Если турки (родом татары) действительно называют себя, как Энгель утверждает, *бесерменами*, то можно предположить, что это было народное название татар города *Болгар*.

Карпато-россы (т.е. русины) еще и теперь называют бурсурманами иноплеменников и вообще всех иноверцев. В том значении употребляется сие слово русскими и в Галиции, и в России; равно и природными венграми (мадярами): *βόστόρμηνυ*, бесермейн. Мне кажется, что и в летописи сие слово употреблено в том же смысле. Не знаю, принадлежит ли оно Нестору или его комментатору XIV или XV столетия, многое от себя вставившему. В заключение напомним только, чтобы изыскатели при открытии известии об имени *болгар* обращали *строгое* внимание, *о каких болгарях именно говорится*, и определительно различали значение сего имени по приведенным уже мною понятиям.

Итак, можно ли заключать с народа, жившего в волжской стране в XII, XIII и проч. столетиях, не называвшего

себя болгарами, о происхождении того народа, который уже в 400 году оставил сию страну, или, лучше сказать, распространил свое владычество далеко к югу? Или можно ли сказать, что сии были татарами потому, что впоследствии их жилища заняты были татарами, слывшими у русских болгарами по имени города Болгар?

Рассмотрев и разобрав вкратце мнимые доказательства татаризма древних болгар, надлежит возвратиться истории истинное положение, что *древние болгаре были не татарское или турецкое, но настоящее славянское племя*. Разобранные мною доказательства могли служить только возражениями против сего положения, а не доказательствами исторической истины; но мы уже видели, сколь они слабы и маловажны.

Теперь обратимся к тем доводам, на которых Енгель основывает второй догмат своего учения, т.е. *превращение болгар-татар в болгар-славян*.

«Если кто привык заключать, – так начинает г. Енгель свою болгарскую историю (Allg. Weltbist. 49. Th., pag. 293), – из того, до чего один народ доведен действием времени, событий, войны, истреблением коренного племени, климата, смешением с другими, действием торговли, литературы, религии, подражанием соседям и влиянием других обстоятельств последующих времен, о том, чем он был в древние времена, – тот древних болгар назовет славянским народом».

«Серб может понимать болгарина, – говорит Раич, – итак они одного, т.е. *славянского, происхождения*. Галеот Марций (*Galeottus Martius*) в своих драгоценных Записках об изречениях и деяниях *Матвея Корвина, короля венгерского*, говорит именно (сар. 28, pag. 267): *Матвей весьма хорошо понимает болгарский язык, на котором турки писали* (тогда, т.е. около 1458–1490, в царствование сего короля) *свои дипломы*¹⁰, *ибо он не во многом отличается от славянского языка, который столь обширен, что включает в себе различные наречия, или диалекты*. По сей-то причине Матвей весьма удобно разговаривал с чехами, поляками, россиянами (обитающими в Венгрии, из коих имел при себе отряд вроде гвардии), далматами,

болгарами и сербами. Сие же самое сродство славянских наречий с болгарским подтверждает и Бонфиний, венг. писатель, современник Матвея Корвина».

«Однако приведенными выше доводами мы доказали, — заключает г. Энгель, — что болгаре в старину были татарами, суть даже одного происхождения с турками».

Нет. Мы видели по приведенным с нашей стороны доводам, что г. Энгель отнюдь не доказал своего положения и что посему болгаре, не будучи татарами, а славянами, должны были обойтись без превращения в то, чем они были сами *собою*. Следственно, некоторым образом показалось бы излишним опровергать подробно сей второй догмат тунманно-енгелевского учения. Однако следующие причины побудили меня продолжать мой разбор.

1-е, Энгель неотступно настаивает на превращении болгар. «Итак, главное, — говорит он, — положение болгарской истории есть определение *ославления* (превращения) болгарского народа». Сие повторяет он и во многих других местах своей болгарской истории, будто показывающих совершающееся превращение.

2-е, сверх сих мест, действительно не основательных, Энгель уже в первом периоде своего вступления действующие причины времени, событий, войны и проч. выставляет за доказательства. Те и другие служат основою вообще принятого догмата, мною опровергаемого.

3-е, система подобного превращения немецкими учеными введена не только в историю болгар, но и других европейских народов, например, россиян и французов. И те и другие, говорят сии ученые, переродились в себя из немцев. Посему подробный разбор превращения вообще и его теории может быть полезен, даже необходим не только для истории происхождения болгар, но и россиян, французов, и вообще для объяснения европейской истории первых восьми веков. В чем убедимся ниже.

4-е, я предполагаю, что русские читатели любопытствуют прочесть нечто о тех странных понятиях, на которых

заграничные историки, преимущественно немцы, основывали свои исследования и которыми, к несчастью, соблазнился и Карамзин.

Сперва заметить надобно, что в первом периоде сего вступления Энгель соединил довольно невнятным образом два себе противоречащие понятия: а) что древние болгаре были славяне, ибо так он заставляет заключать своих противников, б) что *древние болгаре были татаре*, как он сам думает, что показывают исчисленные им будто причины превращения. Это делает весь период его неясным. Конечно, надлежало историку для большей ясности высказать оба понятия отдельно. Смысл ангелевых слов есть: заключают, что древние болгаре были славяне; но мы, зная, что они были татаре, утверждаем, что они только превратились в славян действием времени, событий, войны и проч.

Оспариваемое г. Энгелем заключение не происходит, как он утверждает, от привычки заключать, но предписывается *здравым рассудком и естественностью*. Сам историк заключал о своей собратии верно следующим образом: если нынешние дайчеры суть немцы, то и древние были немцами же: если нынешние греки – греки, то и древние были тем же народом. По этому же самому праву и Раич, или кто бы то ни было, Павел ли, Петр ли, должен был признать древних болгар за славян, т.е. племя славянское. Сие-то положение надлежало Энгелю прежде опровергнуть, чтобы дать после место своим доказательствам превращения. Но он решился избегнуть борьбы с ним, приклеив к нему свои будто превращающие причины и выставив его же против своих противников! Какая увертка!

Болгаре уже с половины IX столетия, то есть со времени их крещения (около 863–867 г.). слыли племенем славянским. С тех пор уже нельзя в них найти никаких следов татаризма; в этом признался бы и сам Тунманн, и сам Энгель. Св. Писание и литургия по сему случаю переведены для них на известном наречии славянского языка. Если же болгаре хотя и частью были тогда еще татарами, то без сомнения последовал бы перевод и на их язык; но о татарском переводе Св.

Писания для болгар отроду ничего не слышали ни греки, ни кто-либо другой из их соседей. Следовательно, *превращение* их должно было произойти до их крещения, т.е. до 863 года. Начаться же должно было оно только с того времени, с коего болгаре, по смыслу историка, перемешались со славянами. Сие смешение со славянами, по Енгелю, началось в 680 году, именно когда *Аспарух*, государь болгарский, переправился чрез Дунай в Болгарию и подчинил себе каких-то тамошних славян (см. Allg. Weltbist. 49. Th., pag. 315). Итак, вся эпоха превращения татар в славян с 680 по 863 год состоит из 183 лет. В продолжение сего-то времени превращающие причины г. Енгеля должны были довершить волшебное действие *metamorphoseos* татар в славян! Вот они по порядку:

а) «*Действие времени*». Точно, на весь физический и нравственный мир действует время, или, лучше сказать, действуют события или явления, коих весь ряд именуем временем. Но сила его не простирается столь далеко, чтобы могла производить такие перерождения. Скольким превращениям, коликому числу действующих причин подвержен был греческий народ в продолжение с лишком 2000 лет! Сколько снесте должен он был внутренних переворотов, сколько чуждых владычеств, сколько смещений, с персами, македонянами, римлянами, латинцами, франками, венецианами, славянами и, наконец, в продолжение 400 лет с турками, – и все тот же греческий народ! Что же могло произвести в нем толикое пространство времени, толикий ряд действующих причин? Только изменение в языке, которое делается тогда только ощутительным, когда возьмешь оба конца 2000-летнего пространства и сравнишь оные, т.е. сравнишь язык *Гомера* или *Демосфена* с языком нынешних греков. Однако все язык один и тот же (я говорю об языке, ибо под превращением его и можно только представлять превращение татар в славян).

Какая же разница между действием 2000-летнего и 163-летнего времени? Какая разница между сими понятиями? Древний греческий язык изменился в нынешний в продолжение 2000 лет, а татарский (*sisum teneatis amici*), не скажу изме-

нился, но совершенно превратился в славянский в продолжение 163 лет! Греческий язык не превратился в другой, будучи почти непрерывно под игом, смешиваясь с иноплеменниками, а татарский превратился в совершенно другой, будучи господствующим! *Eheu! Praeclarum veritatis documentum – absurdum!* Конечно, сказанное насчет греков годится и насчет всякого другого народа. В сем отношении, если применить действие времени и к болгарам, то не иное что выйти может, как только некоторое изменение в болгарском наречии славянского языка, аналогически с греческим.

Опровергнув вообще такое действие времени, мы приступим теперь, хотя это уже и лишнее, к опровержению порознь всех причин, которые Энгель исчислил.

б) «События, война» (!).

в) «Истребление коренного племени». – Что это значит? Истреблены ли мнимые татаре-болгаре, всегда господствуя? Кем же истреблены? Как можно согласить два понятия: *истреблены* и *превратились в другой народ*? Но положим, что сочинитель под истреблением подразумевал перерождение, превращение в славян. Если так, то как мог он сие положение, которое надобно было именно доказывать, выставить за доказательство, предлагать произведение (effectus) вместо причины (causa)? Не значит ли это говорить следующим образом: болгаре превратились в славян, ибо болгаре превратились в славян? Какая логика?

г) «Климат». Вот новость! Татаре превратились в славян в продолжение 163 лет, потому что переселились в страну, более теплую! Искренно пожалеть можно, что мнимые их единоплеменники, турки, вышедшие из Татарии в претеплую Грецию, в продолжение более 600 лет не оправдали сего софизма немецкого ученого превращением себя во что-либо, положим, греков!

е) «Смешение с другими». Здесь-то, здесь-то и заключается *историческая мистификация* многих изыскателей! Здесь-то и все пределы теории превращения – в *смешении с другими*! Как легко вообразить, что два, три народа перетасовались

между собою и – о диво! – исчезли из сей кутерьмы, а остался один, нередко совершенно новый! Так, например, говорят, татары смешались со славянами, – и родились болгары. Шведы слились со славянами, – и родились россияне! Уатсон говорит за достоверное, что даже из смешения славян, чухонцев, готов произошел совершенно новый народ и язык – латышский. Он даже сделал химическое разложение сего слитка и (см. № III «Материалов для истории просвещения в России») представил количественную таблицу составных начал одного и проч. Но скоро ли перестанут фокусничать? Слава Богу, уже с лишком 1000 лет тому назад, как водворилась в Европу здравая история; 1000 лет прошло, в продолжение коих между европейскими народами, несмотря на их смешения между собою, не было подобного превращения, какие мерещатся писателям в темных столетиях европейской истории.

Но если сие зависело от смешения, то почему подобные татары-турки, завоевавшие Болгарию около 1380 года и пребывающие в оной донныне в совершенной смеси со славянами, в продолжение толикого времени не превратились в славян? Скажу больше. Почему *венгры*, народ действительно татарского происхождения, сам собою не многочисленный, живя в Венгрии уже с лишком 900 лет в совершенной смеси со славянами и подвергаясь всем почти действующим причинам, исчисленным г. Енгелем, не только что не превратился в славян, но напротив, в продолжение толикого времени удержал за собою все принадлежности своей народности?

ж) «*Действие торговли, литературы, религии*». Ба! Разве латыши и чухонцы перестали быть латышами же и чухонцами от того, что в продолжение 500 лет во всей их стране была и литература, и верование, и торговля иноплеменная, немецкая? Известные жители Краины и Карниолии, *словене*, со времен Августа имп. до нынешних времен, в продолжение 1800 лет, несмотря на все старания римского, итальянского и немецкого правительств, несмотря на все те обстоятельства, которые представлять может иго иноплеменников (чужой язык, чужая вера, чужое богослужение, чужая литература,

чужая торговля), по сию пору остались славянами. Ни одна из римских колоний в Дакии, Галлии и Испании не только что не лишилась своей народности, но еще и распространилась. В XIII столетии выведенная в Трансильванию саксонская небольшая колония, вопреки всем условиям теории превращения, не истребилась и по сию пору, но ныне еще разделилась на значительные округа.

Вообще, *язык и народность* могут сохраниться, и действительно сохраняются, не только в небольших колониях, но и в отдельных семействах, совершенно окруженных иноплеменниками, если только сии семейства не станут с ними смешиваться кровною связью. *Язык и народность* сих семейств при упомянутом условии сохраняется не только в продолжение 163, но и 263, и 363-х лет. Живым доказательством этому послужат армянские семейства, проживающие с давних времен в России, Польше, Венгрии. Наиболее же в сей последней и Трансильвании можно отыскать семейства, которые, по городским свидетельствам, проживая в том или другом городе по 300 лет, не позабыли и поныне армянского своего языка.

Следовательно, и подумать непозволительно было о превращении болгар. Ибо, повторяю: 1-е) Смежные их соседи, византийцы, от роду о сем ничего не знали; выдуманное же упомянутыми учеными превращение вопреки здравому рассудку и всем византийцам вводит в историю галиматью. 2-е) Многочисленный болгарский народ должен был своею массою заглушить поселенное будто у Балканских гор в царствование Ираклия какое-то славянское племя; это побежденные славяне должны бы были, напротив, отатариться. 3-е) Болгаре не могли смешаться на всех местах занимаемого ими пространства с предполагаемыми славянами. Если же от смешения должно было произойти превращение, то не смешанные области болгар должны были остаться в мнимом их татаризме и до нынешнего времени, чего, однако, никогда не бывало. Еще более: сам г. Энгель в своей истории Болгарии, стр. 317, говорит, что завоевавшие Мизию болгаре переселили *северян* (*Severier*) из окрестностей Варны, в коих сами намеревались остаться, далее

к югу, а прочие славянские колена прогнали к юго-востоку, к границам Аварии. Итак, по словам самого историка, смешения со славянами не было даже и в самой Болгарии. Как же могло произойти превращение? О диво! 4-е) Мы увидим ниже, что в Болгарии или во Фракии до пришествия болгар отнюдь не было никаких славян, как полагали Тунманн, Энгель и прочие; в качестве славян в сию страну вошли одни только *болгаре*. Как и во что должны были они превращаться?

Для предотвращения недоумения читателей между мною и моими противниками замечу следующее. Имя *словене* (*словенцы*, *словаки* – одно и то же, как и *россияне*, *русские*, *русаки*) принадлежало всегда и исключительно одному славянскому племени, а именно, как я уже и выше заметил, паннонцам и итало-украинцам; прочие же им никогда не назывались. Иноплеменники произносили сие имя на своем языке *Ζθλαβοι*, *Slavi*, *Slavini*. Довольно странным образом они распространили оное в своем воображении и на прочие сродные со словенами племена, так что имя *словене*, собственно видовое, стало делаться и родовым. В Европе и по сию пору пишут сие название только по латинскому правописанию: *die Slaven*, *les slavons* или *slaves*; но никогда не означают, о чем говорят, о виде ли или о целом роде. Сия неопределенность понятия причиняла вообще в европейской истории чрезвычайную путаницу. Употребление *видового* имени вместо *родового* подало многим повод думать, будто издревле действительно все виды сего обширного рода назывались сим именем, что, однако, несправедливо. Сия-то ошибка породила и многие другие, между прочим, покровительствовала понятию о татаризме болгар, о скандинавизме россиян и проч.

Однако русские летописи не подражали грекам и римлянам, а писали сие имя как надлежит – *словене*, чего не поняли все наши толкователи. С некоторого, однако, времени и в России иные писатели, между прочими и Карамзин, ввели *славян* в русский язык, так, однако, что и по сию пору иные пишут *словене*, а другие *славяне*, но и те и другие в одном значении, т.е. сами не знают, подобно иностранцам, в каком.

Но пора говорит внятнее. Прошу имя *словене* возвратить племени, коему оно принадлежит исключительно, употреблять его в видовом значении; но так как общего имени всех племен никто не знает, то вместо одного можно допустить введенное уже *славяне*. В таких значениях впредь я и буду употреблять сии названия.

Итак, говоря, что в Мизии до пришествия болгар не было славян, я хотел сказать, – ни сербов, ни кроатов, тем менее *словен*, т.е. никакого другого славянского вида или племени, кроме болгар. *Северяне* же в окрестностях Варны другие в тех местах предполагаемые славяне были настоящие болгаре же, туда переселившиеся еще до времен Аспаруха, как увидим ниже.

Итак, разобрав подробно и доказательства татаризма болгар, и понятия об их превращении, повторю мое положение, как аксиому или истину, что *болгаре были славянским племенем не только в IX веке, но и в VIII, VII, VI, V, IV, III, II, I и так далее до самой отдаленной древности.*

В заключение заметить нужно, что обе сии спорные статьи – доказательства татаризма и *доказательства превращения болгар* – зависят взаимно одна от другой. Если болгаре, как доказано, не были татаре, то им и не нужно было превращаться в славян; и наоборот: если болгаре не могли превратиться в татар, то, стало быть, и первоначально были славянами.

III. О древних поселениях болгар¹¹

По всем летописям видно, что болгаре появились на юге с северных берегов Азовского моря, то есть из страны Волжской, или, иначе, из древней Болгарии. То же самое утверждает Нестор, выводя их из Козарии, как мы видели выше. В этом нет сомнения. Это подтверждает еще следующее суждение. Болгаре, составляя часть славянского мира, должны были

жить в соприкосновении с оным, а именно в соседстве со славяно-россами; посе́му они находились в соседственной с Русью стране *Волжской*. Напротив, нельзя допустить, чтобы они жили где-либо в другом месте без всякого соприкосновения со славянами. Хотя, впрочем, не слишком благоразумно было бы коптеть над происхождением имени какого-либо народа, однако начало болгарского имени столь очевидно, что нельзя не упомянуть об оном.

Имя *болгар* произошло от знаменитейшего в их жилищах предмета, реки *Волги*. Это положение не включает в себе никакого противоречия и, напротив, подтверждается многими подобными примерами из прочего славянского мира. Кто не знает, что германские украинцы назывались *полабами*, потому что жили по обеим сторонам реки *Лабы* (ныне Елбы)? Так, знаменитые *ободриты* – от реки *Одры* (Одера). Кто не знает, что моравяне и вся Моравия получили название от реки своей *Моравы*? Большая часть славянских племен в обширной Германии называлась по именам рек, ими обитаемых. Подобные примеры есть и в России: *суличи*, *вятичи*. Кто не знает, что часть волошского народа прослыла *молдованами*, и страна их, впоследствии распространившаяся *Молдавиєю*, по имени речки *Молдовы*, вытекающей из Карпатских гор к Востоку? Очевидно, что и знаменитая Волга должна была получить подобную же почесть. Славяне в странах, ею орошаемых, сделались *волгарами*. Впрочем, как *волгары* превратились в *болгар*, нетрудно понять; ибо 1-е, различие между *в* и *б* небольшое; 2-е, может быть, *Волга* в древние времена называлась *Болгою* или, может быть, сами *болгаре* ее так называли. Между тем, заметим, что не только византийцы, но и *Paulus Diaconus in Gest. Longob.* называет их *вулгарами*. Так ли или иначе, все равно для сущности дела.

Догадка. Впрочем, нынешние болгаре называют себя *болгарами*, а не *волгарами*. Это педантам показалось бы некоторым затруднением. В предотвращение сего я добываюсь старинного имени Волги следующим образом¹². В русских фамильных названиях нередко удается открыть старинные и

вместе вышедшие из употребления русские имена; так, например, из имени *Корсакова* узнаем, что наши предки коренных жителей Курляндии называли *корсаками*. Окончание *-ак* означало жителя или уроженца той или другой страны или места; *русак, поляк, литвяк, сибиряк, остяк, пруссак, тверяк, земляк, днепряк* – от *Русь, поле, Сибирь* и проч.; *посему* и *корсак* от страны, которую русские некогда называли, как известно из Нестора, *Корсью*. Из имени же Булгакова видно, что сюда же относится и *булгак*, произведенное от *Булга*, что явно есть Волга. Итак, не называли ли древние россияне или, положим, сами *болгаре* сию реку *Булгою* или *Болгою*? По крайней мере на это указывает: 1-е, упомянутое фамильное название; 2-е, то, что и нынешние *болгаре* пишут *-б-*, а не *-в-*.

Кстати, Волгу *Волгою* именовали издревле только один славяне; татарские племена называли ее *Ателем, Этелем, Этилем*. Теперь спрашиваем: если древние *болгаре* были татарами, то как могли бы они прозваться *волгарями* от такого имени сей реки, коего татаре не имели? Или: зная местопребывание болгар и происхождение этого имени, можем и мы подумать, что древние болгаре были татарами?

Итак, древнейшие жилища болгар видим в обширной стране приволжской; *посему* это первые их обиталища, о коих знаем. Изыскивать или догадываться, жили ли они здесь всегда или пришли сюда откуда-либо, было бы безуспешно и бесполезно или, лучше сказать, невозможно. Вообще, понятия о жилище болгар зависит от понятия о географическом положении всей славянской массы. Все, что говорено о переселении славян вообще из Азии в Европу и об эпохе оною, суть одни только догадки, не заслуживающие никакого внимания. Тождество основы славянского языка с основою прочих европейских, выводимое из сравнения с совсем другою основою, общею азийским языкам, а наиболее близкое сродство славянского с латышо-латинским явно показывает, что главные народы Европы происходят из общего источника, равно как и народы татаро-монгольского мира из своего другого¹³. *Посему* если латины или греки

или даже немцы суть древние обитатели Европы, то ничто совершенно не мешает и славянам по тому же праву быть старожилами сей же части мира. Но если захотелось бы кому непременно говорить о пришествии славян из Азии, то говорить об этом можно бы только в той главе, в которой будет намекаться о пришествии оттуда же всех вообще европейских народов. Это, впрочем, так далеко, что никакой взор наблюдателя туда не в состоянии проникнуть. Посему и болгаре жили или должны были жить в соприкосновении с европейскою массою, именно со своими собратьями, славянскими племенами, и эти жилища их были на Волге со времен, незапамятных для истории.

IV. Опыт определения времени выхода болгар из Волжской страны к Дунаю и решение затруднений, происходящих при взгляде на сей переход

Переход сей занимателен, потому что если и не принадлежит к истории русского народа непосредственно, однако принадлежит к истории русской страны, через которую был совершен. Сверх сего, объяснение некоторых важных исторических задач касательно народов, появлявшихся попеременно и исчезающих в Восточной Европе, имеет к русским племенам ближайшее отношение.

Выход и переход болгар с Волги к Дунаю весьма темен, ибо совсем не описан современными византийцами. В исходе только V и начале VI века, т.е. около 490–505 годов, в царствование императора Анастасия, упоминается о болгарях в первый раз, а именно тогда уже, когда они, проживая на Дунае, делали первые нападения в Мизию и Фракию. Итак, для большей ясности здесь положим два понятия: а) бытие болгар на Волге и б) бытие их около 490 года на Дунае. Посему предметом нашего внимания будет третье, среднее понятие, свя-

зывающее оба приведенные, то есть: в) бытие болгар в дороге с Волги к Дунаю, т.е. *их переход*.

Византийцы, говоря о *пришествии* болгар, а по-нашему, об их переходе, знают, как мы уже видели, что они пришли из Азовского моря или из-за Азовского моря, но не сказывают, когда именно. Около 495 года они сделали нападение на самую Фракию. Анастасий велел выстроить знаменитую стену для удержания их. Посему сей год есть время нападения на Империю, а не их прихода. Они могли жить долго на Дунае еще до сего нападения. Впрочем, византийцы отнюдь не могли назначать именного года их пришествия; ибо: а) они не знали того, б) переселение одного целого народа из отдаленной страны нельзя было означить одним годом. Подобное переселение могло случиться не иначе, как в продолжение многих лет до упомянутого года, положим, с 400 или 440 года.

Смотря с сей точки на переход болгар, можно бы это дело почти так оставить, если бы особые, в летописях встречающиеся явления тому не мешали. А именно: сообразно с известиями разных византийских летописей, в сие же время, тем же путем, из той же страны, откуда вышли болгаре, вышло, говорят, и множество других народов: *массагеты, утургуры, кутургуры, или кутригуры, савиры, ефталиты, акатирь, или акацирь, сарагуры, килариты, уроги, авары, гунногуры*, и почти все под общим и странным именем *гуннов*. Что это значит? Появление гуннов в южной России и Молдавии начинается с 380 года. С 400-го они зашли в Валахию и, обошед Трансильванию, к реке Тисе, в Венгрию. В сих местах поселились уже в V столетии. Таким образом, встречаются здесь следующие затруднения.

1. Болгаре в своих волжских жилищах составляли преграду между Европой и Азией. Если они там оставались еще до 420 или 440 года, то откуда могло взяться толикое число народов (коих приход, по смыслу византийских летописей, выводится с Волги, с границ Азии) на Дунае уже около 380 или 400 года? Или болгарам не бывать было около 400 года на Волге, или, в противном случае, — сим народам на Дунае.

2. Положим, что болгаре туда же направили путь свой и там же поселились, где сии народы; то возможно ли объяснить, каким образом две области, Молдавия и Валахия и Венгрия, могли в себе поместить толикое число народов, да сверх их и болгар?

3. Составляли ли все сии имена столько же особенных народов и как можно объяснить, чтобы столько различных народов могли стремиться к одной цели, в один малый уголок Европы?

4. Имя гуннов столь громко в летописных листках! Какой историк не знает гуннов? Что же за народ были гунны? Мы знаем, как и всяк другой, что они были отличные рубаки, наездники, имели хороших лошадей; знаем, что дрались там и там, знаем даже несколько черт их характера народного и несколько обычаев... Но не то; я спрашиваю, к какому племени рода человеческого они принадлежали?

5. *Гунны* были народ могущественный, многолюдный; и Греция, и Италия, и Германия, и Франция, и Персия, и Вандальское царство в Африке испытали его оружие. Вдруг сей народ вместе с прочими вышеупомянутыми пропал без вести с лица земли или, лучше сказать, из летописей. Можно ли допустить это? Куда он девался? То же надобно сказать и о кутригурах, аварах, козарах, видах его. Слава Богу, с 1000 году не только ни один посредственный народ, но даже посредственные колонии, подвергавшиеся разным переворотам, внешним и внутренним, не только не исчезали, но даже и умножились, усилились, чему есть множество примеров. Но каким образом из всех тех племен остались и по сию пору здравствуют одни только болгаре?

Отчего происходят сии затруднения? Отвечать на упомянутые вопросы положительно нельзя, ибо решение их было бы сообразно со здравым рассудком, а посему и со здоровой историей. Мы рассмотрим критически, не было ли какого недоумения между летописцами и нами, толкователями. Вся беда происходит, очевидно, от упомянутых имен народных. «Столь обширное и неопределенное значение имеет у византийцев

имя гуннов, – говорит Стриттер, – что, кажется, они сами не знали, кому хотели прилагать оно» (см. Met. Popul. In Summ. Hunnicor, pag. 451). Посему нужно разрешить именно сие недоразумение между самими византийскими писателями, коих было очень много, с 380 или 400 года до позднейших времен. Вот те, которые упоминали хотя вкратце о наших спорных народах: *Приск Ритор, Прокопий (секретарь Велизария), Менандр Протектор, Агафия, Теофилакт Симокатта, Теофан Византийский, Анастасий Библиотекарь, сочинитель Пасхальной летописи, Константин Багрянородный, Лев Грамматик, Никифор Патриарх, Теофан Исакий, Суида, Зонара, Симеон Логофет, Георгий Монах, Георгий Нахимир, Константин Манасий, Георгий Синкелл, Кодин* и пр. Из сих писателей тех только должно принимать в свидетели о спорных народах, которые жили в их времена, то есть до VI, VII столетия (эпохи, в которую имена сии исчезли); прочих же византийцев IX, X или XI столетий можно принять только или за переписчиков, или повторителей известий о сих давно бывших народах из прежних современных писателей. (К сожалению, должно сказать здесь, что у меня не было довольно источников, из коих мог бы определить время жизни упомянутых летописцев; буду говорить о них, однако ж, по старшинству.)

Вот странное разделение волжских пришельцев у разных писателей, из которого ясно увидеть можно нелепости, происшедшие из разных имен одного и того же народа у разных писателей.

В IV столетии. Гунны при первом приближении к югу стали быть известными у писателей под одним именем гуннов (*οὐννοι*), как у *Олимпиодора, Евнания, Теофана Византийского, Анастасия и сочинителя Пасхальной летописи* (см. Met. Pop. I. pag. 460).

В V столетии. Когда сии гунны поселились в Молдавии, Валахии, Венгрии, сделались более известными, встревожили под начальством храброго своего короля *Аттилы* большую часть Европы, тяжело налегли на Восточную империю, тогда византийцы вступили с ними в сношения. В посольстве их при

Аттиле, в южной Венгрии, находился и *Приск Ритор*. Он познакомился несколько с сим народом и оставил о нем любопытные известия в своем сочинении. Народ сей занимал жилища весьма обширные, с Дуная обратно до самого Дону, или даже Волги; но Приск, не имея о нем достаточных географических сведений, разделил его произвольно на частные названия: на *гуннов, савиров, унногуров, сарагуров, урогов, акатиров (коих называет и акацирами, и катзирами) и кидаритов*.

В VI столетии. Плодовитый повествователь о военных событиях в царствование Юстиниана Великого, секретарь бессмертного Велизария Прокопий оставил много подробностей о гуннах, преимущественного же перешедших чрез Дунай и вступивших в зависимость от Империи; о внутреннем же положении гуннской державы сведения его были ограниченнее. Они подразделяет сей народ отчасти иначе, нежели Приск, на *эфталитов (белых гуннов), кутургуров, утургуров, саверов киммерийских в Крыму, массагетов на Днестре и около Днепра, азийских на Дону и воспорских около города Воспора*. Из несогласия сих обоих писателей касательно имен явно видно, что они сотворены произвольно ими самими по известным их причинам или понятиям. Названия, приведенные Приском, не встречаются, исключая двух, ни у одного из последующих писателей и прекратились с его жизнью. Польза известий обоих сих писателей сделается важнее, если критическим разбором их сочинений отыщут, какое имя где обитало и как каждое из них переименовано Прокопием.

К сему же времени (несколько позже) принадлежит *Менандр Протектор*. В своих наименованиях он последовал Прокопию, с некоторым, однако, различием в правописании. У него: *гунны 1) гунногуры, 2) саверы, коих называет и аверами, 3) эфталиты, 4) контригуры (котрагиры, кутрагуры, котрагуры), утигуры (уйтигуры) и угуры в Азии, за Волгою*. *Менандр*, видно, не делал столь подробного деления, как Прокопий, у коего жители всякой области получали особенное название. Из разных мест сих писателей явствует, что котрагиры или кутургуры и утургуры были в Молдавии и

Валахии; саверы в Венгрии, где действительно впоследствии они известны были под именем аверов, или аваров. Ефталиты, или белые гунны, неизвестно где.

Еще до Менандра гот *Иорнанд*, современник Прокопия, писал в Равене в Италии около 550 года. У него гунны не столь обширное имя; об них он узнал кое-что из древних византийцев; посему жилища их указывает на Волге. Впрочем, исчисляет их племена и областные названия: 1) *болгаре*, 2) *аулзиагры*, *коих в другом месте именует елзинграми*; это *кутургуры* и *утургуры* Прокопия, или *утригуры* и *котрагуры* Менандра, 3) *авиры*, *савиры* и *авейры греков*, 4) *гуннугары*. «*Аулзиагры*, – говорит он, – живут около Херсона, т.е. в Бессарабии и в Крыму». Жилищ современных ему болгар не означает, а говорит только, что «над Черным морем распространяются жилища», т.е. древние *болгаре*, которые за наши преступления, т.е. готские, «сделались» нам, готам, «слишком знакомыми», т.е. в Италии. *Гуннугаров* он ставит в России на Днепре или Дону, *коих* называет известными, потому что от них получают в Херсоне драгоценные мехи (*pellium murinagum commercium*). Итак, если оставить его *аулзиагров* в Крыму и Молдавии и отчасти в Валахии, *гуннугаров* в Южной России, на Дону и т.д., то места не останется для *болгар*, которые именно должны были быть на самом юге, ибо мучили готы в Италии.

Это можно объяснить только вот как: в правление императора Юстина I и Юстиниана Великого много гуннов переправилось чрез Дунай в Мизию, оставленную готами, отправившимися в Италию. За полученные земли в разных префектурах Мизии и Македонии они обязаны были выставить императору вспомогательное войско в непрерывные войны то с персами, то с вандалами в Африке, то с готами в Италии. Сие войско византийцы и сам Прокопий называют просто только *гуннами*. Блестящие военные их подвиги в Италии против готы слишком известны в военных записках Прокопия. Здесь-то они сделались готам *слишком известными* (*quos notissimos peccatorum nostrorum mala fecere*). Этих-то гуннов Иорнанд называет *болгарами*. Трудно ли здесь по-

нять, что он, знавший нечто об имени гуннов от византийцев, в коих только голове оно и родилось, схватил настоящее имя народа, который мог знать лично. Имена прочих, как менее ему известных, заимствовал он от византийцев, только с некоторою разницею. Его *аулзиагры*, или *улцингуры*, суть, очевидно, *утигуры* (вместе с кутургурами) Прокопия; *авиры* его суть *аверы* или *савиры* византийцев; *гуннугаров* он наименовал так же, как и Приск и Менандр.

В VII столетии. Около 629 года писал *Теофилакт Симокатта*. В его время все почти областные имена гуннов, приведенные его предшественниками, вышли уже из употребления. В знаменитых военных событиях между сим народом и византийцами (580–620 гг.) было известно и употреблялось одно только имя *аваров*, коих король-герой *Боян* имел столицу свою в южной Венгрии, откуда его владения распространялись и на Валахию и проч. В сей войне являются как союзники аваров *словене* и гепиды, жители Трансильвании. Имя утригуров, кутригуров в Валахии и Молдавии совсем прекратилось и отчасти заменено *аварами*. (Сие имя, как мы видели, есть то же, что у предшественников Симокатты *савиры*, *савейры*, *авейры*, *авиры*.)

Между тем утригуров и кутригуров, жителей Валахии и Молдавии, стали заменять именем *болгар*, наиболее с аваро-византийской войны (580–620 гг.). Впрочем, встречаются в сочинении Симокатты и имена, употребленные, например, *Приском*. Заметим, однако ж: он упоминает о них не при современных ему событиях, но в принадлежавших ко времени Приска, Прокопия и проч., например, *унугуры*, *савиры*, *нефталиты*. Вообще как *гунны*, так и областные их названия прекращаются около 587 года. С сего времени одно из сих последних имен, *авары*, начало делаться почти общим; но, как увидим, ненадолго. Конечно, замена одних имен другим ввело последующих писателей в недоумение, которое увеличивалось по неведению настоящей истории сего народа и по недостатку в верных народописных *сведениях*. Приняв буквально разные областные имена, заменявшиеся одно другими, за столько же

разных народов или, по крайней мере, племен, писатели приняли сию революцию в номенклатуре за революцию в народах; если одно имя заменялось другим, думали, что один народ покорен был другим и принял имя победителя! Вот почему воображали себе *новых* пришельцев и *новое*, но небывалое, движение народов, и небывалые покорения (!), т.е. не могли себе объяснить, почему исчезали старые названия и появлялись новые одного и того же народа¹⁴.

Так заключает уже и Симокатта, что авары (иначе *hunni occidentales*, потому что жили в Венгрии, т.е. к западу от прочих; это суть собственно гунны Аттилыны) покорили гуннов Аттилы в Дакии; а *Суида*, писавший около 1153 года, думает, что аваров завоевали болгаре; все это потому – что народ сей в Дакии с 587 перестали называть гуннами, а начали аварами; с 626 года греки переименовали их в болгар, а западные писатели только с 800 г.! Когда же болгаре завоевали аваров? В 626 ли году или в 800 г.? Но беда еще в том, что и новейшие исторические изыскатели толковали подобно *Симокатте* и *Суиде* и прочим. Что сказано мною о Симокатте, то должно подразумевать и об *Агафии*, писавшем несколько спустя после него, у коего встречаются и кутригуры Прокопиевы.

После 30-летней войны дунайских народов, или народа, с Империю, с 620 года, настал между обеими сторонами 40-летний мир, в продолжение коего вымерли писатели и погребли с собою вместе аваров. Но опять с 665 или 670 года началась война, и сии самые кутригуры, сии авары перешли Дунай, наконец, под именем *болгар*. Причина тому та, что явились новые писатели. На сей раз болгарам удалось удержать Мизию за собою, и с сих пор имя их стало быть общим для жителей Мизии, Валахии, Восточной Венгрии, прочие же, выдуманные одними писателями, исчезли, подобно привидениям.

Агафия жалуется, что не может объяснить, куда девались Симокаттины авары, и прибавляет, что в Константинополе носилась пословица: *исчезли подобно аварам*, которую повторили, не знаю, справедливо ли, и в Несторе (*об обрах*). Но *Агафия* не знал, что тот самый народ, который он уже на-

зывает *болгарами*, латинцы еще почти 150 лет после него не переставали именовать аvaraми.

Заметим еще, что после введения с 660 года в византийские летописи настоящего, собственного имени народа, одно из упомянутых областных возобновлено было и удержано на некоторое время; это суть гунны-акациры, акатиры, катзиры (актѣиροι, актѣиροι, катѣиροι) Приска; сие имя, подобно прочим, впоследствии изменили в катѣиροι, каѣиροι, χαѣиροι (катзары, казары, хазары). Сие последнее употреблял преимущественно Константин Багрянородный. Нестор, который явно не пользовался Багрянородным, сообразно с другими употреблял каѣиροι, коих несколько переладил по русскому в *Казаре*. Оно в свою очередь пропало без вести, подобно прочим своим собратьям, что уже известно читателям моим из русской истории.

Не ясно ли теперь, почему исчезло толикое количество народных названий? Или разве легче и естественнее можно объяснить исчезание самих народов, чем изменение нарицательных названий? В сем-то недоумении оставались не только позднейшие не критические византийцы, но и новейшие европейские исследователи. Сии последние, при всей охоте изыскивать, объяснить, заключать, забрели еще далее введением вздорной системы смещения и превращения (*metamorphosis*), которая столь жестоко обуюла многими историческими умами не только в Германии, но и в России. Тунманн, первый вступивший на сие скользкое поприще, первый шагнул ошибочно; его приверженцы продолжали изыскания по принятому им косвенному направлению.

Мнимость и несуществование сих затруднений

В предшествующей статье мы видели, что существование затруднений зависит единственно от ошибки писателей, т.е. от неправильного толкования. Посему *исправление* ошибки уничтожает основанные на оной затруднения; и наоборот, невозможность решить затруднения из здравой истории и рассудка указывает явно на ложность их основания и требует *исправления* ошибки. В новейшие времена критики стали об-

ращать внимание в своих изысканиях не только на различие в именах, но и в языках; из первого заключили и на последнее: разные имена, разные народы и разные языки. Из сего родилось к числу вышеозначенных еще одно затруднение: *куда девались сии языки и могли ли они исчезнуть?* Для решения сих-то затруднений придумана ими система *смешения* и *превращения*, которую мы уже рассмотрели. Чтобы прекратить течение сих косвенных изысканий, должно остановить их в самом источнике. Поелику *собственное* имя народа и его язык суть главные характеристические условия народности, то я и изложу здесь об них свои понятия.

а) Как должно рассуждать о народе по имени.

Редко можно сыскать народ в древности, и отчасти в средние времена, который бы писателям классического мира был известен под собственным¹⁵ его именем; всякого они именовали так, как назвал его случай и подтвердило употребление, которое сделалось законом и которого никакое время переменить не могло. Наиболее же в сем отношении отличаются первые столетия до и после Рождества Христова, в продолжение коих мелькало над странами множество имен, родившихся только в одних греческих и латинских головах; так, например, *скифы* значило у них чуждых народов, *сарматы* (*σαυροματες*, от *σαύρος* ящерица, и *όμμα*, *όμματος* глаз; **sauromates** в **sarmatae** переделано римлянами) – *ящероглазых*, *меланхлены* (*μίλας*, *ανοί*, черный, *χλαίνα*, верхнее платье) – *черноризцев*, *дромиты* – *скороходов*, *макрокефалы* (от *μακρός* длинный и *κεφαλή* голова) – *длинноглазцев*, и пр. и пр. и пр. Что писатель, то и новые народные прозвища, коих всех в Европе можно собрать по крайней мере с 1000; меж тем как в сей самой Европе не более полдюжины коренных народов: греческий, латыно-латышский, славянский, немецкий, финский, келтский, албанский. (Два последние малочисленны. О греческом и латинском нечего толковать. Немецкий в одном уголку Европы был малозначащ, а финский известен в нынешних его жилищах. Обширнейший из всех европейских был славянский, посему

тьма бестолковых названий досталась ему на долю на пространстве двух третей Европы.)

Но ужели могло иметь влияние на существование или несуществование какого-либо народа (например, болгар или россиян) то, что вздумалось грекам раздробить огромную массу оною на множество частиц и именовать их *черноризцами* или *бегунами* и тому подобными прозвищами, о коих сии племена отроду ничего не слыхали? Как бы то ни было, греки и римляне довольны были своими сведениями и долгое время обширную Россию называли *Ящероглазиею*. Но спрошу у господ отечественных историков: потому ли россияне не существовали в России в VIII, VII, VI, V, IV и т.д. *столетиях*, что греки их называли ящероглазыми и подобными другими глупыми именами? Потому ли и ныне не должны существовать *дайчеры*, что у славян слывут *немцами*, у венгров *нейметами*, у турков *нэмчами*, у французов *аллемандами*, у итальянцев *тедесками*, у англичан *джерменами*? Или все сии названия составляют столько же народов? Или не должны существовать *мадьяры*, что слывут уграми, венграми; *румуне*, что слывут волохами; *скинетари*, что слывут албанцами и арнаутами; *гайканы*, что слывут армянами?

Между тем как греки и римляне давали так называемым варварам имена по произволу, сии народы имели свои собственные, впечатленные, так сказать, в их существо, родившиеся и существующие вместе с ними. Такого рода было и имя *болгар*. Наричательные имена, прилагаемые им греками или латинцами, исчезали вместе с писателями. Таково было имя *гунны* со своими отраслями; ибо весьма естественно, что в то время, когда еще весь почти мир завален был произвольными нарицательными прозвищами, и появившийся с Волги к Дунаю болгарский народ должен был покрыться тем же покрывалом. С чего греки стали называть оный гуннами, может быть, и сами не знают.

Какое бесчестие для здравой истории и критики начинать бытие какого-либо народа только с тех пор, с коих является в летописях собственное его имя! Вообще, нет еще настоящей

истории европейских народов до их крещения; над ними носятся исторические привидения. Только недоумение между нами и древними летописцами породило столь знаменитое переселение народов V века. Не походило ли оно на переселение европейских народов в Россию в 1812 г. и Францию в 1814 г.? Вот обширное, но скользкое поприще для критика!

Итак, имя гуннов, как имя нарицательное, появившееся и вскоре опять исчезнувшее, есть то покрывало, которое критика должна снять, чтобы обнаружить истину и предотвратить повод к кривым и бесполезным изысканиям. Впрочем, сами греки вскоре по поселении гуннов на Дунае стали их называть именами, подходящими на их собственное: *утигуры, кутигуры, утургуры, кутургуры, утригуры, кутригуры, котрагеры, котрагиры, сарагуры, унногуры, гунногуры, гунногары*. По испорченному окончанию сих имен *γουροί, γαροι, γεροι, γυροι*, составляющему большую половину имени *βουλγαροι*, видно, что греки метили на сие последнее имя. Сверх сего многие заметили, что греческий народ еще и ныне называет болгар *вургерами, вургарами (βουργεροι, βουργαροι)*; а прежде легко может быть и *ургерами, ургарами (ουργερο, ουργαροι, ουργουσαι)*, по произволу. Бергенди у Гербелота называет их *вургьян* или *воргьян (burgjan, borgjan)*, Абулфеда *борган (borgan)*, *бурган*, и инде *воргал*, нубийский географ или его переводчик – *вергьян*. Сие же имя находим переделанное и в *вургунды*, как уже справедливо заметил и Тунманн. «*Paulus Warnefridi*, – говорит он, – страну болгар, напавших на его лонгобардов, именует *Wurgundaib*». Нередко подобное правописание можно встретить и у греческих писателей¹⁶. В Миланской области в Италии часть болгар составила было особое графство, которые называли *Вургарицею*¹⁷.

Итак, из имен *ут-ургуры, кут-ургуры* видно, что уже Проконий гуннов называл собственным их именем. Иные даже, как можно было усмотреть выше, слагали оное из *нарицательного* и большей частью *собственного*: гуноногары, унногары, оногары; у Приска даже ургары сделались (может быть, переписчиками его сочинения) *урогами*. (Давали им еще и выдуманные

названия: *ефталиты, кидариты, катзиры, авары*. Первые два исчезли уже до Юстиниана).

Ближе всего подошел к истине Феофан в своей «Космографии», называя их *гуннобундо-болгарами*. Наконец, Феофилакт Симокатта именуется их собственным названием *болгар*. Так у византийцев. Но западные писатели, *Иорнанд* (около 550 г.), *Виктор Тунунский* (около 567 г.), современники Прокопия, Менандра и самого почти Приска, именуют болгарами тот самый народ, который у сих последних слывет гуннами (см. Allg. Nord. Geschich., с. 358). Заметим, что Иорнанд именуется *болгарами* именно тех гуннов, которые служили империи Восточной и сражались с готами в Италии. *Ут-ургуров* и *кут-ургуров* в Молдавии и Валахии Прокопия он называет *аулиаграми* (*aulziagri*), а на другом месте своего сочинения опять *улзингурами* (*ulcinguri или ulcingari*). Это явно испорченное *βουλγαροι* или *οὐλγαροι*. Я даже думаю, что сей гот правильно написал имя народа и что оно испорчено или не разобрано переписчиками; это можно видеть – напечатано так, а в другом иначе (см. *Jordan Orig. Slavicar. in Descript. Scythiae*). Вообще он делит гуннов только надвое, на аулиагров, или болгар, и авиров. Имена авиров и гунногаров, о коих он еще упоминает, заимствованы им от византийцев. Яснее всего выразился Niceph. Patriarcha, с. 44, где болгар называет: οὐννοι βουλγαροι.

Итак, что касается до толкования относительно к народному имени, явно видно, что византийцы именем гуннов и прочими видовыми названиями одного означали болгарский народ в разных частях занимаемого им пространства. Посему нет никакой нужды и повода принимать сии пустые названия за столько же народов.

б) Как должно рассуждать о народе по языку

Прежние изыскатели в своих догадках руководствовались одними только именами; в новейшие же времена, когда стали успевать более во всеобщей *народописи* и *языкописи* (*ethnographia, logographia*), обратили внимание и на язык, стали разделять народные племена на классы и разряды, смо-

тря по большему или меньшему сродству их языка; отчего нынешняя общая народопись делается со дня на день более систематическою. Сие правило применено ими и к древним народам или, лучше сказать, именам их нарицательным. К нечастию, по недостатку памятников языка подобные решения, основываемые на одном или нескольких словах, не дошедших до нас, может быть, в их чистоте, не могут быть удовлетворительными; и нередко, будучи ложными, вводят писателя в заблуждение и производят путаницу.

Так, между прочим, любопытствовали изыскатели узнать, к какому общему племени принадлежали и гунны? Обстоятельного решения сего вопроса не было; однако и до сих пор все того мнения, что *гунны были татаро-монгольского племени*, говорили по-монгольски. О сем мнении нечего более говорить, ибо выше, опровергая доказательства татаризма болгар, опровергнуто и мнение о татаризме гуннов. Здесь я разберу только те обстоятельства, которые расположили писателей в пользу сего мнения:

1-е. Знаменитое нашествие татар в XIII столетии на Европу столь сильно перепугало умы исторические, что не иначе вспомнить могут о Волге, как о татарщине, и о всем, приходящем с берегов оной, как о татарском! Но разве по народу, вышедшему оттуда около 1300 года, можно заключать о народе, показавшемся оттуда же уже около 380 года?

2-е. Изыскатели происхождения венгров (*мадьяров*), действительно принадлежащих к татаро-монгольскому миру, приняв нитью своих исследований не настоящее имя сего народа, но нарицательное *hungarus*, погнались с оным за созвучием и, сыскав у византийцев (около 440 год) гунно-гаров, заключили тотчас же без дальних околичностей, что гунны были древние мадьяры¹⁸. Но это совершенно несправедливо; ибо:

а) *гунно-гаров* византийцы немного спустя переименовали в болгар;

б) *hungari* переделано не из гунно-гаров, но из следующего. Собственное название народа есть мадьяры; первые их славянские соседи, россияне да болгаре, нарицательно назы-

вали их уграми. По прибытии мадьяров с Волги в Венгрию (около 905 год) болгаре сие имя (ουγγροι) сообщили грекам, а россияне, отчасти с ними же зашедшие в Венгрию, западным славянам, а чрез сих и немцам и т.д. (Замечательно, что карпато-россы и словене и теперь еще их называют уграми же.) Поляки, которые славянские слова, например *руку*, переуродовали в *ренку* (ręka), *зубы* в *зунбы* и пр., и *угров* перекрестили в *венгров* (wegrow). Прочие иноплеменные народы, в своем языке весьма часто пред согласными ставящие букву *н* (что весьма редко у славян), переладили угров по-своему в унгров (ungri, unger), а из сего и страну – Ungria, Hungria, Hungaria и Hungarus, что принято и всею Европою. Россияне именуют их венграми в подражание полякам. Начало имени *hungari* не древнее, XI столетия; у греков же оно вошло в употребление только в средние времена. Венгры грекам были известны до введения имени ουγγροι, всегда под именем турок, а Венгрия под названием Турции. Итак, ясно, что гунно-гары V столетия отнюдь не принадлежат мадьярам (*hungari*) XI-го и проч. столетий.

Сделав, таким образом, один дурной шаг, изыскатели пошли криво и далее. Не умея объяснить присутствие гунно-гаров (мнимых мадьяров) на Дунае уже с 400–480 годов и появление (настоящих) мадьяров в Венгрии около 900 года, они просто предположили троекратный променад сего народа с Волги на Дунай и обратно; первый будто под именем гуннов, второй аваров, а третий – гунногаров! А не турок? Не очевидно ли, что одно только глупое толкование могло породить подобный вздор и небывалые движения народа^{19?}

Вот, милостивые государи, вот источник слова *hungaris*, на коем основывалось учение о татаризме гуннов! Предположили, что гунны были древние мадьяры, потом отыскали и доказали (Тунманн и Енгель), что *кут-ургуры* и *болгаре* принадлежали к племенам гуннского народа, и заключили, что болгаре были татары, или татаро-турки! И для подтверждения сего мнения приведены ими доказательства, мною уже разобранные. Вот почему они принуждены были после допу-

стить тот магический *metamorphosis* из татар в славян! И под подобное решение Шлецер подписался без всякой оговорки! Но этого не довольно; ибо:

3-е. Какие-то *хунны* в Монголии и Китае, у берегов Восточного океана, открытые в китайской истории, очевидно, казалось, подтверждали мнение европейских ученых. Это обстоятельство мы разберем ниже подробнее. Здесь же наперед можно сказать только, что сии монголы не имеют никакого отношения к нашим *гуннам*, или, лучше сказать, *уннам*.

Татаризм гуннов решительно ничем не доказывается; напротив, мы имеем непреодолимые доводы, показывающие их *славянизм*. Вот они: а) гунны и болгаре одно и то же (см. выше), а болгаре суть славяне, следовательно... б) Если гунны не принадлежали к татарскому, тем менее к монгольскому миру, то должны принадлежать к славянскому. в) Собственные имена гуннов, хотя дошли до нас, вероятно, от греков в испорченном виде, почти явно суть славянские, или, если выразиться по Енгелю, звенят по-славянски: *Каратов* – Каратон, король гуннов IV столетия. По-видимому, это есть *Кардан* или *Карадан*. В Болгарии был король *Кардан* и в VIII столетии.

Валацпр, или *Валацвр*, король IV века, явно Владимир. Болгаре имели их также много, греки писали это имя различно.

Мундиух (?), отец Атилы.

Аттила, разумеется, тоже испорченное имя. У болгар в VIII столетии был король *Телец*, а в XI – князь, желавший восстановить свое отечество, падшее под иго греков, *Телан*, или *Делан*. (Латинские переводчики с греческого пишут его *Deleanus*.) В обоих случаях болгаре *-е-* произносят, как *-и-*: Дилан, Тилан. Состав слова Атилы явно показывает, что и он был *Тиланом*; буква *-н-* на конце отброшена, потому что слог *-ан* (*-ав*) есть в греческом языке окончание винительного падежа имен, кончающихся в именительном на *-ас*; посему болгарский именительный на *-ан* (*Атилан*) не мог стоять на месте греческого именительного, ибо не подходил под их грамматику, и потому принят за винительный, из коего образован греческий именительный на *-ас*: *Ατιλας* Буква *-τ-* повторена по праву ав-

торской вольности. Впрочем, некоторые пишут, как заметил *du Fresne*, и *Atila*, и *Athila*, и *Athela*.

Буква *-a-* прибавлена греками, ибо: а) она слишком обыкновенна в начале греческих слов, б) славянские слова ею никогда не начинаются (см. выше).

У болгар (гуннов) были не только *Теланы*, но и *Душаны* (*Duscianus* у латинских переводчиков греческих летописей). В подтверждение моего объяснения имени *Аттилы* можно привести и несколько других болгарских имен, подобным образом перековерканных греками; так, например, *Боян* у них превратился в *Vajas*, или *Batbajas* (см. выше), Гордан в *Гордаς*, Скотин в *Σκοτας* (см. ниже).

Супруга *Аттилы* или *Телана*: *Рьекана*, или *Рекана*.

Брат *Аттилы*: *Влад* (*Βληδας*, *Bledas*). Сие имя у болгар весьма обыкновенное даже и в средние времена; оно нередко означало Владислава или Владимира. В списке болгарских господарей в Валахии можно насчитать несколько Владов.

Сыновья *Аттилы* 1) *Денгисих* – *εγγισιχ (?) Δινσιριχος (?)* – *Динсирик (?)*, 2) *Ирнах* – *Ирнах*, *Ирناк*, 3) *Еллак*.

Забереган, *Загерган* – князь гуннов в Валахии, водивший войско свое около 559 против Цареграда – *Заверган (?)*, *Замерган (?)*.

Малак; у болгар это слово *малок* – *малый* по-русски. *Валах (?)* *Малах (?)* *Малак (?)* был князь савиров, 527. *Малка* находим у *Нестора* и россиянина.

Бориса, его супруга или вдова; *Воарес (?)* *Варης (?)*.

Известно, что греки буквы *-б-* не имеют, на место коей ставят то *-в-*, то *-м-*. (528 года.)

Гордаς (?) – *Гордан*, король гуннов при городе *Воспоре*, обратившийся в христианство и убитый в 627 году.

Нсла, *Вислаς* – явно остатки имени, оканчивавшегося на *-слав*. Находим, что византийцы в позднейшие времена болгарских *Воеславов* именовали *Воησλας*, *Вηησλας*, *Воιλας*. Он был несколько раз посланником *Аттилы* в *Константинополе*.

Айган (*Αιγαν*) – начальник *гуннской* конницы, находившейся в службе *Империи*, приближенный *Велизария*; так пи-

шут это имя при описании войны с вандалами в Африке, при описании же войны с персами в Азии называют его *Агганом* (*Αγγαν*). У болгар было довольно имен, кончавшихся на *-кан*, производимых от слов, кончавшихся на *-ак*, *-ек*, *-ок*, *-ик*. Ближайшее к сему было имя воеводы *Кавкана* (*Καυκαν*).

Сверх сего, есть еще и другие гуннские имена, кончавшиеся, подобно болгарским, на *-ан*: *Авкан*, предводитель своей конницы в службе Империи против персов; *Хорсоман* (*Χορσομανος(?)*), *Эсман* (*Εσχυμανος(?)*), приближенные Велизария (*stipatores*). *Евталан* (*Εφθαλανος(?)*), князь одной гуннской области, превратившийся, кажется, в греческих устах из *Телана* в *Ефталана*; ибо буква *-ф-* несвойственна слав. языку, и *-е-* в начале слов не очень употребляется. По его имени, догадывается Феофан Византийский, назывались его подданные *ефталитами*. Нет – не назывались, но вы, греки, их так назвали.

Кутилц (*Κουτιλτζις*) – образовано из Тельца (ко Тельцу).

Боян, великий король западных гуннов или аваров, 580–604 года. Было два короля *Бояна* в Болгарии; славянский Оссиан был *Боян*.

Замур, или *Замор* (*Σαμουρ*), воевода Бояна, 591 г., действительно моривший византийцев.

Ермич (*Ερμιτζις*), вождь аваров, или князь, осаждавший (626 г.) Константинополь. Греки звука *-ч-* не имеют; обыкновенно они выражали славянское окончание имен *-ич* посредством *-ιθ*. *Несторич* (*Νεστοριτζις*), *Зарич* (*Σαριτζις*) и проч.

Волколаб, или *Волколабра*; у гуннов-аваров это было имя верховного жреца (*Βολκολαβρα*). Это же самое было, кажется, и на Руси.

Вот имена собственные так называемых гуннских лиц, из немногих, оставленных нам византийскими летописцами, которые, сверх показания здоровой истории и естественного заключения, подтверждают славянизм гуннских племен²⁰.

г) Древние летописцы, желая означить сродство между народами или общий их источник, называли их по именам общих им родоначальников: европейские народы происходят, говорят они, от *Яфета*, азийские от Сима, юго-азийские и аф-

риканские от Хама и т.д. Иные из новейших умников очень невыгодно отзывались о сем общем, но простом разделении рода человеческого, большею частью потому, что сим понятием руководствовались древние, именно *духовные* писатели (так и преподобный наш Нестор); но сколь справедливы сии почтенные отцы, с лишком явно докажет *здоровое языкознание*.

Главные европейские языки, кажется, имеют одну основу. Основа мадьярского языка ей уже совершенно противоположна, но тождественна с основою турецкого и прочих татарских наречий (разумеется, тех, которые я на первый случай взял в сравнение).

Впрочем, сродство между европейскими языками и тождество их основы выказывается яснее только из сравнения их с азийскими языками и их основой.

Здесь, чтобы не оставить читателей моих без примера, приведу некоторые (главнейшие) черты различия между обеими основами языков.

а) В европейских языках (здесь понимаются коренные: славянский, латино-латышский, греческий, немецкий) есть роды: *мужеский*, *женский* и *средний*, на кои разделяются все существительные имена и по коим изменяются прилагательные; в мадьярском, турецком и прочих татарских не имеется ни малейшего об этом понятия.

б) В сих последних прилагательные отнюдь не склоняются и находятся с существительными подобно неизменяемой части речи.

γ) Роды в языках европейского мира произвели различия склонения существительных; напротив, в мадьярском, турецком и татарском по неимению родов есть одно только склонение, общее.

δ) Созвучие и сходство в составе личных местоимений и происходящих от них притяжательных (которые своим происхождением древнее прочих слов языка), в европейских языках указывает на тождество их происхождения; в татарских на свое. *Я* (аз древн. и нынешн. болг.); *эс* латышское. *Эго* латинск., греческ. *их*, *эй*, *ай* и пр. немецк. *Мы* (*ны* древн. и

нынешн. болгар.) – *nos, вы – vos* и проч. *Мой, моя, мое – meus, теа, теит; теин; е, es* и проч. *Азийские*: мадьярск. *ен, (я)*, турецк. *бен*, татарск. *мен. (мой)*; мадьярск. *вним*, турецк. *беним*, татарск. *меним* и проч.

е) Для означения принадлежности в татарских нет особых притяжательных местоимений, как в европейских: *мой, твой, свой (его), наш, ваш, их*; но для означения притяжания к имени принадлежащей вещи прибавляют букву *-м-* (если оно кончается на гласную) или слог. Например, по-венгерски *теве – верблюд, теvem – мой верблюд; колтак – шляпа, колтаком – моя шляпа. Калпаг (по-турецки), колпагым – моя шляпа*; так и в прочих татарских. В притяжании второго и третьего лица ставятся на конце особые буквы или слоги; например, по-венг. *колтакод – твоя шляпа, калпака – его шляпа*; по-тур. *калпагын, калпагы. Пантлика по-венг. – лента, калпаком пантликая – лента моей шляпы; кордела по-тур., калпагым корделасы – лента моей шляпы* и проч.

з) В венгерском и сродных ему всякий действ. глагол спрягается двояко, т.е. иначе, когда говорится о действии вообще и неопределенно, и иначе, когда определен предмет действия, например, *ирок – пишу, ирс – пишешь, ир – пишет. Иром а левелет – пишу письмо, ирод а левелет – пишешь письмо, ирья а левелет – пишет письмо.*

и) В мадьярск., турецк. и проч. вместо предлогов прикладываются частицы к концу слов, например, по-венг. *астал – стол, ра – на: на стол говорится асталра*; по-тур., *софра – стол, юстюне – на; софра юстюне – на стол или на столе* и проч.

Вот главнейшие противоположные основные черты языков европейского и северо-азиатского. *Общеввропейское слово* имеет один корень, из коего после, на обширном пространстве, разрослись особые ветви, ныне называемые европейскими языками. Обширнейшая из них и, так сказать, составляющая самый ствол, есть та, которой настоящего общего названия не знаем и которую называем (ибо нельзя было оставить ее без имени) славянским языком. Вокруг него прочие ветви: греческая, латинская, немецкая. Каждая из них имеет свою особен-

ную связь больше со славянской, нежели с прочими порознь. Латинская ни к какой так близко не подходит, как к славянской; так и немецкая большее сродство имеет со славянской, чем с греческою и латинскою латышская, которую действительно признают за полуславянскую; посему латышская есть переход ствола (славянщины) в латинскую ветвь *европейского слова*²¹.

Каждая ветвь подразделилась еще на меньшие отрасли. Сии-то отрасли до незапамятных времен для отличия одна от другой получили особые названия, служившие для означения вместе и языка и народа. Так, например, тайтовская* ветвь (*genus teutonicum*) разделилась на следующие: 1-е, *boji, bojoarii, boyen, bayern* (боев, баварцев), 2-е, *saxi, saxones, sachsen* (заксон, саксов), 3-е, *angli* (англов), 4-е, ютов, т.е. датчан, 5-е, *svear, svenskyemen* (свеев, шведов). Если сия ветвь подразделилась на подобные наречия их названия, то само собою разумеется, что и ствол (славянщина) должен был тем более подразделиться, что растянулся на гораздо большее пространство Европы. Отрасли его, кажется, известны всякому: 1) *россы*, 2) *болгаре*, 3) *кроаты*, 4) *сербы*, 5) *словене*, 6) *чехи*, 7) *поляки* и проч. Все сия имена суть *собственные*, впечатленные в самое существо сих племен и их языка, а посему столь же древние, как и самые племена и их наречия. Все сии племена общего имени никогда не имели, или, если имели, то это относится разве только ко времени Моисея или Семирамиды.

Как прискорбно видеть, что чужеземные историки, а за ними и наш Карамзин, все деяния, всю гласность, всю историческую славу всех вышеупомянутых племен следили донныне под именем одного только, несчастнейшего из всех прочих, под именем, говорю, *словен!* Сверх сего, вспомните, что всякое из сих племен кроме собственного своего названия имело еще по несколько нарицательных. Какая куча имен народных! И вся историческая слава сих нарицательных имен не принадлежит ни одному нынешнему славянскому племени; ибо, думают ученые историки, не написано нигде, что сии славные деяния совершены были *словенами!* Разумеется, не ими; ибо

* Или тевтонская. – Прим. сост.

они всегда были рабами римлян, итальянцев, немцев! Вот почему сказал я выше, что славянский род обижен, оклеветан до чрезвычайности историческим ареопагом.

Ветви и самый ствол образовались различно, смотря по климату, в котором прозябали. Ветвь немецкая под суровым, северным небом грубее и неприятнее для слуха тем, что весьма часто слоги заваливает многими грубыми согласными, и язык должен дрожать от беспрестанного звука *-p-*: *verbergen, verschreuen, vertreiben, vortreten* и проч. Сверх сего, слышится в ней часто мяуканье: *-ey-, -ей-, -ай-, -ау-*, чего нельзя заметить ни в стволе, ни в латинском и греческом языках, которые, развившись в климате противоположном, гораздо более льстят слуху. Разделение всех сих языков на наречия уже известно, они простираются по всей Европе и наполняют, по выражению древних, *весь предел Яфета*; скажем, что они причисляли к нему и гуннов, о чем именно выразились *Chronicon Paschale* и Кедрин. (См. *Mem. Pop. in Hunnicis.*) Посему гунны по географическому своему положению составляли самую восточную часть славянского мира.

Сие сравнение приведено 1) в доказательство европеизма гуннов; 2) в подтверждение разделения народов на пределы; 3) чтобы показать, как должно, по моему мнению, поступать в филологических и исторических изысканиях, которые прольют яркий свет не только на общую народопись, но и на историю, и проникнут в те самые времена, в которые история достигнуть не может. Прежде всего должно рассмотреть основание языка, которое укажет на первоначальное происхождение народа, потом приняться за сравнение слов, если они не тождественны со словами другого, – это знак, что наследуемый язык есть отдельный. (Например, мадьярский, несмотря на тождество своей основы с турецким и татарским, по не тождеству в словах есть особый язык азийского корня. Подобным образом и латинский относится к славянскому, греческому и проч.) Но если в словах исследуемого языка найдется тождество со словами другого, а разница только в грамматических формах, то исследуемый должно признавать не за особый язык, но за особое наречие

того же языка, например, турецкий за наречие татарского, как болгарский или русский за наречие славянского и проч. Таким образом, можно легко добиться до правильной народописи и языкописи всех обитателей земного шара; сравнивать же несколько словечек и заключать из некоторого их созвучия о тождестве двух народов, как делали до сих пор вообще многие в Германии, Франции, Англии и проч., – нелепо.

Итак, теперь уже видеть можно, что славяне такие же старожилы Европы, как греки и латины, и что в Европе до VI века нельзя искать особых, Бог весть каких народов, кроме тех, которые и ныне в ней здравствуют. Что же должно сказать о мнении тех, которые относят начало славян к VI столетию? Что сказать о тех историографах, которые в подтверждение своих умствований приводят слова из языка *неизвестного* (скифского), *ящероглазьего* (сарматского), *чернорижского* (мелакленов), *затверделого* (языка скирров) и проч.!

Зная предел Яфета, мы не имеем полных сведений *о пределе Сима*, т.е. об общем роде северо-азиатцев. Не знаю, сколь далеко простирается в Азии сей второй класс человеческого рода и сколько ветвей еще не открытых принадлежат к оному; не знаю, какое отношение к венгро-татаро-турецкому классу имеют племена Монголии, Чунгарии, Тибета и т.д., то есть составляют ли наречие мадыарского (венгерского) или татарского; или имеют только общую с ним основу и составляют отдельные языки (ветви) азиатского корня.

Я искренно желаю, чтобы кто-либо из соотечественников наших, преимущественно находящихся в Сибири или даже при пекинской миссии, обратили на это строгое внимание. Я осмелился бы даже почесть это в непрременную обязанность всякому русскому; ибо никто больше нас не имеет к тому способов; нам предстоит слава за первое открытие! Вперед соотечичи! Англичане, французы, итальянцы перерыли Египет за древностями; только грубые непросвещенные народы нелюбопытны, они не ищут новых сведений, ибо не чувствуют цены их. Новейшие известия и записки почтенных членов нашей Пекинской миссии в Китае, Монголии, Чунгарии достойны вся-

кого уважения и похвалы и подают надежду и на появление с их стороны языкописных известий!

Всего выше сказанного мною, кажется, с лишком довольно для того, чтобы удовлетворить истине, критике, естественности и здоровой истории. В заключение прибавлю еще, что: 1-е, воинственный дух болгар, их деятельность, сильно изображенные в византийских летописях, достойны только гуннского оружия; 2-е, гунны славились у древних своею конницею. Знакомый с болгарской историей, по крайней мере из византийцев, узнает, что и болгаре большей частью сражались верхом, почитались, так сказать, природными кавалеристами, лучшими в Европе, до самого их падения под иго турок. Турецкие лошади, столь славимые ныне, достались туркам после завоевания сей страны. Тождество сих двух качеств подтверждает тождество народа, слывшего у византийцев под именем сперва нарицательным, а после собственным.

V. О болгарях на Волге и об их переходе под именем гуннов (аваров, козар) на Дунай

Разобрав те обстоятельства, которые затемняли имя *болгар*, затерявшееся в хаосе бестолковых названий, прилагаемых ему византийцами, постараемся теперь решительнее определить *время*, в которое сей народ распространил свои владения с Волги до Дуная. Не должно воображать, что сие переселение походило на переход какого-либо войска, происходило в том или другом году. Здесь переселялся целый народ и целая, так сказать, держава, следовательно, медленно, по мере успехов оружия, на Юг; посему оно заключает в себе не один год, а целые столетия, т.е. целый период истории (*заметь хорошо*). Итак, возвратимся к первой точке наших исследований: к бытию болгар на Волге; отсюда же станем следить их под именем *гуннов* и проч. Предложим прежде изображение Юго-Востока

Европы до их туда прибытия, чтобы лучше ощутить перемену политическую, произведенную ими в ней.

Римское оружие в царствование преемника Цесарева, Августа, проникло, наконец, до Дуная; Штирия, Каринтия, Карниолия, Австрийское герцогство под именем *Карнии и Норика*, задунайская Венгрия под именем *Паннонии* сделались римскими областями; а за ними и все по Дунаю до самого Черного моря.

Вся страна по сию сторону Дуная была римлянам мало известна; они столько же заботились о ее новостях, сколько мы о подробных происшествиях в странах, лежащих за Оренбургской и Сибирской линиями; они называли ее в подражание грекам *Скифией*, а после *Ящероглазиею*.

Несмотря на то, что граница (Дунай) была глубока и опасна для перехода, *ящероглазые* и *скифы* беспрестанно, говорят они, беспокоили пограничные римские области.

Преемники Августа принуждены были обратить все свое внимание на защиту сих областей; везде по берегам Дуная в удобных местах построены укрепленные лагеря римских полков, давшие начало многим укрепленным дунайским римским городам. Несмотря на сии предосторожности, нередко сами императоры принуждены были выступать в поход на Дунай и оставались иногда на поле битвы.

Траян (98–117 год) более прочих успел в своих военных предприятиях; войска его проникли в Южную Венгрию, Трансильванию, Валахию и разбили могущественных обитателей, которых «греки называют *гетами*, а мы (римляне) *даками*», – говорит Плиний. С сего времени сии завоеванные области покрылись римскими поселениями. Области разделены были по местоположению; гористая Трансильвания названа *Горною Дакией* (*Dacia Alpestris*), Венгрия по сию сторону Дуная – *Дакия по сию сторону гор* (*Dacia cis-Alpina*) (разумеется, в отношении к Италии); малая Валахия с южною частию Баната – *побережная* (по Дунаю) *Дакия* (*Dacia Ripensis*), Валахия с частью Молдавии – *Загорскою Дакиєю* (*Dacia Trans-Alpina, Trans-Sylvania, Ultra-Montana*).

Еще и теперь есть следы римских колоний в сих странах; еще и теперь открывают в них развалины, основания укреплений, домов, памятники, горшки с монетами, вещи серебряные, золотые, медные, мраморные и проч. Имена некоторых колоний и в Трансильвании поныне удержались: Colonia Claudia, где ныне Claudiopolis, столица сей страны (по-венг. Kolosvar, по-нем. Klausenburg); Alba Iulia и проч.

Сие завоевание подало римлянам случай познакомиться со всею странюю до самой цепи Карпатских гор; и с сих пор граница *Ящероглазии* (Sarmatia) отодвинута к упомянутой цепи гор и реке Днестру.

Однако ж нападения варваров на римские области и после приписывались вообще только *ящероглазым*! Что за народ были сии страшные наездники, над голубыми глазами коих издевались *черноглазые* жители Греции и Италии, угадаешь, если вспомнишь, что татарщина была тогда еще по ту сторону болгар, во внутренней Азии; а финские племена, по свидетельству уже тогдашних землеписцев, находились далеко на севере в самом жалком положении (см. Tacit. Annal. § 43, de Phennis).

Между тем надлежало скоро или поздно узнать обстоятельнее сию обширную *Ящероглазию*. Над описанием ее трудились *Страбон, Помпоний Мела, Птоломей, Плиний* и некоторые другие; но оставили нам, впрочем, только краткое, неясное исчисление гор, рек, городов и племен без всякой почти связи; притом названия упомянутых предметов взяты из греческого языка и суть для критика одного достоинства с *ящероглазыми, черноризцами* и пр. Впрочем, может быть, могли они иногда употреблять и настоящие названия предметов, несколько искаженные.

Из всего этого ящероглазьяго хаоса в римской истории выказывается нередко имя *роксолан*, сильного племени по Днепру и Бугу; они делали сильные нападения из-за Днестра, северной границы римской Дакии, не только до Дуная, но даже в Мизию. Впрочем, римские историки весьма часто покрывают их общим именем ящероглазых. Однако *роксолан*, ибо они жили в I, II и III столетии у Днестра, нельзя принимать за болгар.

Здесь же любопытно узнать, каким именем римляне или греки называли в свое время болгар, жителей Волги, прежде, нежели стали быть они известными под именем гуннов. Соседей роксоланов в Крыму и его окрестностях Плиний называет *кимврами*, которые, говорит он, Северный, или Ледовитый, Океан называют *Mori Maruza* (море мороза) (смотри его Географию в отрывках, Ист. и геогр., собранн. графом Потоцким. На Дону, за Азовским озером, жили аланы, или, иначе, *массагеты*. Сия река была почти границею греческих владений. Впрочем, греки здесь также старались раздробить сей народ на многие частные подразделения, которые, говорит Марцеллин, противоречат одни другим. Сей народ занимал всю Доно-Волжскую страну на неизвестное пространство к северу; к югу ограничивался Кавказскими горами. Заметим, что Прокопий гуннов называет именно и *массагетами*. По Страбону, сия страна есть Азиатская Сармация. Греки (за ними и Овидий) жителей дунайских называли *гетами* так же, как и ящероглазыми; роксолан, по имени реки *Tyras* (Днепр), – *тири-гетами*; рокс-аланами же потому, что сзади и были другие алане; почему всех аланов называли еще *масса-гетами*, неизвестно. Как бы то ни было, видно, однако, что греки и римляне причисляли массагетов к европейским народам. Во владения сих-то массагетов (см. Justin. Historiar. L. I, cap. 8) в Грузии вторгнулся было персидский царь Кир, коему королева их *Томира* так искусно отомстила. Они владели, видно, и закавказскими областями и искони вели дела с Арменией и Персией.

Римляне, завоевав всю Анатолию, или малую Азию, и вошед в непосредственные дела с Арменией и Персией, здесь познакомились с ними и их называли парфянами (*parthi*). Воинственный дух побуждал их к походам на юг и восток Азии, точно как после в Европе. Здесь-то они сделались соперниками римлян, принимавших под свое покровительство всех азиатских народов, которые желали восстать против парфян. Парфяне, в свою очередь, всегда ненавидели римлян и стремились разорить Империю; что действительно и удалось им довершить, как увидим впоследствии. Тацит говорит, что един-

ственные военные силы парфян состоят в отличной коннице (L. 6. G. 31). Впрочем, имя парфяне как нарицательное не могло быть долговечным; оно вошло было в употребление на месте массагетов, а после сменено гуннами, что видно из самой истории кавказских стран; да и *Chronicon Pashale* именно говорит, что гунны или скифы названы были парфянами (см. Метог. Pop. in Hunnicis). Впрочем, много деяний их с персами покрыто общим именем скифов. Между тем владение кавказскими странами и Грузией оставалось за гуннами еще и тогда, когда сие имя замечено акатзирами (катзарами, козарами и, наконец, болгарами, которые потом должны были уступить Грузию персам, а Тмутаракан – России). Вот что сказать может здравая критика о сем запутанном деле и что именно сообразно с выше приведенным уже мною понятием о пребывании болгар искони как славян на Волге. Могущество их служит твердым доказательством, что они жили не по частям или отдельно, но составляли одно целое, нераздельное тело.

Между тем (во II и III столетии) в Европе римские владения в Дакии подвергались попеременным нападениям варваров из обширной Сармации. Историки продолжают называть их то скифами, то варварами, то сарматами; иногда встречаются и особые названия: вандалов, герулов, готов. Сии последние относятся более к обширной стране, названной произвольно Германией, т.е. *Братовщиной*.

Из свидетельств древних писателей нельзя составить себе ясного понятия о политическом отношении обитателей *Братовщины* и *Ящероглазии*, разделяемых (в понятии только римлян или греков) машинально рекою Вислою. Уже в третьем столетии, однако, стал показываться более прочих один народ или племя, под именем *готов*. Готы – загадка в истории. Нельзя безусловно верить Иорнанду, их летописцу, будто они вышли из острова Балтийского, Скандии. Он жил долго после сего события; по крайней мере верно то, что готы появились сперва из страны латышской (Лифландии, Литвы, Пруссии). Успехи его оружия скоро стали быть ощутительными и в Римской империи. Императоры, желая привязать к себе пограничных жи-

телей, приняли их под покровительство против готов. Таким образом, Константин Великий вступился за *пограничных ящероглазых* (Sarmatae Limigantes) и отразил готов, которые на некоторые время удержались от своих покушений на Империю, но зато бесчинствовали на Руси. Во второй половине IV века они двинулись еще сильнее на юг, во время несчастного похода Юлианова против персов. В короткое время все владения римлян в обширной Дакии с их колониями потеряны навсегда; они достались готам, которые продолжали нападать чрез Дунай в Мизию, Фракию, Македонию (366). Новый император, Валент, принужден был отражать их силою, но в 378 году при Адрианопле убит в сражении. Храбрый Феодосий Великий, преемник Валента, деятельнее принялся за войну, чтобы выгнать готов из своих земель. В то же время в России, со стороны Дона, стали нападать на них, по Иорнанду, аланы, а по грекам, *гунны* (*ουννοι*). С чего греки так назвали сих донцев, неизвестно; по крайней мере находим имена *αλανοι*, *αλαννοι*, *αλαουννι* (*alaunni*). Впрочем, при таком произволе не нужно искать причины. Иорнанд, нередко слишком пристрастный к славе своих готов, выставляет их победителями в сей войне, несмотря на то, что они были поражены. Он говорит, правда, и о гуннах в других местах, заимствованных из византийцев. Дело в том, что готы вели войну с одним только народом, болгарами, — называют ли их гуннами, аланами, алуаннами или массагетами, все равно.

Итак, натиск болгар с Волги уже с 360 года и неудачные с ними стычки готов принудили последних выступить из России. Болгаре преследовали их и во всей Дакии. В то же время готы отчасти вытеснены из-за Дуная Феодосием, римским военачальником. В 378 году сей самый Феодосий взошел на престол византийский. В его царствование готы держались еще кое-как в Валахии и Венгрии.

Чтобы представить себе яснее отношения сих враждующих народов, надобно припомнить, что готы из Литвы, точно как в средние времена и литовцы, распространяли свои владения по России к востоку и к югу и тем самым приходили в соприкосновение с двумя державами, Римскою, у Днепра и Кар-

патских гор, и Болгарскою, где-либо посреди России. Впрочем, не надобно вообразать, что в России тогда не было другого народа посреди готов и болгар, потому единственно, что имена сих только народов, как господствующих, замечены писателями греческими или римскими.

Сверх сего, готы жилищами своими у устья Вислы граничили и с другими славянскими народами Германии; может быть, и туда простерли власть свою. Где граничили болгарские владения в Руси к западу, неизвестно; по крайней мере, знаем, что Доно-азовская страна была центром их державы; еще менее знаем, как далеко простиралась в Сибири на восток; заключать же ее в областях, прилежащих к самой Волге, нет никакой достаточной причины; ибо хотя болгаре искони и жили только в одной волжской стране, как колыбели своей, однако впоследствии могли распространяться повсюду в округность, что именно подтверждает и история. Сверх сего, трудно знать, где было то место (столица), около коего обращалась вся их государственная машина. Можно, однако, с вероятностью предположить, что оно находилось в более теплой и плодородной части сей державы, и если не на Волге, то на Дону или даже у берегов Азова.

Итак, в IV столетии Россия была театром борьбы между двумя народами, в коей верх взяли болгаре; и с тех пор Россия долго-долго оставалась отчасти под их господством, отчасти же влиянием; с сего-то времени и готы не могли более удерживать стремления к завоеваниям сего воинственного народа.

Болгаре вскоре достигли Карпатских гор (380 г.) и тем прервали связь дакийских готов с литво-пруссскими, оставшимися в прежних своих жилищах у Балтийского моря. Потом понеслись далее к югу, поражая их в Молдавии, Валахии и Венгрии, и принудили их искать убежища у императора Феодосия, который отвел им жилища в разных местах придунайских префектур, преимущественно в пограничной Мизии. Готы, лишившись, таким образом, сообщения с родиной, принуждены были скитаться по Европе; им даже и не хотелось из благораспорядительного климата и плодородных стран южных возвращать-

ся в сухие, песчаные латышские свои страны. Впрочем, сии готы составляли более войско, чем народ в строгом смысле, а посему были и подвижнее.

В правление Феодосия Великого (380–395 г.) болгаре заняли все римские владения по сию сторону Дуная, отнятые у готов: Молдавию, Валахию, Восточную Венгрию и Трансильванию. Горы сей последней послужили убежищем для римских колоний. Сии плодородные страны, обратившие было на себя все внимание римского двора, были неоцененным приобретением для болгар, которые нахлынули на них, как прежде итальянцы, и в непродолжительное время всю Дакию можно уже было назвать Болгарией. Тогда правил сими завоевателями отец Аттилы, *Мундиух*, как называли его греки.

После смерти (395) Феодосия Великого Империю разделили между собою два его сына; *Аркадию* досталась Восточная, *Гонорию* – Западная. Первые годы царствования сих императоров прошли довольно спокойно. Болгаре, довольные на некоторое время столь важным и обширным приобретением, не тревожили Империи своими нападениями. Только остатки готов, а именно вытесненные из Восточной Венгрии, перешли чрез Дунай в Паннонию, Иллирик, а там и в Италию, где после были виновниками разных переворотов, пока, наконец, основали особенное царство²². Меж тем скончался (409 или 410) Аркадий, оставив Империю сыну, Феодосию II. Меж тем возрос и Аттила и принял в свои руки кормило правления.

VI. Болгария, держава между Дунаем и Волгою. Состояние ее в правление Аттилы (410–454 г.)

Итак, переход болгар к Дунаю нельзя принимать за переселение всего болгарского народа с Волги на Дунай. С *Волги*, повторяю, не значит с берегов сей реки, а просто из старой Болгарии, заключавшей в себе и Волгу, и Дон, и нынешние ново-

российские губернии. На Дунай – значит в Дакию, т.е. Бессарабию, Молдавию, Валахию, Венгрию. Переход болгар к Дунаю в точном смысле есть не иное что, как только распространение их владений на юг, к сей реке. Потому слово *переход* или *переселение* здесь очень некстати, и даже противно истории, ибо представляет мысль, будто все болгаре оставили свои жилища на Волге; что несправедливо, потому что сии страны остались в их владении еще несколько столетий спустя. Итак, страна по-гречески или по-римски Дакия, а в самом деле Дунайская, т.е. *Венгро-валахо-молдаво-бессарабская Болгария и Болгария Днепро-доно-волжская* в то время составляли одно политическое тело, подразделявшееся на части, кажется, совсем иначе, нежели как мы по недостатку верных сведений себе воображаем. Границ сего государства к Балтийскому морю, к северу и востоку, как уже сказано выше, определить нельзя, потому что об этом сами византийцы ничего не знали; по крайней мере, видим, что южную линию оно составляли Каспийское море, Кавказ, Черное море и Дунай. Столицу сей монархии из Руси в Дакию первый перевел Аттила. Впрочем, сей неукротимый завоеватель более проживал посреди армии в палатке и на биваках, чем в чертогах посреди своей державы. Враждуя с империями Восточною и Западною, он жил больше всего в Дакии, а именно в Темешском Банате, в соседстве с обеими.

Намереваясь представить только главные черты болгарской истории, я не стану исчислять всех деяний Аттилы, довольно известных из летописей, преимущественно в отношении к Империям. Пусть другие займутся сим делом. Здесь обращаю я внимание на важнейшие его деяния, которые покажут нам, какую роль играли болгаре в Европе в V столетии.

Первые года царствования Аттилы прошли в усмирении разных племен, живших в северной части его владений, «*амилзуров, тимаров, тункасиев и войсков*», – говорят византийцы. Так или не так, не стану спорить; главное то, что он имел дела на Руси. Болгаре, сделавшись соседями Империи по всей Дунайской линии, от Пешта до Черного моря, заводили споры с византийцами, которые кончились нападением на их области

(426 г.). Война прекращена миром, заключенным в дунайском городе Марге между послами императора *Плинтюю* и *Епигеном* и уполномоченными Аттилы на следующих условиях: «I. Император возвратит всех гуннских переметчиков и пленных римлян, возвратившихся в отечество без выкупа, или внесет за каждого из них по 8 золотых монет. II. Византийцам в случае войны гуннов (болгар) с каким-либо соседним народом должно наблюдать нейтралитет. III. Торговые сношения между гуннами и императорскими подданными имеют быть на равных правах и преимуществах; обеспечение торговли обоюдное. IV. Римляне будут платить (Болгарии) ежегодно 700 фунтов золота, т.е. вдвое больше против прежнего. Трактат наблюдать свято» (см. Pgiac. Apud Stritt. in Hunn. P. 451). «По заключении сего мира, – говорит Приск, – Аттила с братом своим Вледом опять обратился в Скифию (на Русь) против (каких-то) *сороссгов*» (со-россхов? Россов или *Σοροσκος*, со-росских?).

438–443 г. Однако мир с Империей продолжался недолго. Началась опять жаркая война. Аттила взял город Марг, опустошил всю Мизию, наконец после Херсонского сражения с императорским чрезвычайным посланником Анатолием заключен мир на следующих условиях: «I. Беглецов возвратить королю. II. Взнести ему единовременно 6000 фунтов золота. III. Ежегодно вносить 2110 фунтов. IV. За римских пленников платить выкуп, по 12 червонцев за каждого. V. Не давать убежища беглецам, его подданным».

Заметим здесь, что в продолжение мирного времени происходила весьма значительная торговля между подданными обеих держав. Известно, что южные берега Дуная усеяны были городами. Каждый из них имел свои ярмонки, называемые *πανηυρεῖς*, учрежденные с согласия обеих держав. На оные тогда стекалось множество народа с обеих сторон. Приск говорит под сим годом (в переводе Стритт. In Hunnicis, pag. 48): «Scythae, quo tempore mercatus Scytharum et Romanorum frequenti multitudine celebrator...»* и проч. (см. Not Contaclari ibid.).

* Когда большая толпа посещала рынок скифов и римлян, скифы... (*лат.*) – Прим. сост.

444–446 г. Феодосию II было весьма прискорбно принимать столь унижительные для Империи условия; но невыгодное положение его в сие время по причине разрыва с вандалами в Африке, персами, арабами и изаврийцами принудило его согласиться на условия, которые трудно было вдруг исполнить. Денег в казне на сей раз почти не было; король за ними и беглецами прислал воеводу Скотана. Император медлил; король прислал второго, третьего посла и вдруг возобновил неприятельские действия. Взяты приступом два знаменитые дунайские города: Ратиария и Сингидун; отнята область Сирмия между реками Дунаем и Савою с городом Сирмием, столицей Паннонии; в Мизии разорены Нисса и Сардика (ныне София); опустошение распространено и на Фракию.

447 г. «Между тем Едикон (*Εδικον*²³), – говорит Приск, – один из храбрейших полководцев Аттилы, прибыл опять посланником в Константинополь вместе с Орестом, греком, родом из Паннонии, лежащей между реками Дунаем и Савою и уступленной Болгарии по трактату с военачальником Западной Империи, Аетием, и посему принадлежавшим к числу подданных Аттилы. Едикон на данной ему аудиенции вручил императору письмо своего государя, в коем сей последний предлагал следующие условия: I. Возвратить немедленно его беглецов. II. Чтоб римские подданные не проживали в новоприобретенных им областях в длину от Паннонии, по той стороне Дуная, но в Ниссе, которую он, взятую приступом, назначает пределом между своими и императорскими владениями. IV. **К нему должны быть присланы чрезвычайные императорские посланники, коим он даст аудиенцию в Сардике, в главной квартире.** (По видимому, король хотел поучить императора дипломатическому правилу, что к первостепенной державе должно посылать первейших сановников государства.) После аудиенции Едикон, обозревая дворец, встретился с Хрисафием, любимцем императора Феодосия II. Посланник изъявил удивление о пышности и богатстве поместья; Хрисафий чрез Вигилу, толмача, отвечал, что и его ожидает подобное богатство, если он перейдет к римлянам; Едикон воз-

разил, что слуге и поданному, имеющему свое отечество, сего сделать непристойно. Хрисафий спросил опять у Едикона, имеет ли он легкий доступ к королю и какой чин занимает, сей отвечал, что он весьма вхож к своему монарху и начальствует его телохранителями вместе с другими вельможами, которые по определенным дням, вооруженные, исправляют сию службу при своем государе. Тогда Хрисафий намекнул, что может доставить ему величайшее счастье и почести и изъявил желание поговорить с ним о сем наедине, а именно, если после ужина посланник посетит его без Ореста и прочих чиновников посольства. Едикон обещался и после ужина действительно прибыл к любимцу императора. Тогда Хрисафий чрез толмача поклялся посланнику в том, что будет говорить о деле, для него полезном, и требовал взаимной клятвы в том, что посланник не разгласит вверенной ему тайны, если и не согласится на предложение. Это было исполнено. Евнух сказал тогда посланнику, что если он, возвратясь к своему двору, умертвит короля и перейдет к византийцам, то принят будет с великими почестями и будет жить в великом богатстве и счастии между ними, проч. и проч. Посланник согласился, прибавя однако, что нужны деньги, по крайней мере 50 фунтов золота, на подкуп телохранителей; евнух тотчас бросился было за деньгами, но Едикон прибавил, что прежде ему должно просто возвратиться к королю с ответом императора и взять с собою Вигилу-толмача, коего он, если нужда потребует, отправит в Константинополь за условленными деньгами; что теперь их принять не должен, ибо нельзя скрыть их ему от своих чиновников посольства, ни от короля, который непременно спросит, от кого и сколько получил подарков в Константинополе. Евнух, признав доводы посланника справедливыми, согласился на исполнение его мнения и, отпустив его, уведомил немедленно императора о своем замысле. Император принял предложение с удовольствием. По совете с гофмаршалом²⁴ *Марциалием*, соучастником всех тайн кабинета, решено было отправить к королю *Вигилу*, соучастника замысла; а *Максими́на*, вельможу, не знавшего о сем ничего,

для прикрытия заговорщиков чрезвычайным посланником по делу о трактате. *Максимин*, отправляясь в путь, причислил меня, – говорит про себя *Приск Ритор*, сочинитель сего повествования, – к своей свите».

VII. Путевые записки византийского посольства ко двору Атилы, писанные секретарем оного Приском Ритором

Сии записки с первого взгляда, может быть, покажутся здесь неуместными; но как они писаны очевидцем, совершившим путешествие в средину гуннов, и срисованы, так сказать, с натуры, то для изыскателя и народописца они драгоценный подарок. Я старался короче познакомить россиян с их соотчичами, *гуннами*, и если мои доводы кому-либо не показались яснее полуденного света (*luce meridiana clariores*), то в сем случае недоверчивых прошу послушать самого очевидца, в полной мере подтверждающего изложенные мною выше положения. Посему сии путевые записки, служащие дополнительными и решительными доказательствами, необходимо должно было внести в число изысканий. Я их предлагаю в том виде, в каком они находятся у Стриттера (см. *Memor. Populor. in Hunnicis*).

«Итак, мы вступили в дорогу вместе с возвращающимся посольством короля, и после 13-дневного пути прибыли в Сардику» (ныне София, а по-болгарски *Триадица*). «По прибытии в сей город мы пригласили Едикона с его свитою откусать с нами. Стол был у нас порядочный; жители доставили нам довольно говядины и баранины. Во время обеда гунны (болгаре) стали превозносить Атилу, а мы императора. Толмач Вигила возразил, что не прилично человека (Атилу) сравнивать с Божеством (Феодосием II). За это сравнение болгаре рассердились, мы же начали обращать разговор на другое и старались ласкательными словами укротить их

гнев. После обеда Максимин, чтобы совершенно примириться с чужим посольством, предложил Едикону и Оресту подарки – шелковым платьем и индийским жемчугом. Орест, дождавшись, пока Едикон оставил общество, обратился к Максиминому и хвалил его благоразумие, что не мешался в общий разговор, явно противный обоим государям; сверх сего, заметил ему, что и прочие, делая Едикону подарки, его (Ореста) пренебрегли. Мы, не зная, к чему относились сии слова Ореста, спрашивали его, в чем и каким образом произошло сие пренебрежение; но он, не сказав ни слова, вышел. На другой день, продолжая путь, я сошелся с Вигилием и повторил ему слова Ореста. Но он отвечал, что Орест не должен отнюдь сердиться за неполучение подарков наравне с Едиконном; ибо он есть только писец или секретарь Короля, а Едикон знаменитый вождь и вельможа Скифии, и много выше его достоинством. За сим Вигила обратился к Едикону и говорил с ним на его отечественном языке, после опять к нам, утверждая, что (правда ли или ложь, не знаю) он сказанное нами повторил Едикону, а после на нас так рассердился, что едва с великим трудом можно было его несколько усмирить».

По-видимому, Орест стал подозревать нечто; плут же Вигила, орудие византийской низости, опасался, чтобы не открылся заговор.

«Наконец мы прибыли в город Ниссу, совсем разоренный неприятелем и оставленный почти вовсе жителями своими; только в развалинах церковей находилось по несколько больных. Перешед реку (Нишаву, на коей стоит город), мы пустились чрез поля. (Все прибрежные места еще усеяны были костями убитых в бывшем здесь сражении.) На другой день прибыли в главную квартиру главноначальствовавшего войсками в Иллирике, находящуюся неподалеку от Ниссы. Император дал ему повеление отпустить нам 5 гуннских беглецов для пополнения числа 17, коих обещался возвратить Атилe. Начальник отпускал бедных дезертиров, утешал их словами».

Из сего видно, что Атила не намерен был принимать византийских послов в Сардикe; они ехали в самую Болгарию.

«Переночевав, мы взяли направление от гор Нисских к Дунаю; в дороге, после разных извилин, переходов, нашли на одно селение. Отсюда пробрались, чрез места ровные и влажные, наконец, к берегу Дуная. Здесь варварские (болгарские) перевозчики приняли нас в свои лодки, которые они делают, выдалбливая толстые деревья (бревна). Сии лодки были приготовлены не для нашего перевоза, а для переправы на южный берег многочисленного неприятеля, с которым, говорили, мы встретимся на дороге. Кажется, что Аттила выступал в поход так легко, как на охоту. Таковы были его приготовления к войне за то, будто наши не возвращают ему переметчиков.

Переправившись чрез Дунай, мы проехали верст 15, как нас остановили на одном поле и велели дожидаться, пока Едикон отправится к Королю и известит его о нашем прибытии. При нас оставлены были воины, долженствовавшие провожать нас, как иностранцев. К вечеру, во время ужина, послышался топот лошадей, к нам приближающихся. Вдруг появились два всадника; они велели нам ехать к Королю. Мы просили их откусать с нами; они сошли с лошадей, присели к нам и отужинали вместе; на другой день они нас проводили, и мы в 8 часу приблизились к палатке государя-полководца, вокруг коей было множество других (это был лагерь). Мы хотели распустить нашу палатку на одном возвышении, но нам запретили, говоря, что палатка Короля слишком близка, и мы должны были остановиться там, где нам назначили.

Вскоре прискакали к нам Едикон, Скотан, Орест и другие неприятельские чиновники и стали от нас спрашивать: для чего, по какому поводу прибыли мы сюда? Мы смотрели один на другого от удивления при столь странном вопросе. Но они настаивали и стали заводить шум, чтобы вынудить у нас объяснение. Мы отвечали, что имеем повеление от нашего Государя сообщить его желания одному только Королю. Скотан, рассердившись на сей ответ, прибавил, что получил повеление от самого Короля узнать причину нашего прибытия; ибо, продолжал он, вашу хитрость и низость в делах мы знаем. Мы начали уверять, доказывать, что еще никогда не было ни закону, ни

обыкновения, чтобы посланники разглашали всякому вверенные им препоручения прежде, нежели допущены будут к тому, к кому они прямо относятся; что сие им самим должно быть известно, поелику они были посланниками в Константинополе; и что им позволено было, того и они же не должны отвергать, а поддерживать права посольства. Получив сие в ответ, возвратились к Аттиле, и вскоре опять к нам, но без Едикона. Тут они высказали сами все поручения, вверенные нам Императором, и прибавили, чтобы мы, если более известных им уже поручений не имеем, тотчас возвратились восвояси.

В сем положении мы не знали, что предпринять; никак не могли понять, каким образом тайные поручения Императора, о коих и самые даже боги не могли изведать, открыты Аттиле. Как бы то ни было, мы решились ни о чем не говорить касательно наших поручений прежде, нежели допустят нас к Королю, и сказали им решительно, что, какие бы ни были вверенные нам поручения, мы можем вверить их только Государю лично и что более не станем ни с кем переговариваться. Итак, они настояли, чтобы мы отправились в возвратный путь.

Во время приготовления к отъезду Вигила упрекал нас за ответ, ибо гораздо лучше было, говорил он, солгать что-либо, чем, не сделав ничего, возвратиться домой; если бы я, прибавил, поговорил с Королем, то все несогласия между обеими державами прекратились бы, тем более что я уже прежде оказал ему услуги во время заключения договора с Анатолием; сего же мнения и сам Едикон. Правду ли он говорил или нет, не знаю; он метил, однако, на то, чтобы под видом посольства исполнить тайные поручения нашего двора касательно умерщвления Аттилы. Но он не знал, что умысел был открыт; ибо Едикон, притворно ли согласившийся на предложение Хрисафия или боявшись доноса Королю от Ореста за сардикскую сцену, или за тайные сношения без него в Константинополе с Хрисафием и императором, открыл своему Государю заговор на жизнь его, и число денег на подкуп стражи, за коими Вигила долженствовал возвратиться в Константинополь, и все то, о чем должен был переговаривать настоящий посол Максимин.

Оседлав лошадей, по необходимости мы, уже вечером, отправились в обратный путь и решились ехать ночью, как вдруг прискакали за нами воины с повелением Короля, чтобы, не пускаясь в путь в темную ночь, возвратились на место, на которое тотчас привели и зарезали нам быка; сверх сего принесли нам речной рыбы, присланной Королем. Поужинав, ложились спать. При рассвете мы ласкались надеждою, что Король, смягчившись, примет нас благосклоннее; однако он велел нам сказать, что если не имеем сказать более того, что уже ему известно, то должны возвратиться домой. Итак, мы препоясались в дорогу, не дав никакого ответа, несмотря на то что Вигила убедительно советовал сказать Королю, что имеем еще что-то сообщить ему, для него весьма важное.

Заметив прискорбие Максимиана, я решился сходить в палатку Скотана и взял с собою Рустиция, знающего здешний язык (болгарский, *barbarogum linguae peritus*) и прибывшего с нами сюда по собственным делам к Констанцию, уроженцу итальянскому, присланному Аттиле Аетием, первым тогдашним полководцем Западной империи, для его латинской переписки с римским двором. Чрез Рустиция я разговаривал со Скотаном, коему обещал от имени Максимиана великие подарки, если откроет ему доступ к Королю; ибо посланник желает заключить договор, который будет весьма полезен не только Империи, но и его народу и проч. Убежденный моими словами, он сел на лошадь и поскакал к палатке Короля.

Я уже возвратился к нашей, где нашел Максимиана и Вигилу в величайшем недоумении и страхе. Я рассказал посланнику о моем посещении Скотана и о его поездке к Государю и просил его приготовить обещанные ему мною подарки и придумать речь, коею должно будет приветствовать гордого монарха. Итак, они встали (я их застал лежащих на траве), похвалили меня за предприимчивость и велели позвать назад часть нашей свиты, выступившей уже в путь. Тогда стали думать, как приветствовать Короля и поднести ему императорские подарки.

Между тем, прибыл к нам Скотан с повелением приготовляться к аудиенции. Наконец мы отправились к палатке государя

ря, окруженной множеством стражей. Когда мы вошли, Аттила сидел на троне или деревянных креслах; мы остановились поодаль; Максимин, подошел к нему, поклонился и, вручая письмо Императора, сказал: Император желает Вашему Величеству и всем Вашим подданным здравствовать. Король отвечал: да будет и ему так, как мне желает (!), и тотчас обратился к Вигиле. Он бранил его сильно и спрашивал, для чего опять к нему прибыл, когда мир заключен на таких условиях, на которые и он, и Анатолий согласились? И прибавил, что Император не прежде мог к нему отправлять посольство, как только по возвращении всех беглецов, находящихся в его владениях. Вигила же отвечал, что ни одного переметчика более нет в Империи и все возвращены. Сим ответом еще более разгневанный Король стал бранить его еще более и прибавил, что он велел бы его повесить, если бы не уважал прав посольства, за его бесстыдство и дерзость; ибо, говорил он, в Империи есть еще много его беглецов, коих роспись тотчас велел прочесть своим писарям».

Аттила имел достаточную причину настоять на выдаче беглецов; ибо византийцы покровительством своим подавали повод воинам его к побегу; доказательством тому служит и происшествие с Едиконом. Аттила же, как государь воинственный, строго наблюдал дисциплину и наказывал за измену отечеству.

«Когда отметили число недостававших, Король тотчас велел Еславу (или Воеславу) отправиться с Вигилою в Константинополь и по объявлении Императору, чтобы немедленно выданы были все беглецы, проживающие в его областях, возвратиться тотчас с ответом: будут ли возвращены переметчики или, в противном случае, желают ли византийцы продолжения войны. Максиминому же велел дожидаться, пока приготовится ответ на письмо Императора, в коем сей последний отзывался о Максимине, как отличном сановнике и дипломате, а о Вигиле, как опытном толмаче и проч. Вслед за сим, приняв подарки, нас отпустили. По возвращении в нашу палатку мы перебрали все сказанное на аудиенции от слова до слова. Вигила удивлялся и не мог понять, почему Аттила, быв бла-

госклонным и снисходительным к нему во время первого его посольства, теперь бранил его столь жестоко. Я сказал, что, по-видимому, Королю донесли, как он в Сардике бранил его, а Императора сравнивал с божеством; сего же мнения был и Максимин, ничего не знавший о тайных кознях Вигилы и нашего двора. Вигиле же, как он после признался, и в голову не приходило, чтобы кто-либо мог донести Королю о сардикской сцене или об умысле на него, или чтоб сам Едикон, поклявшийся молчать, мог открыть тайну, за соучастье в коей должен был опасаться осуждения и казни.

Между тем как мы так рассуждали, но подлинно ничего не понимали, пришел к нам Едикон и, отозвав Вигилу несколько в сторону (ибо, по-видимому, притворялся, будто действительно желает с ним посоветоваться об исполнении тайного их замысла), велел ему при возвращении из Цареграда привести условленные деньги для подкупа стражи и, кончив совещание, ушел опять. Когда я стал с любопытством выпрашивать Вигилу касательно его разговора с Едиконем, он стал меня обманывать, говоря совсем другое, будто Едикон рассказал ему, что Король очень сердит на него за невозвращение переметчиков, но он и сам себя обманывал. Вслед за сим мы получили запрещение Короля выкупать римских пленных у его подданных, или покупать рабов, лошадей, или чтобы то ни было, кроме съестного, до тех пор пока не заключится мир между обеими державами. Король поступал довольно прозорливо и хитро; ему хотелось поймать Вигилу с поличным, а византийский двор в самом его тайном действии; ибо лучшего способа действительно не видел.

Итак, Еслав и Вигила отправились в Константинополь, будто для того, чтобы по повелению Короля привести пленных, а в самом деле чтобы привезли обещанные Едикону деньги. По их отъезде Король велел нам дожидаться прибытия Онигизия²⁵, первого его советника, воеводы, находившегося тогда со старшим его сыном у акатзирив (козар) правителем; ибо он долженствовал написать ответ на письмо Императора и принять для хранения подарки, присланные Королю и ему.

На третий день мы отправились со двором (за Аттилою) в места, лежащие более к северу. Проехав несколько с варварами, мы поворотили, по указанию наших проводников, на другую дорогу. Аттила же остановился в одном селении, где хотел жениться (хотя уже имел несколько жен) на Ескане дочери (?), сообразно (?) с законами своего отечества.

Мы продолжали путь по стране ровной и обширной и переправлялись чрез много рек судоходных, из коих после Дуная величайшие: Дрикон, Тига, Тифиза».

Еще не решено, куда и где именно переправлялись чрез Дунай наши путешественники. Стриттер намекает вместе с Кантокларом в его замечаниях на Приска, что они переправились чрез Дунай в Молдавию и ехали по оной к северу. Но это несправедливо: от Ниссы они взяли направо, т.е. к северо-востоку, чрез горы Нисские, по ближайшему пути к Дунаю, чрез который переправились в Малую нынешнюю Валахию. Это видно еще из следующего:

а) они недолго пробыли на пути от Ниссы к Дунаю, что не могло быть, если бы они ехали прямо к Белграду; б) если бы ехали от Ниссы прямо к северу, то Приск упомянул бы о реке Мораве, с которой должны были часто встречаться; в) да и из общего направления пути византийского посольства чрез Адрианополь, Софию и Ниссу видно, что оно шествовало прямо во Венгрию.

Итак, лагерь Аттилы застали они в западной части Малой Валахии, прилежавшей к Банату. Заметим, что страны имели тогда не нынешние границы; ни Баната, ни Валахии не существовало; страны сии вверх по Восточной Венгрии к северу составляли одну область Аттилы. Посему выражение Приска *в северные страны* значит от Дуная из Малой Валахии в Банат и Венгрию. Это подтверждают имена рек, чрез которые переезжали. Иорнанд (*de reb. Get.*, с. 34) называет их *ingentia siquidem flumina i. e. Tisiam Tibisiam que et Driccam transeuntes etc**. Два первых имени означают, кажется, Тису – реку, первойшую

---

* Поистине крупные реки, такие как Тизия (Тиса), Тибизия, Дрикка (*лат.*). – *Прим. сост.*

Вост. Венгрии; ее называли по-латыни и Tiscia, и Tibiscia, и Tibiscus; последнее имя и ныне еще в употреблении. Переехав дважды чрез одну и ту же реку, путешественники приняли ее, кажется, за две. Как Дринка или Дрикон ныне называется, не стану изыскивать.

г) Наконец, можно прибавить: Онигизий с сыном Аттилы находился тогда у козар, т.е. в Молдавии и Новороссии. Аттила велел посланнику дожидаться прибытия его оттуда; итак, если бы они туда ездили, то вместо прибытия Онигизия явились бы к нему сами, что, однако, произошло наоборот, как увидим ниже. Посему двор находился, действительно, в Восточной Венгрии.

«Чрез большие реки перевозили нас жители соседних деревень. На пути, в селениях, нам доставляли съестные припасы (*ἀντι μὲν ὑποῦ καεῦχρος ἀντι δὲ οἴνου ὁ Μεδος ἐπιχωριος καλούμενος* – слова Приска), вместо пшеницы (или пшеничного хлеба) *кенхрос* или *кехерь*, а вместо вина *медь*, жителями так называемые. Проводники, нам прислуживавшие, приносили кенхрос и питье, делаемое из ячменя, которое они называют камасом (*καμας*)».

Почтенный наш автор, кажется, не расслышал хорошо имени сего последнего ячменного напитка, который есть квас и который ему прислышался камасом, а на бумаге излился *камасом*. Что касается до *кенхрос*, то его значения определить нельзя. Я слышал у южных славян слово *кехрица*, принадлежащее, не помню, какому-то естественному произведению. Впрочем, из слов Приска видно, что это не были ни пшеница, ни рожь, ни ячмень; не кукуруза ли, *кукруза*, или, как называют карпато-россы, *кендрица*? Меж тем можно предположить, что имя сие пострадало несколько под пером Приска. И свидетельство сего очевидца, и упомянутые им произведения показывают ясно, что гунны вели жизнь оседлую и на лучшей степени хозяйственной образованности. И сих-то гуннов, гостеприимных хозяев, господа историки, принимаете вы за монголов, за татар, которые не только что тогда, но чрез 600 лет спустя не умели и теперь еще по большей части не умеют ни пахать, ни

сеять, ни жать? И сих-то гуннов, живущих деревнями и селениями, пивших мед и квас, вы принимаете за монголов или татар, вечных бродяг, всегда питавшихся одной скотиной да кобылиной сывороткой?

«Наконец, после долгого пути прибыли мы в вечернее время к одному озеру, которое снабжало близкие деревни водою (ибо воду из оного можно было пить). Мы распустили свои палатки поблизости оного. Вдруг стал дуть сильнейший ветер, сопровождаемый ужасною грозою; палатки разметало, а вещи унесло в озеро. Мы испугались и во мраке рассеялись, кто куда мог, искать от грозы убежища. Наконец, достигли разными дорогами домов (селения), собрались и с криком обыскивали, кто что потерял. Жители выбежали на сей шум на улицу с лучинами, коими обыкновенно раскладывают огонь и освещают комнаты, и, приблизившись к нам, спрашивали, что с нами сделалось и отчего мы так зашумели. Проводники отвечали, что гроза преследует нас. Узнав это, они с радушием просили нас к себе и дома разложили огонь сухими лучинами». Истинно по-славянски. «Селением владеет прежняя жена Влада, брата Аттилы. Она прислала нам кушаньев и красавиц, чтобы нам приятнее провести вечер; это у скифов почитается почестью».

Поместье! Помещица! Гостеприимство! *Galanterie! Etiquette*, – и гунны все еще останутся в истории кобийскими бродягами? Разительный пример небрежности византийцев в народопознании! Приск, который обращался сам с народом, называет его то скифами, то гуннами. Но сверх сего, Приск не мог познакомиться с народом короче; ибо, не понимая его языка, поневоле был глухим ко всему, его окружавшему.

«Поблагодарив женщин за кушанья, откланявшись, мы легли и воздержались от увеселений».

Из этого явно, что женский пол у гуннов был очень на свободе. Можно ли подумать, чтоб гунны были татаре?

«На другой день мы пустились искать вещей, потерянных нами ввечеру; мы нашли их отчасти там, где стояли накануне, отчасти на берегу озера, частью же в самом озере. Мы сушили, ибо гроза миновала и настала ясная погода, их в селении почти

целый день. Наконец, оседлав лошадей, других заложив в повозки, мы отправились к Королеве (т.е. бывшей жене брата королевского) откланяться ей и поблагодарить. В свою очередь, чтобы не уступить варварам в этикете, мы дарили ее серебряными сосудами, красною шерстью, индийским перцем, пальмами и другими сухими плодами. Откланявшись, отправились далее. Проехав шесть дней сряду, наши проводники заставили нас подождать, пока Аттила проедет этою дорогою, и следовать за ним после. Мы встретились здесь с послами Западного Императора, едущими к Королю. Замечательны между ними были: граф Ромул, Примут, губернатор Норика и генерал Роман. С ними был и статс-секретарь Аттилы Констанций, о коем уже упомянуто выше, и Татулл, отец Ореста, находившегося при Едиконе не по делу посольскому, но по частному знакомству; ибо Констанций еще в Италии был с ними дружен; Татулл же по причине родства, ибо сын его Орест в Павии, городе Норика, женился на дочери графа Ромула.

Здесь излагает он причину их посольства, которую я оставляю.

«Итак, подождав проезда Короля, наш многочисленный дипломатический корпус весь отправился вслед за ним; переправившись чрез несколько рек, мы прибыли наконец в его столицу. Его дворец показался нам и выше, и величественнее всех строений в городе; он построен из искусно обтесанных бревен и весьма хорошо полированных камней и окружен деревянною оградю не для укрепления, но для украшения. Ближе всего находился дом Онигизия, тоже с оградю, но не с такими красивыми башнями, как Аттилин. В довольном расстоянии от сего дома находилась баня, которую Онигизий, богатейший после Короля и первый вельможа государства, велел выстроить из камней, привезенных из Паннонии (из-за Дуная; посему можно полагать, что сия столица Аттилы находилась где-либо неподалеку от Дуная), ибо нет у них в сей стороне ни лесу, ни камней, и материалы для построек привозят издалека». (Сей недостаток и ныне весьма ощутителен в Южной Венгрии, наиболее по сию сторону Дуная.) «Баню строил пленный

из города Сирмия; он надеялся за постройку получить свободу, но обманулся, ибо Онигизий сделал его зрителем оной, когда он или его семейство ее посещает».

Всяк знает, что бани были отличительной чертой домашней жизни славянских племен и что нигде не были столь всенародною потребностью, как на Руси. Этого не было у татарских племен; турки переняли употребление бань от греков, как и одежду и проч., а казанцы от русских, к чему побуждены были и принятием арабского закона омовения. Balnearia или thermae древних не значат бань наших, а просто купальни при минеральных водах. Народ обходился без бань не только у римлян, но и ныне в заграничных странах, в коих простой народ, даже и славяне, не имеет никаких бань, а просто летом купается в реках. Правда, в иных местах спекуляция заставила делать ванны, подражание минеральным, из простой теплой воды, или же для предотвращения несчастья на реках построены палатки или купальни: но это еще не бани. Между тем никакой русский не может обойтись без бани; всякое русское селение имеет свою баню, а иногда две, три; многие зажиточные россияне имеют свои собственные бани. Из слов Приска видно, что наши бани в столь же сильном употреблении были и у гуннов; ибо если Онигизий имел свою собственную, то, без сомнения, и всякой другой имел свою же. Что Приск упомянул о сей одной, неудивительно, ибо он не говорил о прочих домах города, кроме Онигизиева и дворца. Баня есть одна из прихотей или следствий оседло-хозяйственной жизни. Не явно ли это подтверждает собственно русское происхождение гуннов? Ужели гунны могли быть те кочевые монголы, которые не только что не могли иметь бань, но даже и собственных домов?

«При въезде в город навстречу Королю вышли девушки и, воспевая песни народные, рядами пред ним шествовали в город под длинными и широкими белыми покрывалами, которые поддерживаемы были женщинами наподобие балдахина; под каждым покрывалом находилось по шести и более девушек». Это были народные хоры, поющие песни в честь отцу-Царю. «Напоследок приблизились к дому Онигизия (ибо мимо

его двора была дорога во дворец); вдруг вышла супруга сего вельможи, сопровождаемая множеством девушек, из дверей дома, и поднесла Монарху закуску и вино, что у них считается знаком и изъявлением глубочайшего почтения. Поклонившись, предложила она ему на серебряном блюде свою закуску в знак великого уважения к нему. Атилла, оставаясь верхом, прикушал несколько с блюда, поддерживаемого его приближенными, и, выпив чашу, поехал во дворец».

Истинно славянское и именно только русское обыкновение! Какой россиянин не узнает свою родимую, радушную хлеб-соль, подносимую любимым монархам! Татары ли были гунны?

«Мы же остались по повелению Онигизия (ибо он уже возвратился от Азовского моря из России вместе с сыном короля) в его доме. Мы здесь ужинали; супруга его нас угощала вместе с другими дамами, равно знатными или родственными. Ему же (Онигизию) не доставало времени побыть с нами, ибо только что приехал, как и должен был явиться к Королю, чтобы донести о делах, им веденных, для коих был послан, и о здоровье Королевича (вывихнувшего правую руку). После ужина, оставив дом министра, мы въехали в дворцовой двор и распустили на оном палатку, чтобы Максимино, долженствовавшему являться к Королю, ближе и легче был вход к нему и его министрам. Мы здесь переночевали.

На другой день утром Максимин послал меня вручить Онигизию подарки как от Императора, так и от него и просить его назначить посланнику время и место для конференции. Со мною шли слуги, несшие подарки. Двери дома были заперты; я стал дожидаться, пока кто-либо выйдет и доложит обо мне». Приск слишком рано делал посещение; в доме еще спали. «Мне скучно было дожидаться, и я прохаживался около дома, как вдруг некто, проходя мимо меня, коего я почел за военного гунна, поклонился мне по-гречески: *Χαιρε!* Я удивился, что варвар умеет по-гречески, ибо они очень привязаны к языку не только своему, гуннскому, но и к готскому и латинскому более, нежели к нашему, по причине их частых сношений с Италией и Западом. По-гречески умеют говорить здесь только

пленные, выведенные из Фракии или приморского Иллирика, которых тотчас узнаешь по бледности лица и рубищу. Но этот был прекрасно одет, с волосами, подстриженными по-гуннски в кружок; и с виду богат».

Это самое обыкновение подстригать волоса кругом во всеобщем употреблении и у великороссов. У прочих славянских племен его не нахожу. Тожество сего обыкновения у гуннов (болгар) и россиян указывает на их непосредственное соседство и сродство. Малороссы так уменьшили круг волос, что оставили чуб. Это заняли было и поляки. Впрочем, брить голову есть принадлежность народов Азии и востока Европы, какого бы они племени или рода ни были.

«Я спросил его с любопытством, где он выучился по-гречески; он, улыбнувшись, сказал, что он родом грек, поселился было в Мизийском городе на Дунае, Виминации (Viminacium), где производил торговые дела, женился там очень выгодно и что после взятия приступом сего города гуннами, лишившись свободы и имения, при разделе пленных достался Онигизию. После, сражавшись храбро под знаменами Атиллы против римлян и на Днепре, получил в награду добычу вместе со свободою; женился на гуннянке, имеет от нее уже детей, и что, удостоившись любви и стола Онигизиева, почитает себя гораздо счастливее, чем в Империи; ибо заслуженные воины у гуннов, прибавил он, имеют великие права и преимущества и пользуются своим заслуженным имением вполне без всяких забот и обязанностей.

Между тем один из служителей Онигизия отворил ворота; я тотчас вошел и просил доложить, что прислан посланником и желаю говорить с министром. Служитель просил меня подождать немного. Вскоре вышел министр. Сделав ему поклон от имени посланника и представив ему подарки, как от Императора, так и от Максимиана, я спросил его о времени и месте конференции. Он велел слугам своим принять золото и подарки, а мне доложить Максимиану, что тотчас к нему будет. И, действительно, вслед за мною прибыл в палатку посланника.

Вошед, он изъявил свою благодарность как Императору, так и ему; после спросил о причине своего призыва.

Максимин стал представлять ему, что уже пора прекратить несогласия обоих дворов и что, отправясь в Константинополь и прекратив несогласия мирным трактатом, он принес бы великую пользу не только обеим державам, но и своему дому доставил бы славу и изобилие, по милости Императора. Тогда министр спросил, в чем же может он быть полезным Императору? Посланник отвечал: чтоб он сам отправился в Константинополь и, разобрав спорные статьи между обеими державами, сделался посредником в окончании их и заключении мирного трактата. Но Онигизий возразил, что уже давно известил Императора и его министров, в чем состоит желание Атиллы и мнение касательно всего спорного дела. Или ужели Император думает, прибавил, что своими обещаниями побудит его изменить своему Монарху и отечеству? Он заметил, однако, что, оставаясь дома, он может быть полезнее римлянам своими представлениями Королю и укрощением его гнева, если в чем-либо слишком строго стал бы настаивать ко вреду римлян; если же он отправится и сделает что-либо не по его желанию, то навлечет гнев его не только на себя, но и на Императора и проч. Кончив конференцию, он вышел. На другой день я представлен был Королеве Креке²⁶. От нее Атила имел трех сыновей; старший из них тогда управлял странюю Катзирскою (Козарскою) и прочими прилежащими к Черному морю».

Да припомнят себе читатели слова Массуди, арабского писателя (смотри 90 замеч. на I том Ист. госуд. Росс.), утверждающего, что у козар был и царь, и каган. Сей последний правил именно только Козарскою странюю. Вот что подтверждается свидетельством Приска еще в V столетии. Как имя козар было частное, а народ сам составлял часть гуннов, то, кажется, очевидно, что козаре были тот же болгарский народ. Впрочем, о Козарах поговорим обстоятельнее в другой раз.

«Мы вошли во внутренний двор, на коем находилось еще много других строений, частью из камней, обделанных и весьма красиво сложенных, частью же из бревен, во всю длину чисто обделанных и искусно выглаженных. Круги

башни, начинаясь от земли, возвышались кверху до известной пропорции. Здесь жила супруга Аттилы, к коей ввели меня находящиеся у дверей люди. Я вошел по полам, устланным коврами; застал ее полулежащую на мягком ложе (или софе). Вокруг нее находилось множество прислужников; напротив нее сидели за работой девушки. Они вышивали красками полотно, служащее к украшению одеяния. Поклонившись и поднеся императорские подарки, я вышел, чтобы подождать, пока Онигизий выйдет от Короля (ибо от посланника он пошел было домой, а оттуда к Королю)».

Придворный штат! Камергеры! Фрейлины! Гарем ли это?

«Меж тем мне захотелось осмотреть и прочие королевские строения. Остановясь с шумом, я увидел множество народа, стремящегося к одному месту. Вдруг из внутренних покоев вышел Аттила на крыльце, сопровождаемый Онигизием. Все на него устремили взоры свои. Здесь многие, имевшие жалобы, были ему представлены. После, возвратясь в покои, давал аудиенцию послам варварских народов».

Видно, что Аттила, как великий человек и государь, любил свой народ, допуская к себе всякого. Явление, коего свидетелем был Приск, было обыкновенное в Европе; государи показывались часто народу и беседовали с ним. После долгого отсутствия Аттила, возвратясь из армии, приветствовал свой народ, который толпился вокруг дворца; толпился, чтоб увидеть своего великого государя. Скажите, это ли *à la mongole*, Dalai-Lama, Kiun-Tan? Гунны-монголы?

«Между тем, посланники западного Императора (Валентина), граф Ромул, Примут, генерал Роман, далее Рустиций и Констанциол приблизились ко мне и спрашивали, отпущены ли мы? Я сказал им, что зашел сюда именно от Онигизия узнать, когда нас отпустят. В свою очередь и я спросил, каковы их дела? Но они сказали мне, что Король непреклонен и они должны или удовлетворить его желанию, или получить объявление войны».

Заговорив вместе о его гордости и могуществе, Ромул, бывший во многих почетнейших посольствах, муж опытный

и сведущий, прибавил, что счастье делает Короля горделивым. Никто, говорил он, из владетелей Скифии, его предшественников, не совершил толиких подвигов в столь короткое время, как он; ибо владеет целою обширною Скифиею, от островов Океана до пределов Империи римлян, коих уже сделал своими данниками. Но этим еще он недоволен; душа его стремится еще к большим подвигам; желая распространить пределы своего владычества, он намеревается объявить войну Персии.

Некто из нас спросил: есть ли дорога из Гуннии в Персию; Ромул отвечал, что Мидия (северо-западная часть Персии) от гуннов недалеко и что гунны очень знают сию дорогу, по которой они давно уже нападали на Васих и Курсих, мидийские города и проч. По причине близости Аттиле легко напасть на мидян и персов и покорить их. Войска у него столько, что ни один народ не в состоянии сопротивляться ему. Я пожелал, чтобы он начал войну с персами, ибо вся тяжесть была бы снята с нашей земли. Констанциол возразил, что этого, напротив, не надо желать; ибо если погибнет Персия, то вся тяжесть его державы падет на нас, что он будет тогда обращаться с нами, как с вассалами; уже и так платим ему» и проч.

Из сего видеть можно, что болгаре обладали не только волжскими странами до самого Кавказа, но даже и значительной частью закавказских земель. У армянского летописца Мойсея Хоренского (жившего около 370 года) сии самые гунны греков жили на Кавказе и нападали на Армению под именем болгар и козар не только около 178 года после Р.Х., но и за 100 лет до Р.Х. Чего же больше? Впрочем, болгаре еще долго владели сими областями и после под именем козар и болгар.

Итак, из сего явствует, что могущество болгар ощутительно было не только для европейских народов, но и для азиатских. Посему, если совокупите обе половины, налегавшие на Европу и на Азию, то увидите огромное политическое тело, о котором вообще новейшие имеют понятие, не соответствующее его величию. Суждение о сей державе римского политика-дипломата и вместе современника-очевидца драгоценно и луч-

ше всего изображает перевес Болгарии над Римской империей, а посему, по-видимому, и над всеми царствами мира.

«Мы хотели разговаривать далее, как заметили, что Онигизий вышел от Короля, и бросились к нему. Он, поговорив, не знаю что, со своими, обратился ко мне и велел спросить у Максимиана, кого Император намерен из высших сановников прислать к Королю уполномоченным? Доложив посланнику и посоветовавшись с ним об ответе, я возвратился к министру и сказал, что Император желает, напротив, видеть его самого в Константинополе и кончить с ним спорное дело; если же нельзя надеяться на сие, то Император пришлет кого за благо рассудится. На сие велел он мне тотчас позвать посланника и повел его к Королю. Аттила хотел (как мне после сказал посланник), чтобы Император отправил к нему именно Нотия или Анатолия, или какого-либо другого сенатора, и что другого он не примет. Посланник заметил ему, что неприлично назначать поименно тех, коих он к себе желает; ибо тем приведутся они в подозрение у Императора. На это он возразил, что если Император откажется исполнить его требование, то он сам решит спор оружием».

Нельзя не признаться, что Аттила с обоими императорами обращался с презрением. Низкий поступок византийского двора раздражал его еще более. Это было наказанием за то, что они сами, презирая все так называемое ими варварское, никого в мире не равняли с собою. Так, в изъявление особенного своего благоволения к иностранным государям они жаловали их на степень какого-либо чина Империи. Аттила, могущественнейший государь своего времени, имел титул генерал-фельдмаршала Римской империи, который принял, потому что с ним вместе было богатое жалованье. Несмотря на такую гордость, Аттила требовал, чтобы присылали к нему послами не подьячих, а людей опытных и знаменитых.

«Когда мы оба возвратились в палатку, вошел к нам отец Ореста. Король приглашает вас обоих, – сказал он нам, – к обеду, в девятом часу (т.е. в третьем пополудни). Мы явились тогда вместе с членами Западного посольства в назначенное время и

предстали пред Короля в приемной, где кравчие королевские поднесли нам, по обычаю сего народа, по рюмке напиток, чтобы еще до обеда выпить за здоровье друг друга».

Это обыкновение выпить чарку пред обедом велось, и ведется поныне, исключительно у одних россос-славянских племен в России, в Чермной России (в Галиции) и у карпато-россов (в Венгрии). О прочих славянских племенах этого не могу сказать. Для осведомления надлежало бы съездить к ним по очереди в гости. Иноплеменные европейцы не имеют сего обычая; татаре также, если не переняли от русских в России, а от болгар в Турции. Итак, вино у гуннов пред обедом указывает явно на их происхождение из русской стороны, их сродство с россиянами, точно как остриженные в кружок головы, и бани, и мед, и квас и проч. Монголы ли гунны? О, историки!

«Выпив по бокалу, мы вошли в обеденную залу (столовую). Здесь находились седалища кругом стен».

Разве кочевые имеют мебель? Заметим, что старинная русская простонародная мебель состояла из толстых лавок, гладко выструганных и приделанных к стенам, по всем четырем, или трем, или двум, смотря по надобности. У карпато-россов порожнее место уставляют сими седалищами, которые называют лавицами; более зажиточные вместо лавиц неподвижных делают подвижные, наподобие длинных диванов. То же самое и у прочих славянских племен. Так описал внутренность русской комнаты уже в 921 году и Ибн-Фоцлан (см. 50 замеч. на него у Френа). Татаре переняли лавицы у россов вместе с домами.

«В середине на ложе или диване сидел Аттила. Против него было другое его седалище, от коего ступени, ведущие в кабинет, устланы были для украшения белыми и разными другими коврами, точно как греки и римляне украшают обыкновенно комнату новобрачных. Первостепенных гостей посадили по правую сторону Короля; по левую других, и меня и Вериха (или Бериса), знатного вельможу, владельца многих селений в Скифии (т.е. в России); но на высшем месте сидел Онигизий. На креслах, по правую руку Короля, напротив него,

два сына Аттилы; старший, на одном троне с родителем, сидел поодаль, потупя глаза, боязливый перед отцом» (?).

«Когда мы расположились таким образом, вошел кравчий, неся сосуд с вином. Король, приняв оный, выпил за здравие первейшего по порядку гостя, который, встав и отблагодарив поклоном, не прежде мог сесть, как отведав или совсем выпорожнив подносимый ему стакан за здравие следующего соседа. Всякий гость по порядку принимал бокал и, выпив оный по объявлении тоста, кланялся сидящему Королю в знак почтения. За спиной у каждого гостя стоял кравчий с сосудом к услугам. Когда весь круг был обойден, Король позвал нас, по нашему греческому обычаю, на стаканый бой, или заклад ((certamen poculogum), т.е. кто больше выпьет). Наконец, кравчие удалились». Живая картина славянского пиршества!

«За каждым столом подле королевского могло поместиться три, четыре или больше гостя, из коих всякий мог, не мешая другому, брать любое кушанье. Прежде всех вошел прислужник Короля и принес блюдо с мясным кушаньем; за ним прочие с хлебом. Вообще на столах у гуннских и иностранных гостей было много всяких кушаньев на серебряных блюдах. У Аттилы было одно кушанье мясное, и то на деревянной тарелке.

Он был умерен во всем. Гостям стаканы поданы были золотые и серебряные, а он пил из деревянного. Одевание у него было ненарядное и ничем не отличалось от прочих, разве только чистотою и простотою. Ни сабля его, ни обувь, ни конная сбруя ничем не отличалась; у его вельмож, напротив, все сие осыпано было золотом, драгоценными камнями и жемчугом. После первых кушаньев мы встали и все рядом выпили за здравие Аттилы, и опять сели; тогда снова принесли другие новые кушанья. Насытившись, мы встали и, выпорожнив по чаше, разошлись по местам.

Вечеру, после окончания обеда, вошли в горницу два человека и, представившись Королю, стали читать свои стихи, в коих прославлялись великие его деяния и подвиги. Все гости устремили на них свои взоры. Иные восхищались стихами, кои возбуждали воспоминание о военных деяниях и подвигах; у

иных при чтении появлялись слезы. После пения и стихов вошел, не знаю, какой-то полусумасшедший (шут), начал говорить всякой вздор и произвел всеобщий хохот. Наконец вошел Зерхон Маврузий, или Маврузский. Едикон убедил его войти к Аттиле, обещая помочь ему испросить у Короля возвращение ему жены. Когда еще Влад, брат Короля, ему покровительствовал, он женился было на гуннской женщине, но принужден был оставить ее, быв послан Королем в подарок Аецию, от коего он бежал назад, за что и Король был на него в гнев. Смешной чудак по случаю сего пиршества надеялся снискать милость Короля и получить жену обратно. Станный и видом, и одеянием, и произношением, и телодвижениями, употребляя вместе и латинские, и готские, и гуннские слова, он произвел хохот, коему конца не было».

Заметим: а) отличительнейшая черта славянских пиршеств всегда была веселость, непосредственное следствие гостеприимства. В этом отношении славяне занимали первое место между всеми народами. Веселость и радушие гуннского пиршества именно опровергает мнение изыскателей о татаризме сего народа. У татарских племен не только нельзя искать веселости, но, напротив, отличительная черта их народного характера состоит в медленности, пасмурности, угрюмости, молчаливости и задумчивости. Причиною сему был недостаток в общественном обхождении, в радушии – следствие кочевой, однообразной жизни. Итак, образ жизни и народный дух гуннов совсем отделяет сей народ от татаро-монгольских.

б) Под готским языком Приск подразумевает язык запада Европы (Германия). Под сие общее имя греки тогда подводили все почти западные славянския племена, как венедов или вандалов, ругийцев и проч. Слова Приска (см. выше стр. 128) гунны привязали к готскому языку, значит, что они его понимали, т.е. их язык был сроден с готским, с западно-славянским. Посему-то и видна непринужденность в сношениях гуннов с прочими народами Европы. Всякий грек или римлянин, родившийся в Иллирике, Паннонии, Норике, т.е. между словенами, и зная словенский язык, уже понимал и гуннский, и мог служить

толмачом и вступить даже в гуннскую службу. Пример тому Вигила, Орест, Констанций и проч.

в) С земледельческой жизнью европейцев тесно связана народная поэзия, народные песни. Славяне, кои и ныне могут назваться песенным народом, всегда отличались в этом отношении. Этого отнюдь нельзя заметить у татар, или весьма мало. Песни у гуннов были в таком употреблении, что Аттилу даже встречали песнями, и хоры певчих провожали его в город ко дворцу. Он сам любил песни и с услаждением слушал стихи на отечественном языке; он любил отечественный язык. Гунны – татаре?

«Между тем, лицо Аттилы оставалось пасмурным; он даже не сказал ничего, что могло бы развеселить общество; только взглянул с улыбкою на вошедшего младшего своего сына Ирнака. Удивляясь, что Король не обращал столько внимания на прочих своих сыновей, и не зная причины, я спросил у сидящего подле меня гунна, который умел по латыни. Он мне сказал, взяв с меня обещание быть скромным, что вещун предсказал Аттиле прекращение его рода, который восстановится только этим сыном. Меж тем пир продолжался до поздней ночи. Мы наконец, не желая более пить, откланялись и возвратились к себе».

На славянских пирах, по старинному обычаю, питье продолжается и теперь еще после окончания обеда. Нестор сказал: «Руси есть веселие питие»; Ибн-Фоцлан, араб, в 921 году, удивлялся чрезмерной приверженности россиян к вину, а Прокопий, около 540 года, говорит о гуннах, что они винолюбием превосходят всех смертных (*ut sunt merobibi supra omnes mortales*). Эта черта пальцем указывает на русское происхождение гуннов; и напротив, кочевая жизнь татарам или монголам не могла предложить ничего, кроме сыворотки. Вообще всякому известно, что сии народы и ныне отличаются трезвостью.

«На другой день мы отправились к Онигизию, спросить об отпуске. Он сказал нам, что Король желает того же. После сего он собрал совет вельмож, в коем рассуждали о предположениях Аттилы и приготовили письмо к Императору. По-

сле совета мы обратились с просьбою к министру, чтобы он исходатайствовал свободу супруге и детям Силлы, взятым в плен при овладении гуннами города Ратиария. О сем он доложил Королю; но семейство Силлы отпущено было с нами не прежде, как мы внесли 50 червонцев выкупу за мать; сыновья же отпущены были Императору безденежно.

В сей день пригласили нас ко столу Королевы Реканы ужинать. Мы имели счастье пользоваться ее благоволением. Она была окружена многими скифскими князьями. Потчевали нас медовыми пряниками и вареньями, и великолепным ужином. После всякий из присутствовавших, встав с места, по правилам гуннской вежливости и учтивости, подносил нам полный бокал и, облобызав пившего, относил опорожненный. После ужина мы возвратились к себе и легли спать». Кажется, это по-русски.

«На другой день мы опять были приглашены к столу Короля, где были угощаемы таким порядком, как и прежде, и развеселились. На сей раз старшего сына королевского не было на одном сиделище с отцом; на месте его сидел Эбарзий, дядя Аттилы, который его почитал как отца. За обедом король вежливо обходился с посланником, чрез коего просил Императора возвратить невесту секретарю его, Констанцию. Сей Констанций, будучи посланником Аттилы в Константинополе, влюбился в дочь богатого вельможи византийского, Сатурнилла. Что бы испросить руку девицы, он обещался Императору упрочить между обеими державами мир долговременный и получил согласие. Меж тем внезапно был он отозван. Зинов, спасший столицу от неприятелей с войском Изаврийским, стал сватать сию девицу за любимца своего, Руфа. Император не мог отказать Зинову, коему был обязан многим. Констанций в отчаянии прибегнул к Аттиле, который теперь чрез Максимиана просил Императора сдержать свое слово. Вечеру мы возвратились в палатку.

Спустя три дня отдали нас обратно и дали нам отпусковую. С нами вместе отправлен Берих (или Берис), один из перевейших вельмож, владетель многих селений в Скифии

(на Руси), тот самый, который за королевским столом сидел выше нас. Он уже и прежде был посланником Аттилы в Константинополе. Дорогою, в одном селении, в коем мы остановились, схвачен один скиф, пришедший в сии страны шпионом от нашего Императора. Король велел его повесить. На другой день, проезжая чрез другие селения, мы увидели, как вели двух убийц со связанными на спине руками. Они были взяты в плен на войне и умертвили господ, коим достались в крепость. Им отрубили головы».

До Дуная оба посольства ехали вместе и дружелюбно; но после переправы чрез эту реку произошли между ними некоторые неудовольствия. В Адрианополе они помирились.

«На дороге из Адрианополя в столицу, – так продолжает Приск, – мы встретили Вигилу, возвращавшегося ко двору Аттилы. Сказав ему, какой ответ дал Король на наши предложения, мы простились и поехали далее. Наконец прибыли в столицу».

Вот образец греческого нерадения и беспечности! Отдавая полную цену запискам Приска, нельзя, однако, не заметить его непростительного нерадения к подробным наблюдениям над сим народом и его явного нелюбопытства. Кажется, он описал только то, что попадало под его глаза, а о прочем и не думал и, заметьте, не только не означил имени ни одного селения, чрез которые проезжал, не любопытствовал не только осмотреть, но даже не наименовал столицы Аттилы, места своего посольства! Следствием сего нерадения было то, что впоследствии ученые не могли определить решительно места сего города.

В заключение прибавлю еще следующее:

1) Везде, где только проживали гунны, там остались названия мест одни славянские; ни малейшего следу татарских. Таковы названия древнейших мест в Венгрии, Валахии, Молдавии, Юго-восточной России; в Болгарии же, Фракии, Македонии, Албании с прибытия гуннов славянские названия заступили место греческих или римских; неславянские же в

упомянутых странах появились только после нашествия на оные венгров и турок из татарского мира.

2) Из походов Аттилы на запад Европы видно, сколь легко производилось сообщение между гуннами и славянскими племенами, жившими в Паннонии, Норике, Германии, становившимися под знамена Аттилы. Если бы гунны были чужие им и нравами и языком, то они соединились бы против общего иноплеменного врага, и Аттиле никогда не быть было ни во Фракии, ни в Италии, ни во Франции. Положим, славянские племена не были бы в силах отразить их, но Императоры подали бы им руку помощи или даже во время войны с гуннами тайно взбунтовали бы против них славян.

3) Как византийцы, так и римляне единогласно выводят гуннов не далее, как только с берегов Азовского моря, с Дона. Для чего же портить их понятие? Для чего выводить гуннов с границ Китая? Если же гунны были, как говорят, часть монгольской Орды, избегавшая подданства Китая, то каким образом можно будет объяснить и допустить распространение власти сего рабствовавшего племени чрез обширнейшую Сибирь, Россию, Дакию, Мизию, Паннонию, Италию, Германию, даже во Францию? И ни один народ на сем колоссальном пространстве, даже непобедимые готы и даже и римские легионы, не могли противостать бегущей от преследования бедной Орде?

Думая вообще, что народ, который византийцы называли гуннами, есть татарский или монгольский, в средние времена возобновили сие название гуннов и стали прилагать оное жителям Восточной Азии. Поводом к сему послужило то, что в китайских летописях некоторое созвучное нашим гуннам прозвище прилагается племени, называемому ныне монголами. Но если решение вопроса зависит только от сих монголов, то можно сказать за достоверное, что сии монголы, слывшие будто гуннами, никогда в Европе, как видеть можно из китайских летописей, не бывали, а напротив, с незапамятных времен до нынешнего дня кочуют на одном и том же месте, т.е. в прилежащих к Китаю странах Восточной Азии (см. Зап. о Монголии.

СПб., 1828). Нашествие же татар на Россию принадлежит собственно племенам западной части Азии, т.е. татаро-турецким, из коих ни одно не называлось гуннами.

Монголы собственной истории не имеют; ибо недавно только что начали учиться писать. Вот что говорит почтенный отец Якинф в своих *Записках о Монголии*: «Существуя более 40 веков как особый народ, и притом в неизменяемом образе пастушеской жизни, монголы в древних временах оставались бы для нас неизвестными, если бы не имели в соседстве Китая». То есть просвещенной страны, в коей издавна умели писать. «Сия держава заметила кратко в своей истории некоторые их события, имевшие связь с собственными ее происшествиями. Итак, предлагаемый мною опыт исторического обозрения монголов основан на сведениях, почерпнутых из китайских летописей». Здесь всякий благоразумный читатель заметит, что бедные монголы исторически точно так относятся к китайцам, как мы, например, к византийцам, т.е. и те и мы должны прибегать к памятникам чужой письменности, чтобы следить своих предков. Я уверен, что и китайцы потчевали своих соседей монголов такой же нелепицей, как и нас византийцы. Как бы то ни было, но мы принуждены смотреть на древних монголов глазами китайцев.

В сем случае для предосторожности надобно предупредить читателей в следующем. Монголы, как народ, должны иметь собственное народное название, коим во все времена должны были отличаться от прочих своих соседей. Признаюсь, что на сей раз не знаю сего собственного их имени; ибо те прозвища, которые им прилагаемы были до сих пор, только нарицательные. Вот что говорит об этом достопочтенный отец Якинф (Зап. о Монг. Том I, стр. 157): «И поколениям, т.е. владетельным домам, занимающим Монголию, даем ныне название монголов не потому, чтобы они происходили от дома монголов, но потому, что сей дом, усилившись наконец, все прочие (лучше сказать было, кажется, колена, *tribus*, ибо поколение должно означать *generatio*) своего племени покорил своей власти и составил как бы новое государство, которое

мало-помалу приобыкли называть (по-видимому, только в Китае) монголом же, по прозванию господствующего дома. Сим образом разные монгольские колена и прежде назывались общими именами: татанцев, киданей, хойхоров, тулгасцев, сянбийцев, хуннов» и проч. Сим же образом впоследствии, если овладеет Монголиєю дом Карцинский, вся страна оставит нынешнее название и примет то, которое доставит ей новый господствующий дом; тогда нынешних жителей Монголии называть будем не монголами, а карциньцами» и проч. Это несколько темно. Зная, что смотрим на историю монголов чрез сжатые глаза китайцев, сочинитель должен был упомянуть, по понятию ли китайцев же, или так поступают и сами монголы? Последнее невероятно: ибо из всех этих имен не вижу ни одного, служащего характерической чертою, коею отличается один народ от другого племени, т.е. собственным, постоянным народным именем, без коего народ не может существовать (ибо не знаем еще ни одного безымянного). Впрочем, мог ли французский народ называться попеременно то мировичами (от Мироваго, Meroveus), то Карловичами (Karolingi), то Капетичами, то Бурбонами? Россияне – Рюриками, Романовичами? Ни в каком уголку мира целый народ не переменял своего имени по именам царствующих лиц. Народное имя, однажды вошедшее в употребление, никакими переворотами изменено быть не может.

Но сии изменения имени происходили, очевидно, только в головах китайцев; ибо 1) все сии имена сохранены и заимствованы в китайских летописях, 2) даже имена домов монгольских составлены из китайских слов, и никто не поверит, чтобы монголы для наименования себя прибегали к языку китайскому. Так, например, хой-хор, сян-би, шан-ю, хун-ну, хун-юй, сян-юн и проч. Суть, как односложные, очевидно китайские, тем более что слова монгольского языка, совершенно отличного от китайского, суть более многосложные. Итак, монгольский ли народ во всех своих отраслях должен был именовать себя таким вздорным именем, которое вылилось из головы только какого-либо китайского невежды?

Но обратимся к царствующему дому гуннов. Происхождение сего имени сочинитель *Записок о Монголии* (том II, стр. 34) объясняет следующим образом: «хунну по-китайски хун-ну, или сюн-ну, значит злой раб, а гун-ну значит почтительный раб». Я очень верю почтенному сочинителю, что китайцы, чрезвычайно презирающие иноплеменников, были в состоянии так называть бедных монголов. Но ужели кто в состоянии будет поверить, чтобы самый монгольский народ или, положим, царствующий его дом называл себя сим унижительным прозвищем, которое, сверх оскорбления, им наносимого, принадлежало еще чужому языку? Однако же монголы слыли в китайских летописях в продолжение некоторого времени хуннами. Что делать? Если мы не могли избежать греческих причуд, то тем менее могли монголы образумить китайцев, которые действительно вдвое невежественнее греков. Что прикажете делать и с чудаками славянами, которые бедных Тайтовых правнучат поныне прозывают немymi, немцами!

Но как имя хуннов превратилось в гуннов? А вот как: наш сочинитель (на той же странице), по свидетельству китайских летописей, говорит, что китайский государь, в 15 году после Рождества Христова, чрез нарочное посольство предложил монгольскому хану Шань-ю-ю, чтобы впредь название монгольского народа хун-ну переменить на гун-ну. «Итак, хунны, – прибавляет в замечании, – с 15 года по Рожд. Хр. начали называться гуннами». Сей-то китайский вздор европейскими учеными смешан с греческим вздором, и из смеси вышла та бессмыслица, в силу коей бедные монголы, которые, по свидетельству китайских же летописей, никогда не оставляли Китая и никогда не проходили к Западу далее Туркестана и по сию пору не хотят отказаться от кобыльной сыворотки, от подвижной жизни и меланхолии, – эти, говорю, злые и почтительные рабы вдруг, в V столетии, наполняют собою все пространство от Японского моря до стен Константинополя и Рима и подошвы Пиренеев (!), и вдруг делаются отличными земледельцами, весельчаками, пьяницами, первыми политиками, господами мира, бичами вселенной, делаются отчасти христианами и даже знают по-латыни!

Всяк согласится, что при подобной силлогистике потерпела не только истина историческая, но и страдает невинно честь европейских народов. Какой россиянин или другой кто-либо из прочих славянских его братьев, какой немец, француз или итальянец, или грек не должен покраснеть при мысли, что предки его сделались было слугами злых и почтительных рабов китайских, уроженцев чуждого Европе мира!

Нет, нет, ни один европеец не должен краснеть, а покраснеть должны европейские историки. Если гунны греческие, гунны Аттилы были бичом Европы, то были и ее сыновьями, сподвижниками их трудов и соучастниками их славы. Век Аттилы есть тот период европейской истории, в который сродные между собою жители Руси и Волги утвердили надолго свою безопасность со стороны готов и римлян и влияние на соседей.

Итак, для предохранения чести и истории Европы надлежит различать греческих гуннов и китайских; оба сии народа не имеют между собою никакого отношения, ибо одни славяне, другие монголы. Греки называли всегда своих *οὐννος* – уннами, а не гуннами; иные даже *οὐεννοι* – венами. Прочие *οὐννοι* в латинском переводе писаны *hunni*, с чего и русский их буквальный перевод гунны, хотя, впрочем, надлежало бы читать лучше *унны*, чем *gunni*. Китайцы же монголов называли *хун-ну* и *гун-ну*. Всяк заметит, что здесь одно только случайное и забавное сходство или созвучие двух вздорных имен, происшедших из совершенно различных источников. Или: ужели кто подумает, что цареградцы заняли сие имя от китайцев, с коими они столько же были знакомы, сколько европейцы с жителями Мексики или берегов Миссисипи до открытия Америки? Или: ужели сии греки, которые не сумели перенять собственного имени народа, с коим торговали на Дунае и дрались в Мизии, Фракии, в окрестностях столицы, скорее могли перенять китайский вздор из тридесять третьего царства? Или: каким образом могли знать китайцы, что народ, с коим дрались греки, были монголы, для того, чтобы сообщить, положим, вздорное их название грекам? Каким образом могли знать греки, кого именно китайцы называли злыми рабами, и как могли они сие

имя, о коем от роду ничего не слыхали, приписывать какому-либо народу, не зная понятия китайцев?

Греки именно указывают, кого они своих старожилых соседей – сарматов – называют и гетами; сие имя опять они прилаживали к местам для большей определенности: жителей Молдавии и Валахии именовали просто гетами, Венгрии – тисо-гетами, от реки Тисы, Руси – тиро-гетами, т.е. днепровскими гетами, а волжских (болгар) – масса-гетами. Этим они явно дали знать, что жители Волги принадлежали сродством к прочим гетам, т.е. к европейским народам. Прокопий во весь голос сказал: «Ибо массагетов ныне именуем уннами». Очень очевидно, что имя унны пало на славян волжских, т.е. болгар, и отчасти на россиян, тем более, что оба сии народа составляли одно политическое тело.

Развязка. Если вникнуть в обстоятельства, кои подали писателям повод к смешению китайских злых и почтительных рабов с греческими уннами, то выходит следующая развязка: Известно, как я говорил выше, что венгры при изыскании происхождения мадьяров схватились было за гунно-гаров и уннов (смотри выше) греческих. Изыскания венгерцев большею частью заключались в решении вопроса: из какой именно страны вышли венгры, а посему будто и гунны? На первый случай приводили то, что оставили нам византийцы о своих уннах, и не переходили далее Волги. К несчастью, Дегинь, порывшись в китайских летописях, открыл в них хун-ну, гун-ну, коих, приняв буквально, стал склонять гуннами. Эта находка чрезвычайно приладилась к вздорному толкованию слова *hungarus* и понятию о татаризме или мадьяризме гуннов-болгар и казалась незыблемым доказательством сему кривому толкованию. Тогда уже стали говорить о жилищах гуннов-болгар в качестве мадьяров на границе Китая и об их прямой оттуда променаде в обетованную им Паннонию! Что еще и ныне повторяют в училищах Венгрии, как доказанную истину. Конечно, дегиньевы гун-ны соблазнили не только венгерцев, но и лучшие исторические умы Европы. Приняв гуннов греческих за китайских, т.е. за монголов, они неминуемо должны были

впасть в дальнейшее заблуждение, т.е. усмотрев, что болгаре и козаре были тот народ, который греки именовали гуннами, заключить должны были прямым силлогизмом, что и сии народы были татарами или монголами же (они не делали почти различия между сими последними). Вот какую дорогою произошел татаризм болгар и козар.

Итак, повторю в заключение за аксиому: *οὐννοι* греков были славяне, а именно два их племена: болгаре и россияне; хун-ну или гун-ну китайцев были монголы.

Вот вкратце те понятия о гуннах V и VI столетий, которые я решился противопоставить разным мнениям, изложенным многими писателями в разные времена и в разных странах просвещенной Европы. Я изложил свои положения в некотором полемическом виде, не означая, однако, поименно ни авторов, ни их выражений; их так много, что наполнять сие сочинение множеством цитат было бы слишком скучно для читателя и отяготительно для внимания; посему я употреблял слова *они, писатели, историки* и вместо ссылок означал только дух их учения и мыслей, который, будучи господствующим, отзывается во всяком почти историческом сочинении, возьмете ли учебные книги для детей, или всемирные истории, или комментарии исторических изысканий, – все равно; везде почти гунны со времени выхода в свет сочинений Дегиня слывут более или менее монголами, монголо-татарами.

Между тем недавно любопытствовали узнать ученые потомство сих страшных гуннов. Некоторые, коим удалось попутешествовать по Сибири, надеялись отыскать их на своем пути. Говорят, что уже Паллас нашел их в калмыках! Бергманн в своем путешествии к калмыкам воображал себя у хана, как бы у Аттилы! Он старается применить черты нравов гуннских, описанные Приском, к нравам калмыков, но, к несчастию своему, слишком напутанно. Например, объясняя слова Приска, что Аттила, вышед на крыльцо, показывался народу, он говорит, что сей монарх принимал чужих послов, сидя на пороге своего дома, а это точно как и у калмыков! Жаль только, что вся эта ученая братья нимало не старалась познакомиться

с русскими древностями, нравами и проч., в коих нашла бы настоящее значение Прискова описания, и я уверен, что при зрелом взвесе обстоятельств всяк принял бы высокий дворец Аттилы естественнее за высокую светлицу русскую или обширный княжеский терем.

Что гунны постригали волосы кругом, Бергманн утверждает, что они брили голову, оставляя на маковке оной только один клочок волос, а это точно так, думает он, как и у калмыков! А разве русские не подстригают волос своих кругом? Или разве малороссы, галичане, поляки, молдоване, волохи не бреют голов своих, кроме одного хохла? Какие доказательства!

Но самым сильным доказательством тождества гуннов и калмыков находит Бергманн собственные имена гуннских князей. Отец Аттилы, говорит он, по Иорнанду называется Монзак (а не Мундиух по грекам?), следовательно, был монгол, ибо на монгольском *мон* значит худой, а *зак* – погода. Аттила был монгол, потому что татаре Волгу называют Эд-желем! И потому еще, что *emedzar* означает дикого быка (см. Hist. Natur. des Races hum., стр. 37)! Что может быть забавнее сих филологических догадок!

Монголизм гуннов поддерживался еще более мнением европейцев об их безобразии и уродливости. Сей кривой толк первый распространил Аммиан Марцеллин (писавший гораздо прежде Приска), во всю жизнь свою не выдавший ни одного гунна. Он говорит (Lib. 3 t., cap.1): «Гунны жили по ту сторону Азовского моря к Ледовитому океану (т.е. к волжским странам); они состареваются *безбородыми*, ибо, чтобы не росла борода и чтобы быть страшными и уродливыми, изрезают себе лицо и бороду ножом (!). Они все плечисты, здоровы, толстошеи, но весьма безобразны кривою спиною и кажутся более чудовищами, чем людьми (!). Они не нуждаются ни в огне (в волжском климате!), ни в вареной пище (!); питаются травую, дикими кореньями (как скот?), а мясо парят под седлом (!); одеваются в тканое платье (а! питаюсь травую, однако, умели ткать!) или в мехи (мышьи, murinus, – говорит он, – или звериные; и почему не сказать в овечьи, т.е. просто в тулупы);

они не позволяют своим детям ходить на ногах, но приучивают их вместо того ездить верхом (!) на баранах (!). Они составляют со своими лошадьми, так сказать, одно существо, с коего не слезают ни днем, ни ночью (!!); верхом делают все, торгуют, покупают, продают, обедают, пьют и даже ночуют на лошадях, повесившись на их шею (!!)). Враль!

Иорнанд, ненавидевший гуннов, в свою очередь, описал их также уродами, прибавив еще, что их родили ведьмы в обществе с чертами! Не очевидно ли, что пугливое воображение, иначе бабье вранье, Марцеллина совершенно похоже на те известия и сведения, которые до недавних времен разглашала заграничная челядь о россиянах, а преимущественно о донцах. Там рассказывали за 30 лет тому даже втрое больше чудес о казаках, чем Марцеллин о гуннах, так что наши молодцы превращались не в простые уроды, а в настоящие демоны, от коих ничто не может скрыться.

В Венгрии еще и ныне носятся в народе страшные понятия и бабьи чудесные сказки о москальском народе. А о татарах? Их называет венгерская чернь *kutiafeju tatarok*, т.е. песьеглавые татары, у коих половина головы человечья, а другая песья; москаль содержит их, говорят, под караулом и только во время войны выпускает против своих врагов, коих они съедают. Вообще это происходит от недостатка в Венгрии землеписных и народописных сведений о Русском царстве. Так и греки в древнее время воображали себе *κυνοκεφαλοι*, т.е. псеглавых и *ανδροφαγοι*, т.е. людоедов.

Ныне, слава Богу, просвещенные иностранцы более знакомы с Русью, а народ по-прежнему наскажет вам пропасть диковинок. Если удастся вам проезжать чрез Венгрию, Германию или Францию, поговорите с учеными сапожниками, портными и проч. о Руси, и услышите чудесные новости о вашей родине, о коих вы отроду ничего не слыхали. Я сам был свидетелем подобных рассказов. С тех пор как русские войска появились в Германии, Италии, Франции, сии рассказы вывелись отчасти из порядочных обществ; со всех сторон народ толпился видеть страшных и славных казаков, у коих немки и французенки,

к немалому своему удивлению, как сами признаются, нашли черты лица большею частью правильные, миловидные (*de belles têtes, de têtes a peindre*).

Итак, ребяческое вранье Марцеллина, писавшего понаслышке, вполне опровержено Приском, имевшим лучший случай познакомиться с сим народом, который, поселившись в разных областях Восточной империи, даже под стенами Цареграда, и в самой Фессалонике доказал собственным своим достоинством, что и в гражданственности, и в земледелии, и в промышленности, и под знаменами он не уступает ни греку, ни римлянину. Весьма жаль, что сие нелепое место истории Марцеллина, впрочем, довольно занимательной, доселе приводимо было в свидетельство всяким почти писателем или историографом, которому вздумалось рассуждать о гуннах, и, несмотря на всю его вздорность, повторяемо было с дипломатической точностью даже и лучшими историками. Впрочем, сие место Марцеллина может послужить несколько в пользу гуннской истории, если очистить его от нелепостей. Например, что гунны ночевали и дневали на лошадях, значит просто, что они были отличные, как бы природные, ездоки; посему прежде и назывались скифами-бегунами (*δρομιται* от *δρομος* – бег); что изрезывали себе ножом лицо и бороду, отчего и волосы на ней не росли, значит просто, что гунны уже тогда брили бороду. Если умели подбривать волосы на голове кругом, то легко могли приложить нож и к бороде. Конечно, это безбородие гуннов казалось странным грекам и римлянам, никогда не брившим ни бород, ни затылков, и в этом отношении не удивительно замечание Марцеллина: *senescent imberbes*, т.е. состареваются безбородыми.

Замечательно, что бороды в европейских странах вывелись совершенно только в первой половине XVIII столетия; а к XVII еще почти везде господствовали, исключая малороссов и их казаков, коих уже во время Хмельницкого видеть можно безбородыми. Это можно отнести и к предшествовавшему времени, несмотря на то что явных памятников безбородия малороссов из XV или XIV столетия не имеем. Однако русский

князь Подолии, переселившийся в XIV столетии в Венгрию, в построенной им крепости при городе Мукачеве (Munkatsch, пишут на картах) и в русском монастыре, находящемся в двух верстах от сей крепости, на горе Чернек, изображен в преклонных летах, верхом, в латах и без бороды. Сколько мне известно из карпато-русских преданий и других свидетельств, сей народ брился с давних времен. Как бы то ни было, однако бородобрейство древнее на Руси, чем в других странах Европы и, по-видимому, существует уже со времен гуннов, т.е. Марцеллина и Приска, т.е. IV и V столетий. Я видел в разные времена около десяти изображений болгар (в болгарских рукописях XIV и XIII столетий), большею частью сражающихся верхом, без бород.

Не знаю, как давно начали бриться турки. Впрочем, сомнительно, чтобы они брились прежде, нежели пробрались в Европу; кажется, они отращивали волосы сообразно с обычаем всех своих внутреннеазиатских соплеменников и разве только по завоевании Византийской империи и Болгарии выучились брить бороду от болгар, с коими везде смешались не только в Европе, но даже и в Анатолии. И сия мода, сколь она ни обширна в Азии (в турецких только владениях), распространена турками, от которых вскоре приняли греки, и армяне, и грузинцы. Волохи, впрочем, будучи под господством болгар, брились еще до пришествия турок.

Из европейцев прежде всех сию моду переняли, у болгар ли или турок – все равно, венециане и отчасти смешанные с волохами и карпато-россами венгерцы, и т.д. Впрочем, замечу, что историю бородобрейства нельзя основывать, безусловно, на памятниках или изображениях знаменитых особ; ибо они предоставляли себе права отращивать бороду в знак своего достоинства. Так, например, безбородые болгаре имели королей и государей бородатых, и ныне бояре Молдавии и Валахии, государственные чиновники Турции и сам султан носят бороду.

Как бы то ни было, бородобрейство есть одна из древнейших характерических черт жителей Волги и Руси. Но здесь рождается вопрос, почему великороссы по сию пору сохраняют

свои бороды? На сей вопрос нельзя отвечать решительно. Если малороссы и болгаре уже издавна брились, то можно предположить, что и великороссы, одного с ними происхождения и нравов, также брились; но впоследствии, под влиянием особых обстоятельств, отрасли себе бороды. Одно уже господство татар в великороссийских губерниях могло причинить сие изменение в народном нраве; также подражание духовенству и чрезвычайному количеству мелкого дворянства в великой Руси в XVI и XVII столетиях; или, наконец, набожность, кою великороссы отличаются от малороссов, подала повод первым отпустить бороду.

Из арабских писателей Шемс-ед-дин Димешки (в 26 Френовом замечании на Ибн-Фоцлана), писавший с 1300 году, говорит: «Иные (россияне) бреют бороду, а иные красят ее пажелью». А в английском переводе Ибн-Гаукала, писавшего в последней половине X века (после 973 года), сказано: «между ними постановлено, чтобы один другому не брил бороды». Изречение это с первого взгляда двусмысленно, ибо заключает некоторое и отрицание и утверждение. Из слов, чтоб один не брил бороды другому, кажется, следует заключить, что всякий должен бриться сам.

Это ведет нас еще к другому замечанию, а именно, что искусство брить бороду нигде не доведено до той степени совершенства и легкости, как на Руси, т.е. по всей обширной Малороссии. В Германии, Франции деревенский гражданин во всяком почти селении препоручает свою бороду особенным операторам. В Малороссии не только что нет подобных публичных операторов, но даже имя их неизвестно; сверх сего, у редкого есть все собрание форменных бородобрейных орудий; он не нуждается ни в зеркале, ни в мыле; большею частью простой ножик да теплая вода удовлетворяют его руки. Мне даже случалось видеть не однажды, что обломок из косы в руках малороссов есть весьма удобное бородобрейное орудие.

Как бы то ни было, но *один другому* более можно применить к другим странам, в которых именитый брадобрей выполняет смысл слова *один*, чем к Руси. Может быть, что у арабов

были подобные же общественные цырюльни, как в Германии, Франции и т.д. Очевидный недостаток сих общественных цырюлень в Руси бросился в глаза Ибн-Гаукалу и действительно побудил его к вышеупомянутому замечанию: у них нет обыкновения брить один другого, т.е. просто у них нет публичных брадобреев, цырюлень.

Итак, свидетельство аравина явно подтверждает мнение, что бородобрейство есть древнейшая отличительная черта жителей Руси от прочих народов. Этою только чертою можно и объяснить, почему греки древних россиян называли *μυροκεφαλοι*, т.е. длинноголовыми; подбритая в кружок голова, особенно как это делают малороссы, представляется, если смотреть сзади, длинною, как бы со всех сторон продолговатою. Этот-то вид действительно мог произвести в греках странное впечатление, давшее начало слову *μυροκεφαλοι* – длинноголовые, или долгошеи. Сверх сего, упомянутое мнение объясняет, что греки под сим словом подразумевали именно россиян; и наоборот, слово *μυροκεφαλοι* именно подтверждает мое мнение о древности бородобрейства на Руси, о чем свидетельствуют Марцеллин, Приск, арабы и некоторые другие обстоятельства.

Все сказанное о бородобрействе отнесено мною только к варварскому, т.е. негреческому и нелатинскому, миру. Древности классических сих народов довольно обработаны, следовательно, известны всякому. Что касается до бородобрейства у греков и римлян, то следы его у них можно найти еще до Рождества Христова, а преимущественно у римлян; впрочем, бородобрейство у них было больше модным введением в так называемом высшем тоне, а не собственно народным обычаем. Посему бородобрейство у греков и римлян прекратилось, подобно всякому модному введению, уже довольно рано и не нисходит ниже IV столетия. **Простой же народ у них носил бороды во все времена.**

Вот что можно вывести из свидетельства Марцеллина, изложенного ребячески, но, впрочем, замечательного. Итак, ничто не мешает отстать от кривых толков о гуннах, причиненных одною или двумя пристрастными фантастическими

головами; сама история дает о сем народе то высшее понятие, которое можно иметь только о первоклассных народах.

Здесь должно заметить еще мнение некоторых ученых о финском происхождении гуннов. Поводом к сему мнению послужило то, что некоторые венгерцы заговорили было о финском происхождении мадьяров. Это доказывал грамматически некогда венгерец Gyarmati (Дярмати), а после него и Belnay (Белнай), венгерец же и профессор истории в Пожонской (Пресбургской) Академии. Учение первого принял Шлецер, разумеется наудачу, ибо не знал венгерского языка и не чувствовал цены доводов Дярматиевых. Таким образом, он заговорил громогласно о чухонизме древних мадьяров. С тех пор заговорили во всей Европе о финском происхождении мадьяров, вследствие чего в изданной в Париже Общей народописи (*Atlas Ethnographique, par Balbi*) венгры причислены к чухонским племенам, и в подтверждение сего приложено сравнение семи или десяти венгерских слов с чухонскими, отнюдь не подходящих одно на другое! Из изложенных мною выше понятий о тождестве основы мадьярского языка с татаро-турецким видеть можно, что мадьяры принадлежат неоспоримо к татарскому, а не к финскому миру, как говорил Шлецер²⁷.

Сверх сего, некоторые ученые, между прочими и Клапрот, в своих изысканиях о казарах попали на мысль, что и этот народ был финский, основывая это на некоторых зыбких и жалких догадках. Наконец, дело дошло и до самых гуннов; думали найти доказательство в созвучии имен *гунны* и *финны*! Как Шлецер слишком растянул свой чухонский мир от Финляндии чрез Уральских гор по всей почти Северной Сибири, то и вышел из сего некоторый вид вероятности, что гунны вышли из финского (т.е. только воображаемого) мира, а именно из самой восточной части оного. Это и соответствовало выходу гуннов с пределов Китая или Монголии²⁸. Впрочем, все это простая игра воображения, не заслуживающая никакого внимания. Созвучие находится не только между именами гуннов и финнов, но и между сим последним и именами венедов, винулов, вендов.

Византийцы не делают ни малейшего различия между гуннами и славянским миром, скрывавшимся тогда еще под нарицательными названиями; и, напротив, даже подтверждают, как видно на самом деле в *Записках* Приска, их сродство и проч.

Итак: с 380 года после Р.Х. до 860 или 900 только один народ, а именно болгаре, важнейшая отрасль славянского рода, с пределов Азии хлынул в Юго-восточную Европу, сначала под нарицательным именем гуннов и других подобных, а спустя немного и под своим собственным. Вот что может сказать благоразумная и беспристрастная критика. Нет и не бывало тех мнимых народов, производивших пред глазами историков хаос, который система толкования посредством завоеваний, превращений, исчезаний ни разобрать, ни объяснить никогда бы не возмогла. Один только был народ переселявшийся, который после многочисленных превратностей, долговременного ига существует еще на лице [Земли]. Вот quod erat demonstrandum и... вместо хаоса проясняется восток Европы, исчезают исторические привидения, и можно смело отдать отчет здравому рассудку и истории.

VIII. Применение понятий, изложенных в предшествующих статьях, к понятиям о происхождении и жилищах древних россиян

Многим покажется, может быть, странным то, что я решаюсь говорить о россиянах до времен Рурика – о россиянах в те исторические столетия, в которых их имя не было известно ни одному греческому или латинскому грамотею. Но:

1) Доказанное нами положение, что народы в древние времена слыли часто под нарицательными названиями, даст нам право на это.

2) Объяснив древность болгар как жителей Волги, мы даже обязаны снять покрывало и с жителей Руси.

3) Положение или, лучше, аксиома, что все славянские племена, как племена, никогда не именовали себя общим каким-либо именем, тем менее именем одного из них (словен), показывает, что славянского племени, соседственного с болгарами, обитавшего в Руси, нельзя искать в Руси под именем словен или славян в VIII, VII, VI и т.д. столетиях. Под каким же? Под тем священным именем, которым и ныне величаются, именем россов и происшедшими от него производными.

Может быть, кто-либо возразит мне из Нестора, что новгородцев именует словенами. Что новгородцы когда-либо называли себя словенами, невероятно, но почему Нестору вздумалось их так называть, это совсем другое дело.

4) Русь, или руссы, как народ норманский, скандинавский, никогда не существовал и есть только плод жалкого толкования или фантастическое произведение некоторых изыскателей. Не поняли Нестора! Да еще как не поняли!

Байеро-шлецеровское учение о происхождении россиян почти слово в слово походит на тунманно-енгелевское о происхождении болгар.

5) Многие делали вопрос: с какого времени славяне, т.е. руссы, зашли в Русь и населяют ее? Карамзин не мог решить его: «итак, оставляет, – как выражается, – без утвердительного решения вопрос: откуда и когда Славяне пришли в Россию?» (см. Ист. гос. Росс. Том I, стр. 32).

Нет ничего несноснее подобного вопроса, ибо он происходит из нелепого предположения, что до появления в IX веке в греческих летописях собственного одного племени (россиян) и до появления в VI имени другого племени (словен) проживавшие в Руси ящероглазые, геты, черноризцы, длинноглавцы, затверделые, скороходцы и проч. были особенные какие-то народы! И что поелику в сих именах сряду не стоят буквы *-р-*, *-о-*, *-с-*, *-с-*, *-ы-*, то сего народа здесь и не было, а забрел он откуда-то после. Вот и вопрос: откуда же пришли? Сверх сего, в XIV столетии **распустили было басню (или бестолковое объяснение)** о распространении славянских племен из одного гнезда. На помощь летописной проницательности

исследователей поспело обстоятельство, что тогда собственное имя бедных итало-украинцев (словен) отнято для употребления в общем значении, им же даны нарицательные имена вендов, винидов и областные: краницов, каринтийцев, штирийцев. Гений изыскательный смело приступил тогда к волшебному действию. Он принудил все славянские племена оставить свои жилища и собраться у берегов Дуная, там стеснил их так, что они принуждены были вскоре разойтись во все стороны мира, куда глаза глядят! Тогда стоило только им скомандовать от Дуная к себе, к берегам Днепра, Вислы или Эльбы. Комментатор Нестора вызвался быть квартирмейстером славян, приближавшихся чинно с дунайского конгресса, и поселил их по разным рекам и областям Руси, дав им разные имена. Говорю – комментатор, ибо нельзя допустить, чтобы сам это говорил Нестор, во время коего еще не толковали подобным образом о происхождении славянских племен.

Вот еще другой вопрос: Когда же (!) сии (мнимые) словене пришли в Россию? Историограф признается, что не знает; однако большинство исторических умов воображает себе, что россиян в Руси не было до VI столетия; а это кажется потому только, что бедных итало-украинцев впервые назвал собственным их именем гот Иорнанд! Какое же следствие произвело прибытие славян в Россию? Опять волшебное. Все народы обширной Ящероглазии вдруг вымерли!

Праведный Боже! Сколько переселений, церемониальных маршей! Многочисленные татаро-монголо-турецкие племена (гунны, кутригуры, авары, козары, болгары) из Руси к Дунаю; славянские с Дуная в Русь! Сколько исчезаний целых народов (гуннов, кутригуров, аваров, козар) на Дунае; ящероглазых, затверделых, черноризцев, длинноглазцев на Руси! – и проч. Везде кружение и изменчивость человеческого рода, которые могут родиться только в раскаленном горячком воображении. О, история!

Опираясь на понятия, уже выше изложенные, о происхождении славянского народа от корня, общего прочим европейцам, можем решительно допустить аксиому, что славяне

суть старожилы Европы, наравне с греками и латинами. Развитие славянского народа произошло в одну эпоху с развитием греческого и латинского и т.д. Эпоху развития греческого народа можно отнести ко временам персидской монархии, когда стесненная морями Греция и ее острова, не будучи в состоянии пропитывать избыточествующее количество народа, принуждены были уменьшать оное рассадкою в разных странах колоний. То же самое случилось незадолго после и с латинами в Италии. Этого мало: греческий и латинский народы только что размножились, но славянский народ по огромности своей разделился на особенные почти народы или племена; посему развитие славянского народа, как ствола, естественным образом должно было предшествовать даже развитию греков и латынов, как ветвей. Итак, развитие славян есть древнейшее из всех прочих развитий народов европейского слова, отнесете ли это ко времени Авраама, Моисея или Кира – все равно. Дело в том, что во время построения Рима славяне уже в полной мере разделены были на племена, тем более что уже тогда и итальянцы были разделены также на свои небольшие отрасли.

Итак, свидетелем развития или распространения славянских племен никто (тем менее писатель-славянин) быть не мог; даже греки и латины, как древнейшие европейские историки, не знали почти ничего положительного о развитии своего собственного народа. Итак, толковать о распространении славянских племен с VI века (которое в сем случае должно принять за историческое волшебство, подобное исчезаниям и проч.) значит бредить впросонках. Кто может приводить здесь в свидетели Нестора, или даже Иорнанда, или Прокопия, потому что они первые стали употреблять собственное имя итало-украинцев? На это похож и вопрос историографа: откуда и когда пришли в Россию россияне? Никто не знает, откуда и когда – или откуда и никогда, или откуда бы то ни было, все равно, но так давно, что даже и вообразить трудно, а изыскивать бесполезно. Итак, ничего нельзя сказать лучше и пристойнее, как только что старожилы Руси – россияне. Далее, что неизвестные (скифы), что ящероглазые, чернорылые и прочие обитатели Руси

были сии самые россияне, очевидно показывают еще и следующие обстоятельства:

6) Аксиома, что в древности сии имена не представляли столько же Бог весть каких народов, особенных от тех, которых ныне представить может северо-восток Европы и север Азии. Татарские племена, без сомнения, в те времена на просторе скитались по Азии (с Сибирью); монгольские оставались всегда по ту сторону татарских, в Восточной Азии, у Китая; финские племена римлянам были несколько известны и, по их свидетельству, находились в самом отдаленном севере нынешней России; татаре же и монголы ни грекам, ни римлянам не были известны: географические их сведения не простирались далее Волги. Итак, на одних только болгар, и еще более на россиян, пала вся тьма бестолковых прозвищ, между тем как племенам, обитавшим между Вислою и Рейном, досталось другое вздорное же общее название братовщины (*Germania*)²⁹.

7) Славяне, как я уже заметил, более всех народов, после греков и римлян, отличались оседлою и земледельческою жизнью. Из записок Приска и из географов III и II столетий видно, что скифы, ящероглазые на Руси были земледельцами. Этого качества приписать нельзя не только татарам, но и финнам. Посему очевидно, что здесь подразумевается два славянских племени – болгаре и россияне.

8) Непреоборимым тому доказательством служат черты лица. На всех изображениях скифов, или ящероглазых, находящихся в памятниках греческого и римского рисования, живописи, ваяния, медалей, денег, видны черты лица, принадлежащие одним только славянам, или просто россиянам, а не полузажмуренным, широко- и выпуклоскулым, остробородым и плосколиким племенам азийской породы.

Черты и цвет лица после языка суть действительно важнейшие признаки различия между разными отраслями рода человеческого. Вышеупомянутые качества еще и теперь ощутительно отпечатаны на лицах татарских племен (пребывающих в своем азийском отечестве, а посему и не смешивавшихся с племенами другого источника). Сии-то черты кажутся урод-

ливыми европейцу. Этому несколько, скажут, противоречит то, что иные племена, действительно азийского происхождения, как венгры, турки, татары Российской империи, имеют черты лица правильные, европейские. Отвечаю: сии племена исправили свою породу на счет европейцев, а преимущественно славян. В продолжение 1000 с лишком лет мадыарская кровь в Венгрии совершенно смешалась с европейской. Болгарское юношество доставляло Порте грозных янычар, а прекрасный пол – наложниц и рабынь. Кому неизвестно, что несчастные некогда Грузия и Черкессия должны были платить Турции ежегодно лучшим цветом своего нежного пола? Нет ни малейшего сомнения, что некогда и злополучные дочери Руси наполняли гаремы великих и малых сатрапов Тохтамыша или Батыя. Если пустить беглый взор-свидетель по всем местам Руси, станавшей под игом, по всем минутам двухвекового времени, кажется, видишь несчастные жертвы, увлекаемые из объятий родителей и церкви! Сколько... ужасаюсь думать далее.

9) Устройство и цвет глаз, цвет волос и вид бороды. Различие между народами европейского и северо-азийского происхождения видно не только в языке, но и в телесном образовании. Я сказал уже о различии в чертах лица; сюда причислить можно форму и цвет глаз. Греки немного оставили нам телесных примет скифов; однако одно место из Аррианова Перипла Черного моря, сохраненное Львом Диаконом (lib. 9, cap. 6, p. 93), как замечает Демулен (в своей *Histoire Naturelle des races humaines*. Paris, 1816, с. 18), показывает нам черты скифов времени Гомера и Адриана: «В своем Перипле, – говорит Лев Диакон, – Арриан повествует, что Ахилл, сын Пелея, был родом скиф и родился в Мирмекионе, малом городке на берегу Азовского моря. Изгнанный скифами из отечества своего по причине своего властолюбия и жестокости, он переселился в Фессалию. Покрой его одеяния, его русые волосы, его голубые глаза и проч. явно подтверждают сие его происхождение».

«Сие происхождение Ахилла, – замечает Демулен, – объясняет и происхождение названия Ахиллова острова у устья Днепра, Ахиллову гробницу в 120 000 шагов от сего острова и Бег

Ахилла (dromos Achillis) – название берега, простирающегося от устья Днепра до Sinus Carcinitis, т.е. Перекопского залива».

Итак, русые волосы и голубые глаза скифов показывают именно европейское их происхождение; и сия черта совершенно отделяет их от племен северо-азиатского мира, у коих глаза маленькие, черные, терновидные. Голубые глаза и русые волосы между европейцами (греки и латины отличались черными) есть общая принадлежность, помимо немцев, славянских племен. Очевидно, что сей цвет глаз и волос в скифах, жителях Руси, явно оттеняет русский или болгарский народ. Сверх сего, на всех изображениях скифов или сарматов, на медалях заметите полный разрез выпуклых глаз, противоположный сжатому и малому разрезу впалых глаз азиатцев. (Впрочем, об исправленных глазах русских татар и турок то же подразумевать должно, что и об их чертах лица.) Между тем, на сих же самых памятниках заметите у скифов полную, густую, широкую русскую бороду, а не редкую, малую, остроконечную калмыцкую, киргизскую и т.д.

Теперь, кажется, нетрудно понять, почему черноглазые греки назвали сих скифов ящероглазыми. *Голубые их глаза* действительно производили в греках (привыкших к черным глазам не только у себя, но и у сирийцев, египтян, аравитян, персов, итальянцев, т.е. почти у всех народов) некоторое странное ощущение, и в первом движении сих чужеземцев (скифов) сей замечательный по глазам народ назвали ящероглазыми! По аналогии цвета их глаз с глазами ящериц! Почему ныне у греков встречаются голубые, а у россиян большие черные греческие и малые черные калмыцкие, всяк сам себе легко объяснит.

10) Сверх сего, вникнув в одежду сих изображенных скифов, ящероглазых, узнаете в ней точь-в-точь одежду русскую или, лучше, малороссийскую; даже лапти или постолы таким образом навязаны на ноги, как теперь; но не увидите там ни татарских пестрых халатов, ни шапок, заостренных кверху и проч. Вот еще что: сколько мне известно из истории искусства красить у древних, греки большей частью носили цветные платья, не исключая даже белого духовенства (чему следует и ныне

русское белое духовенство). Мне кажется, что и другие народы имели некоторое пристрастие к цветной одежде, как можно заметить у римлян и ныне у татарских племен. Что же россияне? Их любимый цвет во всех краях Руси, и на Волге, и на Днепре, и на Днестре, и на Висле (в Люблинской губернии, в Польше), и в Галиции, и в Карпатах, и за Карпатами (в Венгрии), – черный. Столь обширная и общая приверженность к черному цвету показывает древность употребления оногo. Черным, черным отличались россияне. Трудно ли теперь понять, почему скифов, ящероглазых называли разноцветные греки черноризцами, черноармячниками (*μελαν-χλαίνοι*, от *χλαίνα* – армяк). Действительно, эта черта (чернота) ощутительна была для греческих глаз, привыкших к пестроте³⁰. Само собою следует, что сии имена не означали племен, но касались целого народа.

11) Русский народ, уже при самом начале своей истории (той, которую начал собственный его летописец), т.е. в 862 году, занимал все пространство от Новгорода до Черного моря, – да еще как! Постоянно, оседло, земледельчески, населяя множество построенных им городов и селений. Можно ли подумать, что он каким-либо волшебством залетел на Русь, подобно саранче, или выпал дождем с неба только в предшествующих 861 или 860 году, и в одну зиму так расхозяйничался, что налепил даже многие города? Всяк, у коего есть хотя крошка здравого смысла, скажет, что сии самые россияне на сем самом пространстве находились и в 850, 840, 820, 780, 740, 700, 680 и т.д. годах. Далее: только с 865 года русский народ стал быть известен грекам под собственным своим названием; а в 864, 863, 862, 861, 860, 859 и т.д. годах под каким? Под именем скифов, ящероглазых, черноризцев и т.д. По какой же причине сии самые имена и в VIII, VII, VI, V, IV столетиях не должны означать россиян же? Что же Нестор со своей стороны? Он говорит о россиянах с того времени (862 г.), с коего простираются его сведения; и будьте уверены, что он начал бы говорить о россах с 762 г., если бы родился и писал столетием ранее; описал бы нам наверняка россов VI века, или даже времен Атиллы, если бы родился за три столетия. Как бы то ни было, одна уже

хозяйственность и некоторая гражданственность россиян 862 года показывает, что они были старожилками сей страны.

12) В IV столетии, как известно, Русь, или Ящероглазия, или Sarmatia, была раздираема между гуннами и готами. Оба сии народа не были обитателями собственно так называемой Руси; первые жили в стране Волжской, а последние у берегов Балтийского или за Балтийским морем. Итак, Русь имела своих особых собственных жителей, – это были сарматы. Готы утвердили было над ними свое владычество; и кто знает, куда бы они распростерли свою власть, если бы им не воспротивились гунны. Началась жестокая война, в коей готы лишились большей части Сармации, отпадшей, так сказать, к гуннам, и удержали за собою только северо-западную частицу оной. Итак, ящероглазые с IV века подверглись двум народам.

Что за народ гунны, уже знаем; и знаем, что они называемы были и козарами. Что за народ готы, варяги, не знаю; первое имя употребляли иностранцы, а последнее один Нестор. По-видимому, оба имена означают один и тот же народ.

Итак, в IV и V (только?) столетии скифы, или ящероглазые, или роксоланы, подданные готов с северо-запада и гуннов с юго-востока, а в IX, вероятно, и в VIII (только?) веке россияне, подданные варягов с северо-запада и козар с юго-востока. Откуда эта разительная аналогия? Не очевидно ли, что сии скифы, сии сарматы IV и последующих столетий, подданные готов и гуннов, суть тот же русский народ IX века, как, наоборот, сии варяги и козары IX столетия суть тот же готский и унский народ IV века?

Заметь. Из сего видно, что после кровопролитной войны в IV веке между готами и болгарами политическое отношение сих двух народов осталось *in statu quo* до самого Рурика или, лучше, до правления Олега, который первый был в силах изменить оное: это несомненно. (Почему Олег несравненно большее историческое лицо, нежели как воображали себе вообще, я постараюсь впоследствии изложить свои доводы; из них увидят, что это был настоящий русский Цесарь, Карл Великий.) Сей *statu quo* обладания Россию с 380 или 400 года до

правления Олега, или до начала X века, очевидно опровергает мнимые частые появления с Волги на Дунай в V, VI, VII столетиях новых народов, которые появлялись, как мы видели, не с Волги, а из педантического толкования. Сей status quo именно показывает, что в России в продолжение почти 500 лет не было таких переворотов, которые бы могли изменить оный, то есть показывает политическую тишину всей обширной Сармации. За это ручалось могущество Болгарии. Если бы предполагаемые народы появлялись действительно, то производимое ими волнение не дозволило бы сему statu quo с 400 года остаться в том же виде до 862 года.

13) Известно, сколь горько многие, а преимущественно Шлецер, издевались над писателями средних веков, старавшимися отыскать своих предков между именами нарицательными, но громкими в древности. Наиболее презрительные их приговоры сыпались на польских писателей (например, Сарницкого и проч.) за то, что те осмелились утверждать, будто сарматы и геты суть древние поляки, будто Александр Великий древним полякам (как славянам) пожаловал грамоту и проч. Сколько бы, впрочем, ни были смешны заблуждения или мнения писателей средних веков, однако приговор им новейших (коих изыскания во многом еще смешнее) слишком строг, дышит педантизмом и имел дурное влияние на успехи исторической критики; ибо с тех пор никто более не осмелился думать о своих предках выше той строки летописи, на которой в первый раз является собственное их название; и сим некоторым образом воспрещаемо было разбирать кутерьму множества нарицательных народных названий первых 8-ми или 10-ти веков.

Вследствие сего, кажется, прицепились, подобно пьявицам, к одному месту Нестора и пересадили древних россов в Скандинавию. Как будто Нестор мог быть свидетелем колыбели обширного русского народа!

Впрочем, приговор сей действием своим на умы одолжен некоторой философо-скептической одежде, в которую облечен; но он несправедлив и сам по себе, и относительно к авторам, которые обвиняли других в том, в чем сами были виноваты. Ведь

верят, в свою очередь, будто Братовщина (*Germania, Germani*) у Цесаря, Тацита и других означает именно древних немцев! (С лишком половину Братовщины населяли славяне.) Если так, то почему и россиянам не быть столько же древним народом? Если древность 15-миллионного нынешнего итальянского народа переходит за построение Рима, то по какой достаточной причине древность 40-миллионного русского не должна принадлежать IV, и III, и II, и I столетиям? Почему нельзя сказать, что в царствование Траяна, или Аврелиана, или Константина Великого на Дунае, в Валахии, Венгрии или Молдавии с итальянцами дрались русские вместо ящероглазых, скифов или роксоланов (россо-аланы)? Ужели это, по мнению Шлецера, противно здравой истории и естественности?

Довольно ли, любезный читатель! Я боюсь наскучить тебе и боюсь оставить тебя суевером; боюсь, чтобы ты по привычке не продолжал верить в скифские и ящероглазые привидения. Будь уверен, что если бы письменность завелась и распространилась в обширной Сармации во время Рождества Христова, т.е. если бы имела сарматских историков, современных Прокопию, Приску, Евнапию, Олимпиодору, Плинию, Тациту, Цесарю, то наверняка ты прочел бы в них описания, например, русских кампаний с римлянами на Дунае и за Дунаем в правление Траяна, точно так же, как и в царствование Святослава, Екатерины II; и увидел бы в Таците особую статью под заглавием:

Irruptio Sarmatorum in Italiam duce Suvorovio; Scythae expellunt Gallos ex Helvetia Italiaque; Sarmatorum dux augetur honore Patricii Romani*. Другой римлянин, может быть, написал бы: *duce Savario, Savare, Savorio*, а греки, может быть, в свою очередь: *εουβαριος, εουвар, εουβαρος, εαυορρος*; а латинские переводчики сих греческих сочинений писали бы: *Dux Scytharum Subarius, Princeps Sauromatum Subar dictus*; и так, наконец, в русских исторических компиляциях в пользу про-

---

* Нашествие сарматов в Италию под руководством Суворовии. Скифы изгоняют галлов из Италии. Вождь сарматов получает почетное звание римского патриция (лат.). – Прим. сост.

свещенных читателей появился бы: сарматский князь Чубар, Субар, Щубар, Зубар, Забор, Сувар.

14) Замечу еще, сколько сильно греки привязаны были к слову *скифы*. Несмотря на то, что имя россиян сделалось им известным уже с 865 года, – несмотря на то, что Русь с 1000 года принадлежала уже к кругу христианских держав, – несмотря на то, что жители Молдавии и Валахии, как христиане и как близкие их соседи, были им довольно известны, – они не усомнились обновить имя скифов и прилагать оное сим странам уже в XI и даже XII столетиях! Нападения на Болгарию (как область с 1018 г. византийскую) с сей стороны Дуная совершаемы были, твердят они, скифами и скифами, да и только! Этого еще мало: несмотря на то, что греки, к своей беде, слишком знакомы были с болгарам, – несмотря на то, что имя сего народа давно им было известно, – несмотря на то, что значительная часть сего народа уже со времен Юстиниана I сделалась христианами, согражданами и соседями (в Румелии и Македонии) греков, сие последние никак не могли отучиться совершенно от названия их скифами. В образец приведу слова Иоанна Камениата (см. *Mem. Popul. in Slavicis*, pag. 95) из его истории разорения Фессалоники. «Поля (или область) Фессалоникская, – говорит он, – заключают в себе разные небольшие города, из коих иные в зависимости от города (Фессалоники, т.е. от византийцев) платят дань, как, например, Дроговичи и Загудаты (?) (*Δρογούβιται και Σαγούδατοι*); иные же платят дань соседнему скифскому народу (Болгарии, тогда владевшей Македониею), недалеко отсюда находящемуся. Впрочем, городки наши довольно населены, и поелику торговля их в тесной связи с торговлею скифов (Болгарии), то фессалоняне имеют чрезвычайные выгоды, тем более, что оба народа (обе державы) давно уже живут в согласии, давно уже, как и ныне, поддерживают и поощряют обоюдную торговлю; сему пособляет еще то, что многие реки, и из них довольно великие, вытекающие из Скифии (т.е. из Балканских и Албано-Македонских гор к югу, в направлении к Салонике), привозят городу множество пищи и богатства». Видите ли, Македония превратилась в Скифию по-

тому только, что не принадлежала грекам! Не очевидно ли, что слово скифы у греков значило чужие, негреческие, иностранные, иноплеменники, и есть *synonym* латинского *barbarus*. (Слово *варварои* перенято в греческом от римлян.) Итак, если слово *скиф* не воспрещало болгарину в X веке быть болгаринном же, то что могло препятствовать негреку (скифу) на Днепре в V столетии быть русским³¹?

15) Наконец, бытность болгар, как славянского племени, на Волге в IV, III и прочих столетиях так ясно оттеняет бытие в то же время в собственно так называемой Руси другого славянского племени (россиян), что надобно быть самым закоснелым педантом, чтобы не поверить, что меланхлены, сарматы, или скифы днепровские, или роксоланы суть россы, или русской народ.

1) Под какими нарицательными именами искони слыл русский народ?

Кажется, это уже довольно ясно из предшествующего, и новые объяснения будут излишни и скучны. Впрочем, пожалуй, сделаем вроде оглавления (*recapitulationis instar*), замечание. Вообразите себе оба славянские племени, россиян и болгар, на их местах. Греки тогда уже называли их скифами, когда римляне не были знакомы еще с Дунаем. Только около Рождества Христова стало входить в обыкновение слово савроматы, ящероглазые. В I и II столетии стало возрастать любопытство римлян и греков.

Появившиеся некоторые отличные историки и географы сих времен старались более проникнуть в сию обширную страну. Несмотря на сие, имен *скифы* и *сарматы*, утвержденных употреблением, отвергнуть не захотели, и Ящероглазия осталась в полной мере. Страбон разделяет ее на Ящероглазию Европейскую, или Большую, т.е. Русь, и Азиатскую, т.е. волжские жилища болгар. Посему оба племени наравне участвовали все в имени, – однако, кажется, так, что дела сарматов на Днестре или на Дунае принадлежат россиянам, а на Черном море, в Тавриде, Кавказе, более болгарам.

Заметим, что имя *sarmatae* исключительно принадлежит, кроме болгар, россиянам; предел русского народа к юго-западу была река Висла; это ясно видно из первых известий русской истории; и ныне еще русское племя в качестве коренных жителей примыкает к реке Висле. Мне кажется, что малороссов в Царстве Польском, преимущественно в нынешней Люблинской губернии или Хелмской русской епархии, живет с лишком 600 000 человек, которые в глазах русских ученых потому только не россы, что, к несчастью, мало им известны, или потому, что, по воле поляков, верили в Папу! Собственная же колыбель славяно-польского племени находится по ту сторону Вислы. По свидетельствам всех почти древних, Висла отделяла Братовщину от Ящероглазии. Посему поляки имеют полное право на имя *germanorum*, в чем провинились многие, и даже русские певцы 1812 года, называя корпус Понятовского сарматами.

Между тем описывавшие Сармацию ввели много еще других названий, более частных. Здесь мы взглянем на обстоятельство, подавшее повод к происхождению множества мелких народных названий. Обыкновенно при методическом описании какого-либо государства смотрят на разделение оно на большие части, а сих на меньшие части. Разумеется, что сии области имеют свои собственные названия, от чего бы они взяты ни были; и описание делается понятно. Древние землеписцы, не имея сведения о настоящем статистико-политическом разделении государств, не зная названий самых областей и долженствуя при описании целого делать подразделения оно, стали разделять на части не страну, а самый народ, и симто частям народа давали особые названия, взятые от разных предметов или мест, ими обитаемых. Такое именно разделение и описание России сделал и Нестор. Он, как известно, россиян (Россию) разделает на полян, радимичей, вятичей, древлян, дулебов, бужан, суличей, тиверцев, херватов, северян, дреговичей, криничей, полочан, новгородцев. Какая куча народцев! Или – под сколькими именами один русский народ! И так, сии имена суть просто местные, или географические, и ныне заме-

няются названиями самих областей или губерний. Подобным образом описывали Сармацию и Страбон, Помпоний Мела, Птоломей, Плиний и другие, более или менее. Разумеется, что выдуманные ими местные названия столь же странны, как и общее имя скифов, или ящероглазых; так, например: тавры, киммерияне, дромиты, амаковии, скиры, меланхлены, макрокефалы, андрофаги, агатирсы, тиссагеты, тирагеты, бастарны, массагеты, аланы, иппербореи и проч., коих можно насчитать целые сотни. Большая часть сих местных названий составлена из греческих слов. И в русском их переводе видно, какие это чудовища, какую обильную пищу могут дать педантам-толкователям, если б им вздумалось принимать сии бестолковые прозвища за столько же особенных народов. Впрочем, описание Сармации упомянутых географов так коротко и неясно, что едва ли можно в нем добиться толку. Ибо трудно угадать, в каком значении принимаемы были меланхлены, макрокефалы, скирры и пр., кои суть не местные. Главное дело в том, что сии и другие названия суть просто частные общего имени ящероглазых, и притом непостоянные. Они не переживают даже столетия; ибо на месте их у писателей следующего столетия находят уже совсем другие, например, IV, V, VI столетий, как видеть можно у Приска, Прокопия, Иорнанда и проч. Из сего явствует, что всякий писал и чеканил новые названия не собственным понятиям. Что же касается до историков, описывавших нападения на Империю, то они придерживаются только общего имени скифов и ящероглазых. Заметим, что греки имели еще одно имя, которое они употребляли в значении общего. Это геты, из коего сделали несколько известных уже местных названий. Так в Восточной Венгрии гетов именовали тиссигетами, днестряков тиригетами, а болгар на Волге – массагетами, днепряков – бористенитами, донцев – танаитами.

Теперь рождается вопрос: между столькими названиями не попали ли греки где-либо и на собственное имя россиян? Кажется, что да. Массагетов именовали они иначе алавами или алаунами, аланами; гетов же днепровских и днестровских для отличия от аланов называли и роксоланами (росс-аланами,

россо-аланами). Страбон говорит, что сии *россаланы* сильный и многочисленный народ и некогда вел жестокую войну с Матридатом. Они же дрались чрезвычайно храбро с римлянами на Дунае. В римских летописях несколько раз появляется война римлян с именем россоланов. Впрочем, легко можно себе вообразить, что сие имя не могло быть долговечным; ибо римляне долго не могли отвыкнуть от ящероглазых и, разумеется, что возобновленная россоланами с римлянами война, по принятому уже обыкновению, опять названа сарматскою, или войною с даками (так римляне называли греческих гетов), какова была под начальством Траяна, или опять ящероглазою, в которой так храбро сражался Константин Великий. Итак, все упомянутые частные названия Сармации падают на русский и болгарский народ, смотря по местоположению. Из числа сих частных было и слово *гунны* или, лучше, *унны*, принадлежавшее сначала одним болгарам и переделанное в *алауни*, *алаунни*. В IV столетии, при распространении болгарского оружия по всей Руси, имя уннов сделалось гораздо громче и стало соперничествовать с именем гетов. В сию самую пору прекратилось имя сарматы. В V веке имя гуннов сделалось общим и народным и, по милости Приска, вскормило под своими крыльями новые местные прозвища. Итак, поелику имя сарматов и все почти его местные вышли из употребления, и поелику вместо них имя гуннов получило столь обширное значение не только в Дакии, но и в Руси, то очевидно, что русский народ, лишенный прежних своих прозвищ и составлявший с болгарам одно политическое тело, слыл долго под названием гуннов наравне с болгарам. Между тем как местные названия гуннов стали быть громче и громче, как имя *гунны* в свою очередь, уступая гласности своих местных, должно было исчезнуть и исчезло, то русский народ большею частью поступил под местное его название, а именно павшее на Русь, – это акатиры или козаре, которые прикрывали россиян от взора греков до правления Олега. Наконец, происшедшее разделение между болгарским и русским народами или отпадение русских от козар, или восстановление независимости и собственного государства Руси

было то явление, которое заставило греков тотчас познакомиться с собственным именем сей новой державы.

Вот вкратце о разных именах нарицательных, коими покрываемы были попеременно россы. Надеюсь, что историки при описании разных событий опишут это обстоятельнее, что может представить весьма важное и обширное историко-критическое рассуждение. В заключение скажу в виде аксиомы: вообразите себе то время, в которое многочисленные болгаре, наполняющие европейскую Турцию и отчасти Анатолию, находились еще на Волге, в непосредственной связи с русским народом; вообразите себе то обширное пространство, которое должно было заключать в себе сии два многочисленных племени – то сами усмотрите, что сведения географов первых двух столетий не переходили за пределы сих двух племен, что вся почти тьма скифских прозвищ падает исключительно на сии два племени, если исключить те сведения, которые имели римляне (а не греки) о латышах и чухонцах.

2) Отношение болгар к россиянам в строгом смысле

Мы видели общее отношение между сими двумя племенами. Теперь постараемся проникнуть глубже в существо сего вопроса, соображая существенные черты народности: а) народное название, б) язык, в) нравы и обычаи, г) жилища, или колыбель.

а) Народное название

Если обратить строгое внимание на имя россов и болгар, то первое только есть собственно народное, ничем не объяснимое; последнее же, объяснимое, собственно не народное, а местное, и в номенклатуре народных имен стоит на той же ступени, как и Несторовы радимичи, вятичи, суличи, поляне, деревляне и пр., и только употребляется вместо собственно народного. Какое же было народное имя болгар, или, все равно, волжан? Без всякого сомнения – *россы*. Следовательно, местное имя *болгаре* есть видовое имени *россов*, т.е. болгаре такой же русский народ, как и поляне, деревляне, радимичи и пр.

Итак, болгаре в отношении к славянскому роду ничуть не составляли особенного племени, а заключались в русском.

Почему сия волжская часть русского народа удержала за собою местное название, которое стала употреблять в качестве народного, весьма легко понять, если вспомнить, что такое явление случалось и у других европейских народов. Кто не знает, что часть латинского, или итальянского, народа приняла местное название римлян, которое впоследствии приняли и прочие латины. Сие же самое имя удержали и поныне в качестве народного итальянские поселенцы в Дакии (потомки их в Трансильвании, Валахии, Восточной Венгрии), известные нам под нарицательным именем волохов. Несмотря на то, что волохи употребляют имя римлян в значении собственного, часть сего же самого латино-волошского племени приняла вместо одного другое местное (от реки, а после и страны Молдовы) молдован и язык свой, настоящий волошский, именуется молдованским. Подобным образом римляне в Испании приняли местное испанцев, во Франции – французов. (Замечательно, что из итальянских колонии, выведенных за границу, одни только волохи удержали название римлян.) То же самое происходило и между немецкими племенами. Возьмем одно из них – боев, коих история открывает в Баварии, по крайней мере уже около V столетия. Это племя с IX столетия развело свои колонии в разные соседние области, такие как в Швейцарию, Тироль и Словению. Сии поселенцы ныне не называются собственно народным своим именем боев или богарцев, а местными: *schweitzer*, *tyroler*, *österreicher* и пр. Так и другое немецкое племя, саксы, развелось по Северной Германии и приняло название тех областей, в которых поселилось; саксы в земле пруссаков приняли имя даже сего народа. Вообще немцы с удовольствием принимают местные названия. Сакс прусский драться готов с саксонцем за честь своего (прусского) имени и т.д. Впрочем, так они разделяются между собою; а если дело идет с иноплеменником, то пруссак, саксонец, ганноверец, баварец, баденец, австриец, русский и французский подданный принимаются за общее обоим племенам (бойям и саксам) название дайчера. За-

метим однако ж, что выходцы из сих племен, слишком рано и далеко от родины зашедшие на поселение, не признают более ни племенного своего имени, ни общего дайчеров; так саксы, переселенные Карлом Великим в страну, именуемую немцами Holl-Land (ныне Holland) и Nieder-Land, т.е. низовыми землями, ныне называют себя только holländer, niederländer (низовцами), т.е. местным именем, заменившим у них место народного. Очевидно, что часть русского народа, весьма рано отделившаяся от собственной Руси, могла удержать за собою местное название болгар в качестве народного.

Заметь кстати. Высокая древность местных имен у европейцев показывает, что с незапамятных времен они вели уже жизнь оседлую, как бы приросшие к местам (которыми только и отличались между собою, например, части одного племени). Посему несправедливо воображают себе, кажется, в древней европейской истории какую-то бродящую, номадическую кутерьму; и еще несправедливее принимают просто военное V столетие за какое-то общее переселение народов: Migratio Gentium! Migratio Gentium! Или, наоборот, другая черта: вечно кочевые потомки азийского корня не имели и почти до сих пор не имеют местных названий, а отличаются только племенными именами; даром, что мы называем их по местам бухарцами, хивинцами.

б) Язык

Казалось, что различие в именах *россы* и *болгаре* противится понятию о тождестве народности обоих племен; но мы объяснили это мнимое противоречие. Теперь, кажется, что препятствует оному еще различие в языке или наречии. Конечно, между нынешним и русским и болгарским языком довольно чувствительная разница; но она необходимо должна была произойти по причине других жилищ и продолжительной, так сказать, разлуки. Совершенно подобное сему произошло и в других народах, у коих изменение языка еще ощутительнее. Саксонец едва ли поймет ныне голландца или другого кого-либо из своих соседей; и даже в самой Германии

жители одной округи никак не понимают жителей другой, несмотря на то что оба одного и того же племени, носят одно и то же народное имя. Летский язык на небольшом пространстве разделился на разные наречия в Лифляндии, Курляндии, Литве и Пруссии³². Подобным образом и язык италов разделился на несколько наречий, из которых одно впоследствии удостоилось быть письменным, высших обществ, ученых, а посему и книжным, судебным, и которое называем латинским, распространившимся (разумеется, в высших обществах) не только в Италии, но и по всей Европе.

Итак, надо было ожидать, что русский язык распадется на наречия, тем более что занимал огромное пространство, с берегов Вислы за берега Волги, от пределов чуди до гор Карпатских, и Серета или Прута. Очень естественно, что волжанам ничуть не мешало быть россами то, что они не выражались именно так, как бужане или волынцы. Еще более: если ощутительная разница между болгарским и собственно русским наречиями бросается в глаза, то заметьте, что и в самом собственно русском есть тоже большой разрыв. Русский язык, известно, распался на великороссийское и малороссийское наречия. Теперь взвесьте разницу между обоими!.. Она велика и не меньше той, которую найдете между великорусским и болгарским или между малорусским и болгарским. Сия ощутительная разница, однако, ни малороссам, ни великороссам ничуть не мешает быть россами же, следовательно, и болгарам волгороссами же.

Малорусское наречие имеет чрезвычайное сродство с болгарским; почти тот же дух и те же обороты (что яснее выкажется из сравнения их с другими славянскими наречиями). В свою очередь, и великорусское имеет свою особенную связь с болгарским, которой малорусское уже не имеет. Причина сего взаимного сродства зависит, очевидно, от географического положения народа. Болгаре, вдоль по Волге и по Дону, были в соприкосновении наравне с великороссами и с малороссами. Великорусское в обширной своей окружности уже уклоняется там и сям от своего ствола и показывает некоторые особливые черты, или зародыш, так сказать, будущего наречия. Пример тому: наши

нынешние великорусские волжане, или волгари, успели же в некоторых своих выражениях и словах сделаться непонятными для москвитян. То же должно сказать о малорусском и болгарском. Итак, русский язык разделяется на три главные наречия: великорусское, малорусское и волгорусское, т.е. болгарское.

Заметь. 1) Из ощутительной разницы между сими наречиями и 2) их обширности явствует вообще, что древность существования русского народа равна древности имени Скифии, если не превышает ее. В драгоценном памятнике болгарского наречия IX столетия (Св. Писания) видно, что оно тогда уже в полной мере было наречием; и не удивительно, что путешествовавший в то время на Волгу араб почитал наречия козар и болгар одним и тем же, но различным от русского. Впрочем, прежде, нежели болгаре наполнили Дакию и задунайские страны, в IV, III, и пр. столетиях, разница болгарского наречия от великороссийского и малороссийского была, вероятно, меньше, и чем глубже в древность, тем все они были ближе к своему корню, к единству русского языка. Сей продолжительностью времени и можно только объяснить развитие языка и образование его наречий. Язык сам собою изменяется не легко и не скоро, преимущественно в таком климате (как на Руси), где говорят тихо и внятно. Полдюжины столетий пролетит, и едва можно заметить что-нибудь достойное замечания. В жарких климатах, где говорят скоро, изменение происходит несколько чувствительнее, что именно действовало с IV по XIX век на болгарское наречие. Мнение некоторых писателей-историков об изменении языка в короткое время, происходящем, как думают, от смешения, принадлежит к историко-волшебным явлениям. Вообще, более естественно изложенное теперь понятие о времени развития русского языка и разделения его на наречия подтверждает вполне историческое положение о русском народе как старожиле в Скифии.

в) Нравы, религия, обычаи и пр.

Характерические черты славянских племен, в каком бы то отношении ни было, разделить можно: 1) на общие, при-

надлежащие всем, 2) на частные, или свойственные которому-либо из них. Сии последние служат непреодолимым доказательством единородства двух каких-либо отраслей (например, россос и болгар) и суть одного достоинства для изыскателя с именем народным и языком.

1) *Религия*. Все славянские племена отличались многобожием.

Многобожие, наравне с многими другими чертами народными, есть непосредственное и естественное следствие оседло-хозяйственной жизни. Разнообразие хозяйственных занятий расширяет круг воображения, понятий, а посему и языка, и представляет поводы к возбуждению страстей гораздо чаще, чем однообразное занятие жизни кочевой. Земледелец домовитый в кругу своих действия имеет множество целей и множество препятствий в достижении оных. Он нередко изнемогает под ними телом или душою, и в немощи своей первое движение его сердца есть обращение к какой-то невидимой силе, превышающей его человеческую; он призывает ее на помощь себе, дает ей название. И вот начало богов-покровителей! И сие самое понятие о благоволении высшем дало начало и неблаговолению, т.е. злым божествам. Вот причина многобожия у народа оседлого; между тем как кочевой при единстве своей цели, скудости занятий и нужд, тащась по степи за своей скотиной, из пустодумья беспечно засыпает. Это физиолого-нравственное замечание о человеке, кажется, вполне подтверждается многобожием европейцев и малобожием азийцев кочевых. Венгерские летописи упоминают только об одном божке мадьяров, своих предков, коего не знают и имени. Равным образом древность молчит о мифологии татаро-турецких племен. Впрочем, странно и замечательно, что и мифология немецких племен довольно скудна. Что сказано римскими писателями, например Цесарем, Тацитом и прочими, насчет богов Германии, того нельзя приписывать безусловно немцам, тем более что уже в VIII столетии история открывает славян в Германии почти до Рейна. Мифология собственно немецких племен должна была быть описана во время их крещения в VIII и IX столетии; но

из нее известно немного, и едва ли только по одному божку досталось каждому их племени (саксонцам и бойям). Причина тому уже известна. Карл Великий застал саксонцев в ордах; ему стоило много труда, как говорит Шлецер, отучить их от кобыльной сыворотки и конины. Они действительно не могли заниматься земледелием в скудной, песчано-болотистой своей древней Саксонии, находившейся между устьем Эльбы и Рейна. Итак, многобожием, следственно и земледелием, отличались славяне, латины и греки.

Заметь. Многобожие у россиян, бывшее с давнейших времен, служит непреодолимым доказательством земледельческой их жизни, предшествовавшей, разумеется, началу самих богов. Что за вздор воображать какое-то движение между племенами Скифии, которое родилось в голове единственно от поверхностного взгляда на мелкие местно-нарицательные прозвища, мелькавшие над оною! Довольно: Геродот, живший давно до Р.Х., пальцем указывает на скифов-земледельцев, на коих тем же пальцем метит и многобожие русского народа, который по всей Скифии, несмотря на пылкое воображение запоздалого потомства, неподвижно переживал веки веков под покровительством добрых богов своих и домовых.

Многобожие славян было не везде тождественно. Иное племя имело иных богов, другое других; посему всякое имело свою собственную мифологию. Сии мифологии по большей части опущены из памяти вместе с древней историей сих племен; сохранились только отчасти мифологии россиян и славян Германии, но несходные между собою. Болгаре имели одних русских богов и самые русския поверия, о чем подробнее в другой раз. То есть болгаре суть часть русского народа.

2) *Обычаи*. Некоторые обыкновения болгар, замеченные Приском, например: а) вышивать рубашки крашениной или даже носить цветные, б) остригать волосы в кружок, в) употребление пред обедом горячих напитков, г) порядок при угощении, д) образ убирать комнаты утварью, е) обыкновение встречать государей с хлебом-солью, ж) пиршества после похорон, ежегодная тризна, з) баня, и) напиток из муки или от-

рубей (квас), к) многие собственные имена лиц, мест и чинов, бывшие только у одних болгар и россиян, суть собственные черты русского народа и вполне подтверждают россизм болгар, доказанный предшествовавшими доводами. Упомянутые черты, если исключить, может быть, одну или две, не принадлежали прочим славянским племенам.

2) Жилища и колыбель

Наконец, одно из самых убедительных доказательств тождества россиян и болгар есть тождество их жилищ, или колыбели.

3) Заключение

Значительной части славянского народа уже при первом его развитии, следственно, при первом заселении Европы, т.е. искони, досталась обширная страна между Вислою, цепью Карпатских гор, частью Дуная и Волгою, на известное пространство к северу. Это был русский народ или племя.

Благодетельное изобретение письменности явилось тогда, когда род человеческий уже распространился далеко. Письмена медленно переходили от народа к народу и долго, долго оставались только у малочисленных греков, у коих почти и родились. Из великой Греции (Южной Италии) достались они в несколько измененном виде³³ в нововозраставший Рим. Там остановились надолго опять, и остались бы навсегда, если бы римский штык не проложил им дороги из Италии в соседние страны, павшие во владение властолюбивых латинов.

Спасительная христианская религия озарила наконец Европу и даровала нам все, чем гордится XIX век пред всеми прошедшими. Но как поздно! А история явилась еще позже! Все европейские народы, очевидно для пояснения своей истории до появления письмен, принуждены обратиться к сочинениям греков и римлян. К несчастью, греки, заключенные в островах, а на твердой земле окруженные морями и отдаленными северными (т.е. Балканскими) горами, не могли получить ясных и верных сведений о всех странах мира. Разделенные на множе-

ство независимых штатов и составляя собственную политическую систему или мир, они всегда занимались исключительно собственными делами; в продолжение столетий не заводили никаких важных дел с чужими народами и тем избежали короткого с ними знакомства. С другой стороны, огражденные природою и искусством, греки пользовались безопасностью и потому, что современным европейским племенам было еще просторно в их жилищах и они не нуждались в завоеваниях.

Итак, древние сведения греков о других народах были довольно скудны и ограничивались берегами Средиземного моря: как Анатолиєю, Сириею, Египтом, Карафагеном, Южною Италиєю, Сицилиєю и т.д. Они мало знали даже о латинских племенах, жителях Северной Италии, пока впоследствии Рим не дал им сильно почувствовать о себе; Восток им был известен в отношении к мидийской, а после к персидской державе, несколько раз покушавшихся на их независимость. Сведения греков прямо к северу не простирались далее Дуная, и вся страна по сию сторону онога осталась бы для них неоткрытою, если бы архипелаг не ввел их в устье не только Дуная, но Днепра и Дона. Черное море было преддверием Греции, в которое попасть не стоило труда; ибо с островов Самофракии, Лемноса, Митилена, Хиоса почти прямо видеть можно оное чрез широкий канал. Следственно, греки имели свободный, безопасный путь ко всем берегам Черного моря, который испытали они уже за 1200 лет до Рождества Христова. По берегам-то Черного, равно как и Средиземного, моря рассадили они свои колонии; с северо-западных-то берегов Черного они увидели необозримые страны, лежащие по сию сторону Дуная на неизвестное им пространство к северу; они ее назвали Скифиею (по-русски чудью), а жителей ее скифами, т.е. чуждыми. Виноваты ли греки, что с первого взгляда не назвали их собственным именем? Древние народы называли взаимно один другого нарицательными прозвищами. Виноваты ли и славяне, что дайчеров прозвали немыми; виноваты ли дайчеры, что славян (не всех, а только им известных, т.е. соседей) назвали вендами; виноваты ли латины, что обширную

страну, лежащую от Италии прямо к северу, назвали Братовщиной, а жителей братскими; виноваты ли россияне, что коротких своих знакомых, мадьяров, прозвали уграми, римских поселенцев в Дакии – волохами, сомалайнов чудью, чухонцами? Удивительно ли, что греки долго привязаны были к имени *скифы*, когда мы сами и поныне не отучились от употребляемых нами нарицательных имен известнейших нам народов! Однако же греки не столь виноваты. Имена нарицательные, прилагаемые ими жителям Руси, были шатки и часто изменялись, пока, наконец, не заменены собственным.

Итак, вот где начало истории русского народа до появления у него письмен и собственных летописей, по сведениям греков и римлян. Я показал выше только, под какими именами должно искать подробных сведений о Руси; надлежит собрать оные и объяснить. (Это не входило в круг моих изысканий, касающихся только до главных положений исторических.) Итак, не входя в подробности, оставленные разными греческими и латинскими писателями (жаль, что затерялась история Скифии Евнапия, из коего заимствовал кое-что Иорнанд) о Скифии и ее местных названиях, вкратце укажем на главные черты истории страны, по-гречески *Скифии*, а по-скифски *Руси*³⁴.

Между тем как греки смотрели на Русь упомянутым образом, россы уже искони распространились по сей просторной греческой чуди и разделились на три наречия, или части, которые и назовем по местоположению: 1) Северною (великороссы), 2) Южною (малороссы) и 3) Восточною, или Волжскою (волгороссы, или болгаре). Народ не подвергался, кажется, критическому положению. Покушения первенствовавшей некогда персидской монархии в царствование Кира, Ксеркса и Дария на его независимость были безуспешны. Быстрые завоевания Александра Великого коснулись было и Скифии, но дело окончилось тем, что, прибыв на Дон, он женился на массагетке Роксане и возвратился с женой домой.

Примечательно. Дунай одолжен своим именем жителям, его окружавшим, без сомнения славянам; греки, а за ними римляне, его называли Истром; впрочем, римляне выучились

у словен, своих подданных, называть его и славянским названием, но несколько олатиненным, Danubius. Примечательно чрезвычайное сродство имени русских рек с именем Дуная: Днестр, Днепр, Двина, или Дина, Донец и Дон. Кажется, видишь столько же разных Дунаев, названных одним народом. Tanais есть огреченное Дон; Tanais известен уже в первые времена Скифии и в походе Александра Великого. Это бросает на древность Руси сильный луч, довольно оттеняющий в скифском хаосе настоящий предмет (россов), тот самый, который выше открылся нам под именем скифов.

Политический перевес римлян был несколько тяжелее для Руси; ни Дунай, ни частые драки на обоих берегах оно не могли воспрепятствовать итальянцам завладеть Дакиєю и вгнездиться в оной до самого Днестра и Карпатов. Это было в ту пору, когда римское могущество достигало высочайшей степени, с коей долженствовало снисходить обратно, и дальнейшая опасность со стороны оного стала уменьшаться.

Между тем возник на северо-западе Европы один могущественный народ, который с упорством воспрещал римлянам переправу чрез Дунай и Рейн и даже сам нападал на них чрез сии реки. Наступательные его действия не ограничивались римскою линиею; он делал завоевания кругом себя к северу, западу (III столет.) и востоку.

Уже в начале IV столетия сей могущественный народ обратил оружие свое на Русь, и жители ея, которые незадолго перед тем (в царствование имп. Диоклетиана и Максимиана) пытались выгнать римлян из Дакии, теперь принуждены были сами защищаться; ибо дело шло уже о собственной их независимости. К несчастью, враги предводительствуемы были их Аннибалом, Ерманариком³⁵, и Русь после утомительной борьбы пала под иго могущественнейшего народа. Он слыл прежде под несколькими именами, но с некоторого времени преимущественно под названием готов³⁶. Сам Иорнанд утверждает, что его готы поразили и подчинили себе весь россоланский народ.

После столь значительной прибыли завоеватели бросились на Римскую империю по всей северной линии – от Чер-

ного моря до Атлантического. Римляне не удержали за собою места борьбы и, уступив большей силе, потеряли навсегда всю Дакию, Британию, значительную часть Франции и Испании. Первенство и диктаторство римлян между народами мира оставило, таким образом, берега Тибра и переселилось к Балтийскому морю.

В сем политическом положении Русь не могла ожидать ничего, кроме вечных цепей. Могла ли она оглядываться за помощью тогда, когда поседевшие под лаврами побед стройные римские войска не выдержали борьбы, ослабли и не дерзали более поднять наступательного оружия? Или разве могли чем-либо обнадеежить ее внутреннеазиатские татаро-монгольские кочевые, пастушеские Орды? Нет, Провидение оставило ей одну только надежду, надежду на собственных ее сыновей, привыкших искони к независимости своей отчизны. Да; волжане, отважные волжане первые дали сигнал к ее освобождению и, держа меч в правой руке, левую подали родным своим братьям северным и южным и, соединенными силами вырвав окровавленную родину из рук врага, исцелили ее раны. Поседевший готский Аннибал прекратил себе жизнь, подобно карфагенскому, собственными руками, чтобы не попасть в руки праведных мстителей.

Уже в исходе IV века почти вся Русь была освобождена; но воинственным порывам ее сыновей уже не стало конца; они преследовали готов до самого Дуная и принудили их искать убежища в пределах Империи. Итак, Дакия, со времен Траяна отнятая у Руси, теперь ей возвращена. Упрочив свою безопасность, собравшись с силами, Русь скоро вознеслась на степень могущества и славы, которой может только достичь многочисленный, первостепенный и хорошо устроенный народ. Природа даровала ей гениального юношу. Телан, или Аттила, в юных своих летах был почти свидетелем освобождения под главным предводительством родителя, а после и дяди своего Реяна, или Ревана (Ρεας), своей родины от ига чужеземного, – был свидетелем таких событий, которые более всего могут возбуждать в пылком юноше любовь к отечеству,

дух героический, предприимчивый и деятельный, вырос на войне и жил только для войны.

Итак, гунно-аваро-козарская держава собственно была царство русского народа, всего, а не одной какой-либо части оно; ибо невозможно, чтобы одни волжане могли возвыситься на такую степень могущества. Посему сказанное выше о гуннской державе Болгарии между Дунаем и Волгою должно заменить словами: Россия, держава между Дунаем и Волгою; ибо имя гунны, заступившее имена сарматов, и роксолан, и скифов, означало и болгар, и малороссов, и великороссов. Вообще греки покрывали именем гуннов всю упомянутую политическую массу, ибо они не умели и не могли различать ее частей, преимущественно когда волжане, стремясь к западу и югу, перемешались отчасти с северными, а более с южными росссами. Узнать, кто в сей массе говорил волжским наречием, кто южным, было для них даже и излишне, и бесполезно. При соединении всей Руси и военных движениях народа части оно, разумеется, смешивались; но, несмотря на то, три наречия не могли сделаться опять одним языком; волжане в большинстве великороссов или малороссов применились к их наречию, а сии, наоборот, у них к болгарскому. Вообще всякий русский, какой бы части ни был, имел тогда равные государственные преимущества, точно как и ныне великороссы и малороссы суть равные члены одной и той же нации и державы. Несторово выражение: киевляне, или черниговцы, или смоляне дан дальше Козарам, – не представляет взаимного отношения малороссов к воложанам. Впрочем, замечательно то, что первенство, имеющее, если хотите, вид некоторого господства, принадлежало попеременно всем трем русским племенам. Оно было сперва на самом юге, у волжан; потом, после отпадения волжан дакийских от Руси, находилось в Киеве (Святослав хотел подчинить себе Венгрию и все страны до самого Балкана; но политика византийцев, как известно, воспрепятствовала ему в этом); наконец, оно ныне на севере.

И в истории письменности были эпохи подобного господства. Некогда малороссы, между коими и Нестор, облекали

свои сочинения в болгарские формы. В средние времена язык не только великорусских сочинителей, но и судебный царства Московского испещрен малороссизмами; наконец, со времен Ломоносова северный язык сделался литературным. Какой малоросс ныне не пишет правильно и чисто на сем северном наречии! Ныне оба брата, великоросс и малоросс, ходят вместе, рука об руку, плечо с плечом, на берега Дуная и Евфрата, взбираются вместе на Балкан и Кавказ, вместе трудятся на полях наук и словесности. И неудивительно... все у них свое общее, всеродное. Да благословит их Провидение!

Кстати сказать здесь нечто об описании вышеупомянутых происшествий в первом томе Истории государства Российского, соч. Н. М. Карамзиным. Внимательный читатель, сравнив наши исследования, увидит сам достоинство 1-й главы у сего писателя. В этой безобразной компиляции непрерывное кружение народов изложено столь кратко и неясно, что, кажется, должна закружиться и голова читателя; видишь беспрестанный марш разнохарактерных народов – людоедов, песьеголовых, чернокафтанников, длиноголовых, ящероглазых, надветренных³⁷, украшенных³⁸, волнистых³⁹, неопределенных⁴⁰ и проч., которые вдруг появляются на одном и том же месте, сталкивают и проницают друг друга, проходят чрез сцену и удаляются... за кулисы? Да, сыграв по одному явлению. Уродливые же гунны сыграли целую даже классическую трагедию. Наконец, на странице 18-ой «исчезли, как грозное привидение» (!), чтобы «в то время Россия могла представлять обширную пустыню», на театр коей с другой стороны «выходят славяне», которые на сцене имели вид храбрый и воинственный потому, говорит Карамзин, что «имя их можно произвести от славы!» и проч.

Разбирать подробно сию главу, дурно составленную по чужим мнениям, почитаю за излишнее; ибо выше разобрано то учение, в духе коего она написана. С самим Карамзиным в кратком отношении буду иметь честь говорить обстоятельнее в следующих его главах, а именно там, где он появляется как самостоятельный писатель. Продолжение объяснений по сему

направлению (к чему я осмеливаюсь приглашать всякого отечественного любителя истории) со временем может довершить то, в чем еще недостаточны наши сведения касательно первобытной Руси, или Скифии.

Итак, начало общей русской истории теряется во временах первобытной Скифии. Сильный переворот, произведенный готами, заключает период первобытной общей истории россов, или вступление. Эпоха гунно-аваро-козарской державы, от Аттилы до Олега, или отпадения Руси от Дакии (от болгар), составляет первый том общей истории россов – период действительно блистательный, диктаторский. За первым томом следуют два вторые, ибо общая масса народа разделилась на две независимые части, и тем родились из одной две истории. Второй том истории собственно так называемой Руси, или первый по Карамзину, начинается изгнанием варягов из небольшой части Северной Руси, бывшей в их владении, и отпадением старой Руси от волжан дакийских. Здесь же начинается и второй том собственной истории волжан, или болгар. Подобным образом обоюдно следуют и третий, и четвертый тома, и т.д. Поелику кроме предшествующих изысканий я решился объяснить историю Руси после ее отпадения, т.е. разобрать весь первый том Карамзина; то для связи Аттилина времени с правлением Олега изложу в виде продолжения главные черты сего достопамятного периода, общего всем трем русским племенам.

IX. Военно-политическая роль, которую играла Россия (Болгаро-Россия) в Европе в правление Аттилы, и перевес ее над прочими государствами

Мы видим в сей эпохе Россию первостепенной державою, европейскою и азиатскою вместе, и после разделения Римской империи первой в мире. Нечего сомневаться во внутренней ее силе; войска ее были всегда готовы к походу. Но сие

одно качество не довольно для произведения перевеса одной державы в общем соотношении между народами. Самое выгодное положение фигур на шахмате может расстроиться неспособностью игрока, и превосходство переходит на сторону опытного. Предприимчивый и искусный интриган может поставить дом вверх дном и водить господина (сильного) за нос. Ум, только ум бодрый и пронизательный лучше всего управляет машиной; слабое управление оною, или, что одно и то же, отсутствие пронизательного, вседвижущего ума поведет ее на мель или разобьет о скалы вребезги.

Россия дождалась наконец необыкновенного ума, отличного политического интригана, искусного игрока обстоятельствами; дождалась Аттилы, который привел все три соединенные внутренние ее силы в движение. Он был героем и в кабинете, и в палатке; министры его и воеводы – в непрерывном движении. Римляне очень чувствовали истину сравнения, приведенного мною; предвидели опасность, которую отворотить можно было только ударом сабли. К этому-то средству приступил было византийский двор, коему, как камень, лежал на сердце болгаро-русский лагерь в Малой Валахии. Неудачная попытка императора расстроила дело, которым, однако, обиженный монарх умел воспользоваться довольно искусно. Один удар, и Европа спасена, один удар, и имя гуннов осталось бы в неизвестности; чуть-чуть мелькнуло бы оно изредка в строках греко-римских писателей сего времени. Вечная тебе похвала, верный и непоколебимый слуга государя и сын отечества, хвала тебе, Едикон! Ты стяжал себе славу неувядаемую. Верный царю, ты был верным отечеству; спасая твоего государя, ты обезопасил твою родину; спасая главу, спас все тело. Ты поступил как человек честный, и будешь вечно образцом преданности к государю и отечеству, которую ни красноречие, ни обещание всех благ земных поколебать не могут.

После отправления посольств обеих Империй и других народов король возвратился к войску, в Банат и Малую Валахию. Для принятия возвращающегося заговорщика Вигилы сделаны им распоряжения. Переправившись чрез Дунай, интриган тот-

час был взят под стражу; все вещи у него отобраны, в числе коих вместо 50 найдено 100 фунтов золота. Король велел его представить для допроса. Мошеник утверждал, что деньги назначены на другое. Король велел выставить сына его, в первый раз туда прибывшего, и грозил расстрелять его, если отец не признается в тайном покушении. Тронутый участью сына, преступный отец признался в своем намерении и сам открыл козни византийского двора. По совершении допроса Аттила велел посадить его в цепи, сказал ему, что дотоле не отпустит его на волю, пока сын его не привезет из Константинополя других 100 фунтов золота за себя и отца. Итак, сын отпущен обратно; с ним посланы в Константинополь Еслав и Орест. Сему последнему велено явиться с мешком на шее, в котором отправлена была от двора к Едикону упомянутая сумма денег, предстать, таким образом, пред императора и спросить его любимца, знаком ли ему мешок? А императору сказать, что он сын отца благородного, и Аттила также сын мужа не менее благородного и знаменитого, и поддержал и наследовал достоинство и благородство своего родителя; а император, напротив, унизился, сделавшись данником и вассалом гуннов, и потому ему, как слуге подлому и неверному, неприлично делать тайный заговор и покушение на жизнь своего господина (слова Приска).

Сверх сего король велел еще требовать выдачи Хрисафия; по крайней мере, под видом сего требования надеялся получить значительную сумму денег. На непрерывные войны и походы нужны были чрезмерные издержки. Король весьма искусно пользовался благоприятными случаями переливать питательный сок (деньги), подкрепляющий члены, из чужой машины в свою.

Сим посольством чрезвычайно поражен был двор византийский, который по необходимости стал угождать Аттиле. По его требованию отправлены к нему два пэра Империи, министр финансов Анатолий да генерал от инфантерии Номий, один из богатейших вельмож и друг Хрисафия. Император, чтобы укротить оскорбленного короля и привести к окончанию переговоры, отправил к нему весьма значительное коли-

чество золота. Со своей стороны не пощадил своего кармана и Хрисафий, по крайней мере чтобы избегнуть беды.

«Король, отправившийся к войску, сначала не хотел дать аудиенции послам, но после, узнав о количестве денег, ему привезенных, смягчился и, допустив их к себе, принял ласково и снисходительно. По получении денег и прочего, представленного Императором и его любимцем, заключен между обеими державами мир, по коему возвращены Империи области, занятые гуннами по ту сторону Дуная до восточных берегов реки Моравы; а византийцы обязались не принимать русских беглецов. Выпущен из оков Вигила, но только по отсчитании выкупных 100 фунтов золота. Отпустив императорских полномочных, отправил вместе с ними своего статс-секретаря Констанция, чтобы Император лично подтвердил трактат и исполнил свое обещание касательно его женитьбы, но как бедная девушка сделалась жертвою разных интриг, то статс-секретаря женили на молодой, но богатой вдове Арматия».

Меж тем, незадолго после заключения мира Феодосий II скончался (28 июля 450 г.), оставив после себя одну дочь. Сестра его Пулхерия, способствовавшая ему мудрыми советами, принуждена была приняться за кормило правления. До сих пор ни одной женщине не удавалось править Империей, и потому, будучи исключаемая от правления, решила избрать себе супруга в генералитете. Выбор пал на Марциана, человека низкого происхождения, но заслуженного. Атиллы, по получении известия о перемене в византийском правительстве, отправил в Константинополь посла с требованием, чтобы новый император подписал условия трактата с его предшественником, в силу коего Империя должна была платить России значительную ежегодную дань. (Гонория, сестра западного императора Валентиниана III, девушка влюбчивая, что-то напроказничала. Она была принуждена оставить свой двор и отправиться к византийскому, где принята была довольно хорошо снисходительным Феодосием. Впоследствии, возвратясь в Италию, как-то вошла в любовные сношения с Атиллою, коему, обещав руку свою, прислала нежное письмецо с обручальным кольцом.) Король, в

то самое время, когда отправлял посольство к Марциану, отпустил другое, вместе с кольцом к Валентиниану, с требованием приданого, по его мнению, состоящего в каких-либо областях. Император весьма естественно отвечал, что княжна не может выходить за него замуж, ибо имеет уже супруга; сверх сего, она не имеет никакого права на наследство имперских владений, от коего, по государственному постановлению, женщины исключаются. Сей отказ предуготовлял разрыв и с Западною империею. Впрочем, посольство Аттилы, по-видимому, было только политической диверсией, клонящейся к разрыву, которого причиною было другое, по-видимому, обстоятельство.

Франция в это время была разделена между тремя господами; Юго-восточная принадлежала римлянам; Юго-западная готам, которые, для отличия от зашедших в Мизию и Иллирик, называемы были у писателей *westrogothi*, *wisigothi*, западные готы, – столицей их был Тулуз; Северо-западная же, или вообще Северная, была во владении вандалов, по реке Лоаре до Сены.

Колыбель и древние жилища сего воинственного народа есть Старая, или Великая Вандалия, т.е. обширная Балтийская Славония, т.е. германская Украина, или жилища славян в Германии (т.е. нынешнее Саксонское королевство, прилежащие к нему с запада герцогства, все прусские владения, большей частью Ганноверское королевство, Голштейн и Мекленбургские вел. герцогства). Сей народ, слышший у римлян под общим нарицательным именем сперва венедов, а после вандалов, по единогласному свидетельству всех писателей, начиная с Юлия Цесаря до Авентина, т.е. до Карла Великого, или даже до X столетия, был могущественнейшим и первенствующим народом Германии. История его темна. Впрочем, из сохранных о нем свидетельств чужестранных слишком ясно видно, что он был финикиянами или карфагенянами древней Европы и был, так сказать, классическим народом варварского Севера.

Итак, вандалы владения свои распространяли не только сухим путем, но еще и морем. Все почти берега Северной Европы им принадлежали. Римляне, под предводительством Юлия Цесаря ступив в страну, которой собственного назва-

ния не знали и которую прозвали Галлиею, т.е. Петушьей страной, застали большую часть ее, особенно примыкающую к Северному морю, во владении сих вандалов. Она была отчасти заселена вандалскими колониями, Бог весть с коих пор туда переселенными. Известно, что Цесарю ничто не могло противостать, и сия Петушья страна сделалась почти вся римскою областью. Впоследствии римские императоры посылали в сию страну верховными военными и гражданскими генерал-губернаторами перевейших своих Ермоловых и Паскевичей. Чиновникам, туда отправляющимся, и всем другим лицам даны были особые преимущества. За ними последовали многие колонии.

Итак, сия Петушья страна кроме неизвестных нам коренных ее жителей населена была и вандалскими, и итальянскими колониями. Первые сделались подвластными сим последним. Между тем как все окружные народы уступали римскому оружию и покорились господству Италии, вандалы сделались непримиримыми ее врагами. Между тем как ленивые народы Малой Азии, Востока, Египта, Африки беспечно покоились под римскими орлами до позднейших времен, жители Руси и Вандалии не переставали покушаться на расстройство могущества Рима. Сочувствие между сими двумя сродными народами пробегало подобно искре электрической, и римлян беспрестанно видишь в войне *cum scythis, sarmatis, dacis, quadis, marcomanis*, или *marahannis* (моравитянами и чехами), а там *cum germaniae rorulis*. Вандалы действительно не переставали покушаться на возвращение своих владений в Петушьей стране. Они беспрерывно подстрекали свои поселения к возмущению; эскадры их весьма часто появлялись у берегов Галлии, а сухопутные нападения совершались через Рейн. Римляне принуждены были удвоить свои гарнизоны в сей стране. Насилу провладели они ею два, три столетия, при беспрерывном караульничании и кровопролитном защищении.

В IV столетии ожесточение нападений по всей римской линии возвысилось до высочайшей степени, и тогда загремело страшное общее имя готов, которое римляне прилагали

упомянутому сильному народу Германии вместо старинных прозвищ. Тогда большая часть Петушьей страны возвращена власти Великой Вандалии. Сия страна, вечная ненавистница и соперница Рима, взлелеяла, подобно Карфагену, многих Аннибалов. Воеводы и адмиралы ее в то же время бросились на Испанию, коей южную половиною завладели, и до тех пор владели, пока не принуждены были уступить с лишком 300 лет спустя арабам. Сия страна еще и ныне называется Малою Вандалиею, *Vandalisia*, или, по нынешнему произношению, *Andalusia*. Отсюда-то флот вандалский перевез своих героев и на берега Африки, под предводительством бессмертного Генсерика, основавшего, как говорится просто, Карфагенское, или Африканское королевство вандалов (а в самом деле такое, какое имеют ныне англичане в Гвинее и Конго, у западных берегов Африки, т.е. просто африканские владения Вандалии).

Вот те могущественные готы, которым удалось было поработить и Россию, как мы уже видели выше. Это была высочайшая степень их могущества. Возвращенная волжанами самостоятельность обширной России несколько унизила оное; Алариков, Радогостей, Ерманариков Вандалии более не стало, и сия держава с восшествия Аттилы на престол России принуждена была сделать несколько шагов назад. Один только еще блистал в Африке Генсерик, отважный солдат, искусный моряк, политик проницательный. Генсерика-то и почитал Аттила более всех тогдашних государей; с ним-то он имел тесные сношения и нелицемерную приязнь. Кажется, что русский царь в знак своего к нему уважения одного из своих сыновей наименовал Генсериком по его имени *Διγσίριχος*, – пишут греки, а ошибочно и *Δενυρίιλ*.

Вообще внутренняя история Вандалской, или Готской, державы весьма темна. Сей народ мелькает в летописях, писанных итальянцами, только во внешнем своем отношении. Мы еще не имеем ясного понятия о взаимном политическом отношении между собою всех заграничных владений Вандалии, и где было именно кормило их верховного правления; были ли правители сих больших частей настоящими королями, как во-

ображали себе или именовали их итальянцы – *reges* (от *rego* – правлю), или просто феодальными правителями, *feudales*, или просто чиновными верховными начальниками, наместниками, *locumtenentes reges**? Когда сии страны отпали от старой Вандалии? Подобно ли Североамериканским Штатам, Мексике, или подобно Бразилии?

Вот величайшие и важнейшие вопросы и обстоятельства из древней истории Северной Европы; вопросы, на которые ученая историческая публика смотрела сквозь пальцы и зажмуренные глаза. Чрезмерное пристрастие германских изыскателей к своему племени ослепило их до того, что сего вандальского великана, царствовавшего в Германии со времен Юлия Цесаря до X столетия, они совершенно не видят. Везде, на каждом шагу грезятся им одни их предки; о славянах, своих соседях, они ничего не знают, или, лучше, не хотят знать. Сам Шлецер, желавший казаться проницательнее и правдолюбивее всех, в своих понятиях о северной истории вкратце очертил обширную Германскую Славонию в таком виде, в каком она находилась в IX и X столетиях и уже приближалась к своему падению, луча же на древность сей упадающей державы он не бросил, как проницательный ум, никакого.

Впрочем, хотя прямо и публично никто (из лучших писателей) не осмелился утверждать, что вандалы в Германии были немцы, однако все единогласно, и сам Шлецер, утверждают, что вандалы в Петушьей стране, коих впоследствии стали именовать франками, были настоящие дайчеры! То же и о готах!

Я далек от того, чтобы, подобно сим ученым, наоборот, приписывать все славянам, как историк, я не принадлежу ни к одному племени земного шара. Признаюсь, что в сей готской или общей германской кутерьме скрывается и значительная часть дайчерских племен; надобно только попотеть в изысканиях, чтобы определить им надлежащее место и в истории, и в Германии. Я здесь изложил только общие черты, или главное основание; прочие же подробности объяснит дальнейшее исследование.

---

* Местными правителями (*лат.*). – *Прим. сост.*

В то время (448 году) скончался верховный правитель вандальских владений во Франции, или, может быть, настоящий монарх Вандалии, Клодовой или Кладовой (Cladoveus), оставя двух сыновей Мироваго (Meroveus) и Кладовлада (Cladovaldus, Klodobaldus, – пишут латинцы). Римскими же владениями в Галлии управлял храбрый Аетий.

Аетий родился в Доростоле, т.е. Силистрии. Отец его был правителем сей области; после возвышен на степень генерала от кавалерии (magister equitum) и был, наконец, губернатором Африки. Аетий в детстве послан был в числе римских аманатов к Аларику, королю готов. Незадолго возвратясь оттуда, отправлен был тем же в Россию ко двору отца Аттилы, с которым вместе и воспитывался. По возвращении на родину служил отечеству с похвалою. Он был проникателен, предприимчив, деятелен, и вообще играл великую роль в бурных обстоятельствах сего времени. Он знал лучше всех характер Аттилы и образ его мыслей; живучи посреди державы, враждебной с Империею, он успел познакомиться с ея силами и выгодами; словом, он был один из полезнейших для Империи людей. Император предоставил ему место самое важное, требующее отменной деятельности и бдительности, – это было управление и защищение владений в Галии.

Аетий удержал успехи оружия вандалов, или аланов, в Северной Галлии и после борьбы заключил наконец с сим народом довольно прочный для Империи мир. Настала некоторая тишина. Изгнание готов из России сблизило вандалов на западе с римлянами. Успехи Аттилы на Дунае обратили на себя взоры всей Европы, и дружба между вандалами и римлянами сделалась еще тверже; молодой князь Мировой посещал Аетия и даже поехал было в Рим.

Между тем римский военачальник обратил полное внимание на Россию; он не забывал Аттилы и, как видно из записок Приска, вел с ним переписку. Впрочем, он старался воскресить и поддержать в римском дворе древний дух диктаторский, деятельный. Вдруг скончался Кладовой. Аетий раздул между его сыновьями раздор (это старинная римская политика) и, во-

преки правам наследства Кладовлада, помог взойти на престол младшему его брату Мировому, истинному приверженцу римлян. Междоусобие продолжалось недолго и кончилось тем, что претендент принужден был бежать. Это происшествие крайне тронуло Генсерика Африканского, врага римлян. Кладовлад прибыл ко двору Аттилы.

Тогда-то началась деятельная посольская и курьерская беготня между дворами константинопольским, римским, карфагенским, русским, тулузским, орлеанским. Главная квартира Аетия была в Арелате, или Арле (Arles), в Южной Франции. Мы видели из Приска, что в то самое время, когда посольства обеих Империй спешили ко двору Аттилы, там уже находились послы, как говорит Приск, других варварских народов; но это было два или три года тому назад. (Вот опровержение тех исторических грамотеев, которые воображают себе, что гунны, как дикий народ, нападали внезапно и без всякого объявления. Вот причина, почему Аттила не веселился на дипломатическом обеде, как замечает Приск. Вот причина, почему он, оставив войско в Малой Валахии, спешил в столицу. В то время, как распоряжал он кампаниею Задунайскою, не только в его голове, но и на самом Западе политические дела приходили в брожение.) Теперь они еще усилились, а наипаче по поводу перемены правительства в Константинополе и вандальских беспокойств. Римский двор мог опасаться Аттилы, а Мировой мог предвидеть, какое следствие может иметь ходатайство Кладовлада; следственно, обе стороны поспешили заключить оборонительный союз, к которому тотчас же приступил и двор тулузский (король Теодорик).

К сему-то союзу соединился и император византийский и, ободрившись, тем решился отказать Аттиле в подписании постыдного для Империи Феодосиева трактата. Стечение обстоятельств было такое, что Аттила отнюдь не мог предупредить сего страшного всеобщего союза. Ни одна из дипломатических его диверсий не могла расстроить оного. Прибывшие к нему в последний раз чрезвычайные посланники Аполлоний, пэр Империи, от византийского, и Кассиодор, государственный канцлер, в сопровождении Карпилиона, сына Аетиева, от

римского императора, принесли ему пустой церемониальный, а в самом деле отказный ответ. Это произвело неприятное впечатление на душу сего необыкновенного человека; его лицо помрачилось, и по всеобщему сочувствию стал помрачаться и весь политический горизонт Европы; во всех углах ея бросились острить губительное оружие.

Все три обширные русские племена по мановению своего грозного царя немедленно выставили под его знамена весь лучший цвет своего юношества. Клиент его, князь Кладовлад, должен был собрать своих приверженцев в Балтийской Славонии и последовать за своим покровителем.

Сидоний, епископ Арверийский в Галлии и современник Аттилы, говорит, что сверх исчисленных племен Руси за Аттилою последовали и руицы, гелоны, белоноты, герулы, т.е. балтийские, или померанские славяне, иначе, жители старой Вандалии. Это сочувствие сей страны с Аттилою не иначе можно объяснить, как только тем, что сии племена приняли сторону Кладовлада, и наоборот, присутствие сего претендента при дворе Аттилы объясняет причину присоединения балтийцев к его войскам.

Ударил кровавый час, и Аттила с отборным войском, подобно всеразрушающей грозе, понесся к пределам Галлии, оставив обсервационные корпуса в Малой Валахии и Паннонии для прикрытия тыла походной армии. Между тем, в Северной Италии, ПиEMONTE, Савоие римские войска постепенно собирались в корпуса и проходили в Южную Галлию.

Король дорогою взял приступом знаменитые города Разраций (Rauracium), Виндониссу и Аргентоварию. На их развалинах построены впоследствии Базель, Виндиш и Колмар. Отсюда по Рейну обратился к северу в Алзас. Ничто не могло ему противиться; Страсбург, Спейер, Вормс приняли его в свои стены как грозного победителя; засим взят Маинц (Maintz, Maence), Туль, Диез, а 7-го апреля, в день Светлого Воскресения, и Мец, в коем побито много жителей.

Невозможно следовать, продолжает Лебон (Hist. de Bas Empire, XXXIII), за всеми движениями Аттилиных войск.

Знаем только, что обширные области между реками Рейном, Мозелем, Марною и Сеною были театром войны, на котором защищался храбрый Мировой, но нигде не мог устоять; Тонгр (Tongres), Реймс, Аррас взяты приступом, Трев (Treves), некогда самый цветущий город Галлии, опустошен в пятый раз. Здесь между прочим один из разъездных отрядов схватил в плен супругу Мироваго и сына его Хилдерика, коих, однако, вандалы освободили, напавши на их конвой.

После сих первых успехов своего оружия Аттила направил свои военные действия на северо-западную часть нынешней Франции, к реке Лоаре. Жители Парижа при приближении неприятеля разбежались бы, если б не удержала их св. Женевьева, обещая им, что неприятель отнюдь не коснется их города (тогда только что уездного). И действительно, Аттила главный корпус своих войск, прошедший мимо сего городка, подвинул к осаде тогда столичного Орлеана (Colonia Aurelia, Aurelianum). Опасность уже угрожала готам. Мировой убежал с остатками своих воинов к союзникам. Воинские соображения и движения Аттилы столь были быстры и решительны, что союзники, поражаемые внезапными ударами, не могли опомниться. Теодорик, повелитель готов, струсил и в то самое время, когда надлежало ему двинуться вперед для приостановления дальнейших движений неприятеля и поддержания ослабевавшего Мироваго, отправил нарочного в главную квартиру Аттилы с просьбою о перемирии. Король принял оную, ибо надеялся заключить мир по своему желанию и расстроить союз неприятелей. Но меж тем не дремлил Аетий; он дал повеление римским войскам, шедшим из Савойи, Пиемонта и Милана, усиленным маршем поспешить в Южную Францию и соединиться с сосредоточиваемыми в оной корпусами. Медленность в движениях готов и нерешительность тулузского двора заставили Аетия отправить к оному с убедительными представлениями генерала Авита для возбуждения его к деятельности; Мировой также возбуждал своих к общему восстанию для изгнания из своих владений врага (итак, Аттила не мог воспользоваться благоприят-

ным случаем); все жители Франции и отчасти Нидерландов вооружились, все стремились в одну огромную массу.

Вообще силы союзников превосходили числом войско Атиллы, отчасти пострадавшее в предшествовавших сражениях, а отчасти уменьшенное определением из оногo в разные места гарнизонов. Главною целью движения союзников было освобождение Орлеана, столицы Мироваго, от осады. Но уже было поздно, ибо город сей, несмотря на его укрепления, взят был приступом и снабжен неприятельским гарнизоном. По соединении сил своих союзники решились действовать наступательно. Один из лучших их подвигов было обратное взятие Орлеана; передовый их корпус, коему жители отворили тайно ворота, вошел в город и истребил почти весь русский гарнизон. С сего времени стали происходить частные небольшие перепалки. Между тем, обе стороны, соединяя свои войска в одну массу, предвидели необходимость полного и решительного сражения. Наконец Аетий решился дать генеральное сражение. Обе стороны сблизились на полях Шалонских (около города Шалона). Перед сражением Атиллы, собрав офицеров своих войск, произнес к ним сильную речь; он предоставил себе лично командовать центром; правое крыло препоручил Ардарику, а левое Валамиру (Валадимиру). Между союзниками левым правил сам Аетий, правым король Теодорик, а центром Сангикан, наместник Мироваго, со своими вандалами (аланами). Никогда Европа не видала, говорит один историк, двух войск столь огромных, готовящихся к взаимному поражению; здесь-то сосредоточился Северо-Восток, чтобы сразиться с Юго-Западом; властолюбию одного человека приносились в жертву целые народы.

История не оставила нам подробностей о сем великом и кровопролитном сражении; частные обстоятельства и общий ход его в таком замешательстве должны были остаться в неизвестности и для самих участников в оном. В числе множества убитых со стороны союзников находился и храбрый король визиготов Теодорик; сын его Торисмонд, раненый в голову, упал было с лошади; но спасен был отважностью своей дружины; Аетий чуть не попался в плен. Сеча прекратилась уже поздно в ночи.

Римские (латинские) и готские современные писатели не признаются, на чьей стороне осталась победа. Вообще думают они, что сражение кончилось *dubio Marte*, т.е. без победы с той или другой стороны. Некоторые только проговаривают сквозь зубы, что победа осталась на стороне союзников, заключая из того, что Аттила после сражения поскакал доночевать в стан и, следовательно, будто первый оставил место сражения. Что совершенно несправедливо, ибо: 1) так говорят враги его. Беспристрастный судья потребует свидетельств от обеих сторон. С нашей стороны нет ни одного писателя; латино-готским же вольно было говорить, что им хотелось. 2) После сего сражения сыны Руси не только что не отступали, но преследовали Аетия и его римлян до самого Рима. Здесь следствия сражения, а не пристрастное вранье неприятельских летописцев есть истинное свидетельство, что Аттила был в полной мере грозным шалонским победителем.

Что было следствием сего сражения? Западный союз разстроился, чего именно и добивался властолюбивый монарх обширной Руси, желавший тем лишить римлян подпоры. Старик француз Le Beau в своей *Истории византийской* говорит, будто сам Аетий разстроил союз после сражения, отпустив готов и вандалов восвояси, из опасения, говорит он, чтобы они не восстали против римлян и не уничтожили их владычества в Галии. Но это мнение есть сущий вздор, ибо поле сего сражения Аттила не думал о перемирии с римлянами, и наступала самая критическая минута для Империи, которая теперь более всего, чем когда-либо, нуждалась в помощи своих союзников.

Смерть Теодорика, управлявшего своим народом со славою в продолжение 32 лет, лишила готов бодрости и охоты продолжать борьбу, склонившуюся на сторону неприятеля. Возникло замешательство между ними и насчет наследства престола. Несчастный король оставил дома четырех сыновей: Фридерика, Еврика (Юрика, Ерика, Иврика? *Euricus* – называли его латинцы), Ротемира (не лучше ли Радимира? *Rotemir*) и Иммерика. Двое же, Торисмонд и Теодорик, сопутствовали королю-отцу.

Торисмонд стал думать, по-видимому, более о наследстве, чем о продолжении войны. Аттила воспользовался сим случаем; с его согласия Торисмонд провозглашен королем готтов; за то он должен был подписать мирные условия, предписанные грозным победителем, и обратиться восвояси. То же самое случилось в политическом отношении и с вандалами. Неизвестно, куда девался претендент вандальского престола во Франции Кладовлад, – убит ли на сражении, умер ли, или может быть, пренебрежен Аттилою, или вознагражден чем-либо; подробности вандальской современной истории для нас не сохранены. Известно, по крайней мере, что Мировой (Miroveus, Meroveus), согласившись на требования Аттилы и перешед от римлян на сторону России, остался на престоле, на коем царствовал довольно хорошо еще 10 лет. Потомки его под именем Мировичей царствовали с 458 по 754 г. Черноволосые писатели итальянского происхождения или учения называли сей дом как могли; вандальское *Мирович* они писали в единств. числе *Merovix*; род. – *Merovigis*; множ. – *Meroviges*; но по своей природе они любили говорить в нос, для этого именно нужна буква *-n-*, которую они и всунули в это слово, и как произошло *Merovinges*, *Merovingi*. Заметьте, что во время Аттилы сей народ называли вандалами и аланами; сей же самый царственный дом и народ впоследствии переименовали во франков. Но обратимся к Аттиле.

После Шалонского сражения и поражения римляне, лишенные союзников, поспешно отступили к югу и к пределам Италии; союзные россы понеслись за ними по пятам. Кажется, что не было лучшего способа и случая воспользоваться вполне Шалонскою победою и расстроеным союзом держав. Шалонское сражение произвело весьма неприятное ощущение в римском дворе и Сенате. Аетий на плечах вел врага во внутренность Империи, чрез Савойю и Пиемонт. Быстрые движения Аттилы не давали и духу римлянам собрать новые силы. Император Валентиниан немедленно отправил послов в Цареград для испрошения немедленной помощи, вследствие чего пехота и конница византийская, расположенная в Македонии, Фесса-

лии, Албании, Сербии, усиленным маршем поспешила через Кроацию для соединения с армией Аетия в Краине и около Милана. В Южной же Италии даже и ветераны, доживавшие свои лета в гарнизонах, не пощажены.

Между тем Аттила не допустил римлянам собраться в большие массы. Он дал повеление дунайской своей армии занять Паннонию и действовать на Кроацию и Иллирик для удержания войск византийских; другому корпусу препоручил выгнать римлян из земли Словенской, или Адриатической Украины (Австрии, Штирии, Каринтии, Карниолии, Краины), сам же на пути от Шалона взял многие укрепленные места, между коими достойнее всех замечания *Augusta Vindelicorum*, что ныне Аугсбург в Баварии. Перешед через Юлиевы Альпы в Италию, обложил великий знаменитый торговый укрепленный город Аквилею, который после трудной осады взял штурмом, ограбил и разорил и который прежде (52 года тому назад) ни знаменитый Аларик, ни Радогост взять не могли. Вслед за сим взят приступом же и второпрестольный град Империи Милан (*Mediolanum*), за сим города: Конкордия, Алтин, Падуа, Виченца, Верона, Брешия, Бергам, Павия; словом, отнята вся Северная Италия, после совершенного покорения коей войска Аттилы направили свое действие на Рим.

Император пал в совершенное уныние, когда ему донесли о приближении передовых неприятельских отрядов. Предположено было защищаться до крайности; все двинулось, и стар и млад, к защите столицы. Между тем Император отправил в придвигаемую главную квартиру Аттилы чрезвычайных послов из первых чинов Империи: Авиена, бывшего два года тому назад консулом государства, Тригетия, бывшего генерал-губернатором в Африке, а тогда правителем дел Италии (*Praefectus Praetorio Italiae*), и Льва, епископа Римского, для испрошения перемирия и для заключения мира. Инструкция дана была им очень горькая для римлян; ибо надлежало не переговаривать, а умоливать о прекращении кровопролития и согласиться почти на все, предписываемое победителем. Аттила принял чрезвычайных послов довольно благосклонно и согласился на

перемирие. Несмотря на сие, его армия подошла под самые стены Рима в намерении, если нужда потребует, обложить оный и расположилась лагерем в виду Повелительницы мира, которая с тех пор, как гуси освободили ее от Бренновых пролазов, своевольно и самовластно решала судьбу народов старого мира. Но теперь какая унижительная для чести *Senatus Populique Romani* картина показалась взорам любопытных с городских стен! Обширные станы россос донских, днепровских и дунайских! Отчаяние императора достигло своей меры; он согласился на все требования победителя, между тем как граждане с ускоренным биением сердца со стен ожидали роковой минуты. Вдруг заметили они движение неприятеля, несущегося по большой битой дороге прямо к воротам столицы. Это был русский царь, сопровождаемый воеводами своими и кавалерийским отрядом. По приближении его отворились врата Рима, из коих вышел ему навстречу Лев епископ в сопровождении всего римского духовенства и... вместо ключей города поднес победителю Скипетр обладания миром (*Orbis dominatus*), завитый в мирный трактат, постыдный для имени потомков Цесарей и Сципионов.

Замечательно, что летописцы-монахи западные, представляющие себе Аттилу как простого наездника, сей процессии Льва Римского епископа и его латинской речи приписывают прекращение войны с Италией и снятие осады Рима. Но еще замечательнее, что этот вздор повторяется и поныне во всех почти исторических сочинениях, да и нередко учеными людьми.

До нас не дошли все условия сего мира. Главнейшие из них были: римляне уступили Руси всю Паннонию (Адриатическую Украину), Словенскую землю и Кроацию. Итак, сии бедные словене, стонавшие под игом итальянцев со времени Августа, наконец освобождены; Аттила сделался их не владыкою, а покровителем и благодетелем; как славянский патриот, он учредил между ними народное правление и законы; всякая их область стала иметь своего природного словенского князя, который, однако, княжил в некоторой зависимости от болгаро-русского монарха и был обязан быть вечным другом и союзником России. Итак: 1) Италии с севера назначены естественные

древние ее пределы; только остались за нею Савойя и южная часть Франции. 2) Империя обязалась платить российскому двору ежегодную подать.

Словене со времени Аттилы, в отношении их гражданского бытия начав существовать политически, оживают и для истории, которая прекращается вновь с их политической смертью, нанесенной им Карлом Великим, в 780–800 годах. Сия история для нас большей частью затеряна и находится только в отрывках у разных иностранных писателей. Прокопий, Иорнанд, и Менандр первые стали именовать сей освобожденный и некоторым образом оживленный народ собственным его именем: словенами (*slavini, sclavini* и проч.). Военные деяния словен, преимущественно в сообществе с болгарами, против византийцев были причиною, что их имя стало быть почаше повторяемо и наконец вошло в общее употребление. Все писатели до Карла Великого имя словен понимали правильно и определенно, т.е. метили оным на жителей Адриатической Украины. Так, например, если читаете где-либо, что на войне аваров, т.е. болгар, около 580–600 году с византийцами находилось в аварской армии столько и столько тысяч *slavinorum, sclavorum, sclaviniorum* (*Σθλαβοι*), то не думайте Бог весть о каких славянах, но об упомянутых словенах, которые со времени присоединения своего к Руси обязаны были выставлять ей вспомогательный корпус. Итак, и авары, и словене были славяне, однако между собою несколько различные. Вот настоящее и единственное значение имени славян в византийских летописях.

Итак, война сия произвела значительный переворот в политическом относительно положении европейских государств. Западная империя попала в критическое положение, из коего не могла выйти и посредством сильных оборонительных союзов с соседями; политика Аттилы и Шалонское сражение лишили ее сего средства; Торисмонд и Мировой пристали к стороне тех владетелей, которые плясали по воле Аттилы; итальянская кампания присоединила к ним и императора Валентиниана.

Условия Шалонского мира с дворами тулузским и вандальским не замечены летописцами; приобретение Словен-

ской земли было только со стороны римлян. Здесь же за достоверное можно принять, что Атила подобным образом воспользовался и Шалонским миром. Ему уступлена, по силе онога, Моравия, Богемия и большая часть Сорабии (ныне Саксонии). Неоспоримое сему доказательство есть в том, что авары впоследствии действительно собирали подати с сих стран; явного же их завоевания сих земель, кроме похода Аттилы, не видим. Походы же аваров в Германию, о коих упоминают западные летописи, были не для завоевания упомянутых стран, а для защиты их против франков и балтийцев, старавшихся отнять оные обратно.

Тогда вся тяжесть Руси сделалась в полной мере ощутительною для византийского двора; оборонительные его меры не ручались вполне за его безопасность; он почел за необходимость подкрепиться дружелюбием с Персиею. Но Бог весть, чем бы дело еще кончилось, если бы не прекратилась внезапно жизнь грозного завоевателя (454 год) после возвращения из Италии. Празднуя свадьбу на новой красавице и слишком хлебнув (по-славянски) горячего напитку, ночью в крепком сне задохся он от сильного кровотечения носом. Так скончался великан, стоявший одной ногой на Волге, а другой на Рейне; державший одной рукой вершину Кавказа, а другой Сен-Готарда. О Парки! Почему вы не позволили ему поработить весь род человеческий? Он похоронен с великою военною церемониею. Похороны кончились великолепным пиршеством, на коем пили и ели донельзя больше, «это было обыкновение народное у Гуннов, – говорит старик Le Beau, – похороны и печальную процессию заключать пиршеством»⁴¹.

Между народными пиршествами у карпато-россов первое место занимают похороны. Всяк имеет право явиться на пиршество. Обыкновенно усопших провожают в обетованную землю поутру; провожатые, возвратившись с кладбища, находящегося большею частию в погосте, начинают пир, продолжающийся до самой ночи. И после стола не престают пить, пока достаает силы и чувств. Сей похоронный пир называется у них *комашней*. Для комашни хозяин дома обык-

новенно закаляет какое-либо животное, более же всего барана или быка. Очевидно, что это обыкновение осталось у них от язычества; следовательно, из самой древности. Сей пир в правописном отношении есть то же, что пиршество при похоронах Аттилы.

Не стану повторять о душевных и телесных качествах сего монарха. Последние изображены разными писателями; первые же подразумеваются сами собою. Великие деяния могут быть производимы только великим умом и великою душою. Здесь прибавлю только три о нем анекдота.

Намереваясь обложить один укрепленный город (кажется, Троя, Troyes) во Франции, лично отправился он в сопровождении конной команды для осмотра укреплений. На одном из бастионов заметил человека, показавшегося ему не простым и не солдатом; это был епископ города. Прискакав поближе, он спросил его, кто он таков? Незнакомый отвечал: «Я слуга Божий». Король тотчас подхватил: «А я бич Божий, посланный для наказания злых слуг». Епископ, преклонивши главу свою, отвечал: «Твори же, как тебе велено, и накажи меня». Сей ответ так понравился королю, что тотчас велел оставить город с тем, чтобы горожане обещались услужить кое-чем проходящей его армии.

После взятия Милана на одной из лучших улиц оно выставлена была карикатура, на коей римские императоры представлены были на троне, пред ними же на коленях иноплемменные короли, высыпавшие из мешков золото к ногам императоров. Аттила велел снять картину и перерисовать наоборот – себя на троне, а обоих императоров на коленях с золотом, высыпавшим к его ногам.

В одном из итальянских городов какой-то поэт поднес ему стихотворение, в коем величал его божеством. Король столь сильно рассердился, что осудил его на сожжение за то, что осмелился сравнять его с богом. Когда несчастного привели к роковому костру и уже ставили на оный, – «Отпустите его! – вскричал Аттила, – чтобы, по крайней мере, не перепугать и хороших поэтов». Слова золотые!

Из сих и других замечаний видно, что Аттила был grand и bel esprit, несмотря на то что боязливые внуки и чада побежденных им итальянцев прозвали его ужасным тираном и бичом вселенной и что за ними и по сию пору повторяют исторические крикуны. Так ворчали про него латинцы или готы. Почему же никто не спрашивает, как отзывались о нем болгаре, россияне и прочие славянския племена? Аттила любил свой народ душевно; всякий его подданный имел к нему доступ; правый имел в нем покровителя. Народ, в коем и юноши возвращающемуся спешили на встречу, как к общему отцу великого семейства, обожал его. Он любил народный отечественный язык, любил народные песни; был снисходителен ко всякому, если того позволяли обстоятельства; старался о народной промышленности и торговле; служил примером воздержности, умеренности и простоты; словом, Аттила был велик во всяком отношении, и едва ли кто по сию пору наполнил собою всю сферу его величия. О, историки! О, Аттила, почему ты не велел сжечь хотя одного худого историка?²⁴²

ДРЕВНИЕ И НЫНЕШНИЕ СЛОВЕНЕ В ПОЛИТИЧЕСКОМ, НАРОДОПИСНОМ, ИСТОРИЧЕСКОМ И РЕЛИГИОЗНОМ ИХ ОТНОШЕНИИ К РОССИЯНАМ

Ныне словене занимают нижнюю часть Штирии (*Untersteiermarck*) числом более 300 000; нижнюю часть Каринтии (*Unterfurnten*) в 100 000 (верхние части сих областей заселены немецкими колониями, а отчасти онемечены); в Краине (*Krain*) более 350 000; а в западных смежных графствах Венгрии (Салийском и *Vas-Vag'sком*) более 50 000: всего более 800 000. *Словенами* (*slowentzi*) называют себя жители Штирии, Каринтии и Венгрии; *краинцами* (*kraintzi*) – жители Краины; язык и тех и других составляет одно и то же наречие. У краинцев, однако, есть два оттенка в выговоре: нижнекраинцы сбиваются на *-и* вместо *-о-*, например: *kust, slubust, dobruta, si vidil mja mater, pshenizu na prudaj pejlem* вместо *kost, slabost, dobrota, si vidil moja mater, pshenizo na prodaj pelem*; напротив, верхнекраинец слишком к *-о-* привязан, которыми часто *-и-* заменяет, например: *Proti sonzo, kaj to je* вместо *Proti sonzu, kaj tu je*. Любляна (*Laibach*) есть точка разделения сих двух оттенков.

Вторую отрасль словен составляют *словаки*, в Северо-Западной Венгрии сплошь, а в некоторых жупанствах колониями, до 1 000 000. Язык их составляет второе словенское наречие и склоняется к чешскому и польскому. Немцы первых называют нарицательно *winden*, а последних собственным их именем – *slowaken*.

По тождеству имени и словен и словаков я причисляю их к одному племени *словен*: оба они разделяются Дунаем. Сюда не принадлежит изыскивать, почему словаки несколько удалились в своем наречии от словен и приблизились к чехам: об этом более кстати будет в другом месте. Мы придержимся, однако, собственно так называемых *словен*.

Имя *краинцев*, которое приняла часть словен, не есть племенное, а местное, географическое и совершенно в том же смысле, в котором и не один русин называет себя *украинцем*. Иные производят слово это от *край*, т.е. страна, другие – напротив, от *крайний*; Русь и Польша называли те только области Украину, которыми *оканчивалось* отечество со стороны иноплеменников, татар и турков. Точно так же и южные словене, примыкая с одной стороны к итальянцам, а с другой к арнаутам, назвали свою пограничную страну *Краиною*, или *Украиною*.

Имя Краины столь давнее, сколь давно у словен и самопознание, т.е. *древнейшее*. Римляне эту самую Краину Словенскую называли *Карнией* (*Carnia*), а жителей – *carni*, *carnos*.

Если бы в нынешнем 1834 году нужно было назвать часть упомянутых стран и самое Иллирийское королевство по имени их обитателей, то должно бы называть их *Словениею*, *Slovenenland*, *la Slovenie*. Это имя россиянину, чеху, поляку, сербу, болгарину так же чуждо, как и имена: *татарин*, *калмык*, *немец*, *грек*. Назовите русского мужика *словенином*, увидите, что вам скажет. Наречие словен отличается от всех других славянских наречий; словенин не есть ни чех, ни серб, ни поляк, ни кроат – ни по имени, ни по наречию, ни по одеянию, ни по нравам, ни по истории.

О словенской литературе кое-что собрал Шафарик¹. Первые книги на словенском языке стали выходить со времени Реформации, а именно Трубер печатал несколько книг в Тюбингене с 1550 года, в числе коих и Новый Завет. Вскоре издал и *Юрий Далматин* свой перевод Св. Писания на так называемом им *pravi slovenski jesyk*.

Так как издания Труберовы и Юрия Далматина ныне довольно редки, то в исходе прошедшего столетия *Georgius Japel*

и *Blasius Kumerdey* сделали новый перевод Св. Писания, который и напечатали с одобрения комитета, составленного из ученых духовных лиц. По мнению словенских ученых, язык Труберова перевода не чист, будучи исполнен германизмов; Юрия Далматина, напротив, упрекают в пристрастии к формам нашего церковного языка. Надлежало иметь перевод на настоящем, народном словенском наречии, на котором издан перевод *Япла* и *Кумердея*².

Кто пожелает ознакомиться подробнее со словенами, тот пусть заглянет в разные сочинения, относящиеся к сему племени³.

Таким образом, предоставив любопытным искать дальнейшие народописные и языкописные сведения о словенах в исчисленных и других им подобных источниках, мы теперь обратим внимание только на их историю, которую изложим вкратце, *отдельно от истории* всех прочих славянских племен, потому что этим способом удобнее всего можно будет выказать весьма важные ошибки и несообразности, допущенные многими учеными в древней истории вообще всех остальных славянских племен.

Краткая история словен

Исторически известно, что вся Штирия, Каринтия, южная часть Австрийского герцогства по самый Дунай, часть Тироля и вся Задунайская Венгрия еще в IX веке были населены *словенами*. Таким образом, границы *Словении* были с севера – Дунай; с востока – Дунай и кроаты; с юга – Адриатическое море, от Фиуме по Венецию; граница с запада – от Венеции прямо к северу через Тироль и Баварию по реке Изаре до Дуная.

Участь сего племени славянского, большею частию сокрытого в горах, была постоянное иго. Его разделить можно на 4 эпохи, смотря по народам, коих влиянию оно подвергалось.

Первая эпоха *Кельтская*, т.е. в которой они покрываются кельтским мраком, или молчанием.

Вторая *Римская*, т.е. под владычеством римлян, от Августа по Аттилу, т.е. с Р.Х. по 450 г.

Третья *Русская*, с Аттилы по Карла Великого, т.е. с 450 по 800 год, в коей подвергались владычеству так называемых гуннов, или аваров (болгар), собственно жителей Руси.

Четвертая *Франкская*, а вскоре *Немецкая*, от Карла Великого до нынешних времен.

Словене под владычеством римлян

Завоевание всей Словении произошло в царствование имп. Августа. Римляне ее разделили на *Noricum* (северная гористая Словения, прилежащая к Дунаю); *Pannonia* (вся плоская восточная часть Словении, от гор к востоку по Дунай; сюда принадлежала отчасти и Кроакия); и *Rhetia* (северо-западная часть гористой Словении и Тироль). Наконец, в Словенской Украине, или поморской части Словении, – *Venetia*, *Carnia*, *Istria*; а в Баварии – *Vindelicia*.

1. *Venetiae*, *venetae*, венеты, бенетяне

Объясним эти названия областей Словении: юго-западная, прилегающая к итальянцам часть Словении называлась *Venetia*, а чаще во множ. *Venetiae*. Это была западная часть поморской Словении. Изыскатели ломали себе голову над значением и происхождением сего имени: бросались в лексиконы и нашли, что *heneti* (?) значит по-гречески *славные*, и тотчас отыскали перевод этому в слове новейшей фабрики *славяне*. Другие находили *генетов* в Пафлагонии; о *венетах* адриатических упоминает даже Геродот и другие писатели древности; к большей беде нашли еще *венетов* у южных берегов Балтийского моря; даже *венетов* отыскивали в Северной Галлии, где с ними воевал на море Цезарь. Тут-то пошли мнения и догадки об отношениях между венетами адриатическими, балтийскими и галлийскими! К тому на беду присоединилось еще и то, что немцы балтийских славян называют *wenden*, а словен *winden*. Тогда пошли догадки о тождествах, о переселениях!

Мы впоследствии увидим, что балтийские славяне (коих, однако, собственного, народного названия не знаем еще) столь же было отдельное от *словен* племя, как и россияне, и наречием и названием. Скажем, что слово *wenden* и *winden* в языке немецком совсем другого происхождения, нежели *veneti* у римлян.

Словене называли группу мелких островов, находящихся у их берегов, множ. числом – *Бенетки*. Излишне сказывать, что итальянцы *-b-* произносили и как *-в-*, и что *Бенетки*, название по языку словенское, они превратили множественным же числом в *venetiae*, тем более что и словене в косвенных падежах могли выражаться, например: *на Бенетцех*.

Само собою разумеется, что этим именем словенским соседние жители Италии (итальянцы) и мореходные жители Южной Италии (греки) называли не только сии острова, но вообще словенские берега: грек, по неимению *-b-*, должен был сказать *Венетие* (βενετιαί).

Сам словенин никогда не подумал бы отнести имя *Бенеток* на известную полость своей земли; но это очень естественно мог сделать и итальянец, и грек; он от своей точки мог сказать *Бенетские берега*, а посему и *Бенетская страна*, и *жители Бенетской страны*, короче – *бенетяне* (βενετοί, Veneti).

Мы знаем, что жители весьма часто получали название от имени местности; такое географическое название не должно ставить наравне с племенным, *собственным* именем народа, ибо географическое название всегда касается только одной небольшой части племени и никак не может быть принято в соображение об участи всего народа: в противном случае оно отвлечет изыскателя с настоящего пути. Это имя венетов к имени словен находится в таком отношении, в каком, например, имя *костромичей* к имени *россияне*. Если же именем *veneti* не обнимается даже вся масса словенского племени, то вообразите себе оплошность таких изыскателей, которые в имени *veneti* стараются отыскивать не только всех *словен*, но и все прочие славянские племена! Каковы же могут быть изыскания на подобном основании!

Мы не должны забывать, что *veneti* у древних говорится только в смысле греческом и латинском и что это имя сделалось *нарицательным* только части *словенского* племени; и что немцы, которые жили на северо-западе словен, не могли свое *winden* или *wenden* образовать из *veneti*, т.е. называть словен *бенетянами* в смысле греческом и итальянском, ибо не жили на их месте.

По разрушении Римской империи и имя венетов прекратилось, ибо и смысл его устарел в географическом лексиконе. Вскоре, однако, по одному случаю оно возобновилось. Этому подал повод Атиллы при походе своем на Италию; приморские словене бежали от него на *Бенетки* (так называлась и называется по преимуществу группа 60 с лишним островков). Поселившись там, впоследствии застроили эти острова, соединили мостами, и таким образом образовался город, который словене называют *Бенетками* же, а Италия – *Венецией*. Чехи называли сей город тоже *Бенатками*, а венециан – *бенатчанами* (*benatciane*) (см. *Даниил Велеславин. Nomenclator Bohemico-lat-graeco-germanicus. Pragaе. 1598*). Почему сербы и кроаты Венецию называют *Млетками*, объяснить теперь не могу. Турки Адриатическое море именуют *Benedik-denis*.

2. Carnia, carni, Краина, краинцы

Дальнейших жителей Словенского Поморья, живших сплошь по нынешней Краине, называли собственным их именем – *carni, carni* (краинцы), *carnia*. Со средних времен немцы Краину называют *Kürnten*, а из этого немецкого выговора образовалось новолатинское *Carinthia*: Малая Краина уменьшительно названа *Carniola* и *Carniolia*.

3. Istri, Istria. Истрияне

Третье областное название поморской словенской области, выдавшейся углом в море между Фиумом и Триестом, есть *Истрия*. Трудно определить происхождение и значение сего слова. Некоторые думали, что имя это взято от имени реки *Истры*, которой, однако, мы не находим в Истрии. Впрочем, на-

звание реки Дуная от Белграда до Черного моря у греков есть *Истр*; название одной речки, впадающей в Москву-реку, есть *Истра*. Но я не знаю можно ли что из этого вывести – знаменитый Катанчич думает, что сей полуостров назван *Истриею* от слова *Ostrov*, или *Oistrov*. Но за это я не ручаюсь. Как бы то ни было, это название упомянутого полуострова встречается у древнейших греков, как, например, начиная с Перипла Скилаксова и римских Фастов, и слово *ἱστροι*, *istri*, *истрийцы* было употребляемо, очевидно, не как племенное, а местописное.

4. Pannonia, Pannonnes, жупаны, паны, жупаници, панства, жупанства

Часть Словении, от пределов Истрии, чрез реки Саву, Драву к северу между Дунаем и Штирийскими горами, называлась *Паннонией*. Знаменитый Катанчич подробно толковал о происхождении этого имени в своем Specimen Philologiae, где приводит из времен римских словенские надписи, из коих одна заключает в себе собственное название народа, т.е. на словенском языке: KRANSI PANIARI, что по-латыни он переводит *Confines Pannonii – пограничными паннонцами*. Слова сии находятся в следующей венской надписи на золотой дощечке:

**DACV CVAME NEV A BRATA
IVAZKA A KRANSI PANIARI.**

Катанчич переводит: «Пределы между вами и нами должны быть Юлиевы врата (*Portam Juliam*) и пограничные (*confines*) паннонцы». ...Есть оборотное -с-, и читается за -s-; -v- и за -u-, и за -v-. Под именем Юлиевых врат хотел сей ученый муж подразумевать Триумфальную арку Тиберия в *Карнунте*, неподалеку от Вены, или же, указывает он, должно отнести к *Scarbantia Julia*, другому ближнему городу в Северной Паннонии. *Kransi* или *Krancı* в этом выражении принял он в значении прилагательного *пограничный*, а *paniani* – за имя народа, и вместе тождественное с *pannonii* (*confines, limitrophı Pannonii*⁴), которое производит от слова *пан* (*pan*), что в славянских наречиях значит *господин*. Опровергает Диона

Кассия (Dion Cassius), который будто в производстве *rannonius* от рукавастого платья, составляемого из каких-то *полотен ἐς πάννου*, намекал на лат. слово *rannus* (сукно, полотно); но по коему-де, как не известному себе, словене не могли себя называть *панярами*, или паннонцами. В этом, конечно, согласиться должно с автором; нужно, однако, заметить, что этот греческий писатель был римским правителем, Pannoniae Superioris, и что намекал в своем словопроизведении действительно на славянское название верхнего платья *жупан*. Разумеется, что словопроизводство верхнепаннонского губернатора более относится к тому имени, коим римляне называли словен, а не коим словене сами себя называли. Тоже я не понимаю, как мог словенский простой люд назвать себя *господами* или, как трудолюбивый и истинно заслуженный Катанчич думает, – *панами!* Дело в том, чтоб угадать, с чего взяли римляне называть северо-восточную часть Словении *Паннонией*. Но с чего бы то ни было, все-таки имя это есть просто областное, и слово *паннонцы* – имя не *племени*, а области или такого-то (паннонского) правления. Впрочем, должно сказать, что словене на своем языке околоток, повет называют и называли *жупою* (shupa, shupania, shupanstvo); владетеля или правителя околотка, повета (shupa) – *жупаном*. Значение вероятностей (le calcul des probabilités) весьма близко к тому, что римляне назвали страну по названию таких людей, с которыми имели дело преимущественно, следственно, по имени существовавшему – *rannonnes* вместо *supannonnes*. Если принять даже, что словене вместо *жупан* короче употребляли *пан*, таким образом можно отчасти сблизиться с Катанчичем.

Между тем слово *жупан* столь важно в истории дунайских стран, что заслуживает еще словца два. Если добираться лексикографического значения слова *жупа*, то на сей раз не могу ничего сказать, кроме того, что у русских, живущих в Венгрии (карпато-россов), *жупа* значит *веха* из соломы в виде помела, поднятая на шесте, т.е. в таком же виде, как ее выставляют у квартир своих и русские кавалеристы. Если не ошибаюсь, *жупою* же называют и словаки если еще и не соломенную

стриху. Итак, *жуна* – собственно то же, что *знак*, *марса* в латыни средних веков у западных народов (а еще и *marchiah*), *une marque* у французов, *die March* из французского у немцев.

Zura (*жуна*) у поляков значит место складки добытой каменной соли; *зуру* (*жупы*) – солекопня. У чехов *зуран* (*жупан*) – ночная, спальная одежда. У словаков краткий фалдистый сертук с рукавами; а *зурице* (*жуница*) – нижнее платье. У Венгерской Руси *жупан* – суконное платье в виде короткого русского кафтана, с тем различием, что концы рукавов и края всего кафтана украшены мехом. Эти меховые бордюры сверх красивого покроя придают платью вид довольно изящный. Между верховинцами его носят зажиточные женщины. В Боснии *жуна*, *жупания* – известное число деревень, зависящих от одного судьи; *жупан* – деревенский староста. У дубровничан (рагузинцев) *хира* (чит. *жуна*) значит повет, *territorium*; *хираня* – староство; *хиран* – староста, начальник; *хирановати* – начальствовать. У славонцев *хирник* (*жупник*) – приходский священник, начальник. У кроатов *спан* (*жпан*, *шпан*) – староста, начальник округа; *спановати* – начальствовать, управлять, вместо *пановас* у поляков; *пановати* – у южнороссов. *Сура* (*жуна*) по просторечию – область, округ, предел, граница. У сербов *жуна* – 1) страна, подверженная солнцу, место ясное, где редко бывает снег или скоро тает, как, например, берега Адриатического моря, или вообще земля сухая. Поговорка сербская: *отъишао къ морю у жупу*; *у питомой жупи* – т.е. в домашней стороне. 2) *Жуна* есть собственное название области в Далматии. *Жупан*, *-пиа*, *-пио* – сухой, солнечный (см. *Сербски Речник* Вука Стефановича). В Северной Руси *зипун*, род платья. В Венгрии и Трансильвании слово *жупан* по переходу в мадьярский язык преобразовалось в *испан* (*ишпан*) – так называются губернаторы одного или нескольких поветов, графств. Немцы слово *жупан* из *ишпана* превратили в *гспан*; а *жупанство* Венгерское в *Gespanschaft*. В России неправильно эти жупанства называют графствами. Жупаны имеют и своих вице-жупанов (*vice ispan*). В Валахии и отчасти в Молдавии того, кого хотят назвать *господином*, именуют *жупаном* (*жупын*).

Столь обширное употребление слова *жупа* и происходящих от него – *жупан*, *жупник*, *жупания*, *жупанство*, *жупанница*, *жупица*, – отчасти в разных смыслах, заслуживает особенное внимание. Посему относительно к истории этого слова заметим следующее. Линде в своем *Slownik Jezyka Polskiego* под этим словом приводит, что *шопою* и *жупою* называлась у древних ляхов изба, в которой чиновники принимали приносимые подати; подобные собиратели назывались *жупанами*. *Шопою* или *жупою* и в новейшее время называлось у поляков строение вне Варшавы, в котором происходили сеймы. *Жупою* же у них называется и место складки соли.

Другой вопрос, почему *жупан* означает род одежды, Линде объясняет тем, что в старину жаловали или вводили чиновника в должность, надевая на него торжественно почетное платье. Следы этого обычая в славянских странах явные. Известно, что верхнее платье принадлежит тоже к числу регалий; багряница, плащ кесарский, плащ вождя и проч. у византийцев так же были принадлежностью власти или же чина, как и ныне мундир. Турки и доселе делали инвестиру господарей Молдавии наложением парадной шубы на избранного. Самое слово *investitura* (введение в должность), употреблявшееся в средней Европе, происходит от *investire*, одевать в платье. Государя разных славянских племен давали грамоты только при пожаловании поместий или гражданских преимуществ, но в должность облакали посредством пожалованья *почетного* платья. Известно, сколь огромны были гардеробы русских князей и что платье включалось в число завещаемых статей. То же самое встречается нередко в актах Польши, Венгрии, Богемии и в болгарских записях в Валахии. Посему и жалованье платья было символом особенной ласки или почета к верным слугам у славянских князей всех племен. По этой причине очень могло быть выражение: *одеть кого в жупана*, вместо *пожаловали в жупаны*; так и ныне: *одели его в солдатскую шинель* вместо: *отдали в солдаты*; или *быть облеченным в сан* и проч.

Нельзя не согласиться вполне с достойным Линде, что *жупан*, название платья, перешло с чиновного сословия, да и

то только у ляхов, чехов и словаков, между тем как у дунайских славянских племен, а преимущественно у *словен*, оно означает власть, а не одеяние.

Жупа в Далматии и Кроации издревле значила *селение, владение, повет*. В *Грам. Крешимира*, короля далматск. и кроатск., от 1071 года (см. Ioann. Lucii lib. III. С. 12) значит: *Volumus, – ut dicta Ecclesia habe – at suas parochias, scilicet juprat, quae fuit sub Alpiibus a castro Murula etc.*, т.е. *Хотим, – чтобы сказанный храм имел свои приходы, а именно жупу, находящуюся под горами, начиная от града Мурулы*. А несколько ниже: *Dedimus Episcopo Novensi juprat Licchae, juprat Buchani etc.*, т.е. *Мы дали Епископу города Новы Ликскую жупу и Буханскую жупу*. В другой грамоте короля *Звонимира* от 1018 г. (*ibid*, сар. 15): *Juprat earn, quant contenam aiunt*, т.е. *жупу, называемую сотенною (?)*. Так и Thomas Archidiaconus (*Hist; Salonitana*, сар. 5): *Castrum Sibinicense cum tota sua jupa*, т.е. *Город Себеницкий со всею жупою его*. Не раз встречается и в грамоте *Доломана*, короля венгерск., от 1111 г. (*apud Lucium*).

Диоклейский пресвитер в своей *Hist. Dalmatiae* и Иоанн *Луций* (*de Regno Dalmat. lib. II, сар. 15* и *lib. 6, сар. 1*) утверждают, что в древних грамотах правители городов и областей называются *жупанами*, составляли класс вельмож и советников короля. То же утверждает и *Константин Багрянород.* (*De admin. Imper, сар. 29*). Равно и Папа *Иннокентий III* (*lib. II. Epistolar. edit. Venet*).

Жупанами греческие пис. называли и сербских князей: *ζουπάνοι* (у Никиты Хон. в Исаакии, *lib. III*). *Wilhelmus Tyrius* (Тирийский *lib. 20, сар. 4*), говоря о сербах: *Hi magistratus habent, quos supranos vocant*. У *Конст. Багрян.* (с. 29) *ζουπάνοι γέροντες*. Писательница XII века, Анна Комнина, говоря о заключении мира отцом ее с *Волканом*, корол. далм., утверждает, что сей последний посетил императора, будучи сопровождаем своими племянниками *Урошом* и *Стефаном Волканом*, а равно и избраннейшими из числа жупанов (*καὶ ἐκκριτοὺς τὸν Ζουράνων*) (см. *Alexialos lib. IX*). У *Киннама* и других князей называются *архижупанами* сербскими (*Ἀρχιζουπάνοι τὸν*

Σερβίων), великими жупанами (*megajurani*) в Актах Иннокентия III. У Луция (*lib. V*) печать *Стефана*, царя сербского, с надписью *Σφραγίς Στεφάνου Μεγάλου Ζουπάνου Νεμανία*, т.е. Печать Стефана Немана Великого Жупана.

Жупанов имели и чехи (*suiranos*), как видно из Годафрида монаха *S. Pantaleonis* под 1212 год и из *Hist. Australis* под 1285 и 1230 г. Смотри *Chronicon Montis-Sereni* под 1109 г. и замечания Дюканжа к *Алексиад* Анны Комниной (см. *Gloss. Mediae et Infimae Latinitatis du – Fresnii*). Адам Бременский литовских князьков называет жупанами (стр. 58). У ляхов в грамоте *Владислава Локетка* от 1299 года сказано между прочим: «*Сохраняя, однако, в целости права и преимущества жупанарей наших, которые наравне с вышепоименованными кастелянами владеют какими-либо жупами или занимают должности*».

В Венгрии издревле правители округов на мадьярском языке назывались испорченно *ишпанами*; но по-латыни имя это переводилось чрез *comites*, т.е. графы. В Актах Валахии, писанных на болгарском наречии, и в молдавских, писанных на русском, первоклассные чины именуются жупанами. Так, например, в числе свидетелей: *Жупан Мирослав великий Дворник*; *Жупан Негой великий Постельник* и пр. В древнейших актах этих двух государств титул жупанов реже встречается; тогда так преимущественно назывались удельные князья Крайовские (Кралевские или Малой Валахии). Можно сказать, что титул это носили сперва только родственники господарей, между тем как другие чины назывались только *боярами*. Впоследствии достоинство жупанов до того расточено, что ныне упало на обыкновенное значение *господин (жупын)*. Должно еще заметить, что в иных из новейших актов Басараба (Валахии) и Молдавии слово *жупан* короче выражается чрез слово *пан* (см. грамоты сих государств).

Еще в другом виде появляется *жупан*, а именно в слове *бан*, что соответствует, по своему достоинству, удельному князю. *Банств* было четыре: 1) Малая Валахия составляла *Северинское*, а впоследствии *Кралевское* (Крайовское); 2) рядом с ним было *Темешское* в Венгрии, состоявшее из трех

графств, или жупанств, и ныне известное под этим именем (*banatus Temessicasis*); 3) *Мачовское*, за Дунаем, в Сербии, состоявшее из области *Мачвы* (*banatus Machoviensis*); 4) банство *Кроатское и Славонское* с тех пор, как эти области перестали именоваться королевством. Последние три *банства* по присоединении их к Венгрии зависели от нее феодально, а первое было уделом господствовавшего в Басарабе (Валахии) болгарского дома *Владиславичей*. Сии последние сперва именовались *Жупанами*; между тем латинская канцелярия Венгрии изменила имя *жупана* последних трех областей в *banus* (*бан*), что, наконец, приняли и волохи. Такое перерождение имени не в духе славянских наречий, т.е. превращение *-п-* в *-б-*, хотя кроаты и произносят *шпан* (вместо *жпан*, – ибо *-ж-* перед *-п-* должно по выговору превр. в *-ш-* – отсюда и у мадьяр *шпан*), но *бан* – исключительно канцелярское правописание, которое, однако, будучи правительственным, не могло не войти в употребление.

Из всего, впрочем, видно, что слово *пан* есть сокращенное *жупан* или *шпан*; и ныне еще, как и прежде, выражает идею власти, начальства, управления. Слово это принадлежит одним западным словенским наречиям и в южно-русское вошло только от поляков: корень же его слово *жупа*.

Итак, если спросить, от которого племени собственно переняли это слово римляне, то древнейший след этого имени сосредоточивается именно у *словен*, римских соседей, ибо:

1) В Басараб и в Молдавию слово это вошло вследствие влияния канцелярий сербской, кроатской и венгерской.

2) Мадыры сохранили это название власти так, как они его нашли у славянских жителей во время своего (около 890 г.) прибытия в те страны (образовавшие впоследствии Венгрию, которой задунайская часть принадлежала прежде к Словении).

3) Сербы, босняки, далматские и славонские кроаты прибыли в те страны только при падении Римской империи, следственно, слово *жупан*, или *шпан*, не от них перенеслось в римскую канцелярию.

4) Равным образом и чехи, и ляхи не могут быть приняты в соображение касательно слова, ибо не были жителями Паннонии.

Таким образом, если искать древнейший след (т.е. у греч. и римск. писателей) имени *жупан* и *пан*, то останутся одни *словене*, жители Бенетской, Истрийской и Подунайской страны, у коих, как жителей Паннонии, и должно искать слова *жупа*, *жупан*, *пан*.

Итак, послушаем об этом предмете весьма любопытное известие писателя, жившего в Словении правителем области в 221–229 годах.

«Обитают же паннонцы от Норика по Дунаю (между Нориком и Дунаем) к югу по границе Далмации и Мизии Европейской⁵. Живут весьма скудно; не имея ни плодородной земли, ни благорастворенного воздуха, они не возделывают ни оливковых деревьев, ни винограда, кроме самого малого количества, поелику значительную часть года занимает у них жестокая зима⁶; и пищу и напитки приготавливают из ячменя и проса⁷. Впрочем, они мужественнее всех известных мне народов, и, как не знают еще приятностей хорошей жизни, то весьма вспыльчивы и скоры к убийствам. Это я говорю не понаслышке или по описанию, но пишу по собственному опыту, бывши их правителем. Ибо после моего управления Африкою я был назначен начальником Далмации (которую некогда и мой отец управлял) и верхней Паннонии: посему все пишу точно, и по собственным сведениям.

Панноны получили название от того, что по обычаю той страны, выкраивая из полотниц, шьют себе верхнюю одежду с рукавами, которую называют паном. Впрочем, от этого ли они прозвались или от чего другого, но некоторые из греков, не зная настоящего имени, называют их пеонами. Но это название есть древнее и принадлежит не сей стране, а Родопу и приморской Македонии. Посему и я стану сих последних называть пеонами, а первых паннонами, поелику так и они сами себя, и римляне их называют».

После такого обстоятельства, какое приводит Дион в подтверждение своих слов, нельзя ему не поверить насчет формы и

названия одеяния жителей Паннонии. Главная отличительная черта покроя верхней одежды у паннонов состояла *в рукавах*, в противоположность нурукавастым тогам у обитателей Италии и Греции. Ни одного славянского племени не знаю, которое бы носило верхнее платье без рукавов, т.е. pallia, мантии.

Второе обстоятельство есть название этого платья, сохраненное Кассием. Катанчич не довольно ясно передал выражение сего писателя, переводя его ἐς πάννουσιν латинским in rannos concisis, т.е. *из изрезанных в полотнища*, и что будто Дион намекал на латинское rannus. Но верхнепаннонский губернатор выразился ясно и определительно, несмотря на расстановку слов. Выражение его должно читать в следующем порядке: *сшивают (σὺρράπτουσι) верхнее рукавостое платье (τοὺς χετῶνας τοὺς χειρῖδωτους), выкраивая (κατατέμνοντες) из нескольких полотниц ('εξ ἱματίων τινῶν) панны (ἐς πάννουσιν) и называя, т.е. и называют (καί προσαγορεύοντες), паннами же*. Дион буквально выразился, что жители называют свое рукавостое платье *паннами*. Так как это слово относится еще и к другому глаголу (*κατατέμνοντες* – выкраивают, изрезают), то по требованию его и поставлено с предлогом ἐς. Итак, если Дион как очевидец утверждает, что сами жители называют свое платье *паннами*, то поэтому он не мог намекать на латинское слово rannus. Слова πάννουσιν нет в греческом языке; поэтому оно здесь стоит как собственное, иностранное название вещи. Равным образом слово rannus не принадлежит и латинскому языку, потому что не имеет в нем ни корня, ни других сродственных слов. Оно перешло в латинский из чужого языка. И действительно, так как словене искони были соседями латинов, то ничто не мешало этому слову перейти к сим последним в значении простой грубой шерстяной материи. Названия подобных вещей легче всего могут переходить из языка в язык, как это доказывают сотни примеров. Таким образом у римлян вообще существует множество заносных чужих слов, коих корня напрасно станешь искать в языке латинском.

Как бы то ни было, но Кассий буквально говорит о названии платья, и вместе о таком же названии жителей, когда

говорит он *kát autoí eautóus – kalóusi* – *ибо и они сами себя так называют.*

Итак, соображая тождество названия платья с названием обитателей, очищается не иное слово, как только *жупан*. Как по именному свидетельству очевидца Кассия имя было употребляемо самими жителями, коих языку поэтому оно и принадлежало, то созвучное или, лучше, корень слова *rannonius*, – и не забудьте еще: такой корень, который бы означал и область, и одежду, – не встречается другой в языке жителей Паннонии, кроме слова *жупан*, или *пан*, *шпан*.

Уважая в полной мере свидетельство верхнепаннонского губернатора, нельзя, однако, согласиться на порядок, принятый им в словопроизводстве имени жителей или страны от названия платья (хотя, впрочем, ничто бы не мешало прозвать людей по их покрою); ибо мы видели выше уже, что, наоборот, верхнее платье получило свое название от имени сословия. Таким образом, корень и того и другого находится в слове *жуна*, т.е. строение, покрытое соломой, волостная изба, деревня, околоток, округ.

Итак, остается узнать первоначальное значение слова *жуна*. Мы видели значение его у карпато-россов (соломенная вежа), у сербов (место сухое, неплодородное, бесснежное, ясное, подвергающееся солнечному свету, теплое; а прилаг. – ясный, сухой, солнечный); у словаков и поляков (*шона* и *жуна* – сеной сарай, строение для складки сена, хлеба). Я не помню слова *жуна* в болгарском наречии; но в Св. Писании есть *жупел*, или, лучше, *жупело*, означающее серу (Апок. IX. 17. *Из уст их исхождаше огонь, и дым и жупел*; XIV. 10. *И будет мучен огнем и жупелом*; XIX. 20. *Ввержены быста оба в езеро огненное, горящее жупелом* и проч.) Если отбросить производную форму *-ело*, останется корень *жуп-*, который, если сообразить с сербским прилаг. *жуп-ан*, *-нна*, *-пно*, *solaris*, *lucidis*, *apricus*, то первоначальное значение корня *жуп-* выражает идею *ясности теплоты*. Таким образом, сера весьма хорошо названа *жупелом*, словом, выражающим ее *изгораемость* и *светлость*. Так же, кстати, названа *жуною* и связка сухой соломы, как веще-

ства очень *горького* (*ustibile*). Если хорошо помню, то Карпатская Русь *жупелом* называет чучело из соломы, выставляемое в огородах против воробьев.

Может быть, скажут, что после Кассиева свидетельства лишним было так пространно производить одно слово. Оно бы так: но не забудем, что здесь дело идет об имени исторически важном, имеющем свою производную родню с ее разными значениями. Кто не знает, как много славянских слов и значений рождается от одного и того же корня, тому щекотливо показалось бы и прямое, сан-фасонное производство *Паннонии* от *пан*; а от *жупан*, может быть, еще страннее. Но кто короче знаком с плодovitостью славянского словопроизводства, с его свободой в переходах на разные значения, тот не усомнится находить естественность и в том, к чему неведение в другом возбуждало недоверчивость (*ибо не только критицизм, но и невежество нередко бывает недоверчиво*).

Вообще же эта плодovitость славянского словопроизводства всегда будет причинять изыскателям немало хлопот именно по причине своей многосложности. Петр произведет удобно от кафтана, а Павел от сарая. Кто их после примирит? Тогда оба будут неправы от того только, что одно другому послужит противником. Славянское словопроизводство доселе мало было приглашаемо в помощь исторической критике, которой оно, при здоровом употреблении, может быть весьма полезным. Но для избежания противоречий, которые могут произойти от неполного изложения производных слов, необходимость заставляет соображать всю этимологическую семью с ее аналогиями. Впрочем, нередко можно сделать самое краткое и достаточное объяснение, имея в виду корень; ибо корни славянские вообще представляют общие идеи, более или менее приложимые ко всему. Так, например, и здесь от корня *жуп-*, как общей идеи ясности и сухости, короче и естественнее объясняется название страны, по свойству своему ясной или безлесной, бесснежной. В таком смысле сербы и ныне принимают это слово: в таком же смысле и прилаг. *жупан* – ясный, теплый, солнечный.

Если сообразить топографическое положение всей Словении, то вся восточная ее половина, между Штирийскими горами и Дунаем, состоит из равнин, большею частью безлесных. Эта степная часть Словении находилась в поразительном контрасте (противоречии) с ее гористой, лесистой и тенистой частью по Норрику и Реции. Подобный топографический контраст между половинами Словении неминуемо должен был произвести особые их *подназвания*. Так как *степная* часть Словении была и безлеснее и яснее гористой, а равно и по климату несравненно теплее (ибо снег в первой лежал не более месяца, а в гористой несколько месяцев), то весьма хорошо и названа *жупною*, или *жупною*, именем, характеризующим это противоречие в местностях. Таким образом, словенские степняки назывались *жупанцами* (*shupanez, shupans*), или *жупанярами*, именем необходимым в домашнем обиходе словенского племени. Это уже есть факт, который подтверждает KRANCI PANIARI в современной римлянам словенской надписи. Впрочем, факт не нуждается уже в подтверждении там, где он есть следствием необходимости, как в этом случае. Несмотря на это, есть еще другой древнейший и непреложный след этого имени: это есть слово *Panones*, или *Pannonnes*, и *Pannonia* в римских актах и надписях. Но еще поразительнее, что и по понятию римлян *Pannonia* простиралась к западу и к югу до тех только мест, до которых тянулась и *жупная* (степная) часть Словении!

Таким образом, можно исправить Катанчичев перевод слов *Kranci Paniari*: вместо *пограничные паннонцы* поставить *жупные*, или *жупанярские*, *краинцы*. Ибо: 1) *kranci* по свойству языка не прилагательное, а существительное, поэтому не может означать: *пограничный* или *крайний*; 2) часть словен, называемая *краинцами*, населяла места и гористые, и плоские; и те и другие для отличия носили особые местные имена, из числа коих были и *жупные*, или *жупаняри*, или *паняри*. Поэтому в *kranci* собственно должно усматривать название племенное, а не в *paniari*, т.е. *pannonnes*.

Это не противоречит свидетельству Диона Кассия, что-де *сами краинцы называли себя панярами*, ибо действи-

тельно должны были так называть себя частно и относительно к месту.

Как бы то ни было, но все останавливается нерушимо на следующем:

1) Источник слова *pannonēs* и по этимологии, и по свидетельству очевидца есть домашний *словенский*;

2) *Pannonēs* не есть название этнографически или народно-племенное, точно так как и слово *бенетяне* (*veneti*). Ныне Жупанию называют *Унгриєю* потому, что ее населяют венгры.

5. *Норик. Noricum*

Многие делали свои догадки о происхождении слова *Noricum*. Катанчич думает, согласно с некоторыми, что название это происходит из кельтского языка, на котором-де все жители, живущие к северу, называются *nordryk*. Но Катанчич забыл, что *ryk* тевтонское, а не кельтское слово, и что неоткуда взять тевтонов южнее словен, которые бы им показались северянами. Но мы и в объяснении слова *Noricum* должны положиться на авторитет древних писателей и на *Царство надписей* римских (*Regnum Epigraphicum*).

Noricum, как и *Pannonia*, не есть одно из древнейших названий. Только Страбон упоминает об оном по Поливию, что золото добывается *ἐν τοῖς Ταυρίσκοις τοῖς Νορικοῖς*, т.е. в *Норических Тавриках*, или *Тавриках*, именуемых *Норскими*, *Норичанами*. Цесарь в 55 году до Р.Х. говорит, что бои, жившие за Рейном и перешедшие *in agrum Noricum* (на землю Норийскую), и осаждавшие *Noreiam* (город *Норею*), отозваны были гельветами⁸. Страбон утверждает⁹, что-де еще до Юлия Цесаря консул *Карбон* сражался с Кимврами при *Норее*. Сей город Плиний называет Таврийским, прибавляя, что *норийцами* прослыли те, которые прежде назывались *таврийскими* (*taurisci*)¹⁰.

Итак, всякие догадки о происхождении слова *Norici* излишни, ибо оно определительно объяснено древними, а именно от города *Noreia*. Было ли это *Норва*, *Нарва*, *Нарова*, *Норова* – все равно; по крайней мере, можно отыскать в географических словарях славянских стран множество мест и рек подобного

корня. Дело в том, что от имени сего образовалось прилагательное на *-icus* (как мы видели, и при слове *Vindelicus*) – *Noricus*, *-oi*, *-um*, что буквально значит *норийский*, *-ая*, *-ое*, или *норисик*, *-ка*, или может быть *норовец* и т.д. Вообще имя сие у древних и употребляется в смысле прилагательного; так в надписях, напр. *Ulpius Augulatus Natione NORICVS*; или *Q. Corn. Flisco NORICO*; или *Q. Paetus Memmius Apollinaris Procurator PROV. NORICAE*; или *Tib. Claudius conductor ferri NOR. (Noricis)* и пр. Цесарь землю или область, зависевшую от города *Noricia*, называет *ager Noricus*; жену Ариовиста (*Arivovisti*), с коим вел войну, называет по происхождению *норийскою* уроженкою (*uxorem Noricam*); владельца сей области *Норийским* (*Rex Noricus*); у Вергилия *Castella Norica* и проч.

Наконец, то, что имя сей страны вошло в употребление в среднем роде, без существительного, можно объяснить тем, что, как из Цесаря видно, в его время вся горская часть Словении имела своего владельца (*regem*), коего власть, может быть, простиралась и на так называемую Паннонию; и как римляне начали завоевание Словении с Паннонии, как более открытой части оной, а в горы в управительном отношении проникали только постепенно, то они и более щадили сию гористую страну и оставили временно за нею некоторые домашние ее права и название *королевства* (*regnum*). Катанчич приводит надпись: *Bassaeus Rufus, Procurator REG. NORIC. (Regni Norici)*; у Муратория (в Каринтии): *Diadumenus, Dispensator REGN. NORIC. Paterculus*, писатель, тоже употребляет *Regnum Noricum* (*Lib. II. C. 109*); Светоний в Тиберии (с. 19) ставит Иллирик между Италией и *Regnum Noricum*. Во время Константина вошло в обыкновение употреблять одно прилич. *Noricum*.

Конечно, жители этой части Словении у древних встречаются под именем *vóríkoí, noricis* (подраз. *populi*); но как это имя происходит от названия места, то толки о *Норике* и о народе *нориках* ни к чему не ведут, разве к замешательству, ибо по прекращении политических отношений сего города и его владельца и его жителей имя в последующие столетия должно было непременно выйти из употребления, так что это могло

бы подать повод охотникам до переселений народов к вычурным размышлениям о выходе Бог весть куда господ нориков и о пришествии в их места в VI веке словен, Бог весть откуда!

Само собою разумеется, что по завоевании сей страны и по прекращении власти династии, жившей в Норее, страна перестала быть *Норийскою* и должна была слыть или *Карнунтскою*, или *Лавреакскою*, потому что *dispensator* или *procurator* так называемого *Begni Norici* стал жить или в *Carnuntum*, или в *Laureacum*, или где бы то ни было. Очевидно, что *Noricum* сохранила от забвения римская канцелярия, а посему и некоторые знакомые с нею писатели и надписи. Но мы не должны забывать, что номенклатурная надобность канцелярии нейдет наравне с природными названиями народов.

6. *Ретия, Rhetia, Rhaetia*

Остается *Реция*, или *Ретия* (Rhetia). Выпишем о следах сего имени в *Царстве надписей* место из Катанчича:

«Хотя имя ретов (*rhaetorum*) славится у древних, однако оно в надписях не встречается до времен Октавиана (разумеется, ибо только с сего времени завоеваны) даже и на Друзовом трофее, на котором, однако, *vindelici* выставлены. Аниан, Ливий и Грутер представляют Каетанскую надпись о Мунатие Планке (*Munatius Plancus*), который совершал триумф, о побеждении ретов; только разнятся они в правописании: первый ставит *EX RHETIS*, второй *EX RHOETIS*, последний *EX RAETIS*, по примеру других надписей. Трудно спорить о достоинстве надписи. В древних Фастах (*in Fastis antiquis*) триумф Мунатия *EX GALLIA* упоминается под 710 годом от постр. Рима» (т.е. под 41 г. до Р.Х.).

Реты, или *ретийцы*, по свидетельству *Диона Кассия*, до завоевания их римлянами делали частые набеги на Италию и Галлию, коих Планк, находясь в Раврике, действительно мог поразить. Но в этом деле я более последую Фастам, нежели камню, воздвигнутому, как мне кажется, Мунатиевыми потомками. Ибо в то время *реты*, принадлежа к числу горских жителей, не были еще известными под сим особенным названием;

к галлам же, о коих значится в Фастах триумф Планка, никто ретов не причислял». (Видно, что автор опасается смешать ретов с галлами, как будто это последнее имя на языке римлян принадлежало одному только известному племени или народу. По общности имени *Galli* и ретов могли так назвать римляне).

«Дион же, упоминая о нападениях в то время ретов, употребил имя это, как известное в его время (но таким образом Дион оправдывает Планков памятник): сверх сего о *Ретии*, как ее называет Дион, никто из писателей не упоминал до Патеркула, который сопутствовал Тиберию в его походах, что случилось 29 лет спустя после Планкова триумфа; однако в трофее Тибериевом (*Tiberii Caes.*) при подробном исчислении мелких горских народов (т.е. местечек) о *ретах* ни слова (заметь, *ни слова*; но мы увидим ниже причину, почему). Итак, кто поверит, что реты были известнее во время Мунатия Планка, нежели Октавиана?» – На это скажем после.

Посмотрим о правописании сего имени.

«Должно думать, что слово *ghaetus* произошло из греческого языка. В надписях на пяти римских памятниках находится *RHAETVS*. На Паннонском: *S. Dignius Secundinus natione RAET*. На Мессинском: *Praefectus Cohortis RAETORUM*. На Мизийском: *S. Marius Sabinus, praef. coh. I. RAETORVM*. В Риме: *T. Aurelio Secundo NAT. RAITO*. На Маянском: *miles cohortis RAITORVM*.

Название страны употребил Патеркул, после Плиний, Тацит, Светоний, Евтропий и другие. На камне Цилийском (*Celeiano*): *T. Varius Clemens Proc. Aug. provinciae RAETIAE*; то же на Грецком и Петавском. В Белгороде Трансильванском (*Albae Carolinae*): *Leg. Aug. Pr. Pr. RAETIAE*. Во Фиоране, по греческому правописанию: *Prolegatus PROVINCIAI RAITIAE*. У Муратория на одном Штирийском камне, коего место не означено: *Flamen Dialis AVG. RHAET. MVN*. Прилагательное представляет мрамор Грандулфский на котором: *Fl. Quirinus, lectus ex exercitu RAETICO*. В Риме: *Praef. Coh. I. RAETICAE*. В Курии, на памятнике VI века: *RHAETICA tellus*, если только *H* находится на мраморе, о чем, однако, сомневаюсь (зачем со-

мневаться?). В Штерцингене, по свидетельству Аниана, существовал камень, на коем в память Tib. Claudio RAETICIANO была вырезана надпись. Сие имя представляет прозвище лица по названию страны».

Ответим:

1. Слово *rhaetus* или *rhetus* точно греческого происхождения, что доказывает вздыхательное *-h-*, которое после *-r-* свойственно только греческому языку.

2. Потому-то именно это слово и не встречается в подробном исчислении разных общин на Друзовом трофее, что им не называла сама себя ни одна из побежденных общин.

3. Напрасно Катанчич подозревает памятник Мунатия Планка, полагая, что *rhaeti* вошло в употребление позже его; напрасно то же и Диона Кассия, писавшего около 227 года, в том, что будто он имя своего времени относит ко временам Друзова и Тибериева похода: ибо он себе противоречит, если находит это имя и у Патеркула, сподвижника Друзова и Тибериева, а равно и у других писателей. Мы упомянем еще и об иных современниках Друзовых. *Горацій* (Carm. 4. 4, 17): «Videre Rhaetis bella sub Alpibus Drusum gerentem Vindelici», или он же (Carm. 4. 14, 15): «Immanes Rheti». *Клавдиан*, (de bello Getico, 330): «Prominet Hercyniae confinis Rhetia silvae». *Виргелий* (Georg. 2. 96): «Et quo te carmine dicam Rhaetica». *Овидий* (Trist. 2, 226): «Arma Rhetica». *Плиний* (14, 2): «Rheticae vites».

Но послушаем лучше географов. *Страбон*, который писал свою всеобщую *Географию* в 17 книгах около 40 году после Р.Х. и, следственно, был почти современным и Друзу, и его трофею, в IV книге своей пишет следующее: «*И Рейн* (Rhin, Rhenus) *разливается на большие болотища, и великое озеро, до которого простираются кереты и виндологи, живущие отчасти на Альпах, а отчасти за Альпами*». Латинский переводчик справедливо переводит *Rhaeti et Vindelici* вм. *Kerheti et Vindologi*, ибо в других местах эти два имена вместе встречаются в печатном Страбоне: 'ραιτοί καί ουνιδελκοί.

В другом месте: «*Повыше города Кома, лежащего у подошвы Альпов, живут к востоку реты и веноны*».

Немного ниже, после известия о салассах, по его описанию живших от ретов немного западно-севернее: «А отсюда далее все гористые места, лежащие к востоку и югу, населяют реты и винделики, по пределы гельветов и бойев (bojogum), с землю коих они граничат. Реты простираются в Италию до самой Вероны и Кома; у подошвы гор, где они живут, растет ретское вино, которое не уступает лучшим итальянским. Реты тоже с другой стороны простираются до (берегов Рейна) тех мест, чрез которые протекает Рейн. К их же племени принадлежат и липонтцы и камунцы (Iperontii, samunice)».

В V кн. о городе Кома Страбон говорит следующее: «Ком город довольно посредственный. Помпей Страбон (или Косой), отец Помпея Великого, возобновил и населил этот разрушенный и опустошенный ретами город; Кай Сципион переселил в него до 3000 жителей, а божественный Юлий Цесарь 5000 новых колонистов, в числе коих было 500 человек благороднейших греков».

Этого довольно, чтобы показать:

1) Что имя *реты* было общеупотребительное как между римлянами, так и между греками, и не только во время их падения под иго римское, но и гораздо прежде до Р.Х.; ибо Страбон, если ссылается на время Сципиона и отца Помпея, то это он делает по римским документам, по которым он описывал и многое другое.

2) Поскольку Страбон полагает пределы *ретам* Верону и Рейн, то племя это было многочисленно. Равным образом и Дион Кассий, который ретов знал довольно коротко, свидетельствует об их многочисленности (ἐπειδήτε ἐπολυάνδρουν, καὶ ἑδόκουτ τί νεωτερίειν и проч.) Посему *rhaeti* употреблялось древними в значении нарицательном целого народа. Разумеется, что это греческое имя не шло в исчисление Друзова трофея, в котором нужно было обозначить не имя целого народа, но только природные названия взятых им мест. Следственно, из отсутствия этого имени на памятнике вовсе нельзя было заключать о его новости.

Так как имя это (*rheti*) греческое, то можно отыскать его значение; но прежде очистим его правописание. Спрашивается, что лучше, *rheti* или *rhaeti*, или как на надписях – *raeti*?

Мы видели выше, что амстердамский издатель Страбона (1707 г.) керетои прежних изданий справедливо исправил, отделив союз καί от ´ретои; но напрасно изменил он последнее в ´раттоί, а в переводе *rhaeti* вопреки свидетельству знаменитого Казавбона (*Casaubonii*), который в самых старых изданиях Страбона встречал ´ретои, а не ´раттоί.

Вообще правописание собственных имен у древних писателей, и преимущественно у географов, всегда было острым гвоздем для их издателей и комментаторов. Так, например, и *Vindelici* разно встречаются у Страбона ´ουινδελικοί, ´ουινδουλικοί, ´ουινδολόγοι. Точно над множеством имен издатели принуждены были ломать себе голову. Не имея подлинника географа, все соображения исправителя текста часто должны были ограничиться просто выбором одного из двух или трех правописаний. Само собою разумеется, что выбор не есть исправление, если он сделан не вследствие сличения с подлинником. Ничто так не пострадало от переписчиков, как собственные имена; переписываемое в продолжение 145 столетий правописание Страбона необходимо изменилось; но как собственно писал Страбон наше слово, неизвестно. Хотя Казавбон и встречал в старых изданиях ´ретои, (*rheti*), но амстердамский издатель предпочел везде поставить ´раитоι, (*rhaeti*), потому что в другом-де месте так (?) писал Страбон (*scripsisse Strabonem*); лучше ему следовало сказать: потому что в другом месте издания, которым я пользовался, я так нахожу. Часто одна ошибка первого издания повторяется и последующими, а изданий Страбона было довольно много.

Вообще вопрос останется: чем же руководствовался тот, кто первый стал печатать ´раитоι (*rhaeti*)? Кажется, только одною догадкою или, как видно, тем, что в *Царстве надписей* римских чаще встречается *rhaeti*. Правда, что надписи суть древнейшие и современные римлянам памятники; но в правильности их правописания, в особенности относительно

иностранных имен, решительно нельзя поручиться. И действительно, какое может быть сравнение между ученым Страбоном или Плинием и римскими каменщиками или полковыми их кирпичниками? Так как и сами надписи разногласят между собою (*rhaeti*, *rhoeti*, *gaeti*, *raiti*, *rheti*), то это самое доказывает недоумение самих каменщиков. К несчастью, на правописание надписей нельзя сослаться с безопасностью и потому еще, что и чаще всех употребляемое правописание не может служить само себе доказательством в правильности.

Как бы то ни было, но настоящее правописание слова этого должно искать собственно в греческом, а не у латинов, и не на камнях римских, ибо и их должно бы исправлять по греческому. У Страбона и Диона Кассия, двух лучших представителей греческих, *ῥαιτοι* поставлено издателями наобум и единственно в подражание римским надписям, несмотря на то что Казавбон находил в более старых списках *rheti*.

Впрочем, так как *География* Страбона была в употреблении и у римлян, то могло быть довольно старых его списков с разностью в правописании, которая невольно вкрадывается при переписке; таким образом, правописание самого Страбона и Диона сделалось неизвестным по причине разногласия.

В этом затруднении послужат нам верным указателем другие, современные Страбону латинские писатели, каковы Ливий, Вергилий, Патеркул, Овидий, Гораций, Плиций. Эти образованные римляне более заслуживают веры, нежели каменщики или полковые кирпичники (которые обыкновенно торговали памятными камнями); ибо все, зная хорошо греческий язык и его литературу, непременно должны были сохранить настоящее правописание греческого слова, т.е. писали бы так, как должны были, и не могли иначе писать оное и греческие писатели, каковы Страбон и Дион. И действительно, во всех древнейших изданиях упомянутых латинских писателей постоянно пишется *rheti*, *rhetia*; так, например, по парижскому изданию (1516), Плиний писал «*rhetis junguntur Norici*» (III, 24); но езуит Ioann. Hardinus в своем издании (1741) изменил в *rhaetis*, не говоря, однако, почему. Очевидно, что в

более новых изданиях лат. классиков поставили *ae* вместо *e* единственно по примеру надписей. Лексикографы ставят, однако, вместе оба правописания (напр. Math. Gesnerus в Nov. Thes. Latinit «*Rheti seu Rhaeti quod melius*»), несмотря на то что последнего решительно нельзя оправдать. Это очевидно доказывается еще тем, что *Пеаний* (в своем древнем переводе Евтропия) пишет ῥητίαι – rhetiaie.

Итак, отдав преимущество правописанию римских образованных писателей, сохраненному в списках их сочинений и в первых их изданиях, мы видим, что *rheti* по-гречески писалось чрез *-η-*: ῥητοί. Известно, что римляне это *-η-* греческих словах выражали своим *-e-*, например, ἠθική – ethice, μαθηματικῆ – mathematice и проч. Таким же образом, по установленному правилу, римские писатели очень справедливо ῥητοί выражали чрез *rheti*. Вот как писал сам Страбон и Дион Кассий и вообще греки, согласно с образованными римлянами, а не с кирпичниками; но этого мало: писали согласно с собственным своим языком – ибо нет греческого слова ῥαίτος (*rhaetos*); по крайней мере, я не находил его в лучших греческих лексикографиях; но есть слово ῥητος – *rhetus*.

Теперь обозрим все слова одного корня с ῥητοί: ῥητόν – речь, выражение, слово; ῥητορεία (пиши *rhetoria*) – речь, слово; oratio – словесность; ῥητορέω – быть словесником, словесничать; ρητήρ или ρήτωρ (*rhetor*) – словесник, оратор; ρητορικός (*reteticus*) – словеснический, принадлежащий к словесности; ρητορική (*rhetorica*) – словесная наука, риторика; ρητος (*rhetus*) – сказанный, словный, словесный, СЛОВНЕЦ, СЛОВЕНИН. Во множ. – ῥητοί.

Таким-то образом *словене*, или реты, и ныне еще населяют Ретию, или Рецию (Словению).

Может быть, кому-либо придет на мысль вопрос: Если *rheti* греческое слово, то почему римляне, которые сами владели Словениею и знали коротко *словен*, вздумали именовать этот народ не его собственным названием (словенами), а греческим, которое даже приняла и римская канцелярия? По той же самой причине, по которой и россияне принялись

называть свои собственные даже области немецкими именами; так, например, известно, что *западное* русское *Поморье*, или западные поморские губернии, по-немецки называются Ost-See-Provinzen; привыкли называть их *остзейскими*; но всякий ли знает, что *остзейские* значит области *Восточного моря*. Положим, что датчанину или шведу Балтийское море ловко называть *Восточным*; но куда как оно восточно и россиянам! Или столица Червенской Руси, *Львов*, известна в России только под именем *Лемберга* и проч. Причиной этому недостаток в сносной даже географической книге, и что вообще образованные русские славяне пользуются немецкими географическими сочинениями. В таком точно отношении находились и римляне к грекам: в то время все сочинения, относившиеся к географии, были на греческом языке; таких сочинений было великое множество, как можно видеть из ссылок Страбона и Плиния. Из римлян писал по-латыни один Плиний, да и то его *Historia Naturalis* есть просто компиляция из греческих сочинений. Такая скудость в географических писателях у римлян показывает: 1) высокое их нерадение в подобном занятии, 2) удобность иметь и читать греческие сочинения.

Так как греческий язык тогда был общим языком в сношениях между всеми окружными народами Средиземного моря, естественно и греческая географическая номенклатура была самую общепотребительною. Таким образом, если римский писатель хотел быть понятным, то непременно должен был употребить слово *rheti* как общепонимаемое, точно как и ныне употребляем *Lemberg-Лемберг*, а не *Львов*, *Ofen-Офен*, а не *Будин* потому только, чтобы нас поняли.

Почему же грекам переводить было *словене* в ῥῆτοι?

Во-первых, потому, что буквы *-с-* и *-л-*, никогда не находясь вместе в греч. словах, делали *словенин* затруднительным в произношении. Впрочем, греческие писатели последующих столетий (начиная с Прокопия, т.е. 550 годов) стали употреблять собственно имя народа, а не перевод оногo, с тем однако, что между *-с-* и *-л-* постоянно вставляли или *-θ-* или *-κ-*.

2) У древних писателей более заметен инстинкт к словопроизводству, или к объяснению происхождения слов. Так, напр. Цицерон, Сенека любили порой указывать на этимологию слова; так, напр. Плиний объясняет происхождение слова *sauromata*, или исковерканное *sarmata*, от *σαυρός* – ящерица, и *ὄμμα, ὄμματος* – глаз. Так и Дион Кассий своих *pantones* от платья (жупан). Вообще древние более любили этимологию, нежели в средние века, потому что более занимались языком.

Правда, большая часть собственных имен народов необъяснима, посему и не представляет важной пищи для этимологов; к несчастью, имя *словен* именно такого рода, что значение его с первого разу бросается в глаза. И действительно, как греку, привыкшему объяснять имя всякого греческого племени, привыкшему говорить, что-де эллины названы от *Эллина* такого-то, пелазги от *Пелазга* такого-то и проч.; как греку, говорю я, не дознаться было, почему северные единоплеменники *краинцев* и *бенетян* называются *словенами* и что слово значит *τό ρήτων* – *rheton*?

Перевод имени *словенин* на греческий язык был тем естественнее, что *греки были коротко и непосредственно знакомы со словенами*: ибо Словения до своего падения имела много пристаней, посещаемых греками, единственными морскими монополистами в тогдашнее время. Мы видели выше, что во время Юлия Цесаря 5000 греков поселилось в пограничном Словенском городе *Коме*, занятом итальянцами. Название Греческих Альпов (*Alpes graiae*, или *Граесae*), принадлежавших отчасти к Словении, указывает на колониальную, может быть, экспедицию греков чрез эти страны. Во время Плиния носилось об этом предание. *«Катон полагает, – говорит он, – что лепонтцы и саласцы принадлежат к туровцам. Но другие думают, что лепонтцы суть потомки Геркулесовых товарищей и что, согласно с его греческим именем, греки там были поселены при переходе, отчего и жители так называемых Греческих Альпов, и благородные евганеи получили свое название. Главное их жилище Stonos; веннонские же и сарунецкие словене обитают по устью Рейна»*¹¹. Впрочем,

о древнейших сношениях словен с греками поговорим еще ниже в статье «*О народном отношении между древнейшими жителями Италии*».

Но скажете: если впоследствии греческие писатели, а именно с VI века, упоминали о ретах под собственным их именем, то почему не упоминали об них прежде, в V, IV или III столетиях? Вопрос слабый, излишний и ни к чему не ведущий; ибо сделать его может только тот, кто верил не доказываемому историею ложному мнению, что словене заняли Ретию только с VI века. Если греки не упоминали о *sclavinis* с VI столетия, то самая достаточная причина сему была в том, что Словения имела свои названия, *узаконенные* римскою канцелярию. Посему название *словене* и было излишнее, ибо *rheti*, по понятию древних, означало тот же самый народ; во время императоров греки, в свою очередь, изучать географию Империи могли не иначе, как уже по политическому разделению оной и под узаконенными названиями. Рухни Империя, и собственное название *rhetorum* непременно всплывет. Так и случилось! Атилл отнял у римлян Словению, и родившиеся после него 30 с небольшим лет Прокопий и Иорнанд первые упомянули *de sthlatinis*, *de sclavinis*. Об этом будет ниже говорено подробнее к VI веку по Р.Х.

7. Dalmatia, Delmatia

Поморье от Истрии к берегам Албании называется *Далматиею*. Слово это происходит от имени города Delminum, ко его жители, как можно заключать, искони с зависящею от них областью составляли политическое общество. Dalmata значит *делминец* и по окончанию на *-ta* образовалось по свойствам греческого языка, сообразно со словами *acropolita*, *metropolita*, *suliot* и проч. Разница только в том, что вместо *delminiota* или *dalminiota* вошло в обыкновение *delmata*, *dalmata*. За это сокращение мы обязаны римлянам, как и за *sarmata* из *sauromates*. Из *dalmata* образовалось уже *Dalmatia*.

Имя делминцев увековечилось в слове *Dalmatae* единственно от местного положения; ибо море и горы позволяли

делминцам делать безнаказанно морские и сухопутные разбои. Это мы увидим ниже, по падении их под иго Италии (Рима).

Так как имя *dalmatae* не было племенное, то так называемых древних далматинцев должно отнести к словенам, а не к зашедшим к ним впоследствии сербам и кроатам. Ныне, впрочем, далматское наречие есть некоторый отпечаток сербского и кроатского; несмотря на это, *дубровничане* (рагузинцы) и теперь любят свой язык называть *slovenski*’м. Филологи еще замечают, что в *кроатском*, преимущественно пограничном с крайцами, есть много *словенизма*. Как бы то ни было ныне, но древнейших *делминцев* или далматинцев отделяю от всех прочих славянских племен и причисляю к *словенам*.

8. *Illyricum*

Illyricum писалось различно как в *Царстве надписей* (на камнях и монетах), так и у писателей. Обитатели у греческих писателей постоянно Ἰλλύριοι, *illyrii*. Греческому правописанию следовали отчасти и Фасты римские, и надписи, напр. *illyrici*. Нередко греч. -у- заменяли буквою -v-: *jlluricus*, *jllurii*, даже *jllurenses*. Название страны, кажется, коренное есть Ἰλλύρις, *Illyris*, *Idis*. Прилагательные: Ἰλλύριος *jlyrius* – иллириец, Ἰλλύρκός, *jlyricus* – иллирийский. У римлян даже и *jlluricus*, *jlyricianus*, *juluricus*. Таким образом, ILLYRICUM (regnum), как название страны, вместо ILLYRIS – имя производное.

Название это прежде всего встречается у греков (у Геродота); но останется неразгаданным, с чего взяли его греки. Имя сие с его производными переняли в свою землеписную номенклатуру и римляне. Географическое значение этого слова было, смотря по писателям, не всегда одинаково. По Страбону и Анниану все страны, ограничиваемые Дунаем, с его устья по пределы Мизии, Македонии и Эпира, а с юга ограничиваемые морем Адриатическим, Италией, а с запада Галлией, составляли *Иллирию*, или *Иллирик*. Поэтому выходит, что так называлась вообще вся Словения. Римляне, которые подразделили Словению на официальные названия (которые мы уже видели), припечатали общее имя Иллирика к двум областям: *Далматии*

и *Либурнии*, которые во время Империи и составляли *praefecturam Illyrici*. Впрочем, греческие писатели, более новые, византийские, не придерживались буквально римского официального значения этого имени, и нередко они причисляют к так называемому Иллирику и Кроацию, Боснию и Сербию; это потому, что у греков не выходила из памяти *общность* этого имени, которую, впрочем, ограничивали Дунаем.

Итак, *Иллирик* – имя нарицательное, может быть – греческое, иностранное; от изучения греческих и латинских классиков оно возобновилось в воспоминании позднейшем, несмотря на то что со времен падения Римской империи *Иллирик* изгнано из географии. Давно уже и сами греки забыли об нем. К несчастью, появление его на вновь издаваемых картах древнего мира стало соблазнять добрых людей. Оставалось узнать, кому из нынешних племен, имеющих свои народные названия, принять это имя, славное у древних поэтов и историков? *Сербы* не имели к нему охоты, потому что очень мало занимались древними классиками; сербы занимались только славянскими часословами. Мало заботились об этом и *словене*, потому что в официальном римском *Иллирике* живут ныне уже не они, а *кроаты* и черногорские сербы. Венгерская канцелярия иногда называет книги, издаваемые сербами в Будине, церковными буквами, libri Illyrici. Наполеон присоединенную к Французской империи Каринтию, Краину, Бенетское побережье велел называть *Иллириею* (Illyrien). С 1815 г. эта новая Иллирия перешла обратно к Австрийскому дому под именем королевства (das Königreich Illyrien), которое, однако, ныне заключает в себе из всех славянских племен одних словен (краинцев). Таким образом, хотя и возобновлено после стольких столетий официально значение слова *Иллирия*, или *Иллирик*, однако оно *сдвинуто с места*, ибо римский Illyricum ныне находится по большей части отдельно от Königr. Illyrien, в Славонии и Далмации.

Что ж кроаты? О, храбрые кроаты были умнее и учнее сербов. Несмотря на новую официальность *преславного и глоприозного имени Иллирии*, они приписали себе оное целиком. Даже свой язык вздумали называть иллирийским, напр.: Nova

Ricososlovica *Jliricska*, vojnicsoj mladosti krajicsnoj poklonjena trudom I nastojanjem Schime Starcseviccha, Хупника од Novoga u Lici. U Tarstu 1812. Читай: *Нова Ричославица Илиричка, воиничкој младости краичној поклонена трудом и настоњем Шиме Старчевича, Жупника* etc.

Кроме *Старчевича* многие писатели, лексикографы и изыскатели употребляли слово *иллирийский* в значении народописном. Сам *Катанчич* если употребляет выражение *Jlyricae Originis*, то это значит у него – *славянского происхождения*, в противоположность, например, *Thracicae* или *Threjiaciae originis*. Но как это слово неловко употреблять ныне не только в изысканиях, но даже и в истории, легко можно усмотреть из того, что оно теперь может означать два разные славянские наречия: кроатское и словенское, имеющие свои собственные народные наименования. Само собою разумеется, славянский этнограф вовсе не должен употреблять это имя, путающее два разные понятия в народописи и посему постоянно требующее объяснения.

9. *Vindelicia, Vindelici*

Замечательно, что *Vindelicia*, как имя провинции, не встречается ни в *Царстве надписей*, ни у древнейших писателей: и те и другие употребляли *Vindelicus*, мн. *Vindelici*, как имя, означающее племя; напр. в Пизарской надписи: F. Abucius NAT. VIND. (*natione Vindelicus*); на Флоранской: Q. Caecilius Cisiacus Procurator Provinciae Rhaetiae et VINDELIC., т.е. *Vindellicorum*, а не *Vindelicae*; или на Венафрской: Sext, Fulfennius tribune. Milit. Cohortis I militum VINDELICOR. и проч. Город Аугсбург в Баварии был при римлянах столицею Винделиции и назывался AUGUSTA VINDELICORUM для отличия от других Augusta (Augsburg вместо August'sburg).

Я уже выше упомянул, что *vindi*, *venedi*, *winden*, *wenden* не то, что истрийские *venetae*, ибо это происходит из другого источника, из языка другого народа, а именно из этнографической номенклатуры немецкого языка. С незапамятных времен немцы все славянские племена, от Дуная до берегов Бал-

тийского моря, называли *виндами*, *вендами*, несмотря на то, что эти племена имели свои отдельные племенные названия. Этим же прозвищем, взятым с северных славян, именовали они и словен. Не сюда принадлежит изыскивать, с чего взяли немцы прозывать славянские племена *виндами*; заметим только, что это нарицательное и довольно общее имя увековечено писателями всех столетий, подвергалось, однако, разным правописаниям¹². Замечательно, что *venedus* и *vindelicus* появляется у древних писателей только со времени завоевания Галлии, где римляне в первый раз слышали от рейнских немцев слово *winden*, *wenden*.

История правописания этого имени зависит от языка, в который оно было принимаемо. *Wende*, *wunde* получило свое начало в немецком; перенято в латинский и греческий, в которых подвергалось двум формам.

Первая форма. У древнейших римских писателей встречается она у Юлия Цесаря (*de B. G.* III, 8), у Плиния (IV, 18) – *veneti*, у Тацита – *venedi*; Балтийское море – *Sinus Venedicus*; из более новых у Иорнанда – *venedi*, *vinidae*.

У греческих: так как военные записки Юлия Цесаря служили единственным источником для географов того времени относительно к западу Европы и как эти записки вскоре были переведены и на греческий язык, то Страбон и Птоломей многие имена Цесаревы, и даже вообще римское их правописание внесли в свои географии; посему *wenden* и у греков очутилось в виде *veneti* – *ενετοι*. Самих римлян немало путало созвучие слов *бенетяне* (*venetae*) и *венды*, и тем более еще, что и те и другие были славянского поколения. Это последнее обстоятельство и затрудняло Страбона в решении их происхождения одних от других, так что он производил *бенетян* от *wenden* каких-то галлийских, говоря: «не утверждаю этого решительно, ибо в подобных вещах должно довольствоваться догадкою».

Позднейшие западные писатели, говоря о германских славянах, к общему *vendi*, *vinidi*, *venedi* нередко для определенности прибавляли имя *племенное*, напр. *vinidi sorabi*, т.е. сербские венды и проч.

Вторая форма заключается в прилагательном на *-icus* – *Vindelicus*; *-l-* вставлено по следующей причине: так как римляне *venedus* приняли от немцев, то последовали и их выговору. Известно, что в немецком (преимущественно у южных) просторечии (*jargon populaire*) к существительному имени прилагается буква *l* или *le*, *rle* в значении некоторого уменьшения, напр. *Jurge* (Георгий) – *Jurg'l*; *Hans* (Иоанн) – *Hans'l*; *Magd* (девка) – *Magd'l* и проч. Таким образом, и *Wind'l* вместо *Winde*, во множ. *Winde'ln*, *Wendelen*, *Windelen* вместо *Winden*, прил. *windelifch*.

Итак, естественным образом римляне с этого и образовали *vindelicus*: слово одного корня и значения с *venedus*.

Так как *VINDELICI* освящено римскою канцеляриею и надписями, то имя это уважено и географами. У Страбона встречается оно даже в разных видах: *οινδολικοι* (*vindolici*), *οινδολόγοι* (*vindologi*), *οινδουλικοι* (*vindulici*). Пеаний в греческом переводе Евтропия (L. VII. C. 5) ставит *βενδέλικος* – *vendelicus*.

Здесь остается нам обратить внимание на вопрос, который уже Шлецер делал себе (*Nord. Geschicht.*, стр. 234), говоря:

«Есть еще *пятая* отрасль южных славян, а именно в Франконии (т.е. в прежде бывшем *Circulo Franconico Imperii Romano-Germanici*, а ныне составляющем всю восточную половину *Баварии*). Что Франконию с *восьмого* столетия населяли славяне, то известно отчасти из грамот и летописей средних веков, а отчасти из существующих и ныне еще славянских следов и остатков¹³. Но я не могу решить, *старожилы* ли они *Франконии*? Принадлежат ли они по наречию к словенцам (*gheti, pogici*) или к сербам, которые обитали от них севернее, и посему *Ниренберг* не одолжен ли славянам своим основанием? Или же поселились они *позже* во Франконии как *победители*, или поселены как побежденные? Равно не могу определить и *время этого переселения*. Первые исследования об этом *новом* предмете (т.е. о *франкских* славянах) делал *Reinhard* в нескольких Эрлангенских программах и *Hansselmann* в своем: *Beweis, wie weit der Römer Macht in die Ost-Fränkische, sonderlich Ho-*

henlohische Lande eingedrungen. Schwäb. Hall. 1768, pag. 210–313, т.е. *Исследование, как далеко простиралась власть римлян по Франкии, а преимущественно в княжестве Гогенлоге*».

Заметим, что Шлецер здесь соединил два разные вопроса: 1) К какому разряду славянских племен принадлежат жители страны, которая во времена Римской империи (с 40 по 350 годы по Р.Х.) в римских же приказных актах слыла *Vindelicorum*, а во времена Немецкой империи, т.е. до ее разрушения Наполеоном, писалась *Francorum*? 2) Старожилы ли славяне во Франкии? Или, лучше, когда впоследствии они туда переселились?

Первый вопрос прямой и *дельный* потому, что прямо касается дела, но второй очень отзывается *теореманиею*, т.е. *безотчетною страстью писателя без нужды затевать переселения*. Шлецера напугало то, что в имени римской канцелярии и в имени немецкой совсем другая буква, да и в самом деле, какая *страшная* разница между *Vindelicorum* и *Franco-rum*! Но увы! В *деле*, наоборот, нет никакой разницы потому, что, во-первых, по словам Шлецера, баварские *франки* были точно славянское племя, которое он впрочем, напрасно относит к *словенцам* (ad gentes rheticas); а во-вторых, если сам же Шлецер признает старожилость *словенцев* в тех странах¹⁴ и сознается, что словами *wenden*, *winden*, *venedi*, *vinidae* и проч. и прочая, т.е. во всех формах правописания этого слова, как римляне, так и древние немцы называли славянских жителей Германии, то по его же словам *vindelicici*, как жители *Франконии*, были то же племя славянское.

Зачем же знаменитому критику пугаться было разницы в мизерных буквах, если самое *дело* само же по себе *клеилось*!

Если вникнуть в причины такого непонятого *Шлецерова недоумения*, то окажется:

Что исторические его ощущения вдалились довольно глубоко в *тевтоманию*, а именно: исчисляя (Nord. Gesch., 334–338) все главные отрасли *тевтонских* племен (которые он несправедливо называет *германскими*), он *франков* сделал заглавием 2-й отрасли племен *тевтонских*, называя 1-ю *саксонскою*, а 3-ю *готфскою*. Племена первой отрасли, конечно,

и доселе существуют налицо, но о племенах *третьей Шлецеровой* отрасли не осталось ныне в Европе ни малейшего парика, ни малейшего следа! Тут критик уже и нас приводит в *страшное недоумение!*

Что же касается до *второй* отрасли, то говорит, что к ней принадлежат немцы гессенские, верхнерейнские, *франконские* (sic!!!), швабы, баварцы, австрийские, эльзасские и швейцарские. Их-то всех *Шлецер* называет вообще *франками* (а в скобках: швабами, или аллеманами) (см. Nord. Gesch, 336)!

Страшно! Слово *vindelici* перешло к римлянам как слово немецкое, как мы видели выше, следовательно, *винделики*, обитавшие именно в тех же местах, где и Шлецеры славянские *франконцы*, сами себя так не называли, точно так же, как и саксонцы не называют себя немцами, русским словом. Какое же бы могло быть их настоящее *природное племенное название?* *Словенцами* (rheti) они себя никогда не называли потому, что Страбон, Плиний, Тацит и Птоломей проводят жилища *словенцев* только до *Винделикии* и всегда отделяют *rheti* от *vindelici*, как мы ниже увидим. Следовательно, вопрос *Шлецеров* – принадлежали ли они к *rheti*, – совершенно неуместен.

Но совсем другое дело, если *Шлецер* прибавляет: *или может быть к сербам?* Напрасно же он задавал себе вопросы, если отказывался от их решения, которое заставило бы науку сделать огромный шаг вперед! Об этом тем больше сожалеть должно, что в руках извлекателя были все нужные средства, как логические, так и материальные.

Так как название *vindelici*, употреблявшееся в римской канцелярии, как всякий усмотреть может, было совершенно *чуждо* франконским славянам, то спрашивается, какое же было их настоящее *племенное* имя, имя, которым они сами себя называли? Должно было непременно ожидать, что с падением Римской империи и канцелярии вскоре Винделикия или ее славянские жители проявятся в бумагах европейских народов под своим *природным* именем, как это случилось почти и со всеми другими народами (как это уже доказал I том сего сочинения) и как мы уже видели пример над *rheti* и *pannones*.

Итак, оставалось только караулить появление *нового* имени винделиков у анналистов V, VI, VII и VIII веков, запасшись *куражем* и не страшась *новых* особенных букв, схватить его.

Это-то *новое* имя тотчас бы решило вопросы Шлецера: к *rheti* ли или к *сербам* принадлежали винделикские славяне по наречию и имени? Для этого следовало рассмотреть только *новые* буквы, *новое* имя, и если бы оно состояло из: *sclavi, sclaveni, schlavini, slovini, slovinci* и т.п., то *vindelicī* были бы те же *rheti*, или, иначе, баварские славяне, те же *словенцы*; если же это имя было бы: *zyrbi, surbi, sorbi, sorabi, zorabi, servi* и т.п., тогда винделики, конечно, принадлежали бы и по наречию и по имени к сербам. И все *недоумение* исчезло бы. Но, увы, вышло ни то, ни се! Потому что настоящее имя этих баварских славян, или *vindelicoꝝ*, было *franki*: страна, ими населяемая, постоянно называлась *Франкиєю, Франциєю, Франкониею*.

Кажется, этого простого логического средства было достаточно, чтобы решиться на мнение, что *vindelici*, или *франкские* славяне, по наречию и имени не принадлежали ни к словенцам (*rheti*), ни к *сербам*, как бы, впрочем, ни были близки их наречия. (NB. *Язык* больше важен для филологов, но разница в *имени* для историков гораздо важнее.)

Если это обстоятельство не могло надоумить не только Шлецера, но и всех тевтоманов, то могли, если бы захотели, обратиться к древним географам.

Страбон всегда отличает *франкских* славян (*vindelici*) от *словенских* (*rheti*). Говоря в кн. IV о *Боденском* озере, которое, как известно, образовалось от разлива Рейна, замечает: «Рейн разливается на большое болотище и великое озеро, до которого простираются ρῆτοι и οὐινδοῦκοι (т.е. по-русски – *словенцы* и *франки*), живущие (т.е. первые) в Альпах, а другие (последние) за Альпами», т.е. по Баварии.

В другом месте (кн. VII) еще упоминает об этом озере, равно и о Люцернском: «Недалече оттуда источник Дуная и Рейна, и озеро (ныне Луцернское) между этих двух источников, и озерища, излившиеся из Рейна (Боденское озеро). Озеро имеет в окружности более 300 *стадий* (римских верст),

а в длину около 200. *Словенцы* примыкают отчасти к озеру, но больше гельветы и *франки* упираются в него. Оттуда простирается пустыня боев к пределам Паннонии. Из них больше всех гельветы и *франки* населяют равнины заальпийские (Баварию). *Словенцы* же (*rheti et norici*) простираются (на юг от Боденского озера) чрез все Альпы до самой Италии, так что одни из них примыкают к *Нисубрии*, а другие к краинцам (поморской отрасли словенцев) и к окрестностям Аквилеи». Почти так же, как и ныне еще!

Из этого очевидно, что *vindelici*, или *франки* и *словенцы*, отделяются, как разные племена и разные наречия, но одного и того же языка.

Также и Плиний отделяет их: «Возле краинцев, – говорит он, – (к северу) обитают *norici*, которых некогда называли *taurisci*. С ними граничат *rheti* и *vindelici*, и те и другие состоящие из многих общин»¹⁵.

Римские писатели I и II столетий *горским народам* (*gentes Alpinae*) всегда давали название *rheti*: между тем как народам¹⁶, жившим к северу от Тироля и Австрийских гор, т.е., по выражению римлян и греков, заальпийским (*transalpinis* ἰτεραλπεῖων), давали название *vindelici*, как *другое* народное.

Кроме географов и *Царство надписей* (*Regnum Epigraphicum*) отличает *франконских* славян от ретических. Так, на Друзовом памятнике, на коем исчисляются разные общины Словении, им покоренные, вместо *gentes Rheticae* употреблено *gentes Alpinae*, где между прочим говорится: *Senatus populusque Romanus (posuit) quod ejus ductu auspiciisque gentes Alpinae omnes, quae a mari supero ad inferum pertinebant, sub Imperium populi Romani sunt redactae. Gentes Alpinae devictae: Triumpilini, Camuni, Venostes, Vennonetes, Isarci, Breuni, Genaunes* и проч. продолжается исчисление. Так как Друз, достигши Боденского озера, коснулся и южной части Баварии (или Франконии), то в этом исчислении упомянуто и о франках вообще: «*Vindelicorum gentes quatuor*», не называя, впрочем, этих *gentes* по имени.

Но есть еще в *Царстве надписей* более важное обстоятельство для решения Шлецерова недоумения.

Скажем прежде слова два о *Царстве римских надписей*.

Когда Италия, выступив из своих пределов, захватила Европейскую и Азиатскую Турцию, Сирию и Египет, Галлию и Испанию, и, наконец, *Словению* и часть франкских славян, то не была уже в состоянии выставлять столько *итальянских полков* (legions), сколько требовалось для удержания в повиновении стольких народов и обережения так далеко растянутых кордонов. С осторожностью Сенат приступил к набору с разных *племен и языков*. Одною из мер предосторожности было постановление, что составлять полк (legio) имеет право только Рим (или Италия впоследствии), а языцы могут служить только *ротами* (cohorts). Рота обыкновенно состояла из 500 или 600 человек. Этот набор с *языков* назывался *auxilia*, т.е. подмогою легионам. Всякий *язык*, соразмерно с величиною своего народонаселения, выставлял известное количество рот, которые носили название своего языка и No I, II, III и т.д. Так, напр. если рота состояла из албанцев или скипетаров, то командир назывался PRAEF. CON. I. THRAC. – читай: *Praefectus Cohortis primae Thracum*, т.е. командир скипетарской роты № I, или CENT. CON. III. MAC. – читай: *Centurio Cohortis tertiae Macedonum*, т.е. сотник албанской роты № 3. Так и роты всех других языков. К чему тот или другой язык был способнее, к тому его употребляли: так, напр. из галлов, из африканских кочующих бедуинов набирали конницу, которую тоже нумеровали, напр.: AL. II. EQU. NUM – *Ala Secunda Equirum Numidarum* – т.е. бедуинский эскадрон № 2, или второй бедуинский эскадрон. Правда, и *легионы* иногда назывались именами языков, напр. *Legio Pannonica, Macedonica*, но эти имена означили только то, что полк расположен по Паннонии или Македонии. Если же римляне хотели означить язык или племя, то употребляли его имя во мн. род. *cohors Pannoniorum, Macedorum*, т.е. когорты *из паннонцев, македонцев*.

Если бы в то время издавались *Allgemeine Zeitung, Journal des Débats* или *the Times* и *the Morning-Chronicle*, то, наверное, подсказали бы римскому Сенату, что Империи не существовать более 50 лет, если она вооружила все *языцы*. Однако Сенат принял свои меры, о которых, может быть, не догадались

бы и издатели *Allgemeine Zeitung* или *the Morning-Post*. До имп. *Августа*, т.е. до завоевания *Словении*, система римской политики была *завоевательная*; с *Августа* же исключительно *охранительная*, защитительная (*systeme conservatif*). Рим вооружил *языцы* не на себя, а на *языцы* же. Так, напр. *бедуины* должны были укрощать *испанцев* или *евреев*, *галлы* – *фракийцев*, *словенцы* Сицилию, *Армению* или *Морею*, или *Испанию* и проч. *И вооружися язык на язык.*

Ко всякому легиону отряжен был какой-либо язык, но для обеспечения самого легиона в малой пропорции: обыкновенно к 10 ротам *одну* или *две* из *языка*. Эту арифметическую пропорцию по-русски можно выговорить словами: *языцы! покоряйтесь, с вами легион.*

Таким образом, по всем пределам Империи лежат рассеянные кости разных языков. До костей нам дела нет; но для нас важны рассеянные по всей Империи *надгробные надписи*. К обрядам похорон воина римской службы принадлежала надпись с означением *имени*, *чина*, *номера* полка или роты, или эскадрона, и имени языка, в котором родился. Если офицер умер в отставке и на родине, то памятник воздвигали родные; если в дальней стороне, то этим занимались приятели или сослуживцы; если умер на дороге, то это было дело служителя или денщика. Итак, если мысленно вдруг обхватить эти *стоящие*, *наклонившиеся* или *лежащие* белые камни всей Империи, то эта Империя, это *всемирное кладбище языков* представляет обширное *Царство надписей* (*Regnum Epigraphicum*), в которое в *субботу поминовений* вольны входить все народы для возлияний на гробах своих родных.

Так как Римская империя чрезвычайно бедна не только историками и географами, но и статистиками, то *Царство надписей* представляет богатое поле для пополнения того и другого. Равномерно оно может рассеять недоумение *теореманов*, т.е. охотников мечтать: *откуда, когда и как происходили, приходили те или другие языцы*. Если бы все это царство было открыто и поднято и обнаружено, тогда оно доставило бы нам верную статистику не только сил внутренней стражи

Империи, но и ее *поборного* отношения к языкам. Напр. если Царство надписей откроет нам надпись с № X-ой когорты какого-либо языка, а больше номера не имеет, то этот открытый № X есть *живое* свидетельство, что этот язык доставлял Риму от 5000 до 6000 рекрут своего племени, считая, что когорты не была менее 500 человек.

К сожалению, половина Империи, находясь в руках мусульман, еще не тронута; да и то еще, что открыто и обнародовано в европейских государствах, не приведено в *полный свод надписей*^{17!}

Мы обязаны, однако, ученому кроату, Катанчичу (бывшему проф. нумизм. в Пестск. унив. в Венгрии), за собрание и объяснение подписей, относящихся к странам Дунайским. Для пояснения сказанного приведем несколько надписей.

В римской:

P. PETRONIO. M. F.
QVIR. HONORATO.
PRAEF. COH. I. RAETICAE.

т.е. «Публию Петронию. М. Ф. Гонорату, командиру I *словенской* роты»

На мессинской:

L. BAEBIVS. L. F.
GAL. JVNCINVS
PRAEF. FABR. PRAEF.
COH. III. RAETORVM
TRIB. MILIT. LEG. XXII.
DEIOTARIANAE
PRAEF. ALAE ASTYRVVM.
и проч.

Читай «L. Baebius L. F. Gal. Juncinus Praefectus Fabrorum, Praefectus Cohortis IV *Rhetirum*, Tribunus Militum Legionis XXII Dejotarianaе, Praefectus alae *Asturum*».

Т.е. «Л. Бебий Юнцин, начальствующий ремесленную ротую, командир 4-той роты из *словен*, военный трибун 22-го полка и командир эскадрона из *астурийцев*»¹⁸.

Катанчич (т. I, стр. 152) утверждает, что в Цилийской надписи есть PRAEF. COH. VI. RAE. т.е. *6-ой словенской роты*.

На венефрской:

Venafrum (тогда порядочный городок, а ныне жалкое местечко в Неапол. кор.)

SEX. FVLFENNIO. C. F. TER. SALVTARI
PRAEF. COHOR. IV. GALL. EQVIT.
TRIB. MIL. COHOR. I. MIL. VINDELICIR.
PRAEF. ALAI. I. PANNONIORUM
и проч.

Читай: «Praefecto Cohortis IV Gallorum Equitum, Tribuno Militum Cohortis I Milliariae Vindellicorum, Praefecto alae I Pannoniorum».

Конница из галлов, очевидно, на этой надписи потому названа *когортою*, что состояла из двух эскадронов, т.е. из 600 человек. Рота из *франконских* славян (т.е. из франков) названа *тысячною* (milliaria) по удвоенному комплекту, и, наконец, эскадрон № I из паннонских *словенцев*.

Это не надгробная надпись; она сделана синьору *Фулфеннию* городом Венефро за его покровительство (patrono Coloni-ae) городу, в котором была его главная квартира.

Итак, из этого видно, что синьор *Фулфенний* командовал в северных частях нынешнего Неап. королевства:

600-ми конных галлов,

300-ми конных паннонцев (т.е. степных *словенцев*),

1000 пехотных славян-*франков* (vindelicis)

Итого 1900 чел.

Так как здесь при *vindellicorum* выставлен № I, то был где-либо в Сирии или Испании и № II.

Итак, надписи, отличая язык от языка наравне с географами, могли убедить Шлецера, что *rheti* и *vindelici* говорили

на разных славянских наречиях и, что важнее, носили разные названия, как мы уже видели. Эту истину окончательно подтверждает в *Царстве надписей* то обстоятельство, что воздвигавшие памятник, если были *нелатинского* рода, прибавляли, какого они *племени* или *языка* (nationis), напр. NAT. THR. (natione *thrax*, т.е. родом арнаут или из арнаутов или скипетаров). Таким образом встречаются указания на разные происхождения: NAT. PRT. BES. LVS, т.е. phryx, bessus, lusitanus и проч.

Итак, надписи и в этом отношении отличают язык *rheti* от *vindelici*.

На римской:

D. M.
T. AVRELIO
SPERATO EQ. SING.
TVRMA AERELI
SABINIANI NATIONE
RAETO. VIX. A. XXXIII
MILITAVIT. A. XVIII
AVRELIVS. QVINTVS
DVPLICARIVS. HERES
ET AVRELIVS AVRIANVS
AMICO. OPTIMO. F. C.

Чит. «Tito Aurelio Sperato Equiti Singlario Turma Aureli Sabiniani, Nazione *Rheto*. **Vixit Annis 33, militavit annis 18.** Aurelios Quintus duplicarius heres, et Aurelius Aurianus amico optimo fieri curarunt». Т.е. Титу Аврелию Сперату, кавалеристу Сабинианова дивизиона, племенем (или языком) *словенцу*. Жил лишь 37, служил 18. Искреннему другу (сей памятник) велели сделать Аврелий Квинт и Аврелий Авриан».

На другой римской:

O. PVDENTINO. EQ. SIN.
TVR. ROMANI. NA. RET. VIX. AN.
XXX. MIL. AN. XVII. TVRNIVS
и проч.

Читай: «O. Pudentino Equiti Singlario Turma Romani, Natione *Reto*. Vixit annis 30, militavit annis 17. Turnius...» и проч. Т.е. Пудентину всаднику див. Р. родом *Словенцу*. Жил лет 30, служил 17 и проч. (бедняка в 13 лет взяли!). Возьмем еще одну римскую:

T. AVR. PACATINO. EQ.
SING. AVG. TVR. AVR. CAL.
PVRNIANI. NAT. RAE
TVS. V. A. XXIX. MIL. A. XI.
T. AVR. VICTORINVS
SIGNI. A. C. F. C.

Т.е. «Tito Aurelio Pacatino Equiti Singlario Augusti, Turma Aurelii Calpurniani, Natione *Rhetus*. Vixit annis 29, militavit annis 11. Tit. Aur. Victorinus Signifer amico carissimo fieri curavit». Т.е. Т. Ав. Пакатину, всаднику Калпурианова дивизиона, племенем *словенцу*. Жил лет 29, служил 11. Т. А. Викторин знаменосец любезнейшему другу воздвигнуть велел».

На пезарской в Италии:

D. M.
Q. POMPONIO. VERO
AEQ. III PL. AVREL. A.
F. ABVCIVS. PIVS. NAT.
VIND. COM. S. B. MER.

Читай: «Quinto Pomponio Vero triplario Aurelius Abuci filius Abucius Pius, natione *Vindelicus*, commilitoni suo bene merenti». Т.е. памяти Кв. Помпония Вера, всадника III, (воздвиг) Аврелий Абуков сын Абуций, родом *франк*, сослуживцу своему достойнейшему».

На регенсбургской:

D. M.
ET. MEMORIAE
MISERRIMORVM.

VINDELICIS
HARMOGENIANO
ET VICTORI
ET SAVRE. FIL.
VINDEL. SVRINVS
INFELIX. PATER

Ф. С.

Читай: «Manibus et Memoriae miserrimorum, *Vindelicis* Harmogeniano et Victori et Saurae filiis *Vindelicus* Surinus infelix pater faciendam curavit». Т.е. Теням и памяти несчастнейших *франко-славянских* уроженцев Ермогениана, Виктора и Савры сыновей велел воздвигнуть несчастный отец Сурин, *франконский уроженец*»¹⁹.

Это, кажется, достаточно убеждает, что делаемое в Царстве надписей различие между *natione rhetus* и *natione vindelicus* основано на *действительном различии* между этими двумя славянскими племенами как относительно их наречия, так и имени. Авторитет надписей имеет преимущество пред всеми возможными свидетельствами посторонних потому, что в надписях воздвигатели памятников сами свидетельствуют о своем племени. Если бы *франк* или житель Франконии, *vindelicus*, говорил действительно на наречии штирийском, если бы он притом носил еще и название *словенец*, которое, как ему должно было быть известно, греки и римляне в буквальном переводе выражали словом *rheti*; то он никак не решился бы *отрицать свою национальность* (*natione rhetus*); но здесь, напротив, *отрицание* есть *собственное признание подсудимого, глас вопиющего из гроба*. Этот отрицательный глас мог уничтожить недоумение знаменитого геттингенского профессора.

Так как *франконские славяне* сами себя *винделиками* не называли, так как не называли себя и *словенцами*, и тем менее славянами, как именем существующим только в книгах этнографических, – и, наконец, так как Шлецер отнял у них их имя *franki* и отдал швабам (аллеманам), где оно совсем лишнее; то эти славяне делаются по милости Шл. *совершенно*

безымянными! Итак, волею-неволею логика заставит нас вернуть баварским бывшим славянам их народно-племенное имя и сказать со Шлецером, но только короче и прямее: «Еще была пятая отрасль южных славян, а именно франки по нынешней Баварии».

Говоря о франках, не надобно думать, что Франкия простиралась до той линии, до которой и *Vindelicia* римлян. Так как Дунай был пограничною линиею римских владений, то из этого не следует, что то же самое племя *vindelicorum* или франков не простиралось от Дуная далеко к северу, к устьям Эльбы (Лабы). Но доселе никто еще не писал строго рассудительным образом ни о племени франков, ни о пределах их природных жилищ. Однако никто не сомневался, даже и сам Шлецер, что они простирались к северу к устью Эльбы и к берегам Везера, т.е. к пределам древней Саксонии. В этом Шлецер ссылается на *Групена*²⁰, по которому утверждает, что франки обитали и в Вестфалии около *Падерборна*.

Но мы оставим мнения Группенов и Шлецеров и обратимся к свидетельствам древних:

*Экхард*²¹ говорит: «Франки некогда обитали у Балтийского моря, где ныне *Вагрия*». Может быть, *Экхард* прав, если этим хочет намекнуть на происхождение или сродство франков с балтийскими славянами; но заключать жилища этой могучей нации физически невозможно в одной Вагрии.

Лучшее понятие о природных²² жилищах франков дает нам св. Иероним в жизнеописании св. Иллариона, говоря: «Между саксонцами и аллеманами обитает народ не столько обширный, сколько многочисленный и храбрый, который у историков слыл *Германиею*, а ныне называем Франкиею»²³.

Говоря о Франкии, я подразумеваю под этим словом пределы, заключавшие в себя франкскую нацию. *Francia* зарейнская не представляет нам этой идеи настоящей Франкии. Это прекрасно пояснил *du Cange du Fresne* (в своем *Glossar. mediae et infimae Latinitatis*). «Но в последующие столетия, а преимущественно в эпоху Меровингов и Карловингов, когда владычество франков уже распространилось и над другими народами, то все

они принимали название Франкии. А это сделалось от того, что правители этих приобретенных областей, происходя от франков и управляя от имени франков, титуловали себя *Повелителями Франков* (Reges Francogum), а не тех стран или племен, которыми управляли, как это уже давно заметил *Otto Frisingensis* (Lib. 6, cap. 17) и *Sirmondus* (ad Capit. Caroli. C. tit. I)».

Это пояснение оправдалось тем, что страна не франкская по ту сторону Рейна удержала и доселе название Франции, несмотря на то, что *франки* составляли в ней только военное сословие или гарнизон. Не доверяя жителям, состоявшим большей частью из латинских колоний и исповедовавшим христ. веру, франки не принимали их в военную службу и обращались с ними как с *дяурами*, которым не позволяется носить оружие. За военную службу франкам розданы были *участки* точно так же, как и при наших царях раздавались *поместья* дворянам. По *Салическому* закону этим поместьям не наследовали дочери, потому что не садились на коня для службы. Вообще все эти земли военнотружущих были свободны от всякого взносу или десятины и назывались посему *terra Salisa*, или *terra Franca*. Вот почему в язык зарейнских дяуров вошло в употребление все *свободное* называть *franc*, *affranchir* – освободить; *parler franchement* – говорить *свободно*.

Для удержания жителей в страхе и повиновении *франки* обыкновенно заселяли крепости или укрепленные города, откуда они повелевали окружающими их галлами и многочисленным потомством итальянских колоний. Чтобы франка защитить на поле, в дороге, в деревнях и открытых местечках, франкские законы постановили, чтобы жители (*romani*) наказываемы были *вдвое*, т.е. если франк за обиду жителю платил *20 solidos*, то житель (*romanus*) за *ту же* обиду, нанесенную им франку, платил *40*. (Законы эти с франкского переведены для жителей на латинский язык, на котором и до нас дошли под названием *lex Salisa*, и *lex Ripuariorum*, и *lex Burgundiorum*).

Кроме этого униженного отношения перед франками жители обложены были еще разными налогами со своих имуществ, а другие, бравшие участки Салические для обработки

вания, *закабаливались* в податное состояние частным франкам точно так же, как и ныне болгаре в Македонии и Фракии закабаливаются тимариотам, обязанным военной службою.

Итак, после римского *муниципального* и *колониального* права ничем нельзя так выразить это новое положение обитателей Галлии, как названием *дауризма*. И действительно, франки находились в Галлии в таких же отношениях к жителям, как и турки в Болгарии, Македонии и Фракии к болгарам, где, населяя только укрепленные места и их околицы, представляют только гарнизон. Потому-то естественным образом султан титулуется только *Повелителем Османлиев* (повелителем самих повелителей), а не повелителем болгар. Так и в Галлии нужно было говорить только *Rex Francorum*, а не *Romanorum*. Следовательно, *Francia* за Рейном выражает только идею гарнизона, только *владения* франков; *Francia* по сию сторону Рейна (граничившая к востоку с *словенцами, моравцами, чехами, сорабами*, а к северу и юго-западу, как говорит *блаж. Иероним*, с саксонцами и с аллеманами) представляет *идею* нации франкской, не смешанной ни с какими другими языками.

Первые завоевания франков за Рейном происходили между Сейною и Маасом, около 438 году, под начальством *Хлодиона*. Младший его сын, *Меровей*, после его смерти приняв начальство над *гарнизонными* франками в Бельгии и Галлии; побывавши в Риме, решился вступить в вассальство римское, чтобы не повиноваться старшему своему брату и своей родимой Франкии. Без сильной войны нельзя было обойтись, и франки обратились к Аттиле: это было причиною его страшного похода в Бельгию в 452 году, вследствие которого *Меровей* примирился с своим отечеством, которым тоже управлял после смерти своего брата.

Известно, что он сделался родоначальником *Меровингской* династии франков. Частые войны с соседними владетелями, необходимость в бдительности над покоренными, привлекательность страны побудили со времени Меровея династию повелителей *всей старой и новой Франкии* поселиться за Рейном. В этом отношении они похожи на династию

султанов, которые тоже постепенно подвигали свою столицу вслед за завоеваниями и ныне еще управляют своею родину из дальней, чужой стороны.

Однако эти завоевания были *гибелью для франкской национальности*. Со времени Аттилы в Восточной Европе образовалась сильная держава (которая доселе непояснена еще историческими исследованиями и пояснение коей есть цель сего сочинения), известная под именем *гуннов*, или *обров*. Походы и победы *Аттилы* приобрели этой державе непосредственное влияние на Моравию, Богемию, Соравию (что ныне Саксония). По сей причине Старая Франкия подвергалась вмешательствам со стороны этой великой державы в пользу чехов и сорабов. Меровинги, в продолжение своей династии, не раз принуждены были по берегам реки Салы, Эльбы и в Тюрингене отстаивать свое старое отчество: иногда по трактату целые участки Старой Франкии переходили к сорабам или к балтийским славянам.

С другой стороны, Меровинги по мере своих завоеваний в Галлии постоянно нуждались в новых *наборах* из Старой Франки для укрепления своего владычества в Галлии. Так как тогда не было постановлено, чтобы воины, подобно инокам, не были женаты, и как всякий отец семейства был обязан службою, то за этими воинами от пределов Богемии, Соравии и берегов Эльбы уходили за Рейн целые колонии семейств, которые после рассыпались по гарнизонам между разных языков и наречий Галлии.

Надобно заметить прежде, что сама Галлия не представляла ни малейшей национальности. Она была испещрена итальянскими колониями *разных наречий*, но *одного* языка, или корня. Эти *простонародные* итальянские наречия не совсем понимали друг друга (точно так же, как и ныне еще). Для *всеобщего* уразумения христианская религия употребила *старый* язык Цицерона.

Так как франки за Рейном не составляли нации, а только дворян, помещиков или же гарнизонных, то дети их, смотря по тому, где селились, принимали *жаргон* той области.

Следовательно, при этих отношениях франкам весьма трудно было сохранить свой язык.

Но, может быть, кто-либо сделает возражение: если франки находились в таких же отношениях к жителям Галлии, как и турки к жителям христианских стран в Европе, и если эти последние сохранили свой язык; то почему и франкам не сохранить было своего? На это скажем: турков всегда поддерживала своя религия, свои особенные письмена. Франки, напротив, сделавшись христианами, гуртом бросились на изучение латинского языка и его литературы. Кроме сего, турки, живя гарнизоном в Европе, непосредственно граничат с массою своего народа, между тем как *настоящую* Франкию от зарейнской *искусственной* отделили после немецкие племена, так что зарейнские франки должны были разлучиться со своею народностью.

Несмотря на это, еще в VI и VII столетиях заметно весьма большое *народное* сочувствие между зарейнскими франками и чехами.

Послушаем Павла Орозия (жившего в V веке): «*Валентиниан* саксонцев, *народ, живущий между болот у берегов Океана, но храбрый и добрый, поразил у самых границ* франков (Valentinianus Saxones, gentem in Oceani littoribus et paludibus inuis sitam, virtute atque agilitate terribilem, in ipsis Francorum finibus oppressit)» (Lib. VII, cap. 32).

Чтобы понять, что блаж. Иероним действительно прав, если *Germani*-ю древних *отличает от Немеччины*, то необходимо припомнить себе следующие обстоятельства:

Саксонцы, по *Орозию*, населяли Поморье от устья Везера до устья Рейна, и вглубь самой Фландрии. Аллеманы (*швабы*) населяли западную часть Швейцарии, Баденское в. герц. и Виртембергского значительную часть. *Alemanni* не есть национальное название этой *южной* отрасли немецкого народа. Слово это выдумали иностранцы, а именно, можно сказать, тогдашние жители Пиемонта и Прованса. Их поразило то, что швабы почти всякую фразу начинали словом *tan*, напр.: *tan kanu, tan will, tan wird* и проч. и проч. По этой причине и

прозвали их маннами (*a-la-man, alamannus*). Точно таким образом мадьяры в Венгрии, наскучивши слушать постоянно указательное *ten-to, ta-to, to-to* (сей, сия, сие) в языке словаков, прозвали их *тотами (totok)*, а в нынешнее время *тотами* же называют и все славянские племена, в числе коих и Россию (Tot uemzetek). Итак, народное имя этого племени собственно есть *швабы (svevi)*, которое, однако, не должно смешивать со *svenones* у Балтийского моря). Вот два родовых названия двух колыбелей северных и южных немцев: прочие же названия выражают только подразделение этих двух племен.

Заметь хорошо: Расселение (колонизация) *швабов и саксонцев*, т.е. немцев, к востоку по странам славянским начинается с Карла Великого, или с IX века.

Так как *фактически* известно время заселения *швабами* земли франков, Словении (т.е. Австр. эрцгерцогства, Тироля, Штирии и Каринтии, и краевых мест в Богемии), – равно и время заселения *саксонцами* земель тоже франкских, сорабских, Балтийской Славянщины и земли пруссов; то больше немецких коренных племен, кроме *швабов и саксонцев*, не оказывается.

Итак, возвращая мысленно эти колонии обратно в пределы их древней колыбели, в границы *Старой Швабии и Старой Саксонии*, славянские земли (*Germania*), в числе коих находилась и земля *франков*, окажутся в своих этнографических пределах.

Следовательно, так как *все нынешние* немцы (не принимая даже в расчет вынужденного онемечения множества славян) заключались в IV веке в пределах швабов и древней Саксонии, и как блаж. Иероним от этой *Тевтонии* своего времени отличает *франков* или, как говорит, *Германию*, то этим самым убеждает нас в двух понятиях:

а) что *франков* он называет славянским племенем (которому племенного имени Шлецер не умел доискаться).

б) что у Юлия Цесаря, Тацита, Плиния, Страбона славянские племена, обитавшие между Рейном и Вислою, Балтийским морем и Дунаем (за исключением *Тевтонии*), носили

общее название *Германии* и что это слово римское (вроде *a-la-man*) отринуто народопознателями, современными блаж. Иерониму.

Таков смысл слов *блаж. Иеронима*. Каков же может быть смысл и слов *Тацита* в его статейке «*De moribus Germanorum*»?

Впрочем, не только блаж. Иероним и Орозий отличали франков от аллеманов и саксонцев как язык и племя отдельное, но и все анналисты V, VI, VII, VIII столетий. Удержимся от множества тому примеров и взамен вспомним только о постоянной *народной антипатии* и ненависти между франками и аллеманами с одной стороны, а с другой – между франками и саксонцами.

Но поразительнее еще то, что *франкские личные имена вы отыщете и в летописях Сорабии, Силезии, Богемии, Польши, Сербии, Кроации, Болгарии!* (Давно надобно было сличить их.) Что же после этого сказать о *словопроизводной галиматье* А. Тиерри, пытавшегося, по указанию Гримма, произвести эти имена из саксонского языка совершенно на том же филологическом основании, на котором один немецкий изыскатель имя *Навуходоносора* производил из славянского, держась немецкого правописания этого имени (*Nebukadnezar*). Этимолог сей тотчас догадался, что это прямо есть славный *Небу-угодный Царь!* И объявил славян халдеями (см. *A. Thierry. Lettres sur l'histoire de France*).

Кроме сего, свидетельство св. Иеронима, что франки *не говорили* по-немецки, подтверждается историческим обстоятельством:

В истории распространения христианской религии языки играли важнейшую роль. Знание языка облегчало ход евангельскому учению, т.е. стоило только учение привить людям известного языка, то оно тотчас могло открыть себе дорогу во все концы, заселенные этим же самым языком. Этому живой пример Европы, Азии и Африки. Стоило только креститься болгарам, как немного спустя добровольно, по собственному убеждению, крестилась вся *русская* славянщина по самый

Новгород. Но тут-то учение остановилось, нашедши на сильную *таможню для мыслей* на пределах *чухонского, зырянского* языка и прочих *чувашей*.

Таким образом, восстание болгарского попа *Богумила* против Нового и Старого Рима вскоре разнеслось между славянами Венгрии, Моравии, Богемии и Сорабии (в нынешней Саксонии), но оно с лишним 350 лет таилось в этих славянских наречиях, несмотря на то, что проявлялось в гуситских войнах. В вольнодумной *Сорабии*, не признававшей более Папы, владеемой Саксонским домом, нашел убежище по соседству Мартин Лютер. Набравшись душку оппозиционного, он сообщил его в своих формах немецкому языку – и глядь, в менее, нежели 50 лет, весь огромный север Европы, т.е. во всех языках тевтонического корня, передался в оппозицию и проч.

Как бы то ни было, но язык много значит. Итак, сделаем вывод.

Франки в V веке были уже христианами; каким же образом, будучи соседями саксонцев, это учение 400 лет хранилось между ними, не перешло к саксонцам, которых только Карл V. насильно и палками принудил принять Евангелие, если франки говорили бы на немецком наречии!

Как же после этого не поверить блаж. Иерониму, что *франки* были *самое западное* славянское племя в Европе?

* * *

Боясь слишком удалиться от моего предмета, т.е. от самого *южного славянского* старожилородного племени, от *словенцев* (gheti, pogici, rappones, carni), я оставляю дело *франков* неконченным, потому что здесь не место проводить о них все возможное. Может быть, больше об их деле будет сказано в моем сочинении: *Скандинавомания и ее поклонники, или столетние изыскания о варягах* (Москва, 1836).

Теперь же я спешу оправдать то, что я сказал об эпохах истории *словенцев*, не смешивая их с прочими славянскими племенами.

І. Древний период Словении

Сообразив сии имена, выходит, что о *словенах* есть древнейшие известия, относящиеся к первобытной доримской эпохе сей самой южной отрасли из славянских племен. О *бенетянах* (veneti) упоминает Геродот, причисляя их к иллирийцам. *Полибий* отличает язык бенетян от языка жителей Галлии. Страбон, читая нечто об имени каких-то *veneti* в записках Юлия Цезаря, который у берегов Северной Галлии с ними воевал, смешал с ними и наших бенетян по созвучию, и пустился в производительные догадки о возможном происхождении бенетян от Цезаревых венетов.

Не менее старо у древних и имя *краинцев*: Ливий к 584 году от построения Рима, или к 167 году до Р.Х., говорит, что послы краинцев, истрийцев и япидов (carnorum, istrogrum et japydum) представляли римскому Сенату жалобы на причиненный им вред *К. Кассием*, военным трибуном. Упоминаются краинцы и в Фастах под 638 годом от построения Рима, или 113 г. до Р.Х., в котором М. Эмилий Красс имел триумф de GALLEIS KARNEIS. Катанчич думает читать, по мнению некоторых, SARNEIS по той причине, что-де здесь краинцы названы галлами; но напрасно, ибо *galli* у римских писателей не имело определенного племенного значения и употреблялось относительно к Западу почти так, как *скифы* у греков, или *турки* у арабских писателей. Таким образом, и Помпоний Мела (L. II. C. 4) говорит о бенетянах и краинцах: «*Sinistra (Adriatici maris) parte Carni et Veneti colunt Togatam Galliam.*»

Об истрийцах в Фастах под 174 годом до Р.Х. (577 от П.Р.) имел триумф консул Appius Claudius Pulcher de ISTREIS. Часто о них говорит и Ливий. У Скимна: Ενετάν έχονται Θράκες Ιστριοί λεγόμενοι – *за бенетянами следуют фраки, называемые истрийцами, или истрийскими*. Аполлодор у Стефана: Πέρ δέ τούς Ιλλους Διβουρνοί, καί τινες Ιστροι λεγόμενοι Θράκες – *выше галлов суть ливурнцы и некие истрияне, называемые фраки*.

Таким образом, поморская часть Словении гораздо прежде до Р.Х. встречается у древних, между тем как северная, подунайская, озарилась только со времен Августа, т.е. с совершенного ее падения под иго Италии.

Падение Словении происходило постепенно: началось оно за 170 лет до Р.Х., т.е. полуостров Истрийский пал в 174 году, а Поморье до самой Венеции 7 лет спустя. Точно в это время Римская республика старалась обходить Адриатическое море: в связи с падением Словенского поморья совершилось и падение албанцев (арнаутов), или Эпира. Но между тем подунайские и горские словене (rheti) составляли независимое политическое тело, которое, по свидетельству Диона Кассия, решалось противоборствовать Италии. В последнем полувеке пред Р.Х., в который и с западной стороны Словении принадлежали Италии Пиемонт, Савоя и Прованс с его марсельскими греками, когда итальянцы под начальством Цезаря двинулись на завоевание всей Галлии, королевство или княжество Словенское (Regnum Noricum) еще существовало. Владетельный дом словен в сие время был в кровной связи в *Яровитом* (Ariovistus), достойным соперником Цезаря в десятилетней с ним борьбе в Галлии. Из слов Цезаря видно, что *Яровит* был мощным обладателем (Rex) стран по сию сторону Рейна и что его владения простирались за Рейн, за который он вступил в кровавую борьбу с Италией. Не раз ход военных действий римлян принимал весьма худой оборот. Память обоих героев-соперников, *Цезаря* и *Яровита*, осталась потомственною; имя первого сделалось неразлучно с саном венценосцев, а последний почтен балтийскими славянами в число славянских божеств; статуи Яровита (Nierogvit) были во многих местах Померании.

Наконец, в царствование Августа совершилось и завоевание Друза и Тиберия. Катанчич приводит следующее место с надписи Анкирских досок (Tabulae Ancyrae), на коих подробно исчисляются деяния Авг. Октавиана: «Pannoniorum gentes, quas ante me principem, populi Romani exercitus numquam adierant, devictas per Tib. Neronem, qui tum erat privignus meus, Imperio populi Romani adjeci» т.е. «*Побежденных Тиберием*

Нероном, моим приемышем, жителей Паннонии, в которой до моего царствования никогда не бывало римское воинство, я подчинил владычеству римского народа».

Хотя слова *noricum* и *rheti* не встречаются задолго до Р.Х., как имена *venetae*, *istrii* и *carni*; однако греки и римляне уверяют, что *rheticae gentes* (словенцы) прежде слыли под *другим именем*, под которым населяли они и часть Италии.

Тут Ливий (V, 33) говорит следующее об этрусках²⁴: «Владычество этрусков до покорения их римлянами далеко простиралось и на море и на суше. Это доказывают названия морей, окружающих Италию, из коих одно италийские племена называют *Этрусским* (Tuscum) по названию народа, а другое *Ядрийским* от *Ядры*, этрусской колонии. Греки первое называют *Тирским* (Tyrrhenum), а последнее *Ядрийским* (Hadriaticum).

Этруски обитали в 12 городах между обоими морями: прежде по сию сторону Апеннинов по Ядрийскому морю, а после и за Апенниннами, куда завели столько же колоний, сколько было у них и городов; эти колонии населяли по ту (т.е. по сию) сторону реки *По* все места до самых Альпов (т.е. Каринтийских и Тирольских), исключая угол *бенетян*, населяющих прибрежные места залива этого моря. Без сомнения, и альпийские жители, преимущественно *словене* (rhetis), одного с этрусками племени и происхождения; но в горах они так грубели, что из всего прежнего сохранили доселе один только язык свой (т.е. этрусский), но и то не без искажения»²⁵.

Римляне этрусков называли двояко, *etrusci* (или *hetrusci*) и *trusci* (у иных *thusci*); землю их *Etrugia*. Греки же именовали их постоянно *τυρρηνοί* – *tyrrheni*. *Ядра* (*Hadria*, *Adria*), ныне незначительное место на речке *Tartago*, недалеко от моря и реки *По*, в Ломб. Венец. королевстве – *Hadria*, находясь по сию сторону реки *По*, был город земли словенской, а именно бенетской. Есть и другой город *Ядра* (*Jadora*, *Jara*) в Кроации; *Hadria* есть только греческий способ правописания, как и *Hieroslaus* вместо *Ярослав*; *Hadri-aticus* есть греческое же окончание (*ατικός*), принятое и латинами, но у нас выражаемое окончанием *-ский*; посему я позволил себе *Адриатический* исправить в *Ядрийский*,

напоминающее на происхождение имени целого моря. Прежде *Ядра* (*Hadria*) была ближе к морю, у устья реки. Этот город взят римлянами, и в 288 г. до Р.Х. поселены в нем отчасти и латины. Обстоятельство, что море названо его именем, показывает, что *Ядра* в древности, до падения своего, был один из величайших приморских городов. Море по его имени могло быть названо только мореходцами греческими, точно как и в новейшее время турки, и вообще архипелажцы, называют оное Венецианским морем (Бенедик-денис), по имени преобладавшей Венеции.

Плиний (*Hist. Natur.* III, 24: *Rhetis, Tuscorum prolem, arbitrantur a Gallis pulsos duce Rheto*) говорит: «думают, что реты (словене), потомки этрусков, изгнаны (из Этрурии) галлами и удалились (в горы) под начальством Рета». Вождя Рета оставим без внимания, как оставили уже и Чеха, Леха, Русса и Словена.

Иустин (*Hist. Epit. Lib. XX. c. 5*) под 387 годом до Р.Х., говоря о нападении галлов: «Домашние раздоры заставили галлов искать новые жилища и прибыть в Италию, из которой изгнавши этрусков, построили *Милан, Ком, Брессе, Верону, Бергам, Триент, Виченцу*. Этрусски же под начальством Рета, оставив эти прежние свои жилища, удалились в Альпы, где распространились они, от имени вождя, под названием *ретских народов*».

Стефан Византийский в своем *Географическом словаре* определяет: «Словене племя этрусское».

Выше мы видели, что *rheti* – имя новое в географической номенклатуре греков и римлян, что появление его в сочинениях писателей не слишком далеко превышает время имп. Августа или Рождества Христова, несмотря на то, что Страбон и Дион Кассий говорят о деяниях *rhetorum* и до Августа. Оба писателя говорят о многочисленности этого народа и о нападениях его на Италию. Эти обстоятельства налагают на историка вопрос:

Чем был этот народ, чем слыл, чем ознаменована его старина до введения в географию во времена Августа греческого слова rheti?

На этот вопрос положительно отвечают: *Ливий, Плиний, Иустин* и *Стефан Византийский*. Современник Ливия, *Диодор Сицилийский*, описывает остатки этрусков, их образ жизни и

домашнее устройство. С некоторыми из них он ознакомился в Риме. Но гораздо лучше знал их *Ливий*, родившийся в *Падуле*, на земле *словенской*; он знал посему и словенцев (*rheti*). Если же *Ливий*, как очевидец, утверждает, что *горские словене ничего не удержали из прежнего этрусского величия, кроме своего языка*, то он утверждает, что этруски *были словенцы же*. Боюсь впасть в славяноманию, но, с другой стороны, еще опаснее не верить *свидетелю-очевидцу!* *Страбон* утверждает, что в его время, около половины I столетия, *rheti* простирались к югу, к реке По, вплошь до *Вероны* и *Lago di Como* по направлению к Милану; но другие прибавляют, что *rheti* некогда далеко простирались за реку По, к югу по Италии, и известны были тогда под именем *этрусков*, но постепенно истребились, будучи поработаны латинами. И действительно, латинский народ Северную Италию долгое время по воспоминанию называл *Этрурией* (*Etruria*, или *terra Tuscana*), именем, которое ныне ограничено одним *Тосканским герцогством*²⁶.

Свидетельства этих весьма важных авторитетов придают этому народу, которого потомки и доселе еще отчасти уцелели в своих *словенских горах* (*rheticae Alpes*), довольно глубокую древность в имени *этруски* или *труски*. Согласно с выписками из древних, сделанными *Дионисием Галикарнаским* и *Диодором Сицилийским*, так называемые этруски уже во время Пелопонесской войны сражались с афинянами на море за владение Сицилией.

Дело (историко-народописное) об этрусках находится еще под судом. Из современных писателей недавно судил и рядил в этом деле *Нибур* в своей *Критич. Римской истории* (*Niebuhr. Röm. Gesch. Ч. I*) и пространнее *К. Отфрид Мюллер* (*Die Etrusker. Breslau. 1828. 2 част.*).

Так как моя критическая *нить* в этом лабиринте довела меня до *rheti*, а от *rheti* *Ливий* и *Плиний* вовлекли в *Этрурию*, то я, чтобы найти *светлый выход*, с жаром принялся сперва за новейших судей, а после за древних.

Сперва с удовольствием скажу, что в сочинениях этих двух трудолюбивых немцев нашел я весьма много хорошего

и дельного; но, к великому моему сожалению, относительно моего вопроса *не только что ничего*, но даже много перепутанного! Я обратился к Дионисию Галикарнасскому и нашел, что прекраснейшей его критической статьи об этом предмете Нибур (и Миллер, полагавшийся на Ниб.) или не понял, или не читал со вниманием. У обоих *о происхождении этрусков из Лидии* все основано на песке, даже и потому, что оба противоречат Дионисию и Ливию. Увлечшись этим спорным делом, я составил было критическую статью; но как она вышла огромна и составила бы большое *отступление* от моей черты, то я ее исключил отсюда; а взамен ей скажу коротко, что гораздо естественнее верить, что *если rheti во время Ливия обитали по реку По, то задолго до него могли обитать и за рекою По*, нежели верить, что *этруски были лидийские колонии, от коих, однако, не уцелело ни аза лидийского*.

II. Период владычества Рима (Италии).

Падение их под иго римлян с 32—12 гг. до Р.Х.

1. Падение жупной Словении (Pannoniae). Первая Словенская война

«В 719 (32 г. до Р.Х.) году от построения Рима (говорит Дион Кассий, кн. 49) Цесарь Август повел войско на Паннонию, не имея никакой для этого причины или оскорбления со стороны паннонцев, но *единственно для упражнения войска и для прокормления онаго в чужом владении*; ибо он считал это позволительным и справедливым с тем, кто был его слабее.

Между тем, так как жители ровных мест оставили свои жилища, то сначала он удерживал войско от грабежей; этим он надеялся привлечь их к себе. Но, приближаясь к их городу Siscia (ныне Сисек), испытал их неприязненность, за что, вознегодовавши, выжег их нивы и собрал множество добычи (*грабенины*). А когда приближался к Сисеку, то его жители, по совету своих старейшин, покорились ему и доставили аманатов.

После, однако, заперли они городские ворота и, так как понадеялись на великие городские стены и на две судоходные реки, решились выдерживать осаду. Река *Кулна* (греч. С. 81, Colapis), омывающая городские стены, втекает в реку *Саву* (*Savus*), которая тоже недалеко от города протекала, но теперь (т.е. во время Кассия, около 270 года) обтекает весь город по каналу, проведенному *Тиберием*, и по которому опять вытекает в свое русло. Но как в то время только *Кулна* омывала город, а *Сава* протекала в некотором от него расстоянии, то между ними находилось пустое место, которое было перекопано рвами и палисадниками. Цесарь, однако, велел судам, доставленным союзниками римлян, подняться из Дуная в *Саву*, а из *Савы* в *Куллу*, чтобы таким образом напасть на город и сухим путем, и с реки; на воде было несколько стычек, ибо и неприятели приготовили ладьи и напали на суда. Здесь между прочими убили они *Мену*, вольноотпущенника Секста Помпея. Равным образом и сухим путем храбро оттеснили они Цесаря; но когда услышали, что некоторые их союзники побиты, впадши в засаду, то решились сдаться. Покорению этого города последовала и остальная Паннония».

Таким образом за 32 года до Р.Х. покорена та часть Словении, которая впоследствии была управляема римлянами под названием *Pannonia Inferior*, или *Valeria*. Но недолго оставались словене спокойными.

2. Падение Горской Словении, 12 г. до Р.Х. Вторая Словенская война

Ибо 19 лет спустя, т.е. «в 738 г. (13 году до Р.Х.), *жупаняри с норийцами* (*rannonii cum noricis*), – говорит Дион, – напали на Истрию, но, отраженные *Силием* и зависящими от него военачальниками (*Legalis*), принуждены были просить мира. Таким образом жупняки подали повод и к порабощению *норийцев* и *ретийцев*» (Дион, кн. 44).

Римляне, которые рады были всякому случаю и поводу к достижению своих видов, принялись сильно за кровопролитную войну со *Словению*.

Дион сохранил о ней следующее известие:

«В 739 г. (12 до Р.Х.). В это время Друз и Тиберий совершили следующее: *словене*, которые обитают между *Норийскою областью* и *Галатиєю* (Галлиєю), *соседственные с Италиєю Альпы, называемые Триентскими, часто вторгались в пределы Галлии, опустошали и Италию, грабили римлян и их союзников, ехавших чрез их земли. У них было заведено так поступать с теми, которые не находились с ними в союзе: кроме этого они избивали всех доставшихся им в руки младенцев мужского полу, даже и в матерней утробе (о поле сих младенцев они узнавали посредством каких-то гаданий). По этой причине император Август сначала отправил против них Друза. Этот полководец встретил *словен* у Триентских гор, сразился с ними и победил их. За эту победу пожалованы были ему преторские почести. Но как отраженные *словене* (rheti) от Италии обратили свое оружие на Галатию (Галлию), тогда Август отправил в поход и *Тиберия*. Итак, Друз и Тиберий вторглись в Словению с разных сторон чрез своих отрядных начальников; а сам Тиберий высадил войско на их берега по озеру (*Боденскому*); таким образом напали они на развлеченные войска неприятеля, отдельными и частыми стычками разбили и рассеяли, а остальных, падших духом и более слабых, власти своей покорили. И поелику *словене* народ многочисленный, и, казалось, могли возобновлять войну, то большую и лучшую их часть оттуда (из их жилищ) вывели (и расселили по Империи), оставили таких только, которые бы могли обрабатывать поля и притом не были бы в силах взяться за оружие».*

3. Окончательное покорение всей Словении. 6–9 гг. по Р.Х. Третья Словенская война

Император Август назначил главнокомандующим в этой войне Тиберия Нерона, своего пасынка. В числе генералов, служивших под начальством Тиберия и участвовавших в этой войне, находился и *Веллий Патеркул* (Vellejus Paterculus), оставивший нам *Римскую историю* в двух книгах. Выслушаем его рассказ об этой войне; прежде, однако, заметим, что слово Руп-

поня он употребляет в более общем значении, нежели Дион, во время коего оно имело свою областную определительность.

Lib. II, cap. 110: «Когда вся Паннония, богатая и могучая плодами мира, и Далмация, возрастающая в силах, соединившись со всеми жителями тех стран, принялись за оружие, тогда надлежало (нам) более заняться необходимым, нежели чем другим: не было бы благоразумно тогда, расположив войска во внутренних местах, открыть неприятелю свободный вход в Италию. Народонаселение этих стран, поднявших оружие, превосходило 800 000 жителей, в числе коих находилось до 20 000 человек, могших носить оружие пешком, и 9000 конницы. Часть этих огромных сил, управляемых храбрейшими и опытнейшими военачальниками, намерена была в соединении с *Любянской* (Nauportum, ныне Laibach, а у жителей *Любляна*) и Триестской областью двинуться на Италию; другая часть напала на Македонию, а остальная назначена была к прикрытию своих жилищ. Верховная власть находилась у двух (братьев) *Бато* и *Пинетских* князей. Во всех Паннониях жители занимаются не только *подобным обучением как и у нас, но и римским языком; а многие из них даже упражняются в грамоте, в науках и вообще в изящном образовании* (ума и сердца).

Посему, ей ей! *Ни один народ не обдумывал войны так зрело и не выполнял своего намерения так хорошо, как этот.* Угнетены граждане римские, избиты купцы, и великое число войска, более всех отдалившегося от главных сил своих: отнята Македония; все и везде опустошено огнем и мечом. События этой войны до того были ужасны, что Цесарь (т.е. *Тиберий*, главнокомандующий) пришел от них в уныние и лишился своего духа, вечно бодрого и утвердившегося опытом стольких войн».

Cap. 111: «Итак, наши принялись везде за набор; созваны со всех мест и все отставные (выслужившие свои лета); даже мужчины и женщины должны были выставить по переписи (ревизии) воина. В Сенате выслушано мнение Императора Августа, что если в продолжение 10 дней не будут приняты деятельные меры, то неприятель будет иметь возможность обложить Рим.

Потребовано для этой войны личное содействие и пожертвования сенаторов и всадников (кавалеров) римских; обещались исполнить требование. Но все это сделанное не помогло бы, если бы главное начальство вверено другому» (а не Тиберию).

«Итак, Отечество просило Августа вверить главное начальство Тиберию. И *моя посредственность* занимала в этой войне немаловажное место. По отправлении кавалерийской службы, будучи назначен правителем по части продовольственной (quaestor)... порученную мне Императором в столице часть войск я довел и соединил с войсками сына его. По сложении мною квестуры я был от Императора военным начальником к его же сыну. Сколько мы перевидали неприятельских войск в первый год! Сколько раз спасались мы с отдельными отрядами от напора всех сил неприятельских единственно по мудрым распоряжениям главнокомандующего! ... С какою расчетливостью были назначаемы зимние квартиры!»

Сар. 112: «Неприятель так полагался на силы свои, что мало заботился о движениях Тиберия. Часть неприятельских сил... заняла Клавдиевы возвышенности, защищалась в редутах; но часть их, двинувшаяся навстречу корпусу, который *А. Цецинна* и *Силван Плавтий*, мужи консульского достоинства, привели из областей заморских, была окружена нашими *пятью полками*, и вспомогательными войсками, и конницею арнаутскою (ибо значительное число войск албанских привел и *Реметалк*, князь Арнаутский или Албанский, в помощь главнокомандующим, с которыми и соединился): но тут она нанесла всем нашим совершенное поражение. Княжеская (арнаутская) конница обращена в бегство; прогнаны фланговые эскадроны, расстроены и отеснены назад батальоны. Поколеблены даже и знамена легионов. Но легионы наконец, видя убитых нескольких трибунов, умерщвленных начальника лагеря (все равно что ныне генерал-квартирмейстер) и батальонных начальников, перераненных сотников пехоты, которой легли все первые ряды, – получив новый дух, внушаемый крайностью, не только приостановили неприятеля, но, прорвав его ряды, сверх чаяния даже приобрели победу».

Сар. 113: «По соединении прибывших войск с войсками, находившимися при Тиберии, военные силы наши состояли из 10 полков (легионов), более 70 батальонов (когорт), 14 эскадронов (alae) и более 10 000 ветеранов; сверх сего из корпуса арнаутской конницы и значительного отряда волонтеров (voluotariogum); *такой многочисленной армии, кроме междоусобной войны, мы никогда и нигде не употребляли.* Так как затруднительно было управиться со столь огромною массою, сосредоточенною в одно место, то распустили на зимние квартиры под начальством легатов, в числе коих был и я; главную же квартиру при наступлении жестокой зимы перевели в *Сисек*».

И точно: если сообразить, что во время императора Августа всякий полк, или легион, состоял не менее как из 6000 человек пехоты и 300 человек конницы, принадлежавшей ко всякому полку, то число этих 10 полков было вместе с конницею (3000) 63 000 человек. Как в римские полки могли вступать только вольные римские граждане и не допускаемы были в оные не только крепостные, но и вольноотпущенные, а равно и всякий, не имевший доходу около 500 рублей, то все эти последние, а равно и жители городов Италии и других стран, не имевшие прав римского гражданства, записывались в *отдельные когорты* под названием вспомогательных войск. Всякая когорта заключала в себя в царствование Августа 600 человек пехоты и 30 конницы. Итак, *более 70 когорт*, по Веллею, вспомогательных составляют 44 100 чел. Кроме сего, 14 фланговых конных отрядов = 4200 чел. Наконец, если кроме корпуса ветеранов (10 000) положить крайним числом корпус арнаутской конницы и отряд волонтеров в 18 000 человек, то все военные силы римлян, выведенные против словен, превосходили число 139 300 человек. По тогдашнему времени это были силы гигантские! Обыкновенно два легиона римских с их *вспомогательными* когортами числом от 15 000 до 18 000 составляли *правильную*, или консульскую армию (Justus Exercitus), которой достаточно было для завоевания Греции, Египта, Сирии или Испании и проч.

Светоний о Тиберии (cap. 16) пишет следующее: *Sed nunciata Illyrici defectione, transit ad curam novi belli, quod gravissimum omnium externorum bellorum post Punica per 15 legiones, paremque auxiliorum copiam triennio gessit.* Т.е. «По восстании Иллирика завел новую войну, самую кровопролитнейшую после Пунических; для нее употреблено 15 легионов и столько же вспомогательных войск».

Не нужно толковать о том, какое могло быть нравственное состояние словенцев в эту пору; скажу только: сообразите страх римлян и их ужасное вооружение, и вы поймете словенцев (самую южную отрасль слав. плем.). Этого мало было, что в пять раз усилена армия против обыкновенного, что вызваны из отставки все ветераны, что позволено было даже важное нарушение прав римских, а именно предписание доставлять в легионы и ревизских воинов крепостного состояния (*ex sensu libertinum coactae dare militem*), которых отправили под начальством Германика на помощь Тиберию. Дион Кассий утверждает, что Август император до того опасался всенародного уныния, что назначил молебственную торжественность и игры, на которых позволил (повелел) витийствовать какой-то утешительной пророчице, имевшей на руке какие-то буквы; что хотя и знал он, что она не вдохновенна свыше, но, считая необходимым утешить народ, унывший по поводу тяжелой войны и голода, притворялся перед народом, что верит словам пророчицы; но он готов был все сделать для отвращения народного уныния.

Наконец, опасения императора Августа кончились тем, что заставили его убраться из Рима и отправиться в приморское местечко Римини (πρόσ τὸν Ἀρίμινον ἕξωσμίση) на Адриатическом море, к границам словенским. – Дион Кассий.

Эту войну Дион описал несколько обстоятельнее, нежели Патеркул, который, к сожалению, много слов тратил на похвалы Тиберию. Война эта продолжалась три года (6–9 по Р.Х.). Любопытных отсылаю к 55 кн. Диона. Причиною к этой войне были чрезмерные налоги и грабительства, совершаемые итальянскими начальниками и войсками. Борьба кончилась тем,

что словенцы принуждены были положить оружие. При свидании с Тиберием Батон на вопрос о причине восстания отвечал: «*Вы сами этому причиною, ибо к стадам вашим присылаете не пастырей или собак, а волков.*»

Кончилась эта война в 9 году от Р.Х. поражением словен при реке *Bathinum* и совершенным покорением всей Словении (*Vell. Patercul*, cap. 114). Но в горах Далмации продолжались некоторое время разбои и набеги (*Dio Cassios lib. cit*).

4. Строгие меры против словен

Мы уже видели выше, что римское правительство для обеспечения своей власти полезным нашло ослабить число народа, по свидетельству Диона, *многочисленного*; посему *переместило большую и мужественнейшую их часть* в другие места (*τό τε κράτιστον καί τό πλειστον τῆς ἡλικίας αὐτῶν ἐξήγαγον*).

Это было вследствие первой Словенской войны Тиберия, т.е. еще до Р.Х. Страбон говорит следующее об истреблении саласцев: «Наконец Кесарь их победил, всех отправил в *Эноредию* и продал с молотка». «Было их сочтено 36 000 человек, а мужчин годных к оружию 8 000; всех продал *с молотка* Терентий Варрон».

Таким образом, будучи куплены с молотка, они превратились в собственность других и разбредлись с своими господами по всей Италии на правах полного невольника (*mancipium*).

К сожалению, о последствиях второй Словенской трехлетней (*bellum Rauponicum*) войны ничего обстоятельного не пишут древние. Известно, однако, что по окончании кампании Тиберий имел триумфальное шествие в Рим (*triumphum egit Tiberius. Paterc. Lib. II, cap. 114*). Известно, что триумфы сопровождались влечением множества пленных, в которых не было недостатка, ибо и Патеркул и Дион утверждают, что наконец словене, под начальством Батона оттесненные в одном месте, должны были сложить оружие у ног победителя и сделаться военнопленными, которые обыкновенно составляли главную принадлежность триумфа. Подобное зрелище было необходимым удовлетворением римскому гражданству за по-

несенные им пожертвования или военные потери. Но никогда римское правительство не нуждалось в подобной *остентации* (ostentation – выказывании своих успехов), как в это время, в которое сам император Август, опасаясь народного уныния римлян, волнуемый опасением об успехах Тиберия, оставил столицу и отправился в Римини, к границам Словении, чтобы удобнее следовать за ходом военных действий (*Дион, кн. 55*). О, конечно, Август, который потребовал от римлян крайних жертвований, не преминул сделать этот триумф своего папы сколько можно блистательнее в глазах народа!

К этому обстоятельству можно еще присоединить и то, что Рим по мере распространения своих завоеваний, роскоши и богатства постоянно нуждался в людях крепостных. В первые времена Рима его граждане не имели крепостных прав на личность своих бедных сограждан или плебейцев: и впоследствии, когда Италия вышла из естественных пределов, римлянин более налагал руку на личную свободу иноплеменников, нежели на своих итальянских соотечественников.

Правда, начало существования невольничества относится к древнейшим временам: оно более всего поддерживаемо было корсарством древних греков и финикиан. Нельзя сказать, чтобы вообще покушался грек на грека, ибо у древних идея невольника заключала в себя и идею *иноплеменника*. Таким образом, и греку не мешало быть невольником у бедуина, араба. Вообще пленный было одно и то же, что невольник. Никто столько не приобретал военнопленных, как Италия; участь их решалась всегда одинаково, т.е. всегда продаваема была с молотка (sub hasta vendebantur).

Мы уже видели выше, что для ослабления Словении многих из ее жителей римляне переместили в другие места; жаль только, что Дион не объяснил, куда именно. Находим, однако, у Плиния (IV, 18) *венетов* в Лионской области в Галлии (in Gallia Lugdunensi). Обстоятельство, что Юлий Цезарь, описывавший подробно племена Галлии до перемещения словен, именно не упоминает о венетах в Южной Галлии, – из этого видно, что часть словенцев переселена туда только после этой войны.

Так как воследовавшая вторая Словенская война должна была внушить итальянцам более осторожности, то можно принять за исторический факт, что *множество пленных словенцев тащено было в Италию*, где они вдоволь могли обрабатывать сады, копать каналы, водопровод, пахать и вообще исправлять всякого рода черную работу. О, в таких людях очень нуждались римляне²⁷!

Я обращаю здесь внимание любителей исторической критики на следующее обстоятельство: во всех наречиях италийского происхождения принято имя этих несчастных *словенцев* и в значении невольника. В Италии *il schiavo* (читай *скьяво* вместо *склаво*), во Франции *l'esclave*; от тех и других переняли немцы: *der Sklave*, и англичане – *the slave*.

Для исторической критики весьма важно открыть настоящую эпоху, в которую имя этих несчастных ретийцев и паннонцев (которых Иорнанд и Прокопий называют *sclavini*) могло получить такое унижительное название. Само собою разумеется, что с того времени, в которое действительно *тащили их в неволю*.

Итак, поищем время этого *обстоятельства*.

1) Всех вообще словенцев окончательно отвязал от Италии *Аттила* после своего знаменитого похода под Рим, т.е. с 454 года. С тех пор они управлялись сами, под покровительством Аттилиных преемников, до Карла V., т.е. до 800-х годов. В этот *Аттилин* период никто их не таскал в невольничество – в период, в который они были союзниками его преемников и помогали *великанам* (обрам, *obrawe*) несколько раз осаждать Цареград.

2) Карл Великий завладел всею *гористой* частью Словении. После его смерти Штирия и Каринтия составили *Каринтийскую Мархию* (*Хорутане* у Нестора, *Sarantani* в венгерских летописях). *Краинцев* же он отдал Фриульскому герцогу.

Сперва и та и другая страна управлялась на феодальном праве, правителями из разных домов, преимущественно из южно-немецких. В *первой* половине XIV века перешли они к Австрийскому дому.

Правда, иные историки утверждают, что в этом *Карловском* периоде много усилий употреблено правителями, чтобы распространить немецкий язык по гористой Словении; несмотря на это, во весь этот период ее истории не было обстоятельств, по которым жители могли бы называться *невольниками*. *Тяготеющие обстоятельства* и *уведение в дальнюю сторону* суть две вещи совершенно разные: последняя выражается словом *l'esclavage* (рабство), а первая – *le joug* (иго, тягость).

Из летописей, относящихся к этому периоду, решительно не видно, чтобы правители этих стран имели нужду хватать народ и усылать в дальние итальянские и галлийские стороны, которые для них были тогда иностранными. Со времени Карла V. у летописцев нигде не встретите, чтобы франки продавали словенцев *с молотка*: этот период не представляет ничего подобного.

Следовательно, в эти последние эпохи не могло быть *высланных в неволю*, потому что, в противном случае, решительно нельзя бы понять, по каким политическим расчетам это-де творилось бы!

Итак, остается только Римский период, в который была необходимость расселять жителей Словении по Италии, Галлии и по всему Западу – что и сделано, и что известно исторически.

Само собою разумеется, что владельцы этих невольников не называли их *невольниками* же, а просто именем их племени, т.е. тем, которым они сами себя называли. Таким образом имя *словенцев* вне отечества получило новое значение, которым выражалось их политическое состояние в *плесу* или *неволе*.

Правда, юридический язык римлян называл их не именем *племени*, а именем их политического *отношения* (*servi, manscipia*); однако эта приказная форма никак не могла воспретить владельцам словенских невольников называть их *своими словенцами* же (*meus sclavinus*), т.е. *своими невольниками*.

Таким образом, имя народа, растащенного в неволю из мести за кровопролитную войну, стали употреблять в значении *рабства* точно так же, как и из имени *арабов* у восточных славян сделалось название *рабов*.

Правда, что в II и III столетиях не тащили словенцев так в неволю, как в I веке; однако это не мешает истине, что *стоит только дать ход слову*, то оно само увековечит себя в народе, мимо юридического словаря.

Может быть, кто-либо возразит, что у немцев *slave* произошло от того, что немцы завладели землями славянских племен между Рейном и Вислою. На это отвечаем:

1) Между Рейном и Вислою не было ни одного славянского племени, которое бы само себя называло *словенцами*, следовательно, немцам неоткуда было взять слово *slave*.

2) Немцы распространялись по славянским землям более *колониальным* образом; следовательно, жителей, посреди коих они селились, они не могли называть таким именем, которое имело совсем другой смысл и не выражало отношения немцев-колонистов к славянским жителям Германии. 3) *Sclave* в немецком языке слово новое, перенятое от французов и итальянцев, что и доказывает удержанное немцами его правописание, а итальянцы и французы наследовали его вместе с языком от своих предков первых *трех* столетий.

Итак, распроданные римлянами *с молотка* и растащенные в неволю по Италии, Галлии, Испании многочисленные *rheti* и *pannones* были причиною тому, что их народное имя получило значение *невольника* на языке тех, коих они были рабами, приведенными из дальней стороны.

Заметь хорошо. Это обстоятельство, т.е. подлинная эпоха рождения слова *l'esclave*, может достаточно вразумить историков Паннонии, Норика и Ретии, что *словенцы* прибыли в эти стороны не в VI веке (о какой колонизации нет *ни слова* у современных писателей), но что они искони там жили и что римляне их там застали. Равномерно может вразумить и господ *тевтоманов*, которые вечно выходят на сцену со своими *мизерными догадками* о прибытии в Германию в VI веке и прочих славянских племен!

Кажется, что после этой бурной войны воспоследовало совершенное расстройство Словении, которая и раздроблена на римские провинции или области.

5. Часть их переходит за Дунай

Мы говорили, что есть еще другое отделение словен, населяющее Северо-западную Венгрию, между Дунаем, Карпатами и Австриею. Называя сами себя *словаками*, а язык свой *slovenski jezyk*, они напоминают о своем происхождении от *словен*, несмотря на то, что наречие их из *словенского* по влиянию впоследствии превратилось в *чешское*.

Так как я исключительной северной и восточной границей Словении нахожу Дунай, то появление словаков на северном берегу Дуная должно необходимо принять за *переселение словен*.

1) По свидетельству Иорнанда, как мы увидим ниже, *словаки* уже в его время, т.е. около 510–550 годов, находились в нынешних их жилищах. О времени появления их в эти места Иорнанд ничего не говорит, следовательно, и нечего было говорить, так как они, как прямо должно заключать, здесь давно уже обитали. Равномерно и никто из современных Аттиле (410–452) историков не помнит об их переходе на северный берег Дуная. Стало быть, *словаки* выселились из Словении во время римского владычества.

2) Так как во всяком отношении противно было интересам римлян лишать свои области их жителей, то нельзя предполагать, чтобы римляне допустили словенам переселиться в значительном количестве по сию сторону Дуная. Правда, к этому могли бы подать повод раздоры между словенами и итальянцами; однако Словения со времени ее покорения оставалась довольно спокойною до самого ее освобождения. Следовательно, *переселение словенцов* должно отнести к кровопролитной трехлетней их войне (*bellum Pannonicum*). Это буквально подтверждается:

3) Тем, что древние географы уже в первом веке ставят на нынешних жилищах словаков, в северо-западном углу Венгрии, так называемых ими *jazyges μεταναστάί (metanastae)*, т.е. *переселенцы* (от греч. *Μεταναστάσις* – переселение). Наконец,

4) Сам Дион Кассий, описывая эту войну, слегка намекает на *переселение*, утверждая, что когда *pannonii* и *dalmatae* в 9 г. склонялись на переговоры, *то от этого были отклоняе-*

мы теми из них, которые вовсе не надеялись примириться (или ужиться) с римлянами.

5) Из слов Патеркула (Lib. 2, cap. 108) видно, что Словения до своего падения находилась в тесной политической связи с *моравцами* и *чехами*, коими тогда повелевал *Мароботто* (Maroboduus). Между прочим, он утверждает, что «*пределы Мароботтовых владений от границы Италии не далее 200 000 шагов*» (initium ejus finium haud multo plus 200 000 passum abest. Cap. 109); что он «*увел своих поодаль от Римлян*» (avocata procul a Romanis gente sua, cap. 108); что «*племена и люди, не желавшие жить под римлянами, находили у него прибежище*» (gentibus hominibusque, a nobis desciscentibus, erat apud eum per fugium); что «*собрал войска 70 000 пехоты и 4000 конницы*» (exercitumque 70 000 peditum, 4000 equitum fecerat).

Это было до *третьей Словенской* войны, следовательно, значительная часть Словении зависела еще от *моравцев* и *чехов* (marcomanni) в 6 году по Р.Х.

Вследствие последней войны, говорит *Sextus Rufus* (in Breviario, cap. 8): «*Марсоманни и дуади выселились из Паннонии, лежащей между Дунаем и Дравою; и Август границею Империи для Винделикии, Норика, Паннонии и Мизии поставил реку Дунай*»²⁸.

Это просто значит, что все *не бывшие* или *не хотевшие быть* подданными Италии выселились. Вот исторически известное переселение части *словенцев*, как следствие падения отечества, на северный берег Дуная, т.е. на землю *Моравскую*, где спустя много столетий хотя они и променяли свое *словенское* наречие на *моравское*, но удержали свое древнее имя, как признак своего происхождения из-за Дуная.

6. Политическое разделение Словении

Для удобнейшего управления Словения была разделена римлянами на разные области. Всю поморскую ее часть, начиная с *Бенетских* островов (или нынешней Венеции) по Триест и Истрийский полуостров, которые прежде были на ноге областей, Октавиан присоединил к Италии, сделав их *десятым*

округ (region decima) оной под именем Italia Transpadana, т.е. по эту сторону реки По; по управлению, однако, этот округ подразделялся на *Бенетское* (Venetiарum) и *Истрийское* правление. Правители его именовались или одним общим названием, проpraetor Ital. Transpadanae, или поименованием обоих правлений. Катанчич приводит Веронскую надпись, на коей Клавдий называется Президентом (Praeses) PROV. TRANSP. На Римской: Т. Флавий Постумий Тициан CORR (corrector) ITALIAE TRANSPADANAЕ (Tom. I. P. 232). На одной Неаполитанской: М. Маэцио Placido CORRECTORI Venetiарum et Hystriae. Случалось иногда, что *Hestris*, или *Jstria*, временно присоединялась к Далматии. На надписи, найденной при озере *Bolsena* в Папск. обл., находится: С. Rufio Festo Proconsuli Provinciae Dalmatiae et Histriae и проч. Заметить, впрочем, должно, что Истрия особое имела правление до самого падения Империи, хотя иногда и зависела вместе с *Бенетскою* областью от одного правителя (ibid, p. 290).

Между тем как местные названия *Italiae Transpadanae*, *Venetiарum* и *Jstriae* или *Hestriae* употреблялись официально для Южной Словении, имя *carni*, собственное племени, не имело официального значения и употреблялось римлянами всегда только в смысле, отличающем жителей от других несловенских соседних народов. Имя *venetiae* впоследствии так распространилось к северу, что покрыло почти всех, называвшихся крайцами; в IV веке Бенетская область разделялась уже на Верхнюю и Нижнюю, как видно из Notitia Imperii, по коей procurator Сунегии Aquileiensis считается *Venetiae inferioris*.

Подунайская Словения разделена была на области под именами *Pannonia*, *Noricum*, *Rhetia*.

Pannonia от Будина (*Ofen*) и Пожуни (*Presburg*) простиралась помежду Дуная и Штирийско-Каринтийских гор, чрез реки Драву и Саву, чрез Кроацию к пределам Далматии, и до времен императора *Антонина* составляла одну область; но с его времени была разделена на Верхнюю и Нижнюю (*Pannonia Superior* и *Pannonia Inferior*).

Provincia Norica от Винделиции с запада отделялась рекою Ином, к северу Дунаем, с востока Паннонией, а к югу

простиралась в Штирию до гор, омываемых Савою. Разделялась на *Побережную*, т.е. Дунайскую (Ripensis), и *Средиземную* (Mediterranea).

Rhetia, по Катанчичу и Данвилю, к западу простиралась до хребта гор, тянущихся в Швейцарии по ту сторону Рейна, и между источников Рейна и Роны, а к северу к озеру Боденскому по южным его берегам. По свидетельству Страбона, *Ретия* с Севера отделялась от Винделиции озером Боденским и рекою Ином, которая при повороте своем к северу сделалась границей Норийской и Винделической области. С востока хребет гор между рек Ziller и Piave, между Ceneda и Feltria. С юга линия от *Пенинского* хребта по южным берегам озер *lago Maggiore, di Como, di Garda*, понад Вероною, как говорит Страбон, до изгиба реки Эчь на восток, а оттуда линия к Ceneda протянута²⁹.

7. Политическое состояние Словении с 9 по 454 по Р.Х.

В политическом состоянии Словении замечательно то, что между тем, как разные области Империи управлялись от имени Сената, Словения Подунайская в этом отношении зависела непосредственно от *претуры* двора императорского; *praetura*, или *praetorium*, составляла смешение придворной конторы с Главным штабом. Август оставил Словению за собою не только по части управительной, но и по части финансовой, т.е. Словения причислена к областям, доставлявшим доходы двору, а не казне. Причина этого приписания Словении ко двору была в том, что Август совершил завоевание этой страны по своему произволу, а не по решению *Senatus Populique Romani*, и на своем иждивении; во-вторых, что пограничные области должно было лучше осадить войсками, управление коими зависело по большей части от претуры. В области, управляемые от имени Сената, посылались в правители люди сенаторского достоинства или бывшие консулами, которые и назывались *pro consule*, или *proconsules*, т.е. *от имени консула*; между тем в зависящие от двора земли, посему и в Словению, посылались *legati augusti*, т.е. *императорские поверенные посланные*; или еще назывались они *prolegati, procuratores, praesides*.

Таким образом, посылались отдельно от Сената правители in Pannoniam, Noricam и Rheticam provincias от имени императоров. Катанчич приводит надписи, представляющие разные примеры официального правописания в их титулах, напр.: Legat. PROPR. (pro Praetore) Imperatoris Nervae Caesaris Trajani Augusti, или LEG. PRO. PR. PROVINC. PANNONIAE., или LEG. AUG. PR. PR. (legatus Augusti pro Praetore). *Rhetia* и *Vindelicia* управлялись одним правителем; так, напр. на надписи, найденной в окрестностях Вероны, стоит: Q. CAICILIO CISIACO. SEPTICIO. PICA. PROC. AVGVSTOR. ET PROLEG. PROVINCIAI RAITIAI ET VINDELIC. ET VALLIS POENIN. FLAMINI. DIVI. AVG. ET. ROMAI etc., т.е. *Q. Caecilio Cisiaco Septicio Picae, Procuratori Augustorum, et Prolegato Provinciae Rhetiae, et Vindeliciae, et Vallis Penninae, Flamini Divi Augusti et Romae* etc., т.е. «Императорскому Прокуратору и Пролегату в областях Ретии и Винделиции». Впоследствии, однако, перестали писаться обоими именами и вместо этого употребляли название одной Ретии во множ. числе: PROPR. RHETIARVM.

Впрочем, римское правительство то соединяло, то разделяло управление частями Словении, смотря по людям и обстоятельствам, как видно из *Царства надписей*. Приведем хотя один пример:

У *Грутера* на 446 надписи в *Тиволи*, в Италии, следующее:

SEX. OPPIO. PRISCO.
JVD. ELECTO. INT. ORDINAR. AB.
ACT. SENAT. AEDIL.....
ADLECT. INT. PRAETOR.....
PROC. PROV. DACIAE. PROC. PROV.
RAETIAE. ET. VIND.....
QVAEST. PROV. MACEDONIAE.
III. VIR. VIAR. CVRANDARVM
PATRONO. INCOMPAR.
P. Q. TIBVRS
OB. MERITA EIVS.

Чит.: Sexto Oppio Prisco, Judici electo inter ordinarios ab actibus Senatus; Aedili Adlecto inter Praetores... Procuratori Provinciae *Daciae*, Procuratori Provinciae *Rhetiae et Vindellicorum*, Quaestori Provinciae Macedoniae, Quatnorviro *viarum curandarum*, Patrono incomparabili, Senatus Populusque Tiburtinus ob merita ejus.

Оний управлял *Винделикиєю, Ретиею, Дакиєю*, доходами *Македонии* и притом еще заседал в Комитете (состоявш. из 4 человек) *Путей сообщения (Viarum curansarum)*!

Legati augusti pro praetore, или honore propraetores, с самого начала были не иное что, как военные губернаторы, которые управляли как военной частью (*mittebantur cum imperio*), так и гражданской (*cum potestate*). Впоследствии, однако, смотря по обстоятельствам, посылались в словенские области отдельно иные по военной только части, а иные только по гражданской, которые и назывались *praesides*; однако это можно отнести временно к III только веку: в *Царстве надписей* встречается только двое президентов в Паннонии в исходе III века и несколько в *Rhetia* и *Noricum*.

В титулах правителей Словении существовала порядочная пестрота: *legatus, prolegatus, propraetor, procurator, praeses*. Это зависело от того, что не всегда присылали туда одинакового чина людей, потому что для этого не было положительного закона. Самый высший чин был *legatus Augusti*. Иногда же посылали не важных любимцев для *поправления состояния* или для *награды за такие и сякие услуги*. Таких обыкновенно называли *pro legato*, то есть *за легата*, или яснее: *исправляющим должность легата*.

Вообще, однако, большею частью *legati* управляли участками Словении; и только в последнюю эпоху Империи, когда гражданская часть поручена была председателям, военную исправлял уже не *legatus*, а *magister militum*, т.е. *maitre general de l'infanterie*, генерал от инфантерии, с тем, однако, что иногда в его округ входило несколько председательств или областей.

Поморские словене до присоединения их в царствование Октавиана Августа к Италии под именем *Italiae Transpadanae*, хотя и были в некоторой зависимости от римлян, что обык-

новенно называлось *socii populi romani*, управлялись, однако, сами собою. Только с присоединения их к Италии стали им насылать *praesides* от имени Сената. Катанчич в *Царстве надписей* находит, что правители *Venetiarum et Hystriae* иногда встречаются под именем *proconsul* или *corrector*.

Впрочем, *legati augustales*, или пропреторы Северной Словении, в сущности, не были ни лучше, ни хуже проконсулов или корректоров Южной, потому что если требовалось, то и сим последним предоставлялась по истечении года военная власть. Посему оба рода правителей могли иметь равную гражданскую власть над жизнью и смертью. Все важнейшие гражданские и уголовные дела решались одинаково теми и другими. Одно неудобство могло быть для словен в том, что обыкновенно в пропреторы к ним были присылаемы такие люди, которые, за год тому назад будучи преторами в Риме, по обязанности своей давали для римской публики на своем иждивении *Ludos Megalenses Florales*, празднества *Bonse Deae** в своем доме и т.п., проматывались часто в пух, и потому имели право на получение области для поправления своего состояния. Почти то же должно сказать и о проконсулах. Вообще же добивались мест правителей в провинциях обыкновенно промотавшиеся: и как срок управления был годичный и двухгодичный, то само собою следует, что в такое короткое время употреблялись деятельные меры для поправления состояния. Впрочем, иногда возвращение отсрочивалось на несколько лет сряду. Обстоятельство это для жителей было тем невыгоднее, что областной начальник имел в руках и исполнительную силу.

Между тем Северная Словения должна была доставлять императору личные доходы: для этого отправлялись из Рима во все словенские легации *procuratores rationum caesaris*, или короче, *procuratores*, т.е. *собиратели кесаревых доходов*, которые по свойству своего занятия с принадлежащими к ним лицами представляли род казенной палаты. В областях, управляемых от Сената, в этом звании были *quaestores*, которые притом занимали и должность военного комиссионера и провиантмей-

* Игры и праздники цветов в честь Благой Богини (лат.). – Прим. сост.

стера. Вообще же Рим, который хорошо любил содержать свои войска, не любил недоимков.

Сюда отнести должно и тяжкий департамент публичных строений, военных дорог, водопроводов, цитаделей, лагерей, зданий, военных фабрик, храмов, мостов и т.п. Для всего этого словенские руки были очень необходимы.

Распределение внутренней стражи состояло из римских войск; посему политическое состояние *словенцев* испытало обыкновенные условия народа *порабощенного*.

Что касается до гражданских прав и имущества словен, то в первом отношении, как побежденные, они некоторое время не имели никаких римских преимуществ. Вообще в Италии существовало двоякое право, первое было право граждан Рима, т.е. граждан господствующих (*Ius Quiritium*); и 2-е – некоторые права граждан других городов Италии (*Ius Latium*). Римляне нелегко соглашались сравнять с собою в правах мещан других городов. Если по избытку жителей Рим отправлял в колонии, то это совершалось отчасти на правах Рима; если же это делали другие города, то и их колонии оставались на их же правах; отсюда различие между *coloniae civium romanorum* и – *coloniae latinae*.

Право римского гражданина состояло в личной неприкосновенности, освобождении от телесного наказания, в ненаказанности без суда, в праве иметь апелляцию, в праве и в неправом или виновном деле иметь защитника (адвоката), в праве иметь голос в решении государственных дел и в праве отправлять по выбору все государственные должности.

Для получения такого права надобно было быть римлянином: а такое право расселялось только постепенно из Рима посредством колоний *civium romanorum*. Был еще один способ к распространению такого права, а именно, если оно было предоставлено какому-либо городку со взаимного согласия Сената и народной Палаты (*Comitorum popularium*). В таком случае жители таких городов имели право дослужиться в Риме до первейших государственных должностей. Такое лицо по своему праву *занимать должность* (*munus cepisse*) называлось *municeps*; а такое местечко – *municipium*. Таковы, напр. *municipes* были и *Катон*, и *Цицерон*.

Однако *municipia* были двоякие, или с голосом, или просто только с правом служить, но без голоса в собраниях римских. Во время Республики римляне неохотно давали иноплеменникам право гражданства. Доказательством сему служат все те затруднения, которые должен был испытать греческий поэт *Архия* в получении римского гражданства, несмотря на всеобщую его литературную славу и доброе знакомство с первейшими домами Рима, и гражданство в Греции; только авторитету и отличным дарованиям своего воспитанника Цицерона обязан он за успех. *Cic. pro. Archia.*

Конечно, должно признаться, что итальянцы, распространяя далеко свои завоевания, входили в политические затруднительные отношения со значительными массами иноплеменников. Италия должна была соблюдать строгие меры предосторожности, чтобы не дать им выбиться и превозмочь ее. И действительно, Рим угадал и употребил великий секрет ослабления и удержания в моральном бездействии подданных племен. Эта необходимость произвела другой род прав отрицательных, на которые сажаемы были итальянцами другие племена. Это право провинций, право обязательное.

На донесение итальянского главнокомандующего о завоевании какой-либо иноплеменной области римский Сенат делал совещание об определении политических ее отношений к Риму. Если решился поставить такую страну на ногу *провинции*, т.е. страны побежденной (*provinco* – завладеваю), то тогда приказывал главнокомандующему: 1) занять внутреннюю стражу своими войсками; 2) уничтожить все туземные правительственные места и сдать оные итальянцам; 3) уничтожить туземные постановления и управлять и судить по римскому учреждению; 4) объявить подать как с головы, так и с земли или владений; 5) земледельцев обязать: а) вносить *десятину* (*decimat*) со своих произведений в войсковые запасные магазины; б) продавать свои произведения итальянцам по таксе, назначенной сими же последними и с) кормить итальянские начальства. Область разделялась на округа, в коих по управлению делались собрания депутатов от городов

и местечек под председательством римского или военного, или гражданского начальника. В этих собраниях города и места излагали свои жалобы, а начальство свою волю. Однако при превращении какой-либо страны в *провинцию* римляне щадили иной город за его приятное поведение в отношении к римлянам; иных лишали всех привилегий и преимуществ, а за иными вполне оставляли.

Впрочем, такие привилегии не были государственные римского гражданства, но частные, местные. Таким образом, в провинциях Империи в отношении к правам городов существовала изрядная пестрота, или разнообразие.

Само собою разумеется, что при подобном *новом* порядке вещей *народность* словенцев и краинцев должна была пострадать значительным образом. *Народность* состоит в том чувстве, которое мы называем *уважением к своему племени*, или *народною гордостью*. Но это чувство при новых отношениях могло быть согреваемо между словенцами только такими лицами из среды их, которые или богатством, или чинами могли заслуживать уважение самих римлян.

К несчастью для словенцев, при военной монополии Рима не могли процветать значительные богачи или аристократы. Равным образом и на гражданском поприще большая часть лучших путей была для них или закрыта, или стеснена.

В I столетии по Р.Х. итальянцы строго еще придерживались *старого* римского правила, чтобы латин не вступил с иноплеменниками в кровную связь, чтоб иноязычник не был определен к высшей должности в Империи и т.п.

Несмотря на эту нетерпимость итальянского характера, *словенцы*, равно как и прочие иноязычники Империи, рано или поздно должны были открыть себе дорогу. В этом отношении около 150 году после Р.Х. произошел значительный перелом в образе мыслей римского правительства. Имп. *Антонин Философ* уравнил все племена в *служебных* правах Империи. С тех пор все стали себя называть римлянами, и словенцы, и арнауты (скипетары), и греки и проч. (Известно, что последние до нынешних времен называют себя римлянами: ρωμαίοι).

Из всех путей к почестям для словенцев лучше всех был путь *военной* службы. В продолжение I столетия словенцы в *Царстве надписей* ни под каким именем не встречаются в военной службе. Имя *pannoniorum* в первый раз проявляется в царствование имп. *Улпия Траяна*. Бывши губернатором *Степной Словении* (Pannoniae) с 98 по 100 год, он набрал для себя из низовых *словенцев когорту (роту) в 600 человек, которая и встречается в Царстве надписей*: COH. I. VL. PAN. (*Cohors I. Ulpia Pannoniorum*), т.е. «Улпиева рота из низовых *словенцев* № I».

Мы уже видели выше надписи о военнoслужаших словенцах из разных областей Словении. Здесь приведем еще некоторые.

На *Петавской* надп. (Paetovione): «Varius Clemens Praef. Equit. Alae Britannicae miliariae, et II Pannoniorum».

На *Формийской* в Итал.: «L. Ant. Plancus Eques Coh. III Pannoniorum».

На *Беневентской*: «C. Octavius Modestus Praef. Coh. II Pannoniorum».

На *Фирмийской*: «(Firmi) Volcatius Praef. Coh. I Noricorum».

В Венгрии: «Longius Longus Praef. Coh. II Alpinorum», т.е. горских, или ретийских словенцев.

На *Рейнской*: «Sasaius Licaii filius, miles ex Cohorte VIII Breucorum», т.е. VIII роты из краинцев и проч.

Конницу доставляли больше всех паннонские словенцы: (Ala I, II и проч. *pannoniorum*). Мы видели на *Цилийской* надписи *роту горских словенцев* № 6 (Coh. VI Retorum). Может быть, их было больше – может быть, и из *жупных* (низовых) словенцев были роты и № 4, 5, и проч. (Coh. IV. V. Pannon). На *Рейнской* видели мы № 8-ой роты из краинцев. Кроме сего, роты из *норийцев*³⁰.

Итак, считая по числу *открытых* и *известных* номеров рот и эскадронов из разных областей Словении, оказывается довольно положительное статистическое число; а именно, что *словенцы* со времени *Траяна* доставляли Империи с лишним 15 000 человек войска пешего и конного. Но если тоже можно с достоверностью допустить, что были и другие *номера* сло-

венских рот, зарытые где-либо в Египте, Сирии, Анатолии или Испании, то наверное можно принять с лишним 20 000 человек *словенцев*, долженствовавших постоянно ратовать за славу и могущество Рима.

Если влияние Италии довольно унижало народную гордость словенцев внутри Словении, лишив их в *гражданских* делах народного чиновничества, то в замену этого военные их дружины могли поддерживать имя словенца, потому что они находились на службе Империи.

Несмотря на это, словенцы, как и прочие племена, поданные Империи, в глазах историков ничего не выиграли. Все они слыли под одною фирмою *римлян*. Да и как могли бы, напр. в Антиохии разгадать сирийцы квартирующую роту – итальянцы ли они или словенцы, или арнауты. Все они были для них римляне, потому что прибыли от имени Рима.

Между тем Рим добился одной из величайших побед над иноязычниками; а именно: итальянский характер своею *нетерпимостью* и *сарказмами* успел распространить между иноплеменниками латинизацию; т.е. что в продолжение Империи всякий старался *олатинить* если не себя, то свое фамильное имя, чтобы слыть римлянином.

Олатинение фамильного имени состояло или в буквальном *переводе*, или в прибавлении к своему имени латинского окончания *-us* или *-ius*.

Чтобы лучше понять это *олатинение* имен, надобно обратиться к новейшим временам. Пока латинский язык был единственным языком всеобщего сообщения между народами Европы, пока эти народы занимались только древностями и славою Рима, то латинизация была в ходу довольно долгое время. Но нигде она так не проявлялась, как между немцами, шведами и поляками. Кто только мало-мальски желал прославиться или боялся прослыть *варваром*, то прицеплял к своему имени *славное* римское *-us* и *-ius*. Таким образом, вместо Heinecke, Werle, Jvenfon, Kragel, Schneider и проч. встретите *Heinecius, Verelius, Ivonius, Cragelius, Sartorius*. Эти имена, впрочем, довольно латиноваты.

Так и у поляков: я долгое время не знал, что настоящая фамилия знаменитого астронома *Copernicus* есть *Коперницкий*; что *Sarbievius*, имя знаменитого латинского эпиграмматиста, во многом превосходящего римского *Марциала*, есть польское *Sarbievsky*; или что *Ossolinus* есть имя польского канцлера при Иоанне Казимире, графа *Юрия Оссолинского*, и проч.

Если же *латиноманья* в новейшие времена происходила только от влияния латинского языка, то тем более она была в ходу во время Империи, где ее поддерживали все возможные обстоятельства. Само собою разумеется, что всякий *словенец*, служа под знаменами Рима, охотно прибавлял к своему имени *-us* или *-ius* или даже переводил его на латинский язык. Притом же известно, что простые служащие иноплеменники у римлян принимали имя своих господ или начальника. Так, например, выше мы видим, что умершему *словенцу* (NATIONE RAETO), всаднику *Аврелиева* дивизиона *Аврелию Сперату* памятник воздвигли друзья умершего *Аврелий* Квинт и *Аврелий* Авриан, всадники. Но тут-то и труднее для неопытного читателя сделать различие между латином и не латином Империи. Да и в самом деле, как ему догадаться, что под камнем, на котором написано, напр. *Volcatius PRAEF. CON. I. NORICORVM* лежит не римлянин, а природный славянин!

Подобные имена мы уже видели в приведенных надписях, как: *Petronius, Iuncinus, Fulfennius, Aurelius Speratus, Pudentinus, Pacatinus, Abucius, Volcatius, Longius Longus, Octavius Modestus, Antius Plancus, Sasaius Licaiifilius* и других *словенцев* в римской службе; одни из них перевели свои имена, а другие прибавили только *-us*! Конечно, для простого читателя в этих именах мерещатся римляне, несмотря на то, что эти люди родились не в Италии и выросли не в латинском языке. Так нередко латыши и татары русской службы в глазах иностранцев прослынут русскими славянами потому только, что их имена оканчиваются на *ов*.

Это *олатинение* имен обнаруживается еще тем, что великое число *мнимых* римских названий филология не в состоянии объяснить посредством этимологии латинского языка³¹.

Это *подобострастие* заметно не только в словенцах, но даже и в самих греках. *Царство надписей* доставляет нам множество примеров, в которых служилые греки к своему греческому имени прилагали одно или два латинских, так что перед каким либо *Hermogenes* или *Papiriporulo* непременно стоит *Flavivs Licinius* и т.п. Так, напр. один грек, антиохийский уроженец, писатель IV века, непременно решился писаться только *Amnianus Marcellinus* и проч.

Несмотря, однако, на этот оптический обман, историческая критика обязана отделять от Рима все то, что не принадлежит к племени латинов, или итальянцев: в противном случае история *иноплеменников* Империи никогда не прояснится.

Хотя *латинomanия* словенцев отчасти вредила их народности, однако со времени императора *Антонина Философа* открылось для них, как и для прочих племен, больше путей к достижению высших чинов и почестей. Со времени этого государя сама Италия стала терять свою народность; совершенно замолкли ее писатели, которых чернь, говорившая на разных *жаргонах*, не могла понимать. Вся же Империя представляла самое *пестрое* целое, сколоченное из самых разнородных частей. Это *великое* государство не представляло никакой великой нации: подданные его были друг другу чужды. В нем не *отечество* было, а только место *рождения*.

Так как между этими разноязычными массами нельзя было думать о политическом и этнографическом *сосредоточении* (*centralisatio*), т.е. так как разным племенам невозможно было перерождаться, то сосредоточить разнородные начала в однородное целое можно было только под военными знаменами. Римский укрепленный или подвижной лагерь среди Анатолии сроднил между собою грека, арнаута, итальянца, словенца, пиренейца. Те же у всех военные нравы и обычаи, тот же образ жизни, тот же военный язык образовал из этих разноплеменников нечто вроде *особенного* племени.

Это *особое* или *искусственное* племя состояло из множества армий (*exercitus*), рассеянных по Анатолии, Сирии, Египту, Африке, Фракии, Иллирику и Паннонии, Галлии, Испании и Бри-

тании, с тем однако, что *грек* и *арнаут*, и *словенец*, и *итальянец* всегда находились на *чужой* стороне. Все они сражались *не за отечество*, а *за знамя*. Сражались не из патриотизма, а потому только, что на них нападали неприятели. В них храбрость возбуждалась не чувством патриотизма, но необходимостью *прокормления* и *самосохранения*. Они походили больше на *наемников* средних веков, которые за деньги шли воевать в дальние страны.

С тех пор, как *иноязычникам* был открыт путь к высшим чинам посредством *военной* службы, и с тех пор, как римским престолом стали располагать не Сенат, а *войска*; с тех пор и сама завоевательница народов, Италия, упала на степень стран, ею побежденных. Так, например, если легионы из итальянцев держали в повиновении жителей Словении или Каппадокии, то зато роты и эскадроны *словенские* или астурийские наказывали жителей Италии или Сицилии за политическое ослушание. С того времени, говорю я, Империя представляла уже не *нацию*, а *военный союз*, в котором всякий корпусный командир мог взойти на престол, если только его корпус успел прежде прочих провозгласить своего начальника. Вот почему с тех пор были императорами люди и не латинского происхождения. Таким образом и словенцы наконец увидели на престоле *словенца* же в лице императора *Диоклетиана*.

Итак, политическое бытие *словенцев* с 150-х годов после Р.Х. понемногу уравнилось с положением их победительницы, Италии. Таким образом, материальное владычество итальянцев над словенцами, греками, арнаутами, галлами и прочими племенами стало упадать уже с 150-х годов по Р.Х.

Этот *постепенный* упадок не только латинской *народности*, но и *владычества* происходил в продолжение других 150 лет. Наконец, по истечении этого *300-летия* Империи и военного союза наступил период *постепенного* падения Италии под *чужое иго* с 300-х годов по 450 г., т.е. от Константина Великого по Аттилу. Могли ли когда-либо предвидеть *Сципионы*, *Катоны*, *Юлии Цесари*, *Цицероны*, что с начала IV века придется почетнейшим гражданам Рима ездить судиться из-под Капитолия в Цареград, в страну Арнаутскую! Могли ли они вообразить, что

грек *Константин Великий* поддаст латинов в зависимость от Востока и превратит Италию в провинцию, ни разу не выстреливши из стрелы! Сколько победных знамен 10-ти веков Рима брошено Константином к стопам его града, населенного пополам греками, жидками, цыганами, арнаутами, армянами и проч. Все побежденные народы, которые прежде с повинною головою ходили на берега Тибра поклоняться Капитолию, с 300-х годов стали приходить к берегам Азии со своими отчетами и данью.

Последнее 150-летие ознаменовалось особенным *брожением* как в мыслях, так и в деяниях народов. Давно уже забыт закон, чтоб легионы набирались из одних граждан Рима. С 300-х годов римские полки состояли то целиком, то частью из разных племен и языков точно так, как и нынешние австрийские войска из *чехов, русаков, волохов, мадьяров, словенцев, немцев, итальянцев, ляхов.*

В IV и V веке невежественный сынок патриция неохотно вступал в военную службу. Если была нужда, то рекрут нагоняли палками в армию так же и из Италии, как и из прочих стран. В продолжение этого периода двор окружал себя и замещал важнейшие должности христианами. По этой причине более всех оттолкнуты были от политического преобладания упрямые приверженцы юпитеровы в Италии. Таким образом, Италия и *внутренно* пала уже с начала IV века, т.е. с 300-х годов. С этого уже времени по 450-е годы упал не Рим, не Италия, а *Военный союз* разных племен, соединенных под так называемыми *римскими* знаменами. Этот последний период был самый бурный и самый пагубный для *Военного римского союза*. В этом-то периоде однажды *навсегда* словенцы отторгнуты от Италии *Аттилою*.

Что касается до истории их народности, то они выносили и терпели те же условия, которым подвергались и арнауты, и греки, и армяне, и сирийцы, и египтяне, и галлы. Несмотря на это, между тем как иные народы целиком находились внутри Империи, *словенцы* имели ту выгоду, что они непосредственно граничили с другими независимыми славянскими племенами, напр. с *Великою Сербиею* в Германии, с *моравцами, чехами*, и

жителями необозримой *Руси*. Потому-то их народность согревалась близостью своих соплеменников. Кроме того, сколько ни приходилось им жертвовать из своей народности в пользу Империи, все-таки ретийские и норические ущелья и долины и донныне отчасти сохранили их древний язык и нравы, точно так же, как и другие древние языки уцелели в горах, как, например, язык *Филиппа* и *Александра Великого* в языке нынешних албанцев в дебрях Эпира и Македонии.

Что касается до возрастания народонаселения Словении, то при частых наборах нельзя предположить, чтобы оно пропорционально увеличивалось. Римляне для своих гарнизонов не пренебрегали и слабым возрастом.

8. Правители Дунайской Словении (Pannoniae) 6–308 по Р.Х.

	Те, коих имена напечатаны крупнее, впоследствии были императорами	Годы от постройки Рима	Годы от Р.Х.	Время правления
1	Valerius Messalinus – В. Мессалин	759	6	1
2	M. Lepidus – М. Лепид	760	7	3
3	Iunius Blaesus – Ю. Блез	763	10	5
4	Dolabella – Долабелла	768	15	2
5	Calvisius Sabinus – К. Сабин	791	38	4
6	Attilius Hister – Аттилий Истрийский	795	42	27
7	Tit. Ampius Flavianus – Т. А. Флавианус	822	69	7
8	Oppius Sabinus – Оппий Сабинский			
9	Cornelius Fuscus – Корней Смуглый	839	86	12
10	M. ULPIUS TRAIANUS IMP.	851	98	2
11	HADRIANUS IMPERAT.	853	100	16
12	L. Funisulanus – Фунисулан	869	116	3
13	Martius Livian. Turbo – М. Л. Турбов	872	119	18
14	AELIUS VERUS – Caesar	890	137	3
15	Ael. Bassus – Элий Басс (Короткий)	893	140	27
16	Macrinus Vindex – Макрин Мстительный	920	167	5
17	FULV. HELV. PERTINAX. IMP.	925	172	2
18	Tarruntenius Paternus	927	174	4

продолжение

19	Sext. Quintilius – С. Квинтилий	931	178	7
20	L. Ulp. Marcellus – Л. У. Марцелл	938	185	5
21	SEPTIMUS SEVERUS IMP.	943	190	3
22	Martius Sextianus – М. Секстиан			
23	Valer. Catulinus – В. Катулин	946	193	9
24	Fabius Cilo – Ф. Цилов	955	202	4
25	Fib. Claut. Cladiunus – Клавдиан	959	206	1
26	Egnatus Victor – Эгн. Виктор	960	207	3
27	Antianus – Антиан	963	210	6
28	Sabinus – Сабин	969	216	1
29	Mart. Agrippa	970	217	10
30	Dec. Triccinianus			
31	Dio Cassius – Дион Кассий, писатель	980	227	2
32	Varius Macrinus – В. Макрин	982	229	4
33	Maximinus – Максимин	986	233	11
34	Marinus – Марин	997	244	15
35	Messius Quir. Decius – М. Кв. Деций	1002	249	1
36	Optimus – Оптим	1003	250	2
37	Aemilianus – Эмилиан	1005	252	6
38	CLUDIUS – IMPERATOR	1011	258	4
39	Ingenuus – Ингений	1015	262	2
40	Regilianus – Регилиан	1017	264	2
41	Aureolus – Авреол	1019	266	3
42	Brochus – Броч	1022	269	3
43	AURELIANUS – IMPERAT.	1025	272	3
44	PROBUS – IMPERATOR	1028	275	5
45	CARUS – IMPERATOR	1033	280	3
46	CARINUS – CAESAR	1036	283	1
47	Evilasius – Эвиласий	1037	284	1
48	Manatius Plancus Paulinus	1038	285	7
49	GALERIUS – CAESAR	1045	292	10
50	Probus	1055	302	6
51	Maximus			
52	Amantius			
53	LICINIUS – CAESAR	1061	308	

Мы знаем из записок *Приска Рутора*, что *последний* правитель Норической области был *Primitus*, около 450 г. (см. Т. I. Стр. 137).

9. Мифология словенцев

Так как *надгробные* и *памятные* надписи неразлучно соединены с религиозными чувствованиями, то древние делали *надписи* не только в *память* родных, но и в *честь* богам. Ныне делаем обет *съездить* в такую-то Лавру на богомолье; но в римском мире давались обеты *воздвигнуть* памятник тому или другому божеству. Это называлось *votum facere* (делать обет). Но когда камень *воздвигнут*, тогда это называлось *votum solvit* (т.е. *сделал по обету*). Весьма часто *воздвигаемы* были надписи и без обета из одного религиозного чувства, тогда надпись была в простом дательном падеже.

Итак, обратимся еще к *Царству надписей* и поищем названия *словенских божеств*.

I. БЕЛ-БОГ, по-словенски *Белен*

На острове *Grado* памятник:

BELINO. SACR. (sacrum)
L. VICTORINUS. L. L.
SECUNDUS. ImiI VIR. (Sexvir)

На венецианской (перевезенной из Аквилеи):

BELIENO. AVG. (Augusto)
NALVIVS PINTITVS.
V. P. (voto posuit)³².

На другой аквилейской (перевезенной в Венецию):

APOLLINI
BELENO
AVG.
C. VOLVSIVS
V. S. (votum solvit)

На 3-й аквилейской (в Венец.)

FONTI B.

(Читай: *Fonti Beleni*, т.е. кладезю *Белена*).

Из последней видно, что *Белен* владел и священными источниками или родниками, куда приходили краинцы для омошений или для лечения в священной воде.

На другой аквилейской:

BELENO
AVG
P. VIBIVS
ABASCANTVS
ImiI. VIR AQVIL.
DONVM. DEDIT

Т.е. *Beleno Augusto P. Vibius Abascantus Sexvir Aquilejensis donum dedit.*

На другой аквилейской:

APOLLINI
BELENO
C. AQVILEIENS
FELIX

Т.е. *Apollini Beleno civis Aquilejensis Felix.*

На другой аквилейской:

BELINO
AVG. SAC.
L. IVNIVS
SVCCESVS
DOMV ALTINAS
V. S.

Т.е. *Belino Augusto Sacrum L. Iunius Successus, domu Altinas, votum solvit.* Т.е. «*Бела-богу* по обету, Юний Сукцесс, родом из Алтина», местечка в земле краинцев.

Еще на другой аквилейской:

BELENO
AVG. SACR.
L. CORNELIVS
L. FIL. VEL. L.
SECVNDNS
AQVIL.
EVOC. AVG. N.
QVOD. IN. VRB.
DONVM. VOV.
AQVIL.
PERLATVM
LIBENS. POSVIT.
L. D. D. D.

Чит. *Beleno Augusto Sacrum Laelius Cornelius Laelii Filius tribu Velina Laelius Secundus Aquilejensis, evocatus augustam (Roman), quod in Urbe (Roma) donum vovit, Aquilejam perlatum libens posuit Loco Dato Decreta Decurionum.* Т.е. «Бела-богу Лелий Корнелий, Аквилейский, Лелиев сын, в роде Велиных Лелий второй, бывши вызван в Рим, заказанный им в столице памятник и привезенный в Аквилею усердно воздвигает на месте указанном в декрете десятников».

На одной краинской, в местечке *Iulium Carnicum*:

C...SSS.....
AEDEM BELINI
PECVNIA REFECERVNT
A. INAVRATA IN FASTUGIO. V.
ET SIGNA DVO DEDERE
... NIO P. L. PRINCIPE
.. OTTIO. SEX. L. ARGENTILLO. MAG. VIC.

Эта надпись была осечена, когда ее Мураторий копировал. В первой строке большая часть букв изгладилась; первое слово можно легко восстановить; оно было CAESSS.

Что касается до чтения сокращения этого слова, то надобно заметить, что римляне, любившие сокращать, множ. число (слова *consul*) *consules* превращали в *coss.* Напр.: **Augustus Caesar et L. Paullus** *coss.* т.е. *консулы* Август Кесарь и Лелий Павел. Так как римляне вели свое летоисчисление именами своих консулов, то чаще всего *coss.* встречается в их хронологии, напр. **Augusto Caesare XIII et L. Paulo** *coss.* (**читай *consulibus***), т.е. в консульствование Августа Кесаря 13 раз и Л. Павла (в *первый* год по Р.Х.). Два *ss* обозначают *двух* консулов. Таким точно образом в слове CAESSS, должно подразумевать *трех* кесарей. *Катанчич* видел цельную *падуанскую* надпись, на которой было выставлено CAESSS, т.е. *caesares* (т.е. Diocletianus, Maximianus et Constantius Chlorus). И действительно, *трех* кесарей не было в римской истории в одно время, кроме этого раза. (Наконец присоединили к себе и четвертого)³³.

Итак, должно читать: **Caesares Diocletianus, Maximianus et Constantius Aedem Belini pecunia refecerunt; ara inaurata in fastigio; et signa duo dedere Antonio Praeside loci Principe, Potitio Sexto. L. Argentillo Magistris vici:** т.е. «Кесари Диоклетиан, Максимиан и Константин возобновили храм *Бела-бога*; балдахин алтаря велели позлатить и дали два *знамена*: и *бысть* это в градоначальничество Антония, при бурмистрах Поттии Сексте и Л. Аргентилле».

На другом аквилейском камне усеченная надпись:

..... BELENO
 ..... CAESARES
 ..... OCLETIANVS
 ..... AXIMIANVS
 ..... AVGG
 ..... DICAVERVNT

Эту надпись весьма легко пополнить согласно с обыкновенным слогом римских надписей – читай: «*Apollini* (или *Augusto*) *Beleno divi Caesares Diocletianus, Maximianus Augusti dono dicaverunt*». Т.е. «*Белену* посвящают императоры *Диоклетиан* и

Максимиа́н». Катанчич замечает, что этот камень есть обломок из фронтисписа. Следовательно, из этого видно, что оба императора не простую надпись воздвигли *Белу-богу*, а соорудили *храм*. Притом же *усечение* надписи доказывает, что мрамор *летел с высокого места*; что и доказывает Катанчич его описанием.

Белен был бог *света*, т.е. почитался *началом добра*, что показывают приставленные к его имени латинские эпитеты *apollini* и *augusto*. Дион (кн. 55) так поясняет значение последнего слова: «*Augustus* словом называется то, что священнее всего и достойнее почитания: потому-то греки это слово и переводят чрез “*σεβαστός*”». Значит число надписей показывает, что Аквилея была главным местом поклонения *Бела-бога*; а это опять значит, что словенские города выбирали себе покровителя в числе богов так же, как и греческие, напр. Дельфы Аполлона, Афины Палладу, Ефесса Диану.

II. ЧЕРН-БОГ, по-словенски Чарт (*Chartus*)

На Виденской (*Neviodunum*) надписи у реки *Савы*:

INVICTO
DEO
CHARTO
NEVIOD
SVMM³⁴

Чит.: *Invicto Deo Charto Neviodunensiom Summano*.

Мы должны прежде сказать слова два о чтении имени *Charto*. Читать *Харто* нельзя потому, что звука *х* вовсе не было в языке латинском. Конечно придумали писать *-ch-* для выражения *херя* в принятых греческих словах. Несмотря на это, жители Италии, за исключением одних Цицеронов, не знали этого звука и употребляли буквы *-ch-* для выражения буквы *ша* или *ча*. Этому доказательством выговор потомков римских в Галлии в словах *la charité* и проч., или то, что британцы приняли за *ча* в *change* (чит.: *чендж*). Таким образом, надпись, вырезанную неученым резчиком на земле словенской, должно прочесть *чарто*.

Так как у славянских племен господствовал *дуализм*, и как *Чорт*, *Чарт*, т.е. *Черный бог*, был началом зла, то это чтение подтверждается еще другою надписью Будинскою на капители круглой колонны, где сказано просто:

DEO ARIMANIO

Так как здесь не сказано, кто воздвиг, то надпись не вся; так как одна колонна уцелевшая не составляет здания, то видно, что она принадлежала к храму и что с ним разрушена и остальная часть надписи. Так как надпись была на храме, очевидно воздвигнутом значительною особою, то и затеяно поучение. Известно, что и у древних персов господствовал *дуализм* и что начало зла (*Черт*) называлось у них *Ориманом*. Это имя во II и III веках по соседству с Персией было уже известно по всей Империи. Вот почему знаменитый ктитор предпочел высокоученое слово *Arimanio* слову провинциальному.

Но, может быть, кто-либо возразит: «ведь мог это написать и персианин». Отвечаем: персы, всегда независимые, никогда не служили в римской службе. Притом же есть много примеров на надписях словенской страны, что так как надписи должно было вырезывать по-латыни, то резчики или же воздвигатели переводили и имена словенских божеств по латинской номенклатуре. Так между прочим мы видели, что *Бела-бога*, т.е. *бога света*, переводили и *Аполлоном* по аналогии на многих аквилейских надписях; на других же удовольствовались одним переводным Аполлоном, — несмотря на то, что Аквилея не была гнездом греческого Аполлона. Прибавленное *Invicto Deo*, т.е. *непобедимому богу*, явно доказывает, что его почитали за покровителя войны, за начало *зла* или *разрушения*.

III. ПЕРУН, по-словенски *Berón*

На надписи аквилейской, перевез. в Венец.:

BONO. DEO.
BRONRTONI

Gruter читал на римской надписи:

IOVI SANCTO
BRONTONTI.
AVR. POPLIVS.

Так как, однако, на второй надписи сперва приложено латинское пояснение божества BRONTONTI словами *Iovi Sancto*, и как это пояснение требует всякой веры, то, очевидно, здесь говорится о *Перуне*. *Грутер*, копировавший эту надпись, не понимая названия нелатинского, явно смешал два слова в одно. По моему мнению, *первая* строка этой надписи обязывает нас читать *вторую* следующим образом.

IOVI SANCTO
BRON. TONTI.
AVR. POPLIVS.

Чит.: *Iovi Sancto Veroni Tonanti*: т.е. Юпитеру *Берону* Громовержцу.

В прилагаемом мною ниже *мифологическом* словенско-украинском *Ономастиконе* между прочими находится *Berón* с переводом *Iupiter*. Сближение здесь можно сделать филологически. На странице 1-й мы видели, что верхнеукраинцы весьма часто употребляют *о* вместо *у*, напр.: *кай мо е*, вместо: *кай му е* (*как ему есть*) и проч.

Сообразно с этим законом в выговоре можно *Berón* писать и *Berun*. -Б- вместо -н- вкралось случайно, виною резчика, вместо *Perun*. Или словенцы сообразно с упомянутым Ономастиконем действительно произносили *Berón*, и работник, что очевиднее всего, по скорому выговору заказывавшего надпись *Berón* сократил в *Bron*, как слово ему непонятное. Но как следовало выразить это имя в дательн. падеже, то наш знахарь и ломал голову – как просклонять: *Beron-Beronti* или *Bron-Bronti*, и догадался наконец: *Brontoni*! К счастью, вторая надпись начинается словами: *Iovi Sancto Brontonti*, и теперь уж понятно, что дело идет о словенском громовержце – *Перуне*.

Известно, что у древних города выбирали себе покровителей из числа богов, так, напр. аквилейцы *Бел-бога*, виденцы (*neviodonenses*) – *Чарта*; кажется, что *Верона* была главным местом почитания *Перуна* или *Берона* (как произн. крайнцы), от имени коего она и называлась *Бероново*. В объяснениях выше мы видели, что латины в словенском названии *Бенетских* островов -б- превратили в -в- – *Venetac*: точно так же и здесь *Беруново* в *Verona*.

IV. ГУСЛАН

На Веронской:

CVSLANO SAC.
L. OCTAVIVS
C. F. CASSIVS
L. C. OSTAVII F.
NARTIALIS ET
MACER³⁵

Если *Cuslan* напоминает *гусли* словенские, как думает Катанчич, то это, может быть, был идолец *веселия* и *трепака*. Впрочем, и без надписи можно догадаться, что такие протекторы *веселия* у всех народов существовали в уме простого народа. Впрочем, этот *Гуслан*, вероятно, был ниже *Пуста*, о кот. см. ниже в *Ономаст*.

V. ЛАДО

На надписи в монастыре *S. Pauli* недалеко от Салцбурга:

LATOBIO SAC.
PRO SALVTE
NAM. SABINIANI
ET. IVLIAE. BABIL
LAE. VINDONIA
MATER. V. S. L. L. M.

Чит.: *Latobio sacrum pro salute Nam. Sabiniani et Juliae Babilae Vindonia mater voto solvit loco legitimo monumentum*, т.е.

Латову по обету соорудила мать Виндония для счастья Нам. Сабиниана и Юлии Бабиллы.

Там же на другой:

LATOBIO. AVG.
SACR
L. CESERNIVS
AVITVS
V. S. L. L. M.

Чит.: *Latobio* Augusto sacrum L. Cesernius Avitus voto solvit loco legitimo monumentum.

Так как обе надписи отысканы в одном месте, то должно заключить, что один и тот же мастер их делал. Если бы и в других еще местах отыскились памятники этому божеству, то из разногласия в правописании его имени скорее можно бы вывести, что это было за божество. Так как памятники и надписи делались полковыми каменщиками, то само собой следует, что верность правописания этих знахарей очень подозрительна. Мы уже видели, что они ставили и *Beleno*, и *Bileno*, и *Bieleno*; *Brontoni* и *Brontonti*. Таким образом, и *Latobio* должно принять за вариацию правописания.

У нынешних славян задунайских и доселе много поют песен *свадебных* в честь богини *Лады*. Обыкновенно ее именуют в звательном падеже: *ой Ладо, Ладо! Момиче младо*, т.е. дева младая. Римский надписчик облатинил это имя наудачу, т.е. как умел.

Песни *Ладе* суть свадебные или любовные, следовательно, *Лада* была богиня красоты и покровительница новобрачных; это видно явно и на римской надписи, на которой означено: «Pro salute Nam. Sabiniani et Juliae Babillae Vindonia mater votum solvit», т.е. «за здоровье *Сабиниана* и *Юлии Бабиллы* воздвигла сей памятник *Ладе* мать Виндония».

VI. БЕДАЙ

На Иннихенской:

BEDAIO. AVG.
ET ALOVNIS

SAGR
C. CATTIVS
SECVNDIA
NVS. II. VIR
IMP. ANTONIN
II. ET SACERDOTE COS.

Чит.: *Bedajo Augusto et Alovnis sacrum, C. Cattius Secundianus Duumvir Imperatore Antonino secundum et sacerdote consule*, т.е. Богу *Бедаю* и *Аловнам* К. Каттий Секундиан, во время второго Антонинова главнокомандования и проч.

Так как Каттий сделал и выполнил своей обет богу *Бедаю* и его *Аловнам*, или лучше *Ловнам*, как замечает Катанчич, во время второго похода императора *Антонина*, то можно заключить, что *Бедай* был у словенцев бог *стреляния* или *войны*, *добычи*, *охоты* и *разорения*.

Что *Бедай* имел своих подчиненных, видно из того, что надпись прибавляет: *et Alovnis*. В приложенном мною *Мифологическом* словенско-краинском *Ономастиконе*, первый поставлен *Jélovz*, чит. *Еловц* или *Яловц*, с переводом значения – *Актаеон*. Известно, что Актеон почитался у греков и римлян правнуком Зевса и величайшим любителем охоты. Посему толкование *Мифологич. Ономастикона* подтверждается римской надписью.

В горах Кроации и Далмации и доселе еще празднуют *Бедая* накануне Рождества Христова, точно так же как и русаки в Карпатских горах в тот же день празднуют *Крачуна*, но только различным образом.

Вообще канун Рожд. Х. называют *задунайцы* *Бедним*, или *Бадним днем*, потому, что в тот вечер сожигают *истукан*. Запрягают, отправляются в лес, вырубает огромный дубовый чурбан, который и называется *бадняком*. Этих *бадняков* кладут в печь или один, или два, или три. *Бадняки* должны быть в тот же день срублены в лесу и привезены. Когда кто-либо из домашних вносит *бадняка* в избу, то всех приветствует словами: «*Добар вечер, и честит вам Бадний дан*». Тогда кто-либо

осыпает его хлебными плодами и отвечает на приветствие: «*Дао (даль) ти Бог сретъний, и честитый*».

В Герцеговине, где дома огромные и двери сеней похожи на ворота с обоих боков дома, бадняка привозят шестернею быков. На другой день никто не делает посещений, кроме *полажайников*. Это потому, что по посещению толкуют, будут ли счастливы круглый год. Для избежания неприятного посещения за несколько дней приглашают приятного посетителя, а иные имеют уже своего постоянного. Они-то и называются *полажайниками*.

Полажайник, отправляясь на посещение, берет с собою по горсти зерен разного хлеба; у порога приветствует хозяев: «*Христос се роди*», и пошел сеять по избе. Ему отвечают: «*Ва истину роди*», и его также осыпают плодами. После этой церемонии берет кочергу и бьет головни догорающего *бадняка*, чтобы летели искры. Под всякий удар приговаривает: «*Оволико говеда (столько вам рогатого скота), оволико коня, оволико коза, оволико оваца, оволико кормака (боровьев), оволико кошница (ульев), оволико сретья и напредка (счастья и успехов)*». После разгребает золу и бросает туда несколько денег, а кто позажиточнее, то и червонец, а иной еще вешает на воротах повесмо (горсть пеньки – слово это техническое, как в Вологодской губернии, так и в русских графствах Венгрии, также и у берегов Адриатического моря). После сажают его и накидывают ему на плечи одеяло (ковер), чтобы у коров были густые сливки. Для этого потчевают его завтраком и водкою. Позавтракавши, *полажайник* уходит домой, но после обеда опять возвращается; тогда угощают его по-*демянновски* до темной ночи. Когда уходит домой, то дарят его или платком, или чулками хорошими, или исподним платьем и, наконец, колачом (см. Словарь Сербск. Вук. Стеф.).

Из этого обычая, оставшегося от язычества, видно, что в это время совпадал праздник *Бедая*. Само собою разумеется, что этот обряд есть только отрывок языческого богослужения. Так как все славянские племена исповедовали *дуализм*, т.е. начало *добра* и *зла*, то *Бедай*, очевидно, принадлежал к числу *злых* божеств. Вот почему и сожигали его истукан. А это тем

естественнее потому, что *откуда вред, туда и нелюбовь*. Так водится в человечестве!

Точно таким же образом в великорусском наречии слово *беда* означает несчастье, потерю; слово *бедный* – человека, у которого нет ни быков, ни лошадей, ни коз, ни овец. Что слово *бедный* произошло от названия злого божества, можно увериться тем, что от него весьма не много словопроизводных в великорусском, равно как и в прочих славянских. Притом же в Малороссии и у карпато-россов *беда* имеет тоже смысл мифологический. В Карпатских горах русаки никогда не говорят: «*Черт тебя побери*, но или *Перун бы ты убил*, или *Марá* или *Беда бы ты взяла*».

Таким же образом и прилагательное, противоположное *бедному*, а именно *богатый*, есть происхождения мифологического. Так как не только *славяне*, но и прочие славянские племена нуждались для всякой хозяйственной ветви в особенном божке, то по мере своих нужд в своих огородах воздвигали им болванов. Чем более у кого было хозяйственных ветвей, тем более было у него болванов на огороде. Вот по какой только причине простой народ прозвал людей зажиточных *богатыми* – от слова *бог*. Если буквально перевести *богатый* по-французски, то придется сказать: *celui qui a le plus de dieux*. Да и действительно, кто чем больше нуждался в божках, тем обширнее были ветви его владения. Это между прочим засвидетельствовал араб *Ибн-Фослан* о русаках на Волге в 921 году.

Но обратимся к *Бедаю*. Так как из упомянутого обычая видно, что он имел право заставить процветать стада и как от состояния стад зависело или богатство, или бедность, то можно заключить, что *Бедай* мстил в стадах людям, которые его не ублажали. Посему он, вероятно, командовал и волками, и медведями.

Подобный хват есть и у карпато-россов, празднуемый в этот же вечер. Это *Крачун*.

Крачун (от *кракать*, *крачу*, т.е. деру за волосы, выдергиваю шерсть на животном) у карпато-россов был бог не только животных, но и зверей, больших мастеров до *кракания*.

Домашние животные у карпатских русаков при отличном содержании в стойлах с Рождества Христова, или, как говорят на Москве, с *поворота солнца на лето*, а зимы на мороз, начинают линять. Итак, если Великим постом животные не ходят уже *искраканные*, т.е. в висящих собственных лохмотьях, из-под которых проявляется гладкая юная шерсть, то это признак, что животным придется занемочь, хозяину обеднеть, а всеумуде этому виною *Крачун*. Обыкновенно он карал животных, как говорится, хозяев *вольнодумных* и *негостеприимных*.

Этого мало! Летом даже насылал на стада кракатель медведей и волков! Вот почему добрые карпато-россы на *повороте солнца на лето*, т.е. накануне Р.Х., задают *Крачуну* пир горою. До звезды сами ни крошки в рот, но зато целый день происходит ужасная стряпня со *всего*, что только находится в кладовых, амбарах и в погребях, следовательно, блюд у всякого до 20-ти. Пропорционально подбираются и разные напитки. Но главное всего печенье колачей. Около третьего часу сажают в печку сперва огромный белый хлеб с короною (нечто вроде *кулича*). Это называется *крачуный*, и короче – *крочун* (колач). А кругом него сажают по чинам колачи, подколачи, колачики и подколачики; а бедные и колачушки.

Когда уже смеркается, то приступают к приготовлениям принять *Крачуна*. От порога сеней до главного стола (обыкновенно уже накрытого) все устилают самую лучшую соломою, т.е. развязанными снопами. Между тем сажают на стол большую миску, в которой находятся в смеси все плоды земледелия и садоводства. (Это постный день, потому-то заставляют и *Крачуна* позабавиться постным, даже и без рыбного!) После этого все блюда переселяются на стол, обыкновенно довольно длинный, и становятся во фрунтовую линию; вскоре задают и марш колачам. Крачунов на центр, а все прочие по чинам и по флангам.

Наконец, после появления звезды (если ясно), а то просто если уже темновато, возвещают церемониальное шествие *Крачуна*. Так как ему лень шагать самому (это бывает обыкновенно огромный овсяной или ячменный сноп, который приглашают по неимению болванов или кумиров, согласно с решением

одного судопроизводителя, рекшего: *по неимению маркитанта пусть отвечает блинник*), то его вносят почтительно двое откомандированных; встречают, вносят, и так как он и сидеть даже не умеет, то ставят его в угол, на самое почетное место. А после осыпают его всякою всячиною из знаменитого блюда.

После этих церемоний и некоторых еще прибауток, которых уже не припомню, начинается *пир горою*. Главнейшее из условий этого пира есть то, что за один и тот же стол с хозяевами или господами садятся и служители со служивицами до последней дышащей души.

Пированье оканчивается обыкновенно попойкою и шумною веселостью, которая довольно часто раздается в пистолетных выстрелах в окошко в честь *Крачуну*. Такие храбрые крачуновские воины весьма часто только на другой день узнают, кто где кончил свое идолослужение, т.е. кто под столом, а кто под прилавком.

Между тем как продолжается пир, неленивые уже в ходу: а) *бабы* с чародействами, а б) *мальчишки* с победною песнею *Крачуну* (NB. уже подкупленному).

Я помню еще часть одной из этих песен, которых вторые половины, как должно полагать, поются на языке *Крачуновском*. Приведу, что помню.

Около дядища
была лозище
Рочкенде
Рочкенде кенде
Рочкекуренде
Рочкекуренде
Пременде.
На ту лозище
Взлезла козище
Рочкенде... – и проч.
Под ту лозище
Пришов волчище
Рочкенде... – и проч.

Его очища
Як тарелища
Рочкенде... – и проч.
Его ушища
Як рукавица
Рочкенде... – и проч.
Его хвостище
Як помелище
Рочкенде... – и проч.
Его зубища
Яко граблища
Рочкенде... – и проч.

Дальше не припомню себе стихов, но помню только, что песня по милости *Крачуна* отправляет волка в его гористые жилища не очень вежливо и довольно насмешливо... и коза спасена!

Из этого видно, что *Бедай* (словенский) и *Крачун* (русский), празднуемые у тех и у других в *одно и то же* время, были божества почти *одного и того же* свойства.

Рассмотрев таким образом несколько словенских мифов, представляемых *Царством римских надписей*, можно бы еще обратиться к тем суеверным *выражениям и названиям*, которые могли сохраниться в языке *нынешних* словенцев. Так как здесь не место делать об этом изыскания, то я прилагаю только список подобным названиям, взятый мною из *Словенско-краинской грамматики*, изданной в 1783 г. в Любляне (Laybach) монахом *Marcus a S. Antonio Paduano*. Стр. 226.

Ономастикон мифологический

«Краинские имена божеств, упоминаемых в поэзии»

Iélovz-Aktäon – чит. Еловц
Viharneк или Fertuns: *Aeolus* – Выгарнек
Belin: *Apollo* – Белин
Pust: *Bacchus* – Пуст
Tòrka: *Bellona* – Торка

Sejvina: *Ceres* – Сейвина

Drushize: *Charites* – Дружище

Lubizhek или Serzhhek: *Cupido* – Любичек, Серчек

Marena, Nozhniza, Triglav: *Diana* – Морена, Ночицца,

Триглав

Ogglasuvavka: *Echo* – Огласувавка

Roshnezvitarza: *Flora* – Рожнецвитарца

Srezha: *Fortuna* – Среча

Drashêna, Drashnize, Strashnize: *Furiac* – Дражена,

Страшнице.

Bratek: *Genius* – Братек

Sidèk: *Haufgofje* – Сидек

Skrytek, Shkratel: *Haufgenius* – Скрытек

Vila, Vilna: *Hecate* – Вила

Bogina, Slavina: *Juno*

Berôn: *Jupiter*

Ladon, Tor, Tôrk: *Mars*

Shilôn, Sêlôn – *Mercurius*

Modriza: *Minerva* – Модрица

Marlivke: *Musae* – Марливке

Murân: *Neptunus* – Муран

Pan, Travnerpân: *Pan*

Sodize, Shivize: *Parcae* – Содице, Живище

Merother: *Pluto* – Мерот

Ninga, Hudina: *Proserpina* – Худина

Dovji moshji, lesni Bogovi: *Satyri* – Довьи мужьи

Tribék: *Seichgott*

Smert, Rebrenéza: *Dea mortis*

Hromek, Slômek: *Vulcanus*

Namarneza: *Vacuna* – Намарница

Posvist: *Malus Aër*

Zhistlika, Siba: *Venus* – Чистлика, Сиба

Vrêmenek: *Weterrglas*

Pahoda: *Dea Bonae Tempestatis*

Grumina, Mozhirna: *Dea malne tempestatis* – Мочирна

Fertûna: *Dea Ventorum*

Burovsh: *Heerwagen*

Hervor: *Polfcern*

Shmarn Krish: *Haufftern*

Я привел этот список потому, чтобы славянские ученые поверили *на месте* латинский перевод этих названий. Переводить прямо нельзя потому, что иные словенские мифы могли иметь смысл *только приблизительный*, напр. *Vogina, Slavina, Tòrka* и проч. Притом же можно подозревать, напротив, не придумывали сам сочинитель *Грамматики* некоторые словенские слова, чтобы выразить смысл латинских мифов, например, *Рожецветарица* – Флора, *Чистлика* – Венера, *Мудрица* – Паллада?

Конечно, названия мифов *Belin, Jelovz, Berón* оправданы по римским надписям; но *Ladon*, как по смыслу надписей, так и по мифологическому преданию прочих славянских племен, – это не бог войны, а *Лада*, богиня любви, следовательно, и красоты. Такая же ошибка может быть и насчет *Триглава*.

Сейвиною, сколько мне известно, краинцы называют время *сеяния*; а *пост (pust)* у них то же значит, что у нас *мясоед*, или, лучше, *carnaval*. Это замечательное разноречие в значении одного и того же слова, должно, имеет свою причину, происходящую, как мне кажется, от *различия климата*. Известно, что зима снова сводит в одну кучу людей, разбредшихся летом на работу. Известно, что все народы одинаково склонны к *вакханалиям*. Весною пировать нельзя потому, что некогда, и потому, что в это время года человек бывает беднее. Лето проходит в собирании хлеба и разных овощей; тут он уж богаче. Осень проходит в собирании овощей, в очистке, свозе хлебных плодов; наконец, в ноябре предстоит собирание винограду и делание вина. В зимние месяцы человек бывает самый богатый. Так как зима дает в это время отдых, как природе, так и человеку, то он везде свои вакханалии исправлял посреди зимы в толпе праздных смертных потому, что *безделие родит веселие*, как необходимое средство против скуки.

Чем севернее житель, тем больше было у него досугу; чем южнее, тем меньше. Судя по климату Словении, жители

ее могли пировать только с половины декабря (когда вино стало поспевать) по половину февраля (когда стало снова зеленеть). Правда, зима жителям Руси и Польши давала *шесть* месяцев отдыха, однако они не так скоро могли обогатиться: неудобность грязного пути в осеннюю слякоть заставляла их *искони* дожидаться хорошего снега и рождественских и крещенских морозов; отдаленность расстояния тоже немало отнимала у них времени для прибытия к месту сбыта и возвращения домой. Таким образом, *искони* русак и лях не прежде мог приниматься за свои вакханалии, как с начала февраля, и продолжать по апрель во время испорченных дорог и мартовских мятелей. Но читателю известно, что со времени обращения Церковь наложила *запрещение* на эти почти два месяца и, напротив, предписала *воздержание*. Несмотря на это, как русаки, так и ляхи удержали то название, под которым *искони* у них слыло это *досужное* время. Христианское название этого времени может быть *пятидесятница* или *7 недель воздержания*, но не *пост*, потому что никакой филолог в мире не в состоянии доказать, что *пост* и от него производное *поститься* – значит *воздержаться*. Вот почему у словенцев, у коих это досужное время совпадает именно между двух постов, Рождественского и Великого, это слово означает именно *противное*.

Так как *пост*, или *пуст*, как слово этимологически собственно ничего не означает, то можно принять с сочинителем Грамм., что *Pust* был бог увеселений, не только у *словенцев*, но и у прочих славянских племен. Простой народ охотно называет известное продолжение времени именем совпадающих празднеств, напр. *Филиповка*, *Петровка* и проч. Он не любит именовать число и месяц, это слишком астрономически точно; напротив, для него легче сказать: родился в *Филиповку*, умер в *Петровку*, пропал всю *Ильинскую* (ярмонку, т.е. 30 дней). Таким точно образом и язычники известное время могли прозвать именами своих богов, как *Пуст* и *Сейвина*, т.е. все время посева хлеба в честь богини сего же имени, которой, впрочем, поклонялись и померанцы, и ляхи, и сорабы.

Прочие мифы представляю обсуживать и исследовать другим. Кажется, впрочем, лучше всех можно узнать их значение из простонародных *волшебных сказок*.

В заключение прибавлю, что опущены автором: *Ведомец* (у нас *Ведьма*), *Цуперница*, *Веща* (у болг. и серб. *Вещица*). *Худич* больше *Скрателя*; *Злодей* меньше.

Кончим эту статью критическим правилом, что мифологию *всякого славянского племени должно пояснять и излагать порознь*: во-первых, потому, что всякое славянское племя почерпало свои мифологические названия из своего же наречия, и как наречие наречию розь, то и номенклатура мифологическая каждого племени может представить точно такую разницу; во-вторых, потому, что если и встретятся тождественные названия, однако они могут различаться в смысле, т.е. в занятиях божка.

Таким образом, мы уже видели пример для первой причины в названиях *Крачун* и *Бедай*.

Общее замечание

Словенцы могли быть так же богаты *мифами*, как и современные им римляне и греки. К сожалению, *Царство надписей* весьма их немного довело до нашего сведения. Я полагаю этому двоякую причину:

1) Словенцы, если переводили свои фамильные имена по-латыни, как мы видели выше, то могли переводить и надписи своим богам и богиням, именно потому, что писали по-латыни. Это могло действительно быть по влиянию тех же условий приличия, по которым и ныне дипломат в заключаемом им трактате не позволит себе начинать оный словами: «*Au nom de Bog Tout-puissant*»*, вместо слова «*Dieu*»**. Следовательно, как узнать с достоверностью, что надписи, на которых стоит только *Apollini, Dianae, Faunis, Charitibus, Neptuno* и проч. суть приношение действительно латина?

2) Другая причина, по которой *Царство надписей* забывало богов словенских, состоит в *хладнокровии*, которое

---

* Именем Бога всемогущего (фр.). – Прим. сост.

** Бог (фр.). – Прим. сост.

питали к своим богам не только *словенцы*, но и прочие славянские племена.

В следующей статье вкратце я постараюсь обратить внимание читателя на причину и последствия этого *хладнокровия*.

10. О вредном влиянии дуализма на раннее развитие изящных искусств у славянских племен.

Изыскатели славянской мифологии весьма часто сравнивают ее мифы с мифами греческой и латинской. Весьма часто слышишь выражения: «У греков и латинов был Юпитер, его славяне называли Перуном; у греков был Аполлон, у славян Бел-бог; у тех Венера, у нас Ладо и проч. Следовательно, славяне так же веровали, как и греки и латины».

Не спорю, что славянские мифы, т.е. *олицетворения высших причин и явлений*, были похожи на греческие и латинские потому, что причины и явления *везде похожи*. Потому-то эти *олицетворения* составляют только *наружные* формы религии. Но наблюдатель *сердца* должен отложить эти наружные формы и вникнуть в *основную идею* человеческого верования потому, что если всякая *идея* уже сама собою может быть *причиною*, то она должна иметь и свои *последствия* в развитии человеческом.

История представляет нам только *последствия*, т.е. видим, что славянское человечество совсем *иначе* развивалось, нежели греческое и латинское; это *различие* происходит от различия в *основных идеях* верования.

Славянское человечество всегда выражало свое счастье *белым цветом*, или же *светом*, а несчастье *черным*, или *темнотою*. Отсюда и выражения *ясные дни* и *черные дни*; отсюда же проистекли и *белые боги* и *черные боги*.

Олицетворив таким образом *неведомую причину*, славянин основал свое верование на мысли, что «*доброе начало всегда производит для человека только добрые последствия, а злое — всегда только пагубные*». От этой мысли произошло разделение и олицетворений (мифов) на *белых богов* (которые посему никогда зла не делали) и *черных* (которые *никогда* не делали добра).

Этого подразделения на *белых* и *черных* богов не было в мифах греческого и латинского человечества, потому что оно олицетворило не идею *причины*, подобно славянам, но идею *воли*. Потому-то *одни и те же* боги у греков могли делать и *добро* и *зло*; могли и *возлюбить* и *прогневаться*, и *миловать* и *наказывать* – между тем как, по понятию славян, их боги не изменяли свое натуре во влиянии на дела человеческие.

Так как у греков и латинов допущена богам полная *воля* делать смертным добро и зло, миловать и наказывать, то тем самым олицетворено *Правосудие*, как одно из *верховных со-вершенств Единого*. *Страх* и опасение от гнева и мщения богов (*ab ira et vindicta deorum*) производил на греков и латинов совсем другое влияние впоследствии, нежели на славян их олицетворенная холодная метафизическая мысль о причинах. Вечно-добрый и *вечно-злой* властитель непременно потеряет к себе всякое уважение подчиненных; то же самое случилось и со славянскими богами и со славянскими племенами.

Конечно, *религиозное чувство* врожденно всякому человеку точно так же, как дан и слух, и зрение, и сердце, следовательно, оно дано и славянину, как и греку; разница только в том, что оно может развиться или глубже, или остаться по-верхностнее, смотря по свойству пружин, которые им двигают. Разумеется, что, отправившись от противоположной идеи верования, религиозность и набожность славянских племен была *несравненно слабее*, нежели греков и латинов. Да и чем же другим, как не этою истиною, можно пояснить историческое явление, что славянские племена, (такие же старожилы в Европе и так же одаренные всеми способностями, как и греки и латины) на огромном пространстве своих жилищ не оставили никаких памятников своей набожности, между тем как удивляемся множеству и изяществу греческих и римских разваленных храмов и статуй, посвященных богам и рассеянных по пространству бывшей Римской империи?

Не стану ссылаться на давно справедливо повторяемую мысль, что религия повела народы к просвещению и в храм изящного и высокого, потому что сей час возразить могут: по-

чему же языческое же верование остановило славян на пути к образованности? На это отвечаем: не верование, а наоборот, ослабление религиозного чувства, произведенное *противным* свойством основной идеи верования.

Религия должна обнять *всего* человека, т.е. разум и чувство (голову и сердце); чувство, руководимое разумом, составляет *волю*, следовательно, олицетворение *воли* у греков заключило в себе полного человека, между тем как славяне в олицетворении только *высшей неведомой причины* допустили только *духа*. Между тем как боги греков и латинов были больше *люди*, чем *духи*, то само собою разумеется, что их мифы были гораздо ближе к пластическому совершенству форм человеческих, нежели мифы славянские, которые, напротив, как *духи*, могли принять вид не только человека или пародии на человека, но и вид других животных.

Между тем как *добрые* и *злые* духи вечно противодействовали друг другу (как это и доселе делается в славянских простонародных мифических сказках, в коих влюбленный славянин имеет и защитника и гонителя), греческие боги и богини и нимфы на лето съезжались на Олимп, проводили в компании время приятно и миролюбиво, в волшебных чертогах попивали нектар и козлиное молоко, веселились и разъезжались не без романтических приключений. Там не было таких отвратительных рыл, каковы съезжались к Перуну и теперь еще съезжаются на гору Киевскую и Токайскую. На Олимпе было все человеческое, даже лучше, изящнее всего человеческого: самое греческое название Венеры 'Αφροδίτη (т.е. рожденная в белой пене морской) показывает, как трудно вообразить все совершенство ее форм!

Таким образом, от разности в основной идее верования воспоследовала и разность в *олицетворениях*, т.е. в пластических формах мифов греческих и славянских. Первые, представляя идеал человеческого совершенства, привлекали к себе греков; последние своею мистическою фантазмагориею внушали славянам к себе отвращение. Первые наводили на людей страх, который может произвести *правосудие* (*ira et vindicta*

deorum), последние не могли возвысить чувство религиозное неизменностью своего характера. Грек из опасения попасть к Харону на берега Стикса сильнее, горячее и чистосердечнее был привязан к своим богам, которых гнев можно было *ублажить, умилоствивить*; между тем как славянин был гораздо спокойнее под защитою своих *добрых духов*.

Само собою следует, что *мысленное* олицетворение мифов повлекло за собою и *физическое*, и тем самым родились у греков изящные искусства *ваяния*, и вслед за ним *архитектура*. Излишне здесь упоминать, что первые произведения этих искусств были грубы, что первые истуканы были обнесены простым плетнем или палисадником, что, наконец, искусство довело этот истукан до изящной статуи, а этот палисадник до разных ордеров мраморных колонн – *дорического, коринфского* и проч. Мы только обратим внимание на существенные причины такого успеха.

Для усовершенствования этих искусств были необходимы два условия: *вдохновение*, внушенное верованием, и *поддержка художника*. Так как усовершенствование действительно сбылось, то причину вдохновения и поддержки художника должно искать только в характере верования древних греков.

Мы уже видели выше две причины *вдохновения*, а именно *страх* и *благолепное* олицетворение мифов. Теперь взглянем на причину поддержки, без которой гений остановился бы на половине дороги.

Кто же поддерживал художника? – греки поддержать не могли, потому что они были разделены на независимые общины, в которых никогда не было таких богачей, как один русский вельможа, которому не стоило ничего выдать художнику 500 000 рублей за *Амура и Психею*. Дома у греков были одноэтажные, без колонн и без украшений, но опрятные.

Кто же заставил греков поддержать искусства? Опять религия, опять *страх от богов*. Известно, что боги у древних могли мстить, и мстили не только частным лицам, но и целым обществам. Вот почему почти всякий город выбирал себе заступника или заступницу в собрании богов и богинь. *Афины*

избрали Минерву, *Дельфы* – Аполлона, *Ефесс* – Диану и проч. Так как ублажение богов было общественной необходимостью, то великие памятники искусства совершались на суммы *общественные*, в которые входили и лепты вдов, и сирот, и слуг. Вот почему изящные искусства дошли до чудес, до *Аполлона Белведерского*, до храма Дианы Ефесской, до *Колосса Родосского*.

Итак, художник всегда задавал себе вопрос, как бы лучше изобразить смертным те божественные черты, которые рисует ему его верование? Как представить те полунебесные полупрозрачные чертоги, в которых бывает собрание богов и богинь на вершине Олимпа? Художник постиг, и смертный увидел эфирный храм, который для его любопытства сделан полупрозрачным, чтобы увидеть божество! Это, читатель, просто ротонда из мраморных колонн коринфского ордена, накрытых изящным куполом. Посреди ротонды пьедестал, а на нем прельстительная статуя Венеры! Итак, колонна выдумана по нескромности смертных, единственно для богов, а больше для богинь, а не для человека, которого она не может защитить ни от ветру, ни от жару, ни от комаров.

Кроме непосредственного влияния на вдохновение художника верование на него отчасти действовало и чрез людей по той причине, что на нем лежала обязанность удовлетворить ожидания общества, для которого он трудился.

Что же сделало для славянских племен их верование в *двоеначалие*? Все противное! *Белые боги* вместо того, чтоб угрожать славянам своим гневом и правосудным мщением, напротив того, были покровителями его хозяйства: один божок стереги ему стадо овец и коров, другой лошадей, третий свиней и гусей, четвертый посева и луга и т.п. Если славянское язычество не оставило нам развалин больших храмов, то это самое доказывает, что *общество* у славян не занималось ублажением своих богов, как общество греков. Богопочитание у славянских племен была вещь *частная, домашняя*; всякий себе сам строил столько кумиров, сколько ему понадобилось. Араб *Ибн-Фослан* в 921 году видел оседлых на Волге русских купцов; в саду одного стояло несколько кумиров. Со-

бираясь на торг, хозяин накануне одному из них привесил на шею четверть говядины; на другой день ее не стало, вероятно собака стащила, замечает Фослан, а русак остался при мысли, что кумир ее съел.

Эту *частность*, или, лучше сказать, *домашность* в богочитании могла произвести только вера в *двоеначалие*; следствием же этой частности было послабление религиозного чувства потому именно, что оно не облагораживалось, не согревалось *общественностью, публичностью*. Частность эту доказывает дошедшее до нас слово: чем зажиточнее был славянин, тем большее количество *богов-хранителей* воздвигал он на своем гумне; такого хозяина всякий прохожий называл *богатым*.

Между тем как славянские племена далеки были от мысли, чтобы дарить *богов-хранителей* статуями и огромными храмами, то злых богов не только не боялись, но даже их и *преследовали*. В предыдущей статье мы видели, что задунайцы и доселе сожигают истукан *Бедая*, как причину *бедности*; и доселе в полночь отрывают гроб и терновыми колючками избивают тело того из покойников, на кого есть подозрение, что *повампирился* и сосет кровь человеческую. То же делают и карпато-россы со своими *Вупирями, Босоркунами и Босорканиями* (ведьмами).

Кроме личной мести славянские племена доискались еще разных средств против *злых* духов, зельев, кореньев, растений и т.п. Если задунайцы в разговоре упомянут о вампире, то в скобках приговаривают: *на путу му броть* (*rubia tinctorum*) и *глогово терние* (*crataegus. linn*), и этого достаточно, чтоб вампир бежал далеко. У карпато-россов первые петухи прекращают бродяжничество всех *злых* духов и проч.

Как бы то ни было, но всякому мыслителю более или менее может мерещиться вопрос: «Почему киевляне не оставили такого Перунова храма, какой афиняне создали Минерве? Или почему померанцы не сооружали такого памятника своему Триглаву, как ефесцы Диане?!» Воображение и легковерие может этому придумывать разные причины в обстоятельствах, в

разнице способностей у *славян* и т.п. Но существование великолепного града, выросшего на невьских болотищах, или поднятие *Александровской* колонны на это отвечает, что не надобно дурно думать о способностях человеческих. Может быть, кто-либо скажет, что я причину вывожу из слишком *отдаленной* идеи. Скажу: напротив, причина слишком близкая потому, что она насаждена именно в *сердце* и в *мысли* человека, которую она по свойству своему может или *охладить*, или *одушевить*.

Так как нельзя отвергать влияние, которое имеет на человека и на его жизнь религиозное чувство, то я не могу не остаться при мысли, что *вера славянских племен в двоеначалие приостановила их на пути к раннему изящному развитию*.

Истину этих слов подтверждает совершенное подобное явление и у других народов, происшедшее от подобных же причин. Взгляните на старый Китай и Индию. В первом верование ограничивалось холодной метафизической моралью; следовательно, и его олицетворение весьма слабо: вот почему оно проявилось в наружных формах, которые так близки к славянской *демонологии*. Притом богослужение в Китае и доселе *домашнее*. В Индии олицетворение единого Источника было грозно и величаво: вот почему и все памятники индийские величественны.

Я предоставляю самому читателю сообразить, до какой степени величаво все то, чему удивляется Европа в переводах с санскритского: как величавы индийские храмы и города и их развалины; как величавы были старый *Вавилон* и *Пальмира*, возроставшие под влиянием индийской религии, – и как во всем этом далеко отстали китайцы!

* * *

Что касается до народных *обрядов* или празднеств в честь мифам, то они у славянских язычников с тою же живостью отпраздновались, как и у греков, потому именно, что в празднествах или в обрядных занятиях заключалось для человека и приятное препровождение времени³⁶.

11. Письмена словенские

Сколько уже толковано о *словенских* (славянских?) письменах, о *славянском алфавите*, об изобретателях (sic!) его и т.п.! *Нестор, Шлецер, Добровский, Карамзин, Шафарик* и проч. и проч. Добровский написал об этом важном предмете целую книгу. Шлецер в своем *Несторе* (Русск. перев., часть 2. Спб., 1816) истратил в пользу славянской азбуки, ее изобретателей и о переводе Св. Писания 176 страниц!

Кажется, что после стольких свидетельств, трудов и соображений нечего больше перемалачивать этот избитый уже вопрос. Притом же мы не говорим о славянских племенах греческого исповедания, которые никогда сами себя *словенцами* не называли, а о племени, бывшем в подданстве у римлян, — то нечего, по-видимому, говорить о нашей церковной печати. Но поставив себе в обязанность пояснить вопрос о письменах, которые римляне застали у *словенцев* во время их покорения, и как выражение *словенские письма* по созвучию непременно смешает понятие читателя с тем понятием, которое вообще имеется при выражении *славянская азбука* о нынешних церковных буквах, то в этой статье никак нельзя миновать встречи и с *Нестором*, и с нашим церковным шрифтом, и с новейшими изыскателями, следовательно, нельзя будет обойтись и без полемики, для которой, однако, я не намерен тратить 176 страниц. Изложу свое мнение *кратко да ясно*.

Прежде взглянем вкратце на историю *распространения* и *раздробления* греческого алфавита.

а) История греческого шрифта

В Риме и в Италии греческий алфавит принят тогда только, когда стали учиться по-гречески, а именно с завоевания Греции. Время и пространство изменило несколько форму некоторых букв, напр. Δ – в гладкое D, или Σ в S, или букве Ρ дан другой звук. Но вообще форму шрифта римляне удержали. Из Италии они распространили его по Галлии, Испании и Британии.

С падением Западной империи прекращается и *Царство римских надписей*, следовательно, с того времени мало име-

ется палеографических памятников. Со времени нашествия варваров искусство писать бежало в монастыри. Как оно с тех пор изменялось, то это могут показать уцелевшие монашеские рукописи.

Наконец изобретено книгопечатание. Так как нужда в *богослужбных* книгах внушила эту благодатную мысль, то изобретатели скопировали шрифт с книг литургических, которые писались покрупнее, или *ломаным уставом*; и вот как печатались в Германии первые книги: «in illo tempore dixit dominus»*.

Вскоре нарасхват принялись за это искусство. В Италии один ученый, *Алд Мануций*, в 1488 году в Венеции завел типографию и в ней же уставом печатал, как и немцы. Вскоре, однако, насмотревшись на везде валяющиеся римские *гладкие надписи*, решился скопировать их шрифт и ввести в печать. Вот настоящий почерк римских надписей, сохранившийся на камнях столько веков: «IN ILLO TEMPORE DIXIT DOMINVS». Эти буквы для отличия от первых названы после *древними* (*antiquae*), а первые – *монашескими* (*monachales*).

Так как древние для печати не были споры, то Мануций вздумал *подгладить* под них монашеские, употребив первые *прописные*, и стал печатать: «In illo tempore dixit Dominus». Из типографов он первый придумал к этому и курсив: «*In illo tempore etc.*».

С тех пор Западная Европа постепенно принимала это нововведение, за исключением одних немцев, оставшихся при *монашеских*, которые в новейшее время и слынут *немецкими* буквами. Но эти немецкие буквы не иное что, как *переродившиеся греческие*, точно так же, как и латинские. С того времени все образованные народы Европы (исключая славян!!) и Америки *свято хранят утвердившуюся форму типографского шрифта*.

Между тем изучение греческого языка стало распространяться по Италии. Мануций решился завести шрифт для издания греческих писателей. В выборе прописных он тоже обратился к почерку греческих надписей, напр. имп. Марка Аврелия: ΑΙΓ. Μ. ΑΙΡΗ. ΑΝΤΩΝΕΙΝΟΣ. Для строчных отлил

* Во время оно рече Господь (*лат.*). – *Прим. сост.*

с рукописей современную ему греческую *скоропись* со всеми ее сокращениями.

В тогдашних изданиях греч. писателей буква с буквою связаны; но в новейшее время стали их отделять, и греческий шрифт ныне уже *курсивен*, напр. Αὐτ. Αὐτῆλιος Αὐτῶνεϊνος. *Стоячего* и доселе у них нет³⁷.

Алфавит греческий той же операции подвергался в Восточной империи, как и в Западной. От изящества надписи Аврелиевой монеты очерк букв греческих в IX и X столетиях дошел до подобного: ANTWNEINOC.

Итак, стоит только взглянуть на грубые монеты, медали и надписи византийские этих двух столетий, чтобы увериться, что наш церковный устав есть подлинный греческий IX и X веков³⁸.

В это время не только Запад, но и Восток покрыт был тьмою. Впоследствии, со второй половины XI века, во время Крестовых походов, византийцы очнулись, и стали появляться у них писатели. Само собою разумеется, что занимавшиеся писанием не могли не дойти до порядочной скорописи, которую *Алд Мануций* в XV веке и ввел в печать.

Что касается до нас, то наш устав проистекает из истории болгарского народа. Часть его была независима, а часть в подданстве у византийцев.

Двор *Преславский* (болгарский) крестился в 862 году: в то время значительная часть его подданных были уже христиане. Но подданные византийцев крестились еще раньше.

Нечего доказывать, что с религиею болгаре приняли и шрифты. В моей брошюрке: *О зародыше новой болгарской литературы* (Москва, 1838, кн. I) можно видеть жалобы некоторых болгар на то, что в епархиальных училищах не учат другой грамоте, кроме греческой, и что вследствие этого недоучившиеся греческому языку пишут по-болгарски, но греческими буквами, т.е. известным уже курсивом.

Может быть, и болгаре изменили бы греч. устав IX века, если бы обстоятельства им позволили заняться литературой; но 200 лет после были подданными греков, а 500 лет – уже турков.

Россия придерживалась почерка книг, полученных ею от болгар, а введение типографий утвердило его *до сего дня*. Итак, наш *церковный устав* (греческий) есть то же *litterae monachales* и так же, как и немецкий, происходит из X века. Следовательно, толковать об его изобретателях значит то же, что, как говорится, *толочь воду на воеводу*.

Но мне скажут: а буквы *Ж, Ч, Ш, Щ, Ц*, коих нет в греч.? – Эти буквы не изобретены, а взяты из алфавита совсем не греческого происхождения (см. ниже табл. словенских писем), к которому мы теперь обратимся.

б) История этрусского письма

Так как в Европе было только *два древнейших* алфавита, а именно греческий и *этрусский*, то *словенский* принадлежал к одному из них.

Так как этруски довольно рано пали под иго латинов, и как *царство их надписей*, кроме нескольких отрывков на вазах, истреблено, то как об языке, так и об алфавите *этрусском* имеется весьма мало положительных сведений.

Знаем, однако, по свидетельствам древних писателей, что язык жителей Этрурии так же был *далек* от языка латинов, как и язык жителей Паннонии.

Авл Геллий (Auli Gellii Noctes Atticae, XI, 7) говорит: «*Deinde, quasi, nescio quid, tusce aut gallice dixisset, universi riserunt*», т.е. «после, когда сказал что-то, не знаю, на *этрусском* ли языке или на *гальском*, все засмеялись». Это показывает, что язык Этрурии в Риме был непонятен.

Ливий (Lib. X, с. 4) под 301 годом до Р.Х. о поражении этрусками диктатора Валерия говорит: «Никто из римлян не смел выйти из стана; один пастух подошел под самые окопы и стал кричать другим, которые за ним медленно гнали скотину от разваленной деревни: “Что ж вы остановились, когда можно пройти через весь римский лагерь?” Когда эти слова кто-то из керийцев *перевел диктатору*, то он велел *знающим язык вслушиваться*».

А под 308 г. до Р.Х. (*Lib. IX, с. 36) о войне Фабия с Этрусками* следующее: «Из всех присутствовавших один Фабий вызвал-

ся пойти разузнать о неприятеле и привести верные известия. Будучи воспитан в Керре, он изучил этрусские письмена и знал хорошо язык этрусков. Есть исторические свидетельства, что тогда римское юношество вообще обучалось этрусским письмам и языку точно так же, как ныне обучается греческим».

Об учебном влиянии этрусков на римлян кроме Ливия говорят не только и прочие писатели, но самые римские древности Дионисия Галикарнасского, Ливиева современника.

Плиний (Hist. Nat. Lib. 16, cap. 44), говоря о примечательных по древности своей деревьях, между прочим приводит одно на Ватиканской горе в Риме, «на котором находящаяся надпись медными этрусскими буквами показывает, что дерево уже в то время почиталось священным».

Вообще история грамотности жителей Италии подразделяется, по Ливию, на две эпохи: 1) на употребление букв *этрусских* и 2) на употребление *греческих*. Так называемый латинский алфавит, которым писал Цицерон и Ливий, есть собственно греческий.

Время принятия Римом и латинами этого греческого алфавита принадлежит к последнему столетию Республики, а именно со времени покорения Греции, с которого греки принуждены были ездить в Рим по разным надобностям, а именно *ремесленники, откупщики казенных имений* на Балканском полуострове, *архитекторы, модистки, литераторы, живописцы, губернеры, скульпторы, комедианты* и проч. С тех пор греческий язык вошел в моду, а алфавит в гражданское употребление.

А этрусский остался только в звании духовном. Рим действительно и впоследствии имел своих мулл, кадиев и муфтиев из почтенных этрусков. Без их одобрения римские консулы точно так же войны не начинали, как и султаны без одобрения муфтия. Что у турков *Алкоран*, взятый у арабов, то было у римлян *disciplina etrusca*, т.е. *учение этрусское*.

Приведем несколько мест о влиянии этого учения.

Цицерон говорит (De Natura deor. II, 4; 10): «Наши вожди тогда только начинают военные действия, когда им доставили хорошие признаки. — Многие могу привести из сивиллинских

предсказаний, многое из ответов гадателей, чем подтвердилось то, о событии чего нельзя сомневаться. Так, напр. и толкование наших, и *учение этрусских гадателей* оправдало самое событие в консульство *П. Сципиона* и *К. Фигула*. – Гракх предложил их во второй раз в консулы *вопреки* мнению этрусских гадателей; за то один из выбираемых тут же скончался. Так как Гракх опасался, чтобы народ этого события не приписал его послушанию жрецам, то перевел дело в Сенат, желая прикрыться его мнением. Сенат захотел исследовать: введены чревогадатели; они объявили, что делавший собранию предложение был не прав. Тогда Гракх, как отец мой сказывал, всплывшись, вскричал: *Так ли? я не прав, когда бывши и консулом и авгуром предлагал благополучно? А вы, иноземцы этрусски, разве завладели правом римского народа располагать своими предначертаниями и можете быть распорядителями народных собраний?*

Несмотря на это восстание Гракха, этрусски и *книги этрусские* и впоследствии были в уважении. *Плиний*, говоря об ужасных явлениях в геологической природе: «Я нашел в *книгах этрусского учения*, что однажды случилось страшное потрясение (чудо) земли»³⁹.

В другом месте, говоря о *зловещих (inauspicious) птицах*, от появления коих римляне очищали народ, продолжает: «Есть еще и другие роды *зловещих* птиц, которые *изображены в книгах этрусского учения*, но коих никто не видал: что они перестали существовать, странно, потому что избилуют и те, которых даже истребляют для пищи»⁴⁰.

Из греков *Дионисий Галикарнасский* (Ἀρχαιολογία Ῥωμαϊκή) утверждает, что Этрусски в языке ничего не имеют общего ни с греками, ни с латинами.

Нибур (Röm. Gesch) в статье об этрусках признается, что не знает, к какого рода языкам должно отнести их наречие, и склоняется больше к жаргонам Галлии. Мы видели, однако, выше, что *Авл Геллий* именно отличает их язык от языка жителей Галлии. Но еще положительнее о языке этрусков выразился *Ливий (Hist. Lib V, с. 33)*, где о происхождении жителей Словении от этрусков говорит следующее: «Alpinis quoque

ea gentibus haud dubie origo est, maxime *rhetis*, quos loca ipsa efferarunt, ne quid ex antiquo, *praeter sonum linguae, nec eum incorruptum, retinerent*». Т.е. «Из *Этрупии* же вышли и горские жители, а преимущественно *ретийцы*, так одичавшие в горах, что из своей старины славной ничего не удержали, *кроме языка*, да и то не без искажения».

Ливий указывает в особенности на язык *rheti* по той причине, что они ближе всего были к его родине, так что их-то он знал короче всех, следовательно, и их *язык*, как я уже заметил выше. Притом же в его время еще обитали в Тоскане остатки этрусков. Если их описал грек Диодор, то тем лучше должен был их знать Ливий, как уроженец страны *Ретийской*. Следовательно, его свидетельство непреложно.

В описании трех Словенских войн *rheti* везде встречаются как единоплеменники норийцев, паннонцев, далматинцев.

Итак, пока так называемый *этрuscoский* алфавит в Италии уступал место греческому, он сохранялся в горах словенских у жителей независимых.

Мы знаем свидетельство римского генерала *Веллея Патеркула* о моральном состоянии словенцев до 6-го года по Р.Х. Повторим его выражение: «In omnibus autem Pannoniis non disciplinae tantummodo, sed linguae quoque notita Romane; plerisque etiam **litterarum usus, et familiaris animorum erat exercitation**. Itaque, Hercules, nulla unquam natio tam mature consilio belli bellum junxit, ac decreta patravit» (Lib. II, cap. XIO). Я перевел: «Во всех Паннониях жители занимаются не только подобным обучением, как и у нас, но и римским языкам; а многие из них *даже упражняются в грамоте*, в науках, и вообще в изящном образовании. Посему, ей ей! Ни один народ не обдумывал войны так зрело и не выполнял своего намерения так хорошо, как этот».

«Plerisque etiam *litterarum usus*» я перевел: «многие из них *упражняются в грамоте, в науках*». *Litera* или *litura* собственно значит то, что мы называем *буквою*. В смысле обыкновенном выражение *заниматься буквами (litteris uti)* **принимаем заниматься грамотою**, а там, наконец, и *словесностью*.

Эти два смысла и выразил Патеркул, говоря: «*plerisque etiam literarum usus, et familiaris animorum erat exercitatio*». Последнее выражение то же, что у французов *des belles lettres*. (У словенцев и доселе *bukvu* значит то, что у нас слово *книга*; *Svety Bukvu* – Библия).

Теперь остается вопрос: какого же роду был этот *словенский алфавит*, о котором упоминает Веллей Патеркул?

Если этруски, по уверению *современных* очевидцев, были единоплеменники словенцев, то *какое могло быть наречие так называемых этрусков, как не словенское? Какой же особенный алфавит, о котором говорит Веллей Патеркул, мог быть у словенцев, как не этрусский? – Что, ежели этот же алфавит и доселе в употреблении у словенцев истрийских, далматских и на островах Адриатического моря?*

в) Мнения о так называемом глаголическом алфавите и их опровержение

Известно, что и доселе действительно в Кроации, Далмации и на Адриатических островах в употреблении *особенный* алфавит в славянских богослужебных книгах *католического* исповедания.

Ниже я прилагаю изображение этого алфавита, сравненного с нынешним русским греческого происхождения. Он известен под именем *глаголического*.

Много мнений было о происхождении этих письмен. *Шафарик* изложил их вкратце в своей истории *славянских литератур* (*Gesch. d. Slawisch. Sprache und Literatur nach allen Mundarten*. 1826, стр. 239–241).

«Около этого времени (1064 г.), кажется, – говорит Ш., – пришла мысль какому-либо далматинцу в голову для блага славянской литургии и приверженцев Западной Церкви изобрести новые, отличные от кирилловских (собственно греческих) буквы для того, чтобы взятое из книг кириллических удобнее *скрыть*». От кого? От пап? (Здесь противоречие.) «Чтобы им дать больше ходу, он приписал их как изобретение *блаж. Иерониму*».

Все это *изобретение* слов. алфавита, относимое к 1064-тым годам, основано на пустом, кажется, *вероятно*. Критика это отвергает.

«Итак, стали этими письменами переписывать славянские церковные книги» (коих перевод писан в Болгарии для болгар греческими современными буквами, на болгарском наречии?).

«О происхождении и названии этих письмен в разные времена были разные предположения. Древнейшее, кажется, происходит от далматских священников (которые служат по-славянски, но по римским обрядам), что они изобретены блаж. Иеронимом. Но это мнение не может состояться и давно уже опровержено основательным образом». И справедливо.

«Граф Грубишич⁴¹ искал их происхождение от фригийцев и фраков, гетов и готфов» – вероятно, опять на *кажется*.

«Алтер производил их из латинских (!); Лингард⁴² из греческих (!); оба относят это к V веку». «Дурич в IX ищет в рунах и Оскийских письменах⁴³».

«Однако все эти догадки превратятся опять в *ничто*, если взять во уважение доводы противной стороны. Давно уже сомневались о такой древности этого алфавита.

Простое сомнение ничего не доказывает.

«Фриш⁴⁴ производил этот алфавит из кириллического (следовательно, греческого?!), но с тем однако, что, по его мнению, он образовался чрез *нарочное украшение* или посредством *нерадивого искажения* (оба одно и то же) переписчиков» (sic!).

Но каким же образом болгарские, сербские, российские переписчики со времен Кирилла до нашего веку *не исказили* его букв, а далматские и кроатские *исказили*, по его, Фриша, мнению? Галиматъя!

«Его мнению последовали Kobl⁴⁵, Voigt, Шлецер и другие, которые, однако, глаголический алфавит объявили творением *позднейшего* преобразователя».

Но с какой стати и по какой причине мнимый преобразователь принимался бы за дела, если и кирилловский так называемый был достаточен для народных нужд!

«Добровский доказал (?) непреложно, что глаголические письма изобретены в XIII веке, в Далмации, вероятно на острове Арбе, и что ими производил их автор невинный обман».

«Они без сомнения – это уж мнение самого Шафарика, – суть изобретение какого-либо монаха, который кирилловские письма перековеркивал по произволу, имея, однако, в виду и другие (Какие? Азиатские?) алфавиты, а преимущественно египетский; и тем самым всему кирилловскому алфавиту придал новый, искусственный и *весьма неприятный вид*».

Каков мастер-изобретатель шлецеро-добровско-шафариковский! Но ужели жители, привыкшие к письмам кирилловским, имели надобность кидаться на письма *новые и весьма неприятного виду* с тем, чтоб забывать первые и вводить без нужды последние? Ужели ради одних новых букв они решились бы бросить все прежние свои книги, писанные до того другими буквами в продолжение 360 лет? Как бы то ни было, но во всем этом доводе, *непреборимом* по мнению Шафарика, нет не только *естественности*, но и *здорового смысла*.

«Этими новыми буквами надеялись (Кто? Папы?) привлечь к себе славян греческого исповедания, хотели им оставить славянскую литургию, но посредством этих писем надеялись ввести обряды западные». Неправда: мы ниже увидим, что, наоборот, в 1060 году на Салонском соборе вооружались против писем глаголических.

Кроме того, здесь опять нет смысла. Уж не думали ли папы посредством этих *новых и весьма неприятных букв*, наоборот, еще более привязать жителей к греческому обряду?! Или ужель они не могли вместо ново-гадких предложить свои латинские?! Или не противоречили ли себе папы, если, желая ввести в обряд догматы римские вместо латинских, посулили жителям такие буквы, которыми можно было перекопировать и скрывать от пап все книги славян греческого исповедания?

На каких силлогизмах основаны разные мнения о происхождении алфавита славянского! Всеми обуяла нелепая мысль *открывать изобретателя*. Мысль эта совершенно механическая, *противологическая*.

Вот в чем дело: самый *древнейший* письменный памятник, писанный *глаголическими* письменами, доселе открытый, есть Псалтырь одного монаха, *Николая*, на далматском острове *Арбе*, 1222 года. Самый древний памятник, писанный так называемыми *кирилловскими* на полуострове Балканском, есть *Шестидневник* Василия, писанный в монастыре *Хелендарском* Афонском в 1263 году.

Следовательно, *кириллический* 41 годом моложе *глаголического* памятника. Что ж из этого следует подумать? То только, что *прежние* памятники обоих алфавитов истреблены временем, и больше ничего.

Но если *Добровский*, а по нем и *Шафарик* вместо этой естественной мысли приписали арбейскому монаху *изобретательную хитрость*, то почему ж они этой же хитрости не приписали и хелендарскому?! Но скажут, что в России *Остромирово* Евангелие писано в 1057 году кирилловскими. Тогда следовало новгородца сделать *изобретателем*, как и арбейца, по той же причине, что старее нет ничего Евангелия Остромирова?! Но скажут мне, что о *Кирилле* как изобретателе около 860–870 годов есть 1) предания или легенды, 2) современные свидетельства, то есть булла папы Иоанна VIII.

Так как легенды и булла Кирилла называет *изобретателем* (вообразите, чего? Греческого шрифту X века! – принятого болгарями и другими), то это показывает, что как *легенды*, так и *булла* Иоанна VIII *суть сказки, состряпанные в XV веке* точно так же, как и сказка об арбейском изобретателе глаголических букв сочиняется в XIX.

Но оставим дело Кириллово в стороне и обратимся к арбейцу. Изобретатель как нравственно, так и физически *невозможен*. Нравственно потому, что невозможно вообразить себе такого глупца, который решился бы уже при одном существующем алфавите выдумывать другой. Все народы Европы до сих пор не изобретали себе письмен, а дожидались, пока к ним не перейдет принятый у греков римлянами. Физически невозможен изобретатель потому, что *он один только* знает свою грамоту, следовательно, он должен бы *сам же* везде учить, вез-

де заводить школы на свой счет; но еще пагубнее для успехов *изобретательства* было то, что в случае известности другого алфавита *изобретатель* должен бы иметь силу правительства, чтобы уметь *заставить* принять всякого свои шутки.

Этого ни арбеец, ни Кирилл не могли сделать, следовательно – и изобретать.

Притом весьма замечательно еще и то, что Николай, арбейский пресвитер, буквально свидетельствует, что он Псалтырь переписал с *древнего*, принадлежавшего *Феодору*, последнему Салонскому архиепископу, жившему по 640-е годы. Впрочем, ученый *Ассемани* указывает на другого *Феодора*, Спалатрского, 880–890 годов, опираясь на вероятное обстоятельство, что после разрушения *Салоны* местопребывание архиепископов переведено в *Спалатро* с удержанием названия *Салонской* епархии.

Итак, положим даже, что Псалтырь, с которого переписывал свой арбейский пресвитер, принадлежал Феодору Спалатрскому, то и в этом случае наши *hypercritici* не имели права мечтать об *изобретении* письмен или, что еще нелепее, упрекать арбейского пресвитера в благочестивом *обмане* (*ria fraus*) в 1222 году. В этой несправедливости уличает их и сделанное на днях открытие так называемой глаголической древности половины XI века в Тироле (в Триенте), в библиотеке графа Cloz⁴⁶.

Владелец этой древности сообщил ее в 1830 году ученому словенцу г. *Копытарю*, библиотекаря императорскому в Вене, где он и издал ее в 1836 году с богатыми комментариями и приложениями. На листе, в который она была завернута, пишет издатель, находится следующая латинская надпись: «Эти тетради, здесь сшитые, писаны рукою св. Иеронима, мудрейшего учителя Церкви Божией. Они заключают в себе часть Библии, писанной на языке *кroatском*. А дал их мне в подарок г. Лука *de Reynaldis*, пресвитер Велійской епархии; а он получил от прев. г-на *Иоанна Франгепана*, владельца острова Вели, который книгу эту (целую), украшенную золотом и серебром, уважал как священные мощи. Но когда после его смерти в Венеции было расхищено его имущество, то и золото и серебро снято с этой книги, и часть ее досталась упомянутому Луке, из которой он мне, Маркварду

Брейзахеру (бывшему тогда императорским посланцем и заключителем мира между Сигизмундом, эрцгерцогом Австрии, и венецианцами), в 1487 упомянутые два тетради подарил).

Впоследствии этот отрывок из Франгепановского кодекса перешел во владение графа *Schurff*, который тоже надписал: «*Dis-es pûch hat sant Ieronimusz mit aigner hant geschriben in Crabatischer sprach*»*. Наконец вместе с замком достался фамилии *Cloz*.

Издатель, сообразив разные почерки кодексов Венских, Ватиканского, Парижского и *Клозиева* и приняв во уважение то, что сами глаголиты не очень могли разобрать посланный им от Клозия верный снимок с 9 страницы, не без основания выводит, что Клозиев отрывок *не моложе* по крайней мере *Остромирова* Евангелия, писанного в 1057 году.

Мысль об изобретательстве арбейца опровергает еще следующее важное обстоятельство: уже около 1060 году духовенство латинов собралось в *Салоне* (городке, бывшем близ *Spalatro* в Далмации) на собор, на котором, между прочим, изрыгнули анафему на глаголический алфавит. «*Dicebant enim, – пишет современник, Козма, архидиакон Пражский, – Gothicas literas a quodam Methodio haeretico fuisse repertas, qui multa contra catholicae fidei normam in cadem Slavonica lingua manendo conscripsit*», т.е.: «Они утверждали, что некто Мефодий *изобрел готфические буквы*, которыми по-словенски многое писал против католической веры».

Шафарик это свидетельство современника, принадлежащее к истории глаголического алфавита, опять перевернул наизнанку. «Для этих людей по-готфски и по-словенски было одно и то же!» – восклицает он. «Чтоб жителей отвратить от греческой литургии, сочли необходимым *кирилловский* (т.е. греческий) заменить другим, который впоследствии прослыл *глаголическим*».

Но это место имеет совсем противный смысл, потому что:

1. Невероятно, чтобы эти *господа* (которые имели все возможные случаи ознакомиться с уставным греческим алфавитом и с его *сходством* с так называемым *кирилловским*) могли последний

---

* Эту книгу святой Иероним собственными руками написал на хорватском языке (нем.). – *Прим. сост.*

назвать *готфским*! И еще изобретением! Там, очевидно, присутствовали и миссионеры, которые, верно, не сказали бы подобной глупости. Следовательно, это не могло относиться к другому, как только к *словенскому* (впоследствии названному *глаголическим*).

2. Напрасно толкователь вооружается против выражения *literae gothicae*. Укажу на *тамошних* писателей, из которых видно, что *латины* далматских, кроатских, черногорских славян *называли готфами*.

Л. Туберони, писавший в Рагузе в XV веке о далматинцах между прочим (Lib. I, § 6): «Из этого заключить должно, что *словенцы и готфы один народ*. – И в наше еще время рагузские матроны в сердцах служанок словенского племени называют готфами»⁴⁷.

Другой, *Фома Архидиакон* (живший с 1200 по 1268 гг.), в истории *Салоны*, говоря о старине жителей Далматии (сар. VII): «Наконец жители стали управляться своими властями, и хотя были злы и жестоки, однако были христиане, но в большом невежестве и в арианской ереси. Их *большую часть называют готфами, хотя они по свойству имени словенцы*». Или еще: «Готфский вождь, который правил всею *Склавонию*, с большим войском сошел с гор» и проч.

Сар. 16: говоря о делах Церкви, под 1074 годом: «Наконец послал (папа Александр) на далматские берега для истребления расколу в *Склавонии*. Кардинал, прибывши в те места, самого лжеепископа (Челеду) жестоко разбил в присутствии *его готфов*»⁴⁸. И много подобных мест.

Следовательно, и это подтверждает, что салонцы делали нападение не на греческо-болгарский алфавит, до которого им дела не было, но прямо только на *словенский*, если они его называли *готфским*.

3. Так как кроме *штирийцев* только жители берегов адриатических называют себя *словенцами* и так как византийцы слово *Σκλαβηνοι* всегда употребляли только в этом смысле, то и салонские отцы, назвав их алфавит *готфским*, в этом же смысле употребили выражение «in eadem *slavonica lingua*». Если же бы они нападали на болгар и кирилловские буквы, то

непрерывно сказали бы: «in eadem *bulgarica* lingua». Между тем салонцы не подозревали, что наречие богослужения у берегов адриатических не далматское, а болгарское. Но как жители так же его хорошо понимали, как и ныне киевляне или москвичи, то, не заботясь о наречии богослужебных книг у словенцев, назвали его далматским (*lingva Slavica*) просто по имени жителей, у коих они его застали.

Так вообще думали в Италии о наречии болгарского перевода. Но между тем впоследствии забыли о *словенском* алфавите, доселе притаившемся в небольшом уголке и получившем новое название *глаголического*; и когда богослужение на болгарском языке быстро распространилось к северу, то оно удержало название *словенского* (далматского!), а название *словенские письма* перемещено на греческий уставный шрифт!

Это нам натолковали из Италии. От итальянского духовенства эти фразы сообщились духовенству католического исповедания в Моравии, Богемии и Польше. Прежде, нежели эта италийская фразеология успела совершить свой вояж в Краков и в Варшаву, в Киеве и в Новгороде давно уже писали греческими буквами, *словно палками*. «Пиши: палка, палка, вверху перекладина, и вышло П. Палка, палка, в середине перекладина, и вышло Н» и проч. Так диктовал русак русаку. Как же после этого бедному польскому попу, не выдавшему *аза* в *глаза* греческого, не поверить было, что это письма суть словенские, тем более, что он об этом слышался или начитался из Италии!

Может быть, и преп. Нестор слышал об этом что-либо: в таком случае место его о переводе Св. Пис. на *словенский* язык не будет вставка его *продолжателя*.

Подобные места не должны быть упускаемы из виду, если хотим придерживаться критерий *исторической логики*. В них-то заключаются такие обстоятельства, коих *нельзя обойти* и которые заставят *отвергнуть* многое доселе общепринятое:

1) Если отцы салонские в 1060 изобретение словенских писем приписывают св. Мефодию, то это именно доказывает, что эти же письма давно уже существовали. Следовательно, мечты Добровского и Шлецера уничтожаются.

2) Что отцы салонские *несправедливо* св. Мефодию приписывают *изобретение* письмен, о том смотри ниже свидетельство *Сократа*, писателя V века.

3) О том, что несправедливо подозревали его в ереси, тоже смотри ниже.

4) Если Мефодия называют *еретиком*, то это значит только то, что они сербов и кроатов упрекали в ереси *арианской*, о которой ясно выразился *Фома Архидиакон*. Следовательно, латины действовали против арианизма, а вместе и против письмен, которых они читать не умели. Потому-то совершенно ложно мнение, будто латины старались *православных* присоединять к Западной Церкви. Свидетельство архидиакона Фомы, что адриатические славяне были *некогда арианского* исповедания, действительно подтверждает *Прокотий*, писатель VI века, когда, говоря о готфах, утверждает, что они τῆς γάρ Ἀρείου δόξης, т.е. *арияне*.

Кажется, что, не кончивши дела *словенцев*, здесь еще не место и не время пускать в ход дело *сербов* и *кроатов*, населяющих древний Иллирик и Верхнюю Мизию. Замечу, однако, что всякий, у кого мало-мальски *логическая*, а не *тыквенная голова*, догадается и убедится, что словом *gothi* и *heruli* греки и латины называли сербов и кроатов, вторгшихся в пределы Империи, в которых и доселе обитают. Вот почему *Шафарик* предосудительно поступил, если не только *Архидиакона Фому*, но даже и отцов Салонского собора упрекает в невежестве. Кажется, что эти мужи, напротив, лучше его, *Шафарика*, знали, правильно ли употребляют слова, и, наоборот, могли открыть глаза антиглаголической слепоты тевтоманов, которые все народы, вторгавшиеся в Империю, объявляют немцами, и то только чтоб доказать, что древние немцы были храбры!! Конечно, логика позволяет и древним немцам быть храбрыми, но не позволяет тевтоманам *коверкать* смысл слов древних писателей. (Об этом побольше см. ниже.)

Итак, охотники *открывать изобретателей*, вероятно, бросятся на *Улфиу*. Но прежде, нежели кончим этот вопрос, я представляю читателю на вид те письма, которые ныне слывут

глаголическими, а у латинов *alphabetum gothicum* (взяты мною из Берличевой *Grammatik der Iunrifchen Sprache*. Qfen. 1833).

Греческие буквы	Славянские буквы literae Gothicae	Звуки	Числительное значение
Α α	ⱁ ⱂ ⱃ	а	1
	ⱄ ⱅ	б	2
Β β	ⱆ ⱇ	в	3
Γ γ	ⱈ ⱉ ⱊ	г	4
Δ δ	ⱋ ⱌ ⱍ	д	5
Ε ε	ⱎ ⱏ	е	6
Ζ ζ	ⱐ ⱑ ⱒ	з	7
	ⱓ ⱔ	ж	9
Ι ι	ⱕ ⱖ ⱗ	і	10
Η η	ⱘ ⱙ ⱚ	и, ы	20
Κ κ	ⱛ ⱜ ⱝ	к	40
Λ λ	ⱞ ⱟ	л	50
Μ μ	Ⱡ ⱡ Ɫ	м	60
Ν ν	Ᵽ Ɽ ⱥ	н	70
Ο ο	ⱦ Ⱨ ⱨ	о	80
Π π	Ⱪ ⱪ	п	90

М О Л И Т В Ъ

Прежде и после миссы

глаголемы, изъ (п. е. глаголемы)

глаголемы, изъ

(п. е. глаголемы)

М И С С А Р И М С К А Г О,

инъкоже мѣстѣ изведе

ныльже изъ Латинскаго

на Славински языкъ

приведене

приведене

приведене

по м. п. о. ф. Антону Юраничу

чина с. франка провлу

(п. е. Св. Франциска Провинциалу).

В О В Е Н Е Т И И

Книгопечатіемъ

Димитра Геодосіа

Димитра Геодосіа

лѣто 1764

лѣто 1764

лѣто 1764

Изволеніемъ Старыйшихъ

Изволеніемъ Старыйшихъ

Эта книжечка издана в 16 долю: мелкий ее шрифт везде как во второй строке. Чтобы облегчить читателю изучение

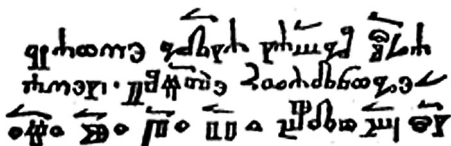

а при нем и изложение веры по Лютерову учению. Как переводчики, так и издатель родом из Карниолии (*Primus Truber*), в своем посвящении эрцгерцогу *Максимилиану* жалуются на то, что не только народ, но даже и многие священники не понимают *старого* (церковного) языка, на котором писано Св. Писание, и представляют необходимость перевести на простонародный. Им, точно, удалось испросить от Максимилиана вспомоществование. Однако, когда открылось, что кроется под этим предлогом, после издания Лютерова Катехизиса, затеи их расстроились⁴⁹.

Что касается до истории глаголического книгопечатания, то оно 8 годами старше так называемого кирилловского: первая глаголическая книга (*Миссаль, или Служебник*) издана в Венеции в 1483 году, между тем как первая кирилловская в Кракове, в 1491г., а в Венеции в 1493. Замечательно, что и первая греческая книга в Венеции же вышла в свет в 1494 г.

Чтобы открыть ход *словенской* и, вероятно, всеобщей славянской палеографии как *новой науке*, я прилагаю еще несколько снимков с рукописей разных европейских библиотек, подходя от средних к древним, сообщенных в *Glagolits Clozianus* г. Копытарем.

1) Сним. с *Венского* кодекса 1493 г.

Читай буква в букву, строка в строку:

„Ваиме гд'на наш'го и'ха

„Аменъ. Поч'тье квадриге.

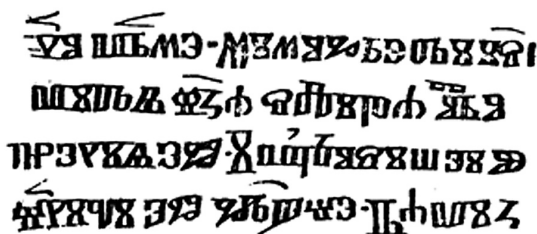
„и̣. у̣. њ̣. ѿ̣. буди Б̣ъ с̣н̣.

Отменивши сокращения: *Ва* име Господина нашего *Иису Христа*. *Амен*. *Почетье квадриге*. 1493. *буди Бог славен*.

Почерк этого снимка должно отнести к так называемой *полускорописи*. Кодекс бумажный. Следующие снимки представляют почерк *уставный* и *полууставный*.

Почерк этого Кодекса указывает, что словенская скоропись могла быть доведена до более изящного виду. Жаль, что не имею больше образцов.

2) Снимок с другого *Венского* кодекса 1368

Читай строка в строку, буква в букву:

*„нѡ врѣме. Мимогредий исъ
 „видль чѣка слѣпа ѡ ро-
 „ждение его. И въпросише и у-
 „чѣници его глѡюще. Рави к*

Читай без сокращений:

*Въ оно врѣме. Мимогредий Исусъ
 видль чловѣпка слѣпа отъ ро-
 ждение его. И въпросише и (его) у-
 ченицы его глаголюще: Рави к*

Читатель, вероятно, заметит, что это есть начало главы IX Евангелия от св. Иоанна. На следующей странице прилагаю то же самое место Иоаннова Евангелия со снимком с кодекса *Ватиканского* в Риме, который гораздо *древнее*.

1. Латинские надписи *древними* буквами показывают несомненно, что они писаны на Западе.

2. Верность в названиях славянских букв совершенно убеждает в том, что их знаток или *писал*, или *диктовал*.

3. Так как писал или диктовал эти письма знаток, то он не мог и не должен был назвать их болгарскими, если бы и болгаре не писали ими, а греческими, т.е. *мнимыми* кирилловскими.

Как бы то ни было, но Парижский кодекс представляет весьма *важный* акт для критики исторической, а вместе с тем и весьма *трудную* загадку, которая если прояснится удачно, то прольет яркий свет на историю *общей* славянской письменности.

В I книжке моей брошюры (*О зародыше новой болгарской литер.* М., 1838, стр. 10–13) я вкратце упомянул о ереси *богумилистов*, распространившейся между болгарами во время их зависимости от Византии. Будучи изгнаны правительством из Империи, они удалились в Северную Италию и Южную Францию, где больше всего их собралось для промышленности в *Лионе* и *Алби*. Первую братаю называли французы валдейцами от имени какого-то *Влада*, а последнюю по имени города – *albigeois*.

Французские короли *Филипп II* в 1217, а *Людвик VIII* в 1226 г. принимали против этих религиозных общин крестовые походы, в которых последний и убит. Если их преследовали за учение, то непонятные их письма наводили страх на французское духовенство. Имя *болгар* (**les boulgres, bouëgres**) сделалось бранным в устах французского народа. Вот почему весьма легко объясняется, что любопытство заставило вникнуть в их книги и спросить: какие это буквы, и написать их названия. Им отвечали, что *болгарские* (*abecenarium bulgaricum*). Заметим, однако, что латины адриатические эти письма называли иначе, а именно *literae gothicae*.

Впрочем, эти письма употреблялись не только в богослужебных книгах. Г. Копытарь уверяет, что в собрании одного крайнего словенца, барона *Zois*, кроме разных *рукописных* и *печатных* книг хранится и коллекция переписок этими буквами между пограничными славянскими начальствами австрийских и турецких владений из последней половины XVIII века.

* * *

На следующих страницах прилагаю сравнение строчных писем кодексов разных столетий, а именно: Клозиева (лучше сказать кроатских графов *Франгепанов*), *Парижского*, *Ватиканского*, *Копытаревского*, *Венского* и печатных книг 1483 и 1530 года венецианской типографии *Турезани* (см. Glagol. Cloz).

Сравнение почерков в Кодексах разных столетий

Звук	Древних			Средних		В книгах печ.	
	Клоз.	Париж.	Ватик.	Коп.	Венск.	1483-1530.	
а	ⲁ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ
б	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ
в	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ
г	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ
д	Ⲃ, Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ
е	Ⲃ, Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ
ж	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ
з	Ⲃ, Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ
и	Ⲃ, Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ, Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ
і	Ⲃ, Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ, Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ
жд	Ⲃ, Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ
к	Ⲃ, Ⲃ, Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ
л	Ⲃ, Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ
м	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ
н	Ⲃ, Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ
о	Ⲃ, Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ

Звукъи	Древних			Средних		В книгах печ.	
	Клоз.	Париж.	Ватик.	Коп.	Венск.	1483-1530.	
п	р, р	р	р	р	р	р	р
р	б, з	б	б	б	б	б	б
с	с	с	с	с	с	с	с
ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш
у	у	у	у	у	у	у	у
ф	ф, ф	ф	ф, ф	ф	ф	ф	ф
х	х, х	х	х	х	х	х	х
ш	ш, ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш
щ	ш, ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш
ц	ц	ц	ц	ц	ц	ц	ц
ч	ч, ч	ч	ч	ч	ч	ч	ч
ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш
ъ	ъ, ъ	ъ	ъ	ъ	ъ	ъ	ъ
ы	ы, ѳ	ы	ы	ы	ы	ы	ы
ь	ь, ь	ь	ь	ь	ь	ь	ь
ѣ	ѣ, ѣ	ѣ	ѣ	ѣ	ѣ	ѣ	ѣ
ю	ю	ю	ю	ю	ю	ю	ю

Вот вам, читатель, верное понятие о письменах, которые сербы и кроаты православного исповедания называли глаголическими потому только, что своих единоплеменников латинского обряду прозвали *par sobriquet* – глаголитами, от того, что у сих последних чтение Евангелия начиналось не словом «Рече Господь притчу сию» или «Рече ко Иудеом», но словом «Глагола Господь». Эти письмена, однако, греки и латины называли *litterae gotthicae*; а я наименовал словенскими (*litterae rannonicae*, или *Rheticae*), чтобы дать почувствовать весь

смысл слов *Веллея Патеркула* и чтобы опровергнуть мнение тех, которые полагают, что словенцы и краинцы никогда не писали глаголическими буквами.

Конечно, весьма тяжкую обязанность взял я на себя говорить о *словенских* письменах во время Римского периода их истории. Как начать говорить о них в IV или V веках, если их не представляет ни камень, ни металл! Притом же принято, что грамота сделалась необходимою и возможною для славян только тогда, когда нужно было переводить Св. Писание для отправления богослужения, – принято за непреложное, что св. Кирилл и Мефодий крестили жителей Паннонии и Мизии (словенцев, сербов и болгар) в IX веке, следовательно, и необходимость в письменах оказалась для славянских племен только с этого времени. Даже сам ученый *Копытарь* в своем *Глаголите* разными *prolegomenis historicis et philologicis** силится доказать, что в первый раз открыто славянское богослужение в Паннонии в 870 году.

Таким образом, Кирилл и Мефодий заслоняют не только историю словенских письмен, но и *подлинную* эпоху крещения самих словенцев. Однако если взять в уважение такие свидетельства и обстоятельства, на которые историческая логика не может не обратить особенного внимания, может оказаться, что *обращение* Паннонии и *первое* введение *славянского* богослужения действительно так же *несправедливо* приписано позднейшими св. Мефодию, как и изобретение греческого устава и нескольких глаголических букв, коими пополнен греч. алфавит, приписано св. Кириллу. Итак, сделаем тяжкий опыт об этом происшествии.

2) О подлинной эпохе обращения словенцев и краинцев. 300–360 гг.

Известно, что вообще принимают за древнейшее известие о *словенцах* место у *Прокопия* и *Иорнанда*, писателей половины IV века. Всякому известно, что если кому вздумалось потолковать *ученым*, т.е. *начитанным*, образом не только

* Историческими и филологическими комментариями (*лат.*). – *Прим. сост.*

о словенцах, но даже и о всех славянских племенах, то всякий в числе древних свидетелей всегда заставляет выходить в авангард *Прокопия* и *Иорнанда*. Последний сказал, между прочим: «*Sclavini a civitate Novietunense et lacu, que appellatur Mursianus usque ad Danastrum, et in Boream Vistula tenus commorantur*», т.е.: «Словенцы простираются от города *Neviodunum* (Ведена на реке Саве) и озера *Мурзийского* (названного от города *Mursa* в Южн. Задун. Венгрии) до самого *Днестра*, а к северу даже туда к *Висле*». До *Днестра* значит – до той точки в хребте Карпатов, с которой вытекают к северу истоки этой реки. То же самое понимай и о *Висле*. Это совершенно справедливо, потому что то же самое можно сказать и о нынешних *словаках*, населяющих северо-западные жупанства Венгрии в отношении к этим двум рекам.

Это место тысячу раз было пережевываемо, и несмотря на то не вывели из него никакого результата не только в пользу истории всех славянских племен, коим оно не принадлежит, но даже и в пользу *словенцев*, о которых оно исключительно гласит. Если взглянете с половины или даже начала VI века обратно в древность, то во *всех книгах* царствует какой-то мрак неизвестности об этом племени. Не различая аксиомы, что *первое* появление *собственного* имени народа в *летописях* не есть то же, что *первое* появление его в природе, большая часть писателей сбилась на мысль, что *словенцы* забрели в Паннонию и Ретию (т.е. свои древние жилища), вероятно, во время (небывалого) переселения народов, или около 500-х годов. Вследствие такого понятия всякому мерещится, что они забрели туда язычниками и продолжали быть язычниками же до Кирилла и Мефодия.

Мы старались развеять этот мрак во всем вышеписанном; для рассудительного человека, кажется, этого довольно, чтобы убедиться, что *словенцы* (со своими *краинцами*) старжили своей страны и что могли обращаться в христианство вместе с латинами. Но для успокоения *боязливых* голов мы не ограничиваемся одним *могли* и приведем писателя, который паннонец называет *sclaveni* уже в половине IV века, в

царствование императора *Констанция*, и другого писателя, который находит у них двух епископов, заседавших на соборе *Сирмийском* в 357 году. *Кесарий*, брат св. Григория Назианзина, во втором своем разговоре между прочим: «Или почему в другой стороне под тем же градусом *словене* и *фризонцы*, коих и дунайцами называют, одни из них охотно употребляют в пищу груди (животных) от того, что были наполнены молоком, между тем как другие воздерживаются от позволенного и безукоризненного употребления мяса?» (см. *Bibl. Patr.* Том. V, pag. 773)⁵⁰.

Это просто значит, что одни были еще язычники, а другие соблюдали уже посты, наложенные Церковью.

Phisonitae я перевел чрез *фризонцы* потому, что окончание *-itae* по-русски переводится чрез *-цы*, напр. *chersonitae* – херсонцы, *tanaitae* – донцы. Это название образовалось от имени краинской реки *Соча* (см. в России *Сочава*), по которой и доселе обитают краинцы и которая ныне отделяет Ломб.-Венец. королевство от Иллирийского. Римляне называли ее *Sontius*, или *Isontius*; итальянцы и доселе – *Изонцо*. Греческие торговцы, бывавшие в Триесте (*Tergestum*), важном торговом городе Истрии, образовали слово *isonitae* или даже *phisonitae* (знач. сочавцы). Значение этого слова поясняет и сам *Кесарий*; зная, что страна называется *Istria*, а жители *истрианами*, и полагая, что это происходит от греческого названия Дуная (*Ister, Istri*), и как писал на латинском языке, то и прибавил в пояснение: «*qui et Danubiani appellantur*», хотя собственно подунайцами всегда были более *sclaveni* (*panpones, porici* и частью *gheti*).

Когда *Кесарий* это писал о *словенцах* и *краинцах*, тогда, в 354 г., другой писатель, *Аммиан Марцеллин*, находившийся при имп. Констанции, проезжал их страну походом против *аллеманов*, т.е. жителей (разумеется, немцев) нынешнего Виртембергского кор. и Баденского вел. герцогства. Итак, стало быть, Аммиан должен был упомянуть о *sclaveni* Кесариевых? Разумеется, что он упомянул о них тем именем, коим их до толе называли римляне, и сказал: «*Imperator egressus in Rhet-*

ias, camposque Caninos»* (Lib. XV). Войско дошло до немецких границ у Боденского озера, которое Аммиан довольно хорошо описал и оставил нам словенское его название, когда прибавляет: «*lacum (Rhenus) invadit vastum, quem Brigantiam accola Rhetus appellat*» – т.е. «вливается в огромное озеро, которое *прибрежный словенец* называет *Бреганцем*», но которое аллеманы называли Boden-See.

В том же году еще правителем Кесариевых *sclavorum* в Южной Паннонии был *Африкан (Africani Pannoniae Secundae Rectoris apud Sirmium)*, говорит *Марцеллин там же*. Разумеется, что под этими же именами, принадлежавшими как географии, так и латинскому языку, слыли словенцы, как прежде, так и при последующих императорах. Причина тому, что Кесарий употребил *настоящее* имя народа, была та, что, говоря о предрассудках разных народов, он обязан был употребить *собственное* имя племени, а не географическое.

Итак, доказанная выше на основании *критериев исторической логики* старожилость *словенцев* и *краинцев* in Pannoniis et Rhetiis здесь подтверждается буквальным свидетельством Констанциева современника. Потому-то как не допустить, что первое начало обращения этого племени должно отнести к первым векам эры христианской? Я спрашиваю у всякого исторического мыслителя, что он сделает с двумя паннонскими епископами, заседавшими в 357 году на *Сремском соборе* (Concil. Sirmiensi)? Говоря об этом Соборе, современник имп. Феодосия В. *Созомен Саламинский* в своей *Церковной истории* (кн. IV, гл. 14) между прочим: «Немного спустя Император (Констанций) из Рима возвратился в *Срем* (ныне Митровица – местечко в Славонии, в котором весьма часто отрывают медали, саркофаги, урны и проч. римской эпохи) и по просьбе депутатов, присланных от западных епископов...» и проч. Историк продолжает говорить об обстоятельствах этого Собора, на котором, отстав от Никейского Символа веры в пользу *Ариева* учения, составили новый. В числе засе-

---

* После того как император отправился в *Ретию*, в лагерь Канини (*лат.*). – *Прим. сост.*

давших и подписавших этот Символ Созомен упоминает там же обоих паннонских епископов: «*Сремский епископ Германний и Мурзийский епископ Валент*»⁵¹.

То же самое свидетельствует и *Сократ* (писавший по 443 год) в своей *Церк. ист.* (кн. II, гл. 24). Из обстоятельств видно, что главный зачинщик этого Собора был Мурзийский епископ *Валент*, любимец Констанция, покровителя арианизма. Детищами этого Собора были вскоре другие, на востоке в *Селевкши*, в Италии в *Римини*. Вообще громко бушевал по Империи *арианизм* в царствование своих покровителей Констанция и его преемника Валента имп.

Мурза был город в южной части Задунайской Венгрии, т.е. на Земле словенской. Об этом см. *карту (том III)*. Итак, если *Кесарий*, писавший во время этого Собора, утверждает, что есть *sclaveni*, которые воздерживаются от мясного, т.е. соблюдают посты, то он говорит настоящее дело потому, что это относится к *словенцам-христианам* Мурзийской и Сремской епархий. Конечно, нельзя предполагать, что уже тогда весь народ был крещен и соблюдал предписываемое Церковью воздержание, а преимущественно жители *Словенских гор (Alpes Rheticae et Noricae)*. Вместе с тем, однако, нельзя тоже воображать, чтобы первые следы христианского прозелитизма между словенцами (и краинцами) начались только около времен *Сремского собора*, или в 350–357 годах, т.е. в то только время, в которое они уже имели двух епископов. Положим, что при Константине В. имели они одного только епископа, то, кажется, без всякого опасения от *критериев* можно спросить или полагать, не имел ли он представителя или не был ли он сам представителем своей юной *Словенской Церкви* в 325 году на Вселенском соборе в Нике? В числе подписавших *Никейский Символ* находим епископа «*Domnus Pannoniensis*» (см. *Acta Concilior.* Т. I, pag. 315).

Есть еще на том же Соборе подпись: «*De gotthis Theophilus*» (у Сократа кн. II, гл. 41 – Θεόφιλος τῶν Γοτθῶν ἐπίσκοπος), т.е. «*Феофил, епископ готфов*». Хотя Феофил был епископом христианства на берегах *русской земли* (что показывает там

же приложенное название его епархии: *Bosphoritanus*), однако я *перетолкую* это с тем, чтобы: а) показать, что древние нередко употребляли *gotthi* вместо *gelae*, которым искони означали Русь (см. том III). И наоборот: б) чтобы уничтожить повод к возражению.

Конечно, с первого разу нельзя сказать решительно, что значит *de gotthis*; но если сообразить некоторые обстоятельства, то можно надеяться очистить настоящий смысл этого выражения.

Мы это увидим ниже (в III томе) подробнее из обстоятельств, а здесь только предварительно сделаем указание, что жителей Краины, со времени вторжения так называемых *gotthi* и *hunni* в часть их земли, некоторые писатели, а преимущественно *Прокопий*, для отличения от пришельцев именовали их хорошим греческим словом – просто *старожилами*, *туземцами*. Это слово есть γῆραιδες (от γῆ – земля, страна, по-словенски *kraina*, и παῖς, род. παῖδος, множ. παῖδες – сын, мальчик), т.е. сыны страны, или *старожилы*. Очевидно даже, что γῆραιδες есть буквальный греческий перевод словенского слова *краинцы*, следовательно, и римского *carni*, *carnioli*⁵².

Прокопий следующим образом излагает свое этнографическое понятие о *краинцах* в 2 гл. I кн. *Ванд. Войны*: «Много было как прежде, так и теперь есть готфских племен; но в числе их *готфы* (то есть поселившиеся в Мизии или в нынешней Сербии и Боснии), *вандилы* (в Африке), *визиготфы* и жители *Краины* (γῆραιδες) прочих превосходят как благородством (мужеством и славою), так и многочисленностью. Некогда назывались *ящероглазыми* (?) и *черноризцами* (?); некоторые их даже называли и *гетами* (?). Конечно, наименованиями, как мы уже видели, разнятся между собою, но ничем во всем другом. Тело у всех белое, волосы белокурые, рост высокий, лицо приятное, те же у всех законы, *одинакое у всех богослужение*, равно и все они *арианского* исповедания; один у всех язык, который называем готфским».

Один из *критериев* исторической логики есть: прежде, нежели ссылаться на место хрониста, надобно рассмотреть, не

ошибается ли он, потому что и он относительно предшествовавшей ему древности может подавать не *свидетельство* (которое принимать следует без рассмотрения), а только *мнение* (в котором можно ошибиться).

Греческие слова σαυρομάτα (*ящероглазые*; от σαυρος – ящерица, и ὄμμα, род. ὄμματος – вид, глаз; можно сказать и *ящероподобные*) и μελαγχλαίνοι (черноризые; от μέλας, род. μέλανος – черный, и χλαίνα – *платье, риза*) древние прилагали собственно жителям Руси, следовательно, *русскому* племени⁵³, а не тому, которое слыло впоследствии под именем *gotthi*. Равно и слово γεται прилагалось тоже только русскому народу. Например, Русь по Молдавии и за Дунаем по нынешнее Кюстенджи слыла просто Гетал. Русь по обеим сторонам *Днестра* (Τυρας) – Τυρι-Гетал. Русь по верховью и низовью Дона – Ταυαίτα. Русь в Поволжье – Μασσα-Гетал. *Прокопий* воображал, что Русь была отечеством именуемых *gotthi*, это несправедливо; и несмотря на это, он *почти* не ошибся. За несколько веков до него *gotthi* из-за Вислы, с берегов *Салы* и *Лабы* (Эльбы), т.е. из *старой Сорабии*, распространили власть свою к востоку по русской земле. Во второй половине IV века, после их поражения при *Днестре* (ad Danastrum. *Amnian. Marcell.*), бежали из Руси в Империю.

Итак, видно, что *Прокопий* относительно *древности* своих *gotthi* подает только мнение, в котором несправедливо принимает *русское* за одно с *готфским*: но относительно *современности* он доставляет уже *свидетельство*, которое мы обязаны принять без оговорок. Объявляя готфов, как очевидцев, весьма близкими соплеменниками жителям *Краины* (γῆραιδες), он дает нам живо чувствовать, что именем *gotthi* и *heruli* он называет *сербов* и *херватов* (или, как мы привыкли называть, *кроатов*). Только в этом случае *свидетельство* *Прокопиево* может иметь смысл, и *смысл настоящий*, потому что только о сербах и кроатах можно сказать, что у них *почти тот же язык*, что у краино-словенцев (γῆραιδες).

Итак, если спросить, была ли никийская подпись: «*De Gotthis Theophilus*» в смысле собственно так называемых гот-

фов, то ответ должен быть отрицательный, потому что собственно так называемые *gotthi* вторгнулись в Мизию и крестились гораздо позже Никейского собора. Если же принять это в том смысле, в котором Прокопий и краинцев (*γῆραιδες*) называет готфами, тогда этот народ (словенцы) имели бы двух представителей на Никейском соборе. Но как тут же прибавлено к «*Theophilus de Gotthis*» слово *Bosphoritanius*, то это показывает, что в этом случае слово τῶν γοτθῶν употреблено вместо τῶν γοτῶν, т.е. *епископ готов*. Есть весьма много примеров, что эти два слова употреблялись одно вместо другого, что и сам Прокопий заметил, когда говорит: «иные их даже называли и *гетами*», стало быть, и наоборот, гетов готфами. Посему этого *Феофила* должно отнести к представителям *Руси*, о чем смотри ниже статью VI. Вот почему и издатели **Соборных актов** справедливо прибавили пояснение к этой подписи «*gotthiae sive getarum*».

Что касается иерархии у словенцев, то после *Германия*, епископа Сремского 357 года, в 381 г. на *Аквилейском* соборе подписался *Anemius Sirmiensis* (см. *Acta Concilior. T. I, p. 834*). Впрочем, вместо названия города иные употребляли и название страны (*Pannonia*) – например, на Соборе (арианском) в *Сардики* (ныне *София* в Западной Болгарии) подписался еп. *Eutherius a Pannoniis* (см. *Acta Concilior. T. I, p. 1427*). Или в 879 году *Methodius Dadaliae* (см. *Acta Concilior. T. VI, p. 209*) на *Константинопольском* соборе за *Фотия*. Об этом см. ниже в статье VI.

Если желаете знать, на каком языке словенцы отправляли литургию, то обращаю ваше внимание на следующие два обстоятельства:

1) Образ проповедывания Евангелия в продолжение первых *четырёх* веков вовсе не походил на проповедывание в *средние* века. Он был тесно соединен с самим богослужением или литургиею. Так как проповедовать народам следовало на их языке, то разумеется, что и литургия совершалась на их же языке. Об этом см. ниже статью VIII.

2) Так как *Прокопий* утверждает, что у *краинских* словен (*γῆραιδες*) те же законы, то же самое богослужение (следова-

тельно, понимай: и на том же языке, и те же самые письменна), что и у *gotthi*, и как *Сократ*, говоря о последних под годами 363–367, утверждает, что они имеют свои *особые письменна* и *отправляют богослужение на своем языке*, то само собою разумеется, что это относится и к *краино-словенцам* (*istrii, rannonnes, rheti*).

д) О подлинной эпохе вторжения сербов и херватов (*gotthi et heruli*) в царствование имп. Валента (364–378), а не имп. Ираклия (610–640)

Заметь хорошо. В области исторического мышления не было доселе сделано *серьезного* вопроса о *настоящем времени* вторжения в пределы Империи сербов и кроатов. Равно тоже неизвестно, с чего взяли, что *gotthi* и *heruli* были племенами немецкими! Это-то и было причиною тому, что эпоху вторжения сербов в Империю (нынешнюю Сербию) немецкие писатели обыкновенно относят к **VII веку, или царствованию императора Ираклия**, который будто уступил им для жительства *Кроацши, Богемши, Сербию*. Но:

1) Все современные писатели глубоко молчат о подобном событии.

2) Кроацши, Славонши, Босниши и Сербиши не принадлежали Империи с 490-х годов или со времени Феодорика Великого, коего владения из Италии простирались к востоку и северу до рек *Моравы* и *Савы*. Хотя императору Иустиниану в половине VI века и удалось наконец у его преемников отнять Италию, в которой так называемые *gotthi* стояли только гарнизоном, но Иллирик и Верхняя Мизия, которые они населяли вплотную как народ, остались за ними. Писатели VII века жителей этой *Gotthia* называют и *sclaveni*, точно так же как и *Фома Архидиакон*, говоря о VIII и IX веках. Да и чем же пояснить то, почему *Халкондил* (XV века), говоря об отнятых турками владениях у венециан и генуезцев, первых именуется *готфами* (кн. III, τούς τε Γοτθούς καλούμένους, καί Ιανύους τούς τήν τοῦ Καφά πόλιν ἔνοικοῦντας)? Разумеется, потому именно, что лишались Далмации и Кроацши, и Славонии; так

что подлинный смысл этих слов есть: «у первых отняли *готфов*, а у последних город *Кафу*».

Итак, историческая логика не может позволить *вторжение* в пределы Империи чужого народа относить *только* к VII столетию, вопреки *порядку вещей*. Повод к этой *неосновательной* мысли внушило одно место у Константина Багрянородного. В сочинении *об управлении Империи* между прочим говорит, что нашел известие, что имп. *Ираклий* дал землю (т.е. поместье) в окрестностях Салоники в Македонии двум *сербам* и их людям, прибывшим из *Сербии*. Собственный смысл этого известия есть только в том, чтобы доказать право *придворного* правления на эти земли. Но разве это значит, что Ираклий уступил сербам *Сербию, Богемию и Кроацию*, которые ему не принадлежали?

Конечно, нет ни малейшего сомнения, что сербы происходят из *старой Сербии* в Германии, но относить их переход за Дунай в VII веке потому только, что два серба с людьми тогда переселились в Македонию из *новой Сербии* в Верхней Мизии, значит *утверждать то, чего доказать нельзя*. Притом же зачем смешивать движение частных лиц с движением целого народа! Последнее всегда происходило с *большим шумом* в истории.

Сколько шуму наделал в Европе с 1832 года небольшой корпус польских эмигрантов! Сколько шуму наделали в средние времена на юге толпы норманнов и лонгобардов! Сколько нашумел небольшой народ *угров* (мадьяров), прибывши на Дунай! Сколько крику произвели турки, нашедшие на ту же Фракию, Мизию и Македонию!

Между тем как число природных венгров ныне простирается не более 2 500 000, а число сербов с кроатами более 5 000 000, то *трибунал* историко-логических критериев требует у всякого мыслителя указать на то *громкое имя и время*, под которым шумел этот народ при вторжении в Мизию. Другого имени нет, кроме *gotthi*, другого времени нет, кроме последней половины IV века. Притом же *современный писатель*, грек *Аммиан Марцеллин*, этих *gotthi* называет *сервина-*

ми же (*thervingi* – чит. *th*, как греч., шипучее *θ*; если даже это и не опечатка вместо *shervingi*).

Причина тому, что *подлинную* эпоху появления сербов в Империи *насильно сбивают* на начало VII века, заключается в *антилогическом* основании тевтомании. Известно, что тевтоманы слово *gotthi* объявляют немецким племенем на основании *превратного* силлогизма. Объясним примером: всякий знает, что Пруссию прежде населяли пруссы, племя вовсе не немецкое: теперь они почти вывелись, и их страну заселили саксонцы. Но ныне не только эти же саксонцы, но и другие народы имя *пруссаки* принимают в значении *немцев*. Точно такому же изменению значения подверглось и слово *germani*: ныне его употребляют тогда, когда хотят назвать немцев; но в древности *вся Germania* древних была заселена славянскими племенами.

Итак, сообразите всю *нелепость* следующего силлогизма: «*Gotthi* вышли из *Germania*, следовательно, они были немцы!» Не значит ли это сказать другими словами: *Древние* прусы были немцы потому, что их страну ныне заселили немцы!» Но в таком случае чем они пояснят *выдуманное* ими переселение целого народа в Мизию, о котором *ничего* не знают писатели VII века?!

Впрочем, если такие силлогисты *не умеют краснеть за честь своей логики* пред трибуналом критериев, то оставим их в приятном заблуждении и обратимся к письменам, коим *добрые люди навязывают изобретателей*, кто арбейца, кто св. *Мефодия*, кто блаж. *Иеронима*, скончавшегося в 420 году. Но, увы, *современник* Иеронима, грек *Сократ*, навязывает им епископа *Улфилу*! Приведем все это место из его *Церковной истории* (кн. IV, гл. 27)⁵⁴.

«Варвары, обитающие за Дунаем, называемые *gotthi*, в возникшей у них междоусобной войне разделились на две партии, из коих одна повиновалась *Фритигерну*, а другая *Афанарику*. Когда последний стал одерживать верх, то Фритигерн прибыл к римлянам (в Цареград) для испрошения помощи против соперника. Известившись об этом, император

Валент (бывши тогда в Антиохии) приказал войскам, расположенным по Фракии, помочь варварам против варваров. Эти войска, победив неприятелей, одержали победу за Дунаем над Афанариком. Это событие было причиною тому, что многие из варваров приняли *христианскую* веру, ибо Фритигерн, чтобы за оказанное благодеяние возблагодарить императора, принял его исповедание (арианское) и стал к тому принуждать и своих подчиненных. Вот почему все *gotthi*, которые из угождения Валенту приняли *Ариево* учение, и донныне его исповедуют. В то же время *Улфила*, их епископ, *изобрел готфские письма*, и как скоро перевел *Св. Писание на их язык*, принял меры, чтобы варвары изучили *словеса Божия*. Между тем как Улфила выучил христианскому учению не только управляемых Фритигерном, но и тех, которые зависели от Афанарика, то последний многих из обращенных в христианство велел мучить тяжкими муками».

Это свидетельство относится к 369–375 годам, и так как *Сократ* почти современник этому событию, то критика не может оставить его свидетельства без высокого уважения.

Писатель VI века *Прокопий*, говоря о вероисповедании *gothorum*, называет его *арианским* (τῆς γάρ Ἀρειοῦ δόξης εἶσιν ἀπαντες). Теперь понятны слова *Фомы Архидиакона*, когда, говоря о сербах и кроатах VII и VIII столетий, называет их *арианами* же.

В III томе § 1 будет подробнее доказано, что в VI веке жителей южной Словении, а преимущественно *краинцев*, для отличия от их завоевателей некоторые писатели называли просто по гречески γῆπαιδες, т.е. *туземцами*. *Обстоятельство, что тот же самый Прокопий, исчисляя (de Bell. Vand. I, cap. 2) разные племена – gothorum, vandilorum, visigotthorum, причисляет к ним и краинских словенцев, когда говорит, что язык у них один с языком gothorum (φωνή τε αὐτοῖς ἐστὶ μία, Γοτθική λεγόμενη), то этим дает знать, что gotthi были племя славянское, а именно сербы и кроаты, которых наречие и ныне нечувствительно переходит в словенское. Другого смысла не может иметь свидетельство Прокопиево.*

Во-вторых: если говорит, что и *вероисповедание* у них *одинакое*, т.е. арианское, то это показывает, что *словене* уже около 550 году были уже христианами. Следовательно, это обстоятельство *уничтожает* все то, что было толковано о проповедывании *паннонцам* св. Мефодием христианского учения в последний половине IX века, о переводе Св. Писания на язык *словенский* и о введении богослужения на славянском языке, между тем как оно введено *Улфилою* в конце IV века, старанием императора *Валента*⁵⁵.

Что *Сократ* Улфиле приписывает *изобретение* словенских письмен, то это значит, что он, как грек, не знал *настоящей* их *древности* и на таком же основании навязывал их Улфиле, на каком Добровский *арбейцу*, салонские отцы св. *Мефодию*, далматинцы блаж. *Иерониму*.

Что касается до подлинной эпохи *обращения* в христианство словенцев, то она современна обращению и самой Италии: уже в 325 году, до вторжения в Империю сербов и кроатов, *Dominus* Episcopus *Pannoniae* подписал Никейский Символ. Имели в городе *Мурзе* епископа Валента, ариянина и любимца императора *Констанция*. В 357 же году, в городе *Sirmium*, что в Славонии, созван был Собор, на котором вообще подписались под учение Ариево, а в числе их и паннонский епископ.

Сербы и хрваты (*gothi et heruli*) при вторжении в Паннонию застали жителей ее уже христианами, что именно и способствовало распространению между ними арианизма.

Они у них застали и свои *письмена*, уцелевшие со времен императора *Августа* и *Веллея Патеркула*. Но что те же письмены были в употреблении не только у словенцев, но и у *gotthi*, тому *неоспоримые следы* покажем ниже.

Между тем, как начало богослужения на одном из славянских наречий *testes oculati** относят к IV веку старанием епископа *Улфилы*, св. Кирилл и Мефодий (если исключить те *ложные* послания Иоанна VIII к последнему, сочиненные в XIII веке) ничего и никого не имеют им современного о пере-

* По свидетельству очевидцев (лат.). – Прим. сост.

воде Кириллом Св. Писания или же о введении Мефодием славянского богослужения.

Свидетельство же их современника *Anonymi Salisburgensis* о Мефодии мы рассмотрим в следующей статье.

Таким образом, со стороны *словенцев, кроатов и сербов* далеко обойдены они свидетелями. Теперь попытаемся посмотреть, не обойдены ли и со стороны *Руси*.

е) О начале обращения Руси до Кирилла и Мефодия и о Томитанской Русской Епархии с 360 по 950 годы.

Так как вопрос о *письменах* и о *настоящем* времени обращения тесно связан с чисто историческими положениями, как мы уже видели в предшествующей статье, то здесь следовало бы тоже обратить внимание и на мнения относительно древности *русского* народа, по крайней мере для пояснения истории Томитанской епархии.

Мне кажется, однако, что если можно было прояснить древность небольших племен, как *словенцы* и *сербы*, во всей ее *отдельности*, то, кажется, надобно быть *крайне тупоумным*, чтобы не понять и не убедиться, что 50 000 000-ый русский народ должен был также существовать в царствование императора *Валента*, как и сербы (*shervingi*) Аммиана Марцеллина, или при *Констанции*, как и *sclaveni* Кесариевы. Да и можно ли доказывать, под каким именем слыл русский народ у *Страбона* и *Птоломея*, если это нам поясняют и показывают греческие писатели средних времен?

Халкокондил, в своей *Ист.* (кн. III) описывая Россию, между прочим пишет: «города Москва, Киев, Тферь, Хоровион (Чернигов?) управляются князьями и дают дань так называемой ими *черной Сармации*. Та часть Сармации, которая находится севернее, называется *белою Сармациею* (Δευκὴν Σαρματίαν καλοῦσι, т.е. Белоруссия), а ближе к морю находится город *Ункрат* (Новград), управляемый богатыми гражданами (ἐς ἀρισιοκρατίαν τετραμένη), и превосходит все города черной и белой Сармации. Возле последней есть страна *Инфласте* (по-польски *Инфлятны*, Лифляндия); туда на

кораблях датских и германских привозят товары из Британии и Галлии».

Халкокондил обошел все пределы Руси: именует Пруссию (Προυσιοί), Литву (Καζιμίρη τῆ βασιλεί τῶν Διτουάνων); Польшу (Πολαινοί, Πολανία); Жмудь, или Самогитию (Σαμώται); Венгрию (Παιόνοι); Пермь: «Πέρμοι (живут севернее от росси-ян) ὕπερ τοὺς Σαρμάτας».

Или ужели заключите, что русская масса не существовала во время Нестора от того только, что его современники, *Анна Комнина*, *Никифор Вриений* и *Кминам*, говоря о делах Руси, жителей ее в XII веке называют просто только *скифами* и *тавро-скифами*? Чем докажете настоящую причину того обстоятельства, что Страбон и Птоломей отделяют массу русского народа (*sarmatia*) от нерусских племен с тою же народописною определительностью, с которою и сам Халкокондил и проч.?

Что касается до различных мнений о *Русской земле* и *народе*, об этом подробно будет говорено, как и о *сербях*, в *III и IV томах*. Здесь же я изложу только вкратце открывшиеся обстоятельства и события, которых в этом месте нельзя оставить без соображения с обстоятельствами предшествующих *статей*.

* * *

Выражаясь обыкновенно – «*Россия крестилась при Владимире в 988 году*», – редко обращаем внимание на *подлинный* смысл эти слов. Если допустить антилогическую мысль, что *дела так же легко делаются, как и слова говорятся*, в таком случае все народы земного шара крестились бы уже в I веке христианства.

Верование и согревающее его религиозное чувство тесно соединены между собою, и их прекрасно выражает простонародное слово *человек*, или *жизнь*; следовательно, преобразование верования происходит не вдруг.

Русский народ, сколько можно заключить со слов *Прокония Кесарийского* и *араба Ибн-Фослана* (см. том III), и в

язычестве верил *в будущую жизнь*, т.е. в *вечное счастье* или *несчастье*; следовательно, идолослужение русскому язычнику допускало *надежду* и *убеждение* и тем самым вооружало его против всякого *нововведения*.

Новое учение более или менее препятствий могло встречать или в *многочисленности* народа, или в его *характере*. С обеих этих точек зрения русский народ представлял Церкви весьма затруднительное завоевание. Нестор сказал: *Руси есть веселие пити*, и справедливо, потому что чем севернее человек, тем невоздержнее, и наоборот, чем южнее, тем воздержнее. В Сирии, Египте или Испании народ не любит горячих напитков вследствие влияния климата; удобность иметь всегда зимою свежие плоды и зелень делает церковное запрещение мяса, вина и елєя для него даже незаметным, между тем как оно налагало на русака великое лишение, тем более, что это время года он бывал зажиточен и празден. Равно и *многочисленность* народа представляла для проповедников препятствия тем, что заключала в себе возможность *почти столько* возражений, сколько было в народе и голове. Вследствие таких причин *проповедание* в России не могло быть *публично*; а разве тайное!

Само собою разумеется, что христианская пропаганда начала действовать в России в *то же самое* время, в которое и между греками, грузинами, армянами и т.д.; разница только в том, что она не могла всю Россию обнять так скоро, как упомянутые небольшие народы. Без всякого сомнения, *весьма рано* завелись по Руси христианские общества, о существовании коих народ знал, но ни членов оных, ни мест их собраний не знал; иначе же нельзя пояснить себе причину, на каком основании и почему Владимир крестится в Херсоне, а в Новгород посылает сына Ярослава, который, по словам летописца, уже *«бе любя церковные уставы, и попы любяше по велику, из лиха же черноризцы, книгам прилежа, и почитая часто в нощи и во дни; и собра писцы многи, и прелагаше от грек на Словенское письма, и списаша книги многи, ими же поучашася вернии людие»*. Откуда это вдруг?! Вдруг написа-

лось в Новгороде для посадника и *Остромирово* Евангелие! Каким образом *буйные* новгородцы уже с 992 году вдруг сделались ревностными почитателями св. Софии!

Как бы то ни было, но если смотреть на обращение русского народа только как на важное событие, то по крайней мере не надобно глядеть против порядка вещей. События доказывают, что крещение Владимира есть *последняя* глава этого явления, которого *начало*, однако, должно искать за *несколько веков прежде*. И действительно, эта истина подтверждается положительно существующими свидетельствами современников разных предшествовавших столетий.

Таким образом, одно из подобных современных свидетельств есть место в *Окружном послании* (ἐγκύκλιος ἐπιστολή) патриарха *Фотия*⁵⁶ от 861 или 862 г.

«Но не только этот один народ (*болгаре*) променяли старинное свое нечестие на христианское благочестие; но даже и народ, которого столь часто превозносят (за деяния) по слухам и в известиях и который как жестокостью (т.е. военною отвагою), так и жаждою к человеческой крови (не к человеческим ли сокровищам?) все другие народы превосходит, – я говорю, так называемые РОССЫ, – которые, покорив окружные соседние народы, в гордости своей и в высоком о себе мнении подняли оружие на Римскую (Византийскую) Державу, – теперь и сами преложили нечестивое языческое суеверие на чистую и неблазную христианскую веру и ведут себя, яко послушные сыны (виноваты! При Ярославе только кончили свое буйство), и суть друзья, несмотря на то, что *незадолго* пред сим (когда?) тревожили нас своими разбоями и совершали великие злодеяния».

Это свидетельство современника может иметь столько смыслов, со скольких точек зрения станете его принимать. Так, например, можно вообразать, что оно значит: *вся* Русь крестилась, или *часть* ее; или только *впервые в 861 году*, или крестились *внезапно*; потому только, что внезапно Фотий в 861 году к слову «скифский народ» прибавляет «*глаголемый Россы*», чего не дельвали его предшественники.

При подобном *различии* в оттенках понятия историческая логика требует сперва открыть *подлинный* смысл свидетельства; но в таком случае необходимо строго придерживаться порядка вещей или обстоятельств, по случаю которых оно было написано. Вот почему едва ли можно ожидать *верного* результата от соображения тех ученых, которые уже давно писали об *обращении* Руси, как *Пагий*⁵⁷, *Байр*⁵⁸, *Лекиен*⁵⁹, *Стилтинг*⁶⁰, *Мосгейм*⁶¹, *Землер*⁶², *Шлецер*⁶³ и другие. Последний довольно много об этом токовал, но не только мало, но и меньше ничего сказал, потому что это свидетельство, принадлежащее истории Руси, он не только не пояснил, но даже в своей статье «*Рωσ'сы не Руссы*» (см. Нестор II, стр. 86–117) силился доказывать довольно детскими доводами, что известие о первых не принадлежит к русской истории, и эти свои *резонемнты* он решился подтверждать парадоксом о *геттингенском подмастерьи*! Разумеется, что если он сотворил себе каких-то *небывалых* руссов шведского племени, то разве известие византийца о *природной* Руси не принадлежит к ее истории потому только, что толкователь создал для себя какую-то шведскую химеру! И разве этак открывают *подлинный* смысл свидетельства?

Прежде очистки подлинного смысла слов *Фотиевых* мы приведем еще место из сочинения одного из его современников. Это есть жизнеописание патриарха *Игнатия* (Фотиева предшественника), сочиненное *Никитою Давидом*, епископом Пафлагонским (Νικήτα τοῦ Δαβίδ τοῦ Παφλαγόνος) (см. Соборн. деян. в Acta Concilior. Tom.V, pag. 965, Parisiis 1714).

«Тогда же случилось для святого мужа и другое несчастье, потому что в то же время одно из самых кровожадных скифских племен, именем *россы*, из Черного моря вплывши в *узкий пролив* и вышедши на берег, опустошили все окрестности и все монастыри ограбили; тоже сделали высадку и на соседние к Царюграду *острова*, заграбили домашнее имущество (σκεῦη – понимай: богатое платье, посуду и вещи серебряные) и сокровище (χρήματ α – понимай: денежное), а захваченных всех перебили. После с варварскою яростью

и смелостью напали и на патриаршеские монастыри (т.е. на *остров Теревинф*, на котором он содержался), вытащили из них все добро и 22 схваченным лицам, из самых приближенных к Патриарху, отрубили головы топорами на передней (?) части одного из своих судов».

С первого разу читатель заметит, что в словах *Никиты Пафлагонского* гораздо больше определительности, нежели в выражениях *Фотия*. Оба писали в *одно и то же время* и как свидетели; но, к великому сожалению, ни тот, ни другой не выставили года. Однако если сообразить хронологию обстоятельств, то оказаться может, что они говорят о *разных морских* нападениях русаков.

Леточислительные обстоятельства

Императрица *Феодора* с дочерью должна была удалиться от двора в монастырь в 856 г.

Пафлагонец говорит, что *вскоре* после ссылки императрицы согнан был с патриаршества ее развратным сыном Михаилом уважаемый ею патриарх *Игнатий* и сослан после некоторого заключения на остров *Теревинф*.

Фотий сделался патриархом в начале 858 года, в день Р.Х., и был на престоле по 25 сент. 867 г.

Михаил имп. в 866 году, мая 26, произвел *Василия Македонянина* в соимператоры.

Михаил с ним царствовал 11 месяцев, т.е. до 867 г., апр. 23, в котором убит.

Игнатий патриарх, любимец *Васильев*, снова возведен им на патриаршество сент. 25, 867г.

Политические обстоятельства

Так как духовные власти и народ требовали от слабого правительства показать им *письменное* отречение Игнатия (Χεῖροῦραφ), которое он дать поупрямился, то немедленно послали к нему на остров *Теревинф* людей, которые довели бы его до того. Так как он и здесь остался непреклонным, то с ним стали поступать сурово и тут же перевели на остров *Митилену*, где он пробыл *шесть* месяцев, по истечении коих пере-

веден снова на остров Теревинф, давши согласие на отречение, если это будет решено *Собором*. Это происходило до конца 857 года, вследствие чего Фотий, в начале 858 года возшевши на престол, стал созывать духовенство своей партии.

В этом году, по словам *Пафлагонца*, Игнатий претерпевал неприятности, приписываемые новоизбранному цесарю *Варде* и *Фотиевой* партии. В числе этих неприятностей он проводит и описывает морской набег *россиян*. Это случилось в 858 году.

За этим, говорит *Пафлагонец*, в Цареграде делались собрания. Эти собрания в 858 и 860 годах были предуготовления к *IV Константинопольскому*, или к *VIII Вселенскому* собору, начавшемуся в 861 году.

Байер повторяет слова *Пафлагонца*, а Байеровы Шлецер (II, 47). «Вскоре после сего (нападения россиян) *Фотий* созвал собор (какой? частный или Вселенский?), на котором *Игнатия* проклинали, и он принужден был бежать на Пропонтидские острова; но ужасное землетрясение, случившееся в августе 860 г. в Киоле, заставило суверенного *Варду* дать Игнатию позволение возвратиться *в третий раз* на Теревинф, где он до убийства Варды в 866 г. и оставался».

Ни Байер, ни Шлецер не обратили внимания на то, что по делу Игнатия, во всем православного, не было никакой нужды собирать Вселенский собор со всего Востока и Запада. Этакое роду Соборы созываемы были только по делам догматов веры. *Окружное послание* Фотиево ко всем престолом и кафедрам Церкви было писано против вставленного на Западе в Символ Веры слова: *и Сына (Filioque)*.

Вселенским собором было запрещено хотя одну букву перемешать, убавлять или прибавлять без согласия Вселенского же собора, т.е. представителей *всего* христианства. Так как это прибавление было причиною отпадения Запада от Вселенской Церкви и наделало столько шуму, кончившегося Флорентинским собором, то весьма любопытно знать его историю. Послушаем слова *Газзаниги*, профессора богословия в *Венском* университете, одного из лучших латинских богословов⁶⁴.

«Между тем как в *Никейском* Символе Веры, после поясненном несколькими словами на *Киольском* Вселенском соборе, находится только *от Отца*, на Западе стали прибавлять слово *Filioque*. Первые стали это делать испанцы в исходе VI века, когда *готы* при Рекарете отстали от арианизма, как это видно из актов III *Толедского* собора в 589 году. Испанцам последовали французы; но когда – неизвестно. *Pithocus* это относит к концу VIII века, что подтверждает тоже разными свидетельствами и ученейший *Bernardus de Rubies*. Наконец, в IX веке вошло в употребление не только во Франции, но и в Германии. Что напоследок в Риме (и Италии) стали петь Символ с этою прибавкою только с половины XI века, видно из того, что это подало повод Патриарху Цареградскому Михаилу *Коруларю* к возобновлению раскола (*schismaticis*; простим выражение!), как видно из актов собранного им Собора в 1054 году и из его послания к *Петру*, Антиохийскому Патриарху. Весьма вероятно, что *Filioque* в первый раз в Риме вставил в Символ *Венедикт VIII*, когда в 1014 году, по просьбе императора Генрика I, велел в Римском соборе петь Символ Константинопольский, как повествует *Бернон*, *Abbas Augiensis*. Этот поступок Венедикта не одобряет кардинал *Бароний*, когда говорит: «*Нам гораздо приятнее и лучше было бы придерживаться столь священной тысячелетней старины, нежели гнаться за нововведениями*».

В другом месте, ниже (*Obj. VIII*), *Газзанига* говорит: «Когда Карл V. послал в Рим *Бернария*, епископа Вормского, *Ессу* Амбианского и *Адаларда*, аббата Корбейского монастыря, в 810 году ко *Льву III* испросить утверждение канона Ахенского собора 809 года о происхождении Св. Духа и от Сына и вставки *Filioque*; то Папа на первое согласился (?), но во втором отказал, повторяя в ответ: *Я не только не дерзну поставить себя выше св. отцов* (вселенских), *но Боже меня опаси и сравняться с ними*. Он даже для отвращения всякого нововведения велел Символ Веры без *Filioque* вырезать на двух досках по-гречески и по-латыни и прибить в соборе Св. Петра. Это рассказывает *Смарагд*, аббат св. Михаила в Лотарингии».

Лев III этим показал, что он думает об этом; но, не видя возможности прекратить закоренелое нововведение в чужой монархии (франкской), решился удержаться от анафемного приговора целой монархии и самому Карлу V., которому Римская Церковь обязана была столькими благодеяниями. По крайней мере, он этим удержал Римскую Церковь и Италию в православии до XI века. **Итак, если нововведение без одобрения должно назвать отпадением, то в X веке отпадала не Римская Церковь, а Франкская (Ecclesia Gallicana), с которой Рим и Италия и в последствии времени не могли сойтись совершенно.** В IX и X веках не было еще пап, если принимать это слово в том политическом значении, в котором оно употребляется: они были просто патриархи. Папами себя никогда не называли потому, что это титуло искони принадлежала Александрийским патриархам, которые кроме того назывались и *Вселенскими судьями* от того, что на Соборах им предоставлено было председательство. По падении Александрии под иго аравитян старый и новый Рим стали состязаться об этом преимуществе.

Между тем Карл V. делал к востоку, в странах славянских, свои завоевания. С 791 года по 799 год он вел войну 8-летнюю с так называемыми *гуннами*, в которой отторг от них большую часть бедной *Словении*. «Сколько сражений в ней было дано! – говорит секретарь и жизнеописатель Карла V. *Егингард*. Сколько пролито крови, свидетельствует лишенная всех (?) жителей Словения, и место жительства *Коганье* так опустошено, что в нем ни следу не осталось человеческого жилья (?). Весь (?) цвет *гуннского* дворянства погиб в этой войне, вся их слава упала, все золото и давно собираемые сокровища разграблены» и проч.⁶⁵

Anonymus Salisburgensis, писавший около 873 года, следовательно современник *Фотия*, говорит между прочим⁶⁶: «Итак, Карл император в 796 году отправил *Ерика* и бесчисленное войско для изгнания *гуннов*. В том же году Карл послал в *Гуннию* сына Пипина... который *гуннов* и *словенцев*, оставшихся в Паннонии, между озером *Балатоном*, реками

Рабою и Дравою до втечения последней в *Дунай*, поручил *Ювавскому* епископу *Арнону* в его церковное управление впредь до определения Императора. Впоследствии Карл император в 803 году прибыл в Баварию, а в октябре в *Салцбург*, где и утвердил распоряжение сына своего».

Краинцы и *истрийцы* подчинены, или, лучше сказать, остались как и были, под Аквилейскими епископами; а Ретических и Норических он подчинил Салцбургской епархии.

Здесь необходимо сообразить важное обстоятельство или вопрос:

Между тем как все народы *весьма рано* представляют нам богослужение на своем языке: *евреи* (бристиане), *греки*, *арабы*, *сирийцы*, *копты*, *армяне*, *грузинцы*, *славянские племена*; отчего происходит то, что баварцам, саксонцам, англичанам, шотландцам, ирландцам, датчанам, шведам, финнам и латынам насильно навязана латынь, от которой избавила их только Реформация? И кто ее навязал? Скажете: Рим? Неправда, Рим и его Италия в IX и X веках **гречествовали** (**Italia, Roma graecisans**), т.е. придерживались в литургии обрядов *Вселенских*, т.е. *древних*, или, как ныне называем, *греческих*, преимущественно *Григория Великого*. Гречествовала потому, что от Иустиниана до Карла В. была византийскою провинциею.

Надобно заметить, что со времени падения Империи мертвый язык Цицерона нигде не находил убежища, кроме монастырей Галлии. Взгляните в огромное собрание христианских латинских писателей V, VI, VII, VIII и IX веков, в *Bibliotheca Patrum*, и увидите за весьма немногими исключениями, что они жители Галлии. Тут франки потонули в латыни⁶⁷.

Церковь *Галликанская* составляла свою отдельную богословскую ученость и, приняв новый догмат и мало заботясь о том, что происходит на Востоке во Вселенских, она собирала свои Галликанские соборы. Вот почему и не удивительно, что в этих обстоятельствах она многое выпустила или изменила из форм *древней* литургии (см. ниже подробнее). Из этого-то и вышел *новый обряд* (*ritus reformatus*, или *gallicus*, а по языку *latinus*).

Между тем готы господствовали в Испании, куда они занесли арианизм. Ариане, однако, за исключением Ариева догмата, удержали обряды *древней*, или *вселенской* литургии, как в Мизии и Иллирике, так и в Испании. Так как они совершали богослужение на своем языке по свидетельству церковной истории, то и произошла чувствительная разница в европейской Церкви и в обрядах, и в языке. Таким образом, сделался *ritus antiquus*, а по языку *gotthicus*, и *ritus novus*, или *gallicanus*, а по языку *latinus*.

Так как Галлия обращала в христианство *Британию*, *баварцев* (южных немцев) и *саксонцев* (северных немцев), то эти народы и должны были беспрекословно принять не только *новый* обряд в литургии, но вместе и ее латинский язык. Конечно, всякий скажет, что эти времена были не апостольские, когда франки с латынью в левой и с мечом в правой проповедывали Евангелие и вместе грамматику, это не было по словеси апостола Павла (Рим. XIV, II: Καί πάσα γλώσσα ἐξομολογήσεται τῷ Θεῷ). И *всяк язык исповестся Господеву*. В следующей статье мы увидим подробнее, что в древние времена христианства образ проповедания Евангелия был то же самое, что образ или обряд совершения литургия, т.е. что всякому народу ектения, Апостол, Евангелие читались на его собственном языке, следовательно, мы обязаны за *славянское* богослужение не Кириллу и Мефодию, а *учреждению апостольскому*.

Итак, распространение *нового* обряда, *нового* исповедания и *нового* языка, т.е. *ritus latini*, зависело от влияния франкской монархии на окружные страны. Если хотите понять цель VIII Вселенского собора (т.е. IV Констант.) и смысл Окружного послания Фотиева, то припомните себе, что с Карла В. Рим и Италия были областью Карловингов, а там в зависимости от немецких императоров. В Цареграде с унынием смотрели на это распространение франкской власти и влияния, следовательно, и на распространение *Латинской* Церкви. Даже заметили, что уже в Италии кое-где стали склоняться к нововведениям франкским. Следовало созвать Вселенский собор, но патриарх *Игнатий*, хотя и благочестивый,

но по недостатку энергии и особенной учености был к этому неспособен; политика оглядывалась, чтобы отыскать на место его деятельного человека. Наконец взор пал на человека в числе людей государственных, великого как характером и умом, так и огромными сведениями во всяком роде. Это был *Фотий*, Прото-Спатарий, в продолжение одной недели посвященный ежедневно в иподиаконы, чтецы, диаконы, иереи, епископы и, наконец, в день Рождества Х., – в патриархи.

Между тем *Латинская* Церковь стала иметь влияние и на *Словенскую* посредством власти франков. Современник этого события, *Anonymus Salisburgensis*, довольно подробно описывает попытки ювавских и зальцбургских миссионеров распространить между словенцами каринтийскими *новую* литургию на латинском языке. Это проповедание, или попытки, ученый словенец, г. *Копытарь*, принимает за чистые деньги, т.е. за обращение каринтийцев из язычества в христианство!! Но как он жестоко ошибается, тому свидетели кроме Прокопия, две паннонские епархии.

Равно не в чем ему сыскать поддержки и своему мнению, будто Мефодий *первый* ввел богослужение на славянском языке. На *подложные* письма, приписываемые Иоанну VIII, ссылаться нельзя. Но может быть, ученый словенин возразит: ведь же *Anonymus Salisburgensis*, современник Мефодия, говорит: «После которого послал (в Словению) *Лиупрамм* (архиеп. Сальцбургский) *Алтфрида*, которого спустя *Адалвин*, преемник Лиупраммов, постановил в архипресвитеры, поручив ему ключи Церкви и народа той страны. А по его смерти назначил *Рихбалда* архипресвитером, которым там довольно долго пробыл, исправляя свою должность согласно с наставлением своего архиепископа, – пока, наконец, некто грек (?), именем *Мефодий*, изобретши (?) словенские письмена, латинский язык (в богослужении) и римское учение с письменами философски охулив, сделал для всего народа (словенцев) ненавистными литургию, Евангелие и богослужение на латинском языке. Что *Алтфрид* не вытерпевши, возвратился в Сальцбург», т.е. его и латинских миссионеров просто выгнали⁶⁸.

Стало быть, возразит он, Мефодий *изобрел* письмена и *ввел славянское* богослужение. Этого заключать вдруг нельзя, не открывши сперва *подлинного* смысла этого свидетельства; но этого сделать нельзя прежде, не сообразивши тогдашних обстоятельств. В этом свидетельстве должно смотреть на борьбу четырех разных вещей:

а) На борьбу *словенского* алфавита с *галликанским* (латинским).

б) На борьбу *догмата* с *догматом*.

в) На борьбу *древнего* обряда с *новым*.

г) На борьбу *славянского* языка в богослужении с *латинским*.

Карл V., завоевавши Словению по устью реки *Дравы* и поручивши оберегание ее границ баварцам, зашедшим сюда гарнизонно, со своей стороны сделал *свое дело*, если «поручил Арнону», как выражается Салцбургец⁶⁹, «отправиться в страну словенцев, управлять и этою странюю, и исправлять и в ней должность епископскую, и народ утверждать словесами в вере и христианстве». Все это относительно к обстоятельствам значит только то, что со времени поселения в этой новой области франкских властей необходимо было устроить для нее и латинские церкви, и снабдить ее латинскими пресвитерами. Следовательно, не только это, но и все прочие известия *Безименного* о жителях Каринтии и Славонии нельзя называть *историею* их *обращения в христианство* (*Historia conversionis Carantanorum*), как это сделал г. *Копытарь*, а просто историею *притязания и влияния* на эти области салцбургских архиепископов.

Таким образом, на одной и той же почве сошлись *два обряда* и *два языка*; но что касается до письмен *словенских*, то само собою разумеется что приписываемое Салцбургцем Мефодию их изобретение означает только то, что они существовали, но со времени Карла V. в латинских церквях не были в употреблении, что даже латинские монахи молитвы и другие вещи по *новому* обряду на *словенском* языке старались выражать латинскими буквами, точно так же, как это делал в

X веке (957–994 г.) епископ Фризингенский *Abrahamus Carantanus* для франконских славян.

Разумеется, что состязание обряда с обрядом, алфавита с алфавитом, языка с языком зависело и от состязания государства с государством. Франкская монархия на востоке Европы имела соперницу в другой, столь же обширной монархии... которой доселе никто не умел дать настоящего названия!

Конечно, если, по выражению *Эгингарда* и самого Салцбургца, *hunnī* были выгнаны из Паннонии в 799 году, то по его смерти они опять ею завладели в 827 году. «*Болгаре*, – говорят *фулдские* летописи, – напали чрез реку *Драву* на *словенцев* (обитающих в Паннонии), опустошали все мечом и огнем, и, выгнав их начальства (понимай, франкские или баварские), поставили над ними *болгарских* управителей». А в следующем году: «*Лудовик* послан против *болгар*».

С тех пор Паннония осталась при раздорах Карловингов за эту державою, которая слывет у Анонима Салцбургского *hunnī*, а у фулдийцев *болгаре*⁷⁰.

Итак, из выражения Салцбургского современника видно, что апостольское призвание св. Мефодия было не в *азбуке*, которая до него существовала, а в *новом учении* (в чем оно состояло, увидим ниже).

Между тем, как славянское богослужение между *сербами*, *кроатами* и *словенцами* было давно до Кирилла и Мефодия, согласно со свидетельством *Сократа*, – оно было уже и на берегах Черного моря до появления на сцену сих двух братьев, по свидетельству аббата *Валафрида Страбона* около 844–846 годов, скончавшегося в 849 году. В сочинении своем о *начале и распространении* Церкви, между прочим, говорит: «Я слышал от верных братий, что у некоторых скифских племен, преимущественно у *томийцев*, и доселе на их же языке отправляется богослужение»⁷¹.

Город *Томы* был на месте или подле нынешнего *Кюстенджи*. От сего города начинается огромный вал, называемый *Траяновым*, и тянется на запад к Гирсову. Это была граница Империи от скифов. Крепость *Кюстенджи* по сию сторону

вала, выдавшись треугольником в море, образует небольшую бухту, удобную для пристанища кораблям. По ту сторону вала у моря виднеется из земли довольно количество разбросанных мраморных колонн. Из этого можно заключить, что город был некогда по обе стороны вала и довольно обширен. В него-то, на границу Империи, сослан был императором Августом несчастный певец, *Овидий*.

Так как этот город принадлежит к кругу сих исследований, то выпишем несколько мест о нем и о его околице из Овидия (*Trist. Lib. II, к Августу*): «Доселе берега (к северу) принадлежат Риму; это (Томы) последнее завоевание Италии, и едва держится на краю твоей Империи: далее нет ничего, кроме холода и неприятелей» (*Basternae Sauromataeque*).

О древности города *Томов* следующее: «Древний город, недалеко от Дуная двухименного, с неприступными и стенами и местоположением. Его построил, если верить своей догадке, *Caspus Aegypsos*. Им завладели *геты* (жители), избивши внезапно в нем фракийцев (т.е. арнаутов, бывших в гарнизоне), и вооружились против правителя (тех стран), который, помня свое высокое происхождение, возвышаемое храбростью, вскоре прибыл с большим войском и не прежде отошел, как, после слишком жестокого наказания виновных сделался сам виновным» (*Ex Ponto Lib. I. Ep. 8*).

Надобно заметить, что арнаутский народ со времени своего покорения обязан был помогать римлянам охранять пределы. Мы уже видели выше, что *Rex Thraciae* с корпусом арнаутской конницы помогал Италии в войне Словенской. Рим оставил знатнейшим и опытнейшим из этого народа пустую тень правителя (тех), с тем, однако, чтобы защищали владения Италии.

Это событие случилось до Овидия: в его время был другой *rex*, присылавший в Томы арнаутов, не такой жестокий; вот почему поэт непосредственно там же обращается к нему с добрыми желаниями: «Но тебе, славнейший правитель нашего времени, да дастся всегда править рукою великодушною; чтобы тобою (ибо чего могу больше желать?) был доволен воинственный Рим и его великий Кесарь».

О жителях *Томитанской* области следующее: «Хочешь ли узнать, что за народ Томитанской страны и между какими правами я живу? Хотя это смесь из греков и гетов, но жители вообще больше происходят от гетов, из коих большее народонаселение сюда и туда разъезжает верхом по дорогам, в котором никого не встретишь без копья, лука и ядовитых стрел. Голос дикий, взгляд свирепый, рука искусная во вращении мечом, висящим у всякого на боку: истинно изображение Марсовых детищ» (Trist. Lib. V. Ep. 7).

О жителях города: «Едва стены нас защищают, но и внутри смешанные с греками варвары наводят страх: ибо живут с нами в полной смеси; да и большая часть домов им принадлежит. Впрочем, если страшиться и не следует, то нет приятности глядеть на головы, покрытые бараньими шапками, и длинные волосы. Даже и жители греческого происхождения вместо своего платья носят персидские шаровары. Они употребляют язык большинства жителей (т.е. гетский). Я обязан с ними жестами объясняться. Я здесь сам варваром сделался, потому что никто меня не понимает: и смеются бестолковые геты, слыша латинские слова» (Tr. L. V. Ep. 7). «Мало следов осталось греческого языка, да и те исковерканы. Никого нет, кто бы хоть несколько слов умел по-латыни, так что я, простите Музы! – римский поэт, почти все должен говорить по-сарматски» (Trist. L. V. Ep. 10).

О сношениях с гетами левого берега Дуная (Trist. Lib. III. El. 10) пишет, что летом река их защищает от нападений, но как только зима везде накрыла ее мостами, то чрез нее «тянут сарматские быки варварские воза»; а в другом месте прибавляет: *скрыпучие воза (stridentia plaustra)*. В Элег. 12-ой радуется, что при наступлении весны потечет Дунай и не станут приезжать к Томам *сарматы со своими скрыпучими возами*; обещает себе прибытие в гавань судов, и как он будет им ходить на встречу с расспросами («Sudulus occurram nautae: dictaque salute, quid veniat, quaeram, quisve, quibusve locis») кто, с чем, откуда? – и проч.

Надобно заметить, что поэт, говоря о языке томитан, употребляет разные названия: «Nam didici *Getice Surmati-*

seque loqui», т.е. «уже выучился говорить по-гетски и по-сарматски...» «*Scythicoque fere circumsonog oge*», – т.е. «все кругом говорят по-скифски».

Surmaticeque прибавил единственно для наполнения стиха; *scythico* для стиха же: и это доказывает только, что все три слова принимал он как поэт в одном значении.

В X веке в Томах была еще епархия. Багрянородный (*Церем. Дв. Визант. II, гл. 53*), исчисляя *независимые архиепископства*, между прочим говорит: «*Скифский архиепископ в Томах*». Так как жители Томитанской епархии говорили на том же языке, на котором и жители Днестровской и Днепровской Скифии, то и объясняется, почему греки ее называли Скифскою. Епископ Скифский упоминается уже в IV веке. Приведем об этом любопытное место из VI книги, 21 главы *Церковной истории Гермии Созомена Саламинского*, писателя V века⁷²: «*О вероисповедании скифов и епископе этого народа*. Говорят, что и скифы по той причине придержались того же исповедания (православного). Этот народ имеет много *городов, сел и замков*, но между ними важнейший *Тома*, город обширный и богатый у берегов морских, с левой руки въезжающих в Черное море. *Древний* у них закон, который и доселе хранят, чтобы *всеми церквами этого народа* управлял один епископ. Итак, во время, о котором говорим, управлял ими епископ *Вретаннион*, когда император (*Валент*) прибыл в Тома. Прибывши в церковь, когда по своему обыкновению старался убедить прихожан, чтобы приняли *арианизм*, то Вретаннион, говорив императору смело и непоколебимо в защиту *Никейского собора*, оставил его и удалился в другую церковь, куда за ним последовал и собравшийся народ. А сбегались было (в первую церковь) из всего города, отчасти чтобы видеть императора, а отчасти, что ожидали с его стороны нововведений. Итак, *Валент*, видя себя оставленным, принял это за нарочное оскорбление, велел арестовать Вретанния и сослать в ссылку, из которой, однако, вскоре позволил ему возвратиться, ибо когда увидел, что скифы стали роптать за изгнание своего епископа, то немало стал опасаться, чтобы

чего не затеяли, будучи и многочисленны, и по местности для Империи необходимы, так как могут отражать вторжения варваров, населяющих соседние страны». *Созомен* писал свою историю в IX книгах, при преемнике Валента, *Феодосии Великом*, которому и посвятил ее.

При первом взгляде на это известие бросится в глаза всякой *логической* голове, что здесь греческое слово *скифы* должно переводить словом *русь*, и потому только, что изыскатель напрасно стал бы искать в *Томитанской* епархии зарождение какой-либо другой Церкви, кроме Российской. При том же кто осмелится, не краснея, не переводить этого слова, если Анна Комнина *Изяслава* Киевского и *Олега* Тмутороканского называет скифами, если Киниам в XII веке галичских князей называет тавроскифскими (τὼν Ταυρο-Σκυθῶν), если другие даже буквально толкуют нам, какой народ должно подразумевать (следовательно, и переводить) под именем *scythae*, напр. Ник. Хонийский – οἱ Ρως, οὐ, καὶ Σκυθαὶ φασι, т.е. *Русь, которую и скифами именуют*; или *Лев Диак.* – Ταυρο-Σκυθαί, οὗς ἢ κοινῇ διαλεκτὸς Ρως εἰώθεν ονομαζεῖν, т.е. *тавроскифы, на их языке руссами называемые?*

Конечно, русскому народу ничто не мешало *весьма* разно заселить и Бибадагскую область за Дунаем, точно так же как и по 1828 год она была отчасти заселена русским же народом под именем некрасовцев и запорожцев.

Итак, патриарх *Фотий* в своем *Окружном письме* в разные епархии (о том, что в Символ Веры нельзя вставлять *filioque*, как это тогда делали на Западе) похваляет православие этих-то именно скифов Томитанской епархии под именем *руси*, то ρωσ.

Многие ученые давно уже пытались пояснить *первую* эпоху обращения русского народа. Патриарх вступил в 858 году на престол, который должен был уступить Игнатию в 867 или в начале 868 года.

Фотий в письме пишет (см. там же): «Не только этот народ (болгаре) переменял нечестие на веру во Христа, но и народ столь часто многими превозносимый, и как жестоко-

стью, так и жаждою к человеческой крови все другие народы превосходящий, я говорю, *россы*, которые, покорив окружающие соседние народы, возгордились и, имея о себе весьма высокие мысли, подняли оружие на Римскую державу, теперь и сами переложили нечестивое языческое суеверие на *чистую* и *неблазную* христианскую веру и ведут себя яко послушные сыны и друзья, несмотря на то, что *незадолго пред сим* тревожили нас своими разбоями и учинили великое злодеяние».

Это место весьма потемняет *подлинную* историю христиан *Томитанской* епархии, и *наоборот*, без какого-либо понятия о *Томитанской* епархии *нельзя будет понять* и значения слов *Фотиевых*. *Фотий* был один их ученейших и многосведующих лиц своего времени, следовательно, ему должно верить, как современнику, но только сперва стоит *уметь понять*. Само собою разумеется, что *Фотий* не мог подразумевать обращения *всего* русского народа, которое случилось с лишним 100 лет спустя. Итак, очевидно, он называет *россами* скифов *Валафрида* *Страбона*, которые уже в 844–849 годах слушали литургию на своем природном языке.

Впрочем, как *Валафрид* аббатствовал с 844 по 849 год, в котором умер, то известие о богослужении *томитян* на своем языке относится не только к 844 году, но и к предшествующим годам, потому что он мог это слышать от верных братьев и в 830–840 годах, а *верные* братья могли проезжать чрез *Томитанскую* епархию и в 800–820 годах. При том же само собою разумеется, что время *известия* нельзя принимать за время *первого введения* славянского (русского) богослужения у руси *задунайской*. В противном случае это походило бы на то, если бы вздумал кто-либо утверждать, что славянское богослужение в России началось только в XVI веке, потому что один путешественник того же века свидетельствует, что в России служат не по-латыни, а по-славянски. Сверх того, что могло мешать епископу *Врентанниону* в IV веке *служить по-славянски (по-русски)* на берегах Понта, если в то же время епископ *Улфила*, по свиде-

тельству Сократа, на подобном же языке велел отправлять службу у берегов Адриатического моря?

Если так называемые *scythae* Томитанской епархии уже в царствование *Валента* (364–378 г.) были христианами и имели епископа, то первое обращение их должно отнести еще древнее, и, кажется, уже на Никейском Первом Вселенском соборе эта Скифская Церковь имела своего представителя; если он подписался епископом τῶν Ρῶς; следовательно, томитане имели епископа еще до Никейского Вселенского собора, иначе нельзя понять слов *Созомена Саламинского*, когда говорит: «У скифов есть древнее постановление, которое хранится и доселе, чтобы всеми их церквами управлял один епископ». Если он говорит, что этот «народ имеет много городов, сел и замков», то это относится и к нынешней Молдавии и Бессарабии, где и доселе в лесах немало развалин, никем еще не тронутых и которых подробное исчисление находится у Птолемея. Итак, *все* церкви означает, собственно, *всех* городов.

ж) Образ проповедования Евангелия в продолжение первых четырех веков

Как бы то ни было, но свидетели и обстоятельства *первое* обращение Руси подводят под *современность* обращению греков и прочих народов Востока, следовательно, и первое *славянское* богослужение.

Апостолы после собора, который держали в Иерусалиме, разошлись в разные стороны для исполнения завещания Иисусова. Проповедь для них была весьма трудна и опасна. Результат их проповедования состоял в приобретении учеников. Но из учеников апостольских не всякий был полным христианином, когда апостолы посприяли мученический венец, потому что не все успели приготовиться к принятию крещения. Ученики разделялись на три степени: на *оглашенных* (испытываемых), на *верных* (испытанных), на *рукоположенных* апостолом (священных, ἱερεῖς).

Служение начиналось молитвами о недугующих, труждающихся, плененных, плавающих, путешествующих, пло-

доносящих, добродееющих, о мирских и духовных властях и о предстоящих и проч. Само собою разумеется, что сими молениями изошрялось чувство человеколюбия. После сего читаны были места из Св. Писания Ветхого Завета, напр. псалмы, и говорились поучения (1 Кор. Гл. 14, ст. 26). Верные по возгласу диакона: *Елицы верные паки и паки Господу помолимся молились об оглашенных, да Господь помилует их, да огласит их словом истины, да присоединит их к Своей Соборной и Апостольской Церкви* посредством крещения водою. В заключение повторялись снова те же моления, и диакон возглашал: *Елицы оглашению изыдите, да никто от оглашенных не останется, и запирали за ними дверь собрания.* Известно, что *оглашенные* приготавлиемы были к восприятию крещения, а *верные* приготавливались к восприятию Св. Таин. По выходе оглашенных и после обыкновенных молений, прежде совершения Св. Таин и приобщения верные должны были пред иереями изложить свой образ верования, диакон возглашал: *Двери, двери премудростью вонмем,* и осматривали, нет ли у них оставшегося из любопытства кого-либо из оглашенных, или случайно-постороннего, или даже агента языческой полиции, или же жрецов. По освидетельствовании все верующие читали вслух Символ Веры, и по совершении Таинств приобщались, и, наконец, собрание расходилось.

Если оглашенный (испытываемый, приготавливаемый) изъявил желание сделаться действительным членом Церкви (т.е. креститься), то он должен был представить из числа верных поручителей в искренности своего желания; пред крещением, однако, он должен был также пред свидетелями торжественно отречься от идолов. Строгие меры правительства и бдительность языческой полиции заставляли первых христиан быть особенно осторожными при их собраниях для отправления богослужения. Видно также, что и апостолы, и их ученики соблюдали все меры осторожности в отношении к оглашенным, чтобы верных не предать истязаниям язычников. Впрочем, оглашенные и относительно к самим себе не могли не соблюдать осторожности, зная, что существует

закон, которым христианство запрещается. Так, например, видно из письма *Плиния-младшего* из Вифинии к императору *Траяну*, что римское правительство смотрело на христиан как на членов тайного общества, когда говорит: «*Quo secundum mandata tua hetaerias esse vetueram*».

Так как ничто так не поясняет внешних отношений Апостольской Церкви, как этот доклад Плиниев⁷³ императору Траяну (царствовавшему с 27-го января 98-го года по 10-е августа 117-го года) и рескрипт последнего; то, полагая, что читателю приятно будет прочесть их, я прилагаю перевод онаго вместе с подлинником⁷⁴.

«Я всегда, Государь, считаю долгом доводить до Твоего сведения обо всем том, в чем колеблюсь. Ибо кто лучше Тебя может устранить мою нерешимость или рассеять мое неведение? Мне прежде никогда не случалось участвовать в следствиях над христианами (т.е. обвиняемых за то, что христианами), потому и не знаю, за что, собственно, и как должно их следовать и наказывать. Немало также колебался я, должно ли принимать в уважение различие в возрасте, или людей самых нежных лет судить наравне с взрослыми; прощать ли, кто возвращается из христианства, или в сем случае всякое раскаяние будет бесполезное. Хотя имя христианина и не заключает в себе преступления, должно ли наказывать преступление, состоящее в одном только имени? Впрочем, в деле тех, которых приводили ко мне как христиан, я поступал следующим образом: сперва я спрашивал их, христиане ли они; если признавались, то я повторял допрос в другой и в третий раз, угрожая пыткой: упрямых (т.е. говоривших одно и то же) я велел пытать. Ибо, не принимая в рассуждение того, в чем бы они признались, без сомнения, само непреклонное упорство уже достойно наказания. Были и другие, столь же безумные, но, потому что имели право римского гражданства, я приказал отправить их в столицу. Но вскоре, в продолжение следствия, как обыкновенно случается, произошло несколько новых случаев. Мне представили безымянный донос; в нем было означено множество таких, которые

говорили, что они не христиане и никогда не были христианами. В самом деле, они вслед за мною поклонялись богам и, воскурив фимиам и излив вино, отдали божескую честь Твоему изображению, которое я велел принести вместе с изображением богов; кроме сего, они злословили Христа; но истинных христиан ни к тому, ни к другому принудить, как говорят, ничем не возможно. Я рассудил освободить их. Другие, будучи вызваны по доносу, сперва признали себя христианами, но вскоре отказались. Мы были в христианстве, говорили они, но оставили его, некоторые года за три, другие более, а некоторые лет за двадцать тому назад. Все они отдали божескую честь идолам и Твоему изображению; все произнесли злословие на Христа. По показанию сих последних, главная вина и заблуждение их состояли в том, что они в известный день собирались до рассвета вместе, пели попеременно между собою песни в честь Христу, яко Богу, и обязывались друг другу присягою, не на какое-либо преступление, но напротив, чтобы не делать покражи, разбоев, прелюбодеяния, чтобы не обманывать, не нарушать присяги или обязательства. После сего они расходились и снова сходились вместе для принятия пищи, впрочем простой и невинной; но и это оставили после того, как я объявил Твое повеление, коим запрещается тайное общество. Выслушав сии показания, я счел нужным под пыткой допросить двух девушек, которые слыли прислужницами, в чем именно состоит дело; но ничего не открылось, кроме злого и неумеренного суеверия (не надобно забывать, что это говорит язычник), потому-то я, отложив исследование, обратился к Тебе для совета, как поступать мне, ибо дело это, по свойству своему, а еще более по великому числу подсудимых, стоило того, чтобы Тебя утруждать требованием совета. Весьма многих всякого возраста, чина и полу схватываем и берем под суд, и будем еще брать, потому что это заразительное суеверие распространилось не только по городам, но в селах и окрестностях; но, мне кажется, можно его остановить и дело исправить. Я получил довольно сведений, что снова начали посещать почти опу-

стелые капища и опять начали совершать давно оставленное служение, чаще приводятся жертвы, которых доселе весьма редко покупали. Из этого легко можно заключить, что народ можно исправить, если раскаяние получит прощение».

Мне кажется, что всякий православный читатель догадается по признанию подсудимых, что римская полиция нахватала *оглашенных*; догадается и увидит, что их признание было самое откровенное и честное; он узнает, что Плиний описал *литургию оглашенных* (разумеется, забытую народами Западной Европы). Правительство из этого признания оглашенных легко могло усмотреть, что учреждение христианского богослужения имело ту только цель, чтобы из людей сделать благородных и честных граждан, полезных как себе, так и ближнему. Из того, что, по Плинию докладу, подсудимые снова собирались в общую трапезу для принятия умеренной пищи, можно видеть, что оглашенные по выходе из церкви дожидались окончания *литургии верных*, присоединялись к последним в общей трапезе и вкушали от приносимого хлеба. Это вкушение имело двойное значение: внешнее, или нравственное, т.е. приучение к трезвой жизни, – и внутреннее, или духовное, т.е. тайное приготовление оглашенных к восприятию Евхаристии по их крещении. То, что христиане собирались ночью для богослужения, значит, что проповедование Евангелия было запрещено государственными законами. Прочтем еще *рескрипт* императора Траяна на имя Плиния⁷⁵:

«Форму следствия, любезный Секунд, в деле приведенных к тебе христиан ты соблюл такую, какую и следовало. Ибо в этом деле нельзя положить никакого общего закона, который бы имел вид определенной формы (разумеется, что трудно было устанавливать судебные формы против людей, коих нельзя было обличать ни в политическом, ни в гражданском преступлении, ни даже в дурном поведении). Не надобно их выискивать; наказывать их должно тогда только, когда их представят и уличат; однако с тем, что тех, которые не будут признавать себя христианами и это станут дока-

зывать поклонением нашим богам, таковых прощать, хотя бы прошедшая их жизнь и была подозрительна. По одним же безымянным доносам обвинять никого не должно, потому что это подало бы самый дурной пример (т.е. потачка доносчикам, или людям мстительным), да и не сообразно с духом нашего века».

Само собою разумеется, что полиция более всего и легче всего попадала на *оглашенных*, которые, как всякий поймет, не могли доставить ей полных сведений о настоящем христианском вероисповедании. Отчасти меры для приостановления, отчасти же любопытство областных начальств или же правительства были главною причиною стольких пыток, мучений, *мучеников* и *мучениц*, коих память и доселе хранит Вселенская Церковь. Верные не выдавали своих сочленов Церкви по твердости веры, а *оглашенных*, которые не могли вполне насытить любопытство или подозрение начальств (подозрение, которое по свойству своему не имело границ), обвиняли в преступлении *упрямства*, за которое и жестоко наказывали. Эту историческую истину, которая по тогдашним отношениям уже сама по себе понятна, ничто так не подтверждает, как признание императору Траяну самого Плиния, который говорит, что все признания и показания подсудимых, каковы бы они ни были, казались ему недостаточными и что он рассудил *наказывать их за непоколебимое упрямство (pervicaciam certe et inflexibilim obstinationem debere paniri)*. Читатель мог в его докладе заметить, что показания подсудимых христиан были самые откровенные и что, несмотря на эту откровенность их, пытки и терзания доказывают всю глубину ненасытности римского любопытства.

Но, может быть, кто-либо скажет, что так как по превращении Иудеи в область римскую жители ее, сделавшись соотечественниками стольких стран, разбрелись для промышленности по разным городам Малой Азии, островам, Греции и даже в столицу, и везде им позволено было иметь свои синагоги, то могло быть гораздо безопаснее отправлять богослужение (проповедование Евангелия) публично, чему

подали пример сами апостолы, как видно из их деяний, описанных Евангелистом Лукою? Отвечаем: это *новое* учение, ныне обнявшее весь земной шар, было запрещено и подвергалось гонению законов, потому что оно ниспровергало господствовавшее верование.

Из рескрипта императора *Марка Аврелия Антонина* к Сенату видно, что существовало постановление арестовать всякого за то только, что он христианин. «Бывши в войне с маркоманнами, – пишет он, – и окружен быв неприятелем в продолжение пяти дней на месте безводном, я велел созвать из войска христиан, коих по справкам оказалось *великое число (magnum eorum inveri numerum)*» и проч. После прибавляет, что в утомительном безводии они обратились с молитвами к небу и вскоре пошел проливной дождь, а на неприятелей ударила молния с градом (*grando ignea*). «Потому-то позволим им быть христианами, – вследствие чего постановляю не брать под суд человека за то только, что он христианин» и проч. «И повелеваю также, чтобы это постановление мое было повсеместно подтверждено и Сенатским Указом». Впрочем, продолжавшиеся гонения на христиан ясно показывают, что Антониновы преемники не соблюдали его постановления.

Когда Плиний принимал против них свои меры, могли еще жить ученики самих апостолов (из коих всякий имел их значительное число), потому что от времен апостольских до времени Плиния не более обыкновенного, или *среднего*, человеческого века. Разошедшись во все концы для проповедания Евангелия, апостолы некоторым образом разделили между собою народы. Св. Марк Евангелист отправился в Александрию, где и положил начало Египетской Церкви. Иаков апостол остался в Иерусалиме. Петр апостол удалился в богатую столицу Сирии и всего Востока, в *Антиохию*. По следам апостола Петра действовали в Антиохии апостолы Варнава и Павел: многочисленные ученики их в сем городе *первые* стали называться *христианами* (Д. А. гл. XI, ст. 26), так что сие имя из Антиохии распространилось по вселенной.

з) О состоянии нынешнего шрифта у славянских племен

Пример западных народов, *не трогавших однажды установленного шрифта*, может послужить спасительным уроком для славянских племен, которые *так горько* и доселе хлопочут о своей азбуке.

Конечно, число букв латинского алфавита недостаточно для выражения всех звуков, находящихся в языках не латинского происхождения. Несмотря на то западным народам и в голову не приходило вопиять об изобретении новых знаков для пополнения алфавита. Они без дальних хлопот сложили по две, по три буквы для выражения лишних звуков своего наречия, напр. *-gna-*, *-ch-*, *-sch-*, *-dge-* и проч., и с тех пор ни одному образованному народу не вздумалось изменять эти составы *сложных* букв.

Но у славянских племен совсем противное. Мы видели выше дополнение латинского алфавита у словенцев. Кажется, нечего и желать больше. Не тут-то было. Новейшие их сочинители грамматики отвергли это дополнение алфавита, и всякий из них начеканил свое особенное. Для звука [ж] Копытарь принял *-sh-* Метелко за нечто вроде *-ж-*, Даинко – *-x-*. Для звука [з] Коп. – *-s-*, Метелко – русск. *-з-*, Даинко – *-z-*. – Для звука [ц] Коп. – *-z-*, Мет. – латинск. *-n-*, Даинко – *-c-*. Для зв. [ч] Коп. – *-zh-*, Мет. – русск. *-ч-*, Даинко – нечто вроде русск *-ц-*. Для зв. [ш] Коп. – *-sh-*, Мет. – церк. *-ω-*, Даинко – фигуру арабского числа 8 и проч.

Таким образом, теперь у словенцев *три разных* алфавита! Выгода большая для народа, который, не зная кому последовать, должен будет или три раза переучиваться читать, или бросить книги. Что же за причина подобному непостоянству? Спросите. Простая страсть, врожденная славянскому человеку, *усовершенствовать* (т.е. терзать) фигуру букв!

Между тем, народы греческого исповедания принятый ими греческий алфавит дополнили буквами из так называемого глаголического шрифта, напр. *-б-*, *-ж-*, *-ч-*, *-ш-*, *-ц-*. Следовательно, русский алфавит полнее и совершеннее латинско-

го, потому что заключает в себе знаки для всех возможных звуков, существующих во всех славянских наречиях.

Здесь-то именно кстати сказать слова два о *глубоком легкомыслии*, которым славянские племена отличаются от прочих народов Европы и Азии.

В языке задунайских славян те же звуки, какие в русском; следовательно, что может быть для них достаточнее прекрасного русского алфавита? Правда, сербы и кроаты греческого исповедания приняли русский шрифт; несмотря на то, нашлись между ними мудрецы, которым некоторые буквы *не понравились* (!), например, -я-, -ь-, -ю-, -ы-. Вук Стефанович умудрился и для выражения звука я вставил в русский алфавит пять новых знаков: -*ĥа*-, -*ĥа*-, -*ња*-, -*ља*-, -*сја*- вместо -*тя*-, -*дя*-, -*ня*-, -*ля*-, -*ся*- и проч.! Вместо -*ь*- он ввел -*е*-, -*је*-, -*ије*-, и пишет в своем словаре тройко, например, слово *блѣый*: *бел*, *бѣл*, *биѣл*! С чего же хлопотал Вук без всякой на то нужды? Разумеется, чтобы добиться славы реформатора. Печальная слава! В Венгрии, между сербами, у него уж есть подражатели. В Сербии правительство запрещает подражать этому *кривописанию*. Кого же должно слушаться бедное сербское юношество!

Сербы и кроаты латинского исповедания употребляют алфавит латинский, следовательно, необходимое пополнение должно было установить *одно только постоянное*. К несчастью, врожденный славянскому человеку *злой гений исправлять и усовершенствовать* письма ввел несколько алфавитов в *одном и том же языке*! В одних местах -*дя*-, -*ля*-, -*ня*-, -*тя*-, -*ся*- пишут -*гуа*-, -*луа*-, -*нуа*-, -*туа*-, -*суа*-; в других -*гја*-, -*лја*-, -*нја*-, -*тја*-; в третьих -*ghia*-, -*glja*-, -*gnja*-, -*cchja*- и проч.! Звук [ж] выражают одни чрез -*х*-, другие чрез -*с*-, третьи чрез -*sc*- и т.д.

Само собою разумеется, что последствия подобного раздора как в алфавите, так и в правописании должны быть плачевны. Поясним примером.

Жив Гундулич, именитый гражданин города *Дубровника* (*Ragusa*), в 1627 году написал *Османиаду* в 20 больших

песнях, в которых певец воспеваает подвиги султана *Османа* в войне с Польшею. Эта *эпопея* издана в Дубровнике в 3-х частях, в 1826 году. Издатель выставил свое правописание. В пример приведу:

*Sbor Dvoranaa nuka Zara
Put Istoka ako isaghje,
Protivnike sve da shara
Da od plemena Gljubi isnaghje,
Da mir s`Poglskiem Kragljom slosci,
Korevskomu strasce usmnosci.*

*S`ljepom druscbom na put prescno
Poklisarsè Zarski stavglja,
Ter k` Varscjovu tjek pospjescno
Kros raslika mjesta upravglja.
Uprascjàga Begh Bogsanski,
Ki bji Turski rasap lanski.*

«Жители Кроации и Славонии, – говорит издатель, – могут гордиться этою эпопеею точно так же, как и греки своим Гомером, римляне Вергилием, Италия своим Тассом». Я с этим совершенно согласен, потому что ни одно из славянских племен не может представить столь большого и столь изящного стихотворного произведения. Но, к несчастью, жители Кроации и Славонии не только не гордятся этою поэмою, но даже и не наслаждаются ею, потому что не умеют ее читать; так, напр. *isaghje* прочтут *ишагье*, *Kragljom* – *крагльом*, *upravglja* – *управгла*, *usmnosci* – *усмноци* и проч.

Равно и жители Сербии, Боснии, Черногорья и сербы венгерские могут ею гордиться, но, увы, у них русский алфавит, а издатель сделал ее для них почти так же недоступною, как и для жителей Руси. Немного яснее была бы она для русских филологов, если бы и была издана по *кривописательным* выдумкам *Вука*. Приведенный образец я переложу русскими буквами.

*Сбор Дворана нука Цара
Путь Истока ако ѝ зайде,
Противнике све да сгара,
Да (о)д племена Люб` изнайде,
Да мир с Польском Кралем сложи,
Коревскому страж` умножи.*

*С лепом дружбом на путь прешно
Роклисар се Царский ставля,
Тер к Варшову тек поспешно
Кроз разлика мест` управля.
Упраша га Бег Богданский,
Кой би (бе) Турский расап ланский.*

Во всех 20 песнях содержится 11 864 стиха. Пышность языка, богатство рифм, плавность и хореическая мерность стихов, сила и картинность выражений, не уступающие *Песни о полку Игоревом*, суть общие достоинства этой бесценной эпопеи.

Жив Гундулич был почти современником *Тасса* (скончавшегося 25 апреля 1595 года). В их время во Франции, Англии, Германии едва еще начинали писать *в плохой прозе*. Тасс, Ариост и другие ранние итальянские великие поэты показали западным народам пример, что можно произвестъ великое творение не только на языке Вергилия, но и на *своем природном*.

Если творение Тасса на Западе имело влияние на возрождение изящной словесности, то творение Гундулича еще скорее должно было указать славянским племенам путь к изящному, тем более что русак, лях, чех *скорее* понять его могли, нежели немцы или англичане Тасса.

Не надобно упускать из виду, что почти у всех народов изящный вкус в литературе зарождался более *от отличных образцов*, нежели от *учебных правил*. Правила грамматические составлялись из законов *существовавшего уже* языка; точно так же и правила изящной версификации основыва-

лись на чтении изящного образца; автор образца сам творил для себя правила.

Первому путнику по этой стезе предстоит много опасностей сделаться *жертвою неудачи*. Этот пример сбился над нашим *Тредьяковским*. Не имел пред глазами славянского образца, он хватился за гекзаметр латинский, весьма тяжелый и вовсе *не свойственный* не только русскому языку, но тем менее еще и прочим славянским наречиям. На всякий случай Тредьяковскому должно было видеть славянский образец.

Всякий русский читатель знает, что новейшие наши поэты следовали образцам французским и немецким. Теперь же кто не пишет порядочных стихов после *Певца в стане русских воинов* или *Руслана и Людмилы*? (Несмотря на то, что не только эпическая метрика, но даже и лирическая у нас не установлена филологически, отчего и происходит, что в чтении ямбов и там *натягиваем*, где *нет ударения*, с половины XVIII по половину XIX века!)

Опыт скучных *силлабических* стихотворений *Яна Кохановского* (изд. в Кракове в 1629 г.) не произвел у поляков важных последствий на установление метрики. *Красицкий* в своей *Мышиаде* (изд. в Варшаве, в 1780 г., в *X песнях*) довольно сносно подражал Тассовым *октавам*, но в стихах все-таки силлабических. У чехов и моравцев и доселе не согласны в правилах метрики. У славян задунайских, на языке коих и для коих писана *Османиада*, стали кое-где проявляться *скучные* и безвкусные рифмачи. Сколько они потеряли единственно от того, что творение их Тасса лежало с лишком 200 лет для них недоступным, на острове, так сказать, уродливого далматско-итальянского *кривописания*! Кто знает, если бы поэма *Жива Гундулича* была сообщена кирилловским шрифтом большинству нации (т.е. греч. исповедания), то давно уже не развила ли бы она в ней этико-метрический вкус, тем более, что народ весьма богат *народными героическими* рапсодиями? Кто знает, не заронила ли бы она и в Россию в продолжение 200 лет со множеством перебывавших у нас сербов и кроатов, подобно Тассовой, занесенной итальянцами в Испанию и Францию?

Как бы то ни было, но если задунайские славяне повредили себе, то этим обязаны *легкомыслию*, т.е. *непостоянству*, – отличительной черте своего характера.

Одному польскому филологу не понравились некоторые из наших букв; он пресерьезно советовал заменить их польскими. «Что за безобразная фигурка?!» – воскликнул он, указывая на букву -ж-. «Помилуйте, – возразил я, – поглядите, в каких она пышных фижах, какая у ней *талия*, – словно придумана, чтоб выразить слово *жена*». Он покачал головою и уехал в Варшаву, вероятно при мысли, что -ж- едва ли представляет звук *женский*. Сколь много и долго ни печатали немецкие племена, однако ни одному из них не приходило на мысль изгонять из своего алфавита буквы потому, что *талия* многих из них слишком дородна, или изменять их потому, что многие *весьма похожи* между собою. Восточные народы, аравитяне, персы, турки, татары, несмотря на недостаточность и сходство многих букв, свято придерживаются донныне однажды *установленного* алфавита и правописания, подобно Алкорану или знамени Магомета. Вот почему и донныне *легко* читают древнейшие свои рукописи, тогда как у нас серб не может прочесть произведения серба же! Славянские племена *запутывают* свою письменность в сети, ими самими *приготовленные*.

В 1833 году *Берлич* издал полную грамматику сербо-кroatского языка. В предисловии справедливо жалуется на введение разных алфавитов в словесность одного и того же народа. Между прочим замечает, что жители латинского исповедания много теряют, не зная, что происходит будет в литературе кирилловско-гражданского шрифта, и в заключение советует им принять его. Несмотря на то в своей таблице алфавитов предлагает своим землякам свой собственный, который он *состряпал* из латинского, Вуковских, Даинковских и Метелковских затей; кажется, человек сначала хорошо судил... и наконец все-таки свихнулся. Этот алфавит уже 21-ый из существующих у славян!

В Красной Руси *Вацлав Олесский*, собиратель народных русских песен, решил издать их для галицийских русаков

латинскими буквами по польскому правописанию в 1833 году. В 1835 году он нашел уже подражателя в русаке, г. *Лозинском*, который тоже издал польско-латинскими буквами свое *Ruskoje Vesile, opysannoje...* в *Перемышле*, в типогр. *Владычной*, – не смотря на то, что в той же есть и русский шрифт! Если студенты Львовского университета, из коих большая часть русаки, распространят эту новость и если воспитанники Харьковского поддержат свое *правописание, котре оны себе смастеровалы, то тогда будэ нове словянске столпотворенные.*

* * *

Намереваясь, читатель, говорить о *письменах у словенцев* во время Римской империи и о том, что те же письменна были и у прочих славянских племен до их крещения, то невольно рождается вопрос: *почему же они не оставили памятников своей языческой письменности и словесности, подобно грекам и римлянам?*

Причина этому состояла в *слабом* уважении славянских племен к *священной ненарушимости шрифта и правописания*, т.е. во врожденной склонности старое бросать, а за новое приниматься, следствием чего было *истребление* забытых памятников. Причина, кажется, совершенно аналогическая с причиною, которая замедлила у них раннее развитие *изящных искусств*, как мы старались пояснить себе в предшеств. § 10.

По крайней мере дошел до нас *древний славянский алфавит*, за что мы одолжены не *рассудительности* славян, но *посторонним обстоятельствам.*

12. Словене сльвут старожилами (γῆραιδες) Паннонии

Та часть Словенской земли, которая, примыкая к Дунаю от границ Баварии по Белград, была низменнее, открытее прочих, всегда *первая* подвергалась нападениям, наконец нашествию соседних народов (см. ниже, в томе III, статью: *Военная история Дунайской долины*). Но чаще всего была предметом споров и войн та прекрасная ее часть, которая лежит

между реками *Савою* и *Дравою* (т.е. Южн. Паннония – ныне Славония и Кроация). С тех пор, как *сербы* (*thervingi*, по Аммиану, – *gotthi* по Малху и другим) завладели Верхнею Мизией (ныне Сербия и часть Боснии), то и жители Южн. Паннонии стали подвергаться разным притязаниям со стороны этих *новых* соседей.

С 373 года жители Паннонии подверглись владычеству *опять других* соседей, гораздо сильнееших. В это время повелевал многочисленными жителями днепровских, днестровских стран и Русских (Карпатских) гор сильный *Велимир*. В 369 году произошло на *Днестре* («*Prope Danastri margines*» – Амм.) ужасное поражение *thervingorum*. Война продолжалась *четыре* года и кончилась тем, что побежденные признали власть *Велимира* (*regis hunnorum*) и вышла за него внучка Винитаря, *Володимера* («*Valadamarca*» – *Jorn.*, сар. 24), в 378 году. *Велимир* и его преемники постоянно посылали в землю Словенскую (*in Pannoniam*), отделяемую только Дунаем, свои полки для содержания гарнизона *в продолжение 50 лет*. Наконец только в 724 году гарнизон выведен из Паннонии. *Марцеллин*, правитель Иллирика (писал по 535 г.), в своей хронике говорит: «Индикта X, при консулах Гиерии и Радиборе земли Паннонии, которыми владели *hunni* в продолжение 50 лет, римлянам возвращены»⁷⁶.

Вскоре, однако, жители Паннонии снова перешли в зависимость от *Аттилы*. После его смерти отложились от его сыновей не только *фервы* (*thervingi*, *gotthi*), но и жители Паннонии, которые были независимы, потому что первые были заняты распрями с византийцами, а после завоеванием Италии; но когда Феодорик Великий укрепил свое царство, то в 506 году решился завоевать Южную Паннонию по реку *Драву*. Эту войну описали современники, епископы *Еннодий* и *Иорнанд*, а равно и *Marcellinus Comes*. Последним правителем коренных жителей страны был Тразерик, а после него стали управлять народом люди Феодориковы.

Писатели VI века хотя и упоминают слово *Pannonia*, но ее *коренных* жителей никогда не называют паннонцами (*pan-*

pones). Необходимость отличать их от *новоприбывших* завоевателей и соседей внушила нескольким писателям именовать их греческим словом *γήπαιδες*, т.е. просто, *старожилами Паннонии*, от слов *γή* – земля, страна, и *παίς*, род. *παῖδος*, множ. *παῖδες* – мальчик, сын. Следовательно, *γήπαις* означает: *коренной уроженец страны*, или, короче, – *старожил*. Слово это, бывшее в употреблении у греков, а преимущественно у Прокония (единственно), перенято и некоторыми латинскими писателями в том же смысле; иные из них сохраняют греческое правописание *geraes*, *geraedus*, *geraedes*, но другие пишут даже *gepida*, *gepidae*. Так именует жителей *Еннопидий* (в панегирике своем Феодорику), когда говорит о завоевании их страны; так именует и *Иорнанд* (сар. 41) 15 000 *старожилов* Паннонии, долженствовавших воевать в Галлии под его знаменами.

Впрочем, был еще лучший повод ко введению слова *γήπαιδες* в потребление. Мы видели, что жителей Южной Словении называют *краинцами*, хотя, собственно, и они словенцы же, как и донцы, суть русь, несмотря на то, что русскими себя не называют. *Краина* у них значит *земля, страна* (*patria*), следовательно, *краинец* имеет смысл: *коренной уроженец страны – старожил*. Очевидно, сами краинцы, по ежедневному сообщению с греками и римлянами, передали им значение слова *краинец*, потому что никаким словом его передать так нельзя, как чрез *γήπαις*, *geraes*. Точно так же мы видели буквальный перевод слова *словене* чрез *ῥῆτοι*, *rheti*, что выше нами подробно объяснено.

Между тем как *краинская* отрасль словенцев слыла *geraedes*, то северную те же писатели половины VI века (*Иорнанд* и *Проконий*) называют *slaveni*. Если оба писателя отдельно упоминают о двух отраслях одного и того же народа, то они правы не только по существующему оттенку в прозвании, но и потому еще, что северная отрасль находилась тогда в других политических отношениях, между тем как княжество Краинское (*Geraedum*) терзали между собой *huppi*, Феодорик и *византийцы*. Само собою разумеется, что это греческое название *коренных жителей Словении* должно

было выйти из употребления впоследствии, когда *новые* народы пообжились в Империи.

Писатель половины IV века до появления *новых народов* этих же *старожилов* Паннонии называет *словенцами*. Это брат св. Григория Назианзина, *Кесарий* (о котором многое у Барония, под 354 и 362 и др. годами). В своих *разговорах* о суеверии и обычаях у разных народов говорит между прочим следующее о жителях Паннонии: «Или каким же образом под той же полосой (градусом) *словенцы* и *физонцы*, которых зовут и *дунайцами*, одни из них охотно едят груди от того, что наполнены молоком, а другие воздерживаются даже от законом дозволенного употребления мяса?» Кажется, названия должно читать в этом порядке: «*физонцы* и *словенцы*, которых называют и *подунайцами*», – потому что к Дунаю примыкали только словенцы, собственно так называющиеся. *Phisonitae* (вместо *phisontae*) названы тоже по реке, отделяющей краинцев от Ломбардо-Венецианского королевства. Ее краинцы называют *Соча* (название славянское, так как и в других славянских странах есть *Сочи* и *Сочавы*). Итальянцы называют ее *Изонцо*, римляне – *Sontius* и *Isontius*. Известия о жителях этой страны (*сочаванах*) Кесарий мог получить в Цареграде, где он писал, только чрез греческих матросов, бывавших в Триесте (Tergesti). Разумеется, что из имени *Isontius* они образовали *isonitae* или даже *phisonitae*, т.е. *сочавские* краинцы (см. стр. 206).

Итак, вот вам свидетельство писателя 350-х годов о *словенцах* как жителях *Pannoniae*, *Rhetiae*, *Norici*, покойных подданных Рима, о чем я уж довольно говорил, и во время Кесария подданных имп. *Констанция*.

В пополнение истории слова *gepaedes* прибавим еще то, что писатели века не первые его употребляли. Оно встречается уже у Ливия, только в измененном виде. Если писатели средних веков греческое слово *gunedes* изменили в *gepidae*, то римские превратили в *japidae*, точно так же как и греч. *sauromares* в *sarmatae*. Что *japidae* и *gepidae* означают одно и то же, доказывается тем, что оба писателя дают их *одному и тому же*

племени, т.е. краинцам, но только Ливий и Страбон *истрийским*, а Иорнанд *южно-паннонским*.

За 167 лет до Р.Х. *jaridae* присылали послов против бывшего консула *Кассия* (Liv. Lib. 43, cap. 6). За 126 лет до Р.Х. они поразили конс. *Семпрония* (lib. 59).

Их страна завоевана в царствование Августа. Вот что говорит о них *Страбон* (кн. 4): «Они некогда процветали и распространялись на обе стороны, усиливаясь грабежами; наконец, при Августе побеждены и завоеваны». Следовательно, *Тиберием*, в первую Словенскую войну.

Конечно, слово *geraedes*, как не *собственное* существительное, не громко в истории; несмотря на то нужно его понимать и принимать в *настоящем* его смысле; в противном случае вкрадется в историю *фантазмагория*. К несчастью, эта фантазмагория существует почти во всякой исторической книге новейших времен. Не говоря о множестве сочинений, которые только мимоходом касаются земли Словенской, *генидов* и т.п., мы приведем только несколько примеров из таких изыскателей, которые труды свои посвятили особенно древностям *rannoniarum*.

Выпишем несколько выражений, представляющих главные понятия, из 49-го тома важного исторического труда, носящего название: *Allgem. Welthistorie, durch eine Gesellschaft von Gelehrten in Deutschland und England. Halle, 1795* (т.е. *Всемирная история, составл. Обществом ученых Германии и Англии. Engel*⁷⁷). В переселении (если оно было) народов, между прочим: «С *Аттилою* рушилась великая его держава... Она ушла далеко за Черное море в свои азиатские пределы необозримых степей. Можно себе вообразить, какие важные перемены должен был произвести этот переворот в новом населении подунайских стран».

Решительно никаких, потому что в этом выражении нет *решительно никакого* смысла: а) если автор здесь говорит о разрушении *политического тела* потому только, что монархия подразделилась, то его выражение похоже на следующее: *С Владимиром В. пала Россия и вошла за Дон в свои азиатские*

пределы, или: *С Карлом В. рухнула его империя и вошла в свои зарейнские пределы*. Смыслу нет, потому что Империя сохранилась в его *династии*; б) если же он, воображая, что *hunní* были монголы (как сам утверждает на стр. 424), словом «разрушение империи» хочет выразить *уход в Азию народа*, чтоб по Дунаю очистить место другим народам, то он совершенно ошибается и впадает в монголо- или татароманию, против которой громко вопиют не только логика и обстоятельства, но и все свидетели, начиная с *Приска*, современника Аттилы, до *Эгингарда*, секретаря Карла В.

Не стану упоминать (по *Приску*) о неготиации сыновей Аттилы с византийским двором о *вольном* судоплавании гуннов по Дунаю; не стану исчислять (по *Прокопию*, VI стол.) всех союзов и войн Иустиниана с *hunní*; не стану повторять (по другим) об их войнах в VII стол. за владение Славониею и Кроациею; не стану приводить (по *Павлу Диакону*) не только владычества этих *hunní* (в V, VI, VII и VIII столетиях) над Паннониєю, ни о вечных *вмешательствах* (interventions) в дела Краинского княжества (*Gripidarum*), *Фриульского*, *Ломбардского* и вообще Северной Италии; не стану указывать (по *Фредегарю*), что эти *hunní* ежегодно сменяли свой гарнизон в Моравии, Богемии и Бранденбурге по 620-тые годы; – повторяю только слова *Эгингарда* о войне их (конч. в 799 г.) с франками, в которой они лишились Ретии и Норика: «Сколько сражений происходило в этой войне! Сколько пролито крови, свидетельствует пустынная Pannonia и главное место Кагана, до того разоренное, что и следов его не осталось. В этой войне погиб весь (?) цвет *гуннов*, пала их слава и все их богатства расхищены. Человечество не припомнит себе такой войны против франков, в которой, однако, они обогатились».

Несмотря, однако, на потерю Норика, эти *hunní* все еще не исчезали с лица земли, потому что франки Карловы были до Дуная, а от Дуная до Волги осталась еще *гигантская* Гунния, не меньше империи Карловой. В продолжение IX века *они* же не раз громили Византию и осаждали Царьград, несмотря на то, что тогдашние писатели уже не называли их *hunní*.

13. О географии Словении

Сколь важно и необходимо в области мышления и выводов определение значения слова, доказывают бесчисленные запутанности и недомолвки не только в истории, но и во всякой другой науке. Напрасно логика, тем более логика историческая, займется определением и законами силлогизмов, ибо выводы до тех пор будут ложными, пока словам не будут открыты и определены настоящие их значения. Самая логическая часть логики есть определение *постоянных значений слов*, определение понятий о вещах. Самый здравомыслящий народ есть тот, у коего в словарях определены значения всякого слова, ибо подобный определительный словарь есть *высочайшая логика*, предотвращающая тысячи недоумений и разногласий.

Таким образом необходимо было определить значение словам и в исторической науке, тем более, что исторические имена имеют разные отношения к месту, народописи, происхождению, веку, писателю, т.е. имя историческое может быть: а) собственно-народное, т.е. которым вся масса народа сама себя называет, напр. *словене*; б) собственно-частное, коим часть народа для отличия от другого называет себя, напр. *краинцы, жупаняри, коромцы*; в) собственно-местное, когда часть народа называется по имени места, напр. *бенетяне, норийцы* и проч. То же самое отношение имен нарицательных того же народа, т.е. таких, коими другие народы его зовут на своем языке: а) нарицательно-народное, напр. ῥῆτοί, rheti; б) нарицательно-частное, напр. istrii, illygii; в) нарицательно-местное, хотя и взятое с подлинного названия места, но, по худому правописанию иностранцев, неудобовразумительное, напр. ταυρισκοί, taurisci, араβισκοί arabisci, norici. Сверх сего, имя может быть а) *писательное*, т.е. которое встречается только у одного писателя: одному писателю оно и принадлежит, хотя бы оно встречалось и у другого, но как перенятое у первого, напр. *germani* у Юлия Цесаря, перенятое Страбонем и Тацитом etc.; б) *временное*, т.е. которое было в ходу у нескольких писателей только одного известного времени,

столетия, напр. *gothi*, *hunni* или *unni*; в) официальное, т.е. под которое правительство включало известную полость страны в определенных границах, хотя бы племя простиралось всплошь и чрез оныя, напр. *rheti*, *norici*, *illyrii*, *istrii*, *vindelici* у римлян; г) неопределенное, которому писатель не назначил ни пределов, ни значения определенного, исключительного, напр. кельты, скифы или турки у арабских писателей; д) *непостоянное*, которым у одного писателя обозначается один народ, а у другого другой, напр. *hunni* у греческих писателей – русь, *hunni* у Beda *Venerabilis* – **балтийские, или померанские славяне**, *les huns* у Дегинья, по неправильному его чтению (вместо *shuns*, или, лучше, *сюнь*) – **временное прозвище (sobriquet), прилагаемое монголам на китайском языке** китайцами же; или: *alani* – татарские племена у Ам. Марцелина, и *alani* – древние франки у других; е) *созвучное*, напр. *fenni* – чухонцы, *venni* или *venne-laine* – русские славяне у чухонцев, *vinuli* – балтийские славяне у западных писателей, *хун-ну* – прозвище (**sobriquet chinois**) **на китайском языке, даваемое монголам.**

Бедное человеческое внимание! Кому достанет терпения разбирать, к какому разряду этого многосложного подразделения принадлежит всякое историко-народописное или географическое имя! К несчастью, подобные различия в значениях имен действительно существуют. Итак, никто *не имеет права толковать* Ливия, Страбона, Плиния, Тацита, Прокопия и других, как древних, так и средних веков, писателей, кто прежде не изучил, не постановил себе этого подразделения, этого отличия в значениях имен; иначе он не может назначить всякому имени настоящее его место в этом подразделении, т.е. понятия его о значении слов будут *неопределены*, выводы его *безотчетны, неверны*, и он сам себя, и другой его весьма легко может запутать. Так, напр. если мнение его будет то, что древние называли словен иллирийцами, и даже подтвердит это (что он законно может сделать) несколькими ссылками, цитатами, то я противоположу другое, а именно, что древние подразумевали словен под именем *rheti*, и тоже

подведу *цитаты*; третий скажет, что, напротив, *veneti*, по смыслу древних, были словене, и в подтверждение этого приведет *цитаты* или места из древних, в коих встречается *veneti*, а *venedi* у средних; иной, наконец, скажет: эх! Все эти народы были вовсе не словене, которые зашли туда только в VI веке (на это последнее нет, впрочем, никаких доказательств)! Что же остается делать бедному неученому читателю?

Эти, по-видимому, противоречащие себе и взаимно себя уничтожающие мнения суть просто имена, принадлежащие, по значению своему, к разным разрядам, но, в самом деле, означающие один и тот же предмет. Те, которые брались давать подобные мнения, прежде должны были хорошо *зарубить себе на стене*, что у всякого древнего писателя своя особенная, собственная историко-географическая номенклатура; что тот, кто отважится ссылаться на какого-либо писателя, должен прежде подробно изучить географию и ее номенклатуру того летописца. Сколько цитат случалось мне видеть, в которых приписывался выражению древних такой смысл, какого у них вовсе не было! О, цитаты легко набираются, это знают многие хваты: стоит только заглянуть в прилагаемый к Страбону или Прокопию *index* собственных имен, чтобы доискаться *lib. et cap.** любимого имени, даже не изучивши ни Страбона, ни его географии! Нередко встречаются и такие хваты, которые древних явно заставляли противоречить себе. Примеры этому мы увидим ниже, при удобном случае.

Так как историко-географическая номенклатура одного писателя редко сходна с номенклатурою других, то содержание всех вместе составит тот лабиринт или хаос, из которого, кажется, *никто еще* из изыскателей и историков *сухим не выходил. Аминь безотчетным цитатам!* По крайней мере до тех пор, пока не будет прежде критически изложена география и этнография всякого древнего писателя – труд, за который еще никто не принимался. Непременно должно войти и в понятия, и в погрешности древнего писателя; я должен не всему поверить и не все принимать буквально то, что у Плиния, Тацита,

* Книгу и главу (*лат.*). – *Прим. сост.*

Страбона, или Прокопия, или Аммиана Марцеллина; и древних должна очистить здравая критика, т.е. определить всякому свое относительное значение. И это именно составило бы *ключ к писателю*. Тогда ищущие подтверждений и цитат с уверенностью могут прибегать к *ключу*, а не к индексам.

Общие синтетические категории народных имен во всех подобных ключах подразделяются на выше изложенные мною разряды названий этнографических. Это есть пробирный камень, поверительная таблица, к которой всякий должен прибегать для разбраковки народных имен. Эта таблица должна примирить враждебствующие мнения, указывая всякому свое место в лестнице вероятностей, т.е. она покажет, что, напр. три мнения об иллирийцах, венетах и *rhet*'ах не суть три противоборствующие друг другу мнения, но три *недоумения*, в сущности справедливые; что их общий недостаток заключается в одной и той же исключительной приверженности к одному частному названию этнографическому; – в противном случае все изыскания будут *напрасны*, косвенны (*des recherches manquées*), ибо они всегда оставляют после себя или *настоящие*, или *кажущиеся* поводы к возражениям из других писателей и под другими этнографическими именами. Чтобы не оставлять никакого повода к новым возражениям, то необходимо нужно сделать *свод всех писателей*, упоминавших об известной стране или народе.

Из этого географического *свода писателей* о какой-либо стране или народе соберется значительное число названий, из коих *главное искомое* есть *собственное имя*, имя народа или племени. Если объяснить примером, нам уже известным, то это имя есть *словене*; все же остальные названия представляют *частные, географические* или *нарицательные* его принадлежности, и могут относиться ко всем или ко многим разрядам наших номенклатурных категорий.

Это *главное искомое*, это *собственное имя* есть главная цель изысканий, главный предмет истории. Возьмем, напротив, какое-либо *официальное* имя, напр. Pannonia, и спросим, какой смысл может заключать в себе выражение: *Geschichte*

von Pannonien, histoire de la Pannonie, история Паннонии?! Если под историей мы должны подразумевать дела человека, людей, населявших Паннонию (да и что другое можно подразумевать?), то каким образом могу я машинально заключить идею и все пружины жизни и волнений человеческих под одним именем, которому пределы обозначены римскими землемерами? Да и могла ли Паннония иметь свою, отдельную от всего римского тела, жизнь? Ужели не тот же пульс, коего сердцем был Рим, бился и в Паннонии, как и в других провинциях Империи? Слово «история Паннонии» не более выражает, как и «история Саратовской губернии».

Но если соображать жителей Паннонии отдельно от их завоевателей, как особый, не итальянский народ, то ужели Паннония и в этом отношении может представить нечто отдельно-полное? Ужели племя, населявшее Паннонию, не простиралось за официальные ее границы? Кто решился бы сказать, что этнографическое разграничение идет наравне с политическим?

Так как предмет истории есть *народ*, то она не останавливается (не должна останавливаться) на границах официальных названий, не ограничивается политическими пределами одной области; она следует через эти линии до тех пор, пока не кончится один язык и не начнется другой.

Таким образом, она обойдет кругом и опишет пределы (народописные, этнографические) всего племени; она оцветит одною краскою несколько различных областей; в разных извилах проведет она свою краску посреди, поперед провинции, составит целое – и надпишет имя народа. Такова изыскательная история.

Для чего же история должна это делать? Для того, что она обязана отдать отчет в борьбе народа с народом (итальянского с не итальянским), в торжестве первого, в падении и страданиях последнего. Цепь всех *унизительных условий* в жизни составляет историю последнего; официальное разграничение на части и все *официальные события* в этих частях принадлежат к истории первого.

История необходимо должна короче познакомить читателя с тем народом, с которым боролись римляне; в противном случае какой историк в состоянии оценить эту их борьбу и степень напряжения сил Италии? История должна еще описать весь этнографический круг народа для того, чтобы узнать, какие силы противились или могли противиться римлянам. Во всяком случае, жители не одной только так называемой Паннонии ратовали за свою независимость, но и окружающих с нею провинций.

Но теперь я прошу вас сказать мне, какое понятие, какое сведение сообщат вам следующие выражения: *римляне тогда завоевали Иллирик; римляне завоевали Паннонию; римляне завоевали Норик, Ретию?* Что эти разные имена выражают? Где здесь *народы?* Впрочем, Паннония, Норик, Ретия официально образовались только после их завоевания; следовательно, подобные выражения походили бы на следующее: *россияне завоевали у нагайцев Саратовскую губернию.* Очевидно, что выражаться подобным образом значит говорить *задним числом.* Итак, все еще остается вопрос: *с каким же народом именно воевали римляне?*

Никому не приходило в голову разобрать этот вопрос, рассмотреть предмет его внимательнее, подробнее и приблизительнее; никто не думал сообразить народно-характеристические отношения этой нации не только к римлянам, но и к другим соседним независимым народам, а посему никто не думал вникать в тот существенный источник, который мог питать враждебную римлянам силу, который мог приуготовить рано или поздно освобождение народа из-под иноземного владычества.

Возьмем еще другой пример официальных имен с Задунайского полуострова, – возьмем *Эпир, Фессалию, Македонию, Мизию, Триваллию, Фракию,* – спросимся, какая разница между выражением: *римляне покорили Эпир, македонян,* и выражением: *римляне покорили фракийцев* и т.д.? Если история должна представлять борьбу народа с народом, языка с языком, нравов с нравами, постановлений и обычаев с поста-

новлениями и обычаями, то выставлены ли наружу все черты народности жителей Задунайского полуострова для того, чтобы показать, с какою массою, с какою народностью должны были бороться жители Апеннинского полуострова? Была ли какая-либо разница между жителями Македонии, Фракии, Мизии, Эпира? К какой именно касте человеческого слова или рода принадлежали македонцы, фраки, мизийцы, эпироты? На каком основании, по какой причине жители Македонии и Фракии принимали участие в защите Эпира от римлян? Если *Мигдон* было название местечка, *Миздония* и *Македония* околицы по названию местечка, то как называть мне самый народ? Если история должна не упустить из виду ни одного народа, то почему она по падении Римской империи и по прекращении *официальных* имен Эпира, Македонии, Фракии и проч. совершенно бросила из виду участь коренных жителей сих стран, жителей, имевших свою отдельную народность как от греков, так и от итальянцев, но столько же важных в историко-этнографическом отношении, сколько эти два народа? Задунайский полуостров попеременно сносил три долговременных ига: 1) римлян под именем волохов, 2) руси под именем болгар, 3) татар под именем турков; какой же именно этот *четвертый, туземный народ*, который со времен Персея и Павла Эмилия по наше время переносил владычество римлян, россиян и татар? Кто? Кто этот народ? Кому пришлось в голову обратить внимание на храброе, оригинальное, отличное от всех народов европейских племя арнаутов, или албанское (скипетарское)? Чем оправдает история свое преступное молчание о целом народе, испокон века населяющем богатейшую страну древнего мира?

Скажите, что говорится о македонянах, о фракийцах и мизийцах в древней истории; к несчастью, эти слова так мало выражают, что читатель всегда останется в каком-то недоумении. Спрашиваю, кто имеет ясное и определительное понятие о народности македонян и фракийцев? Кажется, об этом мало заботились; упоминаемо было о македонцах потому только, что о них упоминали древние; все понятия исторические о

них заключаются в том только, что они не были греки; но и об этом те только знают, которые у древних греческих писателей находят, что греки называли македонян *варварами*, т.е. *не греками*. Стоило только весьма немного потрудиться, определить себе этот негреческий народ.

К несчастью, этому противилась географическая номенклатура, с которою не знали как управиться. Разные имена противоборствовали идее *единства народного между ними*; всякий находится почти в *безотчетной* неизвестности, чему верить; всякий думает отделаться от исторической ответственности тем, что прикрывается *задним числом* или официальными названиями. В детстве, однажды, сидя на училищной скамейке и повторяя хронологически-постепенное покорение римлянами эпитрофов, македонцев и фракийцев, я просил учителя продиктовать мне несколько слов на эпитрофском, на македонском и на фракийском языке, для чего приготовил было и тетрадку, и перо. Подобное требование родилось во мне от того обстоятельства, что значительная часть соучеников моих принадлежала к разным славянским и неславянским племенам; таким образом, невольно приучившись судить о народности всякого соученика по его языку, родилось было во мне любопытство узнать и народность македонян и фракийцев и эпитрофов по их же языку. И действительно, ничем так не ознакомляемся с народом, не сближаемся с ним так коротко, как знакомством с его языком. Привычки, физические черты более или менее могут быть одни и те же, или похожи между разными народами, но язык часто противоположен. Сказать: «*это особенный язык*» значит одно и то же, что «*особенный народ*». Особенный язык составляет особенную сферу идей, особенную печать жизни народной. Если вы не входили в пределы этой особенной сферы, не сочувствовали народу по знакам (словам) его впечатлений, по образу его мыслей, вы с этим народом не можете быть знакомы, вы не можете о нем судить.

Душа, *Гений* народа выражается и заключается в его языке, сила мысли, сила его жизни проявляется в его произ-

ведениях. Начало нравов и привычек его так тесно сопряжено с происхождением и образованием слов его, что *logographia* и *ethnographia*, т.е. *языкопись* и *нравопись*, народа какого-либо составляют то целое, ту гармонию в условиях народной жизни, в которой только и можно открыть те действительные пружины народной деятельности, которые очень нередко избегают взоров самых строгих наблюдателей.

Резкие очерки в языке народов чаще всего сопровождаются резкими же очерками и в их характере. Развитие характера народа на поприще жизненной его деятельности идет наравне с развитием его языка. Мы должны здесь припомнить следующие истины:

1. Всякий человек мыслит на каком-либо языке.
2. На ином языке лучше мыслить можно, нежели на другом.

3. Мыслительность языка зависит от его грамматического, словопроизводного и оборотного, или фразеографического, устройства. Есть языки, на которых нельзя написать *Логик*; есть тоже такие, кои проведут вас по всем сферам мечтательности.

4. Развитие народа, или развитие его деятельности, идет наравне с гибкостью или развительностью его языка. Ориенталисты удивляются пышному богатству арабского языка, а историки – чрезмерной и внезапной вспышке народного арабского духа на поле действий и мышления (брани и наук). Объяснять ли, почему грек долгое время имел превосходство перед всяким европейцем? Или чем другим можно объяснить резкую разницу в характере и действиях немцев и французов? Климат тот же у обоих, устройство человека физического то же у них, произведения, пища почти те же: не нахожу тех достаточных наружных причин, которые бы производили между этими двумя народами столь резкую черту. Итак, если есть какая-либо существенная разница между немцем и французом, как между людьми, то она находится именно в их языке. Французский язык, как наречие, очень беден, но беднее всего самую важную отрасль мышления – *словопроиз-*

водством, т.е. тою способностью языка, которой развиваются из одного слова разные понятия. Чтобы пособить этому недостатку, французские ученые прибегают к латинским словам, которые составляют более одной трети в этом языке; несмотря на введение их в словари, они более или менее чужды народу, *ненародны*, ибо не развиваются самовольно из уст народа. На таких словах народу неловко мыслить, ибо прежде он должен изучить их, т.е. дать им определение; между тем как народ, развивающий слова по собственной своей этимологии, не имеет нужды изучать их определение или значение, как, напр. русский. Существенная разница между такими языками есть та, что знание первого народу *стоит труда*, знание последнего *не стоит никакого*; что в первом народ не всегда одинаково затверживает значения, а в последнем наоборот; что в первом, кроме негибкости в формах народного наречия, изучение слов затрудняет мыслительность, а в последнем нет этого затруднения.

Вот по какой причине один народ может быть более *поверхностным*, как француз, и более *рассудительным*, как немец. Богатство немецкого языка, а преимущественно удобство в образовании сложных имен, доставляет немецкому народу то *удобство мечтать*, о котором француз и понятия не имеет⁷⁸.

14. О скипетарах и Скиперии

а) Их пределы: нынешние и древние

В одном из самых скрытых и непроходимых углов Европы сохранился во всей чистоте своей один из древнейших народов в истории. Это *скипетары*⁷⁹ в делях Албании – народ совершенно забытый историками, несмотря на то, что играл великую роль в истории, то есть что одна из четырех империй на карте времен (Александра Великого) есть его! Сколько лилось крови этого храброго народа, сперва за славу Рима, после в защиту Цареграда и, наконец, за знамя Магометово до нынешнего дня! Несмотря на то, сыщите ли в

скрижалих истории времен хоть один вопросец о политическом или моральном состоянии, или вообще об участии *скипетарского* народа после Александра Великого?! Правда, вы читали о македонцах, о фракийцах и т.п., но понимали ли вы, о чем читали?

И могли ли вы после того принимать в них какое-либо участие? Во всех византийских писателях вы ничего не найдете, кроме слова *ρομαιοι*, которое иные принимают в значении *римляне*, а другие переводят *греки*, а *скипетары* везде забыты... Только с недавнего времени кое-где встречается слово *les albanais*. Между тем, как нелепая наша история наполнена фантастическими существами – вроде *жеспедов* и проч., целый *живой* народ исключен из нее, – исключен из внимания.

Я посвящаю *скипетарам* эту статью, *во-первых*, потому, чтобы поправить нанесенную им обиду; *во-вторых*, потому что они были *исконные* соседи как *словенцев*, так и русского народа.

Что касается до нынешних их пределов, то они простираются от границ Черногорья к югу до Лепантского залива, к западу граничат с Адриатическим морем, к востоку – с высочайшим хребтом, тянущимся от *Глуботинского* в Южной Сербии прямо к югу до пределов Греческого королевства.

В пределах так называемой Албании живут местами и болгаре, а местами и сербы; зато есть *скипетарские* селения и вне Албании. Так как *народописной* карты европейской Турции, на которой было бы оцвечено другим цветом *скипетарское* ее население от славянского, не скоро дождемся, то здесь и трудно дать понятие о *населительном* их отношении к пределам *всего* (древнего) их отечества. Древние их пределы мы увидим ниже.

б) Их язык и нравственное состояние

Язык *скипетаров* принадлежит к общей основе языков Малой Азии. Здесь прилагаю краткое о нем понятие в примерах.

1. Имена существительные

Русский	Скипетарский	Русский	Скипетарский
Бог	<i>Перенде</i>	Голова	<i>Крзя</i>
Небо	<i>Иет</i>	Волосы	<i>Леша</i>
Земля	<i>Фея</i>	Глаз	<i>Сью</i>
Вода	<i>Уя</i>	Нос	<i>Хунда</i>
Камень	<i>Гура</i>	Брови	<i>Ветула</i>
Дерево	<i>Дру</i>	Лицо	<i>Ликура</i>
Дом	<i>Шпия</i>	Язык	<i>Глюха</i>
Окно	<i>Парафира</i>	Губа	<i>Бузта</i>
Огонь	<i>Зиар</i>	Зуб	<i>Фымб</i>
Зола	<i>Ли</i>	Рука	<i>Дора</i>
Дым	<i>Каине</i>	Палец	<i>Глиштарь</i>
Свеча	<i>Кири</i>	Ноготь	<i>Фон</i>
Селение	<i>Вшатэ</i>	Ухо	<i>Веша</i>
Город	<i>Касаба</i> (тур.)	Борода	<i>Мивкра</i>
Отец	<i>Бабе</i> (тур.)	Грудь	<i>Кепта</i>
Мать	<i>Мума</i>	Спина	<i>Краха</i>
Сын	<i>Бир</i>	Живот	<i>Шторда</i>
Сестра	<i>Мотра</i>	Нога	<i>Кымба</i>
Брат	<i>Влай</i>	Кольцо	<i>Глюа</i>
Дядя	<i>Лало</i>	Человек	<i>Нери</i>
Конь	<i>Каль</i>	Женщина	<i>Гро</i>
Овца	<i>Фен</i>	Церковь	<i>Клиша</i>
Корова	<i>Леп</i>	Священник	<i>Прифти</i>
Коза	<i>Фи</i>	Архиерей	<i>Владика</i> (болг.)
Бык	<i>Ка</i>	Груша	<i>Далда</i>
Турок	<i>Турк</i>	Арбуз	<i>Карбуз</i>
Туркия	<i>Кыдына</i> (тур., по-русск. – <i>госпожа</i>)	Каун	<i>Каун</i>
Болгарин	<i>Скляв</i>	Черешни	<i>Чреш</i>
Болгарка	<i>Склир</i>	Персики	<i>Дзардзапе</i>
Серб	<i>Сырби</i>	Пшеница	<i>Грур</i>
Грек	<i>Грык</i>	Ячмень	<i>Эмб</i>
Албанец	<i>Скипетар</i>	Рубаха	<i>Кмиш</i>
Арнаут	<i>Скипетар</i>	Солдат	<i>Моское</i>

Еврей	<i>Чуфут</i> (тур. <i>мерзкий</i>)	Русский	<i>Русс</i>
Колодезь	<i>Пус</i>	Цвет	<i>Люпера</i>
Река	<i>Чешмв</i> (тур. <i>колодезь</i>)	Стакан	<i>Кефть</i>
Гора	<i>Дыбаир</i>	Стекло	<i>Стрикыл</i> (слав.)
Лис	<i>Пиул</i>	Сукно	<i>Постав</i> (слав.)
Виноград	<i>Вешт</i>	Хлеб	<i>Бук</i>
Гроздь	<i>Руш</i>	Кушанье	<i>Тхар</i>
Яблоко	<i>Мол</i>	Мука	<i>Миел</i>
Перо	<i>Пенд</i>	Чернило	<i>Милана</i>

2. Имена прилагательные

Русский	Скипетарский	
	Мужеск.	Женск.
Добрый; -ая	<i>Имир</i>	<i>Амир</i>
Злой	<i>Иллиг</i>	<i>Аллиг</i>
Высокий	<i>Илярд</i>	<i>Алярд</i>
Низкий	<i>Иогол</i>	<i>Аогол</i>
Красный	<i>Икут</i>	<i>Акут</i>
Синий	<i>Имави</i>	<i>Амави</i>
Черный	<i>Изез</i>	<i>Азез</i>
Белый	<i>Йбард</i>	<i>Абард</i>
Толстый	<i>Йтрам</i>	<i>Атрам</i>
Тонкий	<i>Ихол</i>	<i>Ахол</i>
Хороший	<i>Топал</i>	<i>Топале</i> (тур.)
Прямой	<i>Идрет</i>	<i>Адрет</i>
Кривой	<i>Иштрембор</i>	<i>Аштрембор</i>
Сухой	<i>Ифат</i>	<i>Афат</i>
Мокрый	<i>Илагд</i>	<i>Алагд</i>

Из этого примера видеть можно, что *скипетары* прилагают окончания родов к прилагательным не с конца, а с начала. Среднего рода не имеют. Замечательно еще то, что прилагательные, означающие вещество, из которого что-либо состоит, имеют совсем другое начало, а именно – *ка-*, например:

Русский	Скипетарский	Русский	Скипетарский
Железо	<i>Хекур</i>	Железный	<i>Кахекур</i>
Сукно	<i>Постае</i>	Суконный	<i>Капостае</i>
Дерево	<i>Дру</i>	Деревянный	<i>Кадру</i>
Стекло	<i>Стрикыл</i>	Стеклянный	<i>Кастрикыл</i>
Пшеница	<i>Грур</i>	Пшеничный	<i>Кагрур</i>
Ячмень	<i>Эльб</i>	Ячменный	<i>Казльб</i>

а) Склонения

Склонений два, одно *мужское*, другое *женское*. Существительное склоняется, если стоит одно, но не склоняется при прилагательном, которое, в таком случае, подвергается склонению.

Мужское				
Ед. ч.		Солдат	Отец	Человек
	Им.	<i>Москов</i>	<i>Бабе</i>	<i>Нери</i>
	Р.	<i>Московит</i>	<i>Бабит</i>	<i>Нериут</i>
	Д.	<i>Московит</i>	<i>Бабит</i>	<i>Нериут</i>
	В.	<i>Московин</i>	<i>Бабин</i>	<i>Нерин</i>
Мн. ч.	Им.	<i>Московыр</i>	<i>Бабара</i>	<i>Нерира</i>
	Р.	<i>дыр Московыр</i>	<i>дыр Бабара</i>	<i>дыр Нерира</i>
	Д.	<i>дыр Московыр</i>	<i>дыр Бабара</i>	<i>дыр Нерира</i>
	В.	<i>Московырт</i>	<i>Бабарат</i>	<i>Нерират</i>

Женское				
Ед. ч.		Женщина	Корова	Сестра
	Им.	<i>Гро</i>	<i>Леп</i>	<i>Мотр</i>
	Р.	<i>Грос</i>	<i>Лепос</i>	<i>Мотрыс</i>
	Д.	<i>Грос</i>	<i>Лепос</i>	<i>Мотрыс</i>
	В.	<i>Грон</i>	<i>Лепын</i>	<i>Мотран</i>
Мн. ч.	Им	<i>Гра</i>	<i>Лепра</i>	<i>Мотра</i>
	Р.	<i>дыр Гра</i>	<i>дыр Лепра</i>	<i>дыр Мотра</i>
	Д.	<i>дыр Гра</i>	<i>дыр Лепра</i>	<i>дыр Мотра</i>
	В.	<i>Грат</i>	<i>Лепрат</i>	<i>Мотрат</i>

б) Склонение с прилагательными

Мужеское			
Ед. ч.		Добрый человек	Высокий солдат
	Им.	<i>Имир Нери</i>	<i>Илярд Москов</i>
	Р.	Смирит Нери,	Слярдит Москов
	Д.	Смирит Нери,	Слярдит Москов
Мн. ч.	В.	Тмирын Нери,	Тлярдын Москов
	Им.	Тмирыр Нерира	Тлярдыр Московыр
	Р.	дыр Тмирыр Нерира	дыр Тлярдыр Московыр
	Д.	дыр Тмирыр Нерира	дыр Тлардыр Московыр
	В.	Тмирырт Нерира	Тлярдырт Московыр

Женское			
Ед. ч.		Добрая сестра	Белая женщина
	Им.	<i>Амир Мотр</i>	<i>Абард Гро</i>
	Р.	Смирыс Мотр	Сбардыс Гро
	Д.	Смирыс Мотр	Сбардыс Гро
Мн. ч.	В.	Тмирын Мотр	Тбардын Гро
	Им.	Тмира Мотра,	Тбарда Гра
	Р.	дыр Тмира Мотра	дыр Тбарда Гра
	Д.	дыр Тмира Мотра	дыр Тбарда Гра
	В.	Тмират Мотра	Тбардат Гра

в) Степени сравнения

К положительной степени прилагается в сравнительной *-мый*, а в превосходной *-шум*, например, *илярд* – высокий, *мый-илярд* – высший, *шумилярд* – высочайший.

г) Числительные

1 – *ни*

2 – *гью*

3 – *три*

4 – *катр*

5 – *пес*

6 – *гьяшит*

7 – *штат*

- 8 – *тэт*
- 9 – *нынт*
- 10 – *виет*
- 11 – *нимбадиат*
- 12 – *гьюмбадиат*
- 13 – *тимбадиат*
- 14 – *катрымбадиат*
- 15 – *гьяштамбадиат*
- 17 – *штатамбадиат*
- 18 – *тэтамбадиат*
- 19 – *нынтамбадиат*
- 20 – *низет*
- 21 – *нисте ни*
- 22 – *нисте гью*
- 30 – *тридиет*
- 40 – *юзет*
- 50 – *песдиет*
- 60 – *гьяшидиет*
- 70 – *штадиет*
- 80 – *тэтигет*
- 90 – *нындиет*
- 100 – *никинт*

Числительные порядочные образуются чрез прибавление к началу количественных и в мужеском, и в женском роде, например, *игьют* – второй, *агьют* – вторая, *итрети* – третий, *атреты* – третья, *ипеси* – пятый, *апеси* – пятая и проч.

3. Местоимения

а) Личные:

- я – *ун*
- мне – *мо*
- меня – *мо*
- мы – *неве*
- нам – *дыр неве*
- нас – *неве*

ты – *тин*
тебе – *кюн*
тебя – *кюн*
вы – *юве*
вам – *дыр юве*
вас – *юве*
он – *аю*
ему – *атит*
его – *атын*
они – *ато*
им – *дыр ато*
их – *ато*

б) Притяжательные:

мой – *имия*
твой – *ютия*
его – *атит*
наш – *юнее*
ваш – *юи*
мои – *тимет*
твои – *тындет*
наши – *тонат*
ваши – *тоят*
их – *дыр ата*

4. Глаголы

Неопределенное наклонение *скипетарских* глаголов оканчивается, то есть *начинается*, буквою *-т-* или слогом *-ты-*, например:

пишу	<i>Шкрой</i>	писать	<i>тышкрой</i>
ем	<i>Ха</i>	есть	<i>тха</i>
покупаю	<i>Бле</i>	покупать	<i>тыбле</i>
режу	<i>Пресс</i>	резать	<i>тыпрес</i>
сизу	<i>Ру</i>	сидеть	<i>три</i>
вижу	<i>Шох</i>	видеть	<i>тшох</i>
пью	<i>пи</i>	пить	<i>тпи</i>

плачу	<i>клай</i>	плакать	<i>тыклай</i>
бью	<i>рах</i>	бить	<i>трах</i>
зову	<i>фрес</i>	звать	<i>тыфрес</i>
делаю	<i>пуной</i>	делать	<i>тпуной</i>

5. Спряжение

а) Настоящее

		<i>делаю</i>	<i>бью</i>	<i>зову</i>
я	<i>ун</i>	<i>пуной</i>	<i>рах</i>	<i>фрес</i>
ты	<i>тин</i>	<i>пунун</i>	<i>рехан</i>	<i>фретан</i>
он	<i>аю</i>	<i>пунун</i>	<i>рехан</i>	<i>фретан</i>
мы	<i>неве</i>	<i>пунуем</i>	<i>рахим</i>	<i>фресим</i>
вы	<i>юве</i>	<i>пунуенс</i>	<i>рахни</i>	<i>фресне</i>
они	<i>ато</i>	<i>Пунуен</i>	<i>рахин</i>	<i>фресин</i>

б) Прошедшее

		<i>делал</i>	<i>бил</i>	<i>звал</i>
я	<i>Ун</i>	<i>пунойта</i>	<i>раха</i>	<i>фрита</i>
ты	<i>Тин</i>	<i>пунойта</i>	<i>раха</i>	<i>фрита</i>
он	<i>Аю</i>	<i>пунойти</i>	<i>раху</i>	<i>фрити</i>
мы	<i>Неве</i>	<i>пунойтим</i>	<i>рахым</i>	<i>фритым</i>
вы	<i>Юве</i>	<i>пунойтит</i>	<i>рахыт</i>	<i>фритыт</i>
они	<i>Ато</i>	<i>пунойтин</i>	<i>рахын</i>	<i>фритын</i>

в) Будущее

		<i>буду делать</i>	<i>буду бить</i>	<i>буду звать</i>
я	<i>Ун</i>	<i>дот пуной</i>	<i>дот рах</i>	<i>дот фрес</i>
ты	<i>Тин</i>	<i>дот пуном</i>	<i>дот рахым</i>	<i>дот фресым</i>
он	<i>Аю</i>	<i>дот пуной</i>	<i>дот рахи</i>	<i>дот фреси</i>
мы	<i>Неве</i>	<i>дот пуноме</i>	<i>дот рахим</i>	<i>дот фресим</i>
вы	<i>Юве</i>	<i>дот пуноне</i>	<i>дот рахне</i>	<i>дот фресне</i>
они	<i>Ато</i>	<i>дот пуноин</i>	<i>дот рахин</i>	<i>дот фресын</i>

6. Предлоги

Что касается до предлогов, то из следующего примера можно усмотреть, что они *управляют* падежами, напр.:

Стол	маса
под столом	капыртош масыт
при столе	деи масын
за столом	капрапы масыс
в столе	ды масы
под столом	гыссипыр масыс

Вот краткое понятие о языке народа, с которым *словенцы* искони граничили по Дрине, в Боснии и по Герцеговине. Через *скипетаров* с лишком давно в Царьграде знали их название. Вот почему византийские писатели, начиная с *Кесария*, в половине IV века постоянно следовали скипетарскому выговору, если писали *sclaveni*.

Обстоятельство, что в последствии времени скипетары этим именем стали называть болгар (даже и сербов), поясняется тем, что болгаре еще прежде завладели словенскую землю и поселились между словенцами уже с 377-го года, как мы видели выше свидетельство Марцеллина. Это именно и показывает, что они видели, что *hunni* и *sclaveni* близки между собою в языке, так что почли их тоже за *sclaveni*. Это уже заметил и Прокопий, когда сказал: «*Sclaveni Hunnogum mores sequuntur*». Точно так же, как и мы по первому племени называем и *мещеряка*, и *киргиза* и *бухарца* татарами, – *саксонца*, *швейцарца* и проч. немцами потому только, что соплеменники⁸⁰.

III. Период с Аттилы по Карла Вел., т.е. с 450 по 800 год, в койй подвергались владычеству так называемых гуннов, или аваров (болгар), собственно жителей Руси

1. Нашествие жителей Руси

Легко ли сказать, что в истории Pannoniae, Norici и т.д. после римлян настал *Русский период*. Страшно и подумать от-

пустить подобную вещь после стольких исследований скандинавومانов о *происхождениях Руси*, не правда ли?

Нет, не говорите. Вы слушайте только; я заставлю говорить самих римлян, а после – уже попрошу вас говорить, – потому что надобно будет отдать отчет *логике*.

Марцеллин, правитель Иллирика (*Marcellinus Comes Illyrici*), в своей хронике, которую он кончил в 535 году, под 427 г., как мы видели выше, говорит: «Индикта X, при консулах Иерии и Ардабуре (Ратиборе), *обе Паннонии*, которыми *гунны* владели в продолжение 50 лет, возвращены римлянам».

Следовательно, так называемые гунны овладели Паннониями в 377 году.

В 377 году жил другой *Марцеллин*, *Аммиан*, который и описал это событие (см. *Amm. Marcell. Histor. Lib. XXXI*). Больше свидетелей не нужно.

Теперь обратимся к тем хронистам, которые должны оправдать мнение, высказанное в I томе моих изысканий, – что другие писатели именно этих завоевателей называли *болгарами*.

Мы видели, что *Аттила* снова отнял у римлян, после войны 441–446 гг., Паннонию между реками *Дравою* и *Савою*, а равно и *Сербию* (Верхн. Мизию) по город *Ниш*. Следовательно, так называемые *gotthi*, коим впоследствии даны были эти области с условием служить Империи без жалованья, очутились уже в зависимости от гуннов.

Когда *Аттила* собирался в поход в Галлию, то за ним последовали и его вассалы, *Ардарик* со своими *словенцами* (паннонцами) и *Велимир* со своими *готфами*.

Готфы при жизни *Велимира* владели и частью Словенской земли, между реками *Савою* и *Дравою*, по соизволению *Аттилы*. После смерти сего грозного завоевателя, в 454 году, сыновья его разделили между собою его Империю; *Ирнаку* досталась северная половина, а *Денчичу* южная. С тех пор готфы отошли от союза с гуннами, как своими угнетателями, и перешли на сторону византийцев; в залог верности *Велимир*, как говорит *Иорнанд*, отправил племянника (лучше сына) *Феодорика* в Цареград для воспитания, около 467 года.

Но этот союз недолго продолжался, ибо уже в 482 году возмужалый *Феодорик Велимирович*⁸¹ опустошил Македонию, Фессалию и ограбил ее столицу Лариссу.

Беспорядки во внутренней страже Империи тогда дошли было до того, что некого было противопоставить этим грабителям. Итак, решились укротить их ласками. Велимировича произвели в чин полного генерала и в консулы и упросили защищать против гуннов берега Дуная от Видина до устья (*Marcell. Com. Ad arm. 484*).

Прослужив 4 года, Феодорик поссорился с *Зиноном* императором и, ограбивши все по самый Цареград, возвратился восвояси, т.е. в свои владения, и в 488 и 490 г. присоединил к ним Италию, и – союз рухнул.

Послушаем, что говорит о подвигах его на службе *Еннодий*, епископ Павийский (род. в 473 и ум. в 521 г.), бывший два раза его посланником в Цареграде, в своем панегирике Феодорику: «Но что мне сказать, имея пред глазами моими столько твоих деяний, превышающих всю меру похвального слова? Не знаю, какие выбирать колосья, и какие оставлять. Имею пред глазами *Либертема*, вождя болгар, пораженного твоею десницею, но не кончившего жизнь для того, чтобы быть памятником твоей славы; но и он вышел с бою без раны, чтобы впредь не гордился. В своем народе непобедимом он будет носить на себе знак силы твоей. Если бы он умер от раны, тогда ты бы победил одно тело, как остался в живых, сделал тебе честь.

Народ этот, который до тебя прибирал себе все, чем ни захотел владеть; в котором уважают только того, кто почесть заслужил кровью неприятелей, у которого благородное рождение считают по месту сражения, ибо чьи стрелы чаще всего багровели кровью в сражениях, тот без всяких околичностей получает высшую почесть; которому до тебя не случалось отступать; который в продолжение многих времен совершал войны одним походом, одним только ударом, – их (болгар) не были в состоянии удержать ни горские засеки и пропасти, ни реки, ни недостаток в пище и нужда, потому что довольству-

ются кобыльим молоком»⁸². Почему ж и не кобыльим, преимущественно в походе, где на коровах не ездят?

Читатель легко заметит, что здесь говорится об *Аттиле* и его так называемых у Приска гуннах. Это тем явственнее, что епископ то же говорит, что говорил *Приску Ритору* один грек, бывший в службе *Аттилы*. «*После, сражавшись храбро под знаменами Аттилы против римлян и на Днепре, я получил в награду добычу вместе со свободою; женился на гуннянке и, удостоившись любви и стола Онигизиева (собственно «Негишева», что докажем после), почитаю себя гораздо счастливее, чем в Империи: ибо заслуженные храбростию воины у гуннов имеют великие права и преимущества, и пользуются своим заслуженным именем вполне без всяких забот и обязанностей*».

Завоевание Рима Феодориком Велимировичем должно было обратить на себя внимание двора византийского, но *Зинону* с 491 г. наследовал слабый *Анастасий*; 27-летнее царствование его было бурно; **ариане произвели возмущение за недо-**ставление им равных прав с православными; Феодорик два раза посылал *Еннодия* в Царьград ходатайствовать в их пользу, а в третий раз *Иоанна*, епископа Римского (*тогда папы еще не существовали*), Феодорик и его готфы были христиане арианского исповедания точно так же, как и *их потомки* во время собора в Салоне, в 1060 году.

Византия нуждалась в новых союзниках, если Феодорик сделался ее врагом. Послушаем дальше *Эпнодия*: «Но после исчисления мирных ваших занятий возвратимся опять к войне (бывшей в 506 г.). Да, опять к войне труба зовет речь мою, Сремская область (между Дравою и Савою) некогда была границею Италии; в ней постоянно стояли начальники и наблюдали, чтобы стрелы собравшихся там народов не полетели в тело римское. Но впоследствии она по нерадению правителей досталась во власть *словенцам*⁸³. Вследствие сего происходили ежедневные наглости и частая пересылка напрасных посольств. Государь наш вознегодовал на лезть и ложные доводы и, кроме других *словенцев* (коих правителем *Гундерик*), на со-

мнительную дружбу *Тразерика*. Ты полагал, что не пособишь себе в своей обиде, ибо, будучи властелином Италии, давно мог ты ее приобрести. Даже недостаточна была и утешительная мысль, что не при тебе ее отняли, хотя, впрочем, весьма досадно, что похититель не возвратил ее тебе при самом начале владычества. Тебе кажется, что царство твое уменьшается от того, что не увеличивается.

Но когда обнаружались замыслы *Тразерика*, ты отправил не знающих еще сражения юных воинов к нему под начальством благороднейшего *Пейчи*: *Тразерик*, если согласится на предлагаемые условия, то пусть бы владел однажды уж завладенным. Но его непостоянство послужило к твоему счастью; он бежал и без принуждения со стороны войска твоего оставил, что был должен отдать. *Пейчо*, имея и от тебя наставление, и сам соображая бегство, тотчас нашел, что область не приобретена, но отказали в ней; и он не грабил ее как захваченную, не щадил как собственность.

Пока они там приводили в порядок, Византия, вследствие перехода *Мунда* к нам, оказала неприязненные действия, влача с собою *болгар* своих, которыми на войне угрожает она, как будто крепостными стенами. Тогда *Мунд*, полагая, что для его безопасности довольно, если твои полки тотчас узнают о положении его дел, положился на быстроту вестцов. *Пейчо*, однако, издали высмотрев непобедимое *болгарское* юношество, стал твои полки поджигать возбуждательными словами.

Гласу его вскоре последовала труба, а за трубой грохот, подобный скату со крыш бурного града, так и племя Марса грянуло. Долго знаменные древца колебались в неизвестности победы, когда с обеих сторон возгорелось равное ожесточение. Сбегались в рукопашку два народа (болгаре и сербы – выходцы из Симб., Рязан., Нижег., Пенз. губ., – а другие из-за Эльбы!), которым средь мечей никогда не было ведомо отступление; взаимно удивлялись найти подобных себе, и или *сербу* дерзнуть противостать, или *болгарину*. Между тем все еще победа колебалась, и перистые смерти (стрелы) потемняли воздух, как вдруг взяла верх мысль о нашем Государе, что каждого заслу-

ги имеют у него место. Обратился в бегство народ, наказанный более тем, что бежал, нежели тем, что побежден». Слышите, стыднее бежать, нежели быть побежденным.

«Что упоминать о поражении и о постыднейшем бегстве вождя Сабиниана? Между тем Римское царство (т.е. *Regnum Gothorum*) вошло в свои пределы, – и сремцы стали жить по старым законам», и проч.

Об этом сражении говорит короче и яснее тогда живший правитель Иллирика:

506 г. «Индикта XIII, при консулах *Сабиниане* и *Феодоре*. Он же Сабиниан, сын великого Сабиниана, сделанный вождем, отправлен против *Мундона* (Мунда) родом из гетов, собрал войско в 10 000, которое повел в поход, таща за собою обозы с амуницией и с провиантом. Дал сражение при *Horreum Margi*, в котором потерял множество людей и обозы: в реке *Мораве* их перетонуло; он же с немногими бежал в замок *Nolo*. Столько убито военной надежды (молодых воинов) в этом несчастном сражении, что едва ли когда-либо можно ее вознаградить»⁸⁴.

Кто был этот *Мундон*, или *Мунд*, и откуда взялся, пояснит нам современный *Иорнанд* (Cap. LVIII): «*Феодорик*, выбрав в числе вождей своих *Пейча* (*Petzam*), послал его занять Сремскую область, которою и завладел, выгнав из нее ее владетеля *Тразерина* (*Trausarico*), сына *Трасиле*, и задержав его мать. Оттуда пустился с 2000 пехоты и 500 конницы в помощь *Мунду* против *Сабиниана*, главнокомандующего в Иллирике, который тогда собирался сразиться с *Мундом* при городе *Margoplano*, находившемся между реками Дунаем и *Моравою* (*Magnanum*), и разбил иллирийское войско. Этот *Мунд*, потомок *Амтилы* (судя по времени, внук его), оставив страну *Словенскую* (*Gepidagum*), за Дунаем в необитаемых степях, на коих нет земледельцев, неистовствует. Набрав разных воров, *скамаров* и разбойников, *Мунд* поселился в замке, называемом *Herta*, на той стороне Дуная (*Иордан* писал в *Равенне*, где большею частию пребывал *Феодорик*, сын *Велимиров*), и, оттуда грабя соседей, именует себя царем между своими разбойниками. Итак, в отчаянном его положении, в котором даже хотел было сдаться,

вырвал его из рук Сабиниана подоспевший *Пейчо* и сделал покорным (вассалом) своему королю Феодорику»⁸⁵.

Здесь необходимо сделать несколько *пояснений*.

1. *Резкость в выражениях Иорнанда*. *Иорнанд*, или, как другие, – *Иордан*, был тоже, если хотите, *gothus*. Он монашествовал в Равенне. Кажется, *Велимирович* под конец пожаловал его в епископы. *Резкий* тон, с которым он говорит обо всем, касающемся до Аттилы, до его преемников, до его *hunni*, или до болгар, происходит именно из того, что мы *хотим доказать*.

Он тогда еще жил, когда его *gothos* (*сербов и кроатов*; разумеется, как гарнизон) Иустиниан выгонял из Италии. Для этого нужны были союзники. Известно, что при Велизарии находился целый корпус болгарской конницы, без которой плохое византийское войско ничего бы не сделало.

В описании Скифии (cap. V), между прочим, он говорит о жилищах болгар над Черным морем: «*Ultra quos distendunt iir supra mare Ponticum Bulgarorum sedes, quos notissimos pccatorum nostrorum mala fecere*». Т.е. Се»вернее Черного моря простираются жилища болгар, которые *за прегрешения наши сделались нам слишком знакомы*».

Теперь я вас спрашиваю: попытайтесь-ка пояснить это выражение, если не можете понять, что одни хронисты болгар же называли и гуннами? Если скажете, что при *Велизарии* или *Нарсесе* не было болгарского корпуса, то выражение *Иорнандово* не будет иметь никакого смысла, и по сей причине он бы его не написал: но так как оно существует, то оно и есть свидетельство очевидца, что болгарский корпус выгонял сербов из Рима, и доказательство тому, что, говоря по-русски, не надобно употреблять *hunni*.

Прокопий, секретарь Велизария, этот корпус называет *гуннами*. Что же за беда, если во всем его описании этой войны (*De Bello Gothico. Libri VIII*) нет не только слова *болгаре*, но и слова *сербы*. Этот же корпус был единственною подпорою успеха в войне с вандалами в Африке против страшной *бедуинской* конницы. *Прокопий* утверждает, что этот корпус призван из-за моря, и что древние его называли *массагетами*, а мы на-

зываем *гуннами*; а Иорнанд, прибавлю я, *болгарами*. Что ж тут за беда, господа монголо- и татароманы⁸⁶!

Хотя этого было бы довольно, я еще приведу свидетельство статс-секретаря Феодорикова, *Кассиодора*, из его краткой хроники.

549 г. «Индикта XI, Иоанн, вождь, преследуя *gothos* в Кампании (области), освобождает несколько сенаторов; но после пострадал от ночного нападения *Томилы* изменою его *болгар*».

Если Прокопиевых гуннов Иорнанд называет болгарами в описании своей *Scythiae*, то спросим, как он называет собственно русский народ. Он после означения жилища болгар непосредственно говорит: «А откуда уже (т.е. к юго-западу) гунны, как изобильнейший источник сильнейших народов, расплодились на две породы бешенствующих народов».

Несмотря на резкое выражение, всяк увидит, что Иорнанд говорит совершенно справедливо: ибо какие могут быть такие *две породы*, как не наших *бородачей* и *хохлов* (русских и русинов)? Прокопий в описании Руси выражается вообще: «А оттуда по океану (?) полей простираются бесчисленные гуннские народы». *Народы* во множественном числе и надобно принимать буквально, потому что это только способ выражаться у древних. Так и римляне про себя говорили: «*Populi Italiae*». Что касается до «*бесчисленные*» то понимай – *огромная нация*.

Причина Иорнандовой определительности проистекает от болгар, сообщивших ему, что-де по всему русскому Северу говорят везде сплошь одинаково, а по всему югу тоже сплошь одинаково, но что оба наречия друг друга понимают. Кто знает, если бы в то время Русь населял другой народ, также многочисленный, не распался ли бы он на 30 наречий?

Что монголов или татар быть не могло, тому доказательством свидетельство писателей всех веков о городах, селах и нивах Руси (об этом мы уж поговорим в особой статье). Как ни оглядывайся, чтобы приискать другой народ, который бы так же подходил под слова Иорнанда, как и русский, все-таки не сыщешь.

Кстати, здесь спрошу у монголоманов, татароманов и тевтоманов: *Приск Ритор*, бывший при дворе Аттилы, в записках об гуннах говорит (см. выше): «Они между собою говорят не только на своем языке, но и на *готфском*, и даже на *италийском* по причине частых сношений с Италией». Итак, если вы, голубчики, думаете, что *hunni* были монголы или татары, а *gothi* – саксонские немцы, то переведите мне это место из очевидца по-русски с тем, чтобы перевод был верен, заключал бы в себя истину, а не чепуху. Смотрите хорошо, а то *попадете в тиски*, потому что или должны отказаться от своего верования (т.е. от всего, что *маракали* по части истории, – а это не шутка, разрушить собственную свою славу!), или же сказать *величайшую глупость*, а именно: «Приск говорит: *монголы у себя говорят не только по-монгольски и по-немецки, но даже и по-итальянски, от частых сношений с Италией*».

Но *Приск* такой глупости не мог сказать. Так как в тех местах, чрез которые он проезжал, были поселены (переселены с Волги) болгары, то он и говорит: болгары в своей стороне говорят не только по-болгарски и по-сербски, но даже и по-итальянски, от частого с ними обращения. И действительно, какой болгарин не станет говорить с сербом, точно как и бородач с хохлом? Какой далматский серб не станет говорить по-итальянски? *Приск* говорит дело, а наши европейские мудрецы занесли *околесную*.

Из определительного Иорнандова понятия об огромности русского народа и подразделении на два наречия явно видно, что ему известно было слово *Русь*. Но он его не употребил по тому закону, по которому и мы не пишем *дейчеры* вместо *немцы*. *Gothi* и *hunni* суть слова, принадлежащие греческому и латинскому языку в те два-три столетия. Вследствие сего (*заметь хорошо*) закон здравого смысла велит переводить эти слова в скобках: *hunni (russi)*, а если писать по-русски, то: *россияне*, или *русь (у писателей V и VI вв. hunni)*.

Этого мало; здесь, в природе вещей, я вижу *новые тиски*, коих никто из писателей миновать не может. Болгары статистическим своим числом (2,5 миллиона) составляют менее,

нежели *десятую* часть русского народа (45 милл., вместе с русаками в Галиции, Польск. цар. и Венгрии). Эта пропорция включает в себе вопрос, которого миновать нельзя: если *десятая* доля русского народа, поселенная отчасти по Дунаю для содержания дунайской линии в V и VI веках, слыла или под *неприродным*, общим названием (*hunni*) у одних писателей, или под *природными* (*bulgares*) у других, то спрашивается, под каким именем слыла у тех же писателей *вся* масса могучего русского народа?

Ответ на этот вопрос состоит из *дилеммы* – опять из *логических тисков*. Или скажете, что в IV, V, VI (а у западн. пис. – в VII, VIII) столетии русский народ слыл под именем *hunni* (тоже и *abares*), или отпустите *великую нелепость*, что древний русский народ никак не называли, потому-де, что у них не встречается слово *russi*; или, переводя слова Иорнанда («Hinc jam Hunni, quasi fortissimarum gentium foecundissimus cespes, bifariam pullularunt»): «а оттуда (от жилищ волжских болгар) к юго-западу *русский* народ, как неисчерпаемый источник сильных народов, разросся на два племени», и, таким образом, постигнув *настоящий* смысл слов Иорнандовых, *спасете честь* своего здравомыслия; или же логика заклемит вас в тисках *клеямом глупости*, если вы, изменив смысл слов *Присковых* и *Иорнандовых*, заставите русский народ говорить с сербами (*gotthi*) по-монгольски или по-татарски.

2. *Замок Herta*. В Венгрии есть три древнейшие крепости (и при них города), которых названия одинаковы: Великий *Варадин* (Magno-Varadinum, немцы пишут: *Gross-Wardein*), *Арадин* и *Петро-Вирадин*. Четвертая крепость с городом есть в Восточной Болгарии, *Радин-град* (*Rasgrad* на картах). В Болгарии мне рассказывали предание, что его построила княжна *Рада* (обыкновенное имя в Болгарии) в то время (?), когда турки стали помогать европейского. Как бы то ни было, но имя всех этих древнейших крепостей и городов имеет один и тот же этимологический источник.

Иорнанд говорит, что *Herta* стоит на северном берегу Дуная. Но на левом берегу Дуная из древнейших крепостей нет

другой, кроме *Петро-Варадинской*, т.е. на самой границе *Сремской* области, о которой шел спор. Обстоятельство, что князь *Мунд* действительно добился области Сремской, доказывает, что крепость *Herta*, в которой он господствовал, есть именно перековерканное переписчиками *Варадин*, или *Вардин*.

3. Князь *Мунд*. Так как в разных книгах *пиитическое воображение* гласит, что-де «со смертию Аттилы от раздоров его сыновей рухнула его могучая держава, и гунны (русь и болгаре) поспешно удалились за Волгу в свои монгольские степи», и т.п. декламации (sic!), то любопытно знать, откуда же взялся внук Аттилы владельцем римской Южной Паннонии.

Еще около 468 году: «В то же время прибыло к императору *Леону* посольство от *сыновей Аттилы*, чтобы, устранив все причины прежних несогласий, заключить мирный договор. Византийцы *по старинному обычаю приезжали на Дунай* (морем в гавани дунайских городов) *торговли ради и для закупки для себя нужных товаров. Но это посольство, касательно сего же предмета, возвратилось безуспешно; ибо император не счел за полезное уступить уннам, сделавшим империи столько зла, торговые выгоды, принадлежащие византийцам*».

Дунай один из прекраснейших торговых с моря проводников внутри земель. Теперь, конечно, Средняя Европа не нуждается в промышленных произведениях Востока; потому-то теперь и подвозу мало к дунайским городам, но в V веке откуда было взять мануфактурные произведения Востока, как не по Дунаю? Приск утверждает, что торговля «*кипела*» по его городам. Дунайская Русь получала все в *Видинской* (*Viminacium*) гавани; черноморская, червенская и т.д.— из *Галацкой* (*Axiopolis*).

В заключение первого мира с византийцами Аттила вставил пункт III: «**торговле быть на равных правах и в равной безопасности, как для византийцев, так и для Руси**». Этот пункт был диктован победителем вследствие притеснений, сделанных жителям Руси со стороны византийцев. Под *правом торговать* не подразумевалось позволение Руси приходить за-

купать, потому именно, что от приезда русских покупателей зависела выгода греков; напротив, Атила подразумевал *равное право судоходства* как по Дунаю, так и к приморским греческим гаваням. Иначе этого пункта не поймешь. И действительно, Русь, богатая произведениями природы, могла терпеть большие убытки, если византийцам вздумалось запереть от ее судов устья Дуная; затворив Дунай и другие порты, византийцы отучили бы Русь от привозу русских произведений и тем самым открыли бы себе путь к берегам Руси для *снятия* товара, как говорится, на *стебле*, за пустую цену.

Итак, в войне Атилы заключалась высокая мысль, а не простая охота опустошать (*ausdlundern, etc. Vide script.*).

Из посольства сыновей его видно, что после его смерти византийцы стали опять стеснять Русь, разумеется, не желая уступить свои выгоды. Между сыновьями Атилы родилось несогласие касательно дальнейших мер; *Денчич* желал войны вопреки совету брата: «*Хочу Дунай*», – возразил и «*объявил войну византийцам, и не переставал владеть Дунаем*».

Впрочем, он кончил жизнь свою, по-видимому, изменою, подобно *Святославу*. Марцеллин под 469 годом пишет: «Индикта VII, при консулах **Зиноне и Маркиане** привезена в Константинополь голова *Денчича*, царя *hunnorum*, сына Атилы».

Так как князь *Мунд* (или, может быть, собственно *Жигмунд*) находился в уделе *Денчича*, то должно полагать, что он был из его сыновей, потому что *Ирнак* мог дать своим детям уделы только в землях, от него зависящих.

СКАНДИНАВОМАНИЯ И ЕЕ ПОКЛОННИКИ

или

СТОЛЕТНИЕ ИЗЫСКАНИЯ О ВАРЯГАХ

І. О варягах вообще

Ровно сто лет тому назад, как один немецкий ученый (профессор С.-Петербургской Академии наук – *Феофил Зигфрид Байер*) поднял вопрос о варягах: *кто такие были варяги*¹?

Взглянем прежде всего на свойство вопроса. Так как слово *варяги* как название народа встречается на севере, в одних только русских летописях, то значение его и следует объяснять из выражений русской же летописи, потому что если Нестор известный народ называл только по-русски, то иностранные писатели тот же народ называли *по-ихнему*, т.е. иначе. Следовательно, вопрос *кто были варяги?* – и слишком общий, и не прямой: собственно надлежало только спросить: *кого же Нестор из современных ему народов называет варягами?* И определить, как русское слово *варяги* переводится по-немецки или по-латински у западных писателей.

Подобным образом, если бы вздумалось какому-либо тегеранскому мулле заняться историческими исследованиями о европейских народах по европейским же источникам и спросить, что за народ были *niemtzones*, то достопочтенный *мулла* сделал бы в своей диссертации жестокий промах, если бы решился искать следы русского слова *niemetz* в языках немецком, французском, итальянском. Если бы, действительно, решился

на такой подвиг, то пустился бы по необходимости за одними созвучиями в разные европейские словари! Тут-то было бы обширное поле соображениям, цитатам, ссылкам, посылкам, выноскам, сметливости и начитанности! Но зато Бог знает, что значило бы тогда русское слово *немец*.

Еще бы больше потешил нас мулла, если бы определил жилища немцев в одной Руси, ссылаясь на то, что слово *немец* употребляется только в русском языке и в русской литературе. (Мы вскоре увидим, что то же самое сделано и с варягами!)

Но тегеранские муллы нескоро, может быть, догадались бы, что слово *niemtzones* непременно переводится по-итальянски *тедесками*, по-французски *аллемандами*, по-немецки *дейчерами*, по-латыни *тевтонами*. Такое справедливое *недоумение* избавило бы тегеранцев от подобных исторических изысканий и диссертаций.

Итак, слово *варяги*, как слово, а не как народ, находится в тех же номенклатурных отношениях, как и слово *немцы*.

Конечно, как слово *варяги* вышло уже из употребления, то нужно было пояснить его. Но для этого существовал один только путь, т.е. определение вопроса (*кого Нестор называл варягами?*) с одних слов Нестора.

Но у Байера все вышло навыворот: он погнался за созвучиями в иностранные лексиконы, мимо прямого вопроса, и вследствие этого ложного, обратного пути из диссертации его вышла странная компиляция.

Вот доказательства.

Нестор после исчисления русских (славянских) и нерусских обитателей обширной нашей внутренней Сармации наконец переходит к исчислению жителей наших *поморских*, или так называемых Остзейских областей; начавши с Финского залива, проходит к югу и к западу по берегам Балтийского моря. Упомянувши про *чудь эстландскую*, *ливь ливонскую*, *корсь курландскую*, *летголу* и *зимголу* летскую или латышскую и семигальскую, наконец, обращается к западу, по морю же, к жилищам *ляхов*, древних *пруссов* и *померанцев*, и говорит: «*Ляхове же, и Прусы, Чудь приседают к морю Варяжскому. По сему*

же морю седеят Варязи семо ко востоку до предела Симова. По тому же морю, к западу седеят Варязи до земли Агнянски и до Волошьски» (Нест. по Лав. Сп., стр. 2).

Вот определительное указание русских летописей: оно так ясно, что даже и смешно и совестно пояснять его! По смыслу Несторова *исчисления* ляхи и пруссы отделяли русский народ от варягов; но если ляхи и пруссы были между варягов и руси, то всякий ребенок скажет, что варяги были к *западу*, как Нестор говорит, по ту сторону ляхов и пруссов, т.е. в Померании. Нестор, дошедши до Вислы, так и машет рукою на Померанию, говоря: *по тому же морю к западу*.

Итак, дело кончено, потому что легко узнать было, кого Нестор и его современная русь называла варягами: Нестор и его современная русь называла варягами *померанских славян*, как бы, впрочем, их ни называли другие их соседи саксонские или французские. Тогда оставалось только выставить слова или название их немецкое и латинское.

К несчастью, Байер не знал не только Несторова языка, но и обыкновенного русского, которым, впрочем, и пренебрегал. По этой причине он и не знал текста русской летописи: это видно из его рассуждения, в котором он силится доказать диаметрально противное Нестору, не зная, однако, того, что утверждал наш летописец. Следствием этого незнания было то, что Байер поступил против правила критики, что *значение русского слова следовало пояснить из текста русских же летописей*.

Оставим здесь прямой вопрос о варягах Несторовых и последуем за Байером с этого места, в котором сбился с настоящей дороги и пустился в путь *созвучий*, совершенно *мимо русских летописей*.

Обозрев на трех страницах мнения других относительно варягов, тут же объявляет свое: *«А я утверждаю, что варяги Русских Летописей были люди благородного происхождения из Скандинавии и Дании, служили на жаловании у русских, были их сподвижниками в войне, сопровождаателями их царей, оберегателями их границ: были они тоже допущены к их*

гражданским чинам и должностям – и что по ним русские летописи называют варягами вообще шведов, готландцев, норвежцев, датчан (?)»².

Хорошо же Байер читал и знал русские летописи!

Однако, кажется, он должен был, собственно, не начинать, а оканчивать свое рассуждение этими словами, т.е. должен был, если можно так выразиться, прежде опровергнуть русскую летопись, после изложить свои доводы и, наконец, заключить все этими словами: «А я утверждаю...» и пр.

Но вы верно подумаете, что Байер изложил свое мнение в начале рассуждения, как тему, а доводы приводит в середине и конце? Ах, нет – в первой половине своей диссертации на 13-ти страницах он говорит не о *варягах*, а о русских!

Вы опять подумаете, что в этой части Байеровой диссертации есть вещи важные для истории Руси? Ничуть – эта часть состоит из приискивания в Скандинавии имен созвучных именам русских великих князей: *Рюрика, Олега, Игоря, Рогволода, Святослава, Владимира, Всеволода!*

Сюда не принадлежит показывать, какой большой мастер Байер на словопроизводство (об этом упомянем вкратце, где будет нужно), и обратим только внимание на вторую половину его диссертации, в которой на 14-ти страницах толкуется о *варягах*.

Сущность этой половины, как и первой, состоит в одном приискивании *созвучий* в шведском, датском и исландском языках! Кончивши речь свою о Руси, Байер начинает говорить о *варягах* так: «*Если варяги были из Скандинавии, то посмотрим из скандинавского, что могло значить это слово³*», – и до конца диссертации своей, на 14 страницах, Байер рассуждает из корней скандинавских слов, что *могло значить слово варяги*.

Вы спросите: *что еще?* Вот и все! Итак, русская летопись утверждает *свое*, а Байер говорит *свое*! Байер говорит, *если* варяги были из Скандинавии, а русская летопись говорит: *нет, не из Скандинавии*. Байер начинает диссертацию так: «*Я утверждаю, что <...> русские летописи готландцев,*

шведов, норвежцев называют варягами»! И вследствие такого знания русских летописей Байер в одной русской диссертации (*О начале, ходе и успехах исторической критики в России. Рассуждение г. Зиновьева на степень магистра. 1827*) провозглашен *отцом, краеугольным камнем* исторической критики в России. И это пышное здание основано на одном голом *если!* Но чего бы еще не наделали на белом свете, когда бы не это вездешнее, всемешающее, всепрепятствующее *если бы?*

Конечно, почему и не сделать учтвого предложения читателю: *если* хотите верить, то русский народ должен был прибегать к скандинавским словарям, чтобы составить имя для соседнего народа, жившего возле ляхов и толпами бывавшего в России, где он называл себя своим национальным именем.

Вообще это рассуждение Байерова о варягах есть попытка пояснить собственно не русскую, а шведскую древность.

Но оставим русские летописи и последуем за *созвучиями* Байера, которые могут встретиться у греческих, франкских, саксонских и скандинавских писателей.

II. Варяги в службе цареградской

Кроме русских летописей у одних греков (не говоря об арабских известиях), кажется, встречается слово *варяги* как имя народа.

Впервые под 935 годом, у Константина Багрянородного: «В числе посланных войск в Лонгобардию во время Императора Романа Лакапина, 8-го Индикта, из наемников были: из большой Этерии (дружины) 31, из средней 46, из фарганов 45 человек» (*de Gerim. Aul. Byz. T. 2*). Стриттер довольно справедливо замечает, что у Константина *фаруанои* стоит вместо *βαραυυοι*, которое хорошо писали все последовавшие писатели.

949 г. «Кто желает быть принятым в фарганы (варяги) или в хазары, платит семь литр», т.е.: если получаешь жалованье по 12 денег.

Принадлежащие к *фарганам* не обязаны выступать в поход или в лагерь, когда бывает набор и юные войска собираются в одно место для обучения.

Во время празднеств Рождества Христова «к последним столам должно приводить только иностранных императорских наемников (*βασιλικούς ἀνθρώπους ἔθνικους πάντας*), как: *варягов, хазар, агарян и франков*, находящихся на милостивом императорском жалованье. Всякое племя должно ввести и вывести в народном его одеянии, как, например, в так называемой *кавадии*» (Конст. Багр.).

1034 г. «Некто из *варягов (βαραγγων)*, рассеянных по зимним квартирам в округе Фракезийском (в Малой Азии), покусился на целомудренность одной женщины: женщина выхватила его кинжал и заколола его. Когда об этом слух разнесся, то собрались прочие *варяги*, чтобы отдать полную почесть женщине, которой присудили и все имущество убитого; а его оставили без погребения, как делают обыкновенно с самоубийцами» (Кедрин, II, pag. 735).

1050 г. Печенеги делали набег на области Византийской империи. «Император (Константин Мономах) собрал свои иностранные союзные войска, т.е. франков, варягов и других (*καὶ τὰ σωμαχικά πάντῃ συναδροίσας ὕφεν, φραγγούς φησί καὶ βαρόγγους*), под начальством Никифора Вриенния, отправил против печенегов» (Кедрин, стр. 787. Мемог. Populog. IV, 442).

1052 г. «Турецкий Султан *Тангропиликс*, преследуя своего родственника *Кутлума*, ворвался в Иберию (ныне часть Грузии и Мингрелии) и стал ее опустошать. Император отправил туда Михаила, начальника варягов. По прибытии на место Михаил собрал рассеянных по Иберии и Халдии франков и *варягов (τούς διεσπαρμένους; ἐν τῇ Χαλδίᾳ καὶ Ἰβηρία φράγγους καὶ βαρόγγους ἀγαγῆ)* и стал ему мешать дальше опустошать. Султан, узнав о его приближении, снял лагерь, вышел из пределов и со всем войском своим возвратился в *Таврис*»⁴.

1056 г. По восшествии на престол Михаила родственник Константина Мономаха, Феодосий, поднял мятеж, о котором «узнавши придворные, наскоро вооружили дворцовых

сторожей, как греков, так и наемных варягов (*καὶ βάραγγοι μισθοφοροῦντες ρωμαίους*)» (Кедр. II, 792).

1057 г. Император *Исаакий Комнин*, желавши патриарха Михаила Керулария сложить с престола, «когда он в предместии священнодействовал в день Архангелов, послал взять его под стражу отряд (или род) войска, которое простой народ называет варягами (*Σίφος στρατιωτικόν, Βαράγγους αὐτοὺς ἠχοινή ὀνομάζει διάλεκτος*)» (Иоанн Скилиц. *Μεμορ. Populor. IV. 443*).

1068 г. «*Роман Диоген* под военным прикрытием ночью введен во дворец и бракосочетан с императрицей *Евдокией*, и тут же 1-го января провозглашен Императором без сыновей Императрицы: но вдруг *варяги* подняли большое смятение, не соглашаясь на провозглашение и восшествие мимо всеобщего одобрения (*γίτεται δὲ παοαυτίχα τάουχος παού των βαοααγγων πολύς, μὴ ἀνεχομενων αὐτόν φημίσι πιοά τά χοινή δόζαυτα*). Но когда явился к ним Михаил, сын Императрицы, с братьями и объяснил, что это случилось с его и братьев согласия, то утихши вскоре, и они с большими восклицаниями провозгласили Диогена в Императоры».

«Вскоре по восшествии на престол Роман Диоген для прекращения турецких нападений на имперские области собравши войско из македонцев, болгар, каппадокийцев, узов и других встречных племен, равномерно и из франков и варягов (*πρός θέ καὶ φραγγων καὶ βάραγγων*), двинулся на Восток» (Иоанн Скил., стр. 822–823).

1071 г. *Иоанн Дука*, опасаясь за своих сыновей и племянников в случае, если Роман Диоген снова примет бразды правления, «склонил на свою сторону дворцовых стражей, издавна служивших у нас и известных своей преданностью к Императорам (*τους περί τήν αὐλὴν φυλαχὺς ἐνθυς οἰχειοῦται*). Эти люди приходят из варварской приморской страны. Носят обыкновенно щиты и секиры (*алебарды*) на плечах. (*τουτο θέ το γενος ωρμητο ἐχ της βαρδαρου χορας της πλησιον ὠχεανου, πιστον θε Βασιλευσι Ρωμαιων ἀρχηθεν, ἀσιπιφορον ζυμπαν, καὶ πελεχυν τινα ἐπί ὠμων φερων*).
Всю их дружину разделил он

надвое: одной половине велел он следовать за своими сыновьями, которые, окружив Императора (нового, *Михаила Дуку*), вместе со стражею ввели его в покои дворца и провозгласили Императором. А другая половина варягов, оставшись при Иоанне Дуке (дяде провозглашенного), ударяя щит об щит и при большом крике и шуме, и при ужасном нарочном стуке разного оружия приблизилась к покоям Императрицы (супруги Диогена).

Чрезвычайно испугавшись от угрожающего крика и стука, она сорвала с себя головной убор и спряталась в тесный угол, походивший на пещеру, у входа коей варяги криком своим такой страх навели на нее, что может быть скончалась бы от ужаса, если бы Иоанн Дука не вошел к ней. Он советовал ей выехать из дворца» (*Никифор Вриенний*. Метог. Populog. IV. 445).

1078 г. Никифор Вриенний, экс-правитель Дураецкий, посягнул на престол. Брат его Иоанн Вриенний в Андрианопле собрал немалые дружины из франков и *варягов* (Иоанн Скил. 358. Кедр. II).

1078–1081г. *Никифор Вотанийский* после возмущения в столице провозглашен императором; Никифор Вриенний лишен зрения, «а брат его убит *варягами* по следующей причине: когда он затеял бунт и на его сторону перешли все варяги, находившиеся вне столицы, то варяги, находившиеся при дворце, послали одного из своих в Андрианополь, чтобы уговорить тех отстать от бунтовщика и возвратиться к Императору. Посланец, будучи открыт и допрошен, обо всем объявил. Иоанн Вриенний за то велел ему отрубить нос. Варяг из мщения за опозорение подстерег Иоанна, выходящего из своего дворца, и пронзил своим мечом» (Иоанн Скил. – Кедрин II, 864. – Никиф. Вриенн. 71).

«*Варяги* восстали и на Императора (Никифора) и требовали его головы, но усмирены и укрощены были греками» (Скил. – Зонара II. 292).

1081 г. Во время нового восстания против *Никифора Вотанийского* кесарь *Иоанн Дука*, с *Алексеем Комниным*

объезжая стены столицы, расспрашивал «кто какие башни защищает. Когда узнал, что иные заняты так называемыми *бессмертными* (самою лучшею частью греческого войска), а другие варягами, которые прибыли из *Фулы* (*τους ἐκ τῆς Θουλής βαράρους*) и вооружены секирами (*τουτοσ δη λεγω τους πελεχυφορουσ βαρβαρουσ*), другие, наконец, *немцами* (*τους νεμιτζουσ*), народом тоже варварским, который некогда был побежден римлянами и привык было с ним служить, – то (Иоанн Дука) советовал Алексею Комнину не нападать (не трогать) на *варягов* и на *бессмертных*, потому что *последние* с детства привыкли к войне и притом присягою и благодеяниями привязаны к Императору и скорее примут сто смертей, нежели отважатся восстать на него. Первые же варяги, что носят оружие на плечах, очень твердо придерживаются нравов своей страны, заслужили, как драгоценное наследство от отцов, славу неизменной верности к Императорам, у которых они служат телохранителями, и потому не выслушивают и малейшего помину об измене. Но что, наконец, одна надежда остается на немцев, которым если предложит обещания, то может быть достигнет своей цели: и впустят в занятые ими ворота». (*Анна Комнина*, дочь этого Алексея в *Алексиаде*. Стр. 62. – Метог. Рор. IV. 450).

Точно, немцы вскоре впустили Алексея в город; варяги, однако, все еще стояли и готовы были сразиться, говорит Анна, но патриарх *Козьма* уговорил уже Никифора Вотанийского сложить корону, и варяги сделались телохранителями Алексея Комнина, и сопровождали его в разных его походах: так, например, под *Дураццо*, где Алексей воевал с Робертом, повелителем нового (Норманского) королевства в Италии и Сицилии. Варяги последовали за Алексеем в 1083–1096, и к устью Дуная, в войне с так называемыми печенегами.

1107–1118 гг. *Боемунд*, сын Роберта, набрал множество войска во Франции, «состоящего из разных языков потому, что в нем находились франки, галлы и многие из того племени (варяжского), которое от *Фулы* приходило служить в греческой службе (*όσοι ἀπο τῆς Θουλήσ τῆσουσ οτραπευονται*

Ρωμαίους), но теперь ухищрениями и обещаниями Боемунда перешло к нему для испытания счастья и надежды и приходило с ним против нас (*τοτε δε άνιφ προσχωρησανιες δια την του χαιρου δυναστειαν*)».

«Были в том войске многие из *немецкого* роду и не меньше из *испанского*, потому что Боемунд поднял на нас все народы из-за Адриатического моря (*χαί δή χαί πλείους του Γερμανιχου γινους χαί άπό των Κελτιβήρων: τοίτους γαρ άπαντας σολλεξάμινος πάσης της εντός Αδρίου έφήπλωσε γης*)» (Анна. 369–370).

Зонара (II, 308–309) о смерти Алексея Комнина говорит следующее: император Алексей находился на смертном одре, «сын его, Иоанн, спешил во дворец, но ему доложили, что *варяги*, занявши дорогу, никого не впускают во дворец. Иоанн, испуганный, послал к ним спросить: *чего они хотят?* Послал и в собор объявить о кончине Алексея и велеть себе петь долгоденствие как императору: что и исполнил патриарх со всем духовенством. Но *варяги* посланному, требовавшему пропустить нового императора, отвечали, что пока жив еще *Алексей*, никого не впустят во дворец, и только после засвидетельствованной присягою кончины усопшего впустили Иоанна».

III. Известия о других наемных народах

С этого времени, с 1120-х годов, имя *варягов* прекращается у последующих цареградских писателей. Род, однако, их службы, необходимый для цареградского двора, не мог прекратиться, и если в XII веке варяги не могли уже ходить на службу в Царьград, то императоры могли заменить их разную *сволочью*, которой снабжали Царьград начавшиеся Крестовые походы, если уже непременно они хотели иметь иностранцев.

Вообще с этого времени эта сторожевая дружина цареградских императоров называется просто уже по оружию

секироносцами (πελεχυφοροι). Иногда, однако, называют их всякий по-своему.

Киннам, в царствование *Иоанна Комнина* описывая сражение в 1123 году с печенегами, говорит, что император велел *секироносцам (πελεχυφοροις)*, стоявшим возле него, рубить возы и т.д., а в скобках прибавляет: *ἔθνος δε ἐστὶ τοῦτο Βρεταννικὸν Βασιλευσι Ρωμυίων δουλενον ἀνεχαθεν*, т.е. *народу бретонскому, издавна служащему императорам*.

К этому месту Байер привязался: 1) хотя в нем и слова нет о варягах, он, однако, относит к варягам. 2) хотя Киннам мог подразумевать и, кажется, подразумевал бретонцев французских, но Байер *βρετοννικὸν* вместо *бретонский*, т.е. французский, переводит: *gens britannica*, т.е. *английский!*

Известно из приведенных свидетельств, что кроме варягов служили Императорам и франки, но франков греки всегда отличали, как признается и сам Байер. Но так как в этом месте и случае нет и помину о варягах, то Киннам говорил, очевидно, о франках, которых, однако, не называет, как другие писатели, франками или французами, а – *бретонцами*. Следовательно, это место гласит не о варягах, каким же образом могло оно служить Байеру доказательством, будто варяги были англичане?!

Киннамовы известия простираются до 1158 года, но, кроме этого места, везде он их называет только *секироносцами*.

С 1180 по 1204 год, т.е. по взятие Царьграда крестоносцами, простираются *известия о секироносцах* у Никиты Хонийского (*Νικήτ. Χωνιάτης*): «*Алексий Протосеваст (1180) задержан во дворце стражею Германов, носящих на плечах разноострийные секиры (των Γερμάνων, οἱ χατομαδον τους ἑτεροστομοὺς πελεχεις ἀνεχοσι)*».

А в следующем году одного секироносца, узнавшего сыновей Ватача на острове Крит, уже называет *кельтом (γενους ἴντο; του πελεχυφορου και Κελτικου)*.

Под 1190 годом говорит *Хонийский*: «Не только немцы воевали с сарацинами, завладевшими Палестиною и Иерусалимом; но и французский король, и повелитель (Ричард Львиное

Сердце) алебардоносных британцев, которых теперь называют *инглинами*, отправились в Тир на кораблях, нанятых в Сицилии и у берегов Италии (*Ο ρηξ Φραγγιας και ὁ τῶν πελεχυφόρων χαταρχῶν Βρεττανῶν, ὄυς νυν φασιν Γυχλίνους*)».

С 1204 по 1260 владели Цареградом крестоносцы (фландрийцы), императоры поселились в *Никее*.

С 1259 по 1284 простираются известия *Горгия Пахимира*, который обыкновенно алебардоносцев называет *кельтами* – *τοις Κελτοις, το Κελτικὸν πελεχυφόρον* и проч.

Под 1320 годом *Никифор Григора* два раза упоминает: *τον βασιλεαπελεχυφόρων* без означения племени.

Наконец, *Кантакузин* возобновил давно забытое имя варягов и под 1325 годом говорит, что когда Андроник торжественно шествовал короноваться, то «с обеих сторон окружали его *варяги с алебардами* (*οι τε τους πελεχεις εχοντες βαραγγοι*) и другие благородные юноши» и проч.

Наконец прибавим, что и самый новейший из византийцев, *Кодин*, подражая *Багрянородному*, в своем сочинении о *церемониях двора византийского* снова воскрешает давно забытое имя варягов. Об их службе между прочим говорит: «Когда Император обедает, то наконец входят варяги и желают многолетия на своем отечественном языке, то есть *по-английски* (*βαραγγοι χατα τήν πατριον και ὄυτοι γλωσσαν αὐτῶν, ἤρχουν Γυλίνιστι*)».

Здесь очевидно, что у *Кантакузина* (писавшего около 1380 годов) и *Кодина* (писавшего около 1460 года) слово *варяги* употреблено не в значении племени или народа, а в значении рода войск, как название службы. О варягах в XIV и XV веках русские летописи уже ничего не упоминают, потому что и византийцы о них мало знают.

Если некогда природные *варяги* ходили на службу в Царьград точно так же, как и в Россию, то между греческим народом имя их народное должно было быть принято за название особенного рода войска, которое в последние столетия цареградский дворец составлял и не из варягов. Положим, что варяги *Кодиновы* говорили *по-английски*, за то-то они и не варяги, а англичане.

Этому переходу народного имени и другие есть примеры.

Известно, что арнауты (албанцы) совершенно не славянское племя. Арнауты имели обыкновение прежде наниматься в стражу при пашах, при молдавском и волошском господа-рях. Но давно уже болгары и сербы перебили у них, как у магометан, это поприще. Итак, если захотите сказать, что арнауты волошского господаря между собой говорят на своем природном языке, т.е. на славянском, то попадаете в тот же случай, как и Кодин со своими мнимыми *варягами*.

Швейцарцы не славяне; однако скажете, что стоящие в Москве у подъездов швейцары говорят на своем природном языке, т.е. на русском. Вот почему и варяги Кодиновы могли говорить *по-английски*.

С 1120-х годов, или с того времени, как настоящие *варяги* перестали ездить в Царьград, до *Кодина* прошло довольно много времени (за 300 лет), в продолжение которого могло перебивать в найму в Царьграде множество всякого европейского сброду, остававшегося и собиравшегося в этот славный град от *крестоносных* армий и всяких пилигримских караванов. Но преимущественно в роту или полк алебардоносцев входили французы, потому что чаще всего называют их кельтами и потому еще, что в то время французы бродили и по Италии, и по Сицилии. Генуя и Венеция владели Перою и Галатою, и в их гаванях искатели счастья находили удобный переезд в Царьград. Что же касается до последних алебардистов, т.е. говоривших по-английски, то это, по-видимому, были выходцы из обломков Норманнского царства в Южной Италии или остатки английских авантюрьеров в Палестине.

Как бы то ни было, но известия и места у византийцев об алебардистах с 1120 года не относятся к варягам, которые напрасно и Стриттер в своих *Memoriae Populorum* присовокупил к известиям о варягах (*varangicorum*) (см. Mem. Pop. IV. Стр. 439–471).

Из этих известий, несправедливо приписанных варягам, выводит Байер, да и то очень натянуто, скандинавизм этого

народа. Схватил он известие Киннама о франках, отнес это к англичанам; а оттуда Бог знает как переводит к шведам!

Но пока у греков упоминается о варягах как о племени, то не видим у них никакого подробного или определительного об них известия: все, что сказано, состоит в том, что они из страны *приморской* (*ἐξ τῆς χοράς τῆς πλησίων ὠκεανου* – Вриенний).

Однако так как варяги служили как наемники и в России, то *русские* летописи должны пояснить то, что темно и неопределенно в греческих. Но мы уже видели указание и определение Нестора и знаем теперь, что: *варяги, как и русские, так и цареградские, как народ жили в Померании, были поморские славяне*. Так точно говорят и греки, называя их поморским народом.

Что же Байер? Он поступил наоборот и навыворот: *из приписанных, т.е. лжеваряжских, известий он дает им английскую народность и приписывает подобное же значение и словам Нестора, который очень строго отличает варягов от англичан, точно как и Анна Комнина и другие греки!*

Но предположим, что какими-нибудь судьбами известие Киннама о *франкских секироносцах* было о *варягах*, а варяги значат англичан; то каким образом и на каком основании Байер *без всякой явной причины* вдруг отстает и от англичан, и варягов цареградских объявляет уже шведами или норвежцами! Если он в первой половине своей диссертации и приискивал в Швеции созвучия к именам русских князей, чтобы этим дать возможность думать, что Русь могла быть шведами, то это самое не давало ему логического права переносить в Скандинавию и варягов, так как по буквальному и именному выражению как византийцев, так и русских летописей *русские и варяги были два различные народа или племени*.

Здесь у Байера нет решительно никакой логической связи. Потолковавши о созвучиях между именами русскими (славянскими) и шведскими, вдруг начинает, как мы уже видели, условием: «Итак, *если* варяги были из Скандинавии, то посмотрим, что могло значить это слово!»

Посмотрим же и мы, как он пояснит его значение (как будто названия народов всегда должны или могут что-либо значить!).

VI. Странные Байеровы словопроизводства слова варяги и противоречия

Байер продолжает: «*Олай Верелия* (в замечаниях к сказке *Heruorar*, стр. 19) заметил, что *Иоганн Магнус* поведствует, что *некоторые* Скандинавию называют *Vergion* и что-де это значит *остров волков*, то (он, *Верелий*) на это объяснение его (*Иоганна Магнуса*) так возражает: *однако в Скандинавии не больше число волков, как и в других лесистых странах Европы; и то еще притом должно заметить мимоходом, что на древнем (его, Верелия) языке это значит не только волков, но и разбойников и неприятелей. Так, например, в сказке Trygvons-saga значитя: Nan var vargur i veit, т.е. грабил священные места – отсюда и говорится о злых людях Brennovargur, Kaхnavargur: и некогда скандинавы (вследствие Верелиева словопроизводства!) занимались постоянно морским грабежом, отчего и могли быть названы варягами, а отечество их Варгоном, или Варгхеймом. Хотя дальше сей украшеннейший и ученейший муж (он, Верелий) и подозревает, что Иоганн Магнус имел в руках неверный список Плиния, имевший Vergion вместо Nerigon, что и мне (ему, Байеру) кажется весьма правдоподобным»; однако возвращается к прежнему своему мнению (касательно волков и разбойников), ссылаясь на то, что, по мнению Герберштейна, говорит он, русские Балтийское море называют Варяжским и что думать можно, что они и Швецию называют Варегиею, Вергиею.*

Олай Верелий очень любезен, однако русские, несмотря на Байера и Верелия, должны знать, точно ли Нестор Швецию, которую именует *свеями* и *нурманами* (норвежцами), называет и варягами!

Далее продолжает Байер: «*Олай Рудбек в своей Атлантике* (том I, pag. 578) и в рассуждении о варягах русских летописей и о значении этого слова *то же* думает, что и Верелий».

Рудбек тоже любезен.

«Недавно умнейший муж *Арвид Моллер* в своем рассуждении *О Варягии* (изд. в Лунде, что в Южной Швеции, в 1731 г., стр. 21) хотя и согласился с этим мнением, однако слово *Vergion* производит охотнее из языка Чуди (Эстонии), которая иногда страдала от шведских разбоев (на основании Верелиева словопроизводства), а это потому, что на их языке *waras* значит *вора и грабителя*, а *Warga-meri* значит *воровское море*».

Я не знаю, можно ли из *varas* по-чудски произвести *Warga*, однако не лучше ли бы принять *Warga-meri* за перенятое от русских *Варягское море*.

Но Байер продолжает: «Это точно правда, потому, что и русские имеют слово *вор* (Et hoc quidem sic est, etiam Russi furem *vor* dicunt)».

Конечно, что правда, то правда.

«И немецкие племена имеют подобные созвучные слова, которые, однако, означают больше разбой и насилие, нежели воровство и обман; так, например, у *Волфг. Лазия* на старом немецком языке *buargur* значит *разбойник, от burger, убийца*».

Конечно, древние немцы были большие мастера в правописании слов, происходящих от *wurgen*; и вышло, по их милости, слово *вуаргур!*

«Годшфредт Вильгельм *Лейбниц*, – продолжает Феофил Сигфрид Байер в своих *Gelticis* (pag. 145), – говорит: у *Сидония Vargi* слывут *разбойниками*; *то же* и у *германцев в древности*; *русские же летописи норманнских корсаров называют варягами*» (?)

Лейбниц понимал русские летописи!

Дальше продолжает Лейбниц: «*Но в Салических законах Vargus* значит *изгнанный*, напр., в *Lit.*, 57, §5, гласит закон: *Если кто выроет погребенное тело или ограбит, будет vargus, т.е. изгнан из своего округа*⁵.

То же гласит и закон *Ripuariorum tit.*, 85, §2».

Это все хорошо, жаль только, что между V веком *Сидония* и Салических законов и временем Нестора, т.е. началом XII века, трудно вообразить себе какое-либо отношение в номенклатуре. Здесь оканчиваются соображения Байеровы о значении слова *варяги*; но, к несчастью, ничто еще не решает, от чего именно оно происходит, от скандинавского ли *warga* – волк, или от чухонского *varas* – вор, или от русского *вор*, или от немецкого глагола *wurgen* – давить, или от латинского *fur* – вор, или от франкского *vargus* – изгнанник! Впрочем, что касается до Нестора, то он не позволял себе называть никакой народ ругательным словом, а называл каждого его национальным, так что встречающиеся у него народные имена остаются такими, т.е. *непроизводимыми*.

Если же Байеру пришла охота словопроизводить, то следовало, по крайней мере, сделать хотя бы и нелепейшее заключение; а то никаких концов не выведешь из его этимологических цитат, так что если все дело зависит от одного словопроизводства, то варягов на том же основании можно признать и чудью, и немцами, и русскими, и французами.

После этих разноязычных цитат Байер делает большое *отступление* на семи страницах о *разбойническом ремесле* в Швеции.

Так как в этом *отступлении* (которое, впрочем, составляет большую часть последней половины его диссертации о варягах) нет почти ничего, что бы относилось к варягам, или, лучше сказать, к решению вопроса, то следовало бы нам пройти мимо этой вставки. Но как в этом *отступлении* Байер виден уже не как изыскатель, а как историк, то укажем, по крайней мере, на содержание этой *вставки*.

Начинается она словами (стр. 357) «*Primum omnium satis constat*» и проч., т.е.: «Известно, что вся Скандинавия и Дания в древние времена была *разделена на многие небольшие королевства*».

В нынешнее *населенное* время вся Скандинавия, Швеция с Норвегиею соединена в одно королевство, которое все-таки очень невеликое королевство в Европе.

Продолжает: «В Норвегии первый *Haraldus Pulchricomus*, по преодолении прочих королей (норвежских), после сражения Гафурсфиордского, в 875 году, упрочил состояние своей монархии. Победены в этом сражении *один* король Оркадальский, *четыре* короля Труднхеймских, *два* короля Голардских, два короля Северного Раумдала, а после них, скажу короче, и *другие*, потому что *устанешь исчислять их имена*» (sic!)⁶.

Вот сколько было (сказочных) королей и королевств в одной Норвегии; а о королевствах Дании он находит известие в *Книтлиновой* сказке (*Knitlinssaga*), где-де сказано: *теперь Дания повинуется одному королю, но в древности была разделена на многие государства*. Это вкратце о многих датских государствах Книтлиновой сказки! А о множестве шведских он приводит свидетельства *Снорона Стурлезона*, который не только что все основывает на одних *сказках* (потому что подлинная критика летописи шведская, как уже заметил Шлецер, начинается только с XIII века), но и сам их сочиняет, и которого потому Байер объявляет *из всех веков и людей самым достойным веры и самым правдоподобным* (*quo viro in omni memoria gravior intergriorque auctor, meo quidem sensu et iudicio, non extitit* – pag. 358) и приводит его слова: «*Короли Упсальские, – говорит Стурлезон, – одни из королей в Швеции отличались перед прочими неограниченной властью, между тем как царствовали по Швеции и другие цари, с того времени как Один (ходил еще по земле и) царствовал в Швеции: государи с неограниченной властью жили в Упсале до кончины Агнуса (Agnus), и тогда царство разделено между братьями; а их царства и владычества снова разделились между братьями; а после этого и эти царства и владычества снова подразделились между потомствами в разных коленах*» (sic!).

Это все случилось за *полторы тысячи лет* до начала *настоящих* шведских летописей.

Байер продолжает: «Первый *Ингиальд*, сын Анундов, Упсальский царь, несколько других царей превозмог коварством (*dolo oppressit*), других же, заманенных в засаду, удушил, числом до 12-ти царей (*numero ad universum ad duo-decim*)».

Вот какое было в Скандинавии количество царств-государств, и которые насилу Упсальский король успел уничтожить. Дальше: «Остались, однако (еще остались!), еще и после него некоторые небольшие государства до самого Ерика» (стр. 358).

На это не знаю, что сказать, потому что чего нельзя сделать из сказочных героев! – Но послушаем далее: «Хотя я нахожу (в сказке), что *Haraldus Pulchricomus* (красивоволосый) *первый* построил (*mirae magnitudinis*) *необыкновенной величины* корабль и что только Олай, сын Тригвона, начал строить (т.е.: в *Trygvons*-сказке) огромные корабли (*magnas voles*), однако я думаю, что скандинавы во все времена (*omni tempore*) имели удобные и крепкие корабли для мореплавания».

Конечно! Так как в Скандинавии (по сказкам) было *огромное* множество государств, то всякий государь мог иметь в своем царстве адмиралтейство и верфи (думает Байер), и кораблестроительных инженеров. Итак, если положить самым скупым образом хоть по одному *огромному* кораблю на всякое царство-государство в Скандинавии, то выйдет на проверку, что вся Скандинавия имела (в сказках) до 70 огромных линейных кораблей, так что уже во время Р.Х. (по летоисчислению Байерову) линейный ее флот превышал число соединенных линейных кораблей Франции и России 1836 года!

Причину этакого (сказочного) благосостояния Байер доказывает следующим образом (стр. 358): «*Удобство* в мореплавании было *величайшее* (*oportunitas summa*) не только у берегов моря Балтийского и Океана, но и внутри всей Скандинавии по *болотам и озерам* (*stagnis et lacubus*), так что *больше жили на болотах, чем на нивах* (*ut magis victitarent salo, quam in agris*)». Конечно!

Байер непосредственно прибавляет: «По этой-то причине в мореплавании скандинавы такое приобрели искусство, что во все те времена ни один народ не мог с ними сравниться (*ut in omni illo aevo essent nulli, quicum his populis compararentur*)». Вот как приобретает морское могущество! Стоит только в *скандинавские* сказки заглянуть!

«Если хочешь измерить всю славу и силу мореплаваний скандинавов, то спроси, какой берег, какой уголок Европы не был ее свидетелем? (*quod omni in Europa littus est, quis paene angulus, ut illius gloriae non sit testis?*)». Конечно, как мы уже видели, это потому что франков и варягов цареградских Байер считает за шведов!

На это-то логическое свое построение Байер наводит примеры из древней сказочной шведской истории о воровствах и грабежах скандинавов. Приводит, что эти *воры* и *морские разбойники* назывались уже *wikingar*, *kappar* (*kapper* – *корсер*), или *garpar* и *soekingar* (стр. 356–361).

Но во всем этом нет ничего, что бы указать, от чего происходит слово *варяг*. Если скандинавское *warga* значит *волк*, чудское *waras* значит *вор*, то слова *wikingar*, *kappar* или *soekingar* ни к чему нам не служат. Что ж из этого следует!

Байер до того занялся воровством, что на странице 360 уже утверждает: «**Preadonum in numero non tantumprivati hominess nullla publica auctoritate fuere, veruni etiam reges regum que liberigi**», т.е.: «В числе воров и разбойников бывали не только частные люди без всякого знания, но и короли и их дети». Не понимаю, что он хотел этим доказать.

Наконец, упоминается о том, что русские летописи утверждают, что *новгородцы*, *чудь* и *кривичи* давали дань *варягам*, и прибавляет, что-де *это относится к шведам!* Он хотел каким-либо образом свести Скандинавию с этой данью; для того нужно было ему дивных героев; по этой причине он обыскал народные шведские сказки и собрал всех скандинавских *Бова-Королевичей*, *Еруслан-Лазаричей*.

Конечно, Россия и чудь, как соседки Швеции, должны были доставить у себя поприще иным из этих сказочных богатырей, но все это еще не доказывает, что варяги были шведы. Притом же русские летописи буквально отличают варягов от шведов и норвежцев!

Но Байер на это делает замечания: «Казалось бы, что все хорошо клеится (*satis speciosa videri possunt*), но мне не нравится имя русских летописей (варяги), потому, что в Швеции

оно совершенно неизвестно (*inauditum apud hos piratas nomen Vargogum*). *Викингарами, канпарами и зейкингарами* называли они, скандинавы, сами себя. И так, кажется, что имя *варяги* более поэтическое (*poeticum magis est*). Так, например, *Горнклоф* (Snorro I, p. 98), воспевая войско Гаральдово, в одном месте так выразился: *имел множество войска, словно лес, исполненный волков (varga)*».

Скандинавский поэт очень мог сравнить копыеносное войско с лесом, исполненным *волков (varga)*, потому что мог сравнить торчащее оружие с деревьями, а солдат с волками. Но какое может быть отношение между подобием скандинавского поэта и русской летописью?

Странно: Байер имя варягов называет *поэтическим*, поясняя его, впадает в несообразность и тут же отступает от слов своих: «Однако невероятно, чтобы русские переняли это имя из Горнклофова стиха; но напротив, вероятнее всего, что русские так их (скандинавов) называли, как они сами себя именовали». Как же? «Т.е., как полагает ученейший Арвид Моллер, от чудского слова *varas*, *вор*. Если так, то это имя дано им русскими из презрения (*ingnominiae loco*), потому что воровство у русских не в чести». Да разве *варяги* значит по-русски или по-чудски *воры*?

«Но как они (т.е. все-таки варяги, а не шведы) им (русским) служили в войне, были приняты ими в чины и достоинства, как об этом свидетельствует монах Феодосий (т.е. Нестор), то полагаю, что шведские, норвежские и датские люди, служившие под русскими знаменами, сами себя так (ворами?) называли, а русские, привыкши к этому имени (*sic!*) стали всех северных народов так называть».

Но почему они не продолжали называться так, как уже назывались прежде и дома: *викингарами, канпарами, зейкингарами*? И что за фантазия обуяла вдруг всеми скандинавами толковать русским о себе под таким именем, которого они не знали и которым себя не называли?!

«Похожее имя встречается у Стурлезона, *waeringiar*, как будто *защитники*, от слова *waerir* – *защищать*, или лучше от

warda – *берець*, как толкует Верелий в слове *hirdmen* в *Herraud-*сказке» (стр. 364). Что же из этого следует?

Подобное словопроизводство *рода службы* вовсе неуместно касательно варягов как русских, так и византийских летописцев, потому что как в тех, так и в других слово *варяги* встречается как собственное имя *народа*, а не название *рода службы*. Притом же между словами *waeringiar* и *варяги* существует только случайное созвучие, которое можно отыскать и во всяком другом языке.

Последнюю страницу Байер посвящает натянутому сближению между Несторовым *варяги*, византийским *βαραγγοι* и будто скандинавским, своего произведения, *waeringiar*. «Конечно, – говорит он, – скандинавское *waeringar*, казалось бы, разнится в выговоре от русского *варяги*. Но совсем нет: и напротив, постоянное правописание греков в этом слове показывает, что скандинавы тогда себя называли не *waeringar*, а *varangur*». Уже не *волки* и *воры*, а *варингуры!*

Выше вы видели, что скандинавские промышленники называли себя *wikingar*, *soekingar*, *kappar*. Сам Байер не находит у них русского слова *варяги*, хочет производить то от слова *волки* (*warga*), то от чудского *varas* (*вор*). Но как все не клеится, то уже доказывает с греческого *βαραγγοι*, будто скандинавы уже называли себя варангурами, не решив и не доказавши, точно ли *βαραγγοι* греческих писателей относилось к Скандинавии!

Но мы тоже видели, что если византийцы и не обозначали определительнее жилища варягов, то их пополнил и пояснил Нестор, потому что варяги служили не только в Царьграде, но и в России. О *свях* же и о *нурманах* в русской службе у Нестора ничего не сказано.

Что скандинавы никогда себя варягами не называли, тому убедительное доказательство в том, что ни малейших следов этого имени нет ни у скандинавов, ни у саксонских, ни у франкских летописцев, говоривших о Швеции и Норвегии.

Но взглянем на повод, по которому известия о настоящих варягах отнесены то к Англии, то к Скандинавии слишком натянуто.

1) Выше мы видели место из Киннама о *франкских секироносцах*, отнесенное Байером к Британии.

2) Мы видели место из Колдина (из XV века), в котором англичане, служившие в Царьграде, названы ошибочно *варягами* по преданию о подобной же службе настоящих варягов.

3) Мы видели место из *Анны Комниной*, где она выводит варягов с острова *Фулы* (ὄσου ἀλότη; Φουλης τησου) (pag. 62).

Слово *βαραγγοι* обратило на себя внимание издателей и пояснителей византийских писателей. Пошли толки и догадки (как жаль, что не обратились к Нестору!): *Яков Грегер* в пояснениях на Колдина полагал, что *βαραγγοι* по созвучию почти то же, что *франки*. А *Яков Гоарь* в пояснениях на Киннама принял варягов за англичан. Но выходит наоборот, что Киннамовы неваряги, а просто секироносцы, были в начале XII века из **Франции**; а Коудиновы, в XV, если говорили по-английски, то были британского происхождения.

Остается свидетельство Комниной, Байер старается его своротить на Скандинавию: «Анна Комнина, выводя варягов с острова *Фулы*, оставила нас в неизвестности, что она называла этим именем; древние употребляли это название в неопределенном значении: то подразумевали всю Скандинавию, то только одну Норвегию, другие Англию, а иные опять один из Оркадских островов. Я полагаю, однако, что Комнина подразумевала Англию».

Полагать можно, но, несмотря на это, дело остается в неизвестности. Впрочем, можно сказать с большею вероятностью, что Комнина не могла подразумевать под этим именем Британии, потому что Британия была слишком известна старому и новому Риму для того, чтобы слыть под странным и неслыханным прежде именем. Супруг Комниной, цесарь Никифор Вриенний, выводит варягов не с острова, а только из страны Поморской (*ἐκ της βαρβαρου χωρας της πλησιον ωκεανου*), в чем он совершенно согласуется с Нестором. Притом же поморяне эти имели и свои острова, *Воллин, Рюген, Узедом, Фемерн*. Посему нет ничего удивительного, что в числе варягов были и островитяне и что об этом могла слышать и Анна Комнина:

в противном случае, т.е. если Анна относила бы свой остров *Фулы* не к Померании, не к одному из ее островов, то она тогда лишается права быть свидетелем, потому что явно противоречила бы Нестору, который в этом случае, как сосед варягов и ее современник, непреложный авторитет.

«Охотно со мною, – продолжает Байер, – соглашается и *Вилерм Малмесбурский* (*Vilermus Malmesburiensis: De gestis Anglor. II., с. 13*). Гоар слово *варяги* производит от английских баронов: *Baronagium*, – говорит он, – или *Varnagium* есть собрание государственного сената, т.е. парламент. Этим титулом англичане, бывшие в службе греческой, называли и себя, приняв слово *βαραγγοι*. Но эти будто-бароны мне так же не нравятся, как и Гоару Гречеровы *будто-франки*. Генрих Спелман это слово производит от саксонского *farian* – *ругать*, *waringe* – *ругательство*. Карл *de Fraxsinis* не находил в них англичан и утверждал с Вилгардуином, что они (варяги) были из Англии, но не англичане, а скорее датчане или саксонцы: с этим согласился и Ordericus Vitalis. Есть прекрасное место у Альберта (*Albert. Aquensis. IV, p. 253*) об Алексии Императоре: «*Is Turcopolos, Pincenarios (Pacinacitos), Comanitas, Bulgaros* arcu doctor et sagitta, *Danaosque bipennium armature dimicare peritissimos, Gallos (Francos) exules, exercitum simul conductitium populum diversi generis contraxit*», т.е. «*Алексей собрал турков, печенегов, половцев, болгар стрелоносных, данаев (датчан?), франков-выходцев и наемных людей разного происхождения*».

Что же это место доказывает? Только то, что Алексей в бурное свое правление нанимал все возможные языки для удержания себя на престоле.

Дальше Байер: «Так и Саксон Грамматик (стр. 227) о путешествии Ерика в Царьград: *Между разными языками, которые служат в Царьграде наемниками, есть и люди датского наречия, занимающие первую военную степень, верности которых Император вверяет охранение себя*»⁷.

Конечно, Саксон Грамматик, известный своими преувеличениями и выдумками, мог о своих выражаться с похвалой:

но так ли выражается о них Анна Комнина? Мы видели, что у нее нет слова *δανους*, а вообще *γεμιτζους*. Под именем немцев Анна подразумевала вообще людей тевтонского происхождения, которых судьба с разных сторон свела туда и составила из них дружину, которой хотели воспользоваться цареградцы для защиты: в этой дружине могли находиться и люди даже датского наречия, хотя, впрочем, Ерик мог говорить с ними просто по-немецки.

Итак, Анна, описывая разные дружины, защищавшие башни цареградские, вопреки Байеру и всем скандинавомам и согласно с Нестором так строго отличает дружину варяжскую от дружины, составленной из людей тевтонского происхождения, как только требуется отличать между собой два *противоположных народа*, напр., славян от неславян. По этой же самой причине не следовало Байеру и другим относить на догадках ее варяжские *Фулы* в тевтонские места.

Еще в 1253 году, когда Рубруквис плывет через Дарданеллы, укрепленные частыми редутами, то замечает: «*Isthic erant multi Gothi, quorum idioma est Teutonicum*» т.е.: «*В них находилось много готов, у них язык есть немецкий*». Байер пользуется этим местом так: «я не отвергаю, что варяги были датчане, если кто мне допустит, что в числе их было много и шведов и норвежцев».

Я не понимаю, из чего здесь выводит и датчан, и шведов: известно, что фландрийцы в 1253 году владели еще Царьградом и каналами.

Рубруквис, очевидно, слышал там фламандское или даже нижнерейнское немецкое наречие, а не датское или шведское.

Как бы то ни было, но:

1) Греческие летописцы, точно так и русский, строго отличают варягов как от франков, так и от племен тевтонского происхождения.

2) Анна Комнина буквально обозначила эту эпоху, с которой *настоящие варяги* перестали ходить на службу в Царьград, т.е. с 1120-х годов. С тех же почти времен они перестали наниматься и в русскую службу. Итак, к варягам не относится

все то, что встречается у византийцев с 1120-х годов под простым именем *секироносцев*, будь ли они немцы, франки или англичане, потому что мало ли кого не могли ли свести туда крестовые походы!

Этим кончу свое мнение о Байеровой диссертации о варягах, которая, к сожалению, доньше еще служит, так сказать, основанием в историко-критической литературе. Посмотрим еще в следующих статьях, нельзя ли еще кое-что сказать о варягах приблизительнонее, определительнее.

У. Последователи Байера

Прежде, нежели приступить к разбору всех доказательств историко-критической догматики скандинавоманов, упомянем обо всех последователях Байера с 1735 по 1835 год, которых труды и диалектика успели создать и упрочить в русских ученых известное историческое верование.

Из самых трудолюбивых иностранцев на поприще русской истории был *Герард Фридерик Миллер*, профессор и историограф в Петербургской Академии наук и бессменный ее секретарь, и вместе современник Байера. Обширные его заслуги засвидетельствованы как его изданиями, так и хранящимся в дюжинах портфелей множеством собранных им материалов по части истории и народописи Российской империи. Миллер заслужил пространного и отличного жизнеописателя.

Здесь достаточно будет только повторить о нем слова магистра *А. Зиновьева*⁸.

«В 1732 г. начал он издавать *Sammlung Russischer Geschichte* и открыл свое поприще тем, что всего более было необходимо. Взаяся за летописи и в немецком переводе представил выписки из Нестора по Радзивиловскому списку. Не зная сам по-русски, Миллер слушался незнающего переводчика, который надпись временника: *Летописи черноризца Феодосиева монастыря Печерского* перевел так: *Летопись игумена*

Феодосия⁹, через что Нестор около 30 лет назывался у иностранцев игуменом Феодосием, хотя спустя 20 лет Миллер исправил свою ошибку.

Между тем правительство желало иметь точные и верные сведения о своем государстве. Сибирь до того была страной малоизвестной, и потому была снаряжена экспедиция для ее описания. В 1733 г. Миллер отправился вместе с астрономом *Дегинем*¹⁰ и естествоиспытателем *Гмелиным* для составления географии и истории обитателей Сибири. Нельзя было выбрать человека способнее для этого поручения. Там наблюдал он черемисов, вотяков, телеутов, тунгусов, якутов и других; вел подобный журнал своему путешествию, составлял исторические и географические описания городов, через которые проезжал; разбирал архивы оных и тщательно выписывал все, что находил в них для русской истории, срисовывал древности, какие ему попадались: привез множество замечаний о нравах, языках и вере народов, которые посещал в продолжение 10 лет. В 1743 году возвратился он к своей Академии, в которой исторический класс был уничтожен, хотя Миллер был оставлен в звании профессора и ему присоединено было другое – *историографа*. В том звании говорил он речь в день тезоименитства Императрицы: *О начале народа и имени русского*, уже напечатанную им на латинском и русском языках. При дворе узнали, что Миллер, подкрепляя мнение Байера, выводит русский народ из Скандинавии; а по тогдашнему неприязненному расположению со Швецией такое мнение казалось оскорбительным для чести государства. И что же? Ныне, говорит Карамзин (История государства Российского, том I, прим. 111), трудно поверить гонению, претерпенному автором за сию диссертацию. В 1749 г. академики по указу судили ее: *Струве*, *Фишер* на всякую страницу делали возражения. Кончилось тем, что *Миллер* от беспокойства занемог, а диссертацию запретили. Наконец Миллер, справедливо доказавший ошибку тех, которые единственно по сходству имени *варяго-руссов* признавали за древних *роксоланов*, согласился, что *варяго-русы* могли быть *роксолане*, но в смысле географа

Равеннского, который говорит: «*item juxta Oceanum est patria, qui dicitur Roxolanorum*»* (pag.150).

Об этом рассуждении академика Миллера так выражается его современник Василий Кириллович Тредьяковский в своем рассуждении о *варягах-руссах*: «Речь, сочиненная им 1749 года на слово публичному собранию, напечатанная, но в дело не произведенная: ибо освидетельствованная всеми членами академическими нашлась, что как исполнена неправости в разуме, так и ни к чему годности в слоге» (стр. 200).

Таким образом, скандинавомания при самом своем зарождении испытала преследование, по-видимому, заслуженное. Байер писал по-латыни, и русский (сарматский) народ едва ли подозревал, что в этой латыни делают его не сарматским, а скандинавским! Если же Миллерово рассуждение в подкреплении Байера было напечатано и по-русски, то из слова Тредьяковского – *но в дело не произведенная* (т.е. в свет не вышедшая) – видно, что экземпляры были отобраны и русский народ предохранен от раскола в своем историческом веровании.

Несмотря на это, еще за два года до Миллеровой тяжбы, в январе 1747 году, Кириак Кондратович покусился перевести Байерову диссертацию на русский язык, которую, однако, Академия наук не прежде напечатала у себя, как в 1767 году.

Хотя Фишер и Струве возражали на каждую страницу Миллеровой речи, однако они не менее того скандинавоманы, потому что и Струве, как и Байер, выводит русский народ из Скандинавии, но только из другой ее области. Следовательно, его возражения относятся не к самому вопросу, а больше к мелочам, которые нимало не изменяют основной мысли Байера о происхождении Руси. Так как слова *Швеция* или *Скандинавия* не были одобряемы некоторое время, то Струве старался избегать их и употреблял только слово *север, северяне* (забалтийцы) – *le Nord, les normands*. Однако его *Dissertation sur les anciens Russes* напечатана, как сам

---

* Земля вблизи Океана – это страна, которая называется Роксолания (лат.). – Прим. сост.

уверяет в предисловии, с соизволения императрицы Екатерины II только в 1785 году, in 4.

В числе *диссертантов* века Елизаветы Петровны был и *Василий Кириллович Тредьяковский*; он хватился за перо и восстал против *Георгия Валина*, епископа Гошенбургского, который в письме своем к Королевскому Упсальскому Обществу, напечатанном в Актах сего Общества за 1743 год, варягов объявляет шведами; восстал и против Филиппа Бриеция d'Abbeville, который в параллели старой и новой географии, говоря о Московии, варягов признает датчанами; – против Байера, Миллера и самих судей сего последнего, и в 1758 году написал свои: «*Три рассуждения о трех главнейших древностях Российских; а именно 1) о первенстве словенского языка перед тевтонским, 2) о первоначалии росссов, 3) о варягах-руссах*». Все эти три рассуждения, в 275 страниц, напечатаны только в 1773 году, три года спустя после его смерти.

Итак, начала скандинавомании первый сообщил россиянам, на русском языке, *Кириак Кондратович* (1767), как ученик и приверженец Байера. Это был для россиян первый образец историко-критической диссертации, украшенной цитатами на всех языках. Не знаю, какое впечатление мог сделать перевод Байерова рассуждения, в котором доказывали парадокс, что русские не славяне. Кажется, что не могла она нравиться, если отнимала у *многочисленного* народа всякий характер национальности.

Вот почему тогда же восстал против скандинавоманов и их парадоксов профессор *Василий Тредьяковский*. Его *три* рассуждения, соответствующие трем Байеровым (*de Scythiae Situ, Origines Russicae, de Varagis*), есть собственно их разбор. В то время, во время Тредьяковского и Ломоносова, в Академии царствовали партии и ненависть между русскими и немцами, как видно из ненапечатанных писем Ломоносова. Так как характер диссертации Байеровой есть исключительно патриотический, в которой все жертвуется для того, чтобы доказать *благовоспитанность рыцарства баснословной Скандинавии*¹¹, то и рассуждения Тредьяковского тоже писа-

ны в духе патриотическом. Вот его слова (стр. 201): «Сие, т.е. доводы Байера, коль есть не превосходное и твердое предрассуждение о достоинстве первоначальных наших Государей для того, что писатели как наперерыв друг перед другом присваивают их к разным славным и храбрым народам; однако же нам несколько предосудительное как отъемлющее у нас собственное наше и дражайшее добро, и чрез то лишшающее нас природной нашей славы.

Когда же инославные писатели изобрели за должное, по единому самолюбию (патриотизму) только, как мнится, поведствовать о высокославных варягах, и, водя своих читателей по степеням вероятности (хорошо сказано), и потщились удостоверять их, что будто сии варяги нам чужеродные и от нас разноязычные, то мы не ободримся ли изобрести за должнейшее, имея в том преискреннейшее участие, чтобы нам, утверждающимся на самой, поскольку возможно, достоверности, описать наших началобытных самодержцев как единоязычными, так и тождеродными с нами?

Возможно ли, говоря откровенно, и достолепно ли пребывать *своим* бездейственным при *чужих* пререкающем усильствии, да и не стремиться к исторжению отъемлемого у нас не по праву» и проч.

Ученые патриотические рассуждения *Тредьяковского* имели изрядный успех; еще до появления их в свете набралось на них подписчиков на 228 экземпляров, в числе которых можно заметить и гвардейских офицеров. Так как ныне, в 1836 году, не найдется подписчиков не только на 228, но и едва ли на 28 экземпляров ученых диссертаций, то из этого видно, с какой жаждой были расхвачены в 1773 году рассуждения *Тредьяковского*.

Рассуждения *Тредьяковского* о варягах-руссах на 78 страницах заключены следующим выводом: «Твердо по всему и есть непреоборимо: варяги-руссы, а от них прибывшие царствовать Государи наши в Великую Россию, были звания славенского, рода славенского и славенского языка. Крепко и непреодолимо есть: все россы, а особенно северные, не

были ни наняне, ни свеи, ни норвежане, ни скандинавляне, ни германцы; но россияне, собственно так нарицаемые ныне издревле».

Надобно признаться, что *первое* движение исторической критики в русском народе произвел не Байер (как утверждают в своих диссертациях гг. *Зиновьев* и *Погодин*), а Тредьяковский, потому что писал по-русски и читал русские летописи, из которых и приводит целые места.

Тредьяковский, как ни слабо его словопроизводство, удержался от крайности или парадоксов, в какие впали Байер, Миллер и Струве, т.е. наоборот, он не производил скандинавов от славян и удовольствовался тем, что остался при мысли, доступной всякому поселянину, что *русский человек был всегда русским*, т.е. назывался *русаком* и говорил на *русской* отрасли славянского слова: мысль, которую и доказывать *не нужно*, и опровергать *нельзя*.

Заметим здесь, что в этом споре запутаны два разных вопроса о варягах и о русском народе. Можно сказать, что от решения вопроса о первых зависит и уничтожение парадокса последних. Но Тредьяковский относительно варяжского вопроса скандинавоман и последователь Байера, если (на стр. 205) говорит: «Не противлюсь покойному мужу (Байеру, сконч. в 1738 г.) в преемниках его, что датчане, шведы, норвежцы и скандинавцы были *варяги* и имели это имя праведно: это мы увидим после. Но не от этих варягов были великие наши князи, а от каких – то ниже предложим».

Мы выше видели, что Байер полагает, будто Нестор варягами как общим именем называет шведов, датчан, норвежцев, готландцев, т.е. людей скандинавского поколения. Тредьяковский, чтобы дать под этим словом местечко и славянам, распространил значение слова варяги на весь запад Европы, основываясь на следующих словах Нестора: «*Яфетово бо и то колено: варязи, свеи, урмане, геты, русь, агляне, галичане, ляхове, волоси, римляне, немцы, корлязи, венецицы, фрязи*» и проч. (стр. 213), и возражает Байеру: «Одних ли только датчан, шведов, норвежцев и скандинавов называет

здесь Нестор преподобный?» Тредьяковский прав и показал неправоту Байера. Зато и он сам мастер понимать Нестора! Нестор весь Запад, или, лучше сказать, Европу называет, точно, общим именем, но не варягами, а *яфедитами*, именем, под которым варяги являются как *вид*, и такой же вид, как и слова *немцы, ляхове, русь, волохи, свеи, французы*. Вся беда только в том, что Нестор свое исчисление начинает варягами, а не ляхами или римлянами! И положим, что он начал бы исчисление не с варягов, а с ляхов или римлян, то ужели тогда по логике Байера, Миллера и Тредьяковского следовало бы сказать, что Нестор шведов, датчан, норвежцев называет ляхами, римлянами?!

Говоря о Тредьяковском, мы не должны смешивать первого его рассуждения (*о первенстве славянского языка перед тевтоническим*) с характером его последнего (*о варягах*). То рассуждение есть не иное что, как веселая и довольно остроумная *пародия на Байеровы словопроизводства*, который все выводил из скандинавского. Тредьяковский, передразнивая силлогистику Байера, назло ему все выводит из славянского: так, например, *celtae* от *желтые*, *cimbri* – от *шибры*, а это от *ушибать*. *Titan* от *дидан*, или *дедун*. *Hispania* от *Испания*, *Lusitania* будет *Лишедения*, от лишения дня. *Germania* – *Кармания*, от корма, а *Saxonia*, т.е. *Сажония*, от сажения корма. Италия, т.е. *Видалия*, выдававшаяся в море. *Sauromates*, савроматы, т.е. *Саблеметы*, от метания сабель и т.под.

Некогда смеялись над Тредьяковским, который, напротив, сам пародировал над Байером, быть не может, чтобы ученик Роллена и переводчик пространной древней истории мог *серьезно утверждать* такие нелепости, если сам же сознается, что Италия происходит от греческого *ιταλος* – теленок, а *савроматы* от греческого *σαυρος* – ящерица, и *ομματος* – глаз! Здесь он отступает нарочно от признанной им истины для того, чтобы вернее передразнить Байера, который тоже утверждал, что хотя слова *Святослав, Ярополк, Владимир, Всеволод* и составлены из слов славянских, однако, говорит он, они происходят из скандинавского. Так и Тредьяковский

для усиления юмора в своей пародии на байеристов делает такую же уступку, говоря: хотя *савроматы* греческое, однако происходит от слав. *саблеметы*¹².

Эта остроумно-веселая пародия, плод, может быть, одного вечера, найдена в бумагах Тредьяковского после его смерти и издана вместе с его рассуждением о *варягах-руссах*.

Между тем и Ломоносов подал свое мнение о выходе Рюрика из Пруссии, мнение, которому покровительствовал уже Иван Грозный.

Так как Ломоносов и Тредьяковский, больше читаемые народом, нежели Байер, могли увлечь большинство на свою сторону, так что скандинавомания находилась в опасности быть отвергнутой, то академик Ф. Г. Струве, уже в преклонных летах, принялся снова за свою диссертацию, которую он написал в 1753: *Dissertation sur les anciens Russes*; распространил и напечатал в 1785 году.

В этом рассуждении Струве восстает против *современных ему литераторов* (*Les idées hasardees et contradictoires, que quelques Litterateurs modernes nous en ont donnees* и проч.). Это рассуждение состоит из 4 глав: 1) *Об отдельном существовании древней Руси*. 2) *О жилищах древней Руси*. 3) *О происхождении древних россиян*. 4) *О некоторых исторических событиях, относящихся к древним россиянам*.

Чтобы лучше дать себя понять, г. Струве вследствие своих выводов начертал и приложил карту древнейшей Руси под заглавием: *Projet d'une Carte du Risaland, ou de l'ancienne Russie*. Скажем о ней слова два: с севера что-то начерчено вроде моря, на котором надпись *Mer Glaciale*, и нечто вроде Белого моря. Эта прибрежная страна названа Lotunheim по самую северную Двину (или лучше *Печору*). За Двиною надписано *Holmgardia* с городком *Holmhard* (Холмогоры?), который, однако, стоит от моря за 200 верст; притом же Двина втекает не в Белое море, а за 400 верст от него прямо в Ледовитый океан. Южнее тоже начерчено что-то вроде моря, с надписью *Mer Baltique* со слишком широким Ботническим и со слишком узким Финским заливами. Ладожское озеро почти так же велико, как и Ботни-

ческий залив. Теперь хотите знать, где находилась *древняя Русь* или Risaland г-на Струве? Она простиралась по норвежской и шведской Лапонии по берегам Белого моря до Двины или до Печоры; так, по крайней мере, надписал г. Струве! Южнее от *древней Руси* г-на Струве, от Торнео по северную оконечность Ладожского озера простиралась *Гардарикия*, а в Финляндии, между Ладогою, Финским и Ботническим заливами, поставлена *Кенугардия*. Вот и все!!!

Говоря о скандинавских известиях, относящихся к древним *россиянам*, г. Струве между прочим говорит следующее: «*Иоганес Мангус*, архиепископ Упсальский, первый оставил нам события, которые могут относиться только к *древним россиянам*, так как они случились, по его мнению, за несколько времени до Рождества Христова и, следовательно, за несколько столетий до переселения славян (каких славян? Других нельзя, кроме россиян же) в области соседние с Ризаландиею: *Hothebrot*, говорит Иоганес Мангус, *вспомнив о насилиях, совершенных в королевстве Шведском россиянами и эстами, собрал войско из шведов и готов, вступил в Россию, избил великое число россиян, дал им законы и заставил платить себе подати. После его смерти Родерик, сын Готгера, снова начал войну с россиянами и подчинил их Швеции* (sic!) (см. Ioannis Magni Gothorum Suenumque Histor. L. II, cap. 6–7) (Dissert., pag. 66–67).

Все это случилось, говорит г. Струве, за несколько времени до Р.Х.!

Другое известие приводит г. Страубе: «Один сильный король готфов *Vilmer*, или *Philimer*, которого царствование *лучшие* северные историки полагают в начале эры христианской, объявил войну *королю россиян* (fit la guerre au roi des russes qui s'appellait *Hernith*, ou *Hervith*), именем *Гернифу* или *Гервифу*, которого победил и наложил дань на Русь, вручив управление ее сыну своему *Нордиану*» и проч. (sic!).

Но после Гервиф выгнал Нордиана с его шведами, а все это, по мнению г. Струве, случилось во время Рождества Христова (au commencement de L'ere chretienne)!

Желая еще более пояснить это событие, г. Струве приводит о нем свидетельство и другого шведского писателя: «Другой шведский писатель (Ericus Olaus, Dexanus Eccles. Upsal. hist. Cothorum Sveonumque. Lib. I. Pag. 13–14) это событие рассказывает несколько иначе: вот его собственные слова: *Hernith Ruthenorum Rex, ab eodem Philimero subactus, resumtis viribus*»* и проч.

«То же самое событие засвидетельствовано, – говорит г. Струве, – безыменным сочинителем одной шведской хроники в стихах (*Svenske Riim Chronica*), сочиненной в XIV столетии. Вот стихи, в которых об этом говорится» (*Струве*. Стр. 67–69).

Вот как доказываются события, современные Августу и Вергилию, из шведских стихов XIV века! Что же сказать после этого об изысканиях г. Струве, несмотря на то, что они испещрены латинскими и шведскими цитатами?!

Чтобы доказать скандинавизм русской (славянской) мифологии, Струве слово *Перун* (от *попираю*) производит от скандинавского *Thor* (Thor). Так как филологический переход очень неловок от *Tora* к *Перуну*, то Перуна прежде превращает в *Феруна*, и выводит наизнанку, что-де готическое *-th-* изменилось в *-ф-* или *-н-*, и что-де русские изменили *-th-* в *-р-*, потому что и этолийские греки греческую *-θ-* произносят как *-ф-* (sic! Pag. 47)! Подобным же образом объяснял он из скандинавского и половецкие названия днепровских порогов, которые Константин Багрянородный ошибкою назвал *Русскими*.

Карамзин говорит о нем следующее: «Струве силится доказывать, что Несторовы варяги-русь были готфыроксолане, будто жившие между Балтийским и Ледовитым морями в земле, которая в исландских сказках называется *Страною великанов* [Risaland]. Струве говорит, что роксолане, по Географии Страбоновой, обитали в самой глубине севера! Можно ли академику объяснять, таким образом, Страбона, не имевшего идеи о Северной Европе? Ризаландия,

* Набравшись сил, Генрих, король рутгенов, который был побежден тем же самым Филимером... (лат.). – Прим. сост.

Земля великанов, и Иотунгейм принадлежат к баснословию исландскому: там обитали не варяги-русь, а злые духи, оборотни, чудовища» и проч. (История государства Российского, том I. Прим. 113).

Но магистр г. Зиновьев говорит: «Впрочем, Струве имел *надлежащее* понятие о роде руссов (sic!) и сравнением Русской Правды с *древними* (которые, однако, моложе Русской Правды) скандинавскими законами открыл новые виды для критиков. Сверх того, старался объяснить имена днепровских порогов из скандинавских языков независимо от Тунманна» (стр. 23).

Как не догадаться было диссертанту, что Струве погнался за созвучием, которое отыскал в слове *Risaland*, т.е. *Страна великанов*, и что впал в нелепость, выводя *огромную* нацию, наполнявшую все пространство от Новгорода до Дуная, из болотистой Лапонии.

Как ни слаб логицизм Струве, все еще его мечты простительнее его странного притязания на свидетельство русских летописей. «Если все это сообразить с тем, – говорит он (стр. 24), – что древнейшая наша летопись (Нестор) утверждает ясно об отдельном существовании русского народа (*de L'existence separee des Russes.*), то все убеждает нас в том, что варяго-русы были те же ризы (*rises*), вышедшие с берегов Ризаландии!» Что им понадобится, то и станет говорить Нестор!

Диссертацию г-на Струве вскоре перевел на русский язык студент Московского университета Лев Павловский и напечатал в 1791 году (in 8, стр. 192).

Как ни слаба эта диссертация в своем логическом построении, все-таки она своей обширностью и множеством сносок не могла не сделать впечатления в пользу скандинавомании.

Между тем как Струве дряхлел, прибыл в Россию *Август Людвиг Шлецер*, погостивши прежде в Швеции. В 1762 году принят он в адъюнкты Академии наук и в 1765 году произведен в ординарные профессора по части русской истории, а наконец и в ординарные академики. Не стану распростра-

няться об его трудах и заслугах по части русской истории, в которых детальным его соучастником был *Башилов*; они довольно известны.

Шлецер, как и Миллер, настаивал об издании русских летописей. Так как находилось довольно количество списков Несторовой летописи с большей или меньшей разницей в тексте, то ему и поручено было критическое издание свода этих списков, которые он довел только до 980-х годов. Упомянув с уважением о Шлещере как об издателе, мы должны критически смотреть на его выводы как изыскателя. «Его Нестор, – говорит магистр Зиновьев, – представляет собой истинный образец исторической критики. Мы должны упомянуть, что кроме множества отдельных замечаний в его Несторе собраны все доказательства о том, что *древние руссы были норманны* северного происхождения».

Точно Август Людвиг Шлецер поступил под руководство и в последователи Феофила Зигфрида Байера; и с этой точки зрения Шлецер в истории исторической критики в России является необратимым скандинавоманом.

Резкий и полемический тон Шлещера, его сарказмы при обширной начитанности, и весьма часто при справедливых замечаниях, приобрели ему тот авторитет, которому нелегко решаются противоборствовать юные, еще неопытные умы. Шлецер утверждал смело, и где недоставало ему достаточного довода, там он прибегал к сарказму, или даже к парадоксам, – и все замолкли. Карамзин, как исторический повествователь, при предстоящем ему обширном труде не имел довольно времени сразиться со Шлещером. Карамзин принял основные выводы Байера, Миллера, Струве и Шлещера, несмотря на то, что местами делает им возражения. Это только показывает, что сами скандинавоманы могут между собой спорить, не нарушая общих и основных своих положений. Таким образом, и у Карамзина *древние руссы* объявлены *шведами!*

Между тем как *Дмитрий Иванович Языков* готовил к изданию русский перевод Шлещерова сводного Нестора, в Московском университете стали задавать молодым людям рассу-

ждения на темы из Нестора. В 1806 году вышло в свет: *Решение публичной задачи от Московского университета о том: когда словене переселились в Россию, и кого летописец Нестор называет волохами?* Михаила Антоновского – решение весьма слабое; но и задача очень неудачная, потому что Нестор об этом переселении говорит только вообще, как о событии *Бог знает когда случившемся*. Да и кто в мире в состоянии решить, с каких пор русские существуют на Руси!

Вскоре появилось и другое рассуждение московского профессора, сына *Шлецерова*, в 1810 году: *О происхождении словен вообще, и в особенности словен российских, или опыт решения предложенной Императорским обществом российской истории и древностей и историческим классом Московского университета задачи относительно изгнания словен с берегов Дуная волохами, сочинение, удостоенное награды упомянутым обществом*.

Здесь считаю необходимым несколько распространиться о теоремании любителей истории славянских племен, т.е. о *страсти пояснить расселение славянских племен*. Так как действительная история хранит совершенное молчание об этом событии, то славянские теореманы пустились квартирмейстерствовать на одних *теориях*. Теоремания заслуживает *отдельное* рассуждение, но как теореманы наши непосредственно способствовали к развитию скандинавомании, и как посему и сами принадлежат к скандинавомам, то кстати здесь сказать о них несколько слов.

VI. Теоремания изыскателей славянщины поддерживает Байера и его последователей

Если есть что-либо слабое и произвольное у Нестора, то это именно место о расселении славянских племен из одного фокуса. Нестор об этом мог только мечтать, как и мы. Я ниже покажу причины, которые его заставили делать *план перехода*

дов всех племен славянских (россиян, болгар, сербов, ляхов и проч.) из Штирии, коей жители и доселе называют себя словенцами! Нестор не имел ни малейших источников, ни малейших преданий о таком событии (расселении славян), о котором все писатели, от него до Р.Х., совершенно ничего не знают. Об этом событии Нестор не судья, следовательно, брать на себя труд решать эту задачу по Нестору значило бы пускаться в несбыточные мечты или теории.

Теореманию как славянских ученых, так и иноплеменных любителей славянской истории породила *ошибка*, или *антилогический* силлогизм. Правда, в риторике приняли фигуру, в которой *часть* употребляется вместо *целого*, и наоборот, *целое* вместо *части*, например, чужой *деньги* не желаю – вместо *добра*. Конечно, есть целые, которых составные части все *однообразны*, *одинаковы*. Но есть, напротив, и целые, составные части которых *разновидны*, *разнообразны*; такие целые принадлежат к царству растительному и царству животных. Но целые этих двух царств уже не *целые*, а *роды*, их части не *части*, а *виды*. Если между *частями* рубля (копейками) существует *однообразие* и *равенство*, то между *видами* какого-либо *рода* животных или растений находится ощутимое *разнообразие* и неравенство, точно такое, как между *дубом* и *тополем*, *сосной* и *березой*. Вот почему логика не допускает, подобно риторике, в целых употреблять *вид* вместо *рода*, *род* вместо *вида*.

Такие точно роды и виды существуют и во *всеобщей народописи*, или познании народов, – *россиянин*, *поляк*, *чех*, *серб*, *словенин* (или *словенец*), *болгарин* составляют *виды*, или племена одного *рода*. Все эти виды славянского рода разнятся между собой и именем, и одеянием, и обрядами, и историей, и формами своего языка, точно так же, как и растение от растения.

Из числа *видов* славянского *рода* были жители Штирии, Иллирийского королевства и Венецианской области, которые всегда, да и ныне еще, отличали себя от прочих славянских племен именем *словенцев*. Этот вид исконно был в подданстве

у римлян, которые их называли именем провинций, в которых жили (*rheti, pannonnes, carni, venetae*).

Надобно заметить, что изыскатели древностей славянских племен приняли за правило караулить то время, с которого греки или римляне станут именовать славянские племена, т.е. их национальными именами. Но увы! Ни у Геродота, ни у Страбона, ни у Тацита не встречается слово *slovinciones!*

Между нами будет сказано, римлянам нужды не было называть простой народ Паннонии, Ретии, Норика так, как они себя называли. Да и кто принудит россиян называть курландских и лифландских немцев так, как сами они себя называют, т.е. *дейчерами*.

Наконец, только 80 или 100 лет спустя после освобождения этого племени *Аттилою* от ига итальянцев, т.е. около 540 года, когда уже исчезла память римских губерниальных названий и когда это племя составило свое особое княжество, вздумалось тогдашним писателям *Прокопию* и *Иорнанду* употребить племенное их название *σλαβῆνοι – slavini*.

Обрадовавшись, любители славянских древностей пошли строить в Штирии *славянское столпотворение*. (Эта славяно-вавилонская башня построена из тысячи и одной диссертации *о происхождении славян*, которые все противоречат друг другу).

Подшутили же *Прокопий* и *Иорнанд* над славянолюбцами! Ровно как и я над немцами от того, что со времени Нестора я первый в 1836 году употребил на русском языке примера ради слово *дейчеры*.

Если же теореманы, т.е. исследователи славянских древностей, не могли понять, что *Прокопий* и *Иорнанд* своим номенклатурным нововведением не перечили *прежнему* существованию *словенцев* в Ретии и Норике, точно так же, как и я не противоречу существованию немецкого народа в Европе от того, что первый употребил слово *дейчеры*, то они также должны были не забыть, что древние греки *буквально* переводили на свой язык *собственное* название этого славянского племени. Греческое слово *το ρητον (rheton)* значит *слово*; отсю-

да и *ρητορ* (*rhetus*) – словесный, словенец; *ρητορ* (*rhetor*) – *словесник*, *ρητορικη* (*rhetorica, la rhetorique*) – *словесность*: что же другое может значить древнее *Rheti, Rhetia*, а по-нашему *Реция*? Другого корня и значения нет этому слову.

Хотя первое появление у Прокопия и Иорнанда слова *σλαβηνοι, slavini*, вместо *rheti* или *pannonnes*, столько же мешает историческому существованию этого племени искони в тех странах, сколько и первое появление в русской книге слова *дейчеры* истории немцев, однако теореманы наши заключили: следовательно, словене первый раз явились в Европе или там около 520 или 540 году! И пошли толковать не только об их, но и всех славян *прихождении*.

Это племя присоединено к Италии в царствование императора *Августа* вследствие походов Тиберия и Друза в *Ретию* и Паннонию. С тех пор до нынешнего дня *словенцы* имели *постоянное* несчастье зависеть от других народов. Римляне наводнили всю Италию пленными из Ретии, в которой, наоборот, заводили свои колонии. Со времени Карла Великого *Ретию* стали заселять немецкими колониями немецкие императоры. Кто не выбыл из страны, тот дома мог олатиниться или онемечиться. Таким образом, из всех жителей *Ретии* (Норика, Паннонии и Венетии) ныне осталось потомства не более 500 000 или 600 000. Они те же места населяют и теперь еще, какие и во время Иорнанда и Прокопия около 520 года.

Зная историческое положение, что словенцы терпели потери от постоянной *убыли* из своей массы в массу латинскую и немецкую, непонятно, каким образом могут теореманы, которые ищут развития всех славянских племен из одного имени этих рето-норийцев, в этой *уменьшающейся прогрессии* их народонаселения объяснять такое *возвышающееся плодородие*, что в нем находят источник и ляхов, и чехов, и сербов, и померанцев, и болгар, и 40-миллионного русского народа! Искать физическое народное и языкописное развитие ляхизма, сербизма в словенизме не одно ли и то же, что искать в *березе* развитие *дуба, тополя* или *сосны*!

Впрочем, если уже теореманы решились искать у древних только древнейшее появление собственного имени какого-либо из славянских видов, то имена *сербов* и *болгар* гораздо раньше встречаются у древних, нежели имя *словен*. Так, например, *Vibius Sequester*, писавший свою краткую Географию около 300 года, говорит о *Великой Сербии* (в Германии): «*Albis Germaniae Svevos a Gervetiis dividit*». Иные очень справедливо замечают, что у Птолемея в описании стран Германии поставлена ошибкою, т.е. опечаткою при издании, страна *Urbium* вместо *Serbium*. Сам *Юлий Цезарь* сохранил в своих записках национальное имя сервов, которое, однако, доселе читают *херуски*, подобно одному семинаристу, который франц. слово *cheveaux* прочел *хевуакс* вместо *шево*. Да и что может быть другое Цесаревых *CHERVSCI*, кроме *шервский*. Наконец, римское *servus* (а от него *servio*, *servitus*, *servitude* – плен, рабство) в латинском словопроизводстве решительно не имеет другого корня или источника, кроме случая, по которому *собственные* имена народов могут сделаться и нарицательными, как я уже выше заметил о швейцарах, арнауцах и варягах у Кодина и Кантакузина.

Таким образом, и *Еннодий*, епископ Павийский (умер в 521 году), в своем похвальном слове Феодорику Великому уже под 470-ми годами упоминает о другом славянском виде, о *болгарах* (*bulgares*), с которыми готфы сражались в Мизии за границами своих владений. Тоже и *Marcellinus Comes jlyrici* – упоминает о них *гораздо раньше*, нежели Прокопий о словенцах, *их соседях*.

Не стану упоминать здесь о множестве других историко-критических обстоятельств, которые теореманов ввели бы в большие затруднения. Довольствуюсь указанием еще на одну их замашку.

Иорнанд оставил нам множество любопытных географических сведений VI века, рассеянных в его исторических сочинениях о готфах. О *словенцах* говорит он следующее: «*Sclavini a civitate Nova (Novietunense) et Lacu, qui appellatur Mursianus usque ad Danastrum, et in boream Viscla tenus commorantur*», т.е.

«Словенцы с юга от города *Новы* (что в Южной Паннонии) и озера *Мурзского* простираются к *Днестру*, а прямо к северу до *Вислы*» (*Jornandes do Got. Orig. Cap. 5*).

Как в естественных науках, так и в географии ум человеческий никогда не начинал с *родов*, а с *видов*, потому что понятие о *роде* рождается только после изучения и сравнения разных видов, так что понятие о роде наконец приобретает как результат занятий, как открытие.

Кто хоть несколько знает жителей Австрийской империи и жилища разных ее славянских племен, тому и в голову не придет думать, что Иорнанд в этом месте под *sclavini* говорит о *роде*, обо *всех* славянских племенах, тогда когда он говорит только об одних *словенцах*. Теореманы и охотники до переселений и расселений, может быть, удивятся, что эти Иорнандовы *sclavini* VI века в тех же самых местах обитают и ныне в 1836 году и что история не представляет ни малейшего намека об их переселении или расселении с 550 по 1836 год; в противном случае как бы могли словенцы ныне обитать в тех местах же Иорнандовых границ 550 года!

Нынешний этнограф при описании племен Австрийской империи по исчислению жилищ (в Венгрии) руси, сербов и кроатов – *словенцам* те же самые границы назначил, как и Иорнанд в 550 году, исключая небольшие изменения, произошедшие от поселения венгров и поселения немецких колоний. До Карла Великого словенцы населяли и все Австрийское эрцгерцогство, так что Иорнанд, говоря, что они простираются к северу к *Висле*, т.е. к источникам Вислы, довольно верно выразил настоящее; хотя, впрочем, говоря буквально, словенцы никогда к Висле не примыкали.

Что касается до его выражения *простираются к Днестру*, то это принять можно только за указание их направления; да и точно, *словаки* и теперь еще, начиная от Песта, простираются к северо-востоку до Карпатов и ограничиваются в Карпатах русью очень близко от тех мест, из которых вытекает *Днестр*.

Если принять слово *ad Danastrum* за опечатку вместо *ad Danubium*, что очень легко могло статься, то указание Иор-

нанда было бы еще определительнее, потому что словенцы к востоку от Штирии жили точно только до Дуная. Если подразумеваешь *Днестр*, тогда он указывал бы два раза на север и забыл бы восток.

Современник Иорнанда, *Прокопий Кесарийский* (в *Воине с готфами*, III, 14), говорит о словенцах почти то же самое: «*Населяют значительную часть той стороны Дуная*», он подразумевал Задунайскую Венгрию и Австрию, иначе Прокопия растолковать нельзя.

Вот два древнейших писателя, которые первые употребили национальное имя ретийского славянского вида. Дело шло только о значении слова *sclavini*! Точно в этом только смысле упоминали о них и все последствовавшие византийские писатели до XV столетия. Нигде нет у них ни малейшего признака, чтобы они под словами *σθλαβοι, σθλαβήνοι, σχλαβινοι* подразумевали то, что мы теперь вообще понимаем под словом славянин, славяне (т.е. все славянские племена). Византийцы *σχλαβηνοι* всегда употребляли тогда только, когда хотели говорить или о жителях Далмации, Славонии и Истрии, или Задунайской Венгрии и Штирии.

Заметь хорошо. Слово *slavi* стали принимать с XI века в общем смысле арабские географы, Адам Бременский и другие саксонские, датские и франкские писатели, если писали полатыны, и, наконец, преподобный Нестор. Эти писатели слово *slavi* прибавляли к имени всякого племени, напр. *slavi sorabi, slavi vinidi, slavi pomerani, slavi bohemanni* (чехи), *slavi moravani* (моравцы), даже *slavi rutiae, ruzziae*.

Итак, ни греческое *σχλαβηνοι* (т.е. словенцы), ни *slav*, ничего ни значащее у западных хронистов, не представляет никакой важности для пояснения старины *всякого* славянского племени порознь, потому что у греков оно значит только штирийцы, а у западных только *намек* западным народам, что померанцы, ляхи, русь, сорабы, чехи *сродни* со словенцами (*cum rhetis*). Больше ничего! Следовательно, греческие *σχλαβηνοι* решительно ни к чему не идут в соображениях древности прочих слав. племен, *руси, ляхов* и проч.

Но, может быть, теореманы сложат свою вину на Нестора, утверждая, что они руководствовались свидетельством русской летописи. Но ужели они не поняли греков и Иорнанда! Во-вторых, ужели они поверили, что Нестор мог быть свидетелем такого события, каково расселение славянских племен, но о котором он выразился, впрочем, только *apriori*, относя это к началу, которое тоже принимает только *apriori* же!

Двоякая сильная причина побудила Нестора высказать догадку о событии, которого он не мог быть свидетелем.

1. Его источниками для изучения всеобщей (древней) истории были библейские и греческие хронографы, которые обыкновенно начинаются космографией, т.е. кратким описанием расселения Ноева потомства. Но этого никак нельзя было прилагать к началу русской летописи, начинающейся с половины IX века. Напитавшись мыслью о расселении, Нестор применил это и к русскому народу!

2. При этом внутреннем своем расположении объяснить (никогда не объяснимое) направление в расселении славянских племен Нестор увлекся случайным созвучием. Известно, что один из концов, или частей, Новгорода Великого назывался Славенским, потому что главная улица этого конца тянулась по дороге, ведущей к речке Славенке (Петерб. губернии) или к какому-либо месту, носившему название Славль, точно так же, как и ныне часть и улица Троицко-Сергиева посада, ведущая к Переславлю, называется Переславенкою, или Переславенскою.

Нестор, интересовавшись Новгородом, действительно не мог не слышать, что в Новгороде есть *словенцы*, т.е. жители *славянского* конца. Считая необходимостью дать какое-либо направление мнимому движению славянских племен и не зная, отчего произошло название *Словенской* заставы в Новгороде, он принял это уличное за племенное название!

Итак, вот почему штирийцы направили-де стопы свои на север, к озеру Ильмену, чтобы променять виноградники и персики своей страны на песчаные новгородские леса и на

тамошние топи! Непонятным, однако, останется навсегда, каким образом римское или гуннское правительство дозволило этим фантастам-вояжерам, своим данникам, покинуть свои дома и уголья и пуститься в такие страны, о которых они не имели ни малейшего понятия! Однако скандинавома-ны и теореманы утверждают, что-де случилось такое в VII или в VIII веке (см. выше)!

Нестор, вообразивши себе *словенцев* в новгородских *русских* словенцах, переделал их имя и ударение в *словении*, которое он нередко употребляет вместо слова *новгородцы*!

Слово *Новгород* показалось ему чем-то *новейшим*, поэтому-то он и приписывает Рюрику его построение, несмотря на то, что Иорнанд, исчисляя жителей Северной Руси в половине VI века: *чудь* (*thuidos*), *мерю*, (*merens*), *мордву* (*mordenzimnis*) etc., между прочим упоминает и о *Новгороде*.

Положив однажды, что словенские русы Новагорода были когда-то *штирийцы* и назывались *словенами*, то не только *Новгород*, но и слово *русь* показалось Нестору *новым*! Следовало обозначить его начало, которое он ставит с **прибытия** к словенцам (в Новгород) *рюриковой руси* из земли Варяжской, несмотря на то, что у византийцев слово *русь* встречается почти десятком лет раньше, а в Бертинианской летописи – даже 30 годами!

Обмануться Нестору легко было, если он не имел пред собою ни Иорнанда, ни *Annales Bertinianos*; вот почему из недоумения через недоумение перешел к вопросу: *когда же Русская земля стала называться Русью?* Однако этот вопрос похож на следующий: *когда же сосна прозвалась сосною и береза березою?* Мысль Нестора: *и от тех руси* (пришедших с Рюриком) *начася прозывают Русская земля*, совершенно несправедлива.

Мы не должны забывать правила из исторической логики, что: 1) *всякий летописец, подобно всякому сочинителю, подвергается критике*; 2) летописец может быть свидетелем только в пределах своей современности; 3) длина времени, составляющего современность летописца, простирается от

250 до 300 лет; 4) об эпохе, предшествующей этой современности, летописец обязан писать со свидетельств предшествующих ему хронистов.

Следовательно, как скандинавоманы, так и славянские теореманы не имели права прикрывать себя Нестором в таких отношениях, в которых он и себя оправдать не может.

Критика, как бы строга ни была, не может позволить себе ни малейшего упрека Нестору за его догадку, потому что он, не имея под руками ни Иорнанда, ни *Annales Bertinianos*, подвергся влиянию нескольких совпадавших обстоятельств и, излагая это как догадку только, не навязывал ее никому. Но тем непростительнее теореманы, которые при всех возможных средствах под руками, при сочинениях всех греков, римлян и западных европейцев, притязая на ученость и критицизм, довели историю до настоящей фантазмогории!

Взглянем вкратце на все возможные теории, по которым заставили славян двигаться взад и вперед (см. *Über die Abkunft der Slawen*, 1828, Шафарика).

Викентий Кадлубко, епископ Краковский (род. в 1161 году – ск. 1223), следуя Нестору, выводит их тоже из Иллирика, Панноний и Каринтии.

Богуфаль (ск. 1253) Паннонию называет колыбелью славян (конечно, *словенцев?*).

Длугош (род. в 1415 – ск. 1480) того же мнения, которое, однако, он больше развивает.

П. Пулкава (около 1374) выводит славян после Вавилонского столпотворения из Сеннаара чрез Халдею в Ионию, а после – водою чрез Царьград в Болгарию, Россию, Каринтию и т.д.

А. Кранц (ск. 1517) повествует, что у самого старшего Ноева сына *Туискона*, от которого будто бы происходят немцы, был сын *Vindalus* и что его потомки на севере удержали название *вандалов*, а на юге приняли имя словенцев (*Hist. Vandal. Coloniae*. 1519).

Н. Маршалек, его современник, развел эту песню еще другими прибавками.

М. Кромер (род. в 1512 – ск. 1589) производил славян от балтийских венедов и сарматов, считая обоих за один и тот же народ (см. *De Origine et rebus gentis Polon. Basileae, 1555*).

Мауро Орбини, аббат в Дубровнике (Ragusa), иллирийцев считал предками славян (*Regno degli Slavi. Pesaro, 1601*).

Ж. М. а Судетис приписывал сарматским роксоланам честь учреждения чешского народа (*Bojem. Natio. Pragaе, 1614. – Subcesiva 1615*).

Ф. Клуверий (род. в 1580 – ск. 1623) считал сарматов предками венедов и словенцев (*German. Antiqu. Lugd. 1616–1631*).

В. Латомус писал кучу сказок о переселении вандалов и генетов, предков славян, в Пафлагонию, Грецию и Сармацию (*Genealochron. Megalopol*).

Ж. Пасториус фон Хиртенберг считал колхидских *гениохов* предками *генетов* и вместе зародышем славян (*De Origine Sarmat. Dantisci, 1685*).

А. Френзел, основываясь на некоторых созвучиях в словах германских славян, производил их от *евреев* (*De Origine Linguae Sorabicae. Budissae, 1693–1696*).

С. Абель (род. в 1677 – ск. 1763) считал *колхидских лазов* и *зихов* предками славян, основываясь на созвучии этих слов с *ляхи* и *чехи* (*Deutsche und Sächsische. Alterthum. Leipzig, 1729–1741*).

Ж. Ч. Йордан старался доказать в своем собрании материалов из западных писателей, что славяне (slavi, словенцы) прежде всего обитали на Дону и на Волге, и что после у Черного моря и Дуная слыли меотидами и сарматами (*De Originib. Slavicis. Vindob, 1745*).

Граф *Бонде*, а по нему и *Моллер*, производили славян от чухонцев.

С. Долци посредством словопроизводства старался вывести славян от *фраков*, *сарматов* и *скифов* (*De Illyr. lingua vet. Venetiis, 1754*).

Ж. Ф. Хартноч (р. 1740 – ск. 1789) утверждал, что славянские племена происходят непосредственно от скифов.

Г. Добнер (род. 1719 – ск. 1790) считал сарматов за природных словенцев и венецов (*Monum. Histor. Bojem. Pragaе, 1764*).

М. de Peyssonel (р. 1710, ск. 1790) считал аваров, болгар, печенегов и хрватов за сродственные племена, происходящие от неизвестного народа (*Observat. Histor. et geograph. etc. Paris, 1765*).

Граф Грубишич отыскивал предков славян во фригийцах (*Disquisition in Origin. et histor. Alphabeti Slavo-Glagolitici. Venetiis, 1766*).

Ж. Severini производил от пафлагонских генетов не только адриатических венецов, но и прочих славян, к которым он причислял и фракийцев, и паннонцев (*Comment. de Incunab. Hungar. Sopronii, 1767. – Pannonia Lips, 1771*)!

Н. Freret (род. 1688 – ск. 1749) имел высокое понятие о древности славян, так что Славянский язык считал матерью языков фрикийского и греческого (*Oeuvres. ed 1796. Tome I. – Mem. de l'Acad. des Inscriptions. T. XXI*).

В. Н. Татищев (род. 1686 – ск. 1750), следуя многим иностранцам, производил славян от Ноя, проводя их через разные азиатские и европейские народы до известных столетий.

Рауч (род. 1726 – ск. 1801), архимандрит, в своей *Истории словенских народов* (Вена, 1792) причислял к ним и готфов, вандалов, герулов, аваров, но без всякой критики.

С. Ключевский силился доказать, что и славяне, и их язык происхождения скифского и сарматского (*Sarmat. Europ. Leopoli. 1769*).

Ж. Ch. Gatterer (род. 1727 – ск. 1799), не трогая сарматов, пустился выводить славян от *гетов* и *даков* (*Comment. Societ. Gottingens. T. XXI etc.*).

Ж. В. Michaelis (род. 1717, ск. 1791) халдеев объявил славянами (*Spicileg. geograph. Herb. Gotting. 1769*).

С ним соглашался Ж. Р. Forster.

Ф. В. Gercken (род. 1722 – ск. 1791) искал их в сарматах (*Versuch der Gesch. der Slawen. Leipz., 1771*).

Была тоже попытка сделать славян предками киргизов (*Abhandl. Einer Privatgesellsch. in Bohmen. B. II*).

К. Г. Anton (1751–1818) от персов производил армян, от армян сарматов волжских, от сарматов выводил будинов, роксолан и сербов (*Versuch uber die Slav. Leipzig, 1783 etc.*).

Р. Ш. Levesque (1736–1812) доказал, что латины обязаны славянам корнями своих слов и что предки латинов и славян слишком рано, т.е. до происхождения от них троян и венетов, разделились (*Essai sur les rapports de la langue des Slaves avec celle des anciens habitants de Latium*).

П. Соларич (1781–1821) тоже старался пояснить ближайшее родство между славянами и римлянами в своих: *Римляны славенствовавшие*. Будин, 1818.

Л. А. Gebhardi (1735–1802), не касаясь скифов и сарматов, старался доказать, что славяне происходят от тех балтийских вenedов, о которых упоминает Плиний, Тацит и Птоломей (*Geschichte aller Wentisch-glamisch Staaten. Zalle, 1970*).

К. Mannert полагал вероятным, что великие племена скифов, сарматов и славян могли быть один и тот же народ, который греки только в разные эпохи называли разными именами (*Geographie der Griechen und Romer VI. B. Nurnberg, 1795*).

М. П. Катанчич (1750–1825) славян подразделял на два племени: *южное*, которое он производит от иллирийцев и фраков, и *северное*, выводимое им от сарматов (*De Istro. Budae, 1798. – Istri Accolarum Geographia Venus, 2 vol. 1826*).

Н. Нарушевич (1733–1796), которого неоконченные исследования о первых жилищах славян недавно выдало в свет Варшавское Кор. Общество приятелей наук, полагает пространство между Днепром и Волгою древнейшим жилищем славян, которым отчасти и не отказывает в родстве с сарматами (*Historya Narodu Polskiego. Ч. I. Варшава, 1824*).

А. Л. Шлецер (1735–1809) сперва искал славянских старожил в Иллирике (см. *Nordische Geschichte. 1771*), но после 30-летних исследований (на основании толкования Иорнандова свидетельства о жилищах *слованцев*) определил древнейшие жилища всех словенских племен в *треугольнике* между Тисою и Дунаем в Венгрии (*заметь хорошо*: в местах самых ненаселимых) и горами Карпатскими до Силезии и

далее, а антов – в Молдавии и Валахии по Черное море, тоже в местах отчасти безводных и безлесных! Как будто Проконий и Иорнанд в Молдавии и Валахии ставят антов (см. Шлецерова *Нестора*)!

F. M. Appendini силился доказать, что если не все, то большая часть потомков Яфета говорила на иллирико-словенском языке и что на нем же говорили древние фраки, македонцы, иллирийцы, скифы, геты, даки, сарматы, кельтоскифы и другие древние народы (*De Praeantia et Velustate linguae Illyricae. Ragusae, 1806*).

C. Сестренцевич-Богуси северных славян производит от сарматов, а южных от венетов (*Recherches historiques etc. St. Petersb., 1812. – Precis des rech. St. Pet., 1824*).

Прелат *Чайковский* силился доказать, что славяне происходят от скифов (*Rocznik towarzystwa Warszawskiego. Том XI*).

B. C. Маевский обращает внимание на родство славян с индийцами в сравнении с санскритским языком (*O Slavianach. Warszawa, 1816*).

A. Murray (1775–1813) толковал о тождестве славян и сарматов исторически и филологически (*History of the European Languages. Edinb., 1825*).

H. M. Карамзин (1765–1826) последует Гебгардию в произведении славян от балтийских венедов, позволяя, однако, по Гаттереру, и гетам быть славянами (*История государства Российского. I*).

Иосиф Добровский, аббат, думал в своих сочинениях, что славяне не только не сродственны со скифами, сарматами и древними венедами, но и не обитали они по Висле в I столетии по Р.Х., как он прежде полагал, но напротив, или перешли они в Европу из Азии вместе с гуннами, или, что ему казалось вероятнее, уже прежде жили они в соседстве готфов, подле литовцев, в верховьях Днепра и Волги (*Geschichte der Bohemischen Literatur. Prag, 1818, и в др.*).

J. F. Ritter von Schowabenau старался исторически доказать происхождение славян от древних венедов и сарматов (*В немецк. период. Изд. Hesperus за 1819, в январской и след. книжках*).

Граф *Тенчин-Оссолинский* (1756–1826) принял Геродотовых *вудинов* за предков славян; свое мнение излагал он в своих замечаниях к истории Кадлубки (*Wiadomosci historyczno-krytyczne. T. II. Krakow, 1819*, и *Wincent Radsurer, neper. Лунде. Варшава, 1822*).

Гр. *Данковский*, профессор в королевской *Пожунской* (Pressburg) Академии в Венгрии, объявил архиславянами сперва скифов, а после гетов и фракийцев, и греков – родными братьями славян (*Fragment fur Geschichte etc. Pressburg, 1825*, и *Die Griechen als der andte der Slaven. Там же, 1828*).

Из всех этих мнений следует одно только достоверное положение, что ничего еще не доказано логически-положительного относительно древности и древностей славянских племен. Что один созидал, то разрушал другой!

Если в познаниях человеческих есть понятия или физически, или же логически положительные, то в таких познаниях нет места мнениям, следовательно, нет места и противоречиям. Вот почему не было разных мнений о том, что дважды два четыре.

Есть, однако, не только математические, но и логические аксиомы или истины, не допускающие никаких мнений, рассуждений. Так, например, из правила, что *угол отражения происходит под углом падения*, откроете существование не виданного и не видимого вами предмета. Если укажете мне на потолке соседней комнаты солнечное пятно и скажете мне, что в той комнате на известном месте стоит кусок зеркала, *поверю* вам. Если вы, сообразивши направление луча, откроете и наклонение, в котором находится зеркало в отношении к солнцу, *поверю* вам. Если я сам буду в состоянии сообразить и понять это, то тогда уже перестану *верить*, потому что стану *знать*. Стану *знать* не только *существование* зеркальца, но и его место и его *наклонение*, несмотря на то, что я всего этого не вижу. Можно открыть еще больше, если лучевое пятно на потолке движется или даже бежит; тогда я открою, что зеркало находится в движущей руке человека или играющего ребенка. Таким образом открыто существо-

вание и человека или ребенка в соседней комнате, о котором, однако, молчали все *летописи*!

Совершенно то же правило общей *логики* должно управлять и историческим *верованием и знанием*. Древние писатели оставили нам тысячи этих лучевых пятен, по которым можно было открыть и знать о существовании *тысячи* предметов и отношений, о которых не упоминали, *молчали* древние. Тогда только логическая критика возвратила бы истории ее истинное достоинство, т.е. сделала бы из нее *догмат*, т.е. знание, сделала бы ее *наукой*! Сведением для человека! Тогда не было бы *разных* мнений, т.е. противоречий.

Все перечисленные выше разные мнения, т.е. противоречия, ясно и неопровержимо доказывают, что историко-критическая логика находится еще в своей *глиняной* эпохе. Трудно вообразить себе, какую *фантазмагорию* делали теореманы из истории Европы вплоть до Карла Великого. В этой фантазмагории народы движутся подобно китайским теням, в ней мерещится естественным все неестественное!

Кто не знает, как поступали с древней историей русского народа! Известно, что самое начало Несторовой летописи заставит русский народ в *гигантском* движении. Первая занавесь русской летописи поднимается, и вам представляются две сцены: *изгнание иноземцев из Новгорода Великого и русский многочисленный флот на Черном море, идущий осаждать Царьград*! Чья история на земном шаре начинается такими величественными сценами? Начало домашней истории других народов облечено в легенду; это просто баллада поэта; но русская летопись начинается с положительного события. Уже в 862 году вся Сарматия от Новгорода до Черного моря и до Карпатских гор, равно и Северо-восточная Венгрия, была наполнена русским народом, усеяна городами. Это известно положительно не только из русской летописи, это известно и из свидетельств араба (921), грека (950) и бременского саксонца, современника Нестора.

Какое же логическое следствие для исторической догматики вывели скандинавоманы и теореманы из этих положительных лучей?

Кажется, что русский народ, огромный своей массой, не мог вдруг в 862 г. размножиться и разлететься, подобно саранге; что русские города не могли вырасти в один год, подобно грибам после дождя. Кажется, что это смешно было бы доказывать, потому что это *аксиома*. Сам Нестор чувствовал ее, и когда в своем введении говорит о расселении славянских племен по рекам Бугу, Днепру, Суле, Полоте, Волхове, то подразумевает *когда-то, давно* – возьмем крайне недостаточное время для подобной операции, например 150 лет, то мы и без летописи, без буквального свидетельства современных писателей уверимся в историческом догмате, что *русский народ обитал на Руси уже* в 700 или 699 году, несмотря на то, что Прииск, Иорнанд, Прокопий, Менандр, Агафия, Григорий Турский и Фредегарий называют ее *Рунниєю* и *Обриєю*. Теореманы испугались этих имен, стали пожимать плечами, стали сомневаться в этом догмате русской старины, который принял и сам Нестор, и пошли теории переселений! Им трудно было понять, что временные прозвища *унны* или *обры* (абары) падали именно на русский народ 800-х или 700-тых годов, хотя он тут же жил и в 600-тые, и 500-тые, и в 400-тые годы по Р.Х.

Теореманы приняли себе за правило: *другое имя, следовательно, другой народ*. Но в таком случае они не в состоянии понять византийских историков с II по XV столетие потому, что у всех этих писателей нет постоянной народописной номенклатуры. Так, например, современники Нестора *Анна Комнина*, *Киннам* и *Кедрин* христианскую Россию, Россию 1090–1120 годов называют: первая *Скифией*, *скифами* (σχυθαί), второй, упоминая о сношениях императора Мануила с *Ростиславом* Галицким и другими червенскими князьями, называет их *тавроскифами* (των ταυροσχύθων), Кедрин – *россами*. Что скажут теореманы на то, что *Халкокондил*, писавший (после взятия Царьграда в 1453 году) историю турецкую, вкратце описывает и Россию, подразделяет ее на *μεγάλη Σαρματία*, *ὀπίρη Σαρματία* *μαύρη Σαρματία*, т.е. на Велико-Россию, Бело-Россию, и Черную Русь. Упоминает о

Москве, Новгороде, Твери, утверждает, что Σурματια к северу граничит с Пермью, на юге-западе граничит с Πολωνοι – Польшей, к Крыму и за Волгой – с Σχυθαι т.е. с татарами.

Как же не понять было теореманам, что у византийцев господствовало то же самое номенклатурное *своеволие* и относительно Руси дорюриковской?! Ужели они не могли догадаться, что в природе не могло быть той своевольной подвижности и непостоянства в *народах*, какое видим в народописной номенклатуре греческих писателей!

Мы видели уже разные слова, под которыми немецкий народ слывет на разных европейских языках: собственное *дейчеры*, нарицательные *тедески*, *аллеманды*, *джермены*, *немцы*. Этими разными названиями прекрасно можно пояснить умозаключения теореманов относительно разных названий, под которыми слыли жители Руси, с той только разницей, что ту же силлогистику выражу другими словами или цифрами.

Итак, полагают теореманы: «Германию искони населяли *германы*, вытеснившие из нее *кельтов*; в последствии времени *аллеманды*, жившие у Рейна, уничтожали *владычество германов*, но несколько времени спустя сделали нашествие на аллемандов *тедески*, обитавшие в горах Гельвеции и Пиемонта, а с другой стороны *немцы*, обитавшие у устья Вислы, так что юго-западная часть аллемандов приняла название от завоевателей *gli tedeschi*, а северо-восточная – название *немцы*. Наконец, из гор *Дации* и соседней с нею Мизии и Македонии переселились в Германию *дайчеры*, что доказывает сходство их имени, и поработили как *тедесков*, так и *немцев*, и слились с ними в один народ; вероятно, что те приняли их имя, а эти их язык».

Вот характеристика логики теореманов в их выводах из византийских писателей. Точно почти по этой же самой их теории сарматы завоевали скифов, аланы сарматов, гунны аланов, обры или авары гуннов, болгаре обров, словенцы болгар и, наконец, русские, которых Байеры и Шлецеры выдают за шведов, порабащают слованцев! А это все по тому

будто резону, что часть равняется *целому*, *вид* то же, что *род*, т.е. потому, что пределы, обозначенные Иорнандом *одному* только племени (словенцам), по понятию этих господ обнимают все славянские племена! И потому еще (*заметь хорошо*), что одна улица или застава в Новгороде Великом называлась *Славенскою*!

Положим хоть так, но беда еще в том для теореманов, что не могут придумать, *когда и как* надобно переселить слованцев в Россию и расселить по необозримым ее равнинам! *Гунны и обры* больно их пугают! Зато они придумали против них жестокую меру и без церемоний просят их вон за Волгу из России; но о деле сами выражаются деликатно, что гунны-де после полного торжества над Европою Западною и Южною, тотчас после смерти *Аттилы*, рассудили из видов политики сделать обратную *променаду* за Волгу в Сибирь! Теореманы очень любезны! Жаль, однако, что Приск, Прокопий, Иорнанд, Григорий Турский, Фредегарий, писатели V, VI и VII веков ничего не знают об этой променаде гуннов (обров), находят их владения постоянно в соседстве с Баварией, франками и лонгобардами до времени Карла Великого! С кем же Карл Великий вел семилетнюю войну за владение Паннонии, как не с гуннами, которых Фредегарий называет и *аварами* (*hunni dicti abares*), с гуннами, которые в VII столетии, во время Фредегария, ежегодно приходили в Богемию, Силезию, Моравию, Сорабии *собирать подати*. Это податное состояние германских славян началось с Аттилы; в Богемии и старой Сербии (нынешней Саксонии) кончилось оно около 620 года изгнанием гуннов, которое описал современный Фредегарий. А в *Словении* (нынешнем Австрийском эрцгерцогстве) кончилось после неудачной войны с Карлом Великим.

Эти-то могущественные гунны именно были соседи словен, моравцев, чехов и ляхов, следовательно, жили в России начиная с Вислы по Днестру, Днепру, Волге, Двине. Конечно, эти гунны должны были жить постоянно возле за-вислянцев и задунайцев, чтобы удержать за собой владение

теми землями и племенами в продолжение 350 лет, т.е. от Атиллы до Карла Великого.

Если эти гунны (обры) были изгнаны из Богемии около 620 года, то они не были тамошние уроженцы; из описания обрских войн с византийцами видно, что они жили по Днестру и по Днепру. Слово *гунны*, или собственно *унны*, употребляемое некоторыми греческими писателями, по всему вероятно, есть *арнаутское*, так как арнаутский народ исконно был по Дунаю соседом русского народа. Следовательно, унами русских называли одни только *арнауты*, равно как и Приск Ритор, родившийся между арнаутами. *Obr* есть *чешское* слово, и значит *великан*. Обрами жителей Руси прозывали *завислянцы*. Так как в VII веке, как видно из франкских летописцев, чехи и сорабы имели частые сношения с франками, то и во франкских летописях принято слово *abari, habares*, и даже некоторыми греками – *аварес*.

Современник *Фредегарий* вкратце описал те насилия, которые ежегодно совершали днепровские и днестровские *великаны* над жителями Богемии и Сорабии и над их *женами*. «Обры, называемые и *гуннами*, ежегодно приходили зимовать в Богемию и Сорабию: бесчестили *жен* и *дочерей* чешских и сербских; и сверх разных угнетений брали подати с жителей»¹³.

Память по угнетении обрском (великанском) долгое время оставалась на Западе. Это предание сохранил и Нестор, когда упоминает о насилиях, деланных великанами (обрами) женам дулебским. Если упоминает о поговорке: *погибоша аки обры*, то это относится к избиению великанов в Богемии и в Сорабии около 620 года или же к избиению их в Словении Карлом Великим около 790 года. Во всяком случае, это предание и эта поговорка, как память по трагическим событиям, хотя и принадлежит к истории русского народа, но она не русская; она словенская, и чешская, и ляшская. Нестор ее слышал, но не так понял: по крайней мере, вечная хвала ему, что сохранил ее так, как она есть. Но зато следовало понять ее Шлецеру и его последователям. Как же

они поняли? Великанов выселили из России и очень рады, что иноземцы их передушили, а дулебам (т.е. палабам, жителям по реке Лаббе, т.е. чехам и сорабам) отвели в России целые две губернии!

Как бы то ни было, но такие имена, каковы *обры*, *унны*, были недолговечны, потому что рано или поздно должны были место уступить настоящему. И если теореманы не в состоянии понять, что слова могут изменяться, а вещь в этом деле остается та же, само собой разумеется, что если *великаны* днестровские и лишились своих данников *полабских* и *завислянских*, все-таки сами не переставали существовать и процветать независимо в своей *Великании*, в своей *Обрии*. И что за исторический догмат, который предлагает профессор des Michels для верования французскому юношеству, что-де их Карл Великий уничтожил всю Империю *великанов* (a détruit l'empire des abares)! **Вот каков завоеватель французский профессор des Michels!** Подобным же завоевателям в Германии и числа нет!

Как бы то ни было, теореманы должны ужаснуться при мысли, что рано или поздно придется надписать в истории Паннонии или Германии: *Паннония – русская провинция с 454 по 790 гг.*, или *Богемия – русская область с 452 по 620 г.* Во всяком случае, на теореманах лежит большая ответственность за *ложное* решение данной им задачи. Дело в том, если чешский народ, живущий по Богемии и Моравии, величиною в 4 миллиона, покоренный Аттилою с 452 года, добившийся своей независимости около 620 году, история признает догматически за так рано развивавшийся, то спрашивается, к какому времени отнести положительную древность русского 40-миллионного народа? Тут не поможет ни Прокопий, ни Иорнанд, которые сами могли вывести теореманов из недоумения, если не только что намекали сродство так называемых гуннов со словенцами паннонскими, но даже буквально об этом выразились. Прокопий, говоря о жителях нынешнего Иллирийского королевства (*Σχλαβηνοι*), между прочим выражается следующим образом: «*Характер*

их и незлобен и необманчив, и при простоте нрава во многих обычаях последуют гуннам (τό Ουννιχόν ήθος)» (De bello Goth. Lib. III, cap. 14). Приск Ритор, бывший при дворе Атиллы, между прочим говорит: «Гунны (унны) у себя дома любят говорить не только на своем языке, но и на готфском, и даже на латинском те из них, которые имеют частые дела с римлянами (ζυγχλυδες αρ οντες προς τη σφετερα βαρβαρώ γλωσση ζηλουσιν ή την Ουννων, ή την Γοτθων, ή και την Αυσονιων)».

Приск готфами вообще называет то, что Прокопий именует склавенами, антами, вандалами. Если так называемые гунны понимали так называемых готфов и легко выражались на их языке, чему Приск Ритор был очевидец, то ужели готфов могли понимать они, если были монголы? Ужели гунны могли бы понимать Присковых готфов, если готфы эти не были одно из славянских племен, как утверждают теореманы? Но тут дело идет не только о сродстве в языке, но и о сродстве в нравах и обычаях, чему и Прокопий был очевидец.

Странная вещь: имена новгорода, корси или куров, эстов, чуди, мордвы, мери (novago, curis, thuidos, merens, mordensimnis) упоминаются уже Иорнандом, писавшим в половине VI века. Замечательно и то, что русские реки Дон, Днепр, Днестр у татар имели татарские названия, у греков греческие (кроме Дона – Tanais), следовательно, Дон, Днепр, Днестр – названия славянские. Каким же образом у Иорнанда Tanais, Danaper, Danaster около 520 года были реки славянские, несмотря на то, что, по указанию Иорнанда и Прокопия, жили по ним унны или гунны! Каким же образом Днестр является русской рекой (Danaster) уже у Аммиана Марцеллина, писавшего около 380 года, несмотря на то, что жителей ее он называет арнаутским словом – уннами!

Что ни говори, но теоремана не вдруг успокоишь, потому что его всегда будет пугать арнаутское слово гунны, или унны, как другие пишут, от того, что в этом имени не узнают славянских звуков!

Но что скажут теореманы, если по крайней мере в личных именах гуннов откроются чистые славянские звуки? Я уже показал¹⁴, что в именах двух гуннских царей – *Gordas*, царя боспорских гуннов, и *Mandiuch*, или *Mundiuch*, имени отца Атиллы, есть славянские звуки, от которых и донныне в народном ономастиконе славян задунайских существуют десятки *Гордашевичей*, *Мандушевичей*.

Теперь возьмем имя другого гуннского вельможи, который, говорит Приск, владел *многими селениями* в Скифии (на Руси) и в котором Атилла уважал своего дядю. Это был, как переводит Стриттер по правописанию Прииска, *Onegesius*. В 1829 году¹⁵ я не понимал этого имени и переводил: *Онигизием*. В 1830 году, будучи в Болгарии, я открыл как в народе, так и в грамотах множество *Негишей* и сродственных с ним производных: *Негой*, *Негомир*, *Негослав*, *Неган*; женских: *Нега*, *Негана*, *Негослава*, *Негомира*. Известный своей храбростью епископ черногорских сербов был *Негой Петрович*. *Нега* и русское слово, равно как и название лиц и мест: *Негин*, *Негино*, *Онега*. Итак, дело в том, что Приск Ритор к слову *Негиш* прибавил греческое окончание *-ιος*: *Νηγησ-ιος*, а перед словом член – *ὁ Νηγησιος*. Издатели или переписчики Прииска соединили член с именем и вышло *Ὀνηγησιος*, у Стриттера *Onegesius*, а у меня в 1829 году – *Онегизий*! *Негиш* – славянская форма, не чуждая и русскому языку – на *-ышь*, (*ишь* перед *-г-*, *-к-*, *-х-*) – *черныш*, *приемыш*, *зародыш* и прочее.

Вот почему так называемые гунны понимали готфов, как говорит Приск, и имели много тех же обычаев со славянами южными и германскими, как утверждает Прокопий, несмотря на то, что, бывшие славянским племенем, не были *словенцами*.

Но теореманы, прицепившись исключительно к одной Иорнандовой *Словении*, выводят: если жители Руси не были *слованцы*, то днепровские и днестровские *великаны* (а по-чешски *обры*, и по-арнаутски *унны*, а логически – *русаки*) не были славяне, а были монголы! Вот почему теоремания поро-

дила и *монголоманию!* И содействовала к растерзанию и затемнению истории болгар и Руси.

С другой стороны, теоремания родила *тевтоманию* и затемнила историю *Великой Сербии*, Богемии, Моравии, Померании и Сербии Задунайской.

Таким точно образом и на север теоремания родила скандинавоманию! Никогда Байерам, Миллерам, Шлецерам, Карамзиным не пришло бы в голову делать шведов из русского народа, если бы теореманы не прицеплялись к Иорнандовой *Словени*.

И действительно, если вы сами, говорили скандинавоманы, в *древней Руси* не находите ничего славянского, то мы объявим ее народом скандинавским, тевтонским. Но если спросите, каким же образом в русском народе нет и не было ни малейшей тевтонской или скандинавской приметы, то они тотчас себе найдут увертку и скажут: скандинавы поменялись с жителями Сармации, дали им имя, а сами приняли их язык! Но как великая нация могла отучаться от своего имени и в двадцать-тридцать лет принять от небольшой дружины в русской службе имя будто заморское, и в тех даже местах (за Карпатами), где и слуху и духу не было об этой дружине, то естественность этой операции возможна разве только в головах теореманов.

В этом деле скандинавоманы делают ультра теореманами, т.е. прикрывают себя выражением Нестора: *и от тех Руси начая прозывати Русская земля!* Между тем как там, где Нестор действительно положителен, Шлецеры и его последователи приписывают ему такие мысли, которых он именно не имел потому, что тогда противоречил бы самому себе!

Между тем, чем более запутывали и затемняли историю всякого славянского племени, тем более делается она загадочной в глазах теореманов, монголоманов, тевтоманов, скандинавоманов. *Leider! – vonuot onu. – Die Geschichte der Slawischen Volker ist bis jetzt noch ein Problem! Malheureusement l'histoire des Slaves est encore un problem!** Воскликнем

* К сожалению, история славян пока еще остается проблемой (*нем., фр.*) – Прим. сост.

же и мы в свою очередь: *увы!* доныне остается тайной ключ к исторической силлогистике славянских теореманов, скандинавоманов, тевтоманов, монголоманов! И доныне место Иорнандово о *Словении* служит единственным камнем преткновения для всех этих *сект*. Кто не вертел всячески это место о Словении Иллирийской! Были даже люди, которые занимались исследованием значения одного даже слова из этого места, например, что значит *lacus Marsianus*?

Так как не определено ни настоящее значение слов Иорнандовых, ни местоположение *lacus Mursianus*, то и пределы *словенцев* (а по мнению теореманов, *будто всех* славянских племен) остались для нас в неизвестности. Смотри по тому, кто где ставил *lacus Mursianus*, то и пределы словенцев (а по мнению теореманов, всех славян) изменяются. Шлецер говорит: вот в каком *треугольнике* обитали (кто? *Словенцы?* Или все вместе ляхи, чехи, сербы, русь?) они. *Добровский* возражает: *неправда*, вот как. Миллер кричит: *неправда*; по-моему вот как. *Mannert* восклицает: *неправда*; а вот как. *Engel* вопиет: *неправда*; а вот как! *Вот как* пошли плясать все славянские племена!

Замечательнее всего то, что ни один из европейских неславянских народов не задавал себе вопроса о *происхождении* своего племени: по крайней мере, не помню диссертации (*Über die Abkunft der Deutschen*, или *Sur l'origine des Francais*) о *происхождениях, прихождениях, перехождениях* немецкого или французского народа.

Но славяне или же любители славян помешались на *происхождениях*, на *начале*. Задавать себе на разрешение задачу *неразрешимую* есть высокая *нелепость* (une haute absurdité). Да и кто может угадать начало гигантского народа, заселявшего *две трети* Европы! Само собою разумеется, что на *нелепую* задачу следуют *нелепые доводы*. Вот и начало фантазмагии в истории славянских племен, которых теореманы заставляют являться подобно китайским теням!

Ныне немцы заставляют славян происходить *всячески*, а славяне обижаются, преимущественно в *Варшаве* и в *Праге*,

столице Богемии, и в *Будине*, столице Венгрии. Г. *Суровецкий* (ск. 1827) решился исследовать начало всех славянских племен и исписал 300 листов, и всячески перевертел слова Иорнанда о границах штиро-венгерских словаков. Г. *Суровецкий* придумал новый *треугольник* для всех славянских племен! Сокращение этих изысканий читал он 24 января 1824 года, в собрании Варшавского Общества *приятелей наук*, и поместил в XVII томе трудов сего Общества под заглавием: «*Sledzenie poczatku Narodow Slowianskich*» (*Warszawa, 1824*).

Другой патриот в Венгрии, *Павел Шафарик*, родом из венгерских *словаков*, полюбил выводы варшавца и пожелал сообщить их немецкой публике, перевел, прибавил много своих собственных соображений и подкреплений и в 1828 году напечатал в *Будине* под заглавием: «*Uber die Abkunft der Slawen*» (*Ofen, 1828*) (О происхождении славян).

П. Шафарик тоже принялся за Словению Иорнандову, как и все предшествовавшие ему теореманы. Однако *треугольник* Суровецкого показался ему маловатым для *стольких* славянских племен. Для того он *Iacus Mursianus* Иорнанда из Паннонии пересадил на берега Черного моря! И притом самым натянутым словопроизводством.

Вообще в изысканиях *Шафарика* есть и хорошие некоторые соображения, но ни одной логически-основной *управляющей* мысли. В них отразились все секреты: он теореман в своей Слованции, скандинавоман относительно русского и варяжского племен, его выводы зависят от выводов Байера или Струве; он монголоман относительно Руси и болгар; он тевтоман касательно древности славян германских, несмотря на то, что силится доказать старобытность славянских племен в Европе.

После вечных возгласов о *загадочности* древностей славянских племен можно было исследовать причины этой мнимой загадочности. Понемногу открылись бы теоремания, скандинавомания, монголомания, татаромания. Обозревшись кругом при строгом внимании, открывается, что татароманов прикрывает теоремания, монголомания и скандинавомания,

так что нельзя сделать ни малейшего нападения на одних, не подвергаясь выстрелам (возражениям) со стороны других!

Таким образом, сделалось необходимым объявить всеобщую войну и стать фронтом во все стороны в одно и то же время против всех этих союзников. Война немаловажная!

Таков был характер моих историко-критических изысканий под названием: «*Древние и нынешние болгары в их отношении к россиянам*» (Том I. Москва, 1829). Те, которые не чувствовали этого *общего* союза и необходимости во всеобщей войне, могли действительно упрекать мое сочинение в многосложности, или в излишестве, или в дурном расположении всей книги. Так, между прочим, говорит о ней г-н *Погодин* (в VI части «*Московского Вестника*», 1829, стр. 145): «Изложение диалектическое, живое, часто даже пылкое. Много выходок и шуток в шлецеровом роде, которые иными осуждаются как неуместные в важных исследованиях. Заключаем: г-н *Венелин* принес уж незабвенную услугу истории и даже и тем только, что обратил внимание на смешение народов, которое понять не легче древнего вавилонского, что указал новый путь, расставил по нему вехи, дал собственную нить для исследователей и сам сделал опыт, пройдя с нею по всему лабиринту. Не говорю о частных и важных его замечаниях, рассеянных по всему сочинению, на которые мы указали только мимоходом».

О недостатках ее говорит следующее: «Вот краткое изложение любопытных исследований г-на *Венелина*. Кроме важного недостатка, т.е. отсутствия подлинных свидетельств, т.е. цитат для выносок, заметим, что сочинение *расположено дурно* и автор, кажется, умеет *лучше собирать войска, чем готовить их к бою*. Многие доказательства перемещены, при частых повторениях прибавляется, однако же, везде что-либо лишнее: часто важнейшее обстоятельство попадает в каком-нибудь запрятанном примечании».

Из этих слов видно, что почтенный рецензент не совсем почувствовал затруднительное положение, в котором находилась моя диалектика. Не предвидя необходимости

во *всеобщей войне* (вследствие которой единственно может определиться и очиститься древняя история всех славянских племен и перестать быть *загадочной*), рецензент вообразил, что я даю генеральное сражение *одним* только татароманам; в этом случае он был вправе требовать другого *расположения к бою* моих войск. К несчастью, так как в одно и то же время союзники валились на Русь из-за Волги и из-за Прута, из-за Вислы и Немана и из Финляндии, то в продолжение 256 часов (т.е. на 256 страницах) мне недоставало времени медлить полным развитием диалектического плана против татароманов. Опрокинув главные их пункты, я должен был, не преследуя их дальше, кинуться опроретью на прочих союзников именно потому, чтобы не дать времени и возможности к возражениям читателю, находящемуся под знаменами теоремании и финномании. Кидаясь во все стороны, следовало везде мимоходом, для поддержания *логического сообщения*, оставить батарею. Вот почему, как довольно справедливо замечает и сам рецензент, в книге моей *«часто важнейшее обстоятельство попадает в каком-нибудь запрятанном примечании»*. Но тем-то самым книга себя и обезопасила, потому что если станете нападать на 30-ую страницу, то может статься, что в то же время стреляют в вас с 70-ой и 150-ой страниц. Так как всякое важное обстоятельство может быть употреблено с пользой в разных делах (выводах), то оно везде на своем месте, следовательно, в одной и той же книге могло два-три раза быть употреблено. Дело диалектики собственно состоит не в материальном порядке обстоятельств или доводов, но в *центрально-логическом сообщении и связи между ними*.

Как бы то ни было, но книга моя не могла не утомить своей многосложностью внимание всякого малоопытного читателя. Между тем как журналы и частные лица провозглашали победу, я сам более всех, может быть, чувствовал недостатки этой книги, потому что я только должен был расчесть, как далеко еще может и должно простираться развитие начатого мною. Первая и самая откровенная критика на это сочинение

помещена мною же в предисловии, в котором я замечаю, что весь этот I том состоит из одних почти тем; но что развитие их требует распространиться еще на *три* или *четыре* тома. Кроме статей, в которых заключаются выходки против финноманов и монголоманов, я местами разбросал и указания на основные ошибки *любителей славянских древностей*, а именно на причины и способ, коим сделали они древнюю историю славян *загадочной*. Так, например, на страницах 65–66, равно и на 175, указано вкратце на то, что здесь было говорено несколько подробнее о теоремании.

Изложивши в 15-ти соображениях свои мысли о старобытности русского народа на Руси (Сармации древних), об ошибке скандинавоманов я сказал только следующее: «Русь, или русы, как народ норманнский, скандинавский никогда не существовал и есть только плод жалкого толкования или фантастическое произведение некоторых изыскателей. Не поняли Нестора! Да еще как не поняли!» (I, 175).

Кажется, что это указание могло обратить внимание всякого любителя русских древностей на характер исследований о Руси и варягах, начиная с Байера до нынешних времен. Я жертвовал этим указанием или темою, которую мог развить всякий, желавший отличиться на поприще отечественной исторической критики.

По недостатку места я должен был во всем придерживаться возможной краткости, потому что книга моя состоит почти из одних тем или *задач для рассуждений* с краткими наставлениями. Да не подумает кто-либо, что я пишу панегирик своей книге: нет, я не о книге говорю, а о положении дел, то есть о ее *незаконченности*.

Надобно не забыть, что всякое из упомянутых исторических *верований* имеет свою *литературу*, т.е. собрание книг и статей, которыми оно поддерживается. Русский читатель легко может обозреть кучу сочинений, которыми поддерживается скандинавомания. Тевтомания имеет богатейшую литературу: так и прочие секты. Во всякой есть, несмотря на сектизм, *прекрасные умы*. Вот почему моя книга далека от

совершенства, и довольна с нее и того, если могла указать на возможность *антисектанского, православного*, исторического верования.

* * *

Мы уже видели, что новейший из славянских теоретиков есть г-н *Шафарик*. В то же время из его сочинения «*О происхождении славян*» вышло сочинение *Л. Л. Паррота* «*Über Liwen, Letten, und Esten*» (1828), в котором утверждает, что славяне народ *восточный* и решительно новый, явившийся в первый раз в Европе в конце V века неизвестно откуда и как, и что язык этого народа в филологическом отношении не стоит ни малейшего внимания. В венских «*Jahrbucher der Litteratur*», говорит Шафарик, очень недавно один доказал, что славяне – монгольского племени. *К. Halling* поместил в «*Wiener Jahrb. de Litt.*» за 1833 разбор исследований Шафариковых, в котором отвергает древность славян в Европе без всяких доказательств, – восклицает Шафарик.

В негодовании своем Шафарик написал на чешском языке свои мысли о старобытности *славян в Европе* и поместил в «*Casopis Ceskeho Museum*» (1834, № 1, стр. 23–57). Мысли эти помещены были в VIII-й части «*Московского наблюдателя*» 1836 года (стр. 50–84), где так, между прочим, *плачут*: «История древних славян, несмотря на то, что многие уже о ней писали и свои и иностранцы, до сих пор не достигла еще той степени светлости и очевидности, на которой каждый истинный славянин желал бы ее видеть. Главной причиной тому, с одной стороны, запутанность и трудность самого предмета (уже не запутанность ли в голове причиною тому?), с другой, недостаточность, чтобы не сказать ничтожность, нашей историографии» (да разве древние больше писали о немецких племенах, нежели о славянских? И от того ли историография славян бедна, что Шафарик не так понимает Приска, Прокопия, Эннодия, Иорнанда, Нестора!). «Древние славяне были люди кроткие, спокойные,

любившие заниматься торговлей и ремеслами, и потому древние историки, обращавшие свое внимание только на гул битв, мало заботились о наших славянах». Что за резон! Разве Шафарик не видит, что потомки цесаревых аллеманов, т.е. баденцы, виртемберцы, тирольцы, в тех же местах и доселе, как и цесаревы: что цесаревы немцы (*nemetes*) и доселе в той же Эльзасии и Швабии и что его тейшшеры (*teuchteri* – чит. *тевштеры*) и доселе остались по Саксонии, кроме перехода вынужденного в Британию. Ужели Шафарик в погромителях Восточной Римской империи, остготфах и гуннах, не видит двух славянских племен, если, наоборот, не хочет видеть их потомков в нынешних задунайских славянах – *болгарах и сербах*, – заселивших всю нижнюю Паннонию, Далмацию, обе Мизии, Фракию, Македонию и Элладу до самой Спарты! Не значит ли это *ложную или выдуманную* характеристику славянских племен стараться доказывать явным *противоречием* действительной истории? Ужели Шафарик не заметил, что со времени Карла Великого, т.е. с тех пор, как теоремания прекращается в истории, славянские племена всегда были бойчее и буянистее тевтонских и что с тех пор уже слова *кроткие, спокойные, любившие заниматься торговлей и ремеслами* именно принадлежат немецкому характеру. Но увь! Шафарик начитал это мнение у Гердера и продолжает дальше *так*: «А мы не *признательные* потомки к своим предкам, *изменившие* своему роду» (вот как, теперь-де мы не хотим быть *кроткими* пахарями, *спокойными* дяурами и сапожниками татар, как это делали Шафариковы славяне!). «Мы пустились искать *происхождения* своего (мы уже видели, как г-н Шафарик отыскивал происхождения своего!) между скифами, сарматами, роксоланами, языгами, гуннами, аварами, болгарами и другими *врагами отцов наших*». А в выноске прибавляет: «В недавнее время *побротал* их с турецкими булгарами *Юрий Венелин в сочинении – Древние и нынешние болгаре*. Москва, 1829». Это доказывает, что Шафарик не читал с вниманием моего сочинения, где я строго отличаю *болгар* от *словенцев*, согласно с тем, что византий-

цы говорят о подданстве *slavenorum* от обров, с тем, что Нестор сказал: *болгаре насильницы словеном быша*; или *обры насильницы дульбам быша*. Если Шафарик вследствие этого называет болгар или обров *врагами отцов наших*, то россиянин, болгарин, серб это выражение должен переводить: *врагами отцов его* (Шафарика), потому что Шафарик родом не серб или русак, а словак, – тогда он был бы прав; но имел ли он право называть жителей Руси или Болгарии татарами от того только, что они действительно не были *словаки*, а болгаре, а русаки! Вот основная мысль Шафарика: *Кто не штириец, тот не славянин!*

Далее: «Иноземцы ничуть не виноваты в том, что мы (кто? Все славяне или только *слованцы*?) погрязли в этом сармато-скифском болоте».

«Конечно, иноземцы (кто? Прокопий и Иорнанд и Страбон? Или Байеры и Шлецеры?) не виноваты, если у *нас самих* недоставало логики, чему доказательством служит результат всех исследований о *происхождении* славянских племен!»

Далее: «Горе истории того народа, который ищет объяснения своего мрака и жизни своих предков у иноземцев, глядит из рук их».

Это уже новый парадокс, и вместе *двусмыслие*. Если подразумевает *древних* иноземцев, то, напротив, ими только можно пояснить историю жителей Руси IX, VII, VI веков, эпоху, которую Нестор не мог объять. Если же намекает на новых (нынешних) иноземных изыскателей, то ужели они могут мешать нам пояснить свои древности!

«Нам самим должно заняться своей историей тщательно, неусыпно, рассудительно, и тогда отворятся для нас врата в град древностей наших, точно так же, как отворились они другим древнеевропейским народам: грекам, римлянам, немцам и т.д.»

Греки и римляне никогда не входили во врата своих древностей, которые затемнены как *народными*, так и мифологическими сказками и которые они передали нам неочищенные от сказок. Древние афинские и спартанские цари

вошли в историю из простонародных сказок, собранных в одно целое под названием *Илиады*. Равно и Ливий взял своих римских царей из сказочных источников. *Село* или *местечко* Рим возродилось сперва в стране, которой власть верховная была не в Риме: сделавшись независимым, Рим начал *городовым уложением*, которое называют *respublica*, т.е. обществом – *la cause commune, la cause publique*. Итак, древности греков и римлян стали *систематически* очищать и пояснять европейцы только в XVII и XVIII столетиях.

Немцы в первый раз хватились за свои древности, и притом довольно вяло, только около половины XVIII века; ныне же, в XIX веке, стала у них проявляться любовь к народной археологии, чему доказательством служит образование археологических обществ. Несмотря на это, весь результат этих трудов относительно древностей немецкого народа подлежит еще суду новой критики, потому что немецкие новейшие ученые слишком вдалились в тевтоманию (о чем здесь не место распространяться).

Шафарик кажется забыл, что славянские ученые гораздо опередили если не всех европейских, то по крайней мере немцев, вопросами о *своей древности, о своей старости*. Первый предложил этот вопрос преподобный Нестор. Руководствуясь двумя-тремя византийцами относительно периода дорюриковского и при их недостаточности теряясь в догадках, он излагал свои мнения в *введении* к своей летописи, оканчивающимся *изгнанием* варягов из Новагорода. Это вступление есть именно *диссертация* Нестора, которая на всякий случай несравненно лучше Байеровой, несмотря на то, что критика не может допустить ее положений. С Нестора и то уже много, что *решился* при скудности источников ошибаться от влияния на него *кажущихся обстоятельств*, как мы уже видели выше.

Итак, исследования в славянском мире начал *Нестор-диссертант*, продолжила же их целая вереница славянских изыскателей до нынешнего дня. С какой же стати г-н Шафарик находит, что славяне ничего не делали, и заставляет их

самих делать, не позволяя им иметь никакого сообщения с иноземцами, как будто между иноземцами не может родиться логическая голова! Ведь доселе работали же *сами* славяне, и сами они отдали 40 миллионов славян (*русаков*) скандинавам и монголам, *Великую Сербию* (в Германии) и *Сербию* Задунайскую (*новую*) немцам; *болгар* – татарам. И еще сами жалуются на *загадочность* истории славянских племен! Не *любви*, не *любителей* ожидает история славянских племен, а *логики*.

«Чего не сделаем мы, – продолжает г-н Шафарик, – не доразумеем, то, даст Бог, сделают, доразумеют не сегодня, завтра, наши потомки; но для того, чтобы что-нибудь могло быть сделано, надобно, чтобы оно было уже начато».

Осмеливаюсь уверить г-на Шафарика, что если наши славянские потомки станут делать свое дело по той же силлогистике, как и *ученые* их предки, то *во веки веков* ничего не сделают, как и от Нестора до нынешнего дня ничего не сделано относительно периода, предшествовавшего *Рюрику* и *Карлу Великому*, – если не отстанут от Шафариковой *Слованции*, которую он поднимает и натягивает уже в *тысяча и первый раз*. В противном случае они, наши потомки, наконец схоронят свои древности, и тогда всякий китайский мандарин на этот случай может написать элегию под названием: *Плач славян над гробом своей старины!*

И действительно, если будущие изыскатели древности всякого славянского племени не отстанут от Иорнандовой и Прокопиевой Словенции, то не избавятся от *безверия* в историко-логическую догматику, проистекающую из согласия между правильным пониманием древних и общею ответственностью дел человеческих, и постоянно будут валяться в грубом историческом *суеверии*, которое одно может вообразать себе непонятные *исчезновения* с лица земли целых народов или их мнимых *превращения* из народа в народ, например, шведов в славян (т.е. *русских в русских*); татар в славян (т.е. *болгар в болгар*), ост-готов, немцев – в славян (т.е. *сербов в сербов*), и тому подобное.

Заклучу мою мысль словами Цицерона: «Я не понимаю, почему эти *суеверные* и почти *фантастические* философы во все верят охотнее, нежели в свою нелепость! Охотнее решаются верить в *исчезновение* и *истребление* того, что, если бы существовало, не перестало бы существовать, – нежели не верить в то, во что не должно верить» (De Divinal. L. II, cap. 57)¹⁶.

Так как скандинавомания есть дочь или одна из ветвей общей теоремании, то читатель простит за сделанное отступление от предмета об этой последней. Итак, в следующих главах приступим к подробному разбору *частной* силлогистики скандинавоманов.

VII. Окружные жители Балтийского (Варяжского) моря по Нестору и по Адаму Бременскому

Выше (стр. 12–26) мы пересмотрели все места у византийцев, в которых упоминается о *варягах* как народе: но нигде не находили определительного указания на их жилища, кроме цесаря Никифора *Вриенния*, который их выводит из страны *Поморской* (см. выше), и *Анны Комниной*, которая думает, что они с острова Фулы.

Свои поиски у византийцев мы кончили решением, что *неопределительность* указания византийцев должен рассеять Нестор. Все его свидетельства о земле *Варяжской*, о море *Варяжском*, о варягах, служивших в *Киеве*, представляют богатое дополнение всему тому, чего недоставало у византийцев о народе *варяжском*. Так как русский народ Балтийское море называл *Варяжским*, то варяги обитали по *берегам* этого моря, чем и устраняется *qui-pro-quo* Анны Комниной об острове *Фуле* согласно с самим *Вриеннием*.

Мы видели, что, по категорическому указанию Нестора, варяги обитали к *западу* по южным берегам Балтийско-

го моря (по Померании) до самой *Англо-Саксонии* («до земли *Аглянски*»).

Поискавши *варягов* в византийских и русских летописях, следует, наконец, обратиться и к западным (*франкским* и *саксонским*). Но мы тут приостановились... ни малейших следов о варягах во франкских, саксонских и скандинавских памятниках!

Для соблюдения условий историко-критической логики мы в самом начале (стр. 5–10) сделали *запрос*: так как русские летописи жителей Померании называют *варягами*, именем русским, которое очутилось и у греков, но это имя не встречается у западных народов или в западных языках, – то идет ли вопрос о слове только или о *народе*? Но как *оказалось*, что западные народы не обязаны жителей Померании называть на своем языке так, как их называл Нестор, то и *решили* искать варягов в западных и скандинавских памятниках под *другими* названиями, основываясь на бывших примерах, к которым принадлежит и то, что *немцев* ищем мы на Западе под *другими* же названиями.

На этом *законном* основании, если Нестор дополнил нам византийцев, то Нестора должны пояснить франки и саксонцы. К *кратким* пояснителям Нестора принадлежат два франка IX века: *Луитпранд*, епископ Кремонский, и *Егинард*, жизнеописатель Карла Великого, и некоторые другие. Но лучше всех пополняет русского летописца саксонский его современник, *Адам Бременский*. *Нестор* с юго-восточной стороны, *Адам* с юго-западной составляют *два* непомерцаемых *светильника* истории *окружных* жителей *Варяжского* моря¹⁷.

ИЗВЕСТИЯ О ВАРЯГАХ У АРАБСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ В ИСТОЛКОВАНИИ ОНЫХ¹

«Только одно арабское известие, – говорит Френ, – до сих пор было известно; это есть небольшое место в Рейске-вом латинском переводе Абулфедовой *Географии* (Büsching's Magaz. Th. IV, стр. 145, 152), где сей араб, полагаясь на достоинство Бируния, говорит об одном северном море, Варене (там *Варнак* написанном), и о живущем при нем народе подобного же имени».

Сие место действительно могло обратить на себя полное внимание в то время, в которое толкователи уже перекоптели над изысканием следов слова *варяги* у византийских, западных и северных писателей. Впрочем, Шлецер и Карамзин заметили оное из любопытства; ибо оно подтверждало только речение Нестора, что варяги жили у Варяжского моря, нового же ничего не представляло; посему учение байеро-шлецеровское основывается на известиях и доказательствах, уже выше разобранных, и, как казалось, принято за доказанное. Итак, все новооткрываемое могло разве послужить к дальнейшему подтверждению скандинавизма варягов. И действительно, после смерти Шлецера и после появления в свет «Истории государства Российского» многие обогащали сие учение своими находками, выходками и пр.

Из всех, однако, сторон, из коих можно было еще ожидать дальнейших объяснений и подтверждений, важнейши-

ми были арабские библиотеки. Упомянутое место Абулфеды указало на сии сокровища, т.е. показало, что имени варягов можно искать не только у Нестора и византийцев, но и у арабов, и, что еще было важнее, имя варягов у арабов встречается как имя народа, следственно, арабы свидетельствовали о нем в таком же смысле, в каком и Нестор, между тем как из византийских и западных известий трудно было сыскать народ под сим названием.

Предшествовавшие изыскатели не могли воспользоваться сим открытием, ибо арабские рукописи и изданные сочинения в Европе не столь многочисленны, чтобы могли попасться в руки всякого того, кому бы вздумалось написать ученую диссертацию о варягах; кроме сего, сии изыскатели по большей части не были знатоками сего языка.

Но в наше время, в которое знание арабского языка значительно распространяется не только за границей, но и в России, можно было приискать мужа, опытного и сведущего в упомянутом языке, который бы собрал и перевел все места из арабских писателей не только касательно россиян, но и варягов. Очень можно радоваться, что сие дело пало на г. Френа. Труд сего почтенного мужа: «Ibn-Foszlan's und anderer Araber Berichte über die Russen der älterer Zeit, nebst drey Beilagen über sogenannte Russenstämme, die Warenger und Warenger-Meer» и пр., вышел в Петербурге в 1823 году, в котором он предлагает, с истинною ученою разборчивостью и объяснением, собрание арабских известий о россиянах, варягах и Варяжском море; труд, конечно, тем еще важнее, что совершен истинным знатоком арабского языка.

По-видимому, надлежало ожидать от арабских известий чего-нибудь нового, могущего подать повод, может быть, к новым спорам, затруднениям, изысканиям; но дело кончилось тем, что Френ привел сии известия прямо в подтверждение Байеро-Шлецеровского учения.

Из новейших русских исследователей М. П. Погодин вкратце изложил сии известия в своем рассуждении «О происхождении Руси».

Итак, наконец, весь земной шар обыскан для решения вопроса: «где были варяги?» И север, и запад, и юг, и восток принуждены были сосредоточиться в одно для засвидетельствования, что Нестор, опершийся пальцем на Померанию, говорит не о Балтийской Славонии, а о Швеции!

Теперь нам остается строго рассмотреть, могли ли арабы противоречить русскому летописцу? Противоречили ли? Могли ли норманнолюбцы призывать их себе в свидетели? Для сего мы должны выслушать собственные их слова. Известия сии я предлагаю в таком порядке, в каком находятся они во Френовом собрании (см. упомянут. соч., стр. 176–204) с его же объяснениями.

Френ начинает свои арабские известия упомянутым местом *Географии* Абулфеды – вот оно: «О море Вазенгском (читайте *Варенгском*, – говорит Френ, – т.е. Варяжском). Известий о сем море я нигде не нашел, кроме сочинений Абур-ри⁷ хан Бируни (писавшего в конце X и начале XI века) и *Астрономических записок* Назира (Назир-ед-дина). Посему сие известие я предлагаю так, как оставил оное Бируни; у него сказано: “Море Вазенгское (читайте *Варенгское*) выходит из Северного Океана в направлении к югу; оно имеет значительную широту и длину. Вазенги (читайте *варенги*) есть народ, обитающий у берегов оногo”».

Рейске, первый переведивший сие место по Лейденскому кодексу, имя *вазенг* перевел словом *варнак*. Шлецер, коему хотелось сие известие применить к своим Wäringar, предложил, чтобы слово *варнак* читать лучше *варанк* и т.д. Впрочем, иные не доверяли сей поправке. Френ в двух петербургских экземплярах вместо *варнак* нашел *взнг* и прочел *вазенг*. Впрочем, в одном нашел и по Рейскевому чтению. Однако петербургский ориенталист убедительно доказал, что в обоих случаях правильное чтение сего имени есть *варанг*, доказав достаточными примерами, сколь небрежны арабы в писании иностранных имен и сколь легко у них *-р-* можно принять и переписать за *-з-* (ибо одна точка составляет их различие), что действительно и можно приписать переписчикам Абулфеды.

Впрочем, Френу желательно было сие место выписать и перевести из самого источника (Бируни); но, по неимению сочинения Бируни, он нашел его в предисловии или введении к большому *Географическому словарю Якута** (умерш. в 1229 г.). Он говорит: «Что касается до положения морей в обитаемой части мира, то описание оных, найденное мною у Бируни, есть самое лучшее: “Море, – говорит он, – которое на западе обитаемой земли омывает берега Тандши и Андалузии (т.е. западные берега Тапгера или Африки и Испании), называется Всеокружающим морем. Древние греки называли оное Океаном. Никто не отваживается во внутренность (высоту) сего моря и только плавают у берегов оногo. От сих стран сие великое море распространяется к северу, к *стране славян*, и выходит из него на севере славян большой канал, проходящий к стране мохамеданских болгар. Он-то называется именем моря *Варенгского*. Это (имя) есть название народа, живущего у берегов оногo, от коего оно (море) распространяется к востоку, где между его берегами и последними пределами турков находятся пустые, необитаемые, неизвестные страны и горы”».

Это описание сообщения или положения морей довольно кратко и неопределенно? И по нынешним понятиям не совершенно ясно? Ибо выражение, что океан от западных, или даже северных, берегов Испании простирается к северу, к земле славян, т.е. как бы в направлении берегов славянской страны, производит какое-то запутанное понятие о географическом ее положении. По буквальному смыслу слов араба она должна бы находиться на месте Британии. Впрочем, может быть, что карта Европы нашего араба не была столь совершенна, как ныне; вообще вся цепь северных берегов Европы в определенном положении оной идет не просто к северу, а к северо-востоку. Я предполагаю, что сия цепь берегов на усовершенствованной карте аравитянина более наклонялась к прямой линии с юга на север, так что он мог ее назвать направлением просто к северу, вместо к северо-востоку. Таким образом, слова аравитянина о

* Якуб, Яков, Иаков. – Прим. сост.

протяжении Океана к северу, во всю длину славянских берегов, можно примирить с нынешними землеписными понятиями.

Замечательно еще то, что сей писатель в изображении направления Океана, в которое входят берега многих стран, упомянул об одних славянских. Из сего видно, что наш водописец (ἡρόογραφος) не описывал подробных извилин сих берегов, а схватил целое направление гуртом (en gros) или вообще, о Славянской же земле он упомянул потому, что от берегов ее начиналось новое море; кроме сего, эта точка с точкою, взятою с испанских берегов, вполне изображали направление Океана. Под именем *Славянской земли* он разумеет Германию, которой две трети тогда действительно населяемы были славянами и которую посему в настоящем значении слова не только он, но и всякий другой мог назвать Славянщиной.

Здесь должно еще заметить, что наш араб, замечая каналы сего Океана, совсем не упомянул о находящемся между Британиею и Франциею. По-видимому, Британию он принял за остров, не столь великий, как он есть, и который как остров не принадлежал к цепи берегов всей тверди. И действительно, в кратком общем изображении направления целого Океана он не мог и не должен был обращать внимание на острова, т.е. мелочи, находящиеся в области самого Океана.

Итак, когда Океан, говорит нам араб, достиг берегов славянских, то там он выпускает из себя большой канал, составляющий северную границу земли славянской (это есть Балтийское море по нашему, а по аравитянину, в сравнении с огромным Океаном, канал); он проходит северные их берега и наконец приближается (к востоку) к стране болгар; следовательно, он продолжает течение свое чрез Мемель к Твери, чтобы быть поближе к волжским болгарам. Этот-то канал, говорит он, называется морем Варяжским, ибо варяги (народ) живут у берегов оною. От сего-то народа (Мемеля) продолжается к востоку (чрез Россию) в северный Океан (который, по понятиям Бируни, распространяется к югу до половины Сибири), между берегами коего и северными границами Туркестана находятся необитаемые страны, т.е. Сибирь.

Из сего видно, сколь темные и неправильные понятия имели арабы о севере Европы. По их сведениям, вся Северная Россия не существовала и была покрыта Океаном, т.е. была для них неоткрытою страной; Балтийское море не есть просто залив Океана или глухой канал, но отверстие; Швеция и Норвегия, коей две трети тоже покрыты были Океаном, представляли простой островок, о коем арабы весьма мало знали; существование его, однако, необходимое для составления Балтийского канала, они предполагали.

Впрочем, нельзя удивляться сему недостатку в сведениях арабов о севере Европы, когда самые даже наши северные писатели (древние) имели совсем темное понятие о положении и направлении Балтийского моря. Подобно почти арабам вообразил и Ейнгардт, секретарь Карла Великого, и сам даже Адам Бременский описал оное довольно неопределенно.

Итак, и араб говорит, что варяги жили у берегов Варяжского моря; свидетельство его совершенно согласно со словами Нестора. Теперь надлежит объяснить, у каких именно берегов жили сии варяги?

Из всего этого места и свойства его описания видно:

1. Араб не обращал внимания на острова; ему нужны были не они, а *цепь берегов тверди (continentis) или материка*, как путеводительная линия между Океаном и всею землею; следственно, он разумеет о твердой земле; посему жилища варягов он определяет именно по сию сторону Балтийского моря, *на материке*, а не по ту сторону оною, в предполагаемом им неизвестном острове.

2. Если он для объяснения линии между Океаном и материком хотел упомянуть о народе, находящемся на той точке, то должен был схватиться за народ, именно находящийся по сию сторону Балтийского моря, на самой, так сказать, линии, и более известный не только ему, но и всякому его читателю, чем указать, противоестественным порядком, на островитян (скандинавов), находящихся в самом Океане.

3. Только о жителях материка можно сказать, что они живут у берегов моря; об островитянах же, какими можно

предполагать скандинавов, это не говорится на каком бы то ни было языке; все определение их жилищ заключается в словах «живут на острове», который весь состоит из берегов.

4. Если же бы сей араб, предположим, занесся до того, что варягов явно переселил на тот берег, тогда бы его уличил во лжи наш Нестор, коему в сем случае принадлежит преимущество; сверх того, заметьте еще и то, что не только никакой писатель мира, но и самые даже скандинавские никогда не слыхали и не знали ничего о варягах в Скандинавии; но, к счастью, у араба нет ни малейшего намека о скандинавизме варягов; и хотя место его довольно кратко и сухо, однако, напротив, сии четыре пункта показывают, что он в полной мере подтверждает слова Нестора, указывая на жилище варягов у южных берегов Балтийского моря, а именно: в Померании.

«Но возразят, может быть, что в Померании он поставляет славян, а не варягов, ergo»... **Отвечаем:** название Славянской земли здесь, у арабов, слишком растянуто; они взяли оное с южных славян, а именно словен (с коими они в делах на Средиземном море и в нападениях на словенские берега лично познакомились), и отнесли на всю Германию для наименования только страны, а не народа, который действительно (во всей северной Германии) не именовался словенами и как народ приморский должен был явиться арабу под собственным своим названием, варягов.

Сверх сего, известно, что варяги владели не только берегами от Любека до устья Вислы, но и от сей реки до Новгорода; следственно, все почти берега, южные и восточные, сего моря, о коих мог только воображать себе Бируни, были в руках варягов, которые из так называемой ими Славянской земли так далеко вытянулись, что отчасти действительно очутились и вне сей Славянщины.

Итак, из этого видеть можно, что норманнолюбцы в арабах никакой не могут иметь подпоры.

«Кроме Якута воспользовались сим местом Бируния еще два писателя, – говорит Френ, – Ибн-ел-Варди и Ибн-Шабиб, но пропустили в оном известие о варягах и Варяжском море».

Второй арабский писатель, из коего заимствовал Абул-феда, есть Назир-ед-дин (умерший в 1274 году); он, однако, как замечает Френ, о Варяжском море сказал только, что: «о северо-восточном море не имеем верных известий». Сии слова ученый его комментатор, Шериф Джорджани (пис. 1409 г.), объясняет следующим образом: «Сие море, называемое Варяжским, есть рукав (залив) Западного Океана, который от северных берегов Испании входит посреди обитаемых стран, простираясь на севере Славянской земли, и, пройдя (с запада к востоку) мимо стран варягов (Вазенг – Варенг), обитаемых высокорослым и воинственным народом, простирается среди непроходимых гор и необитаемых земель до пределов Китая. Его длина с запада (разумеется, от Гамбурга, по крайней мере если не от Испании, до Китая) 180 градусов, ширина (разумеется, с южных берегов, т.е. Померании, или Средней России, чрез которую предполагается его течение) к северу 5 градусов».

Итак, сие место объясняет несколько выше приведенное из Бируни. Из сего видно:

1. Что арабы предполагали, что северный полюс состоит из неизвестных земель, которые отделял от обитаемой земли (южной) сей большой канал, или рукав, называемый ими иначе Северным и Северо-восточным морем; по мнению Джорджани, он был шириною, с юга к северу, в 5 градусов. Итак, вот почему он назван каналом, или рукавом, т.е. по причине допущенных полярных земель, им совершенно неизвестных. Итак, предполагаемый Бирунием остров Скандинавии не был предполагаемым как остров, как я выводил, но был частью предполагаемых неизвестных каких-то полярных земель; следственно, арабы не знали ничего и не могли говорить о жителях сих полярных областей, если бы они не подразумевали варягов в Померании.

2. Выражение Джорджани, что: «варяги жили по берегам, лежащим с запада к востоку», именно указывает на Померанию и Мекленбург и как бы слово в слово повторяет слова совершенно ему неизвестного нашего Нестора: «По сему

же морю приседают варязи сего к востоку; по тому же морю седают к западу».

Впрочем, Френ замечает, что Джорджани свое известие о великом росте и воинственности варягов заимствовал от Ширази, у коего оно находится; посему сие известие могло принадлежать XII, XIII или XIV столетию. Вот известия, коих источником были Бируни и Назир-ед-дин.

Теперь обратимся к тем арабам, которые писали независимо от упомянутых двух: «Касвини, знаменитый персидский географ XIV столетия, – говорит Френ, – пишет в своем *Ношет-эл-колуб*, или *Услаждении сердца*, в главе морей, следующее: “Шестой морской рукав (залив) есть Галатское море, иначе называемое *Варяжским*. На востоке от онога находятся земли Блид (может быть, болгаре), Бдрия, Буде (чит. Юра) и часть варягов; на юге равнины Хард (хазаров, т.е. Русь Южная); на западе земли франков и народа кастильского и другие, на севере Океан”».

Здесь уже открыто варяги ставятся по сию сторону Балтийского моря. Касвини Варяжскому морю дает направление с запада (от земли франков) к востоку, до земли болгар. В исчислении народов, находящихся с разных сторон онога, он мог сделать ошибку; на восточном и западном конце онога он поместил много народов, между тем как для южной стороны, которая в направлении с запада к востоку должна быть больше всех, он ставит одну козарскую Русь, а о соответствующих южной стороне землях, как о литовцах, пруссах и всех померанцах, умолчал; следственно, умолчал здесь о варягах; это подтверждается тем, что на восточной стороне он полагает только часть варягов, что действительно и можно было сказать о Северной России.

Димешкий (как кажется, из начала XIV века) говорит о сем предмете следующее: «Наконец (от Гибралтарского пролива) он вытягивается в узкий пролив, называемый Кадикским (?), у северных границ Испании. Отсюда он простирается к устью узкого, но длинного пролива, который называется Т-к-лту» (Френ с некоторым видом вероятия догадывается,

что это слово надобно читать *Ингилтера* (*Ingilterra*), т.е. будто Английский. Почтенный муж приведенное выше название Галатского моря довольно хорошо объяснил от слова *galli*, или *keltae*, коих греки некогда называли и галатами, и что сие имя персиянин заимствовал от греков. Мне кажется, что лучше объяснить сим именем и Т-к-лту, чем натянутым исправлением предполагаемого правописания в *Ингилтеппра*. Мы видели выше, что арабы не обращали внимания на Английский остров, и что в сем случае Димешкию легче и естественнее означить пролив именем Франции, как точки, находящейся на материке, что и видно из слова *Т-к-лту*, которое довольно явно изображает слово *келтский*, или *галатский*, т.е. французский). «От сего канала простирается (Океан) по берегам до тех пор, пока наконец изворачивает к северо-западу (вокруг Дании). Здесь находится великий залив, который называется морем Варенгским (Варяжским). *Варяги* же есть непонятно говорящий народ и не понимающий ни слова, если им говорят другие (т.е. имеют свой особенный язык). *Они суть славяне славян* (т.е. знаменитейшие из славян)». Так сказано в арабском подлиннике, так оное нашел не только Френ в своем экземпляре, но и другие ориенталисты в своих же.

Вот, наконец! Слава Богу! Наконец дождались буквального, именного, категорического свидетельства аравитян, что варяги не только славяне, но суть самые славяне славян, т.е. славянейшие из всех славян!

Сие выражение, «славяне славян», Френ (в замечании на стр. 192) объясняет из свойств арабского языка, говоря, что «по арабскому выражению это значит: “они суть важнейшие из всех Славян” (*Sie sind die vorzüglichsten aller Slawen*)». Так, например, тот Гермес, коего арабы почитали как Едриса и Еноха, в отношении к другим мудрецам, носившим имя Гермеса, называется у них: «Гермес Гермесов», т.е. первый и главнейший между всеми Гермесами; так, неизвестный в арабской старине герой именем Тал’га (*Tal’ha*) в отношении к другим сего же имени называется «Тал’га всех Тал’гов»; так вообще и главного судью, и обер-кадия именуют «судьею судей»; так и многие

другие (см. о сей превосходной степени, и у евреев весьма употребляемой, в *genesius* «Ausführl. Lehrgebände der Hebräischen Sprache», pag. 692, и след., и пр.).

Очень ясно, совершенно убедительно, нечего сомневаться. Но не тут-то было... Френ о том самом месте, которое сам объяснил совершенно удовлетворительно и которое вытекло именно из свойств арабского языка, о котором нечего сомневаться, в противоречие самому себе сомневается! «Но, – возражает сам себе, – невозможно, чтобы это хотел сказать наш автор и чтобы варягов принял за славянское племя». Почему так? А вот почему. В начале своего замечания или толкования (стр. 191) он говорит: «Я очень сомневаюсь в правильности текста. Правда, что правописание имени славян у арабов и в других местах (встречается) начинается одним *س* – *-s-* вместо *-s-* твердого или *-z-* (следственно, последнее правильно?); правда, в нем иногда *-la-* не находятся пред последнею буквою (т.е. в слове *Секлаб*), но сей образ писания должен здесь произвести затруднение (*muss hier Anstoss erregen*), потому что после оною имени (в выражении “славяне славян”), писанного через *س*, следует другое, писанное через <нрзб.>, т.е. оба имени вообще через *-c-*». *Miremini, amici!** Почтенному мужу выражение: «славяне славян» кажется щекотливым в то самое время, в которое он же доказал, что сие имя арабы начинают произвольно и тою и другою буквою, разумеется, одна на другую весьма похожую и в фигуре, и в произношении, и при не существующем правиле правописания зависящую вполне от произвола всякого аравитянина! Но еще удивительнее, что почтенный переводчик, который выше, на стр. 179–180, доказал убедительно многими примерами, сколь нерадивы арабы в писании иностранных имен и сколь легко может в арабском произойти искажение текста от небольшой перестановки или от недостатка ничтожных значков ударения (вследствие чего он и принужден был делать довольно натянутые исправления), здесь, где небольшой оттенок в произношении буквы не производит в слове известном ни малейшего затруднения,

* Внимание, друзья! (*лат.*) – *Прим. сост.*

здесь, где обвиняемая буква может стоять в полном значении слова по тому же праву, по которому она находится, по словам самого переводчика, в начале слова «славян» и в других арабских местах, – здесь, говорю, почтенный толкователь сомневается в правильности выражения «славяне славян», которое само по себе не заключает в себе ни малейшего затруднения, и именная правильность коего, доказанная самим переводчиком, пристокает из самих свойств арабского языка! Остается только пожать плечами.

Но отчего это так? Дело в том, что Френу хотелось уличить араба во лжи, т.е. не хотелось почтенному ориенталисту поверить арабу, утверждающему, что: «варяги суть один из главнейших славянских народов», т.е. хотелось ему варягов пересадить в Скандинавию: «eben desswegen wage auch nicht die sonst sehr leichte Conjectur», т.е. «потому именно и не смею я, – говорит он про себя, – делать догадку, впрочем очень легкую и удобную: “они (варяги) суть злее всех славян” вместо “они славяне славян”», т.е. изыскатель сам признается, что не смеет коснуться никакой догадки, хотя бы и самой удобной и вероятной, которая бы показывала славянизм варягов и удерживала их на южных берегах (в Померании) Балтийского моря.

Но посмотрим до конца. «Мне пришло в голову, – продолжает он, – что не надо ли искать в “славяне” глагола “завоевали” (тут он составил от себя два арабские слова, долженствующие значить «завоеватели»); но это не согласуется с арабским словосочинением (к чему все эти крючки?), ибо тогда вышло бы, что они “завладели господством над славянами”; посему мне остается еще догадываться (догадываться!), что вместо “славяне” должно стоять, может быть (может быть!)...» – тут опять выдумывает два арабские слова – «жили насупротив»; «и так вышло бы значение (вышло бы!), что они живут насупротив славян!» Какая счастливая высадка! Итак, Френ, основываясь на своем толковании, в переводе арабского текста Димешкиева вместо настоящего его значения («они суть славяне славян») выставил: «они живут насупротив славян» («Sie wohnen den Slawen gegenüber»; его слова см. на стр. 191).

Посему удивительно ли, что бедные скандинавы делали завоевания в России, без всяких современных свидетелей предпринимали путешествие в неизвестный им Царьград и прочее, когда норманнолюбцы с толикою легкостью готовы высадить их на все берега земного шара! Итак, мы дожили до неслыханного в летописях исторической критики подвига, т.е. что то свидетельство, которое в полной мере сообразно с Нестором, опровергает все учение байеро-шлецеристов и громогласно объявляет славянизм варягов, приняли за главнейшее доказательство норманнизма, шведизма сего народа, за доказательство и подтверждение, говорю, того, что именно опровергается! Невольно оцепенеешь при сей мысли. И действительно, нельзя видеть без прискорбия, что и в труд Френа, в своем роде действительно драгоценный, должны были влезть исторические крючки. Почтенному ориенталисту не надлежало пускаться в излишние и натянутые заключения, а просто должно было излагать верно мысли и слова арабов; если что-либо открылось в них новое и не согласное с господствующим мнением, то надлежало противопоставить оному, делать возражение, опровержение; тогда бы сей муж повел под свои знамена множество новых изыскателей и последователей; тогда бы возвращено было словам Нестора настоящее значение; тогда бы, наконец, примирена была с историей и здравым рассудком и естественность-логика.

Однако французские ориенталисты, которые не одержимы слепым и чрезмерным пристрастием к норманнам или скандинавам, прочли и перевели сие место, сколько мне помнится (в Оссоновом собрании арабских известий о востоке Европы), правильно, т.е. «варяги славяне славян». Итак, невольно подумаешь, что потомки норманнов и их братьев все присягли и решились надеть на глаза исторической публики темную завесу во всех тех местах, в которых история выражается не в пользу их предков, и попать ногами все те бесценные единственные исторические памятники, на которых не начертаны имена их предков. Но все это еще более похоже на то, если бы кто ныне вздумал подойти к памятнику

какого-либо великого человека, выскоблить из одного его имя и написать свое. Ах, всяк бы ужаснулся над сею дерзостью.

Впрочем, не стану приписывать всю беду одному пристрастью изыскателей, которым ни один из них уповательно не желал замараться; беда, по-видимому, зависела от несовершенства тогдашней критики, от недоумений; многие, может быть, увлекались по дороге, проложенной громким именем, без того, чтобы быть пристрастными. Действительно, можно найти и другие извинения; но ныне уже не так думаем.

Но обратимся к тексту Димешкия, так продолжающего: «Сей залив (Варяжское море) есть Северное море мрака; близ берегов оно есть 5 островов». Не очевидно ли из сего, что Димешкий совершенно не знал, есть ли что-либо за сим морем к северу и как далеко оно простирается к северу; словом, он называет его морем Севера (составляющим Север), морем мрака и неизвестности. Все, что о подробностях сего моря он мог сказать, суть 5 островов, кои, по его словам, находятся близко у берегов материка. Каким же образом мог бы сказать сей араб, что варяги живут насупротив славян, т.е. в Скандинавии, о коей не только он, но и все вышеупомянутые ни зги не упомянули, ибо и не знали, – в стране, на месте коей он предполагает море северного мрака?

В другом месте говорит он, что «от Испанских гор простирается хребет до Северного моря, до моря варягов, славян и келабиев» (может быть, литовцев, догадывается Френ; по-видимому, так). Здесь вполне подтверждается сказанное и доказанное мною выше, что арабы называли Балтийское море по имени жителей именно южных берегов оною, им более известных; здесь уже исчислены не одни варяги, но и их соседи, славяне, или лучше, думаю, шалавяне, т.е. жители Пруссии и латыши. Если в выше приведенных местах арабы не приводили всех сих народов, то это ничуть не мешает, ибо для означения моря довольно было имени и одних варягов; Впрочем, и сам уже Димешкий в третьем месте, выписываемом Френом, употребил только два имени, «варягов и славян».

Наконец, в четвертом месте Димешкий исчисляет страны 7-го климата, начиная с Печенегии (Молдавии и Валахии, болгар, руси, словен и проч.), словом, он исчислил (стр. 194) большую часть стран твердой Европы, а именно входящих в ее 7-й климат; в числе сих-то стран находится у Димешкия и страна Варанк, т.е. Варяжская; очевидно, что сим именем арабы всегда почти означали (Северную) Германию, между тем как славянами именовали они страну, более прилежащую к югу и Адриатическому морю. И действительно, должна же была и Германия, как большая и не столь отдаленная страна, иметь у аравитян свое имя; но другого, кроме имени варягов, не видим. Итак, у аравитян варяги есть название Германии; сколь справедливо сие положение, мы увидим обстоятельнее в другой раз.

Сие место Димешкия повторено в словаре Якута, почти так же, как оно находится у Димешкия.

Наконец, Френ приложил еще место из Бакуви (писавшего в начале XV века) о стране Варяжской так, как перевел оное знаменитый Desguignes (Дегинь): «Узаин (чит. Варанг) есть страна на берегах Северного моря, выходящего из Северного Океана и впадающего в Южное (?) море; оно-то и называется морем Вазанг (Варанг), на берегах коего находится упомянутая страна (т.е. Северная Германия); она удалена к северу; в ней очень холодно, воздух густой с беспрестанным снегом: растения и животные не могут существовать в ней по причине жестокого холода, мрака и снега» (Not. Et Extr. II, p. 543).

В этом только одном известии некоторым образом показалось бы, будто Бакуви говорит о Скандинавии, представляя себе Варяжскую страну столь суровую; но сей араб, как видно из его слов, имеет о севере Европы понятие еще неправильнее, чем его предшественники; он воображает, что Балтийское море впадает в какое-то Южное море. Дело в том, что изображение сего африканца преувеличило суровость климата Северной Германии, который, впрочем, действительно довольно суров; и как она в его понятии составляла прибережный край земли Европы к северу, то он и выразился о ней предположительно, точно по той причине, по которой, например, и жите-

ли Венгрии и ныне преувеличивают ужасы русского климата. Итак, и Букави не противоречит положению Варяжской страны и Варяжского моря, и о варягах как именном народе, коего собственное имя и было *варяги*.

Доселе думали, что одни только русские летописи говорили о варягах как о народе и под собственным их именем, между тем как византийские и западные покрывали их нарицательными. Впрочем, как *βαραυυοι* в Царьграде составляли военное ремесло, то это имя все только их одних касалось, между тем как самые греки их родину и отечественников покрывали нарицательным прозвищем.

Теперь видим, что на стороне русских известий и арабские. Мы сими последними обязаны Френу, собравшему и переведшему оные. Итак, арабские-то известия совершенно противоречат тому, что было натолковано насчет варягов; главная их черта есть в том, что они, во-первых, представляют варягов за народ частный, то есть не придают имени их общего или родового значения, как это думали, перетолковывая Нестора, шлецеристы; во-вторых, арабы варягов всегда приплетают к славянской земле, а не к Скандинавии, о которой ни зги не упоминают.

Тем бы мы и заключили наши умствования и разбор чужих о варяжском народе, если бы Френ не открыл нам уже не арабский, но еще и турецкий источник. Френ нашел у одного турецкого литератора место, которое он весьма почитает и которое прибавляет к концу арабских как для коронования своих заключений. Сей турок, а именно Хаджи-Халфа, сочинил географическое сочинение, которое он назвал *Джиган-Нума*; это есть смесь старых, обветшалых, и новых географических известий, между коими Френ находит следующее: «Аламанское море (по Френу Немецкое) в наших астрономических и географических сочинениях называется Варяжским. Ученейший Ширази в своем сочинении, называемом *Тогфе*, говорит: “У берегов моря (Варяжского) живет высокорослый и воинственный народ”, и подразумевает под сими варягами шведский народ. Сочинитель истории Америки не понял слов (писанных по-

арабски) “высокорослые и воинственные” и переменял их значение в “малые”, так отсюда вышло противное. Теперь это море тамошние жители называют Балтийским; вокруг него лежат Померания, Дания, Швеция, Лифляндия и Пруссия; но и принадлежащая к Германии Аламания находится поблизости оною; посему оно у нас известно под именем Аламанского».

Если бы Балтийское море называлось издревле Варяжским потому, что так назывались, положим, жители шведских берегов оною, то по истреблении имени варягов естественным образом надлежало именовать оною Шведским; и почему это так не случилось? Странно и непонятно, что прежнее имя Балтийского моря не могли решиться объяснить с другого места, кроме берегов шведских, а теперь уже не только с южных, но со страны, которую Померания разделяет от сих южных берегов! Но еще страннее то, что сам этот Френ, который арабов заставляет именовать Балтийское море с северных берегов оною, сам же, тогда как Швеция ныне совершенно известна, называет оною с южных Немецким! Но и того более удивительно то, что норманнолюбцы, между тем как насильственно заставляют аравитян подразумевать те берега и производить от них название моря, о коих они ничего настоящего не знали, сами известное ныне Немецкое море прозвали так, несмотря на предписываемый ими аравитянам закон и несмотря на то, что сие море в десять раз более принадлежит берегам Британии, Дании и Швеции, нежели Германии, – единственно по тому праву и закону, по которому они не допускают арабам назвать море от берегов померанских!

Итак, наш турецкий литератор занесся à la **Schlözer**, заставляя своего Ширазия под именем варягов подразумевать шведов; ибо, во-первых, сей почтенный араб (писавший в XIII столетии) совершенно молчит о шведах; во-вторых, мы видели, что не только Ширази, но и все выше приведенные арабы ничуть не подразумевали шведов; в-третьих, сами норманнолюбцы поступком своим доказывают, что арабы отнюдь не могли производить названия Варяжского моря от северных берегов оною. Мы видели уже, как и Нестора заставлял подразумевать

невозможное геттингенский Хаджи-Халфа, или Талмуд. Бедный Нестор! Бедный Ширази!

Однако выражение турка мне очень подозрительно; оно дышит в полной мере шлецеризмом; впрочем, турецкий комментатор мог ошибиться и сам собою случайно, и так же волен был толковать, как и Шлецер.

Итак, все арабы единогласно восстают в защиту Нестора и в опровержение произносимой на него дерзкой толковательской клеветы, хотя уже вполне оправдал его, своего сослуживца и современника, почтенный старец Бременский. Но нет, Нестор не нуждался в оправданиях; вперив палец в Померанию и Мекленбург, он выше всякой клеветы.

Слава Богу, мы теперь коротко знакомы с нашими варягами и тем приостановляем наши изыскания, согласив между собою и север, и восток, и запад, и юг, согласив и логику и историю, объяснив между ними недоумения.

Теперь остается нам только развить некоторые черты, основываемые на сем твердом положении, в дальнейшем их отношении².

ОКРУЖНЫЕ ЖИТЕЛИ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ

І. Славяне

Есть две Славонии, – говорит безымянный анналист славян¹, – одна меньшая, лежащая около Далмации, а другая большая, при Балтийском море.

Сия Балтийская Славония будет предметом нашего внимания. Из великого числа писателей, касающихся Северной Германии, а в особенности Балтийской Славонии, можно бы извлечь точное ее описание во всех отношениях. История ее разбросана между писателями Швеции, Дании, Норвегии, Саксонии, Пруссии, Польши, Голландии, Франции и проч. Нет ли и у российских? Ответ на этот вопрос воспоследует ниже.

Но мы не будем предаваться именно истории сей части Европы; нам на сей раз должно только познакомиться с нею, как с современницей Нестора. Не станем, однако, льститься надеждой получить полное понятие, точное представление ее состояния, так, как оно было в самой природе, в самом деле. Что же этому виною? Не имеем ни одного тамошнего славянского писателя того времени. Может статься, что их было довольно, но их труды должны были быть преданы истреблению вместе с их языком. Все, что узнаем о сих славянах, взято из свидетельств их соседей, а преимущественно саксонцев. Выпишем краткое описание сей Славонии из одного из них, а именно Адама Бременского (*Церковной истории*)².

II. Описание Балтийской Славонии

«Славония есть обширнейшая страна Германии, обитаемая винулами, которые прежде назывались *вандалами*. Кажется, что она в десять раз больше нашей Саксонии, тем паче если прибавить к ней Богемию и живущих за рекой *Ододрой* (Одером, т.е. по сю сторону) поляк, не отличающихся ни нравами, ни языком. Эта страна (Славония) плодороднейшая и наполнена оруженосным и воинственным народом; везде заключается большими реками *et firmis saltuum teiminis**. Ее широта с юга к северу, т.е. от реки Албии (по-славянски *Лабы*) до моря Скифского; длина же, начинающаяся от нашего прихода (*ragochia* – будто епархия), продолжается на восток чрез бесконечные пространства, даже в Болгарию, Венгрию и Грецию. Итак, народы славянские, из коих самые крайние с запада, граничащие с заалбийцами (залабами), суть *вангры* (или *вагры*, ибо пишутся *waigrî* и *wagrî*, *wagrii*), коих столицей *Алденбург*, приморской город»³.

Надобно заметить, что Адам писал, как видно из описания, в Гамбурге, а чтобы лучше понять мысль описателя, нужно всегда: 1-е, воображать себя в том месте, где жил сам автор; 2-е, помнить, что он, будучи немцем, почти всегда переводил названия городов и рек на слова немецкие, или славянские онемечил окончанием на *-бург*, или, писав на латинском языке, олатинизовал славянские названия. Итак, если встретятся нам города славянские, кончающиеся на *-бург*, не надобно думать, что они заключали в себе что-нибудь немецкое; немцы не могли без того обойтись, чтобы не прибавить к разным важным местам Славонии понятие *бургов*, т.е. городов⁴.

Итак, и мы будем их так называть, как их называли немцы; иногда, где будет возможность, объясним славянские их названия.

Голштейн (Holstein) есть немецкое название; оно происходит, по-видимому, от латинского сей страны названия

* Лесами и земельными угодьями (*лат.*). – Прим. сост.

Holsatia (Голзация). Адам, между прочим, говорит, что немцы называли эту страну, по лесистому ее качеству, *Голцацией* (*Holzatia*, от *holz* – дерево), т.е. *Древлянской*, а славян, ее обитателей, *holzati*, *голцатами*, т.е. древлянами; что славяне тоже, со своей стороны, называли свою страну именем славянским, это несомненно, но как, не знаем. Видно, что эти *древляне*, или *вагры*, разделяемы были от датчан, а именно от *Слиасвика* (ныне *Шлезвига*), рекою Ейдером, которая в последствии времени была всегдашнею границею между Германией и Данией. Нельзя сказать, до каких пор простирались они к югу, ибо Адам, описывая более дела церковные, не описал все в подробности. Кажется, однако, что они не переступали окрестностей Гамбурга и Любека или, может быть, что они продолжались чрез реку Траву до самой реки *Стекенициы* (*Stekenitz*). Впрочем, если не определим точные границы между разными областями Балтийской Славонии, это не нанесет нам довольно большого удара; довольно будет нам знать то, что во всех сих областях жил один народ, который является под разными местными или областными названиями, точно как россияне у Нестора под именами: новгородцев, кривичей, полочан, древлян и проч.

Еще и ныне некоторые места Голштейна сохранили славянские свои наименования – так, например: *Геннин*, *Земст*, *Бродов*, *Столт*, *Пердол*, или *Подол*, *Бозов* (местопребывание славянского анналиста, Гелмолда), *Евтин*, *Тритов*; сюда еще Любек и Гамбург; прочие или переименованы, или основаны немцами (*De Hamburgo alibi*).

«Далее, – продолжает Адам, – следуют (т.е. к востоку) *ободриты*, иначе называемые *регегами*. Столица их город *Магнополь* (*Magnapolis*)».

То есть, начиная от реки Травы до реки Одры (Одера), все пространство занимали ободриты. Ясно, что имя сие областное, происходящее от названия реки Одры. *Ободриты* значит жители области, прилежащей к реке Одре; по сему видно, что ободриты населяли герцогство Мекленбургское и Западную Померанию. Казалось бы, что *ободриты* передела-

но из *поодриты*; нельзя, однако, допустить, что сами славяне называли себя сим именем, ибо *одрита*, или *подрита*, или *ободрита* пахнет греческим окончанием на *-ита*: *митрополита*, *декаполита*, *студита*, что не есть свойство славянского языка. Итак, они слыли под сим именем у одних только иностранцев. Как же называли сами себя? Адам приводит еще другое их наименование, *перегов*. Но было ли сие имя собственное ободритов или назывались ли, слово в слово, ре-регами, теперь еще нельзя сказать.

Главный их город есть *Magnopoli*, говорит Адам. Но это по греко-латыни; после, однако, он переделался в *Megalopolis*, что выходит по-гречески. Немцы, позавидуя славе греков, отторгнули последнюю половину сего города и прибавили свой *-бург*; отсюда вышло, на их лад, греко-немецкий *Meckelenburg*, *Mackelburg*, ныне просто он называется *Mecklenburg*. Но это все иностранные имена, город же был чистый славянский. По-видимому, славяне называли его *Великим городом*. Сей город в прежние времена имел в длину две немецкие мили, а в окружности – пять⁵. Он был долгое время столицей и местопребыванием славянских королей той страны, по упадку и разделении коей он достался в удел вместе с прилежащею вокруг областью одному из сыновей последнего короля *Примислава*. С тех пор он был столицей только принадлежавшего к нему и получившего от него свое название княжества Великогородского, или ныне уже вообще так называемого Мекленбургского. Ныне он уже небольшое местечко неподалеку к югу от Висмара. Мы увидим ниже, что все линии нынешнего Мекленбургского герцогского дома происходят прямо по мужской линии от ободритских королей.

Заметим, что Адам в своем описании придает обитателям Балтийской Славонии название от рек, при коих они жили. Посему встречаются еще особые названия жителей на пространстве, приписанном мною ободритам, что, по-видимому, противоречит моему утверждению, что название ободритов простирается на Западную Померанию и Великогородскую область. Но это ничем не мешает, ибо если производить на-

звание народа и племени от реки, то оно распространяется сравнительно с ее величиною. Итак, само собою следует, что название, происшедшее от больших рек, гораздо дальше распространялось, нежели название от малых речек.

Далее, что большая область опять подразделена на меньшие по именам своих речек, это весьма естественно, ибо нельзя получить определенного познания местностей какой-нибудь страны, не приислав отличительных признаков для различения их между собою. Должность этих знаков удобнее исполняют названия рек. Итак, весьма естественно, что в стране ободритов есть и другие названия жителей, которые, однако, относятся к ободритам, как *вид* к роду, *часть* к целому. Что Адам упомянул прежде о родовом названии, а после о видовых, это служит доказательством, что он не излагал систематически своего описания, довольствуясь тем, что упомянул употребляемые в свое время названия славян, не исследовав, суть ли родовые или видовые. Несмотря на сие замечание, я не решился, однако, отступить от его образа описания. Заставив его говорить, я решился только объяснить слова сего почти современника нашего Нестора.

Далее продолжает он: «А ближе к нам живут палабы, коих главный город Рацисбург».

Ближе к нам, значит ближе к Гамбургу. Итак, ободриты жили подалее от Гамбурга, к востоку; ибо палабы жили поближе. Объясним сие. *Полабы* есть название части славян, живущих по реке *Лабе*. Так ее называли сами балтийские славяне; так ее называют еще и теперь в Богемии, где она происходит, самые чехи. *Лаба* у латинских писателей превратилась в *Albia*, а после *Albis*, а у немцев в *Ельб*, *Elbe*. *Полабы*, т.е. живущие по реке Лабе, у Адама сделались *полабингами*, *polabingi*. Сам Гамбург стоит при реке *Лабе*; итак, они могли уже начинаться от самого сего города; но до каких пор простирались, нелегко сказать; по крайней мере по значению их названия они могли за рекой проникнуть даже в самую Богемию. Сие пространство, однако, по своей величине не могло обойтись без того, чтоб не было подразделено на другие названия, ибо, говоря

только о полабах, нельзя бы иметь определенного понятия, о каких именно говорится, о живущих ли в герцогстве Лауенбургском, или Линебургском и Брауншвейгском, или около Магдебурга, или в Пригнице, или в Ангальтском и т.д. Итак, нельзя определить именно распространение имени полабов. Кажется, что оно в таком же отношении находится, как и название *ободритов*. Адам говорит, что главнейший город их *Рацисбург*, ныне Рацебург, в герцогстве Лауенбургском. Однако нельзя будет сказать, что полабы жили в одном только упомянутом герцогстве, ибо он упомянул только о тех, кои жили ближе к нему; и, кажется, если бы он писал в Магдебурге, то сказал бы о полабах, вокруг него живущих. Впрочем, известно, что славяне жили и по ту сторону Лабы; посему сия река есть чисто славянская. Как город свой, Рацебург, называли славяне, нелегко угадать; нельзя, однако, подумать, чтобы они называли оный на немецкий лад.

Но послушаем далее Адама: «за коими следуют лингоны и варнаги (*lingenes et warnahij*)». За коими подразумевает *ободритов* и *полабов*, лингоны жили в Ганновере, т.е. в герцогствах Брауншвейг-Линебургском и Целлском. Сии славяне назывались так от реки *Лины*, ныне *die Leine*, fl. *Linius*, протекающей чрез Брауншвейг и Ганновер. *Lingones, lungones, lini* назывались по латинскому словопроизводству. А по славянскому? Еще не знаем. *Варнаги*, или, правильно сказать, *варновы*, или варнавцы, около *Ростока*, *Бичова* и *Гистрова*, т.е. в окрестностях реки *Варнавы*, в стране Ободритской (Мекленбургской). Отсюда разные: *warnah* Адама, *varini, verli, weruli* etc. Далее, «подле коих живут хиззины (*chizzini*) и цирципане (*circipane*), коих от толозантов (*tholosantes*) и ретариев (*retharii*) отделяет река Пан и город Деммин».

Вот опять четыре имена. Место их пребывания довольно ясно означено, ибо первых двух от последних разделяет река Пан (ныне Пене, *Peene*), от коей северных берегов к морю жили хиззины и цирципаны, к югу толозанты и ретарии.

Имя цирципанов есть латинское, от *circa, circum, подле, около*, и *Panis*, реки Пан. Посему *circipani* то же, что жи-

вущие около реки Пана, или, короче, попаны. Chizzini же, по видимому, имя славянское: *хищные**, отсюда явственно, что хищные и живущие по реке Пан суть один и тот же народ.

Tholosantes, т.е. живущие по реке, ныне Tollense, текущей с юга к северу к Пану. *Rietharii*: ретарями названы от имени главного их города *Ретусы*. Все сии четыре названия принадлежат одному народу, который под ними является в отношении своего пребывания. Древний схолиаст Адама прибавляет: «Сих четырех народов, по их храбрости, называют *волками*, или *лютичами*, т.е. лютыми» («Nos quatuor pupulos a fortitudine Wilzos vel Leuticos appellant»).

Волка называли балтийские славяне *вилком*. Эта перемена *-о-* в *-и-* и в других словах односложных заметна и у малороссов. Сербы называют его *вуком*. Чехи в сей перемене сближаются с малороссами. *Вилке* же подает повод догадываться, что и балтийские славяне подражали малороссам и чехам. *Вилк* во множественном – *вилцы*, отсюда у латинцев: *wilzi, vilsi, vuilsi, vitilsi, vulzi, vulcini* и т.д. *Лютичи* есть эпитет вилков; латинцы: *leutici, liutici, lutici, lutitii* etc.

Вообще сии волки, или лютичи, занимали значительную часть Мекленбурга, и всю Западную Померанию, и острова *Рюген, Узедом* и *Воллин*.

Caetera de hae re alibi**.

Далее: «Есть еще и другие славянские народы, живущие между речками *Лабою* и *Одорой*, так: *гавеляне* (у Адама *heveldi*), кои живут при реке *Гавел* (iuxta Haliolam; его же схолиаст, aliter *Naylam Naolam*, ныне *Havef*), и *доксане* (*doxani*), *лебужане* (*liubuzzi*; схолиаста *leuburi*; у других *lebusii*), *виляне* (*wisini*) и *стодеране* (*stoderani*) с многими другими».

Гавеляне, или, как Адаму или его переписчикам угодно было, *heveldi*, суть славяне по обеим сторонам реки *Гавелля*, втекающей в Лабу, т.е. в части Магдебургского герцогства, лежащей по сию сторону Елбы и Миттел-Марке. *Доцане*, на коих земле стоит *Берлин*, суть восточные соседи гавелян. Да-

* Или «хижане». – Прим. сост.

** Остальное – в другом месте (лат.). – Прим. сост.

лее к востоку от дощан суть *лебужане*, по обеим сторонам *Одеры*, около *Кистрина*, отчасти на реке *Варт*, и близ Франкфурта. Названы так от главного их города *Лебужа*, он ныне небольшой, стоит при Одере, между Кистрином и Франкфуртом. *Стодеране* лежат от гавелян к югу до самых пределов Лузаци (Лужиц).

«Со многими другими», – наконец прибавляет Адам. Это доказывает, что он не исчислил всех племен Балтийской Славонии. Сам же он, прежде нежели начинает их исчислять, говорит: «Поелику здесь мы упоминаем о славянах, то не бесполезно будет упомянуть о них вкратце». Мы продолжим дальше.

От *Лужиц* (Лузаци) к западу, а от пределов Боснии к северу распространялась обширная страна славян, именуемых *сорабами*, *сербами*. В *Chron. Laurisham. ad an. 782*: «*Sorabi Slativi, qui campos inter Albimet Salam interiacentes incolunt, in fines Thuringorum et Saxonum, qui eisranc conterrains, ingressi etc*», т.е. «Славяне *сорабы*, живущие в стране между *Лабою* (Элбою) и Салою реками, ворвавшись в пределы своих соседей, турингцев и саксонцев...» и проч.

Они распространялись к северу по ту сторону Элбы до Галберштадта и Магдебурга, где соприкасались в Алтмарке с заэлбскими *полабами*⁶ (*seu brezeni*), кои от сорабов далее к северу простирались под именем линян, или лингонов, до самого Гамбурга. Большая часть Сорабии лежала по ту сторону *Элбы*, из ней сделалась в последствии времени, после нашествия немцев, нынешняя *Саксония* и Ангальтское княжество.

Итак, Лаба, или Элба, протекала посреди славян. До каких же пор простирались к западу залабские славяне, увидите яснее ниже, когда определим границы древней и настоящей *Немеччины*. На сей раз обратимся еще к Славонии.

Адам не упомянул еще о славянах, живущих от *Одеры* к востоку до самой Пруссии. Поляки, их соседи, называли их *поморянами*. Сие имя они распространяли и на лютичей, или волков.

Заметить надобно, что вся страна, подходящая под сии три названия, лежащая между реками *Лабою* и *Одерою*, к

югу от Великогородской области, называлась славянами вообще *Украиною*; с тех же пор, как попалась во власть немцам, стали называть ее Мархией Украинскою, *Marchia Ucrana*, *Marchionatus Ukranensis*; немцы с этого сделали одно слово: *Ucker-Mark*. В последствии времени она была разделена разным образом между владетельными князьями, откуда произошли: *Средняя* – *Mittelmark*; *Новая* – *Neumark*; *Старая* – *Altmark*.

Теперь следует вопрос: какое было народное имя, или собственное название, сих славян?

Из всех вышеприведенных названий почти все суть частные и только местные, которые служат только для географического подразделения, и так невозможно было бы взять часть какую-нибудь за целое. Кроме сего, сии имена суть местности; нам же нужно имя народности, как отличительный знак от иноплеменников; имя, общее всем обитателям Балтийской Славонии; имя, которым бы они отличались от прочих славянских племен, например, от россов, чехов, поляков, кроатов, болгар и прочих.

Поморянами, или померанцами, они себя никогда не называли; сие имя прежде всего появилось между поляками, кои, смотря на местоположение, кстати назвали их так. Доказательством тому служит, что название сие совсем не известно было писателям западным.

Славянами они так могли называться, как и чехи, сорабы, поляки, россы и проч. Сие имя есть только общее, происшедшее случайно и гораздо моложе самых тех народов, коим оно приписывается. Оно в природе не так обширно, как в головах этнографов. Сие увидим яснее, где поговорим о славянах вообще.

Адам называет их винулами, прибавляя, что прежде назывались *вандалами*. Это точно так; но сии имена не были их собственными, народными, ибо они им придаваемы были тогда, когда сей народ был менее известен писателям, жившим в Италии или Греции; в противном случае оно не должно было исчезнуть, но еще более утвердиться тогда, когда стали проникать в их средину. Кроме сего, сие имя появляется в

разных изменениях: *venedae, venedi, venethi, vinithi, vinthi, vendi, vendae, vindae, vinuli, vinduli, vendeli, vandali, henethi, henethae*. Кто не знает, что ни один народ славянский подобным именем себя никогда не называл? Посему сие имя было только нарицательное и служило долгое время общим, пока не заменено названием *славяне*.

Далее: не надобно смешивать со славянами балтийскими *сорабов*. Сей народ, занимая довольно пространство, отличен от них; они носили собственное свое имя *сорабов*, которое на балтийцев никогда не распространялось.

Как же называли себя сии балтийцы? Погодим еще немного с ответом; покамест станем их называть волками, лютыми, живущими по рекам *Лабе*, *Одере* и проч. А как нужда потребует, созвавши почтенных отцов, *Нестора* и *Адама*, непременно легче наречем, нежели теперь.

Итак, на сей раз постараемся только познакомиться, представив некоторые главные черты их характера, как в физическом, так в нравственном и политическом отношении; обратим взор на их образ жизни. Чтобы узнать весь дух человека, надобно наблюдать за его деяниями. Эта аксиома стоит и в отношении к целому народу.

Первый вопрос, которым надлежало бы спроситься о них, есть: как обитали балтийские славяне свою страну? Возились ли на телегах с места на место или жили в бедных шалашах? Скажем: прежде, нежели стали появляться города между прочими западными народами, их сосудами, между славянами одни уже лежали в развалинах, другие процветали, а новые беспрестанно появлялись. «Прежде, нежели *Любек* и *Гамбург*, – сказано во *Всеобщей истории торговли и мореплавания*⁷, – в 1241 году заключили сей знаменитый союз и приняты в оный в первый раз и другие славянские приморские города: *Визмар*, *Росток*, *Stralsund*, *Гринсвалд*, – были уже, несколькими столетиями прежде, некоторые славянские города, так знаменитые своей торговлею и столь славившиеся своими богатствами и великолепием, что можно их сравнить с *Карфагеном*, *Афинами* и *Коринтом*. Сии города суть: *Вине-*

та, Юлин, или Воллин, Великогород (Magnopolis, Megalopolis, Mackelburg), Ретра, Висби на острове Готланде, Аркона на острове Рюгене» и проч.

Мы рассмотрим, что говорят древние писатели о сих городах в особенности и прибавим еще некоторые другие города с дополнительными замечаниями.

1. **Воллин.** «Подле Лютичей, иначе называемых волками, – продолжает Адам, – протекает мимо *Одора*, река богатейшая Славонии. В устье ее, там, где протекает мимо Скифского озера (понимает озеро так называемое *kleine und grosse Haff*), стоит главнейший город Воллин, или Юлин (*nobilissima Julinum*), подающие выгоднейшее местопребывание окружающим его варварам (т.е. славянам, посреди коих он стоял) и россиянам⁸. Но как говорят о нем много дивного, великого и даже невероятного, неприятно будет прибавить о нем что-нибудь более известного и достоверного. Он более всех городов Европы, его населяют славяне с прочими россиянами и варварами, ибо позволяется в нем учить и приезжающим саксонцам, если только во время своего в нем пребывания не станут производить христианского богослужения. Самые же все придерживаются еще своих языческих обрядов; впрочем, в отношении к нравам и гостеприимству нет народа их честнее и благоклоннее. Город наполнен товарами всех северных народов; он заключает в себе все, что только можно придумать редкого и приятного. Там есть *горшок Вулкана*, который жители называют греческим огнем, о котором упоминает *Солин*. Там же можно видеть и *Нептуна* триобразного (*triplicis naturae*), ибо сей остров тремя заливами (*fretis*) омывается, из коих один, как говорят, есть самого зеленого цвету, другой беловатого, третий же в бесперывном волнении».

Вот описание *Воллина*, краткое, но довольно понятное. Видно, что Адам в нем никогда не бывал и что он начертал эти понятия только по слухам; следственно, он не мог оставить нам подробного описания.

Достойно здесь замечания, что сии моряки (воллинцы) преимущественно обожали божество вод и морей, именуемое

Воданом. Не понимаю, почему Карамзин сего славянского *Водана* производит от какого-то *Одина* Скандинавии? Напротив, все обстоятельства служат тому доказательством, что скандинавы приняли славянского *Водана*, преобразив его, однако, в *Одина*.

Кранций в своей *Вандалии* не может *Воллин* сравнить ни с каким другим городом, как только с Константинополем. Его гавань была всегда наполнена купеческими кораблями всех наций; корабли его отправлялись во все стороны. Иностранным купцам (гостям) определены были для жительства особые улицы, из коих главные занимаемы были россиянами⁹.

Развалины столь знаменитого некогда города весьма часто посещаемы были в XIV, XV и XVI столетиях. Думаю, не будет излишне прибавить здесь любопытное изыскание одного ученого XVI столетия, помещенное в *Origg. Pomaer*¹⁰.

«Сколь процветало наше отечество во время самых славян, тому служат доказательством те величественные города, некогда знаменитейшие, но ныне совсем разрушенные. Иоанн Люббекий, консул города Трептова на Реге, муж ученейший, 120 лет тому назад отправившийся для исследования еще существующих развалин Юлина, Винеты и Арконы, из собственных наблюдений составил описание, которое он прислал *Давиду Хитрею*».

Из сего исследования Люббекия прибавим здесь замечательное. Сколь был обширен *Воллин*, «видно из существующих его развалин».

«Ибо церковь св. Михаила, бывшая посреди сего города, ныне стоит вне нынешнего городка *Воллина*, на возвышенном несколько холмике. Кроме сего в городе были три крепости для отражения неприятеля, расположенные на разных возвышенных его местах, в довольном расстоянии одна от другой, что доказывает еще остаток их развалин; имена их еще и теперь остаются; именно: 1) *Какернел*; 2) *Модолов*, 3) *Крепость* (*Schlossberg*); 4) более к северу *Серебряная гора*, всех прочих возвышеннее, на коей построена была крепость с многими домами, где часто теперь между разваливаемыми основными

камнями и кирпичами находят серебряные деньги и весьма великие кости и ребра людей, подобных гигантам. Была еще и 4-я гора в южной части (australem) города, которая ныне от ворот нового Воллина так далеко, что пешеходец, вышедший к ней из города, совсем устанет. У подошвы сей горы оканчивался к востоку древний *Воллин*. А как церковь св. Михаила стояла посреди города, по всем четырем сторонам коего возвышались вышеупомянутые укрепления, как видно из развалин, то весьма явствует, что пространство города внутри стен его превышало гораздо немецкую милю. Нынешний Воллин в 30-тую долю меньше, порядочный однако городок».

«Древний *Воллин* был после Константинополя знаменитейший город Европы, и толикого могущества, что сильного датского короля Свенона, в тройной войне побежденного, наконец взял в плен и, получив от него выкупные деньги, ничего не опасаясь, возвратил ему свободу. Многолюдность города доказывает то, что в одном 1124 году окрещено в нем Бамбергским епископом Оттоном 22 000 граждан».

«Но не одни только тамошние природные жители населяли сей город, а и разные иностранцы разных вер и языков жили в нем и торговлю производили. Кроме балтийских славян (коих автор исчисляет следующими однозначными именами: winithi, winni, heneti, suenones, sclavi, vandali, circipani) находились там и датчане, шведы, евреи, язычники (gentiles, pagani), россияне, последующие греческому вероисповеданию, и иные другие, коим (иностранцам) предоставлены были равные права производить торговлю, исключая одних христиан под смертною казнью. Каждому народу определены были для жительства особые улицы, кои получили от них свое название. Но важнейшую и главную часть города занимали природные воллинцы, пришельцы из прочих городов и областей Славонии и россияне, большею частию многоженцы, служащие каждый своим идолам, но, впрочем, честных и добрых нравов. Обожали, однако, публично и законно (ex professo) божество трехглавое, именуемое *Триглав*, коего одна голова изображала, по их мнению, правителя небес,

другая земли, третья же вод и морей. Думаю, что они от собратий своих ругиян (герулов) и вандалов, воевавших в Италии и Африке, узнали что-нибудь о Пресв. Троице истинного Бога и отсюда выдумали своего Триглава, коему прибавили еще других меньших богов-помощников: *Яровида* и *Баровида* (Harvitem et Barovit), управляющих войною и торговлею, как бы Марса и Меркурия; сверх сего *Белобога* и *Чернобога*».

Судьба процветающего Воллина подвержена была общему ходу дел человеческих. Богатства и излишество всего и «идолопоклонство отворили путь к неге, роскоши и разврату, коего неминуемым следствием были несогласия и разные раздоры, начали наносить благосостоянию города чувствительные удары, кои повторяемы были частыми пожарами. При сих бедствиях воллинцы стали выгонять иностранцев, а преимущественно слишком усилившихся россиян, кои с женами и детьми возвратились в Россию, где основали княжество, еще ныне так называемое Волыньское» (т.е. поселились в стране, названной, по новым ее обитателям, *Wolhinia, buscatus Wollinensis*). «Последующие еще раздоры причинили рассеяние и прочих иностранных купцов. Наконец, датский король Валдемар, увидев увядающие силы сего страшного соперника своего, со всеми своими силами напал на него и в 1170 году, взяв приступом, разрушил до основания» (доселе Люббекий).

Так кончилась сия столица Севера; разрушение ее было гораздо ужаснее гибели, нанесенной Сагунту Аннибалом, а *Карфагену* Сципионом.

Остров, на коем был сей город, и коего место и имя сохраняются еще ныне в городке Воллине, так называемый *Wollinsche Werder*, имеет вид треугольный. С востока отделяет его от тверди река *Дивенов*, вытекающая из озера *dem grossen Haff* и спешащая в море; с юга упомянутое озеро, с запада река *Свен* (fl. *Svenus*), ныне *Suine*, от озера до моря; с севера самое море. Земля его плодородная, богата разного рода птицами, воды же знамениты рыболовством. Он длиною с четыре немецкие мили.

Река *Свен* разделяет его от другого соседнего острова – *Узедома*, или, как называет его Сакс. Граматик, *Острожна*, который, подобно Воллину, окружен с севера морем, с юга озером, с запада рекою *Паном* (Реене), а с востока Свеном. На сем острове была *Винета*.

Заметим, что славяне, жившие на сих двух островах, у древних писателей назывались свенянами, *suenones*, от реки Свена – fl. *Suetius*, ныне *die Swine*, протекающей посреди их.

2. **Винета.** «От сего города, т.е. Воллина, – продолжает Адам, – в короткое время можно приплыть к городу *Винете*, лежащему при устье реки Пана, где и руны живут»¹¹.

«*Винета* была из величайших городов Европы¹², но между славянскими не было ни одного ей равного. Он построен был на острове Узедом, при истоке в море реки Пана (Реене), около двух миль от Волгаста. Посему ее положение было весьма выгодно, имея сообщение не только с морем, но и со всею Славонией. Правда, его жители были большею частью веныды или славяне, которые, однако, принимали к себе и иностранцев, а преимущественно россиян, которых тогдашние писатели обыкновенно называли греками. Сие стечение разных народов, привлекаемых туда торговлею, приносило городу несметные богатства».

Сей город посреди самого цветущего своего состояния, посреди своего блеска и величия постижен несчастием, коего никогда нельзя довольно оплакать, – несчастием, нанесенным ему самою природою. «При сильной и необыкновенной буре море оторвало довольно большую часть острова, причем потонул и целый город». *Микрелий*¹³ говорит, что еще в его время (в XVII столет.) «при тихой и ясной погоде напротив селения *Дамерова*, в полмиле от берега, можно видеть в море улицы в прекрасном расположении, и что одни сии остатки *Винеты* шире и пространнее всей окружности Любека¹⁴».

Приведем еще слова осматривавшего сии остатки г. *Люббекия*¹⁵: «Желая осмотреть и развалины *Винеты*, я, отправившись из Воллина, в четырех милях от него переправился в лодке чрез р. Свен на остров Узедом, где взял с

собою одного девяностолетнего рыбака, знатока сих мест, в путеводители; сев с ним в повозку, проехал около трех миль по приморью до того места, где был некогда город. Он мне рассказывал много любопытного и вероятного о Винете и Воллине, что только он помнил из старых песен и из рассказов, которые он слышал в своем детстве от стариков. По прибытии в деревню *Дамеров*, состоящую из хижин рыбаков, на берегу моря расположенных, мы сели в лодку и отправились к тому месту, где виделись большие камни и пороги – следы потонувшего города.

Винета построена была в длину с запада к востоку, как видно из ее остатков, из коих можно открыть и ее широту. Улицы, вымощенные малыми кремнистыми камнями, находятся отлично и в длинном положении, по коим, как я заметил, бродить можно, и даже по моей просьбе рыбак руками вырвал мне из пробитых мест мостовой несколько камней. Большие же камни, бывшие основою великих зданий, или угольными концами улиц, расположены почти следующим образом (*sequitur forma civitatis*).

Сия-то обширность еще существующих ныне остатков города мне кажется большею, нежели пространство целого Стралзунда, или Ростока, откуда можно легко заключить о некогдашнем величии и пространстве оногo. Он процветал уже, когда Гензерик из Вандалии (Балтийской Славонии) и, спустя после, Одоакр из Ругии (острова Рюгена) вывели свои войска в Африку и Италию, обитаемые¹⁶ народом одной религии и нравов с воллинами.

Готландские свеи после разрушения Винеты прибыли к развалинам ее на кораблях, и все, что только можно было вынуть из воды драгоценных, мраморных, бронзовых, цинковых изделий, золота и серебра собрав, отправили в Готландию. Кроме сего, упоминается в одном старинном стихотворении (или песне), что там же найдены огромные медные ворота города, в *Висби* перенесенные.

Нельзя определить, в котором году случилось сие несчастье. Некоторые хотя полагают сие в 830, во время Лудовика

Императора, однако известно, что та необыкновенная буря и величайшее наводнение, кои Ругию (Рюген) разорвали на части, и острова Руден и Гринвалдский, составлявшие часть ее, оторваны от нее, случились гораздо позже».

По крайней мере, город еще существовал во время Адама, т.е. около 1076, как видно из его слов. Казалось бы, что сия участь великого города должна была наделать шуму между писателями. Конечно, так, но только ныне, когда имеем столь великое множество ведомостей, журналов, писателей до излишества и проч. Но тогда шум этот мог быть произведен только в бесписьменном народе, который еще во время Люббекия сохранялся в преданиях и песнях. Кроме сего, весьма мало было тогда писателей, и то большею частию в отдаленных от Винеты странах. Худое положение тогдашнего просвещения весьма замедляло распространение молвы, которая и без того не всегда проникала до уединенных келий монахов-писателей, которые и без сего могли пройти участь Винеты только потому, что она не входила в состав их занятий. Впрочем, Люббекий говорит, что найдены в монастырях какие-то древние рукописи, в коих говорится о потоплении Винеты. Знаем, что готландцы, боясь быть потопленными морем, перегородились от него огромными валами. *Adjicienda quaedam de Rugis et Ranis**.

3. **Велико-Город.** О сем городе мы упомянули выше.

4. **Ретра.** Собственно, была столицей Украины, стояла неподалеку от нынешнего городка Мекленбургского Малхина¹⁷; жители ее и окрестностей обыкновенно назывались ретариями (ретарями).

Послушаем далее Адама: «...Между коими (т.е. жителями Украины, жившими в середине Славонии, между Элбою и Одером, из коих он выше исчислил некоторых) среднее и могущественнее всех суть ретари, коих знаменитейший город Ретра, столица идолопоклонства. Там сооружен идолам великий храм, из коих главнейший есть Радегаст (не Радогостье ли?), коего стан сделан из золота, пьедестал же пурпурового цвета. Сам город имеет девять ворот и окружен кругом глубоким

* Дополнение о ругах и ранах (лат.). – Прим. сост.

шанцом (рвом), наполненным водою, через который только один длинный деревянный мост служит переходом». Наконец, прибавляет: «Говорят, что сей город отстоит от Гамбурга в четыре дня езды» (см. Helmold. Lib. I, cap. II. №. 7, de Westphalen. Tom III, pag. 716 et 1913. Tom IV, pag. 84 et 497).

Стоит ли после что-нибудь на месте древней Ретры, неизвестно. Можно получить ясное понятие о могуществе сего древнего города: надлежит только прочесть со вниманием летописи той страны.

5. **Аркона** была столицей Ругии (ныне острова Рюгена). «Она была самый укрепленный как бы акрополис Ругии; построена на высочайшем мысе, в северной стороне полуострова Рюген, Виттова. Местоположение ее весьма укреплено природою и искусством, с севера и востока окружена морем, а со стороны земли ограждена, по причине возвышенности места, высочайшими стенами, еще и ныне видимыми, кои столь были высоки, что нельзя было никаким сильным луком достичь их вершины» (см. Gerard. Mercator in Atlante. Tit. Bugiae, pag. 271. Plura, qui desiderat, vid. ap. Sax. Gramm. Hist. Dan. Lib. 14, qui haec copiose descripsit. Adde: Hermann. Bonnum lib. I. Chron. Lubec., pag. 2. Joan. Micrael. Hist. Pom. Lib. 2, cap. 15. Cranzii Hist. Vandaliae etc).

В последствии времени сей город, в 1168, взят приступом датчанами и разрушен. Место его после долгое время называлось Оркунде.

6. **Демин**, важный город при реке Пане, был столицей хищных, или попанов.

7. **Шерелица**, один из важнейших и древнейших южных городов Балтийской Славонии. Он построен при реке Гавеле. Он был древнею столицею славян, называемых у Адама гавеляне. В 927 году император Фридрих I, внезапно напав на него, отнял его приступом у славян с прилежащею вокруг небольшою областью. В следующем году (928) определен в губернаторы, или правители города, Сигфрид, старшина Рингелгеймский (Grau или Graf von Ringelheim), который первый был в Шерелице из немецких правителей.

На северной стороне города стояла гора, в последствии времени немцами названная Harlungsberg. На ней стоял величественный храм, в коем находился знаменитый кумир Триглав, столь обожаемый вообще всеми балтийскими славянами (см. Angel, lib. III, pag. 509).

Это было первое нападение немцев на страну, лежащую по сю сторону Элбы. Заэлбские же славяне, хотя еще держались, но, однако, не без политического влияния немцев.

III. В Мекленбургском княжестве

8. **Висмар** (Wismar), город у берегов Балтийского пролива; время его сооружения, наверное, неизвестное, следственно, оно относится к древности; вообще утверждают многие писатели, что он основан в 340 г. после Р.Х. венденским или вандалским королем Визимаром (a rege Wisimaro). Называли ли именно так своего короля славяне, сомнительно; тогда как славяне должны были именовать его Везимиром, Вяжимиром, Вячемиром. Слово «мир» ко всякому было прилагается, как и «слава»; впрочем, Везимиров можно отыскать и у позднейших других славянских племен. Но начало всех великих городов, по древности их, мало известно (см. The History of Vandalia. By Thomas Nugent. London, 1766. Pag. 17).

Сей город, кажется, в древности был довольно великим и процветающим по причине удобности его гавани; однако нынешний Визмар, может быть, удержал только место древнего. Впоследствии он был один из главных городов Ганзеатического союза.

9. **Гадебуш**, город при речке и озере Радогостье (Radegast). Он основан еще в язычестве. После пожара он был восстановлен около 1210 года славянским князем Генриком Буревиным. Неизвестно, славянское ли это название города или немецкий перевод оно; в последнем случае оно было бы Gadebusch на простом наречии или Gottesbusch, т.е.

Божеский луг; и действительно, на сем месте был храм и драгоценный истукан славянского бога Радогоста, от коего даже названа и речка, при коей стоит сей город. Утверждают, что и теперь в одной гадебушской древней церкви находятся остатки сего идола, а именно на западной стене церкви, над окошком, вделана одна часть сего металлического истукана и другие части его короны; все это вделано в стену в виде розы и сообразно с готической архитектурой (см. Nugent. The history of Vandalia, pag. 19).

Впрочем, очень вероятно, что название города есть славянское, а именно Радебуж или Радебож, т.е. Радебожий, и только нашедшими немцами изменено в Gadebusch, тоже соответствующее понятию о названии местности. Аналогическое сему названию имя есть и в России, Дорогобуж или Драгобуж, или, как пишут по более легкому выговору, Дорогобуш. Сверх сего, многие заметили справедливо, что вандалы своего Радогостья именовали короче и Радьем или Радзем. Заметим еще, что в Балтийской Славонии есть и другие многие местности, носящие имя и память сего бога: город Радегаст, Радевин и знаменитый в истории Радзеград, или Радзыград, немцами переименован в Ratzeburg; что-то похоже на это и Разград в Болгарии.

10. **Новый Буков** (Neu-Buchow); так и назван для различия от старого или древнего Букова, находящегося в его окрестности и ныне упавшего на степень селения.

В окрестностях сих городов есть и другие древние славянские местечки, удержавшие свое название: Дамов, Ключ, Носов, Борзов, Старый Покрент, Дузов, Демпсин, Редентин, Лесков, Барин, Роган.

IV. В Венденском княжестве

11. **Густров**, столица прежде бывшего Венденского княжества, окружен прелестными холмиками и стоит на берегу

речки Небеля; распространен князем Генриком Буревиным I около 1220 г. и более обогащен его наследником, Буревиным II, который заложил огромную церковь св. Цецилии в 1226 году. При ней находятся крипты, или гробницы, с мраморными статуями многих Великогородских (Мекленбургских) князей. Там же находится родословная всех князей Великогородских, вырезанная на мраморе по повелению Елисаветы, супруги князя Ульриха IV. Среди древних строений города княжеский дворец удивляет своим готическим величием. Жители тамошние всегда отличались приготовлением отличного, крепкого и вкусного пива, которое они именуют Кнезсяк, по имени его изобретателя, или, лучше, только усовершенствователя и охотника до оногo, Мекленбургского князя Яна (Ивана), прозванного Богословом и умершего в 1264.

Замечательно, что балтийские славяне уже в XIII столетии умели готовить искусственный крепкий напиток. Эту черту припомним себе для другого разу.

Недалеко отсюда, при деревне Вик, стоит знаменитый в древности город Верле (Wogle), давно уже разоренный; из его развалин возродился в соседстве, на реке Варле, или Варнове, нынешний город Шван.

12. **Тетерев**, городок с приятными окрестностями.

15. **Робель** (старый и новый), прелестный город на берегах озера Мурицы. Новый Робель стоит с XIII столетия. Неподалеку от сего города стоял знаменитый в древности город Ретра.

14. **Варин** на берегу озера Карпин. Некоторые думают, что жители сего города именовались *Warini*. Сей город часто опустошаем был пожаром.

15. **Плава**, появляется как город с 1228 г., лежит на берегу озера того же имени, из коего вытекает речка Леденица (Elde). Сей город некогда был укреплен, ныне укрепления в развалинах.

16. **Краков**, при соименном озере, ныне небольшой городок; но говорят, что он из древнейших городов Мекленбургского княжества.

17. **Златогорск** (Goldberg) построен около 1250 г. князем Прибиславом III. **Окрестности как его, так и Кракова, прелестны.**

18. **Любеч** (Lubetz), на реке Леденице; местечко, в коем около 1308 г. выстроена цитадель.

19. **Малхин**, на границе Померании, при впадении реки Пены (Panis, Peene) в озеро Кумирово (Kumegow). Здесь находилась крепость, много потерпевшая в 30-летнюю войну.

20. **Грабов**, или Гробо́во (Grobow). До 1250 г. он был селом; перешедши во владение князей Великогородских, сделался городом. В нем они выстроили дворец, удивительный по прекрасной своей постройке и прелестному местоположению. Здесь жила княжеская фамилия, впоследствии именовавшаяся Шверинскою.

21. **Пархим**, Парким (Parchim), **обширнейший и лучший** город после Густрова, имея три английские мили в окружности. Это один из древнейших городов Вандалии, или Балтийской Славонии. Многие думают, что это есть Alistum Птоломея; иные думают, что венеды в нем имели и обожали золотого идола, Паркума. Очень вероятно, это был тот же, что Перкунос у летов и Перун у россиян. Город сей после пожара восстановлен в 1218 г.; в древности имел отличную цитадель, которая давно уже в развалинах. Он стоит на берегу реки Леденицы (Lede, Elde). В сем городе имела местопребывание одна ветвь Великогородского княжеского дома.

22. **Леденица** (Lefenitz, или Nenstadt) появляется городком с XIII столетия, **будучи распространен князем Гуделином II.**

23. **Домица** (Domitz), при впадении речки Элды в Элбу. В 1556 г. выстроены в ней укрепления.

24. **Ставни** (Stawenhagen), на границе Померании, к которой прежде и принадлежал, но после уступлен Мекленбургскому дому Богуславом, князем Померанским. Он назван так от многих рыбных прудов в его окрестности, которые, как замечает Nugent, на вене́дском языке именовались *ставнями*

(ставень, множ. – ставни, по-латыни *stagnum, stang*); немцы прибавили свое окончание *-hagen*.

25. **Ивенак**, или, лучше, Ивняк (**Iwenack**), местечко неподалеку от предшествующего. Он с принадлежащими к нему окрестностями уступлен был фамилии Плешиных (**Plessen**).

26. **Пенцелин**, или Пенецлин (уменьш. имя реки Пан или Пен), местечко у пределов княжества Старградского. Начало его неизвестно; в 1501 подарено князем с баронским достоинством семейству Молчан (**Molzan**).

27. **Малхов**, или Малков, очень древний город Померании, между озерами Калниным и Плавою; он окружен не стеною, но водою. На восточной стороне одного находилось древнее венедское укрепление, которое давно уже в развалинах.

28. **Добертин**, древнее славянское местечко; по обращении сей страны в 1222 г. основан был в нем Бенедиктинский монастырь.

Еще есть и другие местности, проистекающие из венедской эпохи: Витапек, Трибеков, Бокуп, Додов, Кремин, Балов, Метин, Марница, Панков, Репентин, Речов, Суков, Каргов, Тарнов, Гримов, Бизедов, Дуков, Рамбов, Гагенов, Вангелин, Марков, Бобин и проч.

V. В Шверинском княжестве

1. **Зверин**, или, лучше, Зверен (**Schwerin**, Шверин), ныне столица владений Мекленбург-Шверинского дома. Сей город был значительным уже во время Нестора и отличался своей готической архитектурой. Имя его произошло от окружающих лесов, наполненных зверями. «*Schwerin, in the venedic language signifying a place stocked with wild beasts*», – говорит Nugent, – т.е. «Шверин (Зверин) на вандальском языке значит место, изобилующее дикими зверями» (pag. 31).

2. **Кривица** (**Kriwitz**), ныне незначительный городок, но замечателен своею древностью. Мне кажется, что и в России был город подобного имени, от коего и названы были жители

его и окрестностей кривичами, впоследствии переименованные в смолян, по имени города Смоленска.

3. **Бойца** (Boitzenburg), при впадении речки Бойцы в Элбу.

4. **Бичов**, или Бойцев (Butsow), довольно древний городок, недалеко от реки Варны.

5. **Ренин**, при реке Радогостье.

6. **Радзов** (Ratzeburg), древний и известный город, славился уже во время Адама Бременского. Имя его происходит от находившегося в нем храма Радогостова.

Сверх сего заметим: Седлища, Гневен, Карин, Зареншин, Банцков и пр.

* * *

1. **Росток**, обширный город, в нескольких верстах от моря, на реке Варнове, или Варне; ныне разделяется на Старый, Средний и Новый. Во время Нестора Росток был небольшое местечко; но город, один из древнейших городов Вандалии, стоял близ оною, и имя его было Кишин или Кисин (Kissin); Росток ему служил гаванью и коммерческим депо, или выгрузкою. Вандальские короли обратили на это место особенное внимание. Годескалк (так его называют немецкие анналисты, но правильно ли, не знаю) около 1050 году укрепил Росток крепостью и более распространил. С тех пор возрастание Росток стало опустошать самый Кисин, пока сей последний не разорен пожаром. Около 1160 года, по повелению короля Прибислава II, Росток вдвое распространен; развалины древних строений Кисина служили материалом для новых ростокских построек; словом, древний город передвинулся за версту или две к Лиману, переименовав и название по местности. Росток получил от своих монархов, преимущественно от Прибислава II, **разные права, между прочим и чеканить собственную монету.**

Название сего города Nugent по справедливости производится из венедского языка (venedic original), и означает разлив,

расток воды или реки (a division of waters); и действительно, в самом Ростоке река Варна растекается на несколько рукавов и расплывается в обширный лиман, точно как Буг при Николаеве. У карпато-россов есть два больших селения в разных округах, именуемые Ростоками; одна Ростока действительно стоит на ростоке одной небольшой реки.

Однако Nugent производит имя Ростока и от венедского слова (from the venedic word) *rostawiact* (расставить), что означает воскресение (стало быть, лучше: восстать, восстановить), ибо Росток восстановлен из развалин Кисина. Но это пустая догадка.

История сего города довольно любопытна; он был впоследствии один из так называемых венедских ганзеатических городов; прочие были: Любек, Гамбург, Стралзунд, Визмар и Дюнебург. От имени Кисина жители города и его округа именуемы в летописях *kissini*, *kizini*, *chizzini* и т.д.

2. **Доберан**, или Добран (*Dobberan*), к западу от Ростока; в 1170 году основан в нем монастырь цистерцитов (*cistercitarum*), в коем хоронились некоторые из венедских князей. Добераны есть и в других славянских странах, например, в Моравии, Богемии и проч.

3. **Живан** (*Sehman*), на берегу Варны, на половине дороги из Ростока в Густров. Здесь находился храм богини Живы, венедской Цереры, по имени коей было названо и местечко это, обитаемое большею частью Живиным духовенством. Жители сей околицы варили отличнейшее пиво, плод их избыточного хлебопашества. Посему, видно, и Жива здесь-то была на своем месте.

Неподалеку от Живана стоял знаменитый в древности венедский город Верле (*Werle*), бывший столицей довольно обширной стороны, местопребыванием иных королей и князей. По имени сего города жители его и окрестностей именуемы были верлянами, верелянами, *veruli*, *werli*, *heruli*; а по сему ошибочному летописному правописанию в наших исторических компиляциях или изысканиях *герулы*. В XIII стол. сей древний город пришел в упадок по разным причинам; из раз-

валин его с 1235 году по повелению князя Никлота V, **обстроено** был Живан, или, как выговаривают саксонцы, Шван.

4. **Драгун**, в приятном местоположении, при озере Кумирове; при введении христианства основан в нем монастырь в 1149 году.

5. **Гноен** (Gnoyen), у границ Померании: так назван по плодородной своей почве.

6. **Марлов**, местечко на реке Рекенице (Reckenitz).

7. **Рыбница** (Ribenitz), ныне порядочный город; стоит при озере, образуемом рекою Рекеницею; был уже известен в 1271 году.

8. **Тешен** (Tessin, Tessen), городок на Рекенице. Nugent производит его название от *Tees*, венедского слова, будто означающего судопроизводство, и будто значило то же, что решение, утешение. Как бы то ни было, но *тешен* – слово славянского происхождения; Тешен, город, находился и в Моравии, по имени коего и известно было Тешенское княжество (ducatu Tescheniensis). Сюда же принадлежат: Кольцов (Koltzow), Дружевица и пр.

VI. Старградское графство

1. **Стрелица**, Старая и Новая (Alt u. Neu-Strelitz), в 1349 г. в качестве небольшого поместного местечка подарена благородной фамилии Девичей (Dewitz) вместе с другим местечком, Furstenberg; от сего последнего Девичи именовались графами Фюрстенбергскими (grafen von Furstenberg). Впоследствии сие имение опять досталось дому господствующему (Мекленбургскому).

В 1733 году, в нескольких верстах от Стрелицы, в деревне, выстроен княжеский замок, от чего возродился новый городок, названный Новою Стрелицею. Сей город ныне замечателен по местопребыванию одной линии Мекленбургского дома.

2. **Старград** (Stargard). По его имени назывался целый округ. В нем иногда проживали князья.

3. **Новый Бранденбург, Weseberg, Furstenberg, Friedland**: названия посредственных городов, суть переводные славянские.

4. **Миров и Немиров** (Mirow und Nemerow), – местечка. Сюда причислить можно: Ганчов, Подвал, Заделков и Броды, Зерицу, Гранцов.

О ПЕРВОМ И ВТОРОМ НАШЕСТВИИ ЗАВИСЛЯНСКИХ СЛАВЯН НА РУСЬ ДО РЮРИКОВСКИХ ВРЕМЕН

Искони, с незапамятных времен, *русские* девы умывали свои ножки на восточных берегах реки *Вислы*; искони приходили и *ляшенки* омывать свои к западным ее берегам. Им видно было далеко через Вислу в Русскую землю, о которой они слышали, что Русская земля не имеет пределов. И теперь еще думают закарпатские русские девы, что Русь так обширна, что одними ее седлами можно покрыть всю *Угорщину* (Венгрию). Очень понятно, ошибались ли русокодые ляшенки.

Но послушаем песенку русских дев, стирающих белье на берегу Вислы; послушаем, потому что это должно быть очень интересно для русских дев, для хороших ярославок, которые омывают ноги свои белые на берегах Волги.

*Хожу нужу понад берег,
Тяженько вздыхаю:
Бедна ж моя головонька,
Що доли не маю.*

*Было ж мене, моя мати,
В реце утопити,
Нежли таку нещасливу
На сей свет пустити.*

*О! Як тяжко каменеви
Под воду плынути.
Еще тяжше сиротеньце
На чужбине быти.*

*Журилася мати мною,
Як рыба водою;
Дала мене межи люде,
Жалуге за мною.*

*Ах! Ты Боже мой единый,
Ты моя потеха!
Потешь мене несчастную,
Выбав с того лиха.*

Слышите ли, что она, бедная, так несчастна, русская дева несчастна! Шутка ли так горевать! Но послушаем другую чернокосую, чернобровую:

*Зчернев я, змарнев я,
По полю ходячи,
За тобою, девчинонько,
Тужачи, тужачи.*

*Не ходи, не тужи,
Не нуди собою,
Не будешь ты мене мужом,
Я тебе женою.*

*Ой, ты стоишь на горе,
А я под горою,
Чи тужишь ты так за мною,
Як я за тобою?*

*Не тужу, не нужу,
Не чин себе труду,*

*Выбий собе з головоньки,
Я твоя не буду.*

*Ой дейвчино, ой серденько,
Личка с румяного,
Як же тебе не любити,
Коли с годна того?*

*А що ж с того, що ты любишь?
Ты с мене не милый;
Бо вже мои черны очи
Иниого слюбили.*

*Коли кажешь, то я пойду
В горы и в затишии,
Там я буду горько плакав,
Нихто не услыши.*

*Там я буду на тя плакав,
Ты девчина мила,
Там я верно с туги умру,
Що с мене зрадила.*

Если бы знали полнощекие волжанки, как сильно умеют тосковать по милой юнаки около днепровских или вислянских берегов, то, право, сжалились бы над ними.

*Нудна ж мене чужина,
Годом станет година,
Бо як в день, так в ночи,
Стоит мила пред очи.*

*Чи легаю, чи встаю,
Завше о ней гадаю,
Бо як в день, так в ночи,
Стоит мила пред очи.*

*А ни ести, ни пити,
Не знаю, що чинити,
Бо як в день, так в ночі,
Стоит мила пред очи.*

*Хотяй красных есть сила,
Но мне жадна не мила,
Бо як в день, так в ночі,
Стоит мила пред очи.*

*Хоть ее друга трафляе,
Сердцу моему не стае,
Бо як в день, так в ночі,
Стоит мила пред очи.*

*Радют мне другую,
Но я того не чую,
Бо як в день, так в ночі,
Стоит мила пред очи.*

*Ах, ненько ж моя, ненько,
Болит мене серденько,
Бо як в день, так в ночі,
Стоит мила пред очи.*

*Болит мене и душа,
Бо девчина хороша,
Бо як в день, так в ночі,
Стоит мила пред очи.*

* * *

*Прийди, прийди, мой любый,
Вспомни себе на шлюбы
Бо як в день, так в ночі,
Стоит милый пред очи.*

*Кличу его, не чую;
Най си с Богом ноче,
Бо як в день, так в ночи,
Стоит милый пред очи.*

*Прийди, прийди раненько,
Прийму тебе миленько;
Бо як в день, так в ночи,
Стоит милый пред очи.*

*Обойму тя за шею,
В личико тя поцелую,
Бо як в день, так в ночи,
Стоит милый пред очи.*

Так пело, так поет и доселе еще южнорусское юношество около берегов Вислы. Как сильно и в нескольких стихах выражено здесь то глубокое страдание, которое Гете старался выразить целою книгою, своим Вертером! Ярославка, без сомнения, найдет в выражениях южанки великую разницу от выражений волжанина, который редко стонет, пропадая целые годы в промысле: равно и северянин иначе почувствует весь жар речей русских дев, полоскающих ноги свои в струях Вислы.

Это замечание принадлежит ко всегдашней истории *всёя Руси*. Мы не должны упускать из виду эту способность страдать или радоваться; в противном случае какой прок в знании событий, если не можем оценить настоящим образом то впечатление, которое они могут произвести?

Велика ли беда, если парубок иногда отважится из шалости дергать сестру за косу, или так натянуть, чтобы ей пришлось глядеть в облака или даже расплакаться! Обыкновенно братья бывают скверные мальчишки; зато косе никогда не больно, когда ею играет милый: это я знаю из человеческой *патологии*, или *болесловия*.

Но мало того еще, что русские девы полоскали себе ноги на берегу реки Вислы, что они там пели, шутили, вздыхали;

они там даже купывались и, расплетывая и заплетывая свои косы, глядели через Вислу *на ляшскую сторону*.

Когда ляшенки тоже приходили на реку, то, заплетывая косы свои, они прислушивались их песен; там запевали они:

*Ach jak ja jestem biędna
W tój stronie obra,
Zbłąkałam się sama jedna,
Szukając chłopca.*

*Na moment odszedł ode mnie,
Mówił, że będzie w tej stronie,
Ach może me serce daremnie
W smutku po nim tonie.*

*Jak że wam chłopcom zradnym
Wyerzić można statecznie?
Przykład ten dziewczętom ładnym
Pozostanie wiecznie.*

*Byle mi tylko po domu
Powrócić z dobrej porady
Nie dam się uwieść nikomu
Na podobne zdrady.*

Или:

*Dotąd szczęśliwy wiek życia i doli,
Póki nie знаło serce swój woli,
A jak poznało, kochać kazało,
Bodaj się było nigdy не знаło!*

*Lepiej by było żyć w samotności,
Jak prze kochanie cierpieć przykrości;
Spokojnie temu zawsze wzdychanie,
Kto nigdy не знаł, co to kochanie.. и проч.*

Или:

*W ciemnym lasku ptaszek śpiewa,
Tam dziewczyna trawkę zbiera,
Nazbierała, nawięzała,
Na Jasienka zawołała:*

*Pójdź mi, Jasiu, trawkę zadaj,
Tylko do mnie nic nie gadaj,
Bo mnie matka zakazała,
Bym do ciebie nie gadała.
Kamienne by serce było,
Żeby do cie nie mówiło,
Kamienne by ś serce miała,
Żeby ś do mnie nie gadała.*

*Jeszcze trawka nie zadana,
Już kasienka obgadana, (Kasia – женское имя...)
Obgadana, obmówiona,
Do Jasienka przyłączona.*

*Siedzi, siedzi zasmuczona,
Że do Jasia przyłączona.
Siedzi, siedzi zaplakana,
Że przez Jasia obgadana.*

*Czy ty chora, czy umiérasz,
Czyli do mnie serca niemasz?
Ni ja chora, ni umiéram,
Tylko do cie serca niéмам.*

*Jak ja siędę koto ciebie,
Myśle sobie, żem jest w niebie,
Jak ja ciebie pocałuje,
Trzy dni słodycz w gębie czuje.*

Ляшенка, Кася, нарвала разных травок и не могла поднять, и просила молодого Яся приподнять ей, но запретила ему говорить с ней, потому, де, говорит она, что и мать запретила слушать Яся. Но, не поднявши травок, заговорил ее совсем и вот как кончил свое красноречие: *Когда я сижу при тебе, кажется мне, что я в тебе; а если тебя поцелую, три дня на губах сладость ощущаю.*

Я, право, не знаю, о чем еще они болтали, потому что нельзя было расслышать через Вислу, а шумная и бурная Висла всегда мешала сливаться русским звукам с ляшскими: Висла, как естественный предел, искони была границей между этими двумя славянскими племенами. Из Русской земли там втекают разные реки в *Вислу*, с востока к западу: южнее, из Красной Руси, около *Радомышля*, втекает *Сан*-река; немного севернее, около *Добровников*, *Вепрь*-река; еще севернее, под *Модлиным*, *Буг*-река. Но *Буг* река прежде течет из Волыни к северу и параллельно с *Вислою* (ныне составляя предел между Империею и Королевством), как вдруг около *Нура* оборачивается прямо к западу и догоняет *Вислу* под *Модлиным*. На этом переходе принимает он со стороны Литвы реку *Нарев*. Я все это исчисляю не для того, чтобы учить читателя географии, а для того, чтобы показать, в каких реках купались русские девы и заплетали себе косы.

Эту русскую страну, примыкающую к *Висле*, между рек *Дунайцем*, *Саном*, *Вепрем*, *Бугом* и *Наревым*, искони отдаленный русский народ называл *подляхами* (пойти *под ляхи*, прийти из *под ляхов*); и сами даже поляки-латынщичики освятили и утвердили это название в своих актах в слове *Podlachia*; порусски можно бы еще сказать *Подляшье*.

Рюриковичи образовали из *Подляшья* особое княжество, коего столицею был город *Владимир-на-Буге*. В разделе земель он достался *Всеволоду*, сыну *Владимира Великого*. С тех пор *Подляшье*, или *Владимирское* княжество на *Буге*, имеет свою частную историю, деяния *владимирских князей*; из них важнее был *Ростислав Владимирович*, внук *Ярослава*. Но после *Ростиславичи* перенесли свое местопребывание с *Буга* к

Карпатам, на берега реки *Санока*, в город *Перемышль*, а там в *Галич* и, наконец, во *Львов*. Это было уже в нашествие татар. В этих-то беспорядках и раздорах между самими Рюриковичами *ляшские* князья стали прибирать к рукам своим части Владимирского княжества, так что уже пожелали они титуловаться *Dux Masoviae et Podlachiae*. Бог судья Рюриковичам, если они по причине своих разделов дали русские девические косы в обиду иноплеменникам!

Из всего видно, что *Подляшье* и *Вольнь* до Владимира Великого не были в составе одного целого со всеми прочими землями Руси, которая, по естественной причине своей огромности, не могла избегнуть подразделений. Русь так обширна, что представляла свой отдельный Русский мир, в котором бывало столько противоположных желаний! Владимир Великий присоединил *Подляшскую* Русь к своим владениям; но до Владимира *Подляшье* искони имело своих князей.

Что касается до *ляхов*, то они простирались от берегов Вислы к западу, в пределы Бранденбурга, и там граничили с другими славянскими племенами Померании, Богемии и Великой Сербии, простиравшейся в самый Тюринген (в старину *Therwigen*). Ляхи подразделялись по оттенкам в выговоре на *мазуров*, *кракусов*, или *горалей*, и *слезаков* (*slezacy, silesii*). Язык ляхов, или польский, постепенно переходил в чешский посредством слезацкого, так что ляхи принадлежат к семье *завислянских* славянских племен. Вообще все *завислянцы* имеют во всем отдельную черту от Руси, которая поэтому сама собою составляла отдельную же славянскую семью – семью *русскую*.

Жители *Руси* отличались от жителей *завислянских* не только наречием, но и одеянием, обычаями и письменным названием. Это различие не могло не броситься в глаза древним; и действительно, как греческие, так и римские географы полагают *Вислу* (*Vistula*) пределом между двумя разными племенами; *Висла*, говорят они, отделяет *Германию от Сарматии, германов от сарматов*. Они, однако, находили, что *между германами и сарматами есть много общего*.

Если Страбон, Тацит и Плиний делали Вислу народным пределом, то в этом они решительно не ошибались; они знали, что говорили; их совершенно оправдывает действительность (*le fait*).

Пределы *Германии* древние ставили между *Вислою* и Рейном, Дунаем и Балтийским морем, так что под именем германцев приходились у них *ляхи со слезаками, чехи* (богемцы) *с моравцами, сербы, полабийцы, ободриты, померанцы, линовцы* и славянские жители *Франконии*.

С Германиею граничила в Бадене *Allemannia*, а со стороны Везера и устьев Рейна *Teutonia*, или *saxones*. Те и другие – предки всех нынешних немцев. Ни один из древних писателей не смешивал так называемых *germani* с *allemani* или *saxones*; и если кто внимательно читал древних, тот заметил значительную вражду между германцами и аллеманами. Древние именем *germani* означали единственно и исключительно *завислянские* славянские племена, между тем как немецкие племена у них слыли под особыми *нарочными* названиями. То, что писал Тацит о нравах германцев (*De moribus Germanorum*), должно отнести к чехам с моравцами, к сербам с померанцами, к ляхам со слезаками. Иначе и лучше понимать древних невозможно.

Мнения ученых об этом предмете

Главнейший недостаток, недостаток логический, у большей части ученых относительно к этому предмету состоял в том, что никто из них не делал строгого различия 1) подобно древним; 2) согласно с существующею действительностью, – между жителями обеих сторон Вислы. Польские писатели слово *sarmatia*, *sarmatae* употребляли в значении всей Речи Посполитой. Но этим припутались у них под имя сарматов и ляхи, так что польские спутали то, что отличали Тацит и Страбон. Таким образом, и новые писатели других народов нередко слово *сармат* употребляют в значении *ляха*. Впрочем, если Речь Посполитая составила из 10 миллионов ляхов, то почему ее и не называть, в смысле древних, Сар-

матиею, если вся Речь Посполитая по большинству была действительно Сарматия; но в таком случае не должно забывать, что *Sarmatia* значит Русь. Если же кому-либо определительно называть по-латыни Речь Посполитую по ее составу, то должно бы сказать: *Regnum Germano-Sarmaticum*, иначе, *Polono-Russicum* (*Ляхо-Русское* государство, а не *Польша*, как называют ее простые челядинцы или люди необразованные).

Между тем немецкие ученые со словом *germani* точно так же поступили, как и со словом *prussi*. Известно, что древние пруссаки были *литовского* племени; страну их населили впоследствии немецкие рыцари и саксонские колонисты. Ныне настоящие пруссаки перевелись, и с известного времени под именем *preusse, un prussien* подразумевается теперь немец. Совершенно так же поступали и поступают доселе и со словом *germani* и *Germania*. Немецкие ученые *пренаивно* заключают, что древние *germani* были немцы, потому, де, что большую часть древней Германии ныне, в 1835 году, населяют немцы, несмотря на то, что расселение нынешних немцев к востоку по Германии из Аллемании и старой Саксонии исторически и по годам известно, и именно только со времен Карла Великого.

Теперь вообразите себе, каковы могут быть все мудрования о древних народах, основанные на подобном заключении. Простые читатели, как люди темные, конечно, воображают себе великие чудеса истин в таких ученых книжечках и рассуждениях, испачканных выписками, указаниями и латинскими словами о древних народах *завислянских* времен докарловских! И точно, во всех ученых книжечках есть чудеса умозаключений о древних народах! Послушайте какого-либо русского ученого, когда он затолкует о германцах, и вы удивитесь, как *дюже* он все это понимает; а о немецких ученых и говорить нечего. Впрочем, если кто-либо из темных русских людей хочет глубже проникнуть в историю племен древней Германии, тому советую употреблять следующую форму умозаключения: *Иркутская губерния недавно заселена русскими; следовательно, древнейшие жители Иркутской губернии были русские*; только

прошу вас не глядеть тогда на луну, а то вам такую гримасу сделает, что вы должны будете покраснеть.

Между тем русские и другие славянские ученые порядочно поучились у немцев умозаключать о древних жителях Германии. Но французы не имели терпения в делах ученых; 500 лет сряду толковали они, что *germani* есть настоящие *германцы*; а на вопрос: что за народ были *germani*? – отвечают: *германцы* (*germains*). А это все от того, что они все это *дюже* понимают. Но как люди всегда не могут быть довольны одним и тем же умом, то и нынешние французы умудрились и стали делать *различие* между прежними и нынешними германцами; прежних они называют *древними германцами* (*les anciens germains*), а нынешних – просто *германцами* (*germains, Germanie, la Confédération Germanique*). **Темные читатели за это глубоко-**мысленное и дюжее объяснение обязаны французским ученым, **Guizot, Thierry, Ampère, Quinet, которые очень справедливо** открыли нам глаза, что то, что *давно* было, должно назвать *древним*, и вот, изволите, этим словом объяснили они разницу между древними и нынешними жителями страны *завислянской!* Впрочем, не знаю, видит ли французский народ яснее от этого важного открытия. Если французы затолкуют об основании Франкского государства Хлодовиком Великим, то и о франках они затолкуют так же определительно, как и о жителях Германии. Возьмем, например, следующее: 300 лет тому назад, говорит один правдолюбивый немец, во всех деревнях кругом *Липска* (*Leipzig*) говорили еще по-славянски. Это были сербы (коих остатки и теперь еще существуют в Саксонии). Во времена Карла Великого эти сербы далеко простирались по реке *Сале* к Рейну и в Тюринген, где граничили с саксонцами. Карл Великий и его преемники должны были охранять себя *a slavissorabis, zirbis*. В VIII, VII, VI веках, когда франки не были еще так сильны, довольно часто возились с *сербами*. В V веке один франкский принц бежал в Сербию, где был принят радушно при дворе владетелем *Божо*. В благодарность за гостеприимство он сманил жену или дочь его, *Божану*, увез с собою и женился. Эта сербка родила ему сына, которому дано имя серб-

ское, *Людевит*. Итальянские жаргоны в Галлии имели всегда, как и доселе имеют, особенный дар перековеркать всякое иноплеменное имя; да, впрочем, велика ли беда, если латинский монах писал *Hlodevicus* вместо *Liudevitus*? А умудриться еще и поставить *Chlodevicus*? Вот и *Клодовик* у сарматов, и *Clovis* в новейшем галло-итальянском (франц.) жаргоне! Ныне ученые французы стали, де, *углубляться* (*approfondir!*) в подобные отношения древних франков. Ученейший *Thierry* в своих изысканиях, каковы, между прочими, *Lettres sur l'histoire de France*, углубился в словопроизводство, а по словопроизводству в отношения племен. Его основная мысль состоит в силлогизме: *древние германцы были древние германцы же*, следовательно, *Hlodovicus* должно писать Hlodwig или Khlodwig; а *Meroveus* – Meerwig, что будто, де, значит по-саксонски *господин морская дорога* (см. et cetera eius).

Кто знает, не значит ли еще, по словопроизводству *Thierry*, иной франкский герой: гг. *Собачий лай* или *Коровий хвост*?

Теперь во Франции после таких открытий следовало *Шатобриану* и другим только взяться за перо, написать свои *Etudes historiques*; следует только *разделить* слово надвое, вставить двойное -w- на том основании, что в *Саксонском Лексиконе*, в слове *weg, wig* (дорога) поставлено двойное -w-.

Вследствие этого двойного -w- можно уже было другим ученым французам написать статью о рыцарском духе древних саксонцев и заставить это подразумевать о франках, несмотря на то, что франки всегда враждовали с немцами, как совершенно особые племена и языки.

Как ни *фиглярствуи*, но весьма странно и замечательно то, что у нынешних задунайских сербов существуют те же личные имена, какие и у франков; стоит только взглянуть и сравнить. Впрочем, дело не в именах и саксонских лексиконах, а дело в недостатке *логики*, или, сказать по-русски, *здравомыслия*, как в основании, так и в выводах.

Но дело главное не о франках и не о немцах; дело касается древних жителей Германии, т.е. вопрос идет о древних ляхах. Ах! С ляхами поступили, как и со многими другими

народами; и все это на известном уже основании, на формуле: если нынешние *пруссаки* – *немцы*, то и древние были немцы; если нынешняя Германия заселена немцами, то следует, что и древняя тоже. На основании этого силлогизма поставили расселять славянские племена, рассуждая следующим образом: так как древние германцы были немцы, то славяне в Германии явились позже, и ну давай расселять их в VI веке! Бедный Страбон, бедный Тацит: какую справедливость отдали точности ваших показаний!

Пусть делают, что хотят, но я боюсь за честь своего мышления и никогда не подпишусь под подобные логические шутки.

Первое достоверное нашествие на Русь было очень давно; оно было не из-за Дуная, не из-за Волги, потому что тому нет следов; оно было из-за Вислы, с 270 по 370 годы по Рождестве Христовом. Я называю это *нашествием*, потому что описал его один римский генерал, который служил и у Рейна, и у Дуная; а нашествием именно на землю Русскую, потому что в реляции его упоминаются русские реки, *Днестр* и *Днепр*, или, как он по-своему называет, *Danaster*, *Danapris*. Конечно, вы, темные люди, не знаете, что за народ были эти иноплеменники, что обижали русские девические косы, начиная с самой Вислы да по Днестру, да по Днепру. Это потому, что вы не читаете латинских реляций римских генералов. Таким образом, я вам должен сказать, что этот генерал называется *Аммиан Марцеллин*.

Но я вижу, что вы мне не дадите договорить, потому, де, что вы припомнили себе из русских книжек имя *готы* и что, де, вы догадались, о чем я хочу говорить. Ан не так; кто не умеет выслушать меня внимательно до конца и станет перебивать, тому я ничего не скажу. Я знал, что вы догадаетесь о *готах*, а это немудрено, потому что о *Готах* догадываются и все люди ученые, просвещенные; притом же о *Готах* догадываются и все знатные люди не только в России, но и в Неметчине, во Франции, в Англии и везде. Но я не хочу принадлежать к тем фиглярам, которые задают мужику загадку, везде известную, и предсказывают, что, де, в 8 часов вечера будет всеобщее затмение

(разумеется, от того, что ночь наступит). В этом отношении мне было бы совестно не столько перед вами, сколько перед самим собою. Но обратимся к нашей речи.

Итак, этот римский генерал, *Аммиан Марцеллин*, подробнее всех описал это нашествие на Русь иноплеменников, которых он называет (разумеется, по-своему) *сербами* (*thervingi*, шервинги); да и мне бы не следовало их называть *сербами*, потому что они сами и доселе называют себя *сервами*, а свой язык *сервская* и даже *серская речь*.

Эти *шервинги* (*thervingi*) и ныне еще существуют по реке Эльбе, которую они *Лабою* называют; их даже соседи называли в старину и *полабами*, и *полабцами* (*polabingi*); даже и наш преподобный Нестор один разик упоминает об них под именем *полебы*, или, лучше, *полябы*, но напечатано ошибкою *дулебы*. Но это место преподобного так остро поняли русские и немецкие ученые, что отвели им для жития целые две губернии на Русской земле, в Подляшье, так что слово, означающее *жителей по реке Лаббе*, на ландкарте у Карамзина стоит по сию сторону реки *Вислы*! Вот так-то пляшут, от людских мудрований, не только народы, но и горы и реки.

Но главное дело в том, что эти *сервы* (*шервинги*, по выговору римского генерала) некогда были очень сильный народ и простирались далеко к Рейну, к пределам старой Саксонии. Древние саксонцы называли их страну *Therwigen* (*Тэрвинген*), потому именно, что саксонцы и в своих собственных словах ставят *-t-* вместо *-s-* (*what it dat?* вместо *was ist das?*); в последствии времени превратилось это в *Thüringen*. Так как Марцеллин служил и на Рейне, то он и написал *thervingi*, понаслышке у саксонцев.

По древнейшим саксонским летописям видно, что саксонцы враждовали с сервингами, при помощи франков теснили их и понемногу заселяли их землю (*Türingen*); но это было только с IX века.

Но в гораздо прежние времена *сербы* эти отличались силою и могуществом. Нельзя читать без особенного любопытства того, что об их завоеваниях в Восточной Европе говорит

Аммиан Марцеллин, *Малх*, *Иорнанд* и другие современники; это все описано так ясно, так связно, что без труда поймет и расскажет последний русский мужик; но это не поймет ученый россиянин, немец или француз. Дело в том, что этих *сербов* или *шервингов* Аммиана, греки и другие итальянцы прозывали *готами*; всякий русский мужик очень легко поймет, что греки сербов прозывали готами, как русский мужик дейчеров прозывает немцами, и что серб и гот точно так одно и то же, как и дейч и немец один и тот же народ.

Итак, дело в том, что *сербы* (как их называет умный римский генерал), или *готы* (как называют сербов некоторые монахи), перешедши через Вислу, завладели было всею Русскою странюю по Днепру и по Днестру до самого почти Дуная и владели почти 100 лет под управлением великого *Ерманарика* (собственно, *Ярмена*), с 270 по 370-е годы.

Если народ, часто воюя, возвысил свою бодрость, свой дух, свою предприимчивость, тогда ему не трудно преодолеть своих соседей; человек от человека заражается и духом и ухватками; так и *сербы*, гранича в Германии, по Дунаю, с римлянами, опытом усовершенствовались в ратном деле: войны римлян с так называемыми *маркоманнами* к ним относятся. Действительно, оказывается и подтверждается свидетельством тогдашних очевидцев, что *сербы* стали быть в тягость всем своим соседям как славянского, так и не славянского поколения. Распространяя свои владения на запад и на восток, они набирали себе рекрут и из чужих племен; и кто станет сомневаться в том, что не одна сербская палка на востоке отзывалась по спине ляха и русского человека, а на западе – по спине немца?

Но недолго допускало русское юношество в обиду сербам русские девические косы. Правда, было время, что и русские полки отступали назад и бежали от Рейна и Дуная; но, наконец, на Руси родились люди, которые сумели повести русское юношество как против римских полков, так и против сербских, набранных как в Великой Сербии, так и в Моравии, в Силезии, по всей Померании и из ляхов, наконец. Об этой ужасной революции на Руси и упоминает генерал Марцеллин. Император,

говорит он, находился тогда в Антиохии; молва об этой революции дошла до Антиохии; но революция кончилась *изгнанием сербов из России*; армия их, будучи отрезана со стороны Вислы, принуждена была бежать за Дунай. Правительство цареградское назначило особенный комитет для принятия и для размещения *сербов* по Мизии.

Но этим сербам не хотелось работать, от того что они привыкли было пановать между русским народом. Цареградцы, видя, что есть между ними люди храбрые, сначала давали им пенсию, а после склонили их вступить в их службу. Это войско в цареградской канцелярии и носило название *foederati*, т.е. союзники; главная квартира его была то по Дунаю, против жителей Руси, то в разных местах за Балканами. Это довольно подробно описано современниками.

Неизвестно, собственно, в каком отношении находились эти сербы к собственному своему отечеству, к Великой Сербии, к стране Завислянской. По-видимому, они, обжившись долгое время на Руси, где многие из них и родились, могли предоставить себе право жить до времени там, где им заблагорассудится; может быть, они уже и не хотели повиноваться вызову возвратиться за Вислу. Этому могли быть причиною обстоятельства, которые доселе еще не объяснены. Но, наконец, этот сербский корпус около 480 года принужден был выступить из пределов Византийской империи. В то время большую часть Италии владели жители страны *Завислянской*; *Отокарь*, или, как ошибкою пишут, *Одоакр*, правил ею; на него пали подозрения, и упомянутый сербский корпус под начальством *Феодорика Велимировича* употреблен был для занятия Италии. *Велимирович* правил Италиею отлично; владычество сербов в Италии продолжалось по 550-е годы. Велизария и византийцам много трудов стоило отнять у них Рим и Равенну, но не могли отнять *Срем* (*Sirmium*), Южную Паннонию и Западную Мизию, где они остались и до сего дня по *Сербии*, *Боснии*, *Славонии* и *Кроации*.

Во время владычества сербов в Италии никто не смел называть их сербами (*servi*), потому что *servi* по-латыни зна-

чило *рабы*; греки и итальянцы называли их по-своему, *готами*, старинным названием.

Вот краткая история первого нашествия зависянцев на Русь, а именно *нашествия сербов*. К сожалению, умные французы, немцы, итальянцы и сами знатные русские люди имеют о готах (сербах) *самые готические понятия*. Сколько я ни старался иметь поближе понятие как о *Велимировиче*, так и о его завоевателях Италии; сколько я ни прибегал к самым толстым и самым умным книгам, все-таки не вырыл ничего, кроме следующего объяснения: *готы были народ готический; следовательно, они были племя немецкое, ибо они завоевали Италию, ибо имя Theodoricus по новейшему правописанию пишется Дидрик (Diedrich); так пишется, потому что готы прибыли из Germania*. Можно с первого разу заметить, как ясен этот самый готический силлогизм! А это все настроил Август Людовикович Шлецер!

Кто не толковал о войне Велизария с готами? Но в продолжение стольких веков никто не спрашивал: если готы принуждены были уступить Италию грекам по реку По, то куда же сами девались? Ответ, как видите, прямой: остались почти в тех же местах, из которых владели и Италией, т.е. по Кроации, Боснии, Сербии. Те плохо вникли в исторические события, которые думали, что готы владели одною Италией; из дел Феодорика Великого (*Велимировича*) видно, что за ними оставались и упомянутые области; в них они остались и до нынешнего дня, несмотря на изгнание их из Италии. Есть писатели XV века, напр. *Халкондила* и *Ludovicus Tubero*, которые вам расскажут, что и в их время греки и итальянцы далматинцев, кроатов и сербов по просторечию называли и *готами*.

Впрочем, появление сербов в Мизии обратило на себя внимание *людей умных*; они спросили у самих себя: да когда же сербы явились в Мизии? Предположив на основании *готических* силлогизмов, что готы, де, были готы, а сербы, де, сербы же, и что, де, они не могли быть поэтому один и тот же народ, заключили и положили вывести сербов в Италию или в Сербию не с 480, – или, лучше, за Дунай, – не с 370 лет по

Рожд. Хр., а с 610-х годов, в царствование императора *Ираклия*. Константин Багрянородный (писавший около 950 г.) говорит, что, де, в царствование Ираклия (около 610 г.) прибегло к нему двое братьев из Сербии и просили, де, дать им землю и принять их в подданство; император принял их и дал землю возле *Салоники*. Это могло случиться, потому что очень возможно было всякому сербу удалиться из Мизии и Боснии в Македонию. Впрочем, должно заметить и то, что Константин довольно слаб в показании древних событий и начала других племен. Переселение целого народа с Эльбы в Мизию, за Дунай, должно было проявиться в виде бурного переворота, а именно в виде такого, каков произошел, как мы видели, около 370-х годов; но во время Ираклия, в 610–640-е годы, в которые ставится *мнимое* переселение сербов из Германии за Дунай, в Европе была порядочная тишина; тогдашние западные писатели не помнят подобной революции в Германии, где, впрочем, только *обры* (*avares* или *habari*) шумели с франками. Притом все дела Ираклия происходили на Востоке, в Армении, потому именно, что Запад был довольно спокоен. Я не понимаю, с чего взяли новейшие историки переселять народ во время совершенного молчания современников, самого Ираклия? Дело в том, что Константин слышал кое-что о происхождении сербов из Германии; верно, что-либо знал и о какой-либо просьбе беглых сербов за Балканы, и из этого сшил он свое анахронистическое известие, будто бы о событии, которое относится к 370 году, как переселение из России за Дунай, или к 480, как переход в Италию, или 550, как изгнание из Италии, – все, описанное современниками, коих, однако, Константин не читал.

Но оставим сербов и обратимся к Руси. После завоеваний и переворотов, произведенных в Европе *Аттилою*, Русь оставалась господствующею под его преемниками, несмотря на перемежавшиеся уделы, с 454 по 862 год. Так как русский летописец начинает свое повествование только с 862 года, то вся эпоха династии Аттилиной, с 454 по 862, мрачна и не объяснена, несмотря на то, что есть о ней порядочные известия у иностранных, современных ей писателей; мрачна же эта эпо-

ха, собственно, от того, что исковеркана тоже *готическими* силлогизмами. Об этом многое следовало бы говорить, *почему и как*; но здесь мы ограничимся простым рассказом без латинских фраз.

Всякий русский читатель знает, что *Рюрика* с братьями призвали новгородцы из заморья вследствие *изгнания из Русской земли варягов*. Тут-то и сели люди умные на слове *варяги*. Взглянули на ландкарту, хватъ, нет *варягов* на ландкарте. Пошли толки и рассуждения, что за народ были *варяги* и где жили *варяги*? Это слово не так легко можно было понять, потому что употреблял его один преподобный Нестор; стало быть, один должен нам объяснить это; нам не оставалось ничего более делать, как только раскрыть летопись Несторову и читать: *прочестъ и понять Нестора*, вот все дело.

Нестор начинает свою летопись тем, что описывает вкратце все народы: прежде, древний мир – со слов древних писателей, а Россию и тогдашнюю Европу – по *собственным* понятиям. В описании он исчисляет разные жилища русского народа, а там не русские племена; начиная с мордвы, переходит через муром, весь, к чухонцам; от чухонцев спускается вниз, по Балтийскому морю, через Ливландию и *Корсь* (Курландию), на Литву и в старую Пруссию, указывая пальцем и говоря: *по тому же морю живут прусь*, а спустя несколько продолжает указывать дальше: *по тому же морю живут варяги на западе и до земли Аглянской и Волошской, по тому же морю живут варяги семо на Восток до предела Симова*.

Теперь, если после этого объяснения спросить: *где жили варяги?* – то это очень похоже на вопрос, сделанный на экзамене одному дьячку: *У Ноя было три сына, Сим, Хам и Яфет – кто был их отец?* Темные люди, чай, станут воображать себе, что умные люди на вопрос, кто был их отец, не в состоянии отвечать: *Василь кузнец*; ан увидим, что и умные люди не менее догадливы дьячка.

Дело в том, как понять указание Нестора о жилищах варягов. Во-первых, сказал Нестор, что они живут по берегам морским, что, стало быть, они занимают длинное *Поморье*

(Pomeraniam). Но вот беда, по каким берегам? Хотя Нестор довел нас до Гданска (Данцига) в Пруссию и там махнул нам рукой, сказав: *Варяги живут по тому же берегу дальше к западу, до самой страны Саксонской (Аглянской)*, однако, не менее того, объяснение было так темно, что ученые люди ровно сто лет (с 1735 по 1835) били головами об стену, коптели, рылись, чтобы решить вопрос, похожий на следующий: *Скажите, на которой губе, на верхней или на нижней, растут усы?* Конечно, это трудно отгадать. Если сказать, что бакенбарды от виска спускаются к верхней губе и после прибавить: *по той же губе растут усы*, то кажется, что в этом самом вопросе, в этой самой задаче, заключается и *ответ*, и *объяснение*. То же самое случилось и по делу *варягов*. Если бы я спросил у русского мужика: *На которой губе растут усы?* – то он объявил бы меня прежалким шутником; таким образом и вы, читатель, были бы *прежалким шутником*, если после Несторова объяснения станете еще спрашивать: *Где же жили варяги?* Это смешно было бы слышать от темного человека, однако носящего голову между плечей... Но каково слышать от людей умных, пишущих об объяснении этого целые книги, целые диссертации! Но допустим им еще раз сделать вопрос: *Где же жили варяги? У каких берегов Балтийского моря жили варяги?* Нестор отвечает: *По тому же (Прусскому) морю к западу от земли Аглянской (Саксонской) и Волошской, и к востоку сюда*. Если это не ясно, то объяснит всякий русский мужик; он просто возьмет аршин и смерит на карте, какие берега Балтийского моря простираются *с востока к западу*; он укажет, что изю всех берегов Балтийского моря простираются *с востока к западу* одни только *южные*, т.е. берега померанских славян; все же остальные идут *с юга к северу*.

Теперь авось-либо ясно, что Нестор *варягами* называл балтийских или *померанских славян*. Что же говорят *исследователи русской старины*? Все исследователи русской старины с 1735 г., т.е. с *Сигфрида Байера*, до нынешнего 1835 года утверждают, что Нестор *варягами* называл *шведов, норвежцев, норманнов*, или, иначе, *скандинавов*, основывая свое открытие

на том, что, по их мнению, *берега, тянущиеся с востока на запад, значат берега с юга на север!*

Сколько после на таком готическом основании написано русских исторических книг и сказаний, каким образом *древние шведы* или норманны (иначе варяги, иначе, понимай, русские, ибо на этом основании все можно понимать) *завоевали Россию* и каким образом рыцари эти рыцарствовали будто на Руси, а русские мужики (стало быть, *шведские же?* Ну, все равно, понимай, как хочешь, и мотай себе на ус!) ходили по грибы да грызли желуди! Об этом нагорожена куча сказаний в *Истории русского народа* Н. Полевого и в *Истории государства Российского*, и во многих еще других знатных русских книгах, в коих знатные умные люди пустились уместовать *о судьбах русского народа!* Даже есть и такие хваты, которые в судьбах русского народа находят *скандинавскую эпоху, шведское завоевание, норманнское влияние;* и то все потому только, что у русских мужиков усы растут на подбородке, т.е. что *горизонтальная* линия означает *перпендикулярную*, по мнению Августа Людвиковича Шлецера и многих других ученых любителей русской старины.

Но оставим готические мнения и спросим еще следующее в пояснение мысли Несторовой:

Нестор исчислял жителей всех стран Европы; так, между прочим, приводит и жителей Скандинавии, *свеев* и *мурманов* (шведов и норвежцев). Но если вследствие *готического силлогизма* должно полагать и варягов в Скандинавии, то останется одна сторона *без имени*. Какая же это страна? Именно нынешняя Северная Германия, т.е. померанские тогдашние славяне остались бы у Нестора без названия! Какая же надобность была передвигать название в Швецию, *явно и открыто* вопреки Нестору?!

Но люди умные умеют, дюже умеют выходить из воды посуху; им все равно, останется ли Балтийская Славянщина с именем или без имени; им до ней дела нет, несмотря на то, что *честный* саксонский монах, Адам Бременский, современник преподобного Нестора, кричит им об ней в уши во все горло;

эти господа пустились резонировать все на свой лад; у них есть другие, преважные доказательства, что у русского мужика усы растут, действительно, на подбородке. А вот это доказательство: Нестор, упоминая о раздорах новгородских, употребил выражение, что они послали Рюрика *за море к варягам*; что Рюрик с братьями прибыл в Новгород *из-за моря*. Это выражение Нестор несколько раз употребил в своей летописи, как только дело шло о взаимных сношениях россиян с варягами. Из этого люди заключили, что это значит, непременно значит, *из Швеции*, будто *заморье* может означать одну только Швецию! Будто и русский предлог *за* вооружился против Нестора! Конечно, это должны быть дьявольские знатоки русского языка, если они допускают, что предлог *за* доказывает явно, будто усы могут расти на подбородке! Как же после этого можно дать им в руки не только русскую *летопись*, но и русскую *грамматику*! Но быть не может, чтобы русская грамматика воевала против географии и против летописи.

А впрочем, на всякий случай можем поверить определенные грамматики мнением русского народа. Будучи в 1830 году в *Петрогорде Великом* и прогуливаясь на *взморье*, я заметил магазин чего-то; отвечали: *сало*. На вопрос – куда? – отвечали: отправимся *за море*. Я полюбопытствовал узнать, в какие больше места *за море* отпускают всячину *из Петрогорода Великого*; из рассказа русского человека я узнал, что его *за море* больше относится в *Данциг, Любек, Копенгаген*, даже Англию и куда бы то ни было, нежели в *Стокгольм*. Всякий может видеть, что русский мужик прав, называя и Померанию *заморскою* страню, если Любек и Петрогород Великий действительно отделены морем и если в Петрогорде Великом одни берега, а в Любеке противоположные. Из этого видите, друзья мои, что историко-готический силлогизм может хлестать по усам не только летопись, но и всякого простолюдина. Вот на каком выводе основано мнение, что, де, *варяги были шведы* и что скандинавы некогда царствовали в России.

Нестор, добрый, простодушный Нестор, не раз упоминает о сношениях северных россиян с *заморьем*, т.е. *варягами*.

Это весьма важная статья для любителей русской старины. Народ, который у берега ожидает прибытия заморцев, несравненно ниже того народа, который сам везет свои товары *за море*. Русский народ 1835 года в этом отношении несравненно ниже англичан; следовательно, весьма интересно было бы объяснить себе морские сношения древней Руси с заморьем, чтобы решить себе вопрос: кто знает, не стоит ли ныне, в 1835 году, северорусский народ в отношении промышленной характеристики на гораздо *низшей* степени, нежели во времена *Олега, Владимира Великого и Ярослава Великого?* Кто знает! А вопрос был бы для всякого темного читателя очень любопытен и полезен, потому, по крайней мере, что был бы поучителен, упреком для нынешних. К несчастью, с 1700 года никто доселе не спрашивал: *Да где же в самом деле была та гавань, тот город, в котором Рюрик с братьями садился на корабль; где та гавань, к которой приставал Владимир Великий, уехавши из Новгорода за море?* Но образованным людям до этого дела нет; они пишут большие книги *о возможности того, что у древних русских мужиков усы росли действительно на подбородке*. А это очень нелегко было доказать, потому что для этого следовало рыться в летописях *западных, южных, северных и восточных* писателей. И посмотрите, какое сокровище силлогизмов в этих книгах! Константин Багрянородный перепутал название днепровских порогов, т.е. *русские* их названия называет *славянскими*, а *половецкие* русскими. Будочники цареградские в **X веке** назывались *варягами*. Иной арабский писатель русских называет *турками* (именем, которое они дают всем северным народам). Да и мало ли подобных трудов и мышления понесли люди, трудящиеся для того, чтобы избегнуть вопроса *о городе и гавани*, к которой приставали новгородские суда!

К несчастью, Нестор не описал нам ни этого города, ни этой гавани; *к счастью*, описал нам это подробно современник Нестора, добрый немецкий монах в Гамбурге, *Адам Бременский*; он говорит во 2-й книге своей *Церковной истории* следующее о морском пути россиян: «А от *того* города вскоре

приплывают к городу *Демину*, стоящему в устье реки *Пена*, где обитают *руны*. Оттуда плывут к *Земландии*, населяемой *пруссами*. Вообще же дорога такова, что от *Гамбурга*, или от *Эльбы*, на восьмой день сухим путем приезжают в *Воллин*; но морем-то едут к городу *Воллину* от *Слезвинга* или *Старграда*, а от *Воллина*, распуская паруса, в 43 дня прибывают в *Новгород*, что в *России*; главный город ее есть *Киев*, соперница *Константинополя*; он важнейшее украшение *Греции*».

Адам, как и все тогдашние датские и шведские монахи, Россию, даже и самый *Новгород*, называли *Грециею* (*Girkia-land*). Главнейшею причиною этому было *греческое* исповедание россиян. Так называемое *путешествие скандинавов в Грецию* есть не иное что, как *путешествие в Россию*; это давно доказали сами *шведы*, которые не позволяли себе увлекаться *готическими* силлогизмами. Но другие скандинавофилы придали этому обширное значение, походящее на ученую буффонаду, будто, де, шведы в древние времена езжали в *Цареград* *буточничествовать*. Это они называют *скандинавским рыцарством*! Оставим эти *побасенки* старухам и людям, *похожим на старух*, и возвратимся к доброму *саксонскому монаху*.

Итак, вот вам гавани: *Старград*, *Слезвинг*, *Воллин* и *Демин*. Вот вам и *заморье*.

Но послушаем еще у Адама к пополнению *Нестора* свидетельство о важности этих городов: «По ту сторону *лутичей*, коих прозывают тоже *волками* (*wilzi*), течет река *Одора* (*Одер* ныне), одна из богатейших рек этой *Славяницы*. В устье ее, там, где втекает возле *Скифских озер*, стоит город *Воллин*, знаменитейшее для *язычников* и *греков* (*россиян*) местопребывание. Так как об этом городе рассказывают чудеса почти невероятные, то не будет излишне прибавить о нем здесь кое-что. Этот город один из *величайших*, которые существуют в Европе; его населяют *славяне* с другими народами *греческими* (*русскими*) и *языческими*. Впрочем, получили позволение и немцы приезжать в этот город, только бы скрывали свое христианство во время своего местопребывания в нем. Все они придерживаются еще *языческих обрядов*; впрочем, нет ни одного на-

рода их гостеприимнее и вежливее (*образованнее*). Город этот преисполнен товарами и благами всех северных народов; нет ничего редкого и приятного, чего бы он не имел. Там есть *Вулканов горшок*, который жители называют *греческим огнем*, о котором упоминает и *Солин*; там видеть можно и статую *Нептуна* троякой формы, ибо этот остров имеет три гавани, из коих одна, уверяют, самая *зеленая*, другая *беловатая*, а третья вечно *бурная*. А от этого города вскоре приплывают к городу *Демину*» (остальное вы уже читали, о *43-дневном пути между Воллиным и Новым-городом*).

Кто из ученых не имел в руках *Адама Бременского*! Какой ученый не мог видеть и читать этого нецененного пополнения *Нестора*, этого краткого, но полного изображения политико-коммерциальных отношений *балтийских славян* ко всему остальному Северу, во всю эпоху от *Рюрика* до *Ярослава I*! Не говорю уже о временах *дорюриковских*. Конечно, не видали добрые люди, потому что это так трудно понять! Так трудно понять то, что *точка в точку* говорит согласно с *Нестором*! А при том что за беда, если гораздо удобнее и естественнее понять, что *усы растут на подбородке* у русского мужика! О луна! Уж не растут ли и у тебя усы на подбородке?

Хотите ли еще знать резон, почему древние русские мужики были *нерусские* мужики? А вот почему: *Нестор* сказал, что «когда новгородцы изгнали варягов, и родилось в Новгороде замешательство», то послали новгородцы «за море к варягам к руси» просить их прибыть в Новгород на княжение. Люди умные *в пень стали* и, зевая друг на друга, спросили друг у друга: *к кому же послали новгородцы, к варягам ли или к руси? Али тут вставка? Али испортил дурак-переписчик? Ведь одно из двух.*

Нестор сказал *к варягам* правильно, потому что посольство новгородское действительно ехало *в Варягию*; *к руси* – прибавил тоже правильно, потому что послы имели поручение к знатным *россиянам*, жившим между *варягами* (*в Воллине*). *Нестор* довольно часто и в других случаях употребляет имя народа вместо названия страны; так и здесь, *к варягам к руси*

значит к русским в *Варягию*. Правильнее и яснее по своему и по обычаю того времени не мог сказать.

Но как будто предчувствуя, что умники его не поймут, он прибавляет объяснение: «Сие бо ся зваху сии варязи русь, якоже друзии зовут свеи, друзии готи, други мурмане», т.е. эти варяжские *россияне называют себя русскими*, точно так же, как шведы себя *шведами*, готы себя *готами*, мурмане сами себя *мурманами*, т.е. что *русь* было природное имя тех людей, к которым посылали новгородцы за границу, т.е. что были природные *россияне*, а не *варязи*; о жительстве же *природных россиян* между варягами засвидетельствовал и *Адам Бременский*. Кажется, очень ясно и не сомнительно, потому что попросту выразить этого лучше невозможно.

Прибавим еще одно замечание: когда дело шло о том, чтобы объяснить любителям русской истории *значение и местоположение* слова *варязи*, тогда *Август Шлецер*, не обращая внимания ни на *Нестора*, ни на *Адама Бременского*, задумал сам собою раскусить орех; он важно спрашивал: *кто были варязи?* – и отвечает: *так как в то время* (около 860-х годов) *берега Франции грабили норманны* (по-видимому, англичане или какие-либо приморские шайки берегов фрисландских), *то норманны могли грабить и народ великий, следовательно, варязи были норманны*. Вот, посмотрите, что Шлецер не боится *готических* силлогизмов; наперекор *Нестору* и *Адаму* он основывает совсем другие отношения (разумеется, *небываемые*), совсем другие влияния на Русь на своем одном *могли!* Во всегдашней логике человеческого здравого смысла всегда полагали, что *a posse ad esse non valet conclusio*, от одного *могло быть* – на *было* не может быть заключения. Но *Август Людвигович* просто *пошутил* над легковверными и темными любителями русской старины: тем хуже для тех, которые поверили ему и стали выводить *Рюрика* с братьями из *Скандинавии!* Стали *витийствовать вдоль и поперек о влиянии скандинавов на обширную нашу Сарматию*, о развитии того-сего, о развитии жизни, о развитии общественности, о развитии, об элементах, о системах! Конечно, эти люди не хотят уронить

себя; не хотят грянуть лбом в грязь; рассуждают *о развитиях*; резонируют свысока обо всем, что заняла (будто бы) Русь из Скандинавии. Один *хват* до того даже дошел в своей истории *русского народа*, что историю русского народа начал неистовым описанием Скандинавии! Ему нужды нет, что он витийствует по *готической* логике; ему дело до того только, чтобы его *стряпня* была витиевата!

Но человек, который *не шутя* любит старину и который хочет решить себе вопрос *успокоительно*, т.е. логически и здравомысленно, тот не должен увлекаться *шутками*. О действительности влияния древних шведов на Россию решительно ничего не известно; об этом и сами шведы ничего не знают (а сказки вроде рудбековских принадлежат к роду шлецеровских шуток или вымыслов). Искали следов этого влияния и отыскали в том, что будто слово *хлеб* есть исландское или древнешведское *lelpo*; и еще два-три слова подобных; *ergo* заключают они, что это следы владычества скандинавов в России! Я любопытен знать, как эти мудрецы докажут владычество скандинавов в Далматии или в Иллирии, где слово *хлеб* тоже в употреблении! Или я бы желал знать, каким образом докажут они владычество шведов в Риме, где тоже употреблялось слово *libo*! Им до того дела нет, что есть целый словарь слов тождественных в славянском и немецком, в славянском и греческом, в славянском и латинском! Кроме этого, жители хлебородной страны (Руси) приняли слово *хлеб* от жителей почти бесхлебной страны, какова Скандинавия!

Я уже говорил, в одной брошюрке¹, что вся Европа помешалась на скандинавизме; бросается *семо* и *овамо* объяснить себе происхождение того военного духа, который, наконец, успел преодолеть римлян. В этом отношении они нашли шведские исторические *сказки (sagas)*, *сочиненные с XIII столетия*; а в сказках нашли любовь и поэзию, а в поэзии, разумеется, рыцарей; следовательно, заключили они, *рыцарский* или *военный дух* есть травка, которая может расти только в Скандинавии! Прочитайте возгласы нынешних французских профессоров *о мире Скандинавском; об ужасном Севере; о*

воинственном, о рыцарском духе скандинавов (*du monde Scandinave; de la barbarie du Nord; de l'esprit chevaleresque, de l'esprit de conquête des anciens Scandinaves, и спутывают des anciens Germain*). О, французы наострились; они читали изыскания о русской старине, об основании шведами русского царства и русского народа; они проникли во все готические истины о варягах! Да и удивительно ли, что скандинавы были *всемирные рыцари* (как думает Рудбек, сказки и Шлецер), если они путешествовали даже в Грецию Новгородскую! Одного только им недоставало, а именно – побывать в Греции Цареградской, которая была маленько далеко; да притом всякий барон должен был наверное ожидать, что в Новороссии схватят его половцы, наложат клеймо и заставят стеречь овец, а то даже могли продать генуэзским корсарам, которые, не понимая, какого народа человек, перепродали бы его в Анатолию или в Сирию, так что пришлось бы всякому барону возить воду да топить печки; мы увидим впоследствии, что половцы и генуэзцы не спускали и русакам.

Один русский ученый изыскатель русской старины доказывает, что благородные скандинавские бароны имели *два пути* для своих вояжей в Грецию: один *восточный* (*Austur-wigi*), а другой *западный* и *северный* (*Wester-wigi* и *Nord-wigi*). Благородные вояжеры надевали сумку; с посохом в руках приходили на распутие дороги; от их благородной воли зависело пуститься направо или налево; если пускались по пути западному, то приезжали в *Nord-wigi* (Норвегию) и там позевали на синее море; а восточный их путь был прямее через Россию. И точно, *Austur-wigi* означало на их жаргоне Россию, которой название они узнали от пруссо-латышского племени, называвшего Россию *Austruma-Zeme* (*священная Восточная земля*; NB, они переняли русские божества). Итак, из *жаргонного* названия России (*Греция* же есть ученое, монашеское название России) добрые люди увидели, что бароны путешествовали в Цареграде. Да и как не путешествовать было им в Норвегию и Россию, если в обоих словах есть окончание *-wigi*, похожее на немецкое *Weg*, дорога! Притом же здесь есть силлогизм самый

готический: Россия лежит к востоку, следовательно, скандинавы езжали в Цареград; это все равно, что сказать: у тебя есть деньги, следовательно, ты мне должен.

Казалось бы, что если скандинавы были такие *герои*, то этому непременно должно бы отыскать действительные причины; а предполагать в одной Скандинавии особенную *героическую травку* опять значит размышлять готически. Я думал в упомянутой моей брошюрке, что *героизм* преимущественно воспламенялся в тех народах Европы, которые граничили с военной линией римлян. Соседство с вооруженным народом само по себе приучит к оружию. Этому, как всяк может сообщить, преимущественно подвергались славянские племена, как по Дунаю, так отчасти и по Рейну. Эту истину доказали уже жители Великой Сербии, наделавшие столько переворотов как на Руси, так и во владениях римлян. Этого не хотят сообразить философствующие историки; им дела нет соображать свойство природы человеческой, и Гердер с такою же уверенностью говорит о *слабодушии*, о *миролюбии*, о *пастушестве* славянских племен, с какою Guizot или **Ampère** говорят о героической травке скандинавской! Если Гердер говорит, что славяне были *миролюбивы*, пастухи, земледельцы, т.е. *мужики*, а немцы были воинственны, *баронственны*, то эта истина основана на том *готическом* силлогизме, который везде не преминул проявляться в идеях больно философствующих, больно мечтающих историков. Да и что за дело до изучения природы человеческой; если растет и без того *героизм*, подобно травке, то и *миролюбие*, *бессердие* есть травка же, которую выражают *славяне*. Славяне не иное что, по Гердеру, как только *капустные головы*; сердца их капустные кочаны, кровь их капустный сок. И вся истина на том основана, что во время Гердера все потомки славян в Германии были одни земледельцы, а все бароны были немцы. Это значит философствовать следующим образом: *ныне, в четверг, тепло и ясно, следовательно, и в прошедший четверг было тепло и ясно!* Это заключение показалось бы во всяком разговоре буффонадой, ребячеством, но, к несчастью, в связи историко-философических соображе-

ний сходит с рук под видом аксиомы, т.е. истины, которая не нуждается в доказательствах!

Наконец изыскатели нашли себе еще причину пересаживать варягов в Швецию в том, что, де, в исчислении племен балтийских славян варяги не упоминаются. Это обстоятельство было камнем преткновения для людей, которые неохотно рискуют своею логикою. Хотя и встречается у Адама Бременского имя *вагиров* (*wagiri*, а в другом месте *wagri*), которым он называет славян, в его время (1077 г.) населявших *Голстейн* и остров *Фемерн*; хотя и сам Герберштейн отнес известие Нестора в Померанию; они заключили и положили, что-де, *так как имя варягов в Померании не встречается (!), то варяги жили в Скандинавии*. Да разве оно встречается и в Скандинавии?! «Конечно, встречается, – возражают они, – а именно, во 1-х, есть в одном старом саксонском словаре слово *war*, которое значит *война*: оно подтверждается тем, что и в старом французском встречается *gwar*, или *guerre*; опять встречается в одном старо-немецком словаре слово *waehren* (знач. *защищаться*), отсюда *waehring* (*человек защищающийся*); следовательно, варяги были морские разбойники, как показывает и самое имя; следовательно, эти *waehring*, т.е. защитники, нападали и на Россию. Во 2-х, есть и доселе у северных берегов Франции и Бельгии приморское растение, называемое *varègue*, следовательно... и проч. Вот вам, милостивые государи, и норманны, и скандинавы, *геройская травка*! Другой ученый, который желал отличиться новостью мнения, *полагал*, что варяги вследствие этих догадок не были какой-либо известный народ, а *сброд* или *собрание разных морских разбойников*. Вот вам и *собрание травок*, достаточный прием для самого лошадиного желудка. Но ужели не лучше было исправить явную опечатку у Адама, у которого непостоянно пишется то *vagii*, то *vargii*, – в *varigi*, не жели пускаться в подобные этимологические шутки? Да и почему не сделать было этого, если этого же требовал настоящий смысл известий, как Нестора, так и Адама?!

Однако, положим, что имя *варягов* действительно не встречалось бы между балтийскими славянами; положим, что

это имя встречается у одного Нестора; то тогда вопрос, собственно, не в том состоит, *где встречается имя варягов у чужих писателей*, а в том только: *кого же Нестор называл так?!*

Но если мало было свидетельства двух неопровержимых свидетелей, то, наконец, могли убедить свидетельства арабских географов, которые *варягов* признают за народ; один из них, более прочих вникнувший в отношения племен завислянских, выразился даже буквально: *варяги народ славянейший из славянских племен*. Выражение это, как замечает сам переводчик, в духе арабского языка, а по-русски значит, что *варяги были славяне, но самые могущественные из славянских племен*.

Но возвратимся к нашему рассказу о заграничном влиянии на русский народ, о действительном влиянии, засвидетельствованном историею.

Мы видели, по свидетельству современных писателей, что в эпоху с 860 по 1160 год господствовали на Балтийском море *воллинские* славяне. Померания усеяна была приморскими богатыми городами, но величайший из них был *Воллин*.

С 860-х годов, однако, ослабевали *воллинцы*, потому что новгородцы усилились и изгнали их; но, стало быть, *воллинцы* еще сильнее были до 860 года? Эту эпоху их преобладания отнести должно, по-видимому, к 760-м, или 660-м, или даже 560-м годам. Но до усиления *Воллина* преобладал другой балто-славянский город, *Винета*, который кончил несчастно свое поприще; он залит морем. По имени этого города римляне называли Балтийское море *sinus Veneticus*, или *Venedicus*; их-то (*винетян*) называли *veneti*, *venedi*; потому что их же так называли и немцы, и галлы (*wenden*, *wendeln*; у Прокопия Кесарийского *ουενδιλοι* – *vendili*, а у иных позднейших даже *vandali*). И Нестор хорошо сказал, если назвал море Варяжским.

Не стану описывать всех пределов могущества этих моряков; оно бы и следовало, потому что и доселе никому не приходило в голову спросить: да из какой же *гавани* выходили эти *вандальские флоты*, которые *громили берега Франции и Испании* во время упадка римлян?

Это не принадлежит, друзья мои, к истории Руси; и я скажу словца два о *втором нашествии на Русь из-за Вислы*.

Как ни поражал так называемых готв (сербов) Аттила; как ни собирал в одно целое все русские племена, все-таки во время его преемников Западная Русь не могла избежать влияния народа, сильного на море, каковы были *воллинцы*. Преподобный Нестор действительно застал память, что *кривичи* (т.е. псковитяне и белоруссы) и новгородцы вместе с чудью платили *дань варягам*. Вот почему и не удивительно, что *Воллин*, как говорит Адам, был преисполнен всех благ *всех стран северных*. Адам говорит *всех*, стало быть, *воллинцы* владели и берегами Швеции; да и почему бы не владеть им было и шведскими, которые несравненно ближе к ним, нежели русские, новгородские? Конечно, Адам прав; конечно, воллинские славяне владели и Южною Швециею; это доказывает название восточной и западной *Gothlandia* в Южной Швеции. Приходится по необходимости логической принять, что если во времена Цесаря и Тацита завислянские известны были под именем *germani*, то в IV, V, VI веках, когда *germani* уже не употреблялось, их называли *gothi*. Этому мы уже видели убедительный пример на *сербях*. Это слово франкские монахи наследовали и передали монахам тевтонских и скандинавских племен на своей варварской латыни. По преданию, называли ученые шведские монахи Готландию ту часть Швеции, которою некогда владели *воллинцы*. Они же населяли некогда и остров *Готланд*, который они просто называли *островом* (*wyspa* по-польски и по-померански). И саксонцы прозывали его *Выспою*, но по своему жаргону *Wysby*. Может быть, славяне называли этот остров, как и должно предполагать, но тевтонцы выражение славянское *ехать на высту* приняли за собственное. В таком только отношении допустили, что варяги жили *и в Скандинавии*, точно так же, как и в России. Этим только можно отчасти оправдать Иорнанда (писавшего около 550), который так называемых готв выводит из острова *Сканции*. По-видимому, он перековеркал то, о чем наслышался. Может быть, *Сканец*, или *Сканецкая* земля, было славянское (варяжское) название

славянских владений в Швеции: и доселе юг ее называют полатыни *Scania*, а немцы – *Schonen*.

Итак, будем беспристрастны и вместо того, чтобы искать *рыцарский завоевательный дух* и *рыцарскую травку* в Скандинавии, признаемся, и не постыдимся признаться, что палки *воллинцев* отзывались не только по людям кривичам и новгородцам, как русским, так и чухонским, но и по баронским спинам скандинавских рыцарей, да и довольно до того времени, в которое они ходили (?) на Украину стеречь половецких овец и коров. Еще во время Владимира Великого *Белоруссия* была управляема от имени воллинцев *Рогволодом*.

По возвращении *Рюрика* с братьями и с остальными русскими людьми из *Воллина* (очевидно, *воллинцы* стали преследовать русских за изгнание своих из Новгорода) в *Новгород* стал утверждаться враждебный дух против *воллинцев*. Предприятия *Олеговы* отчасти были в этом духе; *Игорь* делал напрасную попытку *над ляхами* (или, как *Нестор* называет, в земле *деревлян*); он заплатил жизнью. Только *Владимир Великий* успел отнять у *воллинцев* Юго-западную Русь: это был поход его на так называемых в русских летописях *ятвягов* и *хробатов*. Несмотря на это память *померанского владения* на Руси в X, IX, VIII и, может быть, и прежних веках и до нынешнего дня не истребилась в русском народе; и донныне та сторона называется по русскому наречию *Волынью*. *Волынь* стóит *Gothlandi'u*; Готландия стóит *Волыни Русской*. *Держи, барон, спину*, если ее держал и русак, и поляк. Но *Августу Людвиговичу Шлецеру* больно было допустить эти побои; он прибегнул к *готическим* средствам и силлогизмам, чтобы спасти честь саксонцев и скандинавов, как будто несчастье бесчестит человека! За ним пустилась целая рота ученых мусье, которые все во все горло завопияли: «*Помилуйте! Как можно! Это благородные рыцари! Напротив, они колотили палками; этому есть доказательство в исландском и американском словаре, в котором сказано, что waehring значит: защищается, а в другом немецком сказано, что wehrgeld значит штрафные деньги, а trink-geld значит просто на водку.* Признаться, что если немецкая честь посто-

янно будет иметь подобных панегириков (вралей), то они ее избивают гораздо жесточе самих *воллинцев*. Что за патриотизм там, где он не к месту, где во вред и *логике*, и *истории*!

Историю *воллинцев* до потопления города *Винеты*, стоявшей неподалеку от *Воллина*, представляли *винетяне*; эту их историю начинает Юлий Цесарь (De Bell. Gall. Lib. III, с. 8). Дело было в том, что на третий год покорения Галлии *винетяне* явились с флотом к берегам Бретани на помощь жителям. О них Цесарь говорит следующее: «Власть *винетян* распространяется далеко на все приморские места тех стран, потому что больше всех имеют кораблей, на которых обыкновенно плавают в Британию; но и наукою мореплавания и опытно-стью мореходною превосходят другие народы; и на обширном и бурном море, кроме нескольких гаваней, ими владеемых, все почти племена, пускающиеся в это море (живущие при этом море), *дают им дань*».

Цесарь, вероятно, полагал, что Дания не существует; что берега Голландии прямо идут к городу *Винете* в Померанию. По выражению видно, что *винетяне* не жили в Галлии; что прибыли на помощь своим издалика. Он подробно ниже описывает их корабли, которые он ставит несравненно выше римских; они были и больше, и приспособлены к большим морям; притом же отдает преимущество и их морскому искусству перед римскими матросами. Известно, что римские суда были больше финикийских и карфагенских, а суда *винетян*, по сравнению Юлия, гораздо больше римских. Притом же они были так устроены, что, как говорит Цесарь, железные клевы, приделанные к римским, не могли им вредить, как карфагенским в Пуническую войну.

Имя *винетян* помнят все века и все народы, как помнили имя *карфагенцев* и *римлян*. Северные карфагеняне так же прослыли от имени своего города, как и южные; но оно не было *народное* их имя; они все-таки были *варяги*. Древнейший английский географ помнит имя *Веннландии* (Венландии); именем этого города немецкие племена и привыкли называть славянские племена в Германии (*Wenden*). Когда *ва-*

ряги владели Россиею, сделали поселения в Новгороде, то и чухонцы называли их *веннелайне* (*лайне* – люди); но они не делали или не умели делать различия между двумя близко сродными племенами, варяжским и русским, так что и доселе не перестали новгородцев называть *веннелайнами*, и по ним и всех россиян.

Но и новгородцы не забыли места, кои ими были управляемы и куда езжали; помнят, по крайней мере, *Воллин*, о котором есть одна старая новгородская песня и который называется *Волынцем Заморским*.

Ни история, ни древности балтийских славян (*варягов*) у нас никем не описаны; как же после этого может кто-либо у нас иметь настоящее понятие, не скажу об исторических отношениях, но о тех условиях, под которыми северо-западный и юго-западный русский народ подвергался влиянию иноземному! Недавно еще некоторые ученые удивлялись, что древнейшие *русские*, *шведские* и *франкские* законы так сходны между собою. Я здесь ничего не стану объяснять; однако и не в состоянии воспретить читателю припомнить себе, что и земля *Русская*, и *Шведская*, и *Франкская* подвергались одному и тому же влиянию.

Медленное, но *ужасное* было падение балтийских славян (*варягов*); вечно разрозненные дотоле немецкие племена после франкского ига и по освобождении от Карловингов устроились в одно целое государство. Дания и Швеция крестились; новый энтузиазм придал скандинавам новые силы. Славяне долго отказывались от нового учения, которое им предлагали монахи саксонские; скандинавы и немцы ненавидели их, как иноплеменников и как язычников: и те и другие в XI и XII столетиях делали против них *крестовые* походы, в которых даже и ляхи участвовали. В 1162 г. (?) взят *Воллин* приступом датчанами и саксонцами, значительная часть земель славян превратилась в датскую провинцию, а спасшиеся удельные славянские князья впоследствии присоединились к Немецкой империи и ныне еще процветают под названием разных линий *Мекленбургского* (Великогородского) дома. Но

последние жители славянские выгасли совершенно в Мекленбурге и Ганновере в последней половине XVIII века. С прекращением языка и политического бытия славян балтийских и имя *варягов* исчезло в памяти русского народа.

Здесь спросим еще: если имя народное исчезло, то исчез и народ? Если варяги были бы скандинавы, т.е. шведы и норвежцы, которые и доселе не исчезали вместе с своим именем, то кто не видит, что имя *варяги* могло принадлежать только балтийским славянам, с которыми оно и прекратилось?! Это обстоятельство так *дюже*, что никакие *готические резоннменты*, ни врата адавы не преодолеют его.

Сильнейший удар нанесло *воллинцам* отложение от них Западной Руси, довершенное Владимиром Великим. Это *во второй раз русский народ* отвязался от *завислянцев*! И снова русские девы по рекам *Волхову, Великой, Двине, Неману, Бугу, Припети, Венре* свободнее стали оглашать песнями вековые поляны:

На горе хатуня, там кума моя,
А у кумы девчина, то душа моя;
Нажну я попу
Пшеницы копу,
Щоб мене свенчав
С куминым девчам.

Копу нажав ем, шлюбу не брав ем,
Щоб тебе, кумонько, трастя напала,
Щоб тебе трясла
Повчверта року,
Поки не вытрясе
Пшеницы копу!

Так пел бужанин о своей досаде, что по новому (христианскому) учению ему поп не дозволил жениться на дочери куминой: в старину русского язычества русский молодец знал свое правило, которое не знало таких препятствий; теперь он

думал подкупить попа пшеничными снопами, как в старину, но христианский *поп* уже не походил на *бобовый сноп*, как языческий. Христианское учение не позволяло тех наивностей, на которые язычество смотрело сквозь пальцы. Со времени Владимира Великого русые косы не стали уже так шутить, как в старину, когда говаривали:

Продай, мамо, две коровы,
Купи мне черны брови,
Но колодце стояти,
Та на хлопцев моргати.

А другая:

Скриплют, скриплют воротонька,
Не могу заперти,
Кого люблю – не забуду
До самой смерти, и проч. и проч.

Да кто исчислит все риторические и поэтические фигуры южнорусских дев! Певали они и до Владимира Великого, певали и после, и теперь еще поют, но не везде одинаково. Белорусски поют меньше, нежели волынянки; южанки поют резвее, нежели северянки. Не скажу больше ничего, потому что я не пишу истории русской поэзии.

Со времени отложения Западной Руси от *воллинцев* (от варягов) вся Русь могла петь свободно и непринужденно. Русские девы всякую весну по-прежнему ходили в лес по грибы, всякое лето по ягоды, по малину, по чернику; всякие жнивы ходили жать и гребсти сено, *припеваючи*. Там лес, там поляна, там косят и гребут, а там жнут, но *поют везде*:

Рано встаю, вздыхаючи,
Говорю с собою:
*Чы тужишь ты тако за мною,
Яко я за тобою?*

Но почему тужить и не петь было русским девам, коли Русь так обширна и на Руси столько *храбрых* русских князей! Не дадут они русскую косу в обиду иноплеменнику: Русь так обширна! Сил ли ей, благ ли ей не доставало?

Не всякий народ одинаково наделен благами земли. Человеку дан ум для того, чтобы исправлял недостатки своей страны; дано трудолюбие, чтобы дополнял ее скудость. Изобилие и пышность страны иногда вредит деятельности народа; а вообще физический характер страны отпечатлевается в характере народа, подобно коленчатым берегам на водах днепровских.

Провидение снабдило россиянина складным и полным телом, хорошим воздухом, необозримою землю, хорошою водою и, наконец, хорошим умом. Полны зверей леса Руси, полны растений и стад ее поля, полны рыб реки ее и озера; *не бывать нищете на Руси*, – сказала Провидение, даря русский народ земными благами; *жить руси[ну] долговечным и здоровым*, – сказала Оно, подавая им здоровое тело и здоровый воздух; *жить руси[ну] счастливым*, – сказала Оно, одарив их сметливым умом и сносно добрым сердцем: Оно ввело его во владение обширной его усадьбы; богаты, обширны и изобильны были его уголья!

Провидение не все народы наделило одинаково угодыми: одним дало пышные долины и равнины, другим скалистые вертепы и ущелья; но зато *горские народы* вознаграждены в другом отношении, вознаграждены *величественностью* своих жилищ. Душа горца на всяком шагу услаждается новыми картинами; он не соскучится, подобно степняку, который, едучи, готов заснуть от однообразия своей страны: ничто не поразит степняка в его пути. Между тем душа горца настроена к гигантским поднебесным предметам, к огромным и высоким соображениям, подобно вершинам его Альпов; к глубоким ощущениям, как ущелия его гор. Горец имеет высокое преимущество жителей мест ровных, и в этом отношении есть народы счастливее россиян, т.е. что народы горские скорее смогли иметь своих *Цицеронов, Сенек, Демосфенов, Гомеров, Шекспиров*.

Сильное имеет *местность* влияние на образование характера и духа народного. Но это трудно объяснить жителям мест ровных. Я уже старался объяснять это в некоторых брошюрках: для пояснения себе этой статьи я бы советовал пробежать их.

Физическая природа может доставить нам двоякого рода предметы: 1) *изящные*; 2) *высокие, поражающие*. Из смешения изящного с высоким рождается *величественное, колоссальное*. Низменные страны могут нам доставить только виды *изящные*, горские – и *изящные*, и *высокие, поражающие*. Поэтому и *мышление*, и *ощущения* низовцев более или менее сбиваются только на одну изящность, между тем как характер и мышление горцев делается возвышеннее, величественнее.

Всякий человек может двояко возвышаться по лестнице *изящного* и по лестнице *высокого*. Эти два условия нравственного нашего бытия внушены всякому человеку; но люди, или народы, бросаются на ту или на другую стезю под руководством внешних условий. Народ может сделаться или *прекрасным* (*une belle nation*), или *великим* (*une grande nation*). Но *прекрасный* народ и *великий* народ – две вещи разные, точно так же, как и *прекрасная душа* разнится от *великой души*.

Всякий народ может быть *изящен* двояко: а) *снаружи*, в образе жизни, в вещах; б) *внутри*, в изящном образе *мышления и чувствований*, в изящности *общественного устройства*, в изящности своего *уложения*. Также может быть и *великим* двояко: 1) *числом, массою*, силою физически-политическою и 2) *высокостью* мыслей и *ощущений*, великим влиянием на другие народы.

Все народы, как исторические, так и существующие, можно расставить по ступеням этих двух лестниц *человеческого усовершеня*, или, иначе сказать, *облагорожения*. Правда, твердили некоторые исторические мыслители о *великих народах*; у Буттервека даже есть статья о *четырёх великих народах*; но, кажется, мало или вовсе не обращали внимания на различие между *прекрасными* и *великими* народами. *Великий* народ были арабы, но *не прекрасный, не изящный*: и в фанатизме, и

в архитектуре, и в деянии, и в своих иперболах они были колоссальны. С равным остервенением кинулись они в таинства природы, как и в тайну движения планет; и когда народный дух арабов уже не мог более бороться с людьми, то пустился на единоборство с *фатализмом*, со *сверхъестественностью*.

Между тем как арабы были *колоссальны*, римляне достигли было больше *величественности*; но ни греки, ни китайцы не воспрянули по этой лестнице; – и те, и другие мелочнее, но зато *изящнее*: греки в *формах*, китайцы в симметрии.

Все эти *благородные* народы по большей части обязаны за свое образование не только обстоятельствам, но и влиянию самой *местности*. Если недостает *ужасное* в местности, то горы могут быть заменены *морскою пучиною*. Моряк отчасти равняется горцу: оба они почти одинаково испытали *ужасное* в природе. Пучина возвысила араба; горы и воды возвеличили римлянина; горы и воды наострили грека; горы и воды образовали индийца и китайца; горы и воды воспитали англичанина.

Взглянем на два нынешние народа, которые далеко опередили других, *англичан* и *французов*. Оба эти народа устремились к своему назначению разными путями: первые по пути к *высокому*, последние по пути к *изящному*; те к *полезному*, *выгодному*, эти к приятному; те к силе, эти к славе. Англичане *великий* народ, французы *прекрасный*. Первым больше *удивляемся*, последним больше *любимся*. Франция страна *открытее*, ровнее, и сам француз откровеннее, поверхностнее. Вот почему все народы более *увлекаются* французами, нежели англичанами. Все народы земного шара с жадностью читают обо всем, относящемся ко Франции; и житель Филадельфии, Астрахани, Рио-де-Жанейро, Калькутты или Новой Голландии так же знаком с *Палероялем* или *Елисейскими полями*, как и с собственными своими улицами; но зато улицы парижские – улицы *не простые, а всемирные*, на которых мысленно спотыкаются все народы земного шара. Обыкновенно народы устремляют свои взоры на свои столицы; но *Париж* имеет какую-то непреодолимую силу, которую и можно бы назвать его *всемирностью*.

Некогда *Вавилон* всемирствовал, некогда и *Александрия* вселенствовала, некогда и *Рим* преобладал народами, ныне *Париж* первенствует: и Вавилон, и Рим, и Париж воспеваются народами; всякий, однако, из этих народов достигал этой степени в своем особенном роде.

Соображая это, нередко приходил мне на мысль вопрос: *какую же стезю избрет русский народ на пути своего усовершеншения?* Вопрос этот поглощает в себе все возможные вопросы, которые в состоянии себе сделать всякий россиянин; он заключает в себе все прошедшее Руси и всю ее будущность. В 1831 году мне, скачущему из Одессы в Москву по необозримой Руси, почти невольно приходил на мысль этот вопрос, на который так трудно дать ответ! Но помню, что вместо всякого ответа я оглянувшись кругом в необозримую даль и с какою-то грустью сказал себе: *«Нигде нету гор!»*

Есть в нас какой-то инстинкт, какая-то жажда противоположного; есть, говорю, в нас потребность душевного потрясения; иногда ищем *поразительного* и в этом отношении, наскучившись равнинами, ищем оврагов, вертепов, гор. Стоит только взглянуть на местоположения господских домов в деревнях; почти всегда заметите расчет виду в их положении; непременно перед окошками должен быть или пруд, или овраг, или лесок, или какой-либо отдаленный вид; непременно в саду должна быть Швейцария в миниатюре, и *Чертов мостик*, и *дикие гроты*, и *каналы*, и разные беседочные игрушки. Этой страсти не знают помещики стран гористых; они, пересытившись влиянием величественного, ищут более однообразия; горец охотнее строится на равнине или на горе, чтобы видеть поле или равнину: ему смешно показалось бы заниматься игрушками в присутствии поразительных предметов. Но сколько раз ни случалось мне заглянуть в домашнюю садовую Швейцарию русских помещиков, то всегда почти восклицал я, улыбаясь про себя: *«Играйте, друзья мои, играйте! Тоска ваша по величественном делает вам честь; с первого проявления в вас этой тоски я имею к вам больше уважения: тоска по величественном не позволит унизиться».*

Но если опять повторим мы вопрос: *какую же стезю изберет русский народ для достижения своего назначения?* Ведь Провидение не все еще высказало, если только сказало: *быть руси долговечным, быть руси богатым*, – я спрашиваю о другом. Как скажет оно: *быть руси римлянином? Быть руси индейцем, греком? Быть руси китайцем, англичанином? Или быть руси французом, арабом, татариним?* В каком именно роде *быть россиянам великим народом?*

Самый трудный вопрос, потому что самый отдаленный и притом самый непосредственный, ищущий самой русской природы. Нередко мыслим, нередко толкуем о просвещенных, о великих народах; но все это идет у нас неопределительно: говорим, что *мы отстали, мы гоняемся*. Этого мало; нам нужно пояснить свойство, идеал этого пути. И другие народы Европы, кроме французов и англичан, совершили свою колею величия: итальянцы, немцы, шведы, голландцы, испанцы; потомство не в состоянии разжаловать эти народы из дворянства, из благородства в мужиковатость, точно так же, как и греков, и римлян, и индейцев, иначе оно будет обращаться с мордвою и чувашами, с готтентотами. Многие народы не могли ничего достигнуть от недостатка средств. Русский народ имеет и *имел* к тому *много средств*. На нем ответственность.

Но если спросить прежде о свойстве *стеzi* русской, то можно бы угадать довольно приблизительно, что русский народ, вследствие географического своего положения, двинулся бы скорее по стезе к *изящному*, нежели к *высокому*. Страна не приучила его к поразительному, к гигантскому; вот почему размер русского мышления и чувствования и доселе *мелочнее*, низменнее, миниатюрнее, но зато во многих отношениях *изящнее*. Что за беда: *душевное изящество* тоже имеет свою силу, свое владычество; оно тоже есть условие счастья.

Между народами *высокими* и *изящными* та разница, что у первых преобладает *справедливость*, у последних *приличие*; первые всегда стремятся на самую *верную* точку зрения, последние на *самую приятную*. Заметим, что в россиянине, как и

во французе, преобладает вопрос: «*Прилично ли это, не гадко ли это?*» вместо: «*Точно ли это, справедливо ли это?*»

Если в народе преобладает чувство форм; если он пустился или должен был пуститься по стезе к изящному, то можно рассчитать предназначение такого народа; если Провидение благословило его быть великим – такой народ *увлечет собою*, увлечет и мышлением, и чувствованием, и обхождением.

Народы, в которых преобладает чувство *форм*, т.е. которые сбились или должны сбиться на стезю *изящного*, бывают *подражательны*, от того, что им легко схватить всякую *новую форму*. Это качество чернь называет *обезьянничеством*. Что англичанин или немец вздумает, француз тому придаст лучшую или более удобную форму. Я с жаждою слушал разные мнения о русском народе, и дал бы Бог, чтобы правда, *что, де, русь – отличные обезьяны*. Подобное суждение не очень может нравиться народу, который дорожит формами и которому не очень приятно быть таким красавцем, как обезьяна!

Нередко тоже слышал я и читал я русские суждения о Руси, что, де, русский человек не должен подражать иностранцам; что, де, русский человек не должен обезьянничать и портить свою природу; что, де, русский человек должен обратиться в самого себя; чтобы быть самостоятельным, он должен вычерпать из себя всю свою национальность, потому, де, что, извольте видеть, в русском человеке хранится какой-то чертовский клад каких-то непонятных доселе русских качеств?!

Я говорил уже, что мышление русское может выразиться миниатюрно, плоско и готтентотски: всякий читатель заметит, что в подобном суждении преобладает одно *приличие* жить лучше своим умом, а не *справедливость* в суждении, в котором и смыслу нет. Ибо если отличная *подражательность* (или обезьянство, как говорят эти мудрецы) есть первая черта способностей русского народа; если следует обратиться в самого себя, вычерпать свои народные черты, то ужели это не значит, что следует дать полный ход и развитие своей подражательности? Почему же русскому народу не попробовать быть лучшим итальянцем, чем итальянец, лучшим

немцем, чем немец, лучшим французом, чем француз, лучшим англичанином, чем англичанин, лучшим римлянином, чем римлянин, если есть у него на это дарование?! В чем же другом состоит выполнение, развитие народной черты русского народа, как не в выполнении этой способности, как не в развитии высшего изящества во всех условиях как общественной, так и частной жизни всего народа? Если другие народы по части изящества давно уже впереди, то подражание бывает не народам, а самому изяществу, которое может быть только одно для всех народов, но оно развито в разных степенях. Кафедры всего *изящного* будут всегда в России самые национальные, самые необходимые, потому что россиянин ничего так не боится, как быть *смешным!*

НЕЧТО К ИЗЫСКАНИЯМ О ГОТАХ¹

В кратком обзоре судеб Руси в древние времена я вкратце, и сколько нужно для поддержания нити в моих изысканиях, заметил (стр. 110–115), что первое, исторически известное нашествие на Русь было готское. Кто не знает сего имени? Оно так обширно, так громко! Кто не упоминал готов? Было время в продолжение нескольких столетий, что готы везде являлись: в Швеции (*Gothland*), в России, Анатолии, Византийской империи, Паннонии, Италии, Германии, Франции, Испании, Африке – словом, *везде*. Всякий их знает более или менее, ибо имя в свое время было почти всеобщее.

Но что за народ эти готы? Был ли один, который бы один под этим именем развернулся так широко и далеко; или же несколько народов, составляющих союз? И какой, где именно, был сей народ? Как, откуда, по какому поводу нашел он на Русь?

Зная, из каких полков были составлены корпуса Даву, Удино Виктора, Мюрата, Нея, зная, из каких мест были *рекрутированы* сии полки; зная язык, образ жизни, обычаи, имя народное, веру, искусство, науки, торговлю и физические свойства страны, то, я могу сказать, *знаю* – кто, какой народ и откуда сделал нашествие на Россию в 1812 году; могу сказать, что *знаю* политическое отношение России к этому народу, т.е. *знаю* политическое положение России, т.е. *знаю* ее историю 1812 года; если же эти условия мне неизвестны, то я скажу – *не знаю*. В подобном случае находится и нашествие готов на Россию. Но опять рождается вопрос: что же за народ эти готы?

Откуда они? К несчастью, до сих пор мы еще не имеем ни малейшего понятия о сем народе, несмотря на то, что имя его сто раз повторяется во всякой исторической книжке. Я *знаю* тот народ, который сделал нашествие на Русь, не потому, что он назван французами или вожди их Наполеоном *Bonaparte*, Мюратом, Нейем, Ожером, Фон-Раппом или паном Понятовским, или что такой и такой назывался Петром или Герасимом, но потому что я могу описать его неприятеля, не называя его имени; могу описать его родину, семью и местности жилищ. Так и я хочу знать и готов; в противном же случае и говорить о них не хочу; нашествие их на Русь так же историческое событие, как наполеоновское.

Имя готов рассмотреть можно:

1. Или оно собственное, или нарицательное;

а) Собственным оно быть не может, ибо до сих пор не удержалось ни в одном европейском народе;

б) Следовательно, оно *нарицательное*, потому что можем указать, что оно употреблялось одними греческими и римскими писателями;

2. Поскольку оно не собственное, то принадлежать одному племени не может, т.е. оно не может быть частным; следовательно, *оно общее*;

3. Если оно общее нескольким племенам, то оно не могло иметь верного, постоянного, определенного значения. Следовательно, имя *готы*, как общее, для критика, постоянно доискивающегося частных, определенностей, подробностей, не годится по своей общности. Общим оно между так называемыми готскими народами быть не могло, ибо общее существует не между народами, а между учеными, если разве исключить из этого некоторые примеры немцев; но в общем смысле выразился один Прокопий: «Одно из важнейших имен в истории появляется готское. В продолжение нескольких веков оно было слышно глухо и издалека. По Тациту, народ, носящий это имя, мог обитать только на берегах Вислы; большею частию, по правую сторону оной, в нынешнем Польском королевстве» (pag. 53 et seqq.).

Но Польши и поляков вовсе не было тогда, как и впоследствии на восточной стороне Вислы, до соединения Красной Руси, а впоследствии и Литвы с мазовшанами, т.е. до XIV и XV веков. Здесь надлежало историку-изыскателю выразиться точнее, ближе к *местному подлиннику*, ибо это есть важное условие в изысканиях. С тех пор, как луч *точной* истории озарил Русь, т.е. с X века по нынешнее время, мы видим, что Русь простиралась постоянно по Вислу. Зашедшие в новейшее время по сию сторону ляхи сюда не принадлежат; ляшские племена: мазовшане, кракусы, или горалы и слезаки (*silesii*), искони имели свою колыбель в *завислянских* их жилищах. Висла была важная физическая граница между разноплеменными славянами, и это показывает, что греческие и римские писатели не наобум, не по одному инстинкту назвали *Вислу* границей между *Братовщиною* (*Germania*)². Таким образом, мысль древних писателей объясняется, оправдывается *местным подлинником*; и сей, как наяву существующий, торжественно оправдывает древних писателей и показывает, что они действительно чувствовали сильный оттенок между жителями *довислянскими* и *завислянскими*. На это, может быть, кто-либо возразит, что это произошло от важности реки для ограничения Германии; нет, дело не в реке, а в том, что *sarmatae* простирались с востока до этой реки, а *germani* с запада.

Сверх сего, мы видели, что греки, торговавшие в черноморских городах, восточных русаков называли *сарматами*. Римляне, которые сначала выписывали из греческих сочинений, впоследствии в сих местах сами познакомились с народом, прославшим уже *ящероглазыми*. Но римляне и с запада узнали, что сей самый народ через Подолье и Волынь простирается до самой Вислы. Вот по какому только поводу и вышла *Sarmatia a Ponto et Tanai Vistulam usque*. Вот римляне даже и этнографы, т.е. народописцы. Происхождение и определение границ слова *Sarmatia* не есть случайное, механическое, но оно основано на том же верном ощущении, на котором и определены границы между Германией и Сарматией.

Правда, многие жалуются на краткость и неопределенность известий у греческих и римских писателей насчет нашего европейского севера. Положим, что иное и справедливо; но, по крайней мере, вообще их нельзя упрекать в невежестве. Римляне постоянно жили лагерем на границах Сарматии и Германии; дельвали в оные походы; имели своих переводчиков; многие жители Германии и Сарматии служили в римском войске; многие из римлян, преимущественно жившие или родившиеся вне Италии, знали даже язык Братовщины и Ящероглазии, словом: *римляне не могли не иметь подробных и точных сведений о сих двух больших странах и ее жителях*. Политика римлян требовала узнать даже и образ правления и характер оногo; этого никогда не упускали из виду римские полководцы. Итак, беда только в том, что римляне были страшные неохотники до литературных занятий, преимущественно до описания походов, путешествий, записок, мемуаров и тому подобных брошюрок. Римляне делали 1000 походов, а описания ни одного!*

Другое то, что даже у существовавших писателей *краткость* и *сжатость* была главным условием если не в слоге, то в материи. Тому примером все они. Итак, если нельзя ручаться за все их подробности, то, по крайней мере, главные их понятия должны быть для нас священны; стоит только их понять и объяснить себе настоящим образом. Сколько ни кратко общее их понятие о России, однако оно, хотя и одно слово (*Sarmatia*), совершенно верно выражает *местный* свой *подлинник*; оно основывается на тех верных и точных сведениях, которые погребены от нас навсегда вместе с римскими воинами, но которые живо отразились в Риме и которые сосредоточились у скупых на повествование писателей в одном слове *Сарматия*.

Но мне скажут, что слово *савроматы*, *сарматы*, как греческого происхождения, взятое с физических свойств и означающее голубые глаза или вообще белокурых, могло означать и не русь, а другие племена белокурые, напр. латышей, чу-

* Странное утверждение для Ю. И. Венелина, посвятившего одно из своих исследований труду Юлия Цезария «О галльской войне». – *Прим. сост.*

хонцев; посему *сарматы* не могло быть характеристическим нарицательным для оной руси, а могло быть общим. На сие отвечаю: правда, что слово *σαυροματαί*, *sauromatae*, или, по испорченному выговору римлян, *sarmatae*, взято с физических свойств. Но это было только при первом знакомстве древнейших греков с народом, а когда имя пошло в ход и утверждено за одним народом, то никто более не смотрел на этимологию оною, и тогда имя получило постоянное, определенное свое значение. Точно так же, как и ныне славяне под именем своего чекана *немец* подразумевают постоянно *дайчера*, а не *немого*, *латыша*, *чухонца*, *итальянца*, *грека*. Но опять возразят, что немец у русского простолюдина и француз, и итальянец? Это потому, что простолюдин не умеет различать языка ни того, ни другого при таких же фразах, при таких же ухватках у обоих народов; притом это самый грубый простолюдин, который чухонца не назовет немцем. А образованные русские как? Следовательно, древние писатели не простолюдины. Итак, *сармат* по-гречески и римски, а *русь* по-русски.

Во-вторых, гораздо еще яснее, определеннее, точнее выразились древние, когда те племена, которые по наружным чертам можно было смешать с русью, именно отделяют от нее и говорят отдельно; Тацит отдельно описывает чухонцев и латышей; Плиний, Птоломей, Страбон особо описывают и латышские, и чухонские племена; и Шлецер удивляется верности, с кою Птоломей схватил некоторые области прусских латышей. Итак, чухонцы и латыши в тех же местах известны и во втором веке, в которых они и ныне. Почему же иначе думать только об обширной руси? Или разве какого-либо пошлеца соблазняет то, что *сармат* не из тех букв составлено, из которых *русь*? Или разве кого забирает бешеное искушение вводить переселение потому только, что явилась русская летопись, в коей слово *русь*, или что из новейших греков иные вздумали неприличным называть ящероглазыми своих русских единоверцев? Но оставим пошлецов их сумасбродству и прибавим следующее, геркулесовское доказательство, что, говоря о руси VI, V, IV и пр. столетий, глупо и пошло ее называть *сармата-*

ми. Снятое римлянами понятие с руси верно с подлинником; нельзя не отдать справедливости древним. Из этой верности римской формы, или рамки с подлинником, выходит, что рамка эта годится только для руси, ибо одна русь была и могла быть толикой массивности. Но тогда русь была пропорционально еще многочисленнее, нежели ныне, ибо тогда еще не выхлынула была значительная часть оной за Дунай, за Балканы и за Карпаты; тогда к оной принадлежали еще те миллионы, которые впоследствии уведены в неволю татарами, крымцами и буджакцами. Велика и тогда была Русь.

Теперь, положим, сообразно с иными поверхностными изыскателями, что в России в те времена была не русь, а другие, как говорят по слабым предположениям, народы, то тогда римская рамка не согласовалась бы с предполагаемыми подлинниками, ибо те народы не могли быть ни той величины, какой русь, ни занимать те же пределы. Это и физически, и исторически невозможно, чтобы другой как раз попал в те же рамки; ибо ни история, ни естественность не доказывают, чтобы бывший в римских рамках народ замещен был другим, и цельным, и столько же огромным, и совершенно в тех же пределах. Не надо забывать, что Россия, занимая половину почти Европы, если бы была переменена в жителях, то непременно произошли бы в ней и Галлия, и Германия, и Бургундия, и Бог знает какие государства, чего, однако, не бывало.

Древние не были неучи и довольно просвещены для того, чтобы узнать хотя несколько о сродстве народов. Итак, если и признавали они местные названия по России, необходимые в подробном описании, однако они явно признавали всем им их общность поколения, называя *populi* или *gentes Sarmaticae*. Если Страбон разделяет Сармацию на Европейскую и Азиатскую, то он прав, ибо за Доном, между им и Волгою, жили тогда сарматы-болгаре. На границе болгар, к востоку, он оканчивает свой сарматизм; это Плиний буквально замечает. Удивительное и с востока согласие с подлинником, который другой быть решительно не мог, кроме русского. Мы увидим впоследствии, в VI веке, что Иорнанд оттенит русь и с севера.

Это кажется ясно и убедительно, но еще яснее будет, коли скажем, что римляне этих же сарматов называют *roxolani*, собственным, но несколько олатыненным именем народа. Да, сверх того, многое еще из мелочей указывает на народ. Славянское происхождение (от поляков или от руси – все равно: Висла встречается и в других славянских местах) имени Вислы торжественно засвидетельствовано древним внесением его в их сочинения.

Теперь обратимся к ляхам и готам.

Ляшские племена принадлежат исключительно Германии, которую, впрочем, кроме ляшских племен, населяли и другие славянские. Посему ляхи не только могут, но и должны искать, что говорит о них Тацит в своем *De moribus Germanorum*, ибо они с полабами, сорабами, ободритами и пр. суть его германцы.

Таким образом, положив за аксиому вышесказанное, выходит, что какие бы ни носились впредь новые имена над Русью, они не могут уничтожить таящейся в Сарматии *идеи руссизма*, будут ли над Сарматиею носиться имена готов, вандалов, гуннов, фервингов и проч. и проч. Если и будет нашествие на оную, то народ от того вовсе не уничтожается, если даже и подпадает под чужое иго, хотя, впрочем, вообще изыскатели довольно легковерно воображали себе одни только племена в тех местах, в коих отзывалось их имя; ибо часто чужая армия или правительство могут заглушить народ. Об этом ниже, пространнее.

Обратимся к готам Тацитовым, которых Луден полагает на правом берегу Вислы, т.е. внутри Руси. Но как по сию сторону Вислы находились латышские племена, примыкающие к Балтийскому морю, то рождается вопрос: кого подразумевал Тацит под именем готов, прусских ли латышей и литовцев или смежных с ними русаков, от Плоцка далее к востоку? Чтобы подлинно разгадать сей вопрос, надлежит: 1) заметить, что имя готов у Тацита еще слабо, глухо, мелко, чуть отозвалось в его летописи, и что посему оно не означало той огромной, обширной массы людей, которые впоследствии под этим именем

со всех сторон наносили удары Римской империи. 2) Полагать за достоверное, что подлинны готы, сильные, могущественные, сделавшие нашествие на Русь, не были старожилками, подлинными обитателями Руси. 3) Из этого следует, что завоевательных готов последующих времен у Тацита должно искать под другим, но обширным именем, именно же вне России. Это ясно, справедливо.

Это общее имя во время Тацита было *germani*, не народное, нарицательное, чужое; оно вылилось, неизвестно по какому поводу, впервые из головы Юлия Цесаря и было еще в употреблении во время Тацита.

Но что такое готы в пределах Руси? Наверное, или литовцы, или русь. Об этом были разные мнения. Вообще древние ставили сих первых готов у устья или около устья Вислы. Иорнанд в IV веке то же пишет; но Иорнанд в этом случае имеет менее весу, нежели древние, ибо он их, как видно, только повторил. Сверх сего, Иорнанд годится для нас во всем том, что он повествует из ближайших ему времен; но там ему трудно уже верить одному, когда он пускается в отдаленную древность, каковой обыкновенно бывает *изложение происхождения народа*. Отсюда следует истина: писатели более или менее древние не могли писать о происхождении народов; это предоставляется нам, позднейшим, которые можем сличить и сообразить все, что писано в древности. Иорнанд писал и о происхождении готов; Тацит же и его современники говорят о современном им народе; посему он верный наш источник.

Правда, впоследствии, во времена Иорнанда, по каким-то судьбам в Италии и в Греции Тацитовых германцев называли готами. Иорнанд, описывая их походы и завоевания, вздумал начать с происхождения сих германцев; он отыскал у Тацита готов у устья Вислы и пустился выводить отсюда всю Германию – явная и грубая ошибка сего писателя, смешавшего два народа, германцев Тацитовых с его же готами сарматскими! Отсюда-то неестественное и несбыточное расселение многочисленных и могущественных народов, или армии, у

одного уголка Европы, самого лесистого, самого песчаного, болотистого и неплодородного.

Однако Иорнанд эту неестественность не удовлетворялся; его воображение простерлось даже до географического Адама. Поскольку имя *готы* впервые встречается у устья, у берега морского, думал он, то чтобы сюда, на берег, вывести, он вообразил себе остров *Сканцию*, из коего заставляет *во время оно* выходить своих готов. Тут-то он и взмечтал всю небывалую историю и лица во время перехода на берег и первые авантюры мнимых пришельцев. Мы увидим ниже, что Иорнанд мог слышать, что готы, воевавшие в его времена, действительно бывали и говаривали о своих балтийских островах и что эти острова наш старик вплел в сказку о происхождении.

Впрочем, кто ни говорил Иорнанду, однако все еще слово *готы* надобно ныне разгадывать; потому что ни один из европейских народов не носит этого имени. Пошли догадки. Немцы схватились с жаром за Иорнандову сказку; под именем острова *Сканции* они объявили Швецию, переименовав в Скандинавию; заключили, что эти храбрые готы, завоеватели мира, были добрые шведы; что шведы суть добрые братья добрых немцев и что готы посему не иное что, как немцы. Этому еще пособило то, что в Южной Швеции была областца *Gothlandia*. Впрочем, это словцо могло и должно было поселиться в Швеции тогда, когда готы громили везде древний свет. Это было почти во времена Иорнанда. Посему ни он, ни его толкователи не могли полагаться на это слово. Впрочем, по мнению немцев, готы были немцы, и поныне они слышат в историях немецкого произведения – *deutsche Volker*.

Однако если родина готов была Германия, то добрые немцы должны были вспомнить, что большую часть ее, если не всю, населяли славяне. Впрочем, это так думают без всяких доказательных притязаний. Но явился им противник, литовец Преторий, и сочинил фолиант *Orbis Gothicus*, посвященный им польскому королю. Он, со своей стороны, думает по праву местности, что готы были просто литовские племена. Но

за эту патриотическую дерзость и нахальство досталось ему от добрых немцев. Великий Шлецер написал, что Преторий неучтив, что Преторий мелет чепуху, что готы – немцы. Но почему не вступились за своего земляка польские ученые, или даже, будучи сами германцы, почему не вступились за готов? Ответ: потому что поляки тогда были еще бритоголовы; они мечтали об одной Сарматии и были в этом отношении так же правы, как и немцы. Как бы то ни было, но, смотря по распространению готов по всей Европе, в новейшей исторической немецкой литературе вся Европа превратилась в Немерию, в Дайчерию. Хотя, впрочем, сил человеческого разума не достанет, чтобы понять, каким образом эта всеобщая Дайчерия V века вдруг рассеялась в VI веке, а в VII так сузилась, что очутилась в одной Баварии, Бадене и малом треугольнике между устьем Эльбы и Голландией!

Конечно, для поддержания сего не могут существовать никакие доводы; посему-то лучшие даже умы всячески стремятся увериться и уверить в этой крайней нелепости, просто утверждая наголо. Но с какой стати им гоняться за этим мильным пузырьем, за этою мнимою, химерическою славой, которой не может допустить ни история, ни здравый рассудок? Вот что значит *История немецкого народа* Лудена, составляющая нынешнюю литературную гордость немцев! Это всеобщая европейская история, всех народов, под заглавием: *Немцы*.

Обратимся еще к Тацитовым готам. Вот источник длинных кривотолков! И Преторий справедливым быть не может: латышские племена никогда тем быть не могли, чем были готы (история застала их в бедном положении и в малом количестве); ему не должно было ссылаться на Иорнанда, который сам обманулся. Если же обозреть место у Тацита, то нельзя его толковать буквально, ибо Тацит, говоря из отдаленной страны, мог не придерживаться букввальности; смысл его слов *реки Вислы, около ее устья*; но это не должно значить на берегу моря; этот простирается и на Русь Полоцкую и Гродненскую. Наконец, латышские племена обозначены древними под другими именами. Если имя *готы* перенести на *русь*, то

будет гораздо вероятнее. Это прекрасно оправдывается следующим. Известно, что старые прусские латыши своих соседей русских называли *гуддами*; а Русь *Гудду-Земе*. Это имя, разнесенное по Западной Германии, дошло до ушей римлян в Галлии или на Дунае, все равно. Да и как не дойти туда с прусским янтарем? Тацит просто отметил, и – вот наши готы впервые. Очень естественно. Итак, готы у Тацита значит русь. Следственно, готы эти были не готы, ибо русь не готы. Слово это здесь появляется на Руси как частное и принадлежало Сармации. Наконец, если слово *готы* на Руси не могло быть народным, собственным, то и в Германии оно не могло быть таким же, т.е. мы не надеемся сыскать где-либо этого имени в подлиннике. Одно остается: замечать за авантюризмом сего имени и подмечать встречаемые под оным народы как под нарицательным: тогда взойдет солнце, слово *готы* исчезнет или прицепится к своему какому-либо уголку и появится *История западных народов*.

Из всего сего видно, как поверхностно, как криво толковал и понимал Луден и понимали до него другие, и как мало можно было ожидать от подобных толков³.

ОБ ОБРАХ, ИХ ЦАРСТВЕ И ЕГО ПРЕДЕЛАХ

Кто не слышал или не читал кое-что о деяниях народа, который в русских летописях слывет обрами, в западных *abari, habares*, а у византийских некоторых писателей *αβαροι, αβαρεσ*?

Народ этот бушевал в Европе в VI и отчасти в VII веке. Нынешнее историческое мышление придумало себе название, которое довольно сильно звучит в учебных исторических руководствах. Это название есть: *Awarisches Reich; le royaume, l'empire des avars, des abares*. Генрих IV сказал: «Paris vaut bien une messe»; нынешнее любопытство заставляет нас сказать: «Un royaume, un empire, enfin, une grande nation vaut bien quelques etudes».

Если перелистаем каталог всех исторических исследований, то найдем, что *обры*, или авары, почти совершенно забыты вместе с их Империею, несмотря на то, что почти всякий изыскатель или компилятор исторических сочинений больше или меньше спотыкается об Аварскую империю, или обрский народ. Вот почему и Карамзин волею или неволею должен был сказать что-либо об обрах.

Из всего того, что сказал нам Карамзин об обрах, мы не можем извлечь ни малейшего определительного понятия. Точно таким же образом и в компиляциях Роттека, Мюллера или Michelet обры остаются для нас народом неопределяемым

и неопределенным. Причина этому, опять скажу, то, что мало обращали внимания на этот народ, на это царство.

Об обрах говорится в русских летописях; об обрах говорится в юго-восточных, т.е. греческих, летописях. Само собою разумеется, что невозможно назначить пределов этому народу (следовательно, дать о нем определительное понятие) по одному Нестору, по одним западным писателям или по одним византийцам, потому что все эти летописи касались обров только со стороны своих границ.

Народ обры делается действительно любопытным, если видим со всех сторон, что он осаждал Царьград во Фракии, боролся с франками на Рейне и, по Карамзину, делал нашествие и на Россию. Следовательно, определительное понятие об этом народе важно не только для русской истории, но и для истории Германии и Галлии, для истории Паннонии и Дакии, для истории Задунайского полуострова, т.е. решение этого вопроса важно для всей Средней и Восточной Европы.

Обры бушевали в Европе в 560–810 годах, т.е. в продолжение 250 лет. Период прекрасный, потому что это был период преобладания обров над Европою в то время, когда Италия была разбита на уделы, Испания тоже, то же и Франция, в которой едва только, и очень медленно, зарождалась французская монархия. Наконец Карл Великий затеял семилетнюю войну с обрами и отнял от них значительную часть Австрийского герцогства и гористой Штирии. Конечно, с этого времени исчезает из истории и имя обров (скажу в скобках хотя, впрочем, такой мощный народ исчезать не мог, потому что дело номенклатуры исторической нейдет за одно с физическим существованием целого народа). Если Карл Великий и разрушил бы, как говорят, аварское или обрское царство на таком же основании, как и турки Греческое и Болгарское, то все еще поработенный и лишенный имени народ обрский не перестал бы существовать и впоследствии, точно так же, как и греки и болгары не исчезали и доселе. При сем случае я замечу, что исчезание имени с ландкарты не должно быть принято за *вещественное* исчезание народа; что номенкла-

тура может представлять историко-оптические обманы, et la raauvre raison humaine plus ou moins, en a été bien dupe. Доселе, сколько мне известно, почти никто не делал различия в этих двух родах исчезаний; ландкартное или, что одно и то же, летописное принималось за *вещественное*; это то же значит, что погнаться за *призраком*, за оптическим обманом.

Но положим, что обры исчезли при Карле Великом, и обозрим эпоху их в 560–800 годах. Чтобы не погнаться за призраком, мы поступим осторожно. Чтобы открыть подлинные жилища *обров*, мы сделаем различие в их пределах, т.е. между общими пределами царства и теми, до которых простиралось племя *обров*; первые назовем *политическими*, последние *природными* или *народными*; например, политический предел русского народа к западу составляет линия польско-прусская, природный составляет река Висла; к югу политический – линия между Галициею и Российской империею, народный – река Тиса в Венгрии в ее течении с востока к западу и т.д. Следовательно, взявши наобум какое-либо место из хроники и не делавши различия в пределах, можно снова составить себе призрак и принять его за *действительность*. Как ни будем точны в ссылках, в приведении цитат, сколько ни окажем начитанности, не избежим обману, если с точностью не постановим себе различия как в вещах, так и в словах.

На этом-то основании, чтобы понять, *чем владели обры*, надобно прежде указать, *где же они сами жили?* Таким только образом избавимся от призраков, т.е. от увлечения.

Начнем с западных, *современных* свидетелей. Григорий Турский (Gregorius Turonensis, живший до 592 года) в своей *Франкской хронике* (IV кн., 23 гл.): «Ибо после смерти Хлотария гунны вторгнулись в Галлию, против которых король Сигиберт двинулся в поход¹».

В 29 главе: «Гунны опять напали на Галлию; против них вышел Сигиберт...» и пр. «Но как войско его, разбитое, бежало, то он окружен и взят в плен гуннами, коих царя умягчив подарками, заключил мир никогда с ним не воевать.

Но и Гаган, так называются все короли того народа², дал Сигиберту многие подарки».

Это происходило с 559 по 570 годы, только *сто лет* спустя после смерти *Аттилы*. Следовательно, тех, которые относятся к разрушению Аттилиной Империи ко дню его смерти, можно бы заставить прочесть Григория Турского, прежде нежели примутся они за свои компиляции; можно бы тоже заставить их читать *Прокопия Кесарийского* и *Иорнанда*, живших в это же время. То же самое гуннское правительство, которое воевало и трактовало с королями франкскими за Рейном; в это же самое время вспомогательные войска императору *Юстиниану Великому* против персов, вандалов африканских и готов в Италии. Прокопий, секретарь Велизария, это войско называет гуннами; епископы же *Эннодий Павийский* и *Иорнад Равенский* называют болгарами. Il était très – honorable pour une nation comme ca, que de pouvoir voir les bords du Rhin, et ceux de l’Euphrate, les figuiers de l’Afrique et les colonnes assez impertinentes de Rome. Итальянец, или римлянин, давно уже разлучился с этими разными странами; грек едва ли слышал о Рейне и его Сигиберте; и VI столетие представляет новый великий народ, ужасный от востока до запада. Это продолжался еще век Аттилы. Отец Фредегарий (живший в 658 г.), продолжатель Григория Турского, говорит следующее о делах своего времени (гл. 48): «В 40-м году царствования *Хлотария* (II) и при третьем сыне его, *Дагоберте* (т.е. в 632), *словене*³ стали возмущаться против *обров*, именуемых *гуннами*, и пр. *Гунны* приезжали всякий год зимовать помежду словен, отнимали у них жен и дочерей, и сверх многих угнетений словене платили *гуннам* ежегодную подать⁴».

Действительно, с этого времени начинается история Богемии, Сорабии и Моравии как стран независимых. В этой революции, или изгнании *обров*, фигурирует некто *Samo*, а нынешние богемские, моравские и даже немецкие историки историю этих славянских племен начинают этим же *Samo*. Как будто податное состояние народа до 630-х годов не принадлежит к его истории! Зачем предполагать, что за 80 лет, т.е. около 559

году, или во время трансакций обров или гуннов с Сигибертом Франкским не было этого народа в Богемии и Моравии от того только, что Григорий Турский в трансакциях не упоминает о нем, как о податном, а упоминает, как и следовало, о господствующем племени или правительстве, которого интерес в Германии был нарушен франками? Да и почему не думать, что эти Германские *slavi* находились в податном состоянии и в зависимости от *обров* со времени Аттилы, т.е. с 450-х годов? Да и почему же там бы не жить этому народу и до Аттилы? Но это в сторону. Куда же девались *обры*, т.е. где же были народные их жилища? Разумеется, в странах, граничащих с *Моравиею* и *Силезиею*, а именно с востока. Где же именно? Мы принуждены сказать, что *обры* должны были жить по Неману, по Днепру, по Днестру или по Венгрии.

Теперь мы немного отделили природные жилища обров от их владений со стороны западной.

Где же, собственно, жилища *обров*, или гуннов? Новейшие ученые полагают: одни – в Паннонии, другие – в Дакии. Это разноречие показывает, что ни те, ни другие не убеждены совершенно в том, что говорят; а наоборот, всякая вещь, объясненная *определительно*, не допускает разногласия.

Чтобы легче и вернее можно было сообразить вопрос, мы рассортируем нынешние пределы Венгрии и Австрийского герцогства. Известно, что Дунай во всем своем течении был вечным, естественным пределом, как между государствами, так и между языками, т.е. был границею не только политической, но и филологической. Только с X века образовалось Венгерское королевство, так что Дунаю пришлось протекать по его середине. В продолжение первых четырех веков Дунай был границею Римской империи; часть Австрийского герцогства, задунайская часть Венгрии с частью Славонии и Кроации составляли Паннонию. Природные жители этой Паннонии, равно как и Норика, части Ретии, Истрии под самую Верону и Венецию нынешнего Иллирийского королевства составляли искони отдельное славянское племя, известное под природным именем *словенцев* и *краинцев*. Из

всех славянских племен только это одно было действительно *старожильным* по ту сторону Дуная, потому что болгаре и сербы перешли за Дунай в Мизию, Македонию и Фракию только по разрушении Империи.

Итак, наречие этого племени с Норических гор простиралось к северу и востоку только до Дуная; но от Дуная к северу до берегов реки Лабы (Эльбы) простиралось другое славянское наречие под названием *чешского языка*, который, как в старину, так и теперь, занимает северо-западный угол Венгрии (словаков), Моравию и Богемию. Язык *чешский* к западу граничит с языком *сербским*, или *сервским* (*lingua sorabica, sergica*), который от пределов Богемии простирался к западу по той части Баварии и окружных герцогств, которая искони слыла землею франков (**Franken-Land, Franconia**), по *Лужицам*, по нынешней Саксонии, чрез Туринген до самого Гарц-Вальда к Рейну. Язык этот и доселе уцелел в Лужицах, в Саксонии и отчасти в Бранденбурге; 300 лет тому назад все деревни вокруг Лейпцига (Липска) говорили на этом языке; но в древности этот язык далеко простирался к западу, где примыкал к немецкому (*lingua allemanica*). Этот немецкий язык занимал западную часть Баварии, часть Швейцарии, Виртембергское королевство и Баден. Таким образом, среди Баварии и около Касселя сталкивались два противоположные языка. Древние весьма рачительно их отличали, так что *allemani* значило *Deutschland*, а сербщина слыла *franki, francones, Franken-Land*.

С другой стороны, т.е. к северо-востоку, чешский язык граничит с *ляшским*, состоявшим из *слезаков, кракусов* и *мазуров*. Висла искони отделяла ляшский язык от русского.

Надобно заметить, что чешский язык от пределов нынешней Саксонии переходил через горы в Моравию, а через Карпаты в Австрийское герцогство и Венгрию по самый Дунай. Таким точно образом и русский язык переваливался через Карпаты в Венгрию к берегам реки Тисы, так что если в Скифии нашей русский язык простирался к югу мимо ляшского, то в Карпатах и за Карпатами стремился рядом с чешским; и

если по реке Бугу и Нареву он подвергался ляхизмам, то в Шарошском, Земплинском и других графствах Венгрии и доселе он подвергался чехизмам. Граждане вольного королевского города Пряшова (*Eperies*) имеют своего русского архиерея, молятся на языке нашем церковном, но с трудом определить могут, точно ли они русаки или словаки! До того они чехствуют! Но разбор этого обстоятельства необходим будет для особых исторических надобностей.

Русь от ляшских и чешских пределов простиралась далеко к востоку; на юге она занимала все Восточные Карпаты и всю Трансильванию: эту природную, древнейшую Русскую Швейцарию.

Однако русский язык в протяжении к югу не останавливался на том же градусе, на котором и чешский, задержанный течением Дуная с запада к востоку. Дунай не хотел ворваться в Русь; как только приблизился к ее пределам, тотчас возле Песта заворотил к югу, чтобы бежать параллельно с Русскими горами (известными под греческим или цыганским названием *Карпатов*, и о котором народ ничего не знает) с твердым намерением не допустить всем Русскими горам перебежать в систему Балканскую. И как только прибыл под Белград, остановился, чтоб выгладеть, как Наполеон под Аустерлицем, самое слабое место в тянущейся к югу линии Русских гор; кинулся на нее, подобно удаву, и неподалеку от Оршова грудью разбил линию. С невероятною быстротою и шумом проскользнул он сквозь пробитое отверстие пересеченного хребта и, перевалясь на спину, как будто измученный ударом, тихо и безжизненно едва тянется на спине к востоку в море, греясь на теплом солнце юга. Там уже ползает по нему не только человечество, но и корабли, а он лежит, как бесчувственен, и только когда находит на него лихорадка и стужа, тогда кожу его подергивает дрожь, и он судообразные насекомые стряхивает на берег:

Ой, Дунай, Дунай,
Сила Дунаевич!

И доселе помнит тебя Русь, что ты не дал ей уйти в Грецию, а пустил одни только вереницы журавлиные!

Наблюдая за Дунаем, мы должны сообразить его характер. *Висла* была всегда домашнее животное между русью и ляхами (un fleuve apprivoisé); на восточные ее берега приходили дети и девы русские мыть полотно или ноги, или расплетать косы; на западные берега приходили ляшенки. Такая же смиренная река была и *Лаба* чешская, и *Одра* померанская, и Двина. Но реки мужеские, каковы Дон, Днепр, Днестр, Дунай, только в молодости своей возились с девами возле гумен, садов и дворов и поили рогатую скотину. Так и Дунай выростал между словенами и чехами; но как только возмужал, удалился в степь и принял характер разбойничий.

Кому-либо могло бы показаться, что я слишком поэтизировал такое существо, какое есть река. Да, не одна река, но вся местность составляет или имеет свой особенный характер. Это особенное ощущение известно только тому, кто родился и вырос в горах, а после перенесся в противоположность, на равнины, в степь; кругом необозримая равнина действительно наводит на душу какое-то уныние, страх, опасение, потому что безлесная, безводная, необитаемая даль всегда неприязненна, негостеприимна. Проезжая в 1830 году по Валахии из-под *Гирсова* через *Слободю* в Силистрию, я не раз думал себе, что если бы конь мой бросил меня одного и безоружного на степи, то я впал бы в отчаяние. Нигде человек не прилепляется так сильно к лошади, как на степи, потому что нигде не имеет в ней такой нужды, как на степи. Вследствие этого народы именно от свойства местности могут быть больше или меньше конные. Не вдруг мог бы я вам сказать, что такое Царьград, что такое Париж, что такое Лондон и что такое Копенгаген. Для меня здесь важнее сказать, что такое Москва. Ужели никто не видит, что Москва не иное что, как только *кавалерский* или *конный* лагерь. Это слово *конный* заключает в себе все ругательства и все похвалы великорусскому народу, т.е. легко объясняет все то, над изложением чего философ истратил бы многие годы и многие книги. Слово «конный» дает

полное понятие не только о городе, но и обо всем племени, так как великороссы и конница суть синонимы*.

Помню, какие оттенки принимал мой характер в проезде чрез места необозримые; проезжая в Силистрию, за 30 верст видел я южные берега Дуная; за 15 видел всадника, который ехал мне навстречу. С южных берегов молодой римлянин за 40 верст мог во все стороны видеть по Валахии; если он, этот **Lucius Flaminius**, стоял на караульной ставке, то легко мог отличить, как по этому необозримому пространству носятся тучи кавалерийские. Молодой римлянин с ужасом смотрел в эту мрачную даль, из которой я подъезжал к нему и в которую он едва ли решился бы пуститься пешком и с ранцем за плечами.

Я сравнивал его ощущения и мои; он из Рима прибыл в Силистрию пешком в продолжение 40 дней, несмотря на двойное расстояние. Если бы я посадил к себе какого-либо баварского или виртембергского аллемана и тащил бы его в телеге в Силистрию день и ночь и во всю прыть, то он не мог бы не удивляться такой варварской езде, *so barbarisch fahre!* Несмотря на то, езда эта сделала бы порядочную операцию на его внутренность, и мой немец возвратился бы в свою Германию уже не немцем, а скифом, он был бы тогда сложное существо, *allemanus scythisatus*; аллеман, наверное, подошел бы к нему с подобострастием, потому что он имел бы непременно высокое понятие об *ein römischer Officier*. Я бы не мог чувствовать этого уважения, потому что мои ощущения распялены бесконечностью и опасностью скифского небосклона, как необозримостью моря, и приняли бы характер гордый, надменный, саркастический. Кто испытал влияние ужасного, кто превозмог опасное, тот непременно делается отважнее, гордее. Притом же, если пехотинец или ездок на волах и ослах (как римлянин) приучается к терпению, то конная и быстрая езда сделала из меня, как скифа, человека самого нетерпели-

* Здесь Венелин переносит на Великую Русь характерные качества Малой Руси, былой Скифии, а на великороссов – качественные черты казачества. – *Прим. сост.*

вого. Пока аллеман с подобострастным терпением ожидал бы выхода из пограничной ставки *des Herr römischen Officier's Lucius Flaminius*, я бы закричал с презрением от нетерпения: «Ну! Мусье, выдыбай!» – с презрением, потому что я выучился презирать с опасностью и самого Луция Фламиния.

Фламиний, наверное, принял бы меня с большею недоверчивостью, чем аллемана, но презреть меня не мог бы, потому что скиф в глазах итальянца всегда представлял что-то достойное если не удивления, то, по крайней мере, внимания. Известно, что Италия была и есть страна вовсе не конная; она всегда была страна коровья, как и самое ее имя выражает, потому что *ιταλος* значит по-гречески то, что по латыни *vitulus*, теленок, или даже осел. Рим никогда не имел своей кавалерии, потому что нельзя назвать кавалерией находившихся при всяком 6-тысячном пехотном полке 60 всадников, которые на своих армагаках тянулись за полком шагом, подобно немецким маркитантам; всякий уроженец нашей необозримой Скифии, или Сармации, захохотал бы во все горло, видя подобных рыцарей. Бедному Луцию Фламинию никогда не посчастливилось бы видеть в своей армии такие великолепные конные позы, какие он видел в Риме у триумфальных мраморных колесниц, у коих мраморные или живописные кони изображены в полном скаку, а буйные шеи пристяжных нарастяжку. Как мог бы Луций Фламиний презреть всякого скифа, который бы скакал в полностью подобной триумфальной скульптурной позиции и колеснице, именно во всю дорогу от гор Рифейских (то есть от Москвы) до берегов Мизии! Если хотите осуществить фантазию скульптора греческого или римского, то велите заложить себе в дрожки тройку русскую, садитесь и поезжайте по-русски, и будьте уверены, что триумфальные греческие и римские модели Юлия Цесаря или Траяна сняты именно с вашей русской тройки. В одном только можно бы упрекнуть ваятелей, а именно в том, что забыли дугу, если бы ее отделке не мешал или мрамор, или самое искусство. Самые даже колесницы суть исключительно скифское изобретение, потому что они представляют первую необходимость Скифии.

Может быть, я сам не показался бы Луцию Фламинию слишком изящен при виде моей бурки. Пусть он бы меня называл *barbarus*, я бы, однако, похвалил его Цицерона или Сенеку; сказал бы, что у них много прекрасного, но что нередко *городят околесную*; всякий скиф сказал бы это непременно, потому что Скифия, страна конная, имеет свои исключительные ощущения и образ воззрения на вещи. Платон у нас, сказал бы я ему, сделал бы у нас странное впечатление, и если он великий человек в Афинах, то у нас со своим городовым уложением он ни к чему не годился бы, кроме разве в бургомистры в городе *Смоленск*. Может быть, аллеман с Фламинием меня осудили бы одинаково; может, они решились бы взять меня в плен для того, чтобы продать; но я, скиф, решился бы пленить и немца и римлянина для того только, чтобы их *оседлать* и поездить на них. Да и в самом деле, поездивши тирански на коне, что может помешать мне захотеть поездить и на человеке?

Таким образом, разнообразная местность доводит человека до разнообразных привычек.

Это небольшое отступление я допустил из необходимости показать: 1) что местность имеет влияние на характер в народе; 2) что местность имеет влияние и на историю, т.е. что в наших исторических мечтаниях мы не должны расквартировывать народ вопреки обитаемости или необитаемости стран.

Чтобы кончить определение русской полосы, должно прибавить следующее: Венгрия состоит из необозримой равнины. Так как эта равнина кругом окружена высокими горами, то Венгрия представляет глубокий таз.

Другой таз глубокий представляет поверхность Валахии. Я уже выше сказал, что южные берега Дуная видны за 30 верст. Силистрия лежит на самом Дунае у подошвы высоких гор. Я вскарабкался на эту вершину в надежде опять спуститься на ту сторону, как вдруг вместо вершины горы я очутился на самом краю Болгарской, или Задунайской, равнины, отчасти покрытой деревьями. Если провести от моих ног через Дунай к северу горизонтальную линию, то она пронеслась бы очень

высоко над Валахиєю и уперлась бы в горы Трансильвании или в возвышенную поверхность Молдавии и Бессарабии.

Южные берега Дуная вовсе не речные; они представляют все черты морских берегов. Не стану здесь доказывать и пояснять, что Венгрия и Валахия были некогда морями⁵, а скажу только, что дно обеих этих стран и доселе представляет безлесные и безводные равнины. Где воды нет, там и лесу нет; там человек не может завести постоянного жилища. Вот почему Валахия и Венгрия суть страны неудобонаселительные. В степной части Венгрии, по Дунаю и Тисе, есть пустыни необитаемые; целые сутки скачешь, не видевши ни кола, ни двора, ни деревца. Но зато где проявился прудок или удобный водопойный источник, там накопилось огромное село. Вот почему в степной Венгрии есть такие села, каких нигде в мире, — например, *Сарваш* в 17 000, *Русский Дом* (Orosz-háza) в 12 000, *Чаба* в 20 000 душ. По той самой причине *Крашовское* жупанство ничуть пространством не меньше других, имеющих 400 селений, хотя оно состоит только из трех. Кто ездил по степям Валахии, тот припомнит себе ее пустоту. Селения только по рекам; по междуречному же пространству человечество, подобно кротам, роет себе ямы в покато́й земле и накрывает их соломой. Этого рода селения называются там *бордеями*.

Но зато и приятность и свежесть местоположений, и достаток воды и леса есть в долинах гор, спускающихся из Трансильвании как в Венгрию, так и в Валахию; тут народ свежее и здоровее.

Итак, русский народ искони мог проникнуть к югу по местам удобонаселимым, по Молдавии, Трансильвании, до степей Венгрии и Валахии. Вот какая граница отделяла Русь от Римской империи; не Дунай только, но, что ужаснее, необозримая и негостеприимная степь. Если моравские и словенские девы ежедневно могли мыть ноги в Дунае, то русские слышали о нем только понаслышке от русских наездников. Не с корчагой пешком ходила Русь на Дунай; она бросалась на копья, с саблей на боку, с пикою и стрелою за плечами, и три дня и три ночи скакала, чтобы увидеть этого степного удава.

Я имел случай испытать влияние этих обеих степей, и если что сказал, то оно, по крайней мере, тем хорошо, что снято мною с самой природы.

Таким образом, гористая Русь повисла к югу меж степей; выдалась, подобно Морее, в бывшее некогда море; там оканчивался мир Европейский от мира Заморского – ныне Задунайского; там оканчивались древнейшие жилища Славящины от Заморской Скиперии, от Задунайского полуострова, который, впрочем, есть плотный кусок, насильственно отрезанный от Анатолии, от Азии, Цареградским быстротечным каналом. За этим высохшим морем было человечество, совсем противоположное европейскому; так как и доселе язык Скиперии, язык старожилов албанцев, не имеет ничего общего с основою языков европейских, но зато он сроден с языками Малой Азии и Кавказа.

Таким образом, геология послужит нам отчасти к исправлению истории. Хотя море давно истекло в другие места, но влияние его dna осталось и впоследствии. Римляне не могли смотреть без ужаса в эту необозримую даль, в которой то являлись, то опять исчезали кавалерийские толпы. Но наезды опаснее были со стороны Русских гор зимою, когда лед везде постлал наездникам открытый мост через Дунай. Нигде римское правительство так не опасалось, как со стороны Русских гор, которые одинаково насылали свою кавалерию как в Паннонию (Словению), так и в Мизию (в Болгарию). Почти невозможно было, да и опасно, посылать пехоту в эти степи, так что Рим находился с этой точки только в защитительном положении, а необозримая Скифия отправляла в поиски за Дунай. Наконец римляне нашли необходимым завоевать гористое место между Банатом и Малою Валахию, заселить военными поселениями, назначение которых было действовать на наездников сбоку или с тылу – в обе стороны, и по Валахии и по Венгрии. Это завел Траян; но как содержание и защита самих поселений стоили правительству чрезмерных издержек и трудов, то Аврелиан перевел все поселенные полки снова за Дунай и велел разломать каменный мост, соединявший их с правым берегом Дуная.

Так как горы Русские тянулись к югу рядом с Паннониєю, то русский язык, простиравшись к югу, плотно, мимо ляхов и чехов, потянулся дальше, и мимо задунайских словенцев, с тем, однако, что их отделял не только Дунай, но и негостеприимная и дальняя степь.

Ныне в Трансильвании с ее опушками в Венгрию и Валахию давно уже нет ни души русской. Эта гористая полоса занята тремя разными языками: 1) Трансильванию населяют *волохи* (румуне) – племя итальянское; 2) долины населяют *мадьяры*, племя манджурское; к их наречию и племени принадлежат и *половцы* (*siculi, székelyek*), занимающие *семь* горских округов; 3) саксонские колонии в южных округах Трансильвании. Это иноплеменное заселение Русских гор, Русской Швейцарии, немало мешает хорошему историческому мышлению, потому что как только дело дойдет до так называемой Дакии, тотчас мысль там прекращается о природной Руси при взгляде на новое ее иноплеменное заселение. Так, многие попали в сети от этого обстоятельства, разбирая эпоху гуннов, или обров (аваров), и других племен народных, относящихся к той стороне, до 800-х годов.

Но все эти иноплеменники заняли Русские горы только с 800 года.

1. *Волохи*. Вообще говорят, что они потомки колоний Траяновых. Но колонии эти были переведены обратно за Дунай императором Аврелианом во II веке и **расселены по разным местам** как Мизии, так и Македонии. Вследствие этого часть Мизии, Верхней и Нижней, соединена была под особое управление и название *Средней Мизии*, или Побережной Дакии (*Mys Mediterranea* или *Dacia Ripensis*). Таким образом, снова исчезла так называемая Дакия по сию сторону Дуная, потому что опять вошла в состав Скифии.

Константин Великий, переводя столицу в Царьград, перевел еще некоторые итальянские колонии во Фракию, которую посему велел именовать *Романиею* (*Romania*).

В войнах болгар с византийцами болгарское правительство, отняв у них большую часть этой Романии и Македонии,

чтоб ослабить греко-римлян, почти все эти колонии в числе 30 000 семейств переселило в свои владения по сию сторону Дуная и расселило по разным местам гористым (Трансильвании и Валахии), откуда, наоборот, переместило за Балканы значительное количество болгар.

Итак, с IX века эти 30 000 семейных *румынов*, или *романцев*, или, как русь их называла, *волохов*, были рассадником всех ныне существующих волохов и молдаван по Венгрии, Трансильвании, Валахии, Молдавии.

2. *Мадьяры* или *угры* (венгры) вошли в Венгрию в X веке; с XI установили королевство, а особенная их орда под начальством *Тугутума* завладела Трансильваниею.

3. В XII столетии от нашествия татар на Новороссийский край *половцы* оттуда удалились в горы Трансильвании, где и ныне разделены на округа (*sedes siculorum*).

4. По опустошении татарами Венгрии правительство поселило в Южной Трансильвании *саксонские колонии* около городов *Сибина* и *Брашова* (первый из них эти колонисты называют *Hermanstadt*, а последний *Kronstadt*).

Вот краткая история заселения Русских гор IX века тремя иноплеменными, но совсем разноязычными народами.

Итак, обозначив эпохи новых поселений в Загорской, Закарпатской Руси, очищаются нам подлиннее ее старожилы, а именно племя русское. Если возвратить саксонцев – древней Бременской Саксонии, мадьяров с их единойязычными половцами – Дону, а волохов – Македонии или, лучше, Италии, то останется на месте одно племя – русское. Да и могли ли быть другие старожилы этой Швейцарии Восточной Европы, если она подымается на русской почве?

Сколько ни потерпела народность Руси, Горской и Загорской, от поселений иноязычных, однако и доселе уцелела. Еще с лишком 500 000 русских жителей живет и ныне по разным графствам Северо-восточной Венгрии; и если к этому числу закарпатской руси прибавить 700 000 руси, живущей в горах, с северной стороны Карпатского хребта по Галиции, Буковине и горной части Молдавии, то выйдет более 1 200 000

природной горской руси. Что касается до гор Трансильвании с их окрестностями в Венгрии, Валахии и Молдавии, то везде по ним рассеяны непреложные следы руси, но изложение которых должно быть предметом особенного рассуждения.

При сем не могу не упомянуть о ложном мнении венгерских историков, *будто русь переселилась за Карпаты вместе с венграми только в IX веке*. Принимая то, что перенесение мадьярских кочевьев с Дона за Карпаты, на Дунай, в тамошнюю степь, точно, можно назвать *переселением*, я не понимаю, каким образом можно назвать переселением в Венгрию (т.е. Загорскую Русь) русского народа, если он искони обитал не только до Карпатов, но сплошь и в Карпатах. Из этого положения оседлого и некочевого русского народа невозможно вывести ни малейшего движения, которое можно бы назвать *переселением*. Дело в том, что Загорская Русь с 1000-х годов стала носить название Венгрии; но как в ней оказался и русский народ, то хронисты вообразили себе прибытие его вместе с венграми из такой страны, которая в их время называлась бы Русью! Русские летописи помнят о переходе (888 г.) угров за Карпаты, но о переселении руси ничего не знают; венгерские же летописи начались гораздо позже и о переселении руси намекают вследствие того только, что это им так показалось. Хотя мнение это *чисто опрометчиво*, однако оно и доселе в общем ходу в Венгрии. Остается только увериться окончательно, что старожилы стороны Карпатской и Закарпатской по самый Дунай составляли искони часть русского племени.

Таким образом, определив себе народные или филологические, язычные пределы разных славянских племен до 800 года, мы отправимся далее к определению и отысканию подлинного жилища *обров*.

Мы уже видели, что обры к словакам, моравцам, богемцам ездили только гарнизоном и собирали подати. Рассмотрим теперь их отношение к Паннонии, или Словении (т.е. Задунайской Венгрии, Задунайской части Австрийского герцогства, восточной части Штирии, Каринтии, Кроации,

Славонии и части Боснии). Эта страна после ее отторжения Аттилою (в 452 году) от Италии подверглась разным нашествиям. *Ардарик*, служивший верно Аттиле, приобрел этой стране или племени существование независимое, которым она пользовалась около 100 лет, будучи управляема преемниками Ардарика до смут лонгобардских.

Имя Паннонии давно уже забыто; писатели VI века одни называли жителей ее личным их именем, *sthlavini* (словене, словенцы), а другие называли их по-гречески, *гепидами*, т.е. туземцами, для отличия от преобладающих народов; *ἡπαύδες* (от *ἡ* – страна, и *παῖδες* – мальчики, сыновья) значит природные сыны страны, или *туземцы*.

В половине VI века лонгобарды с берегов *Одры* завладели всем к югу до реки *По* и до Генуи. *Павел Диакон*, писатель VIII века, в своей истории лонгобардов пишет следующее об отношениях между правителями словенцев и лонгобардами.

561 год: «Между тем скончался *Туризенд*, правитель туземцев (*Rex Gepidorum*); ему наследовал *Кунимунд*, который, желая отомстить за старые обиды, нанесенные *туземцам*, сделал разрыв мира с лонгобардами. Но *Албоин* (лонгобардский) заключил (как видно, еще прежде) вечный мир с *обрами*, которые *прежде назывались гуннами*, а после от имени их царя (!) *обрами*, и после отправился воевать с *туземцами*. Когда туземцы двинулись против него, *обры*, согласно с тем, как условились с Албоином, напали на их *страну*. Кунимунд пал духом, когда получил печальное известие, что *обры вошли в его область*. Будучи стеснен движениями с двух сторон, он убедил прежде своих напасть на лонгобардов, которых, если бы удалось поразить, то тогда обратились бы на *изгнание гуннов из отечества*. Итак, завязалось сражение, в котором лонгобарды одержали победу и до того губили туземцев, что едва ли кому удалось спастись с места сражения, в котором Албоин убил Кунимунда, а из его черепа велел сделать себе чашу. Тогда лонгобарды приобрели такую добычу, что чрезвычайно обогатились. Но племя туземцев так расстро-

но, что с тех пор не имели более своего собственного правителя (ut ex illo iam tempore ultra non habuerint regem), но или подчинены лонгобардам, или же стонут под жестким игом гуннов, которые и доселе владеют их отечеством». Кажется, что к этому не нужен комментарий. Албоин женился на дочери Кунимунда, Розамунде, единственной наследнице.

Прибавим еще следующее место из Павла Диакона (lib. 4, cap. 7), чтоб пояснить отношения лонгобардского правительства к гуннской или обрской державе.

568 год: «Албоин собственную свою область, т.е. Паннонию, уступил друзьям своим, гуннам, с тем, что если когда-либо нужно было лонгобардам возвратиться в нее, то тогда возвратили бы назад. Таким образом, лонгобарды, выступив из Паннонии с женами и детьми и всем подвижным имением, отправились в Италию. Пробыли же в Паннонии 42 года, а выступили в апреле месяце, I индикта, на другой день Светлого Воскресения, а от воплощения Господня в 568 году».

Надобно заметить, что Павел Диякон под именем Паннонии не подразумевает здесь всей Словено-Краинской страны, так как уже прежде, по его же словам, гуннам или обрам принадлежала большая ее часть, но он разумеет только тот участок, которым владел Албоин со времени раздела, может быть, по праву жены, наследницы. Упоминаемые выше обиды, нанесенные туземцам, за которые произошло восстание как против гуннов, так и против лонгобардов, подтверждают их 40-летие. Этот участок, оставленный гуннам Албоином, был самый западный в Иллирии, или Австрийском герцогстве, или Штирии.

Но в то же время обры бушевали не только по Иллирии и Штирии, но и по Эльбе, в Ганновере и Турингене.

561 г. Пав. Диак. (II. 10): «В то время гунны, которых называют обрами, узнавши о смерти Клотария, напали на сына его, Жигиберта, который встретил их в Турингии, поразил у реки Альбы (Лабы)».

567 г.: «Обры опять воевали с Жигибертом и в тех же местах поразили войско франкское».

Там же, в 591 г.: «В это же время, король *Агилульф* (лонгобардский) послал какану (Бояну), царю обрскому, кораблестроительных мастеров, при помощи коих какан завладел во Фракии каким-то островом» (Paul. Diac. IV. С. 21).

В 599 г.: «В это время послы Агилулфовы, возвратившись от какана, объявили, что с обрами заключен вечный мир. С ними приехал и посланник какана проездом во Францию; он ехал объявить королям франков, чтобы так же соблюдали мир и с лонгобардами, как и с *обрами*. А между тем лонгобарды с *обрами* и словенцами (штирийцами) напали на Истрию и Далмацию и все опустошили огнем и мечом» (Paul. Diac. VI, сар. 25).

В 604 г.: «*Агилульф*, правитель лонгобардский, выехал из Милана в июне месяце и осадил *Кремону* вместе со *словенцами* (штирийцами), которых послал ему в помощь царь *обр*, и взял город 18 августа, и стены разрушил до земли» (Paul. Diac. IV, сар. 29).

Из этого видно, как далеко на запад тяготела Обрская империя. Взглянем теперь вкратце на юг, за Дунай, чтобы обойти обров со стороны Византийской империи.

Отношение обров к югу

С 560 года Дунай был границею между *обрами* и Византийскою империею, восстановленную Иустинианом Великим. Имя *обр* гремит с 560 по 620 годы по всему Дунаю, в войнах и распрях с царьградским двором. Эти подробности сохранил для нас в VII книгах *Феофилакт Симокатта*, писавший около 610 года, следовательно, современник отца Фредегария.

Из всего рассказа *Симокатты* ясно видно, что народные жилища *обр* были между Дунаем и Черным морем. Выпишем из *Менандра* и *Симокатты* некоторые приблизительные известия.

558–570 гг.

1. Посольство к *обрам* о союзе и посланные им подарки.
2. Анты разбиты *обрами*; умерщвление антских послов.

3. Второе посольство *обров* к Иустиниану I об уступке области.

4. Тайные намерения *обров* открыты Иустиниану. Послы их долго задержаны в Царьграде. Византийцы рачительно стерегут Дунай.

5. Послы *обров* возвращаются; оружие от них отнято.

6. Новое посольство *обров* ко Иустиниану об истребовании 80 000 червонцев ежегодной платы.

7. Речь послов к императору; их просьбы, угрозы и ответы императора.

8. Обрское посольство отправляется во Францию.

9. Союз и мир между обрами и франками.

10. Посольство лонгобардов к двору *обров* о союзе против словенцев и краинцев (*γῆπαιδες*) и война против них.

Читатель видит здесь, что сношения обрского двора с царьградским совпадают со сношениями миланскими и франкскими. В царстве обров монарх *Боян*, в Царьграде Иустиниан II; в Милане *Албоин*, во Франции *Жигиберт*. Отношение *обров* к Западу было чисто *тяготеющее* влияние первостепенной державы.

Сношение обров в 570–582 гг.

Обрский царь, желая завладеть страной между Савою и Дравой, заключает в оковы послов царьградских; отправляет посланцев к *Бону*, губернатору этой области; Бон, несмотря на свою болезнь, выходит им навстречу, не соглашается на требование посланцев, презирает угрозы обров. *Боян* велел 10 000 *гуннов кутогорских* (*τῶν κουτρίγοιρων, λεγομενον ουννων*) переправиться через реку Саву и опустошить Далмацию, а сам со всем своим войском переправился через Дунай и расположился между *туземцами* (*ἰών ἡπαιτῶν*).

Боян соглашается на перемирие за полученные деньги; отправляет посла в Царьград о возвращении себе области *Сремской* (*Sirmium*). Речь посла; отказ императора, который отпускает посла и велит приготовляться к военным действиям. Опять посольство обров; угрозы *Таргича*, посланника, и

гордость на аудиенции; император обещается отправить к *Бояну* цесаревича *Тиверия* чрезвычайным посланником. Новое безуспешное посольство обрвов. Война. Поражение *Тиверия* и мир. Обрское посольство ограблено на возвратном пути.

Некоторые сношения между дворами царьградским и обрским, относительно обуздания далматских славян.

Здесь необходимо заметить, что нынешняя Босния, Кроакия, часть Славонии, Герцеговина, Черногорье и Далматские берега были независимы как от византийцев, так и от обрвов. Примыкая к морю, защищаемые горами от пределов обрских и византийских, жители этих стран предавались незаконному грабежу на сухом пути, корсерству на море. Жители этих стран были *сербского* племени, и языка, и нравов. Трудно было задавить этих горцев-моряков, так что обрское, византийское и миланское правительство попеременно давали друг другу руку помощи против этого племени. Дипломат Менандр и Феофилакт Симокатта, описавшие события этого времени, обыкновенно называют их *sthilavi*, *sthilaveni*; но эти *sthilaveni* были, собственно, сербы боснийские, черногорские и далматские; и доселе еще славонец говорит по-сербски или по-кроатски.

Мы уже видели, что *природные словенцы*, т.е. жители Задунайской Венгрии, Штирии и краинцы, называются у них туземцами (*γῆλαῖδες*), что их страны обращены уже прежде в обрскую провинцию. Вообще, с 500-х годов страна между Дравой и Савою, как пограничная, была вечным яблоком раздора между гуннами (по Прокопию), обрами (по Менандру, Симокатте), болгарами (по Эннодию и Иорнанду) *с этой стороны*, а *sthilavi* (по Менандру и Симокатте), *gothi* (по Иорнанду, Прокопию и Эннодию) *с той стороны*. Но Велизарий, который этих *gothi* изгнал из Италии по сию сторону реки По, приобрел для Империи около 550 года и эту областцу. Около 510 года было жестокое сражение за нее между готами и болгарами, как описывает Павийский епископ Эннодий, дипломат Феодорика Великого. Первыми начальствовал *Peiza*⁶, вождь Феодорика, последними *Мунд*, внук Аттилы. Из этого видно,

что владения готов из Италии простирались к северо-востоку до реки Савы и до пределов Сербии; но Велизарий, отнявший от них Рим и Равенну, жестоко ограничил их в этом поморском углу. Едва прошло 15 лет, правительство царьградское решилось доконать этих готов, которые у Менандра слывут не готами, как у Эннодия и Прокопия, а *славенами*. Менандр хорошо их называет потому только, что и доселе по Далмации кроато-сербский язык называется *словинским*. Весьма странно и достойно внимания, что три разные славянские наречия называются *словинским*, или *словенским*. Чешское или богемское наречие в северо-западных жупанствах Венгрии сами жители называют *словенским*, а себя *словаками*; природные штирийцы и карниольцы себя называют *словенцами*, а язык *словенским*. Несмотря на это, между жителями *Пожуна* (*Presburg*), *Любляны* (*Laibach*) и *Дубровника* (*Ragusa*) такая же разница, какая только может быть между тремя разными народами. Это тождество имени в трех разных нациях такое *собачье* обстоятельство, от которого историки непременно должны сойти с ума. Природные словенцы одни только жители Штирии; несмотря на это, очень легко спутать понятия и вещи. Кто не знает этого различия, тот не имеет права брать в руки древних писателей и хронистов. Никакой Шлецер, никакой Гердер или Геерен, никакой Гизо, никакой Карамзин, никакой член Академии не имеет права судить об истории, приводить цитаты, если он не знает этого различия, ибо как ему понять, о ком, собственно, из этих трех племен говорят древние писатели? Если россиянин в XIX веке как славянин не имеет понятия об этом различии и путает понятия и вещи, то как их не спутать и иноплеменнику!

Надобно, однако, отдать честь древним, что они, приглядевшись к вещам вблизи, старались делать различие в вещах, называя их разными именами. Так, например, Прокопий и Иорнанд, писавшие около 550 года, далматских и боснийских лжесловенцев называют *готами*, а природных словенцев — *словенами*, как и чешских лжесловенцев. Менандр же и Симокатта первых называют *стлавенами*, а природных называют

природными же: ведь же слова *туземцы* или *ὑπαίδεις* значат то же, что *природный*?

Три дня сряду я с ума сходил, когда прочел у Симокаты, что *Боян*, царь обров, с 60 000 отличной кавалерии вступил в пределы *стлавенов* как неприятель. Да и как с ума не сойти, если прежде прочесть у Павла Диакона, что природная словенская страна давно уже превращена в обрскую провинцию? Как согласить это? Но, слава Богу, на четвертый день я попал на спасительную мысль, что Менандровы *стлавыны* значит именно то, что у Прокопия *готы*, а в самом деле то, что, собственно, было *кроато-сербское* племя. Но послушаем дальше содержание событий.

578–583 гг. Обрские послы убиты сербами

1. Обрский царь отправил в Лаврите и другим засавским старейшинам (των Συλαβηνων) послов для истребования *дани*. Но как те отказались, то дело дошло до ссоры, а после и до драки, в которой (эти славонцы) убили послов обрских.

2. Обры, из дружбы к византийцам, объявили войну славонцам.

Так как в 581 году (говорит Менандр) славонцы (т.е. сербы-кроаты-далматинцы) опустошили Грецию в такое время, когда царьградцам предстояла война с Персиею, то император через посольство упросил обрского царя *Бояна* пойти на них войною. Так как *Баян* был в дружбе с Тиберием, то охотно вступил в поход и из *Паннонии переправился в Иллирик* с 60 000 *тяжелой конницы* и опустошил страну славунувдоль и поперек. Поход этот случился не только по просьбе Тиберия, но и по личному негодованию Бояна (за умерщвление послов) (Menandr. I).

Из этого видно, что вся Сербия, Босния с Кроациею и Герцеговиною, называемая у Менандра *Иллириком*, ничуть не зависела от византийцев. К этой независимой стране принадлежал тогда и Истрийский полуостров.

С 582 по 610 гг. продолжалась жестокая война между обрами и византийцами по Сербии и Болгарии. Но после смерти

Симокатты, описывавшего эти события, никто больше из греческих писателей не упоминает об обрах.

Теперь обозрим еще то, что о них говорят западные хронисты.

670 год. Павел Диак. (V, 17): «После смерти *Агона* сделан князем Фриульским *Луп*. Но как *Луп* в отсутствие короля *Гримоальда* (лонгобардского) совершал у Павии многие жестоко, то, по возвращении его...»⁷.

О ВРЕМЕНИ РОЖДЕНИЯ НАЗВАНИЙ: ГРЕЧЕСКОЕ, ЛАТИНСКОЕ, НЕМЕЦКОЕ, РУССКОЕ ИЛИ ГРАЖДАНСКОЕ, СЛАВЯНСКОЕ ИЛИ ЦЕРКОВНОЕ ПИСЬМО

Известно, что носится в народе общее мнение относительно происхождения церковного нашего алфавита и почерка, будто они изобретены *Кириллом*. Так говорили *весьма многие*, так говорит и ныне еще г. Глаголев в своем умозрении (Ч. II. § 76): «Славянская азбука *изобретена* только в 863 году Философом *Константином* (в монашестве *Кириллом*) и братом его Мефодием, салоницкими жителями».

Нет ничего несправедливее этого мнения. Если кто обратит внимание на византийскую иконографию, надписи, а преимущественно на монеты IX, X и отчасти XI веков, то увидит на них церковные буквы, непременно заденет охота кинуться с жаром на эти священные памятники славянской старины. Но когда прочтешь слова греческие нашими церковными буквами, невольно руки опустишь. Разов с пяток обжегся я подобным образом над монетами, за Дунаем. Из этого выходит, что греки в IX, X и отчасти XI столетиях писали тем же самым уставным почерком, которым писали и русские до Петра Великого и которым и доселе печатаются наши церковные книги. Палеография доставит этому кучу примеров всякому любопытному.

Итак, Кирилл и Мефодий точно так же изобрели греческий шрифт IX века (принятый и болгарами), как и мой силистрийский молодой сиделец¹ изобрел нынешний греческий курсивный шрифт. Больше нечего сказать, как только то, что в *одно и то же* время с Кириллом и Мефодием стали писать греческим уставом разные болгаре, как и ныне, вместе с моим сидельцем, стали писать множество болгар новым греческим шрифтом по разным местам, потому что Кирилловы болгаре находились точно в тех же обстоятельствах, как и мой силистрийский сиделец со своими соучениками.

Но умные люди возразят: зато Кирилл изобрел буквы, необходимые для славянского выговора, напр. *-ж-*, *-б-*, *-ш-*, *-щ-*, *-ч-*, *-ц-*, *-ы-*, *-я-*, *-ю-*, *-ъ-* и т.д., потому что этих звуков нет в греческом языке.

На это скажем, что эти буквы (кроме сложных *щ*, *ы*, *я*, *ю*) не *изобретены*, не выдуманы, а просто взяты из *древнеславянского* алфавита, который ныне называют глаголическим. Кроме сего, рукописи Кирилла никто не видал, потому что она не дошла до нас. Следовательно, отделаемся *надвое* (дилеммой): а) если Кирилл уже употребил эти фигуры, то все-таки они *не его выдумка*; б) так как его рукописи никто не видал, то опять не следует сказать, что эти фигуры его выдумка. Это могли устроить его последователи тем вероятнее, что самая древняя рукопись нашими церковными буквами довольно далече отстоит от его времени.

Как бы то ни было, но мне негде говорить об этом важном предмете в бедной выноске; – поэтому я долг оставляю за собою².

в) *Сказка* (или лучше *высказывание*), что Кирилл *изобрел славянские письма*, принадлежит к мнениям *позднейшим, новейшим*.

Я спрошу вас: положим, что мой силистрийский сиделец сделал бы себе в болгарской литературе значительное имя, пишучи все греческими буквами, то ужели кто-либо скажет, что он изобрел эти буквы? Да ужели где-либо в Швеции, Богемии, Польше тех мужей, которые первые начали

писать латинскими буквами, объявлял кто-либо изобретателями латинского алфавита? Точно так же и Кирилла в IX, X и XI веке никто не мог объявить изобретателем букв, которые употребляли не только в Болгарии, но и по всем монастырям Греции. Мысль об *изобретении* менее всего могла вылиться из головы славян задунайских в IX, X и XI веках, но то именно, что никто так не был знаком и с греческим уставным шрифтом, как они, и, следовательно, никто так далек не был от мысли изобретения, как они.

Мысль об *изобретении* могла родиться тогда только, когда болгаре и греки отделились одни от других в своем почерке. Болгаре удержали навсегда *ломаный уставный почерк* (*literas fractas*) греческого алфавита IX и X веков, а греки, между тем, в XII, XIII, XIV столетиях переходили к *скорописи*.

Странными какими-то судьбами IX, X и большая часть XI столетия были самые темные века не только для Европы, но и для всей Византийской империи. С 800 г. по начало XII века писал в сей Империи почти один только император *Константин Багрянородный*, около 950-х годов. Остальное *писачество* состояло в переписывании по монастырям, *уставом* и *полууставом*, богослужебных книг. Писать *уставом* значит писать так, как сделал однажды под диктовку один казак: *полукружок, вышло с; палку, опять палку, еще палку, сверху перекладина*, и вышло **т**; *палку, и еще палку, в середине перекладину*, и вышло **н**; *палку и еще палку, вверху перекладину*, и вышло **п**; *кружок*, и вышло **о** и проч.

Если греческий алфавит с 800 по 1400 г. прошел, так сказать, *под палками*, то то же самое случилось в Задней Европе в эти годы и с римским. Римляне, приближаясь ко временам Цицерона, целиком приняли греческий алфавит на место этрусского, на котором писали не только они, но и вся Европа (этрусский был совершенно отличен от греческого). Проходя *темные века* под палками, этот *круглый*, *цицероновский* алфавит очутился в виде букв *угловатых* церковных. Это *так называемый* немецкий алфавит. На нем писаны по всей За-

падной Европе, по монастырям, не только богослужебные и богословские сочинения, но и летописи; следовательно, его можно назвать и испанским, французским, итальянским.

Наконец, когда наступил XII век, то не только в Византии явились писатели: цесаревна *Анна Комнина*, супруг ее *Никифор Вриений*, ученый *Киннам*, монах *Кедрин* и разные другие, но и в России *Нестор*, у немцев *Адам Бременский* и другие летописи по монастырям; у чехов *Козьма Пражский* и проч.

Крестовые походы расшевелили Европу и Восток; множество новых событий подстрекали и распространяли писачество. Таким образом, в продолжение последующих столетий алфавит как Восточной, так и Западной Церкви из устава переходил в *полуустав*, из полуустава в *курсив*, из курсива в *скоротись*.

Между тем *полуустав* и *курсив* одного и того же алфавита у двух разных народов, греков и болгар (сербов и россиян), так *разрознился* в формах, что с виду примешь их за два разные алфавита, точно так же, как и курсивы латинский и немецкий.

Наконец настало время изобретения книгопечатания. Так как первая цель изобретателей была распространение экземпляров латинской Библии, то выливали буквы в таких фигурах, какими она была писана, а именно *палочным уставом*; а вскоре стали им печатать и другие богословские латинские книги, не только в Германии, но и в Испании, Италии, Франции.

Между тем в Италии давно уже, после стольких веков темноты и унижения, проснулся дух патриотический (в XIV и XV веках); бросились на старый Рим и на памятники его славы. Стали откапывать и воскрешать его мертвый язык; кинулись на надписи памятников и проч., и, таким образом, получили свое начало две науки – *филология* и *археография*. Наконец к великому облегчению итальянских филологов и археологов послужило изобретение книгопечатания, и к успехам обеих этих наук. Но и наоборот, эта страсть к стари-

не причинила весьма ощутительное изменение в шрифте типографском. Один из ученых любителей старины, Manutius Aldus, поселившись в Венеции, завел типографию. Наглядевшись по всей Италии многих римских надписей и надивившись изящности их шрифта, он вздумал вылить из свинца совершенно подобный шрифт для *прописных* и для *строчных*, выгладил под их фигуру *угловатый палочный устав*. Таким образом, составил новый типографский шрифт, который он назвал *antiquae*, а мы называем *латинским*, между тем как прежний уставный с тех пор стали называть *monachales*, т.е. *монашеским* или *церковным*.

Вскоре *antiquae* приняты по всей Италии, Франции и Испании, а из сей в ее Нидерландах и Англии, наконец, в Польше. Богемия приняла только в XIX веке, так что одни немцы остались при первых *monachales*, которые с недавнего времени называются уже и немецким шрифтом, так как употребляются одними только немцами.

Подобному перевороту подвергнулся и у славянских племен греческий уставный шрифт. Старанием и иждивением волошских господарей болгарской династии приготовлены матрицы по образцу рукописей, писанных самым полным уставом, и, таким образом, образовался и у славянских племен типографский шрифт, удержавши весь характер IX и X веков.

Известно, однако, что впоследствии голландцы внушили Петру Великому *округлить* этот *угловатый* устав по способу и образцу *антикво* Мануция Алда. Таким образом, и у нас образовались *antiquae* и *monachales*, которые, однако, мы переводим словами: *гражданские* и *церковные*. Первые кроме России приняты и в Сербии, а последние удержала Русская Церковь, молдаване, волохи, болгаре и русаки в Венгрии.

Я забыл сделать одно замечание, а именно, что первые образователи типографского шрифта могли избегнуть *устав* и *полуустав* и, наоборот, выбрать *курсив* или же *скорпись*, как, например, это делали образователи армянского, гру-

зинского, персидского, арабского, монгольского типографского шрифта. Но почему и они этого не сделали? Потому что курсив и скоропись не так постоянны в своих фигурах, как устав; притом же в подобных рукописях буквы бывают связаны между собою, следовательно, в первую эпоху типографского искусства, в котором всякая буква создана на особой палочке, весьма трудно бы выполнить эту связь. По этой причине и другим еще предпочли первые мастера *крупный, понятный* и не связанный *стоячий* устав. Притом же начали печатать сперва священные и богослужебные книги, которые нарочно писались уставом, чтобы всякому облегчить их чтение.

Но скажете, почему греческий типографский шрифт взят не по уставу или полууставу, а по курсиву и скорописи? Причиною этому был тот же *Мануций*. Он решился учредить и греческую типографию; но 1) для сообщения филологии он не имел нужды в греческих богослужебных книгах, а в древних и средних литераторах; 2) литераторы эти дошли до него в новейших списках по последнему курсиву и скорописи; 3) он, будучи не в Греции, не видал образцов греческого богослужебного уставного шрифта. По сей-то причине он и был вынужден составить греческий типографский шрифт по находившимся под руками его рукописным образцам, не *стоячий, палочный, но наклоненный, скорописный, связанный*. Заметьте, что в старых изданиях по несколько букв *связано*, т.е. вместе вырезано в связи на одной палочке. Только в новейшие времена стали вырезать всякую букву порознь на особых палочках, так что из типографской *скорописи* образовался *курсив*. Форму же прописных Мануций снял с древних греческих надписей на камнях или на монетах, которых много он мог видеть в Италии.

Теперь раскройте перед собою греческую, латинскую, немецкую, русскую и русско-церковную печатную книгу и сравните эти разные шрифты одного и того же алфавита, и отметьте то ощущение, которое произойдет в вас от разницы во впечатлениях, производимых этими шрифтами.

Но обратимся к настоящей цели этой выноски, к названиям этих шрифтов, употребляемым в просторечии, т.е. к словам: буквы или шрифт *греческий, латинский, немецкий, русский* или *гражданский, славянский* или *церковный*, а именно к эпохе *рождения* этих слов, потому что в *искусстве* *поверять акты и дипломы* (т.е. критической прагматике) необходимо знать *время рождения слов*.

Итак, слово: «*буквы церковные*», как всякому известно, не старше 100 лет; оно пошло в ход с тех только пор, с коих пошел в ход и гражданский шрифт, для отличения старого от сего последнего.

Слово: «*немецкие буквы*» тоже не очень давнее, потому что тогда, когда этим *ломаным монашеским* уставом писали и печатали испанцы, французы, англичане, итальянцы, немцы, шведы и славянские племена Западной Церкви; слово «*немецкие буквы*» не имело бы никакого значения. Впрочем, и в то время, когда Италия, Франция, Испания, Англия, Нидерланды и ляхи оставили эти ломаные и принялись за *круглые, римские*, и в то время, говорю я, их не называли немецкими, а просто ломаными (*monachales, literae fractae, Fraktur-Buchstaben*). Название немецких стали носить они с новейших времен, с которых они употребляются почти исключительно одними немцами.

Если взять слово «*славянский*», то оно относительно своего происхождения находится в одной и той же аналогии со словом «*немецкий*» или с русским «*церковный*», т.е. что рождение выражения «*славянские буквы*» могло произойти только в то время, когда *угловатый устав* всей Восточной Церкви стал у греков принимать другой вид, другие формы от усиленного у них *писачества*. Тогда, конечно, по разделении *одного* на *два* родилась необходимость в новом имени; тогда, говорю я, *угловатый греческий* устав, нашедший прибежище и поддержку у болгар, венгров и россиян, мог принять название *славянского* (точно так же, как и *ломаный западный*, родившийся в монастырях Испании и Франции, а по обращении франками немецких племен перешедший и к

немцам, – *немецким*) для отличения его от *новогреческого*. Но это время рождения слова «*славянские буквы*» не может выходить далее *начала XII века*, хотя, впрочем, греческая иконография XII и XIII веков носит еще на себе всю печать букв, так называемых церковных.

Выражение «*греческий шрифт*» имеет двоякое значение, *общее* и *частное*. Если понимать под именем «*греческий*» вообще шрифт, употреблявшийся греками во все столетия их существования, какой бы он, впрочем, ни был, то это будет *общее* значение, потому что в нем таятся разные *почерки* разных столетий. Посему это слово не идет к нашему предмету, как неопределенное, и может быть употреблено только в истории *изменений шрифта у греков*.

Ныне же употребляемое выражение «*греческий шрифт*» означает только *почерк* греческой *скоротиси* новейших (XIII, XIV или XV) столетий, с которой *Алд Мануций* составлял типографский алфавит для греческих сочинений. Так как этот *скоротисный* почерк этих столетий далеко ушел от *угловатого* почерка Восточной Церкви (греко-болгарской) IX и X веков, то выражение «*греческий почерк*» родилось только с того времени, как *Алд Мануций* и его преемники распространили по Европе о нем понятие в тысячах своих печатных экземпляров.

Таким образом, шрифт, общий грекам и болгарам в IX, X и XI столетиях, разделившись в почерке в XII, XIII и XIV веках, в эти столетия мог потребовать для себя уже *два* названия: *греческого* и *славянского*, но не прежде; точно так же, как и *ломаный монашеский* на Западе не мог быть назван *немецким*, пока был общим и у прочих народов Запада.

Следовательно, выражение «*славянские буквы*» до XII века было *ненужно, неестественно, невозможно*.

Но мне сделают возражение, что в одной из булл папы Иоанна VIII (на которые с таким жаром опирается Шлецер в своем *Несторе*, часть II) к Великоморавскому князю *Святополку* от 880 году, между прочим, говорится и прочее, то есть³: «Наконец, *славянские* письма, *изобретенные* неким

Философом Константином, которыми воспевают должные Богу похвалы, по справедливости *похваляем, и повелеваем*, чтобы на *оном языке* говорились проповеди и возвещались дела Христа Бога нашего».

Сказанное показывает и доказывает, что приписываемые папе Иоанну VIII буллы сочинены в XIV столетии, т.е. что они *подложны*.

1) Выражение «*славянские письма*» есть явный анахронизм, ибо противоречит обстоятельствам палеографии.

2) Выражение «*изобретены*» заключает в себе явную ложь.

3) Употребление слова «*slavi*», «*slavicas*» в общем значении не старше XII века, с которого Нестор и Адам Бременский стали подводить под это слово все славянские племена. Итак, булла употребляет это слово или в *общем*, или в *частном* смысле. Если в *общем*, то это будет анахронизм, который показывает, что булла сочинена после XII столетия. Кроме сего, не заключает в себе никакого смысла, потому что иные племена (западные) писали латинским ломаным шрифтом, другие глаголическим, третьи греческим. Какие же письма булла называет славянскими? Если же в *частном*, т.е. в смысле того племени, которое само себя называло *словенцами*, тогда булла говорила бы о жителях Штирии, Каринтии, о далматинцах (их только и называли как византийцы, так и Италия словом «*sthlaveni*», «*sclavini*» и т.п.): но эти словенцы имели свой *отдельный* алфавит, так называемый глаголический, и доселе еще сохранившийся в Далмации. Но в этом случае не будет смысла в словах буллы, *глаголический* ли или наш *церковный* подразумевает она. Но булла говорит о Константине (в монахах *Кирилле*), изобретателе, следовательно, она говорит о болгарях. Но опять нет смысла, потому что неизвестно, в каком значении *греческий* алфавит, принятый болгарями, она величает *славянским*! Из этого явно выходит на проверку, что булла завралась анахронически, т.е. по понятиям, принадлежащим только XIV веку.

4) Булла совершенно противоречит историческим обстоятельствам и политическим отношениям IX века. В это время области, зависевшие от болгарского правительства (имевшего свое местопребывание в *Великой Преславе*, что ныне называется по-турецки *Эски-Стамбул*, т.е. Старый Царьград, или Столица, в *Балканах*), в Венгрии простирались до самых Карпатов, в России до пределов Смоленской области и по Вятку. К востоку это же правительство владело Сербиею и Кроациею; а Задунайская Венгрия и Штирия зависели от него на феодальном отношении. К югу владела она половиною Фракии и Македонии. По свидетельству византийцев тогдашнего времени, византийская половина Фракии и Македонии была заселена тоже болгарами, как и ныне, потому-то окрестности салоникские не раз слыли *Скифиею*.

Эту обширную монархию в VII и VIII столетиях византийцы называли *болгарами* (а в сущности, по большинству ее народонаселения, следовало называть *русью*), а западные – *аварами* (обрами). Я уже доказал (см. мое соч. *Скандинавомания и ее поклонники*), что *obr* на языке германских славян значит просто *великан* и что оно не есть настоящее имя народа.

Заметь же хорошо. Повелитель этой монархии, *Крум* (собственно *Крун*), семь лет воевал с Карлом Великим за Словению. Наконец франки победили, и Подунайская Словения причислена к франкской державе. Баварским фирштам повелено было учредить (или лучше стеречь) пограничную крепость (что ныне *Вена*). Война эта с *Крумом* на языке западных писателей называется *Аварской* (*bellum contra habages, avares*).

Вскоре этот же самый *Крум* затеял войну с византийцами; несколько раз осаждал Царьград безуспешно в начале IX века и, наконец, собираясь в поход и отправив вперед 5000 телег со стенобитными орудиями, занемог от простуды и внезапно скончался в апреле месяце. Смерть его подозрительна. Эту войну с *Крумом* византийцы называют

войною с болгарами. Следовательно, *авары* (обры) и *болгаре* – одно и то же.

Крум имел мысль, вроде мысли Петра Великого, устроить столицу на море; для этого он перевел двор свой из Преславы в Анхиал. Во время войны и в его, и сыновей его отсутствие из Анхиала византийская эскадра сделала вылазку на Анхиал, ограбила казну и увезла малолетнюю дочь его, как рассказывают современники. Между тем Крум во все свое царствование слыл гонителем на тайно обращенных болгар.

Брат его, *Драг*, царствовал недолго (замечательно, что наследство у болгар, как и на Руси, переходило не на детей, а на дядей). *Драг* тоже отличался гонением на новых болгарских христиан. Умер скоропостижно.

После *Драга* вступил на престол старший сын Крума, *Владимир I*. Он был мягок, не вел войн, ездил путешествовать в пределы Византии, был в Салонике, где, между прочим, он, язычник, посетил христианско-болгарское училище. Возвратившись, незадолго спустя внезапно скончался. Подозрение падает на языческих патриотов.

После него вступил на престол брат его, *Борис* (собственно Борич), тоже душа миролюбивая. В это время цареградцы стали заниматься пропагандизмом под покровительством благочестивой императрицы Феодоры. Сама она, несчастная мать в развратном сыне Михаиле, лелеяла высокую пленницу, архипринцессу Киевскую, Черниговскую, Рязанскую, Офенскую, Трансильванскую, Анхиальскую, Филиппопольскую: она ее крестила и воспитала в учении христианском.

По восшествии Бориса на престол начались переговоры о продолжении мира. Со стороны Бориса, между прочими, было условием *возвратить милую сестрицу*.

Феодора не могла не согласиться на требование, но чтобы питомица ее не осталась без духовного стража, то решились в Царьград отправить с нею духовника в страну языческую. Зная народную ненависть болгар к грекам, опасались послать с нею грека, который произвел бы подозрение насчет

княжны и двора, боялись тоже отправить в клобуке. Затруднение устранилось тем, что отыскали в Царьграде монаха, родом из болгар, а ремеслом живописца, именем *Мефодия*. Его переодели, т.е. сняли только клобук и надели шапку, и Мефодий сделался мирянином, и отпустили его в звании живописца ее высочества. Грека было опасно послать, потому что навлек бы подозрение и ропот на княжну при общей ненависти к грекам. Мефодий пробыл около 15 лет при дворе царя Бориса в звании живописца, а тайно бывши духовником царевны. Любовь к сестре, мягкость и доброта характера, веротерпимость царя Бориса не только развязали руки Мефодию, но и позволили свободнее дышать болгарам, тайно исповедовавшим христианскую веру, преимущественно в областях забалканских.

Подробности придворной жизни Мефодия, к сожалению, нам неизвестны: однако нам известны ее последствия, а именно: крещение двора и отменная образованность и ученость младшего Борисова сына *Владимира* (старший сын, *Пружан*, не хотел ни креститься, ни учиться).

Византийцы утверждают, что следующее обстоятельство ускорило крещение Бориса. Мефодий написал большую картину, на которой отлично был изображен *Страшный суд* и осуждение грешников и *язычников* на вечные муки. Эта картина так подействовала на царя, что решился креститься. Заочным восприемником был император Михаил; по этой причине и Борис в крещении принял имя *Михаила*, а сын его, Владимир, имя *Симеона*, под которым он большею частью и известен у византийцев, как именем не языческим. В Иоанне, экзархе болгарском, о нем говорится, что сам многое переводил на болгарский язык и что путешествовал по Греции. По вступлении на престол он был из величайших монархов и людей своего времени во всей Европе: несколько раз безуспешно громил Царьград (один раз вместе с *Олегом*); отправлял посольства к арабскому халифу о союзе против греков; халиф оплатил ему посольством, которое в 921 году и прибыло и члену которого, *Ибн-Фоцлану*, мы

обязаны за прекрасные известия о жителях поволжских того времени.

Как бы то ни было, но во Владимире II виден труд св. Мефодия, точно так же, как в Эпаминонде – труд Пифагорейца, в Александре Великом – труд Аристотеля, в Сципионе – труд Поливия, во Фридрихе II – влияние Вольтера.

Крещение болгарского двора совершилось почти в том же году, в котором Рюрик прибыл в Новгород. Болгарские патриоты и приверженцы *Перуна* и *Лады* возмутились так, что только около 870 году удалось двору угомонить недовольных.

Во время этого трудного времени Мефодий вызвал к себе из Салоники брата Константина и других болгар-христиан. Константин постригся и принял имя *Кирилла*. С тех пор подвизались они на поприще апостольском.

Вот вкратце все то, что известно от современных византийцев.

Источники болгарские ежедневно *закапываются*, как доказал нам с прискорбием отец Неофит⁴.

Относительно известия Несторова я в недоумении.

Теперь обратимся к буллам, приписываемым Иоанну VIII, и к латинским легендам.

Итак: ничто так не выражает подложности булл, как его повелительный тон. В булле к Мефодию, будто от 879 году, между прочим сказано: «Доходит до сведения нашего, что ты учишь не тому, чему Св. Римская Церковь проповедует, а вводишь народ в заблуждение. Почему сим апостольским нашим посланием *повелеваем* тебе, отложив все немедленно, явиться к нам, дабы...» и проч. Ниже: «Мы слышали также, что ты поешь литургию на *варварском языке*; почему посланием нашим *запретили мы тебе* петь литургию на сем языке...» и проч.

Жалкие выдумщики этой буллы XIV или XV века не сообразили, что папа Иоанн VIII мог запрещать или позволять Мефодию служить по-болгарски точно так же, как и нынешний папа, в 1836 году, может позволять или запрещать слу-

жить по-славянски новоучрежденному греко-российскому архиерею в Варшаве, и что точно так же мог требовать к себе Мефодия от двора болгарского, как и нынешний папа может вызывать к себе на ответ духовника российского императора!

Это явное противоречие буллы политическим обстоятельствам IX века показывает, что она сострепана в XIV или XV веке. Этот тон *повелительный* не существовал еще в IX веке; он родился только со времени Григория VII, т.е. с половины XI века. Этот *повелительный* тон явиться на суд принадлежит веку *Иоанна Гусинецкого* и *Мартина Лютера*.

5) Есть еще в буллах, приписываемых Иоанну VIII, и другие *поздненькие* выражения, например: «что ты учишь не тому, чему *Святая Римская Церковь*».

Чтоб это понять, нужно небольшое *предисловийце*.

Известно, что первый Никейский Вселенский собор созван был против Ария. Там установлен Символ Веры, в который на Константинопольском Вселенском соборе вставлены были некоторые пояснительные слова. На Ефесском Вселенском, чтоб предохранить текст Символа от изменений и разных толков, постановлено было запретить *самомалейшее* изменение в тексте Символа, установленного св. отцами в Никее. То же подтверждает и св. Кирилл, бывший на сем Соборе, в письме к Иоанну, патриарху Антиохскому, где говорит: «*И не только себе, но и никому другому не позволено изменять в Символе ни малейшего словца, ни выкидывать или прибавлять ни малейшей буквы, памятуя слова рекшего: Не сдвигай предела (межи), поставленного Отцами твоими*». На седьмом Соборе, после прочтения Символа, все единодушно вскричали: «*Мы храним постановленное св. отцами; мы тех, которые что-либо прибавят или убавят, предаем анафеме*». Равно и папа (лучше сказать, архиепископ) Вигилий в письме к Евтихию, патриарху Цареградскому, предает анафеме «*всякого, кто дерзнет учить тому, чего нет в Никейском и Константинопольском Символах*».

Соборы *Вселенскими* назывались потому, что на них съезжались духовные депутаты со всего христианского мира

и от всех народов. Только эти собрания *Вселенские* имели право решать и пояснять все затруднения в делах веры. Собрание духовенства какой-либо одной страны у себя дома, например армянского в Армении или испанского в Испании, не имело никакой власти и силы в догматах христианского верования.

Итак, анафема, объявленная депутатами всего христианства против изменителей Символа Веры, относится не только к этим провинциальным собраниям, но даже и к частным лицам. Итак, только один *Вселенский* собор имел власть прибавить или убавить к Символу Веры. Эта власть, принадлежащая только *одному Вселенскому* собору, выражена в самом Символе: «и *во единую* Святую *Соборную* и Апостольскую Церковь».

Наше слово *Церковь* (от *Circus*) не есть буквальный перевод греческого слова ἐκκλησία, т.е. *собор, собрание*. Веровать в *Собор* или *Собрание* (*Церковь*) значит веровать в его *решение*. Собор (*Собрание, Церковь*) назван *Апостольским* потому, что решения его имели силу решения самих апостолов. Кроме сего, назывался еще *Кафолическим*. Происхождение этого слова следующее: так как каноны Вселенского собора постановлялись со всеобщего согласия и одобрения отцов, то они назывались решениями: хата́ (по) τόν (словеси) τόν όλων (всех), а короче хаῦόλων, что по-французски можно буквально перевести: *selon tous*. Здесь -τ- предлога хата́ превратилось, по правилу греческого языка, в -λ-, потому что слово последующее начинается гласною с воздыханием (aspiration); из этого образовали сложное καῦολικς – *catholicus*, что значит *верующий в решения со всеобщего согласия Вселенского собора*. Итак, *catholicus* у нас переводится словом *соборную*. Прибавление слова «и *во единую* Святую» значит: верую в решения *одного* только Вселенского собора, признаю постановления *одного* только Вселенского собора. Впрочем, само собою разумеется, что Кафолическою Церковью называлось и все христианство, имевшее своих представителей на Вселенском съезде.

Таким образом, в отношении догматическом, в деле верования частных Церквей, т.е. частных учений, не допускал этот член Символа Веры, то есть не могло быть римского, или португальского, или армянского учения; в противном случае это объявляли ересью.

Конечно, позволялись и частные собрания, но не по вопросу догматов веры, а по делам управления паствою и внешнего иерархического устройства.

Между тем, как ни громили Вселенские соборы всех отступающих от всеобщего учения, все-таки Ариеево учение распространилось по всей Европе; в Италию занесли его остготы, во Францию и Испанию – вестготы, в Африку – вандалы. Не знаю, могли ли они на своем языке верно выразить мысль Ариееву, выраженную по-гречески; по крайней мере, не переставали спорить об этом предмете, за который вандалы в Африке гнали православных немилосердным образом.

Между тем как арианизм стал утихать, наоборот, с Запада догмат относительно Пресвятыя Троицы стал распространяться в новом виде против Никейского Вселенского. Послушаем об этом лучше римско-католического богослова *Газзанигу* (*Petr. Mar. Gazzaniga. Ord. Praedic. in Vindobonensi Universitate, S. S. Theologiae Professoris publici. De Aug. Trinit. Dissertat. V, cop. 3*): «Между тем как в Символе Веры, установленном св. отцами в Никее, а после поясненном несколькими словами на Вселенском Константинопольском соборе, читается о Св. Духе: *иже от отца исходящего*, – на Западе постепенно стали прибавлять слово *и Сына (Filioque)*. Вообще полагают, что первые вставщики этого слова были испанцы в исходе VI столетия, а именно: когда готы в царствование *Рекареда*, отвергнув ересь арианскую, приняли православное исповедание, как видно из актов *третьего Толедского собора* 589 года. Примеру испанцев (т.е. готов?) последовали французы, но когда, неизвестно. *Pithoeus* относит это к концу VIII века, что тоже подтверждает разными свидетельствами и доводами ученейший отец *Bernardus de Rubis*. В IX же столетии пели Символ с прибавлением *и Сына*

(*Filioque*) не только во Франции, но и в Германии. Наконец, с половины XI века приняли это в Риме и Италии, что видно из актов собора, созванного (вероятно, по этой причине) в 1054 году в Константинополе патриархом *Михаилом Керуларием*, и из его письма к *Петру*, патриарху Антиохийскому. *Вероятно*, в самом Риме эту вставку сделал *Бенедикт VIII*, когда в 1014 году по просьбе императора Генриха I велел в литургии громогласно пропеть Символ Константинопольский, как об этом свидетельствует *Berno Abbas Augiensis*. Этот поступок *Бенедикта VIII* не очень похваляет кардинал *Бароний*, когда говорит: *нам бы приятнее было остаться при священном тысячелетнем употреблении, нежели хвататься за нововведение*⁵.

Ниже, в VIII **возражении**, говорит Газзанига: Карл Великий отправил в 810 году в Рим *Бернария*, Вормского епископа, *Ессу*, епископа Амбианского, *Адаларда*, аббата Корбейского монастыря, к папе *Льву III*, чтобы упростили его одобрить постановление Ахенского собора 809 г. об исхождении Св. Духа *и от Сына* и чтоб он приказал это вставить в Символ Веры. Мудрейший папа хотя одобрил решение, но вставить в Символ *Filioque* никак не хотел, повинувшись постановлению св. вселенских отцов. «Я, – отвечал он, – не только не поставлю себя выше их (вставляя один, самовластно), но даже далек и от того, чтобы дерзнул сравниться с ними»⁶. Этого мало, чтоб отвратить и пресечь дорогу к тому опасному нововведению, он велел Символ Веры без малейшей вставки вырезать на двух серебряных досках по-гречески и по-латыни, и эти доски велел прибить в храме (старом) св. Петра⁷. Это рассказывает Смарагд, аббат монастыря св. Михаила в Лотарингии.

Конечно, и Бароний прав, и Лев III прав, потому что вселенские отцы догмат об исхождении Св. Духа взяли: 1) из Евангелия св. Иоанна (глава 15), следовательно, прибавлять слова к словам Евангелия предосудительно; 2) этот самый догмат взят со слов самого Спасителя; следовательно, всякая прибавка никоим образом не позволительна; 3) эта вставка

началась *самым частным* образом, распространялась тайком по Франции без ведома вселенских представителей и вопреки вселенскому же постановлению, и под анафемою от имени всех.

Не мое дело судить об этой вставке в догматическом отношении; мне нужно только историческое ее отношение. *Заметь хорошо*, что:

1) *Лев III* не посылал молнии анафемской на Карла V., потому что римские епископы тогда не имели еще власти, какую присвоили себе папы с XI века после Григория VII. Из того, что *Лев III* велел прибить православный Символ на стене, в храме св. Петра, видно, до какой степени тайно он не одобрял франко-германского нововведения.

2) *Лев III* в IX веке не знает о другом возможном учении, кроме учения отцов вселенских, т.е. Вселенской Церкви. И действительно:

а) До отпадения Запада от Вселенской Церкви, в XI веке, мысль об учении какой-либо частной Церкви была неестественна и невозможна. Да и что значило бы выражение: *учение Сирийской Церкви, учение Цареградской, Александрийской, Римской Церкви!* Другого учения, кроме *Вселенского*, никто себе не воображал; вот почему *Лев III*, как и все вообще, ссылался и мог ссылаться только на учение св. отцов.

б) Выражение: «*учение Римской Церкви*» могло пойти в ход только со времени ее отпадения от Вселенской, т.е. с XI века, или с принятия Римом *Filioque*,

в) От Газзанига ставит эпоху принятия Римом *Filioque* на 1014 год, по тому случаю, что, де, император *Генрих I* просил Бенедикта VIII пропеть публично (in Ecclesia Romana publice in missa) Символ Константинопольский, а это думает так только, говоря: «*вероятно, тогда*» (probabile est, etc.). Это одна только догадка, некстати привязанная к этому времени, потому что требование императора *Генриха I* пропеть православный (Константинопольский) Символ было, очевидно, в духе поступка Льва III. Если б эта вставка действительно была принята в Риме в 1014 году, то в Константинопо-

ле гораздо раньше созвали бы Собор и предали бы анафеме вставщиков. Но этот Собор был только в 1054 году. В этом году скончался *Лев IX*, почитаемый святым, следовательно, православным, в этом же году наследовал ему Виктор II.

Итак, всего вероятнее, что *вставка* в Символ принята в Риме только с 1054 году.

Так как дело идет не только о времени появления слов: «*учение Римской Церкви*», но еще и о времени слов: «*повелеваем, позволяем*», которыми нас угощают буллы, приписываемые Иоанну VIII, то это заставляет меня взглянуть вкратце на *политические* эпохи римской епископии.

Не надобно забывать, что *четверопрестоліе* основано Апостолами: в Александрии *св. Марком* Евангелистом, в Иерусалиме братом Господним *Иаковом*; в пышной и многолюдной столице Востока, Антиохии, *св. Петром*; в местечке Византе *св. Андреем Первозванным*. В Антиохии Петр Апостол учил 7 лет; число верующих до того умножилось, что явно стали именовать себя христианами, что и обратило на них внимание римского правительства. Петр был схвачен и отвезен в Рим, где и принял мученическую смерть. Отправляясь на мученичество, Петр Апостол оставил ключи своей паствы ученикам своим, *св. Еводию* и *св. Игнатию*.

Как ни были кровавы гонения римского правительства в продолжение 300 лет, христианство быстро распространялось и устроивалось в управительном отношении. Церкви, которые более прочих имели весу, каковы Александрийская, Антиохийская, Иерусалимская, Ефесская, Смирнская и другие, отправляли к верующим наставников, которые, наставляя, вместе наблюдали и за *единомыслием* в веровании, и за *поведением* обращенных: потому-то они и назывались *посланниками* (*пресвитеры*). За пресвитерами наблюдали епископы.

В продолжение этого времени в Риме менее всего, нежели где-либо, можно было ожидать новообращаемых при строгом внимании полиции. Конечно, и в Риме было небольшое собрание христиан, но оно состояло большею частью из

восточных уроженцев, живших в столице Империи по делам или из торговли. К ним приезжали посланные (пресвитеры) с Востока, который не мог не присматривать за своими в этом центре гонений. Вот почему в те времена все те, которые, как вообще говорится, были преемниками Петра, были или греки, или сирийцы.

Итак, небольшое общество римских христиан нельзя и в сравнение приводить с объемом и степенью восточных епископий. И после Диоклетиана такова была ненависть Рима против христиан, что Константин Великий не решался объявить в Риме христианскую религию публичною открытием для нее публичного храма. Это сделал его преемник, *Константий*, около половины IV века, превратив храм Победы (*templum Victoriae*) в церковь христианскую⁸.

[О ПРОИСХОЖДЕНИИ СЛАВЯН ВООБЩЕ И РОССОВ В ОСОБЕННОСТИ]

[I. О происхождении славян вообще] Ad. G. D. O. M.¹

Рассмотрев вкратце и разобрав самые важные, но запутанные места русской истории, обратимся теперь к главному предмету, а именно к происхождению самих россиян. Дело само по себе не кажется затруднительным, но различные сочинения, с некоторого времени существующие о сем предмете, и различный способ, коим руководствовались толкователи при своих изысканиях, навели на историю мрак, который нельзя рассеять без великого труда.

Здесь не могу не упомянуть об одном анекдоте. Однажды попался обстоятельствами в мою комнату один вольный хлебопашец из подмосковных, на столе у меня лежала тетрадь под заглавием «О происхождении россиян». Стоя неподалеку от стола, он заметил сие и не потерпел, чтоб не спросить у меня содержание сей тетради. Это были мои выписки из изысканий предшествовавших мне исследователей. Я сказал ему, что один ученейший историк здесь говорит, что прапрадеды русских были шведы и в Россию перешли из Скандинавии, и так что русские происходят из Скандинавии. Услышав это, он, в некотором изумлении отступив и перекрестившись, возразил: «Батюшки мои! Неужели? Это, верно, должен быть какой-нибудь

бусурман, который никогда не читал Св. Истории! Неужели он не знал из Св. Писания, что все народы произошли после потопа от Ноя и его трех сыновей!»

Мне не хотелось продолжать с ним разговор, и, чтоб его успокоить, я прибавил, что он пред смертью своею раскаялся на исповеди и отверг им сказанное, как нечестивое.

Признаюсь, что простодушное возражение сего поселянина вынудило у меня невольную улыбку, однако оно подало мне повод к важнейшим замечаниям. Оно весьма естественно, ибо если хотим вознестись к первому источнику человеческого рода, то необходимо довести до Ковчега Ноева. Нестор сам при начатии своей летописи начинает с Ковчега, разделяет старый мир между тремя сыновьями Ноевыми. Это показывается странным и даже предрассудным нынешним умникам, которые порочат древних писателей потому только, что они были монахи и что они не были такие ученые, как нынешние толкователи. При всех, однако, наших умствованиях мы невольно возвращаемся к словам этих монахов, основанным на Св. Писании.

Что весь род человеческий имеет один и тот же источник, это есть аксиома, которую излишне будет доказывать. Что этот род человеческий с самого начала уже стал разделяться с течением времен на разные *ветви*, кои, наконец, дошли до того между собою расстояния, в котором ныне находятся, это само собою разумеется.

Сии ветви со временем опять подразделялись на *отрасли*, между коими впоследствии сделалось расстояние довольно значительное.

Отрасли эти вновь временем разделены на *племена*, которые больше или меньше различны между собою.

Расстояние сие, различие сие между ветвями, странами и племенами состоит в языке, как первом и важнейшем признаке сродства между народами.

Чтобы представить себе повременное разделение или раздробление рода человеческого в точном виде, для этого нужно знать все существующие в мире языки. Одним еще

языкознанием можно рассеять тьму, царствующую во всеобщей истории.

Все народы, или языки, ныне существующие, имеют между собою большее или меньшее расстояние, т.е. разделились между собою прежде или позже.

Разделение коренного, так сказать, ствола на ветви есть их начало, или происхождение; *отрасли* же происходят от разделения одной ветви; *племена* же происходят при раздроблении одной отрасли. Итак, происхождение россиян отнести надобно к тому времени, когда от нее отделились, например, болгары, сербы, кроаты, чехи, поляки, варяги и прочие. Дальнейшее происхождение россосв заключается в общем происхождении славян, т.е. всех народов, заключаемых под сие общее имя.

Нельзя, однако, сказать, чтобы россы или какой-нибудь другой народ происходили от славян, ибо славяне есть только имя, которым часто прикрываются одноязычные, но разные между собою племена.

Поелику россияне суть один из главнейших славянских народов, то весьма кстати будет упомянуть прежде что-нибудь вообще *о славянах*.

Первый вопрос, который можно здесь сделать и который еще не решен историками: должно ли почестъ славян старожилами Европы или позднейшими переселенцами?

Прямого ответа на сей вопрос у писателей не нахожу; Карамзин на сей раз говорит запутанно, сомнительно, т.е. сам не знает, как сказать. Иные, придерживаясь буквально исторических явлений, полагают начало славян при первом появлении их имени в истории, не умея, однако, сказать, откуда они взялись, в сем затруднении они прибегают к всерешающему средству – к переселению – и, следуя своему воображению или привидениям, переселяют народы, подобно шашкам на шахматной доске, из одного места на другое. Почти общее мнение до сих пор было, что славяне существуют в Европе только с VI столетия потому только, что имя тогда только стало быть известным! Откуда же взялись они? Одни

говорят: такой-то народ так их стеснил у берегов Дуная, что все они распорхнулись оттуда и заняли две трети Европы; другие говорят, что это стеснение случилось на бесконечных полях Сармации (России); а третьи совсем не знают, откуда они взялись. Шлецер говорит², что «они теперь, по крайней мере по пространству, ими занимаемому, составляют обширнейший народ вселенной».

Это точно так; но прибавьте еще, что он был во все времена пропорционально обширнее прочих; но если он ныне есть еще обширнее, то в древние времена пропорциональное его превосходство должно было быть еще большее, ибо он претерпел великие ущербы в Германии, Италии, Греции, а после в Турции. И об этом огромном, необъемлемом народе толкуют, как о каком-нибудь племени в несколько сот верст в окружности! Не стану здесь исчислять всех исторических нелепостей касательно славян, для того чтоб их опровергать; это бы отняло у меня весьма много времени и места; я стану продолжать свои понятия в том виде, в котором они должны быть приложены к естественности дела.

Шлецер, который казался быть рассудительнее всех ему предшествовавших, на вышеприведенный вопрос отвечает довольно к делу. После исчисления разных имен частных варягов (Балтийской Славонии) прибавляет³: «Откуда взялось сие множество новых народных названий, о коих ни один грек, ни один римлянин во всю жизнь свою ничего не слышал? Или знали древние сих народов, но только под другим именем, что весьма обыкновенно. Часто один и тот же народ в описаниях путешествий и летописях в продолжение тысячи лет встречается под двумя, тремя и больше именами. Может быть, римляне вели частые войны в Паннонии, Карнии, Норике с настоящими славянами, но только не называли их славянами. Может быть, скифы Радегаста⁴ были чистые славяне, по крайней мере имя их предводителя есть чистое славянское. Или землезнание древних не распространялось и на сии страны, посему они столь же мало знали их обитателей, как обитателей Северной Америки или Японии.

Или они переселились туда в новейшие времена. Но для чего избирать именно сие последнее положение, между тем как оба предшествующие удовлетворяют вопрос? Почему выбирать оные без всякой нужды и без всякого поддержания и доказательств со стороны истории? Почему именно славяне не должны быть коренным и первобытным народом Германии, но только в V столетии переселившимся туда от Кавказа и Волги?»

Соображаясь со всеми понятиями, нужными критику в сем случае, нельзя не признать замечаний и вопросов Шлецера справедливыми. Несмотря на сие, они не суть еще полные, ибо здесь он обратил внимание преимущественно на одних балтийских славян: напротив, полный объем целого славянского народа придал бы его понятию полноту и вопросы его были бы решительными; как критик, ища положительного, он не нуждался бы в сомнительных выражениях: *если, может быть.*

Если взять в совокупности весь мир славянский и если удалиться к началу его бытия, то необходимо мы должны очутиться в древности за тысячу и более лет до Рождества Христова. Если греки или персы, коих можно сравнить только с десятою долею славян, уже существовали за 1000 и более лет до Рождества Христова, то можно ли подумать, чтобы и славяне не существовали тогда же?

Но если они тогда уже существовали, то под каким именем были они известны древнему миру и почему они стали проявляться под именем славян только с VI или V столетия? Ответ на сей вопрос, хотя бы и справедливый, нельзя дать прямо, ибо при подобной запутанности он показался бы странным, а может быть, для некоторых и непонятным. Вся беда состоит в том, что до сих пор исторические головошки все толковали буквально; у них, например, два названия одного и того же народа составляют два народа между собою различные, потому что эти названия составлены из совсем различных букв! У иных одно какое-нибудь племя славянское заключало в себе чистых немцев, потому что оно жило в

стране, называемой римлянами Германией! У иных целые народы, целые государства исчезают, потому что имя их как-то затерялось между листами летописей! Они все смотрят полузакрытыми глазами критики на внешнюю оболочку, так сказать, происшествий, не вникая совсем в естественность дела; отсюда-то происходят сожалеемые мненишки, коих нельзя согласить ни с историей, ни со здравым рассудком.

Чтобы не попасть в подобные заблуждения, необходимость заставляет рассмотреть вкратце постепенное народо- и землезнание древних; чтобы различить предметы, им современные, нужно смотреть и их глазами.

Род человеческий уже был в большом своем возрасте, когда изобретено было одно из первейших и необходимых пособий просвещения – письмена. Они вспеленаны, говорят, в Финикии и долгое время теплились на Востоке между финикиянами, ассирианами, в Палестине и Египте, откуда перешли и в Грецию: прочие же народы вселенной покрыты непроницаемою тьмою, под кою они таились. Если захотим удалиться мысленно к нашим предкам, современным *Моисею*, или *Санхониатону*, или *Кекропсу*, то взоры наши при появлении тьмы невольно сбиваются с дороги и проникают за мерцающим в отдаленной древности светильником к предкам чужих народов: израильтян, египтян, персов и проч. Во тьме нельзя ничего различить, посему и весьма естественно, что обращаемся к чужим светильникам, за лучами коих проникаем во тьму, чтобы отыскать прадедов наших. Но сколько должно быть осторожным, чтобы при этом не обмануться привидением.

Как называли ассириане и персы своих северных соседей, по недостатку древнейших их у нас историков нельзя сказать; тем меньше можно знать, как могли они называть народов Европейской России.

Греки, как видно из памятников исторической их словесности, имели весьма слабое понятие о Севере. Политическая деятельность сего народа заключалась в кругу своих соседей. Размножившись под нежным климатом на плодородной земле Греции, они отправляли свои колонии в Южную Италию, в

Сицилию, в Южную Францию, где была их знаменитая Мас-сийская колония (ныне Марсель), к южным берегам Малой Азии по Македонии и Фракии, в которой знаменитее прочих была Павсаниева, в окружности Византа (Константинополя). Предприятия их случались большею частью на море: Средиземное, в Архипелаге, и иногда в Черное море. Будучи разделены между собою на многие независимые штаты: вольные города, республики и небольшие королевства, они составляли между собою политическую систему, в которую входили и малоазийские небольшие королевки. Все внимание их обращено было на дела политические, на могущество соседних персов. Путешественники греческие имели в виду больше Египет и Восток, даже до Индии. К северу они входили в Черное море, по берегам коего составили некоторые поселения, из коих замечательнее городок Томы⁵ на южной стороне Дунайского устья, Олвия, Херсон и проч.

Сухим путем они редко проникали сквозь Балканские горы и живущие там народы до самого Дуная. Все пространство, лежащее по ту сторону к северу сей огромной реки, они называли Скифией⁶, народов же, в них обитающих, коих они совсем не знали, *скифами*⁷.

Сим именем называлась у них страна за Дунаем, Черным морем, Кавказом, за Каспийским морем, за Персией, коих они не знали, до каких пор распространяются. Появление зимы или снегу, коего они не испытывали в Афинах или Лакедемонне, в стране Зачерноморской возбуждали в изнеженном воображении греков отвратительное понятие о сей части мира. Суровость климата внушила им понятие суровости народов, с коими они не хотели иметь много дела. Сие имя заключало в себе всех различных народов, живших в стране, называемой Скифией, как россиян, латышей, финские племена, татарские племена. Посему название скифов, слишком общее и неопределенное, а посему ничего не значащее, доказывает ясно скудные сведения греков о северной части старого мира. Имя сие есть та оболочка, под которою скрываются все северные народы от взоров истории.

Трудно вообразить себе истинную причину нерадения греков к народознанию; кажется, положение, что чем просвещеннее народ, тем он любопытнее, заключает в себе неоспоримую истину. Впрочем, известно и то, что греки довольно пристрастны были к путешествию, но это было большей частью в Египет, Персию, Индию и к берегам Средиземного моря. Напротив, все задунайское покрыто было для них глупочайшей неизвестностью.

Некоторые из их писателей, чувствуя слишком общую обширность и неопределенность имени *скифов*, вздумали приискивать подробные или видовые, так сказать, названия народов. Сии-то названия суть не менее химерические, как и самое общее скифов, и не имеют другого основания, как только в деятельной фантазии греков. Подобного сорта суть названия, находимые у Геродота: *меланхленов*, *андропофагов* и проч., сложенные из греческих слов и заключающие в себе странные прозвища. Несмотря на сие, народы были им не более известными.

Из подобных прозвищ наконец сделалось более общим *ящероглазов* – *σαυροοφθαλμοι*⁸, которое стало распространяться на все пространство Европейской Скифии.

Римляне, которые во всем были учениками греков, переняли от них и сии бестолковые географические названия. У них ящероглазы, *σαυροφατοι*, превратились в *sarmato*, а вся нынешняя Европейская Россия с частью Пруссии, до реки Вислы, и Австрийскими и Турецкими владениями до Дуная – *Сармацией*, *Sarmatia*. Это стало входить в употребление только со времени Александра Великого. Итак, название скифов и Скифии стало относиться только к северной части Азии. Впрочем, название сарматов и Сармации так же химерическое, как и скифов⁹.

Сюда еще принадлежит и прочее множество подобных вымышленных названий. Народы, прилежащие к Черному морю, получили свои особые названия, в особенности живущие в Крыму названы *таврами* и *киммерианами*¹⁰, названия, существовавшие только между греками, их изобретателя-

ми. Впрочем, несмотря на сии мелкие названия, Сармация оставалась долгое время общим названием неизвестных задунайских стран и народов. Иные, однако, сию же страну часто называли и Скифией, народы и скифами, и сарматами попеременно.

Между тем растущее могущество римлян, которое не могло удержаться в тесных пределах Италии, долженствовало проникнуть вне оной. Прямо с севера природа поставила ему препятствие – непроходимые горы Швейцарии, Каринтии, Карниолии и Штирии, – оно хлынуло через Пьемонт в области Галлии (Франции), а через Истрию в Иллирик. При завоевании Греции и прилежащих к ней с севера стран они наследовали названия всех сих мест и сторон от греков. В отношениях завоевания Греции тоже нет ничего для нашего предмета, ибо народы негреческие, жившие в нынешней Болгарии, прикрываемы были названием страны *Верхней и Нижней Мизии* (Moesia)¹¹; а обитатели Сербии, Боснии, Кроации, Далмации, Славонии, Истрии скрывались под именем *иллириев* от *Иллирика*¹², общего названия сих областей. Невозможно предположить, чтобы римляне не познакомились коротко с сими народами, среди коих они ворвались с вооруженною рукою. Но, к несчастью, принятое однажды название не могло быть переменено, ибо употребление одно делается правилом; кроме сего, народы обыкновенно при первом знакомстве со своими соседями легче употребляют название нарицательное. Не стану угадывать, чему одолжены сии названия своим происхождением. Скажу только, что они подобно достоинству в истории, как и Сарматия, и Скифия. Не менее вредно было для истории обыкновение греков и римлян называть прочих народов *варварами*, как общим покрывалом несоплеменных им народов.

Завоевания в Галлии подали повод к узнанию тамошних племен, которые, однако, у римских писателей и преимущественно в *Записках* Цесаря носят или вымышленные, или частные, или местные названия. Все, что знаем в подробности о галлах, то оставил нам Юлий Цесарь в своих военных

записках, кои более заключают в себе описание военных действий. Дальнейшее распространение их оружия к северо-востоку приостановилось на Рейне.

Между тем, уйдя из Иллирика, они заняли все пространство удобопроходимое до реки Дуная, т.е. Венгрию Задунайскую, названную ими *Паннонией*¹³. Еще оставалась у дверей, так сказать, Италии та гористая страна, которой занятие стоило им немалого труда. Сия-то страна есть Итальянская, или Адриатическая, *Украина*, или, как тамошние жители называют, *Краина*¹⁴. Римляне по своему выговору сделали из нее Карнию – Carnia; отсюда название жителей сией *carni*, т.е. краинцы.

Шлецер об этом замечает¹⁵, что «название Краины (Grain) есть чистое славянское и имеет значение, весьма соответствующее положению земли. Вероятно, оно есть одно и то же, что Карния (Carnia), старинное название сей страны во время римлян. Сии и другие обстоятельства, взятые вместе, делают самую высшую вероятность, что еще во время римлян здесь употребляем был славянский язык и что венды не с 548 года сюда переселились, но суть настоящие древние карны (*carnien*, т.е. краинцы)? Ксему вся страна гориста; древние же языки и народы лучше всего сохраняются в горах, подобно кимврам в Валие и арнаутам (албанцам) в Эпире».

Замечание весьма справедливое. Но мы еще не добились народа; хотя не станем сомневаться, что сии карны были настоящие славяне, однако хотим их собственного названия, ибо имя карнов, или краинцев, есть только безусловное или почти местное. *Край, краина, область* и *страна* значит одно и то же, и они могут прилагаться и к землям прочих славянских племен. Впрочем, естественным порядком каждая краина должна получить свое название от имени населяющих ее жителей. Напротив, *карны* есть производное от *Краины* и значило в понятии римлян обитателей сей страны.

Из сей Краины (Carnia) произошли в последствии времени названия *Carniola*, т.е. меньшая Краина (уменьшит. от Carnia); а отсюда после Carniplia. В средние времена одна

часть краинцев (*carnia*) названа *carantani*, *carinths*, отсюда название особой области Каринтии (*Carinthia*), по-немецки *Karnten*, у Нестора же *хорутане*, – замечает Шлецер.

По-видимому, и Норик¹⁶ есть часть Северной Краины и состоял некогда из южной, или задунайской, части Австрийского эрцгерцогства и северной части Штирии. В Норике заметен еще след сего названия в городе Карнунте (*Carnuntum*), лежавшем при Дунае, неподалеку от Вены к востоку. Он был столицей всей окружной страны, или Краины, был долгое время главною квартирою войск, расположенных в Паннонии и Краине¹⁷, а часто и местопребыванием императоров, между коими преимущественно Антонина Философа, который здесь во время своего пребывания трудился над бессмертным своим сочинением. После упадка сего знаменитого города одно из важнейших селений славянских стало возрастать, пока сделалось достойным переселения в оные места правительства области; оно называемо было римлянами *Виндобоною*, ныне *Vienna*, от немецкого *Wien*. Замечательно, что заграничные славяне Вену называют Видень (муж. род).

Название Паннонии тоже не включает в себе ничего особенного; трудно угадать, откуда оно произошло. Впрочем, как часто названия происходят от самого маловажного обстоятельства, то можно бы подумать, что римляне, первые имевшие дело с начальниками жителей сей страны, у коих титул *жупанов* и *панов* был важнейшим и употребительнейшим, вздумали их назвать панами (*pannonēs*), отчего и страна прослыла Паннонией. По крайней мере известно, что ни один славянский народ не называл себя собственно панами или паннонами; римлянам же вольно было их назвать на первый раз как им попало на ум. Впрочем, можно со всей достоверностью полагать, что сия страна, будучи обитаема одним народом с жителями гористой Краины, собственно есть часть Краины, переименованная в Паннонию, которая после вошла в состав Венгрии.

Итак, открытие, так сказать, неизвестных земель римлянами распространялось только с их завоеваниями, коих приостановил Рейн и Дунай. Рим и Италия не были столь

многолюдны, чтоб выставить полки для занятия всей вселенной. Проникнув до сказанных рек, они приостановились, по коим как по линиям, протянутым природою, растянули пограничные стражи; в этом положении оставались они почти во все время их существования. Все, что случалось за сими линиями, им было неизвестно. Народы задунайские слыли у них по-прежнему под названием то скифов, то сарматов попеременно. Еще только оставалась обширная область между Вислою, Дунаем и Рейном, коей придали ничего не значащее и химерическое название Германии, которое столько же важно в истории, как Скифия и Сармация.

Не стану угадывать, почему римляне стали называть жителей сей страны *родными* (*germani* – родные)¹⁸ и какой именно народ они разумели под сим именем: это бы значило напрасно ломать голову. Скажу только, что сие имя есть общее нарицательное всем племенам Германии, коей жители по превосходству пространства были славяне и немцы. Напрасно сии последние приписывают сие название исключительно себе, что, однако, ни критика, ни история им допустить не может. Сие, однако, неудивительно, ибо они в своих изысканиях столько успели, что и латыши, и чухонцы одолжены их предкам своим происхождением.

Со времени Августа-императора до Карла Великого¹⁹ непроницаемым мраком покрыта была Германия и Сармация, сквозь который во II столетии довольно старались проникнуть бессмертные мужи: Птоломей, Страбон и Плиний. Они старались сказать что-нибудь подробнее о сих огромных пространствах, т.е. подразделить общее название сарматов и германов на виды или частные народы. Сколь было удачно сие их предприятие, критик должен рассмотреть с самым тщательным вниманием и осторожностью, ибо здесь должно открыться начало истории народов, живущих на сем обширном пространстве.

Здесь приведем главные из них места.

Птоломей²⁰: «Сармацию занимают: пространнейшие венедские народы в длину целого *Венедского залива*, а выше

Дакии певцины и бастарны, и занимающие всю Меотическую сторону язиги и роксоланы, и отдаляющиеся от них во внутренность атаксовии и алавны, скифы. Меньшие же народы Сармации, живущие около реки Вислы под венедами, суть гитоны и финны, после сулоны, за коими фругундионы, после аварины при начале Вислы, под коими омброны, после анартофракты, после бургионы, после арсигеты, после саборы, после пиенгиты и биелы около Карпата. От всех их более к востоку опять под венедами суть галинды, и судоны, и славяне до самых алавнов, под коими игиллионы и цестобоци».

Сие грек Птоломей; по-видимому, он считал под Сармацией и Германию, которой понятие произошло между римлянами, следственно, ему не было известно. Отдавая полную справедливость заслугам Птолемея, оказанным своему веку, нельзя, однако, никак основывать на вышеприведенном им множестве названий народов, большею частью вымышленных, или нарицательных, или местных. Исчисление подобных имен без порядка и без определения географического и вымышление названий наводят еще большую тьму на сию страну. Неужели кто подумает, что эти бестолковые названия существовали именно в Сармации, между ее народами? Нам нужны названия собственные, народные. Как трудно их добывались древние!

Плиний различает Германию от Сармации. Он мало знает о народах сей последней; напротив, он исчисляет главнейшие народы Германии, кои уже начинают появляться в римской истории под видовыми названиями. Он имел некоторое понятие, но неполное, о Балтийском море, которое он называет *Венедским заливом*. Что же относится до земель российских и народов, то у него они слывут под именем Сармации. Итак, еще и тогда, когда греки занимались различными новыми названиями сарматских народов, римляне еще долгое время оставались при общем названии сарматов.

Однако одна часть оторвана от Скифии или Сармации и стала быть известной под именем Дакии²¹, которую составляли Трансильвания и восточная часть Венгрии до реки Тисы. Таким образом Сармация вытеснена за горы Карпатские.

В продолжение первых трех столетий народы, нападавшие на римские области из-за гор Карпатских, т.е. из Руси, у историков римских и у самих римлян слыли под одним обыкновенным именем *сарматов*, а иногда *роксолан*.

Константин Великий²² заключил с ними договор, по силе коего они должны были взаимно помогать один другому, посему они слыли у римлян под именем союзников (*sarmato foederati* или просто *foederati*). Пользу сего союза ощутили незадолго после сарматы, ибо при стремлении на них появляющихся с севера готов император должен был выступить в их защищение. Впоследствии множество сарматов вступило в службу римлян, и образованные из них полки и корпуса распределены были в Паннонии, Иллирике, Норике, Реции²³, Северной Италии; другие полки их вместе с полками летов (т.е. литовцев и латышей) высланы были во Францию, в коей северной и восточной части по Рейну были расположены для охранения границ.

Странно, что римляне, по-видимому весьма коротко познакомившиеся с сим народом, не оставили нам собственного их имени! Неужели они не знали, что сей народ не называл себя *ящероглазыми*? Но: неужели не знали русские или прочие славяне с самых древних времен, что известный им народ не называл себя никогда *немыми* или *немцами*, а *дайчерами*?²⁴ Скажем еще, неважный случай произвел название, коего употребление невольно превращается в закон.

В III, IV, V и VI столетии готы²⁵, народ, вышедший из-за Карпатских гор и ворвавшийся в пределы Империи, обращал в действие и солдат римских, и историков. Он нанес удар имени сарматов, которые после изгнания их из византийского удела еще встречаются несколько раз в листах латинских летописей, а в греческих под старинным своим названием скифов, и являются на том же месте, где и прежде были под сим именем и роксолан.

Готы же, вступившие в Италию, а другие во Францию и Испанию, война, веденная с ними в Италии в правление императора Юстиниана²⁶, — дали повод к представлению себе сего народа великим, огромным.

Имя сие, столь грозное, до сих пор еще остается в истории загадкою. В сей темноте происшествий бродили новейшие исторические умы по произволу без путеводителя. Из писателей VI столетия имеем двух только: Прокопия, адъютанта генерала Веленария²⁷, описавшего войну с готами в Италии, и Иорнанда Гота²⁸, епископа Раввенского в Италии же.

Иорнанд, взявшийся за перо, чтобы описать дела своего народа и своих предков, начертал свою историю без порядка, хронологии, географии, самые отдаленные происшествия у него смешаны с настоящими; будучи пристрастен крайне к славе своих единоплеменников, посему умалчивает большею частию поражения их римлянами. Будучи рожден в Италии, он имел поверхностные недостаточные сведения о Севере, первой колыбели его предков, о происхождении коих он писал, как ему вздумалось, а о древних деяниях по слухам, коих он переиначил, преувеличил или совсем выдумал, чтобы представить своих братьев, обыкновенно слывших в Италии и Греции варварами, завоеванным итальянцам в самом выгодном виде.

По его мнению, самые северные страны Европы были за Днестром, у него Висла впадает в Северный океан, он думал, что *Сканция*, или Швеция, есть настоящий остров, из коего, как лежащего напротив устья Вислы, ему показалось, что его предки вышли, потому что они устремились на юг из первых своих седалищ от реки Вислы и Немана. Несмотря на все писанное Иорнандом, нельзя ничего узнать характеристического о народности готов, одно только имя носится в истории, которое после исчезает, подобно *скифам* и *ящероглазым*.

Не надобно, однако, думать, чтобы свидетельства из Иорнанда не годились для критики, т.е. что все его сочинение ложно. У него можно найти много мест достойных внимания, именно больше обстоятельства, ему современные. Прочее же, что он описывал, случившееся за 3, 4, 5, 6 и далее до него столетий, должно подвергнуться сомнению и критике.

Он важен для истории в отношении к своему столетию, и тем паче, что он из первых, кои упоминали о славянах,

привел славянские названия рек Днепра (*Danaper*), Днестра (*Danaster*), прежде называемых *Borysthenes* и *Tyras*. У него место сарматов заступили другие названия, уже не так химерические. Прибавим здесь его известия. Описав пределы Скифии вообще, в том виде, как мы ее видели выше, он продолжает: «с левой стороны коих (Карпатских гор) к северу и от источника *Вистулы* чрез неизмеримое пространство сидит многочисленный народ *венетов*, коих названия хотя суть разные, смотря по их семействам и местопребываниям, преимущественно, однако, называются склафинами и антами. Склавины от Новиетауна и озера, называемого Мурсианским, простираются к северу до Днестра и Вислы».

Прокопий, современник Иорнанда, обитателей Руси называет бесчисленными народами антов²⁹.

Вот, наконец, имя славян! Однако оно не одно, а вместе с венедами и антами и множеством других названий. Итак, наконец, сии народы перестали называться *ящероглазыми*; не потому ли, что Иорнанд не был римлянин, а варвар, а именно гот, и посему лучше мог знать что-нибудь о сих народах. Сии имена, однако, не составляют еще совершенного открытия. *Венеды*³⁰ и анты³¹ суть названия еще неопределенные и нарицательные. Невозможно подумать, чтобы многочисленный сей народ, по указанию писателя сего живущий по всей нынешней России, называл себя венедами. Сие название, очевидно, есть чужого происхождения, точно как и анты. Посему естественно, что сей народ называл себя особым, своим собственным именем, между тем как Иорнанд, Прокопий или Аммиан Марцеллин в Греции и Италии называли его венедами или антами. Нам же сие-то собственно название и нужно.

Какое же должно быть сие собственное название? Теперь еще темно; нельзя дать ясного ответа, пока мрак сей в истории не рассеется.

Последующие два столетия, VII и VIII, суть те, в коих светило просвещения и литературы стало погашаться в самой Греции и Италии, посему они самые темные, самые варварские. Север еще покрыт тьмою. Наконец, возникающее мо-

гущество франков на западе и сношения их с просвещенными аравитянами в Испании и памятниками римлян в Италии отворили им путь к любопытству, следственно, и к наукам. Кажется, Провидение предоставило одному их королю воспламенение наук и озарение севера. Карл Великий в 800 г. сложил торжественную присягу папе защищать и распространять мечом истины христианской религии.

Исполнение сего обета первые почувствовали в Германии два немецкие народа, бои и саксы³². Покорение сих двух племен франкам и Церкви открыло мало-помалу путь христианской религии в Вандалию, Дакию и Швецию.

Между тем на северо-востоке Европы вышеупомянутые многочисленные венедские и антские народы, сделав нападение в 863 г. на Константинополь³³, насилу выучили греков своему собственному имени *россов* и так, наконец, насилу заставили исчезнуть названия скифов, ящероглазов, венедов, антов и проч.

Но неужели нет следов имени сего многочисленного народа до IX столетия? Есть явные следы в *роксоланах*. Сие слово сложное от $\rho\acute{o}\varsigma$, собственного имени самого народа, и $\acute{\alpha}\lambda\alpha\nu\omicron\iota$ – кочующие (от $\acute{\alpha}\lambda\alpha\omicron\upsilon\alpha\iota$ – кочую).

Иначе быть не может; греки имели самый необходимый случай познакомиться с сим народом в своих колониальных городах, построенных по берегам Черного моря. Иорнанд сам свидетельствует при описании Скифии: «Она (Скифия) в той части, которую прилежит к Черному морю, заключает немаловажные города, как: Борисфениду (Киев), Олвию, Каллиполиду, Херсон, Феодосию, Кареон, Мирмикион и Трапезунт³⁴, которые непобедимые скифские народы позволили грекам выстроить для снабжения их товарами». В сей-то части Скифии и соседственной Молдавии и Валахии все древние писатели полагают роксолан³⁵.

Имя аланов³⁶, т.е. кочующих, есть так же неопределенное, как имя сарматов; оно придаваемо было часто писателями народам без различия народности, т.е. языка и места, посему оно было только прилагательное или движимое. Часто летописцы,

не умея назвать какой-нибудь народ, называли его кочевыми, аланами. Посему встречаем аланов то за Каспийским морем, то около Кавказа, то в Новороссии, то в Литве, то в Германии, то во Франции и, наконец, в Испании. Кажется, что здесь странствование одного только имени, а не народа. Подобные странствования составляют переселение народов 5-го столетия.

Греки, у коих имя ρῶς большею частью несклоняемо, или для удобства употребили более сложное росо-аланов, или т.к. они именем аланов означали и других народов, то для определения, каких именно аланов хотели разуметь, употребили название росо-аланов, которое по свойству греческого языка в *россоланов* или *роксоланов* сократилось³⁷.

Название антов, прилагаемое народам задунайским, не менее поверхностно, как и сарматов. Оно взято из латинского языка, посему одолжено римлянам своим происхождением. *Anto*, или *antes*, назывались у них первые двери какого-либо строения или вообще вход во что бы то ни было. Так они называли и первые задунайские страны, как бы вход в Сармацию. Посему и народы, вообще живущие в прилежащих к римским пределам областях, назывались антами (*anto* или *antes*). Преимущественно же сие название придается стране, ведущей от Дуная во внутренность Сармации или Скифии между Дакией и Черным морем.

Сии-то *анты* суть у Прокопия то, что у других *роксолане*. Он говорит³⁸, что «прочее пространство (т.е. от Азовского и Черного моря) к северу занимают бесчисленные народы *антов*».

Правда, что прочие роксолан ставят только в Валахии, Молдавии, Новороссии до Днепра; в этом, однако, нет никакого противоречия, ибо на прочую часть России, менее известную, греки выдумали странные имена: галиконы, *арсигеты*, тиригеты, *геты*, гепиды, скордиски, амаксовии, иппомоклии, споры, ипербореи, номады, меланхлены, иппофаги, арпии, алипзуры, боиски, бастарны, бисны, андропофаги, тавры, киммериане, кинокефалы, дромиты, тетракситы и множество иных пород летописных чудовищ.

Пусть же разберет, кому угодно, сии названия. Мне довольно будет растолковать некоторые.

Галиционы, по-видимому, означают россос-галичан, названных так по городу их Галичу в Червонороссии, т.е. Красно-России.

Тиригеты (tyrigeto) – название местное жителей берегов Днестра (Тугас). Видно, что и арсигеты и геты суть подобные названия. Имя *гепидов* носится то над Каменцом-Подольским, то в Трансильвании, то по Северной Венгрии.

Амаксовии (от αμαξα – повозка и βίος – жизнь) – живущие на телегах.

Иппомоклии (hippomoclii, у иных hippomolgi, от ἵππομοκλιον – подпора) – подпирающиеся, т.е. ходящие с палками или дубинами в руках.

Споры (σπορ, от σποραδῆτ – живущие рассеянно) – рассеянные. Разумеется, что скотоводный народ по необходимости должен жить рассеянно, сообразуясь выгоды пастбищ. Сию рассеянность поддерживать может плодородие и выгодное положение почвы, предлагая на всяком месте удобность для поселения. Кроме сего, замечательна аналогия в составе селений в Малороссии, коих дома разбросаны по участкам земель, к коим они принадлежат. В сем отношении замечательна более всего земля роксолан (Новороссия, Молдавия и Валахия) – плодороднейшая и способнейшая для скотоводства в целой Европе.

Иперборейи (от ὑπερ – над, выше и βορρεια – север) – живущие над севером, надсеверяне, северяне; по понятию древних, в Великороссии.

Номады (от νομῶ по дорическ. наречию, вместо νέμω – пасу) – пастухи, скотоводцы.

Меланхлены (melanchlaeni, от μελας – черный и χλαίνα – верхняя одежда) – черноризцы.

Иппофаги (от ἵππος – лошадь и φαγω – ем) – конееды.

Андропофаги (от ἀνθρωπος – человек и φαγω – ем) – людоеды.

Кинокефалы – псеглавые.

Арнии (от *άρνη* – коса) – косари, косцы.

Дромиты (от *δρομος*) – скорые и проч.

Тавры – обитатели гор Тавров. Подобное происхождение и прочих названий, о коих всех ни малейшего понятия, ни слуха не имели те народы, коим они приписывались.

Итак, между тем, как сии и другие подобные названия носились над народом России в понятии греков, сам сей народ назывался своим собственным именем. Итак, почему полагать, что россы-аланы жили только в Южной России, прилежащей к Черному морю, полагаясь на том что по свидетельству таких-то иностранных летописей в прочих частях ее жили другие народы, или, лучше сказать, бестолковые названия? Для чего не сказать лучше, соответственно требованию естественности, что роксолане не называли себя ни роксоланами, ни росо-аланами, как они слыли у греков и римлян, а просто *россами*, что сие название принадлежало как собственное не только жителям страны Черноморской, по близости и торговым сношениям более известным грекам, но и обитателям прочих частей России, коим греки, как менее знакомым, придавали выдуманные нарицательные названия? Ведь спустя два столетия сии же самые роксолане после нападения своего на Константинополь обнаружили свое чистое имя россов и во время Святослава и Владимира Великого показались во всем своем величии и пространстве. Птоломей, указывая на Россию, называет их «*maximo gentes venedo*», величайшими венедскими народами, Прокопий же: «*antarum populi infiniti*»³⁹ – бесконечные племена антов. Неужели это неправда? Иорнанд говорит: «*per icumensa sparia Vinidar nano populos a concsvir*»*.

Теперь взглянем на весь объем россов в древних их границах. Если прибавить к настоящей нынешней России часть царства Польского до реки Вислы, Красную Русь, т.е. Галицию, Северо-восточную Венгрию, в которой они сквозь Карпатские горы проникают к югу до *Дебрецина* и Великого Ва-

---

* На безмерных пространствах расположилось многолюдное племя венетов (*лат.*). – *Прим. сост.*

радина (Над-Варад по-венгерски, Gross-Wardein по-немецки), Молдавию и по большей части Валахию, где их нашли переселившиеся туда из Трансильвании и Венгрии сии народы, – действительно, оправдывается сказанное древними. И в самом деле, нет в целом мире под одним и тем же именем столь обширного и многочисленного народа, как россы.

Сия его обширность была уже во время Владимира Великого, сие его превосходство пред прочими народами шло пропорционально с самой отдаленной древности. Он только мог занять все пространство между Волгою, Доном, Черным и Балтийскими морями, он в отдаленные времена называем был скифами, сарматами и раздробляем был на разные вымышленные названия, кои все при озарении Севера просвещением испарились подобно дыму, исчезли подобно привидениям.

Итак, что сказано о сарматах или роксоланах у древних, относится только к россам.

Но обратимся к славянам. Мы уже упомянули, что на их счет различные толки произошли. В первый раз они появляются в начале VI или в конце V столетия. Поговорив о важнейшей отрасли славян – о россах, теперь обратим внимание на прочие.

Первые известия о славянах, т.е. у Менандра, Прокопия и Иорнанда, касаются одних южных, т.е. Адриатической Украины, не относя его никак к северным, а именно германским и сарматским, о коих они упоминают под особыми названиями, как мы уже отчасти видели.

Итак, под именем славян у вышеупомянутых писателей разумеются только римские, т.е. живущие в областях Римской империи, о коих мы теперь вкратце поговорим.

Прежде всего обратим внимание на самое имя славян. Многие из охотников до истории поторопились объяснить происхождение сего названия; некоторые из славянских патриотов заставили родиться славян от самой славы. Не стану догадываться, каким образом и откуда произошло сие название; хочу только знать, собственное ли название оно какого-нибудь народа или нарицательное.

Мы видели выше, что нельзя признать ни паннонцев, ни краинцев, ни карантанов, ни нориков, ни иллириан собственным названием тех народов, коим они придаваемы были.

Ныне мы знаем, что краинцы (сюда относятся и паннонцы, и норики) сами себя называют *словенами* (*slowenci*), в Северо-западной Венгрии – *словаками*; язык свой оба называют *словенским*.

Для чего же производить славян от славы? Кажется, что римляне, некогда владыки мира, который они наполняли своею славою, никогда не вздумали называть себя славными. Для чего приписывать сие название и тем народам, кои им никогда не могли называться, не назывались и не называются?

Явно, что *славяне* есть то же, что *словенец* – собственное название римских украинцев, кои у Иорнанда и Прокопия упоминаются под именем *sclavini*. Посему сии словене не суть одно и то же, что анты и венеда сих же писателей. Сих двух последних они не знали собственного имени, потому их и назвали венедами и антами. Между тем краинцы, будучи в пределах самой Римской империи, у дверей, так сказать, Италии, естественно должныствовали гораздо прежде сообщить писателям свое собственное название, которое в отношении времени к соседям их римлянам обнаружилось довольно поздно, а в отношении к прочим европейским народам всех прежде.

Иорнанд принял в образец своих близких соседей (он писал в Раввене, что в Италии, около 551 года) краинцев, коих мы станем впредь называть настоящим их названием – *словенами*, с коими он сравнивал другие так называемые славянские племена; по сродству с ними он причислил к ним и живущих вблизи их хрватов Кроации, Далмации и Славонии и сербов Боснии и Сербии. В последствии времени против воли самих хрватов одной части их земли прилеплено историками и дипломатами название славянов (Славонии). В Задунайской Венгрии (Паннонии) обитали самые словене, в Северо-западной же Венгрии до Моравии словене же (словаки). Австрия, Штирия, Каринтия, Краина, Истрия суть об-

ласти словен. Вот славяне настоящие Иорнанда и Прокопия. Что Иорнанд сказал, что словене простираются от страны Румунской (римских поселений в Банкате⁴⁰, Трансильвании и части Валахии, т.е. от волохов) и нового города, ими построенного, простираются к северу до Днестра и Вислы, то ясно доказывает, что он причислил к словенам на юге хрватов и сербов, на севере же, за горами Карпатскими, часть чехов-моравлян, часть поляков и частицу россов. Сродство сих народов со словенами, незнание тех мест и собственных названий сих народов легко ввели его в подобное мнение.

Сами византийские писатели в своих известиях о славянах именно указывали на одних только вышеупомянутых настоящих и мнимых словен. О россах же они бредили долгое время именем скифов, роксолан, а наконец, настоящим их именем.

Франки прежде всех познакомились с сими словенами во время их походов в Италию против лонгобардов⁴¹, с которыми они жили смешаны до самой Венеции. После завоевания бойев (немецкого племени – т.е. баварцев) Карл Великий проникнул по Дунаю в самую Австрию и часть Паннонии, в коих нашел опять словен, еще один и тот же народ, с коим познакомился в Северной Италии. Спустя далее к северу, покорив немецкое племя на восточных берегах Рейна, опять встретился около реки Сали и Елбы с народом, коего язык был похож на словенский. Это были германские сербы и северные варяги. *Егингард*⁴², статс-секретарь императора, распространял название словен из-за Дуная и на всю часть Германии до самого Балтийского моря, коего жители показались ему им единоплеменными, в чем поддержать его могло обстоятельство, что сии народы имена свои имели преимущественно оканчивающиеся на *-слав*.

Может быть, он бы нам оставил полнейшие сведения о сих соплеменниках словен, если бы Карлу удалось проникнуть во внутренность оных, но император, добившись победы посреди их до Елбы, из-за сей реки встретил сильное сопротивление; он довольствовался для обеспечения своих ново-

приобретенных саксонских и славянских владений по ту сторону Елбы выстроить по сей реке укрепленные места, между которыми был главнейшим Гамбург. Егингард оставил нам только некоторые местные или частные названия варягов.

Адам Бременский следовал Егингарду (саксонцы во франках, своих обратителях, имели и наставников), он отверг нарицательные названия сих племен венедов, вандалов, свеннонов, квадов и проч., прилагаемые им древними, и дал им, однако, им чуждое, имя словен. Адаму, как древнейшему, последовали и Гельмольд, и все средние и новейшие писатели западные.

Замечательно, однако, что простой народ немецкий, не следуя сему нововведению писателей, продолжал всегда и еще продолжает называть их *вендами*. Что же имя славян есть нарицательное, т.е. чуждое германским единоплеменникам словен, ясно видно из очной ставки Нестора и Адама и из естественности самих обстоятельств. Все славянские племена называли себя с самых незапамятных времен своими собственными именами: варяги – варягами, чехи – чехами, сорабы – сервами, россы – россами, словене – словенами, и прочее.

Еще замечательно, что Нестор, вопреки Иорнанду и Адаму, коим он не имел случая следовать, в свою очередь начиная с ближайших варягов подобной ошибкой, как и сии писатели, имя варягов распространяет и на соседних их сервов, чехов, паннонцев, хроватов и сербов, т.е. от Балтийского моря до земли Волошской.

Еще замечание: византийцы, а преимущественно Константин Багрянородный, по мере новых открытий на севере единоплеменных римским словенам народов, получили повод к странному заключению, что сии народы суть выходцы словен. Отсюда произошла басня в средние времена, что три брата – Лех, Чех, Рус, – из Славонии вышел, основали три царства по их именам. Нестор, пользовавшийся византийскими писателями, в сем отношении наследовал ошибку Константина, будто словене переселились из земли настоящей словен-

ской, а именно из гор Норика, во все обширнейшие страны, занимаемые так названными славянскими племенами.

Не решусь обвинять сего почтенного старца; не могу, однако, не заметить, что, взглянув на весь объем славянских племен, этого переселения славян во все стороны из гор Норика никак понять нельзя. Если же под этим подразумевать должно первое происхождение и постепенное размножение славян, то это относиться должно за 2000 и более, Рождества Христова, о чем, однако, ни Константин, ни Нестор, ни кто-либо другой ни малейшего понятия иметь не мог. К сему *норцы*, или *норицы* (*ногісі*), не есть особенное народное имя племени Иафетова, это суть словенцы, называемые так римлянами потому, что жили в стране, известной под именем Норика. Начало же сего названия гораздо моложе самих римлян. Кроме сего, подобное переселение противно свидетельствам истории и самой естественности, по коим северные народы по внутреннему побуждению всегда толпились в стране более теплой, плодородной, т.е. к югу.

Явно, что сие переселение есть пустая выдумка, или, лучше сказать, странствование одного только имени *словен*.

Итак, вся причина, что Нестор россос называет славенами, состоит в том, что он повторил, будто бы они переселились в Россию с Дуная.

Итак, название славянских народов есть чисто химерическое; россос таким образом и тем же правом можно назвать чехом или сербом, как и славеном, или как хровата назвать болгаринном, поляком или варягом. Беда состоит в том, что просвещение распространялось с юга, и словене взяты в образец сравнительный. Я уверен, что если бы судьба просвещению назначила другую дорогу, например из Сибири, и если бы тогда взяты были в сравнительный оборот росссы, тогда бы все народы, слывущие ныне под именем *словенских*, были называемы росссийскими, или русскими.

Вторая беда в том, что всем этим однородным, но различным племенам надобно было дать одно общее или родовое имя. Кажется, судьба назначила для оного *словен*.

Итак, сие имя как общее есть новейшее и существует только в тех головах, кои более просвещены и умеют делать различия между родом и видами. Напротив, если назовете в глаза русского или чешского мужичка славянином или татаринном, ему покажутся оба непонятными. Наконец, скажу, что несправедливо говорится, что все виды произошли от славянского народа. *Словене* такой же вид составляют, как и россы или сербы. Посему невозможно сих словен или славян брать за род; они так же должны происходить от какого-то древнего народа, как и прочие виды тоже. Посему спросить надобно: откуда или от какого народа происходят сии виды: россы, варяги, чехи, поляки, словене или славяне, хроваты, сервы, болгаре? Никто не знает и никто не скажет, как назывался тот народ, бывший еще в своей целости, а после распавшийся на вышеупомянутые колена. Не менее непроницаемо, где, когда и какими причинами он раздробился на сии части. Все, что сказать можно, не скажу – достоверного, но по крайней мере не заключающего в себе противоречия, есть, что сие относится к отдаленнейшим временам древности, к тем, когда род человеческий столько возрос, что ветви его уже должны были дать новые отрасли (ветви).

Отсюда следует, что название древнего славянского языка должно исчезнуть. Посему язык церковный не есть славянский, а именно того народа, для которого церковные книги были переведены. Нельзя тоже сказать вообще «славянский язык», ибо это относится только к наречию римских украинцев, посему должно сказать лучше: «славянское наречие», но если его и назвать языком, то он не должен выходить из своих пределов; тогда славянский русский язык, сербский, болгарский будут относиться к древнему, коего не знаем названия, как виды к своему источнику.

Из всего следует, что при исследовании исторического начала их видов нельзя прибегать к славянам, тоже к виду, но следовать в древность за собственными их названиями, пока их следы будут заметны, в противном случае взяться за критику и добиваться, под каким из нарицательных оно со-

крыто продолжается к своему источнику; так, например, мы видели, что россы назад от IX столетия слыли роксоланами, антами, там далее скрывались под венедами, сарматами и, наконец, под скифами.

Название же славян служит только для объяснения истории своего собственного вида. Но так как впоследствии оно сделалось общим у историков и другим несколько видом, то нужно подразумевать под ним тот вид, коего страной оно носится; так, например, в Иллирике и Дардании означает сербов и хрватов, в Германии варягов, сервов, иногда чехов, и в Молдавии и Валахии – россос.

Ныне, поелику этнографам нужно общее название всех видов и как оно принято в сию должность, в коей утвердилось употреблением общим, и не имея другого, коим можно бы заменить оное, оставим его в нынешнем его значении.

Итак, что касается мнения о переселении или пришествии славян в V-м столетии в те страны, где они в первый раз появились, или, сказать надобно, имя их появилось, иначе его понять нельзя, как только что одно ошибочное предположение, которое никакого поддержания не может иметь со стороны истории, ни самой критики, как сам Шлецер заметил и что явствует из вышесказанного до сих пор.

Замечу только еще, что писатели, взяв мнение, что разные виды заключаются в одном из них, а именно словенском, при изыскании их происхождения и первых исторических начал не могли не попасть в еще страннейшие мнения, и, что еще удивительнее, только с появления настоящего имени того вида. Разумеется, что, таким образом, нельзя ожидать от исследований полного представления исторической сущности. Таким образом, в истории делается великий ущерб, отвергнув исследовать начало каждого из видов в особенности, бросаться к другому и с половины течения коего (с XI века) начинать объяснять происхождение обширнейшего народа (т.е. всех видов славянской вселенной).

Если станем исследовать следы нынешних европейских народов с IX столетия, с коего только стал озаряться Север,

обратно в древность, то все наши изыскания не могут дальше распространяться, как до тех пор, когда римляне стали выходить из пределов Италии.

В недостатке пособий для дальнейших исследований все, на что остается обратить внимание, суть языки, как существенное, живое свидетельство сродства народов между собой, ибо в них заключается, как замечено выше, существенная черта народности; различие языков есть то же, что и различие народов.

В сем отношении, однако, нельзя и безуспешно было бы делать сравнение одних слов, как делали до сих пор, ибо чисто слова двух сродственных наречий не сходны между и, напротив, есть слова двух языков, небом и землею различных между собою, почти одни и те же. Так, например, в венгерском есть множество русских слов, в волошском много слов славянских, или, лучше, болгарских, между тем как различие сих языков огромное. Слова принимаются в чужой язык обстоятельствами, где они, получив право гражданства, подвергаются его законам или правилам изменений. Вот пример: *сено* по-венгерски *сейно* (*szena*).

	Русский	Венгерский
Род.	сена	сейнае
Дат.	сену	сейнанак
Вин.	сено	сейнат
Твор.	сеном	сейнавал

и проч.

Русский	Венгерский
Образую	абразолок
-ешь	-золс
-ет	-зол
-ем:	-золунок
-ете	-золток
-ют	-золнак

и проч.

Итак, сродства между языками искать надобно не в сходстве слов, а в сходстве их *устройств*. Здесь заметить нужно, что сие устройство языка на следующие отношения разделяется.

1-е. Тождество грамматических форм и слов есть один и тот же язык.

2-е. Перемена грамматических форм и слов, однако небольшая, разделяет язык на два наречия.

3-е. Различие грамматических форм и слов составляет два различных языка, но по тождеству устройства между собой сродные.

4-е. Различие в словах, грамматических формах и устройстве языка составляет удаление между языками, друг другу совершенно чуждыми.

Сообразуясь сим замечанием, можно бы составить родословную рода человеческого, взяв в параллельное сравнение все существующие языки.

Здесь заметить надобно, что устройство языка состоит в первых чертах оною, на коих могут основываться различные грамматические формы, хотя бы слова совсем различные, что составляет два языка. Посему языки, хотя различные между собою, будут сродными, если основные черты их суть одни и те же.

Поелику же черты сии основные могут быть почти только в 4-х переменяемых частях речи, то они не могут быть многочисленны.

Мне ни время, ни цель моего предприятия не позволяют здесь распространяться в рассуждении языков; но как дело касается *славянского*, не могу обойтись, чтобы не заметить следующее.

Европейские языки, или яфетидов, составились на одних и тех же основных чертах. Этого иначе понять нельзя, как только в сравнении с другими языками, коих основа есть другая. Я возьму в пример языки из предела Симова, а именно некоторые языки Азии: венгерский, турецкий, башкирский, бухарский и мещерский. С другой стороны возьмем: славянский, греческий, латинский и немецкий.

1-ая черта азиатских языков состоит в том, что они (азийцы) не имеют понятия о роде мужском, женском и среднем. Посему у них одно только общее склонение, между тем как европейцы, разделяя все имена по их окончаниям, разделяют их и на разные склонения, почему подается повод к различным переменам, откуда происходит различие в формах грамматических посему и прилагательные у них (у азийцев) не склоняются.

2-ая: азийцы притяжательных местоимений не употребляют, но для означения принадлежности прибавляют к концу владеемой вещи одну букву или целый слог.

3-ая: они вместо предлогов, употребляемых европейцами, имеют залогии. <...>

4-ая: что у них одни и те же глаголы спрягаются двояким образом; одно их спряжение употребляется, когда действие означает неопределенно, т.е. не указывая на предмет оного; второе, когда предмет действия определен. Сему закону подвергаются глаголы преимущественно действительные.

На сей же основе рождаются различные изменения или формулы, кои обыкновенно называются правилами грамматики.

Еще менее покажется сродство европейских языков, если сравнивать их с восточными, африканскими и прочими языками.

Отсюда следует историческая аксиома, что европейские языки имеют одно свое происхождение. Итак, например, славянский и греческий, хотя суть два различные между собою языка, однако они сродные; между тем как греческий и турецкий суть не только различные, но и совсем чужие.

Сим оправдывается космографическое разделение мира между тремя сыновьями Ноя: Симом, Хамом и Яфетом.

Каким образом разделились между собою европейские языки, нельзя угадать прямо; по крайней мере, каждый проницательный филолог-философ, имеющий понятие о постепенном образовании языка, может коснуться самых вероятных причин.

[III. О происхождении россов в особенности]

Ad. G. D. O. M.

Рассмотрев вкратце, что можно было сказать о славянах вообще, мы теперь приступить должны к решению главной задачи, или спорному вопросу о происхождении россов. Мы видели уже явно, что одна из важнейших отраслей огромного народа, названного славянским, суть *россы*, что сии россы никогда не называли себя славянами, что имя *россов* есть их собственное, подлинное, что название *руссов* есть выдуманное, химерическое, посему народ, называемый собственно руссами, никогда не существовал, что сим именем западные иностранцы называют россов.

Но чтобы сообразиться с духом доказательств, приводимых противною стороною, начнем всю нить, прерываемую до сих пор особыми статьями, опять с самого начала.

Первая зацепка Шлецера состоит в том, что он искажает название россов на руссов без всякого права и без малейшей на то причины. Первое: что за дело россиянам, что их западные иностранцы называют: *rusai*, *russeu*, *russeu* или еще *reussen*? Что за дело французам, что иностранцы их называют: *frantzonne* или *френче*? Но если угодно было Шлецеру предписывать россам называться так, как их называют иностранцы, то почему им не называться еще и *райссами*, или *proseami*, потому что немцы и французы их еще так называют? Но Шлецер был иностранец, ему можно было утверждать что захотелось; но удивительнее то, что некоторые из отечественных молодых писателей, истинно отличных талантов, не имели предосторожности, чтоб не обмануться учительскою важностью критика-педанта, в введении на сцену истории выдуманного народа руссов, о коих история ни малейшего понятия не имеет.

Но может быть, скажут толкователи, кои часто Нестора заставляют говорить и думать, чего им хочется, что

Нестор говорит именно о руссах. Скажем: Нестор нигде не говорит о руссах, а иногда употребляет название земли вместо имени самих жителей ее, т.е. русь вместо *россов*. Но мы видели выше, какое различие между русью и россами. Поэтому здесь нет ни малейшей причины для поддержания мнимых руссов.

Но скажут они еще: *Россия* есть нововведение митрополита Макария, до коего употреблялось *Руссия*, *Русия*. О сем уже сказано выше; прибавлю еще, что *Русия* есть олатинизованная Русь; она употреблялась большею частию в той части Руси, которая, будучи подвержена полякам, приняла было Унию, и что сие название введено, или, лучше сказать, употреблено, только теми, кои вкусили латинского языка. Посему сие название есть произвольное произведение некоторых лиц и противно народному, ибо исковеркано из природной *Руси* по свойствам чужого языка. Итак, не *Руссия*, а *Русь* употреблялась до введения *России*.

Итак, Русь есть настоящее древнее и народное название отечества *россов*. Сие простое, коренное собственное название народа часто заменяемо было производными названиями от *Руси*: русин, русак, русский. Впоследствии сии русские умножили название своего отечества: именно из коренного своего названия образовали на латинский образец *Россию*, которая родила нам *россиян* и *российских*.

Еще: критико-судейская максима есть, что *собственное признание превозмогает сто свидетелей*. Для чего же вводить неслыханных *руссов*, когда сам народ себя называет россами? Кажется, он не докричался до ушей толкователей, – кажется, они его не расслышали между многими производными названиями.

Еще: народы, с коими россияне имели тесную связь и сношения, удержали и по сию пору собственное имя *россов*. Это суть:

1-е) Венгерцы (угры, мадьяры), некогда жившие посреди *россов*, с ними вместе завладевшие Паннониєю, Дакиєю, и ныне еще называют как своих карпато-россов, так и самих

россиян *о-россами* (единств. о-росс, множеств. о-россок). Не понимаю, как мог Байер сказать, что венгерцы называют россов *франками*⁴³. Он выводит это из словаря алб. *Молнара*. Сей ученый был венгерец, я уверен, что он подобной лжи никогда не сказал; и хотя бы сказал, то каждый венгерец ответил бы ему: *неправда*.

2-е) Греки во все горло называют русских россами.

3-е) Некоторые из татарских племен тоже.

4-е) Поляки сами, между тем как по-латыни называют *russi, Russia*, на природном же языке: *rotoyiane, Rossya*. Отчего же так? Ибо это свойственнее производству слов славянского языка. Кажется, если бы мы имели исторические памятники варягов, то бы верно и у них нашли название россов.

5-е) Арабы.

Название же *Russia*, и отсюда *Rush*, чрез посредство латинского языка перешло только к отдаленным народам западным, с коими россы не имели никакой особенной связи, следовательно, коим россы были менее или совсем неизвестны.

Вторая зацепка Шлецера состоит в том, что разделяет россов на два различных народа, на южных, т.е. прилежащих к Черному морю, или черноморских, и северных, прилежащих к Балтийскому, т.е. балтийских! И заставляет Нестора не знать этого! Не явная ли это клевета? По его мнению, черноморские были славянского племени и известные грекам еще до Рюрика. Северных же россов он выводит в Россию из Швеции для того, чтобы новгородские славяне получили от них название *россов*, тогда как славяне черноморские давно уже сим именем назывались!

1-е. Шлецер должен признать, что новгородские славяне суть единоплеменные с черноморскими россами. Если так, то возможно ли, чтобы новгородцы, долженствующие переименоваться в россов, заимствовали сие название не от своих южных соотчичей, а от народа заграничного, иноплеменного, никогда не существовавшего под сим именем? Для чего и позволительно ли выводит он такой народ (руссов) из Скандинавии, о коем история совершенно ничего не знает? С каких

пор и по какому правилу критики уполномочен он заменять глубокое молчание истории своими выдумками? Неужели это не значит высасывать из пальца?

2-е. Новгородцы никогда не называли себя славянами или словенами, именем, которое есть собственность адриатских украинцев, что доказано выше. Что Нестору угодно было их с начала так назвать, это не заключает в себе никакого затруднения. Какое же их народное название? Если они должны были принять название россов от чужого народа, то были ли, могли ли быть они безыменными? Для чего же заставлять их принимать название от иностранцев, которое именно есть их необходимая принадлежность? Почему не должны и они называться еще до Рюрика тем же именем россов, коим назывались их южные собратья?

3-е. Еще страннее способ, коим у господ толкователей народы меняются языком и названиями, сливаются, перебиваются в разные, особенные породы, переселяются, стесняются, выталкиваются, старые исчезают, а новые неслыханные появляются, и все тому подобное, что только может мниться, сниться историческим воображениям. Шлецеру и его последователям угодно было думать, что новгородцы получили свое название от завоевателей. Каким образом, увидим: «По простому заключению видно, что победители северных племен, варяги... должны жить на севере; победители южных, козары, на юге»⁴⁴.

На севере, справедливо замечает Н. М. Карамзин (том 1, стр. 46), не было в то время другого народа столь сильного, который бы мог завоевать всю обширную землю от моря Балтийского до Ростова, кроме норманнов⁴⁵.

Еще в жизни славного проповедника веры христианской в Швеции, Ансгария, сочиненной Римбертом († 888), сказано: датчане осадили шведский город Бирку, градоначальник Геригер, христианин, предложил им предоставить жребию решение, угодно ли богам разорение ими сей страны; они не могли противиться, потому что таков был у них обычай; опыт сделан, и жребий решил, что боги не хотят того; испы-

тывали после, какой город должен быть razoren, и жребий пал на город славянский⁴⁶.

Действительно, норманны были в это время ужасом для всех приморских стран Европы. «Могли ли они оставить в покое ближайшие к себе берега летские и славянские?» – справедливо спрашивают Шлецер, Тунманн и Карамзин⁴⁷.

Вот главная причина и вместе доказательство у толкователей перехода норманнов в Россию! Именно: «Норманны были в это время ужасом для всех приморских стран Европы». Ужасное изречение; кажется, толкователи слишком перепугались; надобно уменьшить сей ужас; по-видимому, он слишком увеличен воображением, ибо англичане, кои столь могущественные мореходцы, какие только могли до сих пор существовать, все же не суть ныне ужасом для всех приморских стран Европы. В то же время владыками Средиземного моря были могущественные и просвещенные моряки, от коих мы переняли нечто доброе, между прочим и названия: *адмирал*, *арсенал* и проч., – *аравитяне*. На Балтийском же, как мы видели выше, господствовали предприимчивые *варяги*. Вся опасность состояла в том, что на море, лежащем между Англиею, Норвегиею и Даниею, появлялись иногда корсары, т.е. частные разбойники, которые часто тревожили приморских поселян окружных берегов. Но они никогда не были многочисленны, например, чтобы приходили с флотами и высаживали бы на берег войска; они приходили только на небольших ладьях, из коих выбегали на берег десятком, дюжиной или, положим, – полусотней в ближайшие деревушки, чтобы захватить чего-нибудь доброго; правда, что дети, бабы и все боязливые люди ужасались их, чтобы их не вырезали, зато мужчины, собравшиеся из целого одного или больше селений, побивали или выгоняли их туда назад, откуда пришли. Но откуда они приходили, какой народ, никто не знал, даже и сами толкователи. Очевидно, что подобные лакомые удальцы могут вызваться в каждом народе. Те, которые беспокоили берега Франции, лучше всего могли выходить из Англии или от голландских (тогда саксонских) и датских, и, может быть,

норвежских берегов, а больше же всего склонные были к этому ремеслу варяги, коих даже народное имя во Франции превратилось в название разбойников.

Тогдашние писатели (разумеется, весьма не многие), не имея понятия о сих наездниках, без разбору называли их *северянами* (норманнами). Под сим названием главную роль играли, без сомнения, варяги, кои не только что проникали посреди чуди в Северную Русь, но и в самую Швецию, Данию, к голландским, франкским и британским берегам, из коих вывозили все добро в свою отчизну, которая посему некогда так изобиловала всем, что писатели сии города не могут иначе сравнить, как только с Константинополем, Карфагеном, Коринтом и Афинами. Сие подтверждает сам современный очевидец Адам, говоря, что столица варягов изобилует добрами всех северных народов.

Но как толкователи под именем норманнов разумеют в особенности датчан и шведов, то еще явствует, что не только что Европа не имела от них ничего опасаться, но напротив, они сами должны были ту же самую участь испытать от варягов, какую испытали чудь, новгородцы, кривичи.

Нельзя, однако, все приписывать варягам. Датчане и англо-саксонцы в свою очередь вылезли на беззащитные берега Британии, в которой поселились и по сию пору и из которой через канал нападали на берега Франции под названием норманнов. Но чтобы они или шведы имели подобное влияние на берега летские и чудские, осмеливаюсь вышеупомянутым почтенным ученым противоречить категорически, именно: 1-е. Постоянное владение сих берегов принадлежало исключительно варягам, которое было такого рода, как англичане в Азии или Америке. 2-е. Временным нападениям, т.е. разбоям и ограблениям их, воспрепятствовали бы сами же варяги, коих главное занятие была торговля, а не разбой исключительно, и кои во всем гораздо были опытнее и просвещеннее вышеупомянутых народов.

Итак, нечего было ужасаться от норманнов, кои совсем не касались русских берегов, как видно из обстоятельств и

из глубокого молчания Нестора. Да и прочие части Европы тогда не норманнов должны были ужасаться, а других *черных* и храбрых африканских наездников, кои уже завладев Испаниею, ворвались во Францию, опустошали все приморские страны горной Европы и в состоянии были отправиться из Италии и к берегам Франции, Англии и Дании.

Они утверждают по-своему, что от варяго-русов новгородские словене приняли название русских, взамен чего они дали им свой язык! И так шведы превратились в славян, а славяне в шведов! Необыкновенное явление, чудесное превращение!

Мы видели, что:

1-е. Новгородцы не имели нужды принимать название, которое именно, собственно, было их.

2-е. Хотя бы в самом деле были завоевателями их предполагаемые руссы, они не могли бы принять их названия, ибо невозможно было бы им отбросить свое собственное. Собственное название есть неизгладимая печать в самом существе народа; оно долговечно вместе с языком, с коим оно сопряжено неразделимо. Нет примера, где бы побежденный народ принял название не только иноплеменных своих победителей, но и единоплеменных. Несмотря на малое различие народности между поляками и малороссами, несмотря на продолжительное время – более 500 лет, – в которое сии последние испытывают непосредственное влияние первых, все же они продолжают называть себя русскими, ибо все продолжают говорить своим языком. Лужицкие (лузицкие) и майсенские сербы в Германии, с давних времен побежденные, окруженные и смешанные с немцами, все продолжают и ныне называть себя *сервами*, ибо теплится еще между ними их язык. Краинские и каринтийские словене, несмотря на то, что в продолжение более 800 лет суть под владычеством иноплеменников, что они уже давно только одну чернь составляют, и несмотря на все старания немецких и итальянских князей их перенародовать, все-таки они продолжают называть себя *словенами*, *словенцами*, вместе с языком их довольно испорченным. В XIII

столетии выведена из Саксонии в Трансильванию венгерским королем *Велою IV* колония посреди венгерцев и волохов, которая не только что не лишилась имени своего и языка, но еще увеличилась ныне до порядочной области. В продолжение более 900 лет в Венгрии существует беспримерное смешение народов; большая часть селений ее составлена из разнородных обитателей, там найдете, что в одном живут мадьяры (венгры), сербы и волохи; в другом: русские, мадьяры и волохи; там опять русские, мадьяры, и словаки, те или другие большинством. Но подумаете ли, что в сие столь долгое время произошло смешение или потеря языков и названий? Ни то, ни другое. Венгерцы продолжают называться *мадьярами*, россы русскими, волохи, называемые так целым миром, по-прежнему румыны с их языками, нимало не поврежденными, целыми, отличными. Армяне и греки, живущие одними только семействами в областях Российской и Австрийской империй Бог знает с каких пор, удерживают за собою и язык свой, и название. Шлецер, однако, приводит пример, что немецкий народ франки завоевали Францию и сообщили свое название и стране, и жившим в ней народам: «*Галлия* прозвалась *Франциею* от своих победителей, германских *франков*; однако же побежденные удержали свой язык, который смешался только с языком победителей⁴⁸. Таким же точно образом новгородские *славене* получили новое название от своих победителей (руссов, т.е. шведских норманнов)⁴⁹. Надобно полагать, однако же, что последних было очень не много по соразмерности; ибо из смешения обоих очень различных между собою языков не произошло никакого нового наречия⁵⁰. Одни только скандинавские имена людей держатся довольно долго...»⁵¹.

Итак, новгородцы не принимали названия россов. Правда, что можно бы назвать некоторым образом победителями варягов, но зато и от них не могло перейти оспариваемое название, ибо они были *варягами*, точно так, как шведы шведами, а новгородцы *россами*.

Как же шведы называются? Нестор отвечает: *свеи*, а толкователи: *варяги* (!). Не от того ли шведы дали имя рос-

сам, что Нестор их называет свеями? Не от того ли норманны сделались завоевателями Руси, что Нестор их не называет варягами, а свеями? Для чего же смешивать три различные народа в один, те народы, коих Нестор именно отличает один от другого? Какой благоразумный критик станет подразумевать шведов, где летописец говорит о варягах? Кто бы вздумал подобным образом подразумевать под немцами, например, турок?

Итак, не нужно было Шлецеру заводить ложное объяснение насчет принятия новгородцами названия россов, ибо оно не случилось и не могло случиться. (Главная цель Шлецера и его сподвижников была, как кажется, чтобы доказать, что Рюрик, Синеус и Трувор были шведы. Для доказанья сего их ложного предположения они все извортели вверх дном, и своею галиматьею отуманили начало российской истории, и заставили Нестора противоречить самому себе.)

Доказательства сему они приводят:

А. Утверждают, что на севере тогда не было народа могущественнее норманнов; и что Нестор их разумеет под именем варягов.

Мы видели ясно, что Нестор под именем варягов не разумел и не мог разуместь норманнов, коих он называет определенными их названиями свеев и урман. Посему ведь доказательства в пользу шведов должны быть отвергнуты.

Что же касается до их могущества, то см. <...>. Итак, здесь ничего нет в пользу скандинавов.

Б. Новгородцы имели дело с варягами, Нестор употреблял весьма часто частицу «за», например: «*изгнаша варязи за море*» или «*имаху дань варязи из заморья*» или «*идоша за море к варягам к руси*». Толкователи весьма простодушно заключили, что эта заморская страна есть Швеция. Но Нестор вопреки им говорит, что россы, если отправлялись за море, то это было в Варягию, «*идоша за море к варягам к руси*». Этот путь в Варягию нельзя иначе назвать, как *заморским*, ибо сойти на берег в Эстландии или сесть в Новгородской области на корабль, отправиться морем и выйти на берег в Вол-

лине или Винете нельзя иначе сказать, как *идти за море*. Мы видели у Адама, что из Воллина или Винеты больше и чаще всего плавали к Новгороду, и вообще уже знали, во сколько дней можно туда прибыть. Сие же самое видим из Нестора, что варяги часто приходили из заморья, а русские часто туда отправлялись.<...>

В. Еще одно место из Нестора объяснено следующим образом: «И наконец наияснейшее свидетельство... *идоша за море к варягам к руси; сице бо ся зваху тыи варязи русь, яко се друзии зовутся свеи, друзии же оурмане, англяне, другие гете; тако и си.* Для ясности приложу здесь перевод: *пошли посланные за море к варягам руси*, – так сии варяги назывались русью, как другие свеями и проч.; очевидно, исчисляются здесь народы единоплеменные. Итак, варягами Нестор ясно называет «...шведов, ...норвежцев, ...англичан, ...готландцев»⁵².

Quot capita, tot sensus*. Хотя угодно было г. Погодину привести объяснительный перевод текста Несторова, я, однако, с ним не могу быть согласен, ибо он тексту не приносит никакой ясности, именно: варяги и россы, или русь, хотя единопородные, но совсем различные между собою народы, по словам самого Нестора, ибо варяги были завоеватели, а россы завоеванными. Г-н переводчик же не объяснил, к кому именно пошли посланные за море, к варягам ли или к россам (руси). Здесь же надобно определить, к кому именно сие посольство метило, ибо к обоим сим народам оно не могло случиться потому, что заключает в себе противоречие.

Но что за народ был эта заморская русь? Мы видели ясно уже выше <...>, что множество россов, а именно новгородцев, псковитян и кривичей, отправлялись за море в Варягию в Воллин или Винету⁵³ или в другие ее города или места, сообразуясь с их видами. Преимущественно же они наполняли пышные столицы варягов *Воллин* и *Винету*, где они, пользуясь тесною связью с варягами и предоставленными им преимуществами, проживали иные целую жизнь, иные же больше или меньше времени, имея, однако, беспре-

* Сколько голов, столько мнений (лат.). – Прим. сост.

рывные сношения с родиною. При этих обстоятельствах не могло не случиться и кровной связи между единоверными и единокровными россами и варягами.

Этих-то россов уже во время христианства Адам, заметя при богослужении обряды Греческой Церкви, назвал греками и ту самую страну, откуда они выходили (Россию), Грециею; Адаму последовали и иные летописцы Северо-запада, пока не узнали Россию определеннее.

Посему не без причины находим у Нестора, что, пока варяги были на ногах самостоятельности, пока они продолжали являться в Россию, т.е. пока продолжалась между ними и россами связь, так часто ехали за море и приходили из заморья.

Нельзя, однако, предполагать, что одни торговцы ездили туда; напротив, много знатных и богатых русских фамилий, не исключая самих князей или членов оных, ездили туда для препровождения времени, наслаждений или других каких-либо видов и причин. Можно также найти кровный союз между русскими князьями и варяжскими. <...> Достоверно, однако, что не все, или, лучше, совсем немногие из них, замечены летописцами-иностранцами-иноплеменниками. Посему нельзя сомневаться об их существовании, хотя они вместе с подробностями варяжской истории преданы забвению. Кажется, что никакого народа история не может объяснить древнюю русскую, как варягов (Балтийской Славонии).

Итак, *русь*, или россы заморские, живущие посреди варягов, суть настоящие россияне, туда переселившиеся, следовательно, члены того великого народа, держащего одною рукою Понт, а другою Балт, которого отечество с незапамятных времен – и во время Нестора, и ныне, – называется Русью. Сии-то россы в последствии времени, при постижении варяжской страны бедствий и разорения, возвратились из Воллина на лоно своего отечества и приложили свидетельствам исторической истины Нестора и Адама неизгладимую печать перенесением и приложением к одной области Руси названия *Воллина* (Воллин, или Вольнь).

Итак, новгородские послы шли именно к руси, а не к варягам. Это показывает самое следствие сего посольства, то есть: «избрашася три братия с роды своими, пояша по собе всю русь и придоша». Это весьма ясно.

Что же значит: «идоша за море к варягам»? Спроситесь. Неужели вы не знакомы с языком Нестора? Мне кажется, что существенное условие и необходимое для переводчика или объяснителя есть истинное познание языка разбираемого текста. Я упомянул уже однажды, что Нестор по свойству языка часто употребляет название народа вместо названия земли и наоборот; так, например: «*Бе путь из варяг* (вместо Варягии) *в греки* (в Грецию); *и из грек* (из Греции) *по Днепру*» и проч. Далее: «*Тем же и из руси может ити ... по Двине в варяги* (в Варягию), *из варяг* (из Варягии) *до Рима*» и пр. То же самое и в «*идоша за море к варягам*». Как *варяги* есть не вещь, а лице, которое при глаголе *идоша* – пошли, поехали – требует предлог *к*. Если же Нестор употребил бы название самой страны, то должен бы сказать: «в *Варягию*». Что здесь *к варягам* означает в *Варягию* – несомненно, ибо Нестор во всех местах, в коих разумеет страну Варяжскую, не употребляет *Варягии*, а *варягов*; ксему посольство не к ним относилось. Посему переводить должно: «пошли посланные за море в Варягию к русским».

Не менее буквален перевод и последующих слов Нестора: *аще бо ся зваху* и пр. Нестор при появлении имени *руси* в стране чужой, заморской, боялся, кажется, чтобы его не поняли. Он прибавляет тотчас объяснение. Здесь надобно было определить их народность, то есть сказать, к какому они народу принадлежат. В этом случае нужно было сказать: те, к коим шли послы, были, или, что лучше, называли себя («ся зваху»), русскими. Нестору неугодно было говорить *per periphrasum*, посему, говоря прямо, надобно было сказать: «*аще бо ся зваху тыи русь Русь*» (т.е. русь Русью). Здесь повторение одного и того же имени, по слогу тогдашнему в именительном падеже, не так ясно соответствовало указанию Нестора. И так надобно было назвать их сперва варя-

гами, потому что жили в Варягии, и чтобы различить их от руси российской, а после сказать, что они суть русь, или, что одно и то же, называют себя русскими. Посему слово *варязи* здесь не варягов означает именно, а людей, живущих в Варягии, которые сами себя называют русскими. Сие показывает указательное слово *тыи*, что Нестор именно говорит о тех, к которым шло посольство. Это само собою следует, ибо если они были русь, то не были варяги.

Наконец, чтобы означить еще яснее народность русских, прибавляет сравнительные примеры, говоря: «ибо так назывались они русскими, как другие (народы) называются: шведы – шведами, урмане – урманями, англяне – англянами» и прочее.

Итак, видно ясно, что не только Нестор не называл шведов, норвежцев и англичан варягами, но и о самих собственно варягах не упоминает, ибо приведенным сравнительным примером Нестор не только не означил единородия сих народов с россами, но напротив, показал их различие между собою, упоминая их различные названия.

Приведу параллельный пример Несторову тексту. Известно, что жители Венгрии состоят из разных народов, кои вообще слынут под племенем венгерцев от имени господствующего народа венгров; если же объяснить надобно было бы, к какому народу принадлежат тамошние русские, и мы бы сказали сообразно словам Нестора: «Сиче бо ся зваху тыи венгры русь яко се друзии (т.е. народы) зовутся греки, друзии же немцы, турки и друзии французы», то кому вздумается заключить, что венгры есть общее название единоплеменных народов: греков, немцев, турков и французов? Кто скажет, что россы, живущие в Венгрии, суть настоящие венгры, потому что живут посреди венгров, и мы их назвали прежде определения их народности венграми?

Итак, Рюрик с братьями не был ни швед, ни варяг, а настоящий россиянин. Будучи из знатнейшей фамилии новгородской, где он жил – в Воллине или Винете, – неизвестно; родился ли в Новгороде или в Варягии – тоже неизвестно.

Только знаем, что новгородцы или, как лучше полагать надобно, часть их при возникших распрях или даже раздоре между партиями избрала и вызвала его в отечество для принятия жезла правления. Что он был из знаменитой фамилии, то доказывает его избрание; что же был избран одною партией, это причинило раздор, который без партий существовать не может, посему, видно, для поддержания себя против противной стороны, которую надлежало ему превозмочь, взял с собою двух своих братьев и дружину, собранную между тамошними россами, с помощью коих и своею партией в Новгороде восстановил тишину и миролюбие между новгородцами.

Нельзя, однако, чтобы он всех россов вывел из Варягии («пояша по себе всю русь»), ибо и впоследствии россы продолжали там жить. Кажется, сии слова Нестора относятся только к могущим носить оружие, кои исключительно были нужны Рюрику, а не к бабам и детям, кои посреди оружия могли служить предметом замешательства.

Как бы то ни было, но довольно того, что Рюрик принял правление в Новгороде. Нельзя, однако, сказать достоверно, в каком духе правил он вверенную ему страну. Правда, прежде него варяги имели, как полагать можно, влияние на правление новгородцев, ибо давали им дань, но оно не зависело от них, ибо им давали только дань. Влияние воллинян и винетян на новгородцев образовало в них дух вольности и республиканскую форму правления. Сей дух обнаружился вскоре изгнанием варягов. Сие могло побудить варягов к подобному поступку с живущими у них россами, что некоторым образом и воспоследствовало, когда по приглашению новгородцев три знаменитые россы, «*по яв по себе всю русь*», прибыли в Новгород.

Г. Еще находят гг. критики доказательство, что россы суть шведы, в русском языке (!). «Прежде всего обращает на себя внимание *язык* их (т.е. шведов), дошедший до нас в некоторых собственных именах и названиях днепровских порогов»⁵⁴, – ни малейшего следа шведских слов не находим

в русском языке, и сие сочинитель берет в доказательство шведского происхождения россиян! Но нет, автор сказал: «собственные имена их суть норманнские, что видно по сравнению с норманнскими и франкскими летописями»⁵⁵. Байер приводит множество подобных имен с древних камней, из древних песен, сказок, из *Датской истории* Ерика царя, из Снорра Стурлезона, достовернейшего дееписателя скандинавского (умершего в начале XIII столетия), Саксона Грамматика (умершего в начале XIII столетия), из *Series Regum Daniae* Олая Вормия, Олая Верелия, Торфея и проч.^{56, 57}.

Но приступим к собственным именам, в коих, по словам критиков, дошел до нас язык норманнов.

Рюрик. У норманнов встречается несколько Руриков, Рореков, Рорикров, Грорекуров. Байер думает, что даже Ругерик и Рогерик у германцев есть то же имя. Шлецер полагает, что и испанское Родерик относится сюда же и принесено в Испанию вестготами; даже во время основания Российского государства, около 850 года, упоминается о трех Рюриках: один назван вождем датчан, другой королем норманнским, третий просто норманном. Они **воевали берега** Фландрии, Эльбы и Рейна: Шлецер указал на них; и вот сюда относящиеся места, выписанные историографом из франкских летописей: «Classis Danorum in regnum Clotharii appulit, ducibus Rorico et Godefrido* (г. 850). – Northmannorum rex Roricus sexcentas naves per Albim fluvium in Germaniam adversus Ludovicum dirigit** (г. 845). – Rone, natione Nordmannus, qui temporibus Ludovici Imperatoris cum fratre Harioldo vicum Dorestadum jure beneficii tenuit, post obitum Ludovici Imperatoris, defuncto fratre, apud Lotharium, qui fratri successit in regno, prodicionis, crimine falso insimulatus, tentus et in custodiam missus est; unde fuga lapsus, in fidem Ludovici, regis orientalium Francorum veniens ...collecta Danigenarum non

---

* Под руководством Рорика и Годафрида флот данов вошел в королевство Клотара (лат.). – Прим. сост.

** Рорикус, король норманнов, отправил 600 кораблей по реке Эльбе (Лабе) в Германию против Лудовика (лат.). – Прим. сост.

modica manu, coepit piraticam exercere ...venitque (r. 850) per ostia Rheni fluminis Dorestadum»* (Дюшен. *Historiae Francorum scriptores*, t. II, 389, 524, 850)⁵⁸.

На сие отвечает Эверс: «Из путей, по коим отыскиваются исторические истины, легче всего вводит в заблуждение словопроизводство. Несмотря на сие, весьма смело в оный от-важиваются, и как один Байер вызвался в путеводители, то и недоверчивый Шлецер повлачился за ним, и радовался, что в его сообществе нашел у *Снорра*, *Саксона* и других много скандинавских витязей, кои почти так назывались, как Рюрик и Трувор, например: Хрорекур, Рорек, Рорикр, Рурик; Трувар, Труере. С третьим, *Синеусом*, не так успел; утешался, однако, предположением, что русские перековеркали его, и вспомнил у Саксона об одном короле *Снио*. Шлецер умножает ряд имен словами: Родерих; – Труве, *Тригие*, *Тригр*; – Синниутер, Сигниаутер, Синиам и Суне». Да, Байер объяснил еще Игоря и даже Святослава и Владимира из скандинавского.

Правда, находится некоторое созвучие с именами первых двух, которое может служить только поддержанием исторического положения, но доказательством никак. Сам же Шлецер прежде по строгим правилам критики исключил собственные названия из исторических исследований, как совсем ни к чему не годящиеся⁵⁹. «...Nomina propria sind zu solcher Vergleichung ganz untauglich. Denn diese sind oft selbst "fremd"...» (A. L. Schlözer von den Chaldäern im Repertorium für biblische und morgenländische Litteratur. VIII. Pag. 168)**⁶⁰.

Прибавим к словам Эверса еще следующее:

* Роне, норманн по национальности, который во время императора Лудовика вместе со своим братом Гариолдусом законно владел селом Дорестадом, после смерти императора, и после того, как скончался его брат, был у Лотара, преемника своего брата, ложно обвинен в преступлении измены, арестован и брошен в тюрьму, откуда он сбежал к Лудовику, королю восточных франков... Собрал довольно сильное войско, он стал заниматься пиратством... через устье реки Рейна он поехал в Дорестад (лат.). – Прим. сост.

** Имена собственные никак не годятся на такие сравнения. Ибо они сами часто «чужие» (A. Л. Шлецер про Халдеев в репертуаре иностранной литературы. VIII. С. 168) (нем.). – Прим. сост.

1-е. Главная побудительная причина сего спора состоит в желании Байера и Шлецера ввести в Россию шведов. Их поддерживало легковерие и беспечность их последователей, кои думали, что в самом деле все, не кончающееся на *-слав* и *-мир*, произошло из худощавой Скандинавии.

Так, например, одни в самом деле подумали, что древних болгар, основавших за Дунаем могущественное некогда королевство, должно сделать татарами потому, что имена их королей – Телец, Боян, Богориз и прочие, – преображенные греческими летописцами, а после латинскими переводчиками в *Tebtres, Paganus, Bogoris, Bogorides*, не кончающиеся на *-слав* или *-мир*, не суть славянские, а татарские. Но как живое свидетельство противилось им, что болгаре суть славяне и еще ныне говорят на своем славянском (здесь я их означаю славянами, как только именем общим, а не собственным) наречии. Не обращая внимание на сие препятствие, они обратились к своему волшебному средству, именно к *превращению*. Они превратили непонятным образом сих страшных завоевателей, мнимых болгар-татар в настоящих болгар-славян. В двух-трех строках принудили татар отбросить свой язык, а болгар мнимое свое название славян! Несмотря на то, что татаре называют Волгу не *Волгою*, а *Итил* – Етел, они заставляют своих мнимых татар называться именем сей реки, употребляемым только между славяно-россами, и еще славянским окончанием на *-ар*, волгарами! Но еще страннее, что сии мнимые татаре-болгаре ворвались без всякого сопротивления в первую главу российской истории.

Но и Запад не мог обойтись без подобных чудес. Не умея растолковать значение собственных имен готских, которые суть чисто летские, они причислили готов к немцам. Так, между прочим, древние вандалы⁶¹ были немцы потому только, что они были весьма храбрые и завоевали Францию, Испанию и Картаген, и что названия их королей не кончаются на *-слав* и *-мир*, и что славяне только в VI веке вдруг появились на величайшей части древней вселенной, никто не знает откуда.

Хотя после дело открылось, что вандалы суть настоящие славяне, а именно – варяги!

Точно такие интриги заведены в древней русской истории.

2-е. Для чего прибегать для объяснения имен Рюрика, Трувора и Синеуса к скандинавским писателям, когда сии люди не из Скандинавии прибыли в Россию, а из Варягии; и не были варяги, а настоящие россы-славяне? Но спросят толкователи, что же значит сходство имен скандинавских с именами русских князей, и не означает ли это очевидное тождество имен, измененное только различным выговором двух совсем различных народов, каковы славяно-русский и шведский? Здесь нельзя полагать никакого тождества имен, какое замечали ныне, например, между русскими, немцами и французами, например: Егор, Georg, George; Андрей, Andreas, André; Михаил, Michael, Michel; Григорий, Gregor, Gregoire и проч. Вот имена тождественные. Но не заключат ли гг. толкователи, что сии народы происходят от греков, потому что носят имена, объяснимые из греческого лексикона? Древние, как россы, так и прочие северные народы, до принятия христианской религии принимали имена из своего языка, или, лучше сказать, получали оное не при крещении, коего еще не наблюдали, а уже в юношеских летах от своих товарищей или соседей, или даже от самих родителей, назвавших их так или иначе. Разумеется, что подобные имена произрождались при различных случаях или от самых качеств самого лица и имели свое значение, или совсем не имели. Сии-то имена почерпаемы были в недре самого народа, из собственного, отечественного языка; иногда произведенные от какого-нибудь слова; часто же составленные из слогов, не имея, однако, никакого значения, которое напрасно будут стараться объяснить охотники до словопроизводства.

Сии имена собственные не могли быть взятыми из чужого языка. Переход иностранных собственных имен вошел только со времени введения христианской религии, т.е. с тех пор, как стали прибавлять к собственным названиям и имена святых, избранных в покровители при Св. Крещении.

Подобное происхождение языческих имен было собственное у всех народов. Весьма может случиться, что два или несколько имен собственных одолжены своим происхождением совсем различным случаям или причинам и имеют совсем различные значения, у двух народов сходны или созвучны между собою более или менее; теперь можно ли полагать, чтобы сии имена были тождественные между собою по одному только случайному некоторому их созвучию? Приводимые толкователями скандинавские созвучные имена не могли никогда переходить в Россию, ибо россы никакой тесной связи не имели со скандинавами. Русские мнимо-норманнские названия имеют и должны иметь свое начало в России, а норманнские – в Швеции или Дании; на созвучие же нельзя полагаться, ибо по сему самому можно бы еще заключить, что россы, живущие в Венгрии, еще удержавшиеся во всей своей славянской чистоте, происходят от испанцев или сии от них потому, что находится разительное созвучие в именах сиих обоих народов!

3-е. Название норманнов, по крайней мере до XI столетия, было только общее всем северянам, по сему и неопределенное, ибо оно не заключало в себе народности. Сие происходило тогда, как южные европейцы не были еще довольно знакомы с каждым северянами. Сам Шлецер говорит, что никто не знал, откуда выходили сии норманны⁶². Толкователи даже находят, что и россос южные называли (северянами) норманнами (см. Liutprandi <...>), разумеется, по северному их местоположению. Итак, что находим в летописях южных под именем норманнов, есть самое неопределенное, ибо из-под сего покрывала трудно различить, какой именно народ подразумевается или должен подразумеваться – датчане ли, шведы, варяги ли или россы. Итак, нельзя прилеплять сего имени исключительно одним шведам без всяких достаточных на то причин и доказательств, нельзя также употреблять его вообще, ибо где дело дошло до изысканий, там необходимо подробное определение дела.

4-е. Как россы имели тесную связь не с шведами, а с варягами, то спорные собственные имена относить надобно к варягам, а не к шведам.

5-е. Обратим внимание на то, что варяги имели влияние, или, лучше сказать, господствовали, и в Швеции, которая к ним 10 раз ближе, чем берега чудов и земли россов. Шведы их называли *готами*, между тем как немцы, а в особенности саксонцы, – *вендами*, *вандалами*. Нельзя сказать, до каких пор владели Швециею варяги; но, однако, само собою разумеется, что они начали свои поиски с Южной Швеции, как самой близкой, и если могущество их уменьшалось в сей стране, то позже всех могли лишиться южной же. Живое тому свидетельство существует в именах Южной Швеции, сохранившихся по сию пору, в Вест-Готландии и Ост-Готландии. <...> Посему не только что спорные собственные имена не могут быть производимы из Скандинавии, но напротив, вышеприведенные скандинавские берут свое начало от варягов. Итак, если уже надлежало бы полагаться на созвучие и производство имен, и переход оных от народа к народу, то нужно бы искать их начала (как русских, так и шведских) у варягов. Следственно, шведы могли занять от варягов таким же образом своего *Рерика*, *Ерика*, *Рорикра*, как русские своего *Рюрика*, и проч.

6-е. Варяги, владея Южною Швециею, могли оттуда делать набеги или какие-либо предприятия под названиями варяжскими, кои впоследствии могут казаться собственно шведскими, потому что носились над Швецией.

7-е. Рассмотрим самые имена собственные, нареченные у господ критиков норманнскими, т.е. шведскими. *Рюрика* мы уже видели вместе с доводами господ толкователей.

На сие скажем, что имена, кончающиеся на *-ик*, совсем не свойственные ни немецкому, ни шведо-датскому языкам. Они суть главная принадлежность многих славянских племен. Сии окончания имен бывают преимущественно: 1-е, на *-ак*, 2-е на *-ек*, 3-е на *-ик*.

У россов, кои приняли обыкновение образовывать свои имена из родительного падежа названий своих родителей или чего-нибудь другого – *-ов* и *-ин*, *-ак* и *-ик* находятся только в словах, имеющих свое значение: *чудак*, *моряк*, *дурак*, *простак*; *извозчик*, *исправник*, *начальник* и множество других.

Напротив, у западных иностранных славян, как у чехов, моравов, словаков в Северо-западной Венгрии, кои не последуют правилу, принятому русскими, сии окончания общеупотребительные; напр.: Госоак, Лайчак, Сербак, Новак, Ходак, Рушак и проч. Томечек, Алечек, Янек, Манасек, Любушек, Михалик, Юрик, Курик, Стойник, Рогачик, Ерик. (Юрик и Ерик – уменьшительные русского Юрий. У поляков он называется Jerzey.) Сие окончание было свойственно и варягам, что видно: 1-е) из соседства их с сорабами и чехами. 2-е) из имен собственных их королей: Генирик, Гунерик <...>, Аларик и проч. 3-е) из имени *Рюрика*, так называемого между варягами. 4-е) что *Рюрик* и *Ерик* находятся между самими варягами, от коих сие последнее перешло и к шведам <...>

Трувор, или *Трувар*, – по-видимому, сие имя происходит от какого-нибудь слова варяжского, имевшего, может быть, свое значение, или от какого-нибудь случая, который напрасно стали бы объяснять охотники до словопроизводства.

Синеус. Сие имя гг. толкователи не могли обойтись, чтобы не сравнить с переисканными скандинавскими. Странно, что они в толковании бестолковых имен бросаются в глубину скандинавских только лексиконов, между тем как сие имя есть чистое славянское, *Синеус*. Ведь еще и теперь насчитаете дюжинами между карпато-россами *Синеусов*, *Сивоусов*, *Черноусов*, *Белоусов*, точно как и *Синеоков*, *Синегубов* и прочих. Какое же отношение Синеуса к *Снию* или *Сигнаутеру*?

Аскольд и *Дир*. Сии имена правда непонятны гг. критикам; зато они привели в объяснение какие-то подобозвучные скандинавские: *Оскель*, *Аскель*, *Ашкель*, *Тир*. Это неудивительно, ибо всякому слову в мире можно найти или сделать подобозвучное: стоит только переменить букву-две – и готово доказательство. Заметить, впрочем, нужно, что *Аскольд* и *Дир* были варяги по словам самих же толкователей. Даже *Олег* и *Игорь* остаются не без родных скандинавских. А *Лют* и *Рогволод* и дочь сего последнего, прекрасная *Рогнеда*, претерпели превращение в: *Люитра*, *Рагвалтра*, *Раугнвалдура*, *Регнвалда*; *Ротвидгу*, *Рагнитлу*, *Рагнгильту*! Правда, что Байер или Шле-

цер, не зная русского языка, могли не знать, что имя *Рогволода* есть чистое русское и происшедшее наподобие *Всеволода*, но странно, что некоторые из русских писателей подумали то же, ибо они были, как видно, уверены в том, что исторический оракул Байера или Шлецера и прочих корифеев не мог ошибиться. Кажется, они еще не дошли до того замечания, что *-ъ-* и *-ь-* часто употребляемы были Нестором и прочими древними вместо *-о-*, что видно везде в Несторе и в *Слове о Полку Игореве*, что окончания женских имен на *-а-*, как Рогнеда, совсем не свойственны скандинавскому народу.

Кроме сего, весьма было бы хорошо знать те места, из коих вырыли упомянутые скандинавские названия Байер и Шлецер.

Наконец, замечу, что, напротив, славянские имена приняты, но посему и изуродованы немцами, скандинавами: так *Всеволод* у них преобразился в *Освалда*, Владимир, или Володимер, – *Волдемара*, *Валдемара*, наконец, Волмара. Вячеслав (по латын. Wenceslaus) в *Венцеля*. Гунерик, или Генерик (варяжск.), в *Генрика* и в *Гейнриха*. Рюрик и *Ерик* (варяжск.) приняты и скандинавами. Ерик, сын князя Померании Братислава VII, **восшел на престол Дании и всего скандинавского Севера** и проч.

Далее: список послов Олеговых и Игоревых немало вскружил голову гг. критикам. Непонятные имена им показались страшными; за то их присудили в холодную Скандинавию, потому что они непонятны. Но чтобы осуждение было критиковидно, Байер, сей неутомимый Байер, чтобы обличить их в скандинавском их происхождении, бросился в «перингшельдовы» упландские памятники, басни, сказки и камни, на коих, по словам г. Погодина, он «нашел ...многое, что может служить к объяснению» сих почтенных дипломатов Олега и Игоря! «Но при очевидном сходстве сравненных почел оно уже излишним», – объяснять их, – и потому «не привел в расуждении своем о варягах»!⁶³

Эверс, который не так легко верил историческим чудесам, отступив от веры шлецеристов, сказал: «Имена по-

сланников еще менее могут служить доказательством, нежели княжеские»⁶⁴. К этой ереси побудило его естественное и весьма справедливое замечание, что имена сии в разных стихах пишутся различным образом. Он привел сии имена из Шлецерова Нестора (III часть, стр. 306), сличенные из разных списков, так, например:

Послы Олеговы:

Карлы, Карло, Корло, Калар, Карл;

Ингелд, Ингелде, Инглад, Ингелд;

Фарлоф, Фарлас;

Веремуд, Велмид, Велмдре, Фьвелим, Велмудрь;

Рулав, Ролав, Друлав;

Гуды, Груды, Грудый, Гроды;

Руалд, Рулад;

Карн, Каринфаслов;

Фрелав, Флелад, Флелавль, Фаслав, Фослав;

Руал, Риар, Риуар, Рькар, Риуварктеву, Актеву;

Труан, Труане, Триан, Труаллиду;

Фостотемид, Лидулфост, Лидулфосте, Лидолфьст, Лидул Фолст, Андул Фост, Стемид.

Послы Игоревы:

Фуеваст, Вуефаст, Ибуехат;

Искусеви, Слуды;

Улеб, Улеп, Володисла;

Канецар, Каницар, Каничар, Кагирар;

Предславин, Передаславл, Предславинтых берн, Предславнейших берн, Шигоберн, Ших берн;

Сфаиндр, Сфандр, Сфанедри, Ефандр;

Улебовы, Убегли, Улебле;

Прастлен, Пристен;

Тородуби, Тудруви, Турдуви;

Лабияр, Лите, Либя;

Фастов, Фастав, Фристов;

Грим, Ири;

Сфирков, Форскам, Прастен, Пристен;

Якун, Акун;

Кары;
Тудков, Вков;
Каршев, Кашлев, Шарко;
Судоров, Турдов;
Егриермисков, Евреивлисков, Егриевлисков, Еврияликов;
Иков, Воист, Войков;
Истряминдов, Истр Аминдов, Амиднов;
Прастен, Бернов;
Ятвяг, Ягвиг;
Гунарев;
Шибрин, Шибрит, Шибриков;
Алдан, Оледан;
Колклеков, Колеок;
Стеггетонов, Востие Гнетов;
Сфирка, Ефирка;
Алвад, Евлад;
Гудов, Губодов;
Фрудри, Фудри, Дудри;
Тулбов, Тулдов, Туадов, Долдову;
Мутор, Мутур;
Утпин, Устин, Успин;
Купец;
Адун;
Адолб, Адубл, Адулб;
Антивлад, Иггивлад, Згеивледи;
Улеб, Олеб, Алед. Олебис;
Фрутан, Фрутак;
Гомол, Гоман;
Куци, Каше;
Емиг, Елиг;
Туробрид, Турдив, Тарбуит, Турбит;
Фурстен, Фуритен;
Бруныалд, Бруны роалд, Вруды, Бранды, Брауды;
Нолоон;
Драгунист, Гунастр, Гунист, Фрастен, Драстен;
Ингельд, Игельд;

Турибен, Турбен, Турберн;
Моны, Руалд;
Свенстир, Свеп Стир, Сведстир;
Алдан, Ольдия;
Тилей, Телина, Тилена, Итильна;
Апубкар, Пупсар, Путар, Пубксар;
Свен;
Вузлеб, Бузлеб, Вузелев;
Исинокобирич, Исинка Борич, Исикин Бурич, Синко Бо-
рич (!);

«Ведь еще не доказано, – продолжает Эверс, – как они подлинно назывались, ибо кто знает – Калар ли или Карло, Фарлов или Вархов, Вельмудр или Велмид, Фуеваст или Ибуехат настоящее имя?»⁶⁵ И позволительно ли, нужно ли приискывать созвучные у скандинавов, когда настоящие имена послов неизвестны?

Сверх сего ко всем упомянутым именам можно найти созвучные и даже тождественные не только у скандинавов, но и у прочих европейских и азиатских народов. Далее: критики утверждают, что сии послы были варяги; почему же искать их нужно в Скандинавии?

Главная беда в том, что сии имена показались критикам непонятными, т.е. необъяснимыми из лексикона! Посему и решились они искать чего хорошего для их объяснения в скандинавских сказках, баснях, камнях! Но почему не обратить внимание на то, что каждый народ еще и ныне имеет множество необъяснимых имен, которые со времени христианской религии превратились в прозвания? Ведь в древние времена, когда патронимические и тому подобные формулы для имен еще не были общие, когда еще люди не имели понятия об геральдии, люди назывались частью понятными, частью же непонятными названиями. Вот живое тому доказательство: соберите порядочное число русских фамильных названий и отбросьте от них введенные патронимические формулы или окончания: -ов, -ев, -ин, -ын, -ович, -евич, -ко, – увидите множество понятных, но еще больше непонятных названий.

Между малороссами, а наипаче между карпато-россами, у коих еще не вошли в употребление великоросские формулы, еще и ныне найдете множество голых понятных и непонятных названий. Там спросите список поселян у какого-нибудь деревенского священника и увидите, что сверх имен на *-вич*, *-ов*, *-ин* есть там: Воробей, Цап, Медведь, Гусарь, Грабарь, Скотарь, Володарь, Господарь, Маринец, Лопец, Паец, Заяц, Лыбедь, Боян, Шекмар, Двюло, Тева, Гончар, Фуцур, Кондаш, Сфирек, Бойта, Мазур, Буркунт, Дурнограй, Манайло, Галатиба, Поростень, Коростень, Гарный, Студеный, Лысый, Найда, Тотайло, Мадрига, Верига, Глюдз, Синегуб, Черноус, Кундур, Синко, Безег и тысяча тому подобных. Итак, не вздумает ли кто-либо для объяснения имен сих русаков обратиться к египетским пирамидам и иероглифам, потому что они непонятны?

«Встречаемая, – говорит Эверс, – часто в халдейских именах частица *цар* и *зар* ввела Михаелиса, впрочем столь глубокомысленного исследователя, в мысль, что вавилонские халдеи были, может быть, славяне! Ученый языковед Бютнер не только поддержал его мнения, но объяснил даже имя *Небукаднецара* славянскими *Небье-кад-зенци-цар*. Старший *Форстер* распространил сие еще далее: у него *Небукад-незар* было то же, что *Небу-годной-царь*. Шлецер сделал конец сей словопроизводной игрушке настоящим историческим исследованием.

Ограничиваясь только на созвучии, мы не можем быть безопасными от заблуждения и при величайшем сходстве. Сие созвучие, произведенное случайно, часто отзывается с разных сторон мира. Кто бы не понял в имени *Локман* и *Свен-ванг* немца и скандинава? Между тем первое принадлежит арабу, а последнее китайцу. Черкесский князь *Инал* очень легко соглашается в ухе со скандинавским *Иналд*, *Ингалд*»⁶⁶. Тесть императора *Василия Македонского* «по всем византийцам был *Гууерое*, который, по свидетельству *Кедрина*, происходил из знаменитой фамилии *Мартинациев*, должен ли быть скандинавом?»⁶⁷

Итак, не только что нельзя полагаться на имена, но и непозволительно по правилу здоровой критики. Посему в именах князей и послов нет ни малейшего повода в пользу шлецеристов.

Наконец: подлинность посольских имен мне кажется весьма сомнительной. Ведь письмена введены в Русь только с принятием христианской религии, стали входить в употребление только со времен Владимира Великого; каким же образом сохранились сии имена? Кто поверит, чтобы толикое множество названий со времен Игоря и Олега могло перейти к Нестору только преданием чрез пространство почти более 200 лет? Кто знает из одного только предания одних лишь послов императрицы Елизаветы Петровны? Иначе признать их нельзя, как только выдуманными, хотя, впрочем, никто не станет сомневаться, что Игорь и Олег действительно послали послов в Грецию. Но кому приписать сию выдумку, нельзя угадать; ведь еще не определено и не доказано, как требовал Шлецер, что принадлежит в летописи Нестору и что его переписчикам. Нельзя, однако, предположить, чтобы она принадлежала Нестору, который почитал писанное им за священное и принадлежащее к знаниям отечественной Церкви.

Впрочем, если они не выдуманы, то они не иначе могли быть сообщены Нестору, как только греками, коих писателями он пользовался и кои могли заметить имена присылаемых к ним дипломатов. Если и так случилось, то сии переговоры не могли быть перековерканы под греческим пером, а впоследствии опять и еще опять переписчиками.

Еще остается сказать нам что-нибудь о шведском языке, дошедшем до нас, как думают толкователи, в семи днепровских порогах, на коих они спотыкнулись и где они обнаружили всю вершину своего искусства толковать.

Г-н Погодин, собравший сии толкования⁶⁸ и где нужно было распространить оные, в начале оных говорит: «Русские названия семи днепровских порогов⁶⁹, помещенные императором Константином Багрянородным в книге его об управлении государством (писан. 949–952 г.) *могут быть*

*объяснены только (?) из языков скандинавских, согласно с названиями славянскими и переводом греческим, там же помещенными*⁷⁰.

Здесь представляются в сокращенном виде объяснения их по Лербергу. Сей испытатель истории вследствие слов Нестора, причисляющего (!?) руссов к тем варягам, к коим принадлежали шведы, норвежцы, англичане и датчане, употребляет преимущественно их язык при объяснении»⁷¹.

Положение гг. толкователей, что *нерусские названия порогов могут быть объяснены только из скандинавских языков*, весьма несправедливо, ибо основано на ложном понятии, будто Нестор причисляет россиян к варягам, к коим же будто бы он же причисляет и скандинавов. Если бы Нестор сказал подобное и если бы доказали ясно толкователи, что три различных народа, россы, варяги и шведы, составляют один и тот же народ, тогда бы позволительно пускать их в скандинавские лексиконы, но как ни Нестор, ни всеобщая история, ни здравый рассудок ничего подобного не допускают, то с сим вместе и не допускается объяснение нерусских имен порогов из скандинавских языков. Исправление ошибки Константина уже делает ненужным всякое их объяснение. Но если кому захотелось бы объяснить их, то надлежит ему гораздо естественнее обратиться к летским наречиям, а не к скандинавским.

Посему рассматривать толкования нерусских названий я почитаю излишним, ибо дело сие есть постороннее и ничем почти не относящееся к объяснению происхождения руссов. Любопытно, правда, прочесть оные; по крайней мере, можно там познакомиться с искусством перетолковать имена, которого главное достоинство состоит в перемене слов, употребленных Константином. «Мы имеем полное право, — изъясняется между прочим г. Погодин, — при сем объяснении русских (т.е. нерусских) названий из скандинавских языков принимать некоторые перемены в словах»⁷²! Зато досталось бедным скандинавским языкам! Все попутное должно было попасть под толковательный молоток, и «если, — скажу с Шлецером (Т. II, стр. 114), — какое-либо слово не имело за-

метной созвучности с другим, о котором идет дело, то его поднимают на этимологическую дыбу и мучат до тех пор, покамест оно, как будто от боли, не издаст от себя стона или крика такого, какого хочет жестокий словопроизводитель». Вот характер толкований о нерусских порогах, занимающих от 55 до 74 стр. в *Рассуждении о происхождении Руси*. Мне остается еще заметить, что откуда бы ни вырыл Константин нерусские названия порогов, однако нет сомнения, чтобы они не пострадали больше или меньше и под его пером, см. <...> (Pogodin, pag. 73–74).

Д. Еще находят толкователи доказательство шведского происхождения россиян в чрезвычайном сходстве скандинавских законов с *Правдою Ярослава*.

«...Доказательство, что варяги происходят из Скандинавии, – говорит Шлецер, – шведские и датские законы удивительное имеют сходство с древнейшими русскими законами, известными под названием *Русская Правда*, которые даны были новгородцам Рюриковым праправнуком *Ярославом*. Коллежский советник *Струбе* доказал это в речи, говоренной им в 1756 г. в Академии наук, из которой сделал я обстоятельную выписку в *прибавлении* моем к *Neuveranderter Ruszland*, ч. I, с. 334–353. Теперь привожу только один пример: *Правда Русская*, с. 5 (моего издания).

Аще кто поедет на чужом коне, не прошав его, то положити три гривне.

А в *Judtsche Lowbok* (Ютские законы), кн. III, гл. 54, поставлен перевод на простонародном немецком языке: *Ritt jemand eines anderen Mannes Perd, ane des sinen willen, deme dat Perd thohoret, de brikt davor dre Mark an den Bonden* (т.е. *Кто поедет на чужом коне без воли того, кому он принадлежит, тот платит за то три марки*)⁷³.

Заметим здесь: 1-е, что Шлецер заключает о происхождении варягов, а не россос. Варяги же и россы совсем различные народы, посему хотя бы варяги происходили от шведов, но россы как особый народ не происходят и не могут происходить от шведов.

2-е. Следствие от сходства или даже тождества законов не может быть и о тождестве или сходстве народов; неужели станут утверждать гг. исследователи, что римляне происходят от греков потому, что 12 законов греческих находятся слово в слово у римлян? Неужели они подумают, что немцы суть потомки римлян, потому что они много имели доброго из указов римских императоров, собранных в огромную кипу в царствование Иустиниана? Скажут ли они, что англичане суть французы, потому что они заняли кое-что хорошее из законов Салийских и Рипуарских, как мы видели выше, говоря о *варягах*?

3-е. Эверс совершенно разрушил сие убежище исследователей. «Правда, – говорит он, – есть великое сходство между обоими законами, но оно никогда не может показать скандинавского происхождения россиян (Russen). Ибо Ютские (датские) законы [Lowbok] выданы впервые только в 1240 году, во время Волдемара II, следовательно, 223 годами позже (Ярославовой) Правды, посему и не могли служить ей основанием. При составлении его [Lowbok] преимущественно пользовались Скониийскими [Schonische] законами (шведскими), из коих могло быть принятым и запрещение езды на чужой лошади. Вот оно в шведском переводе: *Rider man en annans häst utam lof, inom byens ägor bötes 2 öre, rider man til nästa bys ägor 1/2 mark, och til tredje bys mark 6 öre...*

Но и самый Скониийский закон не более как 100 годами старше (Ютского), изданный королем Эрихом Ейегодом (ум. 1103), и посему столь же мало может объяснить, каким образом вышеупомянутое место попало в Кодекс Ярослава, как и Ютский. Сие же место находится еще и в готландских законах, кои суть древнейшие в Скандинавии...

Но во время Ярослава готландцы не имели еще никаких писанных законов, скандинавские законодатели, верно, ничего не заняли из (Русской) Правды. Загадку же о сходстве скандинавских законов с *Правдою* не иначе решить можно, как только что оба народа, скандинавы и славяно-россы [russische slawen], одно и то же заняли у *третьего*⁷⁴.

Это точно так, иначе быть нельзя. Но отыскать надлежит тот третий народ, от коего могли занять россы и скандинавы свои законы. Если взвесить обстоятельства, коими могли перейти сии законы к россам и скандинавам, то надлежит отыскать народ деятельный, опытный, могущественный, коего влияние на сии два различных народа должно быть непосредственное, ибо трудно иначе понять переход законов. Эверс говорит, что «нужно его искать у немцев, у французов, коих древнейшие законы часто сродны (с законами россос и скандинавов) и в духе, и в выражении, как видно и из того, что и они запрещают своевольное употребление чужой лошади»⁷⁵, как в Салийском (французском) законе «*Lex Salica reformata*. Т. XXV... *Si quis caballum sine permissu domini sui ascenderit et eum caballicaverit, 600 denar, qui faciunt solidos XV culp. jud.*»⁷⁶, и в Рипуарском «*Lex Ripuariorum*. Т. XL... *Si quis caballum extra consilium domini sui ascenderit, triginta solidis culpabilis judicetur*»⁷⁷.

Но это только французские законы, у немцев же нечего искать подобного, ибо они ни малейшего политического влияния не имели ни на скандинавов, тем менее на россиян, и если у них есть что-либо подобное, то это они могли и должны были занять у франков в целый период Каролингов. Тем менее имели влияние на скандинавов и преимущественно россос самые франки. Каким же образом попался закон о чужой лошади в Россию, тот самый, который находится и у шведов, датчан и французов? Правда, у сих последних он древнее всех, но нельзя допустить, чтобы русские заняли его прямо у франков; выше же сказано, что он и от скандинавов не мог перейти к русским, у коих он был уже прежде их.

Для сего, чтобы решить задачу самым вероятным образом, приискать надобно другого древнего посреди их

---

* Если чью-то лошадь оседлают без разрешения ее хозяина и поедут на ней, то следует уплатить штраф в 600 денариев, что составит 15 солидов (лат.). – Прим. сост.

** Если чью-то лошадь оседлают без разрешения ее хозяина, то следует уплатить штраф в 30 солидов (лат.). – Прим. сост.

живущего народа, от коего бы могли все порознь занять то или другое. Какой же был народ, который имел влияние на окружающих своих соседей, а преимущественно на шведов и россиян? Ответ сам по себе следует, что: *варяги*, сии грозные повелители северных народов. Что россы при влиянии на них варягов напитаны были их духом, мы имели уже случай заметить; то есть что россы переняли обыкновения и законы у варягов, несомнительно, ибо обыкновения и законы народа представляют нам дух его.

Что датчане и шведы заняли тоже у варягов, несомнительно, ибо от русских они не занимали, по словам Эверса, на что и толкователи легко согласятся; от франков, довольно отдаленных, с коими они мало дела имели, тоже не так легко могли занять. Почему? Потому что скандинавы и россы заняли свое из одного источника, как видно из самого текста; россы же совсем не могли занимать у франков ничего и заняли именно у варягов. Ксему, варяги со скандинавами близкие соседи; наконец, варяги такое же влияние имели и на скандинавов, какое и на россиян. <...>

Еще остается спросить, не взяли ли от франков свое варяги или наоборот? Здесь трудно сказать что-нибудь решительное.

Известно, однако, что варяги есть коренной самобытный народ, который стал быть известным римлянам тотчас с завоевания ими сторон, лежащих к северу, т.е. тотчас, как только стали умножаться их сведения о народах. Франки же есть новый народ, появившийся во Франции только с пятого столетия; известно и то, что в составление французского народа вошли: 1-е) коренные жители *галлы*, 2-е) *римские колонии*, коих в Галлии было много, 3-е) нашедшие народы. Главнейшие из сих были: а) варяги, слывшие у одних писателей под именем *вандалов*, у других под именем *аланов* или отчасти *готов*, смотря по понятиям летописцев. Часть сих-то варягов из Франции удалась в Италию, а оттуда в Африку; б) после варягов замечательны *летские* племена, тоже слывшие под именем *готов*.

Каким образом вошли сии народы под одно правление и кто из них взял верх над прочими, и каким образом составили они то целое нынешнее, коего черты в отдельности еще так ощутительны, на сей раз не так легко решить по запутанности и темноте в истории тогдашних обстоятельств, посему происхождение и образование французской монархии требует дальнейших изысканий и объяснений.

Впрочем, если должно здесь не оставить франков без внимания, то вместо решительного следствия точных изысканий нельзя не сказать, что франки еще до сих пор остаются историческою загадкою. Мы упомянули выше о сем имени и его введении. Все, что в сем отношении должно быть подвергнуто критике, есть вопрос: какому именно народу из вошедших в состав Франции сие имя принадлежит?

В сем случае можно почесть за несомненное, что оно не принадлежало ни коренным жителям сей страны – галлам, – ни римлянам, состоявшим на ноге военной, преимущественно же жившим в пространных колониях. Посему оно могло принадлежать одним только *нашедшим* народам, или, иначе, варварам. Но кому из них именно? Поелику франки взяли верх над прочими народами Франции тотчас с падения последних развалин римского могущества в сей стране, то само собою следует, что они играли главную роль и при борьбе с последними силами римлян, состоявшими тогда из одних почти колониальных милиций, и при низвержении ига с сей страны. Сию-то роль играли *вандалы*, так именуемые современными писателями; но сие имя в последствии времени заменено названием *франков*. Весьма естественно, что имена нарицательные должны были исчезнуть рано или поздно, будучи заменяемы или собственными, или другими нарицательными, но более сходными. Сие случилось и с вандалами в Балтийской Славонии, где их писатели немецкие назвали несвойственным им названием *славян*, а Нестор, по связи их с россамы, собственным *варягов*. Видно, сие же случилось с ними и во Франции. Какое же название *франков*: собственное ли или нарицательное? Видно, собственное, ибо анало-

гия между *франками* и *варягами* есть разительная. Видно, что франки и варяги был один и тот же народ, небольшое же различие в сих двух именах произошло от произношения в разнородных устах.

Хотя нельзя сомневаться, что варяги назывались *варягами*, однако еще неизвестно, произносили ли они свое название именно *варягами* или, только с небольшою разницею, немного иначе. По крайней мере, известно, что там, где заграничные славяне после двух согласных употребляют одну гласную, русские, а преимущественно малороссы, ставят еще одну гласную среди сих согласных, например: *прах*, *млад*, *град* и проч. Не сделал ли и Нестор сей небольшой перемены или добавки, могшей случиться весьма легко?

Больше пострадало сие название между иностранцами, а преимущественно народами латинского происхождения, а именно римскими колонистами, кои весьма легко могли *варягов* или *врагов* произносить *франками*, ибо *-в-* и *-ф-* произносятся одинаково, одна легче, другая немного покрепче; то же самое с *-г-* и *-к-*. Но что принято *-н-*, сие зависит от звонкости латинского языка, и посему римско-галлского колониального наречия, из коего образовался нынешний французский, коему столь свойственно носное *-н-*. Посему нельзя полагать, чтобы франки себя называли именно *франками*; по-видимому, сие название происходило из органов римляно-галлов, кои, как образованные и принадлежащие к народу классическому, ввели оное в письменное употребление по своему выговору, от коих оно занято и прочими европейцами.

В последствии времени сие наречие, сделавшись книжным, стало входить в употребление и между франками и прочими народами Галлии (в высшем т.е. их сословии). Но будучи языком только колонистов, несмотря на свое торжество, оно не могло истребить прочие и по сию пору; оно и ныне употребляется только высшим сословием и средним. Большая же часть жителей, а именно поселян в разных областях Франции, говорят своими наречиями или языками.

Сие служить может против неосновательного мнения, ничем не подкрепленного, будто франки были немцы. Патроны сего мнения взяли повод к оному, что франки прибыли в Галлию из Германии, германцы же, по их мнению, суть немцы. Это весьма не основательно, ибо *germanns* есть название слишком общее, не заключающее в себе ни малейшей народности; оно тем больше еще может принадлежать славянам потому, что они большую часть занимали Германии; посему германскими народами, или просто германцами, по тому же праву называются и славяне, как и немцы.

Ксему, в предисловии к законам Салийским между прочим сказано⁷⁸: «*Franci uti coeperunt legibus, et Legem Salicam dictaverunt per quatuor gentis suae proceres, electos de pluribus, his appellatos nominibus, Wisogast, Bosogast, Salogast, Widogast etc.*», то есть: «Франки начали управляться законами и составили закон Салийский чрез четырех вельможей своего народа, называемых: *Вишегаст*, или Визогаст, Божогаст, Салогаст и Видогаст» и прочее. Здесь очевидны названия, свойственные только одним славянам, а именно варягам.

Сверх сего, имена франкских королей до Карла Великого, как: *Мировой*, *Клодовой*, или *Кладовой*, *Кладомир*, *Кладарь*, *Хильдерик*, *Феодорик* (обыкновенно пишутся латинцами: *Meroveus, Clodoveus, Clodimir, Clodarius* или *Clotarius*, а после *Lotharius etc.*), совсем не пахнут немецкими, но напротив, славянскими (варяжскими), у коих, как и у чехов, есть: *Мстивой*, *Боривой*, *Генирик*, *Гунерик*, *Ерик*, *Рюрик* (кои у латинцев: *Mstivojus, Mistivojus, Mistibojus; Borivous, Voryvorius* и проч.).

Итак, франки суть выходцы, или, лучше, завоеватели – варяги, – те варяги, коих силу испытали и скандинавы, и россы. Сие подтверждает сходство духа законов франкских с законами скандинавов и россов, перенятыми у варягов. Посему дух или законы франкские происходят вместе с народом (франками) из Варягии.

Е. Еще доказательство находят толкователи в так называемых «западных летописях». Это есть не иное что, как одно

место из Бертинской летописи, в коем упоминается имя россов. Вот оно в переводе: «Он (Феофил) послал также с ними (своими послами к имп. Людовику) некоторых людей, именовавших себя, т.е. народ свой, *росами*, которых под видом дружбы, как они уверяли, прислал царь их, именем Хакан, прося в упомянутом письме, чтобы император благоволил дать им средства и помощь возвратиться домой чрез его державу; поелику путь, которым пришли они к нему в Константинополь, чрез места, обитаемые народом жестоким и варварским; почему и не хотел бы он, чтобы те возвращались оным путем за сею опасностью.

Император, прилежно испытывая причину прихода сих людей, открыл, что они из свеонов. Почитая их более шпионами нашего и того государства, нежели искателями дружбы, приказал он задержать их дотоле, пока точно найдется, с каким намерением они туда пришли»⁷⁹, и проч.

«Вот как рассматриваю я, – говорит г. Погодин, – сие известие: “посланные называют себя пред греками и императором Людовиком *россами*”. С чего можно здесь предполагать, что они, называя себя так, обманывают и греков, у коих были с поручениями, и франков, у коих просят теперь покровительства?»⁸⁰ Вопрос бесполезный и излишний! Ведь же люди, называвшие себя *россами*, были в подозрении у императора, и по тщательном исследовании вышло, что они принадлежат к роду шведскому, то есть что они *шведы*, или, что одно и то же, не *россы*. Ведь цель исследования была, чтобы узнать, *россы* ли они в самом деле, и результатом оказалось то, что они не *россы*, а *шведы*; иначе понять сие место нельзя. Но можно ли здесь заключать, что русские суть шведы, потому что люди, называвшиеся *россами*, не были русские, а шведы? Станный силлогизм! Ведь будучи шведами, они называли себя *россами*, а не шведами, посему они обманывали и греков, и франков, иначе они не могли бы произвести на себя подозрение. Кроме сего, сие место показывает: 1-е) что шведы и *россы* суть различные между собой народы; 2-е) противоречит тем, кои бредят об имени *россов*.

Г. Погодин утверждает, что Тунманн, Шлецер и Карамзин нехорошо воспользовались сим известием Бертинской летописи, по его мнению, надобно было сказать, что россы суть норманны, а не шведы, ибо говорит он: «Шведы принадлежали к норманнам; следовательно, и россы принадлежали к норманнам *сице бо ся зваху тьи варязи русь, яко се друзии зовутся свее*»⁸¹ (!). Он силится еще доказывать вопреки вышеупомянутым исследователям. Это есть *vixta de Cana Caprina*. Ибо норманны есть имя неопределенное, как мы видели выше. Видно, он усмотрел, что русские не могли быть шведами, для того он обращается к общему – местному названию норманнов и заключает, что россы были так же норманнское племя, как и шведы, норвежцы, датчане и англичане. Норманнов берет он за общее название одноплеменных народов – это несправедливо, ибо *норманны* есть название только по местоположению, если же прибавить к сим племенам еще другие, им соплеменные, саксов и боев, то лучше взять за общее название немцев и дайчеров (немецких или дайчерских племен), коего виды будут: шведы с норвежцами, датчане, англичане, саксонцы и бои. Г-ну исследователю угодно было доказывать, что и россы принадлежат к сему разряду: мы видели, однако, что россы принадлежали и принадлежат к роду *славянских* племен.

Странно, что все древние виды дайчеров еще и ныне не только что вполне существующие, но еще и распространившиеся, вид же россос он нам не показывает, кои исчезли без вести и без следу, почему исчезли? Потому что не принадлежали к роду ни норманнов, ни дайчеров.

Несмотря на то, что отделяет россос от шведов, как особый вид, он доказывает норманнское их происхождение тем, что чухонцы называют *руотсами* или *ротелайнами* не их, а шведов! И что какой-то округ в Швеции называется Рослагеном, или Родеслагеном! Какая критика!

Наконец, еще доказательство, что *россы* суть племя норманнское, находит в словах *Лиутпранда*: «Ad illum (Romanum Imperatorem) iniscus vitricus mens, vir gravitate ornatus... qualiter hie Impor Russios vicerit, emu audivi saepius dicere.

Gens quedam est sub Aquilonis parte constitata, quam, a qualitate corporis Graeci vocant. Russos, nos vero a positione loci vocamus Nordmannos. Lingva quippe Teutonum *Nord* aquilo, *man* autem mas, seu vir dicitur: unde et Nordmannos Aquilonares nomines dicere possumus.

Hujus gentis Rex Inger vocabulo erat, qui collectis 1000 et amplius navibus Constantinopolim venit»⁸².

Т.е.: «Отчим мой, посланный в Константинополь, часто рассказывал, как Император победил россов. Это есть народ, живущий на севере, которого мы по местоположению называем нордманнами». И заметьте точность Лиутпранда, который, кажется, боялся, чтобы его не понял г. критик, коего чтобы образумить, прибавил честнейшее объяснение: «Ибо на дайчерском (немецк.) языке *nord* значит север, а *man* – человек; посему вместо нордманнов можем их назвать северными людьми, или северянами». Кто же не поймет Лиутпранда, почему русские могут называться северянами, а по-немецки нордманнами? А г. критик все еще не понял. Прибавим: если бы на месте россов жили египтяне или индийцы, и они назывались бы норманнами, северянами, *aquilonares*, *hyperborei* и тому подобное⁸³. Довольно ли?

Но возвратимся в Россию: обратимся к Шлецеру и его последователям, чтобы держаться нити его исследований и доказательств. Выше мы видели, что он, по обыкновенным своим замашкам, разделяет россов на два различные народа, в чем основывается на неведении Нестора! <...>

Он россов, живущих около Черного моря, по необходимости должен признать племенем славянским; балтийские же, т.е. новгородцы, хотя были славяне, но получили свое название *россов* от своих завоевателей норманнов-шведов-варягов-скандинавов! Рассмотрим доказательства.

Заметим еще, не без великого удивления, что Шлецер производит имя россов от скандинавов, между тем как сие же имя уже прежде носили южные, т.е. прилежащие к Черному морю, славяне. Ведь южные россы были славяне, северные, т.е. балтийские, или новгородцы, были тоже славяне, южные

назывались *россами*, – для чего же северным производить название от иноплеменников, что ни история, ни естественность, ни здравый рассудок подтвердить не могут? Для чего производить название от иноплеменников, когда оно в самом отчестве находится? Но спросимся, на каких исторических источниках основывается Шлецер? На одних своих объяснениях Несторова текста.

Вот в чем дело состоит. Нестор, приступая к своей летописи, обратился к первому источнику человеческого рода – к кораблю Ноеву. Он разделяет вселенную между тремя сыновьями Ноя: Симом, Хамом и Яфетом. Симу досталась в удел Азия, Хаму Африка с частью Азии, а Яфету Европа с частью Азии же. При сем случае исчисляет названия земель, попавших в удел каждому. В этом Нестор следовал своим учителям, грекам, из коих он заимствовал сие разделение.

В уделе Яфета исчислены только области, лежащие вокруг Черного моря и Византийской империи и нынешней России. Причина тому та, что космографы, греческие монахи, совсем не имели понятия о прочей части Европы. Россия при этом исчислении два раза упоминается: однажды под именем *Скифии*, а в другой раз – под именем *Сармации*.

Нестор, не поняв значение сих двух имен, рассудил за благо дополнить недостаточное исчисление Яфетовых земель. Названия земель греческие суть старинные, обветшалые, они не были уже в употреблении и у самих греков в то время, как Нестор писал. Сей старик дополнил удел Яфета названиями, известными в его время. Он начинает с самой Руси и окружающих ее народов: *«Во Яфетове же части седит русь, чудь и вси языцы, меря, мурома, весь, мордва, заволоцкая чудь, мермь, пещера, ямь, угра, литва, зимгола, корсь, летгола, либь»*.

Итак, Россия здесь в третий раз упоминается; два раза по старинной греческой номенклатуре, а третий раз по русской, ибо с нее начинаются названия областей по русской номенклатуре, кои Нестор прибавил сам от себя.

Упомянув вообще о Руси и исчислив лежащие вокруг нее названия, он обращается за границу и продолжает так:

«Яфетово же колено и то: варязи, свеи, урмане, готе, русь (? – прусь), аглане, галичане, волохи, римляне, немцы, корлязи, венецицы, фрягове, и прочии».

«В другой раз *руссы*, – восклицает Шлецер, – и здесь между датчанами и англичанами! Этого быть не может: они здесь так же вставлены, как и выше»⁸⁴.

Быть не может, скажем в свою очередь, чтобы выше имя руси было вставлено. Возможно ли, чтобы Нестор, хотя исчислить все земли, окружающие его отечество, не упомянул прежде о руси? Необходимость понятия именно требует здесь слова *русь*. Или, хотя бы даже и не существовало слово *русь* в начале первого текста, то выражение Нестора *и все языцы* требует предшествующего понятия *руси*. Или по какой причине мог бы заключать Шлецер о вставке слова, без которого Нестор не мог обойтись? Самая дерзостная замашка.

Что в сем последнем тексте не должно быть *руси*, весьма явствует; ибо никак нельзя допустить, чтобы Нестор, упомянув прежде о руси и лежащих вокруг нее землях и обратившись к исчислению заграничных народов, посреди их упоминал опять о руси без всякой нужды, против порядка и ясности понятия, которое он старался внушить. Ясно видно, что слово *русь* здесь опечатка или ошибка, причиненная переписчиками, вместо *прусь*. Это еще явнее покажется, если прочтем предшествующие сему тексту слова Нестора: *«Ляхове же и пруси и чудь приседят к морю Варяжскому. По сему же морю приседят варязи семо к востоку до предела Симова. По тому же морю седят к западу до земли Агнянски и до Воложски».*

После сих слов приступает к исчислению прочих европейских народов, входящих в состав Яфетова колена, говоря: *и то* принадлежит Яфету, где живут варяги, шведы и проч., между коими он должен был упомянуть и о *пруси*, или *пору-си*, как и о варягах, коих жилища он выше определил вместе. Кроме сего, слово *и то* именно исключает *русь* от повторения, ибо оно распространяется только на народы, не исчисленные в первом тексте.

Посему читать должно: «*Яфетово же колено и то: варязи, свеи, урмане, готе, прусь, агняне и прочие*».

Поскольку здесь упомянуто о варягах, которые толикую роль играют при вступлении на театр российской истории и которые подали повод многим головушкам к историческим интригам и бредням, здесь необходимо нужно изыскать, что за народ, где были, где жили сии.

Варяги

Байер в своей диссертации о варягах первый стал изыскивать известия о сем народе. В начале своих разысканий он с педагогическою гордостью и самоуверенностью утверждает, что никто ему не объяснит варягов так, чтобы он мог одобрить. Произведение (*resultatum*) его исследований химерическое есть следствием рудбековских его догадок.

Шлецер мучился 40 лет, как сам говорит, над объяснением варягов. Говорю «над объяснением варягов», ибо прочее в *Несторе* довольно ясно. Он взялся за *Нестора*, на коего Байер не хотел взглянуть. Труд, понесенный им при сличении разных списков *Нестора*, делает ему непреодолимую честь. Он старался поддержать Байеровы гипотезы; приняв на себя профессорскую важность и вид грозного, беспощадного критика, он перепугал последующих ему молодых историков; Карамзин и прочие присягнули ему на послушание и поклонились низко пред прадедами своими скандинаво-норманно-шведо-варяго-руссами!

А как со времени *Шлецера* изыскания касательно варягов еще ни шагу не подвинулись далее и только повторялись в *Истории Российской империи* и некоторых еще других мелких диссертациях, следственно, *Шлецер* служит как бы классическим руководителем для появляющихся молодых критиков, я буду следовать по всей нити его изысканий и объяснений, обращая внимание и на прибавляемые исследования, или, лучше сказать, мнения и догадки его последователей.

Имя варягов как народа нигде не находится, как только у *Нестора*. Подходящие к сему имена еще упоминаются не-

сколько раз в византийских писателях. У западных писателей весьма трудно отыскать их следа, что подало повод Байеру и Шлецеру с наследниками их мнений к весьма смешному слово-производству. Итак, главное дело составляют варяги Нестора. Посмотрим, как объясняет их Шлецер.

Вот слова Нестора: «*Яфетово же колено и то: варязи, свеи, урмане, готе, прусь, агняне, галичане, волохи, римляне, немцы, корлязи, венецицы, фрягове и прочии*».

Шлецер объясняет так⁸⁵: «1) “*и то: варязи*”. Поэтому *варязи* стояли бы здесь не как *общее* название всех жителей Балтийского, Немецкого и Средиземного моря в Европе; но как особенный и именно отличный от *шведов* народ?⁸⁶ Но *и то* совсем нет в в *Алат.* Списке⁸⁷; а в Радзивилловском недостает по крайней мере *и*. В прочих же списках *то* очень часто так близко поставлено к слову *варязи*, что кажется, будто исчисление народов начинается только с *свеи*⁸⁸. Правда, что знаки препинания нимало не соблюдены в рукописях, но все можно думать, что тут есть описка. Если *то* (средн. единств.) взять за *тии* (муж. множ.), то вышел бы такой смысл: *Яфетова же племени и сии варязи: свеи*» и проч.

То описка? Почему же? Ведь *то* соглашено с *колено*; оно придает тексту полный смысл; не потому ли, что стоит близко к *варягам*? Позволительно ли без нужды его переменять?

Но допустим *то* переменить без нужды на *тии*, смысл, однако, выйдет один и тот же, ибо *то*, будучи соглашено со словом *колено*, заключает в себе все народы исчисляемые; *тии* же должно соглашаться с подразумеваемым словом *народы*, кои должны быть исчислены. Итак, в обоих случаях, т.е. как после *то*, так и после *тии*, начинается исчисление, т.е. как после *то*, так и после *тии* должны стоять две точки; этого требует грамматика, правописание, история, здравый смысл. Итак, возможно ли подумать, чтобы исчисление начиналось только со *свеев*? Для чего искаживать ясное значение текста?

Г-н Погодин, один из ревностнейших последователей Шлецера, яснее высказал свое суждение о сем тексте⁸⁹: «Имя

варязи, стоящее в начале сего места (скажем лучше, исчисления), приводило в сомнение некоторых толкователей Нестора (!)⁹⁰. Для меня кажется оно очень ясным... Нестор хотел сказать следующее: “Яфетово бо и то колено: варязи-свеи, варязи-урмане, варязи-русь, варязи-агняне, галличане и проч.”, иначе понимать его не должно. Докажем...»

Невозможно поверить; Нестор никогда и не хотел, и не мог сказать, и не сказал ничего подобного, ибо:

1-е. Подобное подразделение, или, лучше, подразумение, никак не может быть приклеено к словам Нестора по свойству самого текста; он сказал: “*Яфетово же колено и то*”, после чего исчислил просто названия народов, более или менее, т.е. по слуху только, ему известных.

2-е. Для того, чтобы включать несколько народов, соплеменных между собою, но различных своими названиями и наречиями, под одно общее народное имя, нужны и необходимы для летописца: знание их языков и все прочие сведения, могущие побудить автора к составлению общего имени для сродных между собою народов. Этакое общее народные имена стали рождаться в новейшие времена, тогда как языкознание и этнография стали распространяться в ученом мире. То не совестно ли толкователям заставлять Нестора знать и хотеть сказать то, чего ему нельзя никак приписать? Или – если варяги было бы общее название сих четырех племен, то для чего Нестор приводил бы видовые названия, употребив родовое их с самого начала, и наоборот? Или – не угодно ли господину толкователю заключить еще, что *галличане* есть общее название волохов, римлян, немцев и корлязей, потому что они стоят у Нестора пред сими именами? Или – не видел ли г-н комментатор, что Нестор не обращал и не мог обращать ни малейшего внимания при исчислении на сродство или сходство народов между собою? У него при исчислении народов немецкие смешаны с латинскими.

3-е. Нестор сам явно показывает, что он не хотел сказать того, чего хотелось бы толкователю, говоря, что варяги распространяются только до земли Агнянской и Воложской,

следственно, сим самым они исключаются из мнимо-общего имени варягов. На сие г-н толкователь отвечает⁹¹: «Нестор-де разумел до земли Агнянской включительно». Поэтому и волохи суть варяги, ибо и они включительны. Для чего же заставляя Нестора себе противоречить? Ведь если бы он включал под варягами англичан, то он здесь явно их исключает. Следственно, противоречие здесь было бы весьма важное и открытое. Но это есть одна чистая и дерзкая клевета, ибо нет ни малейшего обстоятельства, могущего возбудить самую умеренную догадку, чтоб он понимал имя варягов, как общее скандинавам; и напротив, в сем месте он противоречит не себе, а господам толкователям, утверждающим, что имя варягов есть общее скандинавским племенам.

4-е. Мы видели выше, что между сими народами не русь, но прусь находится. Теперь кто решится сказать, что пруссаков можно бы включить под общее или родовое название вместе с шведами, датчанами и англичанами? Ныне знаем, что они могут быть включены только с литовцами и латышами под общее название летов.

Заметим, что г-н Погодин в своем критическом разборе сочинения г-на Н «О жилищах древнейших руссов» справедливо заключает, что встречающаяся русь в тексте «между урманам и англянами... означает, очевидно, особое (т.е. совсем другое от россов, означаемых упомянутою в первый раз русью) племя. Следовательно, в нашем месте русью (?) Нестор означает не племя русь (россиян), а что-либо другое (весьма справедливо): иначе зачем ему говорить одно имя два раза в одном смысле без всякого объяснения и притом в столь различных соединениях: сперва с финскими, а потом с варяжскими племенами?»⁹².

Точно так; особое племя, то есть не *русь*, а *прусь*. Прибавим, что сия прусь, несправедливо, как мы видели выше, включенная под мнимо-общее название варягов, породила в воображении господ критиков какое-то двухименное племя: *варяго-руссов (?)*; нет, если так производить, то надобно сказать *варяго-пруссов*, иначе быть нельзя.

NB. Кроме сего, еще в *Полетиковском* списке вместо *пруси* написано *руси*: «*Ляхове же, руси и чудь приседают...*»⁹³

В доказательствах ничего не нахожу, все *idem per idem*, для того их и не привожу.

Здесь заметить надобно, что на сем месте Нестора, худо и криво перетолкованном, основывается вся система критики шлецеристов.

Итак, название варягов не общее, не родовое нескольких племен, но особенное и принадлежащее только одному народу. Нестор поставил его в начале потому, что уже говорил о нем в предшествующих строках при определении их местопребывания, следственно, воображение его было занято прежним. Название *варягов* никакого не имеет ни влияния, ни отношения к прочим названиям народов.

Рассмотрев таким образом объяснение текста Несторова, обратимся к дальнейшим исследованиям, долженствующим дать нам ясное понятие о сем народе, бывшем доселе загадкою для историков.

Причиною недоумения касательно сего народа было то, что имя *варяги*, как название народа, находится только в одном Несторе. Народ сей, как видно из разных мест летописи, был могуществен; он не мог быть незнаком иностранным писателям, у коих, по несчастью, он слыл под другим именем. Отыскание сего иностранного имени варягов не могло стоить много труда; надлежало только справиться с тамошними писателями. Но, к несчастью, пристрастие и криводушие водило пером главных изыскателей, и истина столь явная должна была уступать псевдо-критическим мечтаниям.

Спросимся у Нестора: где жили варяги? (Послушаем его со вниманием!) «*Ляхове же и пруси и чудь приседают к морю Варяжскому*».

То есть: *чудь* (финны или чухонцы и эстляндцы), начиная от самого севера, живут при море Балтийском к югу до самого Балисского округа в Лифляндии.

*Ляхове*⁹⁴ же (поляки?) – леты, или, по наречию Несторова, *летове*, или живущие при море в стране Летго-

ле от Салиса до Двины, а *корсаки* от Двины сидящие над морем до Немана? Кто скажет, что поляки сидели у моря? Нельзя допустить, чтобы Нестор сделал подобную ошибку. По-видимому, у него были *льтове*. Летгола есть название страны, самые же жители не иначе быть могут, как *леты*, или *льтове*, коих переписчики XIV или XV столетий, когда уже названия *льтов* и *летголы* прикрыты были Ливониею, Лифляндиею, не поняв, с небольшою разницею в слове переменили в *ляхове*. Что *Корсь* не выставлена, это не большая погрешность, ведь *леты*, живущие как в Летголе, так и в Корси, суть один и тот же народ. Итак, от Салиса до реки Немана приморяне суть латыши (ляхове), а не поляки, как мнится Шлецеру⁹⁵.

Но пруси «приседают к морю Варяжскому»; ясно, от Немана до Вислы приморскую область населяли *прусаки*.

Далее Нестор: *«По сему же морю приседают варязи семо к востоку до предела Симова; по тому же морю седают к западу до земли Агнянски и до Воложски»*, – это ясно.

Но чтобы еще яснее и очевиднее было, надлежит поговорить о сих землях, до которых, по словам Нестора, распространились варяги. Прежде всего выслушаем толкования господ критиков.

Шлецер это место пропускает без объяснения, кроме бедных, мелких, ничего не объясняющих замечаний на слово *«семо к востоку, Агнянски и Воложски»*. Не понимаю, почему он оставил без внимания сие место, важнейшее, какое только можно желать и иметь для объяснения варягов. Но довольно; ему хотелось именно искать варягов в Скандинавии, вопреки словам Нестора и самой исторической вероятности; чем показывается его крайнее пристрастие к скандинавам, что вредит истине более, нежели самая глупость.

Почти то же самое замечаю и у прочих критиков. Взглянем на их объяснения. Впрочем, при настоящем разборе будем держаться правила: что Нестор мог сказать, а не что хотел, ибо сие последнее есть только одна гипотеза, которая мало придает весу в критике.

Итак, спросимся, что разумеет Нестор под *землею*, или страну *Волошскою*⁹⁶?

Но что такое земля Волошская? Шлецер отвечает: «Италия»⁹⁷; он говорит: «*Волошский* в одном только Ипат., а во всех прочих *Воложскы* (в Полетиковском *Влоския*). Здесь очень важно различие между *-ш-* и *-ж-*. *Воложский* происходит от *Волги*: так называются волжские булгары⁹⁸. *Волошский* же, напротив, от *волохов*, т.е. *вельшев, италианцев*, о которых именно здесь говорится⁹⁹. Еще за 50 до сего лет простой народ в Германии всякого итальянца называл *вельш* (*wälsch*). Германское слово *wall* есть то же, что сибирское *чудь*, и значит *чуждое, иностранное*: *wallfart, wälsche ruß* (по-шведски *walnöt*). Англо-саксоны называли кимвров *weallas*. По-исландски *Walland* означает как Францию... так и Италию; в шведской Библии... Италия переведена словом *Walland; валлоны* в Бельгии, *валахи* на Дунае, *валуй* (половцы) у Грубера ... от того же получили свое название»¹⁰⁰.

Это ли доказательства? Прилагательное *волошский* происходит от существительного *волохов*; посему требуется объяснить волохов. Какое же отношение сего названия в устах Нестора к словам *wall, wälsch, wallfart, Walland, weallas* и прочим употребленным может быть на полуострове Скандинавии или на островах Британском или Исландском? В исчислении яфетидов Нестор упоминает об Италии двумя именами: именно *римлянами* и *венецианами*. Даже кажется, что одних римлян, коих имя некогда так далеко простиралось, в сем случае довольно для означения всей Италии. Для чего бы Нестор стал без нужды прилеплять имя волохов к Италии, когда оно нужно и необходимо для означения довольно многочисленного и обширного, и неподалеку от него лежащего, и еще ныне слывающего под сим именем народа? Но положим, что *венедицы* послужат еще дополнением к Италии, то для чего приводить названия такие, коими Нестор не называет и не мог назвать Италии? Если немцы, или скандинавы, или исландцы называли италианцев *велтами*, а Италию *Walland*, то Нестор тех же италианцев называл *римлянами* и

еще венецианами, а Италию? Заметим, что он при исчислении яфетидов начиная с *руси* до *либи*, употребил названия земель, подразумевая живущие в них народы, чем он подражал космографии, выписанной им из греческих писателей; приступая опять к продолжению исчисления, со слова *варязи* начинает (во множественном числе) и оканчивает названиями самих народов, а не земель, в коих они обитали. Касаясь Италии, он упомянул двух ее народов, весьма известных по своим городам: *римлян* и *венециан*. Но если бы надлежало ему сказать страну, в которой жили сии два народа, он сказал бы *Италия*. Итак, почему умолчал ее, мы сказали причину; посему *римляне* и *венециане* то же, что итальянцы; следовательно, молчание Нестора весьма естественное. Это же была бы самая дерзостная клевета, если бы кто вздумал из сего молчания заключать, что он ничего не знал об Италии. Может ли здравый рассудок допустить, чтобы он не знал, в какой земле лежит бывшая столица мира, местопребывание Августа, Тиберия, Траяна, место мучения св. апостолов Петра и Павла и прочих? Одни только Деяния Апостолов довольно обязывали его к тому и прочее.

Итак, Нестор Италию знает Италиєю; посему название *волохов* совсем не относится к ней; тем менее значат слова, вырытые Шлецером, как мы видим выше.

«Карамзин принимает мнение Шлецера»¹⁰¹. *Эверс*¹⁰² возражает Шлецеру, что нельзя доказывать, что Волошская земля значит Италию, до тех пор, пока не доказано, что германское *wall* перешло к славянам.

Справедливо. Но скажем, что Волошская земля есть отчина волохов; а что как *волох*, так и *волошский* произошли между самими славянами, от коих сообщены прочим народам европейским, так верно как дважды два четыре. Именно: волохи с древнейших времен окружены были славянами, собственное их имя, т.е. коим сами себя называют, есть *румунне*, от славян же их окружающих названы волохами, а именно болгаре и сербы *влахами*, а россы, живущие в Венгрии, и другие жившие в Молдавии *волохами*. Название одно и то же,

разница только в произношении, так что где русские повторяют *-o-*, там болгаре и сербы имеют одно *-a-*: *город – град, голод – глад, порох – прах, волох – влах*. Болгаре, кои разделяли Валахию от Византийской империи, сообщили сие название грекам, у коих, естественно, находим βλαχοί, Βλαχία, Ουγγρο-Βλαχία. Сии имена латинскими переводчиками византийских историков разным образом были переводимы: *blachi, Blachia, vlachi, valachi, Valachia*. Наконец с изучением истории и географии сии последние имена утверждались во всей Европе. Россы, однако, удержали своих волохов и одну только латинизированную их страну *Valachia* – Валахия, которую, однако, простой народ в Малороссии, Галиции и Венгрии на русский лад называет *Волощиною* (волоха: волох и волошин, волошка. Прилагательное *волошьский, воложский, волошский* – произношение то же, но пишут кто как умеет, отсюда так называемые здесь грецкие орехи они называют воложскими орехами). Замечательно, что и венгерцы придержались русского слова, они волоха называют *olah, olah*. Сами же поляки их называют волохами, землю же их *Волощиною, Woloszezyzna*.

Любопытно было бы узнать происхождение сего имени, может быть, спросится кто-нибудь. Ну, для этого не недостатно словотолкователей, надлежит только раскрыть лексиконы языков: готского, англосаксонского, исландского, кимврского, гренландского, скандинавского и даже старого аллемандского за 3107 лет пред сим, отыскать в буквах *-v-*, *-w-* и *-u-* все слова, начинающиеся на *wal-*, *wel-*, *wil-*, *wol-* и проч., вот-то откроется поле догадок, мнений, положений, привидений для мечтательных головушек. Признаюсь, опасаясь сам пускаться наудачу, боюсь *obimet operam perdere**. Замечу, однако, вопреки почтенному Эверсу, смешивающему¹⁰³ двух совсем различных народов, болгар-славян и волохов-латинцев, под одно название *wlachen*. Не менее странно его произведение имени волохов от русского слова *влеку* или *волоку*¹⁰⁴, это одна только гипотеза, за верность коей он не может по-

* Совершить опрометчивый шаг (лат.). – Прим. сост.

ручиться, точно как я за иной следующей: помню, что еще и теперь карпато-россы, живущие в Венгрии по обеим сторонам реки *Тисы* в тесном соседстве с волохами, весьма часто называют их *бляхами*, по отличному их пристрастию к медным бляхам, пуговицам и прочему, которыми они украшают свои кожаные сумки, носимые ими беспрестанно, наподобие патронташей, под левым плечом. Сие-то пристрастие часто побуждало их нанесению насильств всем тем, у коих на платье оказались пуговицы, – отсюда произошла пословица: *Не носи с собою в дорогу пуговицы, а то убьет волох.*

Итак, совсем излишне говорить: приняли ли славяне *wall* от немцев, ибо *wall*, по словам самого Шлецера, значит чуждого; *wälsch* же – итальянца; а *влах* есть совсем другое слово, то есть славянское, и значит волоха. Кроме сего, соседство итальянцев со славянами теснее и пространнее, чем с самими немцами, даже самыми южными; и, кажется, можно по справедливости сказать: не приняли ли немцы понятие об итальянцах посредством славян?

И положим, что шведы называли Италию *Валланд*, то что хотелось бы Шлецеру заключить отсюда? Не то ли, что славяне получили название Италии, с коею они непосредственно граничили, от шведов! Для чего же, позволительно ли, можно ли было Шлецеру приводить слова заморские, не имеющие никакого определенного значения и совсем не годящиеся к делу, для того только, чтобы подать подозрение, не приняли ли русские сии названия от шведов, норманнов, исландцев? Это есть сущий вздор.

Странно еще и то, что существительное *волохи* в других местах Нестора толкователи признают волохами настоящими; это точно, иначе быть нельзя; но для чего же прилагательное сего же названия прилеплять к другим странам? Иной причины для этого не вижу, как только то, что господа критики, думая, что варяги в самом деле жили в Швеции, и что, гранича, по словам Нестора, до земли Волошки – Валахия, Трансильвания и Восточная Венгрия, жилища волохов показались им слишком далекими от Швеции. Посему некоторые,

отняв по той же причине от Италии Волошскую землю, приклеенную ей Шлецером, перенесли ее во Францию! Но ближе ли Франция к Швеции, чем Венгрия и Трансильвания? О критика, о здравый рассудок!

Г-н Круг именно под Волошскою землею разумеет Францию. Вот слова его: «Несторова земля Волошская есть не что другое, как Сноррова Valland. Сей же во всех местах мне известных разумеет под нею Францию»¹⁰⁵, и прочее. Признаюсь, мне недостает ни терпения, ни времени выписывать и опровергать догадки о том, что Нестор Волошскою землею называл Францию. Пусть рассудит всякий, кто только хоть немного вкусил здравой и беспристрастной критики. Пусть же на сей раз будет сказано патронам сего мнения то, что сказано мною Шлецеру насчет Италии.

«Сюда присоединить должно прекрасное (!) известие Шлецера-сына, почтеннейшего профессора: "...Название волохи вообще встречается только у германцев и у соседственных с ними народов (только у германцев? Что за народ сии германцы? Какие соседственные народы? Для чего говорить так неопределенно? Ведь был вопрос, переняли ли славяне волохов от шведов или, положим, от немцев. По-видимому, Шлецер разумеет под германцами немцев, а под соседями славян). Вероятно, последние получили оное от первых (славяне, в великом пространстве отделяющие волохов от немцев, получили известие и название первых от сих последних! Это ли красота сего известия?); сверх того, при первом взгляде усмотреть можно, что германцы сим именем называли сперва галлов, ибо они были первые чужеземные народы, коих германцы узнали, и имя их *галл* на древних языках всегда смешивают с *вал*, *wales*, выговаривают *гвалесс*, по-французски *galles*. Германцы уже впоследствии начали так называть и других народов, например итальянцев, которые прежде сего и в Северной Италии состояли из галлов"»¹⁰⁶.

Прекрасное известие?! Что можно им доказать?

Мы видели выше, каким образом *волохи* переняты европейцами, – сверх сего, как бы ни называли их: и итальянцев,

и французов – писатели шведские, исландские, немецкие и тому подобные, до этого нам дела быть не может; нам нужно разрешить вопрос: как Нестор называет французов? Все толкователи утверждают единодушно: фрягами, т.е. франками.

Если Нестор знал прочие племена, живущие в Европе и менее знаменитые своими деяниями, то имя франков, кои уже в VIII столетии составляли могущественную монархию и распространили при Карле Великом свое могущество и славу чрез всю Германию, Италию и во внутренность Испании, и соперничали с могущественнейшими владетелями земель от Индии до Лиссабона – сарацинами, то он необходимо должен был их знать, хотя только и по имени, и иметь их в своем воображении важнее прочих народов. Сие положение кажется тем естественнее, что франки часто надоедали балтийским славянам, кои беспрерывно должны были с оружием в руках стоять для защиты своих земель и богов.

Итак, Нестор знал франков, ибо упомянул о них. Но почему назвал их *фрягами*? Может быть потому, что:

1-е. Сие имя так доходило до его ушей; и весьма естественно, что имя какое-нибудь, переходя от народа к народу, должно было претерпеть измену, хотя и небольшую; может быть, сами балтийские славяне так называли их, или, может быть, они переделаны киевлянами; кроме сего, замечаю, что славяне весьма редко или почти никогда не употребляют букву *-н-* перед грубыми согласными, посему весьма легко могли у них и *франки* потерять свое *-н-*.

2-е. Нестор, как видно, пользовался греческими историками, в коих он мог найти франков не иначе как *фрауусн*, *фрауксн*, коих он мог переписать прямо *фрагами* или *фрягами*.

Итак, французы или франки у Нестора *фряги*. (Кстати здесь припомнить сказанное мною о римлянах, венецианах и Италии. Жаль, что Нестор исчислял названиями народов, а не земель, чтоб сказал в голос толкователям, как называется Франция.)

А Франция как? Поелику он не употреблял олатинизированных названий земель, т.е. изъяснялся по русской

номенклатуре, то к слову *земля* прибавим прилагательное, произведенное от народа, коего отечество должно быть упомянуто: итак, по-нынешнему *Франция*, а по Нестору *Фряжская земля*, т.е. Франкская. Как же наши толкователи говорят Волошская земля (!); а то все потому, что Снорррон Швед называл ее *Walland*, и потому, что древние аллеманды слово *валь* читали *гваллесами*!

Опять клевета на Нестора: если подумают толкователи, что он не умел произвести прилагательное от существительного *фрягов*. Иначе понять нельзя. Но как этого допустить нельзя, то отсюда следует необходимо, что Нестор под *Волошскою землею* не разумел и не мог разуметь *Францию*.

Прибавим еще заключение г. Погодина: «Сумма доказательств мнению, что земля Волошская есть Франция, гораздо превышает сумму доказательств, что земля Волошская есть Италия»¹⁰⁷.

Ни се ни то. Волохи у Нестора означают тот самый народ, который мы и ныне называем волохами; Волошская же земля есть их отечество или страна, ими обитаемая. Это покажется нам ниже яснее при решении прочих спорных вопросов. Замечу еще, что критик-историк не суммами должен доказывать, не количеством догадок и мнений взвешивать следствие, а качеством и весом оных. Часто одно доказательство, твердое, верное, уничтожает множество других. Догадок нельзя выставлять за доказательства, пока не уверимся, что они естественны, не заключают в себе невозможности и не противоречат истории и здравому рассудку. Догадки еще были приведены для защиты Италии и Франции, о коих я здесь не упоминал, ибо весьма мало касаются дела; они и без опровержений, если удастся нам объяснить варягов, исчезнут подобно привидениям. (О волохах я упомяну в других местах, где будет того требовать объяснение текста Несторова.)

Где же жили варяги? *По тому же морю до земли Агнянски и до Волошски.*

Теперь объясним, что за земля Агнянская. Шлецер говорит: это есть Англия, потому что Нестор упомянул в ис-

числении об *агнянах*, коих Шлецер в иных списках находит *аглянами*.

По-видимому, Нестор распространял варягов до земель *агнян*, или *аглян*. В Радзивилловской летописи написано *до земли Агаянски*, а в Ипатьевской – *Агарянски*. Но это нимало не мешает:

«Агнянская земля, – говорит г. Погодин, – как то показывает самое имя, есть Англия. – Нестор, исчисляя варяжские племена, упоминает об англянах»¹⁰⁸.

Мы видели выше, что Нестор совсем не исчислял варяжских племен, что он говорит о варягах как о совсем особенном народе и что агняне, как особенный народ, никак не могут входить под название варягов. «Но почему же Нестор, – возражает сам себе г. Погодин, – полагает землю Агнянскую границею варяжских народов, между тем как англы, по его словам, суть варяги?»¹⁰⁹. (Вопрос не нужен, ибо Нестор совсем себе не противоречит. Признавая варягов совсем отличным народом, он весьма естественно положил границей варягам землю англов.) На сие сам отвечает: «Это не относится к сущности дела», показывая только небольшую неосмотрительность. (Напротив, это есть самая сущность дела, ибо на сем основывается весь исторический спор, ибо требуется преимущественно знать, понимал ли, мог ли понимать Нестор варягов за общее название скандинавов.) Сам Эверс этого противоречия не почитает важным (противоречие, смотря по сущности дела, было бы самое важное; но мы видели выше, что Нестор себе совсем не противоречит). Притом можно, кажется, разрешить и его с небольшою, впрочем, натяжкою (это беда, что эта натяжка почти везде заметна в исторических умствованиях некоторых Несторовых критиков. Но критик ли должен говорить с натяжкой?): «Нестор-де разумел до земли Агнянской включительно, – иначе как можно назначать границею остров?» Вот еще неслыханный пример логико-критического заключения!

1-е. Нестор, говоря, что варяги живут только до земли Агнянски, служащей им границей, и тем давая знать, что оба сии народа жили на тверди, открыто исключает агнян от ва-

рягов. Толкователи, напротив, говорят: Англия должна быть причислена к варягам, потому что они окружены морем!

2-е. Если Англия окружена морем, должна быть причислена к варягам, то почему к ним не причислить еще и волохов, которые, не живя за морем, еще большее имеют право быть к ним причислены? Ведь варяги, по словам Нестора, так же живут до земли *Воложски*, как и до Агнянски.

3-е. По словам толкователей, варяги суть скандинавы, то есть живущие в Швеции и Норвегии. Теперь прошу объяснить, с какими землями граничит Швеция и Норвегия? Не потому англичане должны быть причислены к шведам (т.е. скандинавам или мнимым варягам), что разделяет их море втрое шире Балтийского? Не клевета ли это на Нестора?

4-е. Если бы Нестор понимал под варягами и англичан, то возможно ли, чтобы он им определил границу их же самых?

5-е. Если варяги были скандинавы, то есть жили в Швеции и Норвегии (т.е. на полуострове Скандинавии), то прошу объяснить, каким образом граничили и могли граничить они чрез море с землею *Агнянскою* и *Волошкою*; т.е. или с Валахией, или Италией, или Франциею и Англиею? Удивление мое превышает всякую меру; не могу понять, каким образом люди, выдававшие себя за проникательнейших критиков и классиков, могли так изуродовать значение слов Нестора, значение, которое могло бы объяснить каждое дитя, начинающее обучаться географии.

Что же разумел Нестор под землею Агнянскою? Мы видели уже, что сим именем никак не может означаться Англия. Если агнян читать можно и агьянами, то, по-видимому, надобно допустить, что ими означается народ, называемый *англами*. Мы видели выше в статье о *Старой Неметчине* свидетельство почтенного саксонца *Адама* о первом жилище своих предков. Он говорит, что саксонцы жили в приморской стране между Везером и Рейном и в самой даже Нидерландии, и назывались *англами* (см. статью о Неметчине), кои впоследствии отчасти переселились на противоположный им остров Британии, коей важнейшая часть еще и ныне носит их название (Англии).

Итак, чтобы не дать кривого толку словам Нестора, необходимо признать за землю Агнянскую вышеупомянутую область между Везером и Рейном, или что Нестор под именем агнян разумел народ довольно могущественный и сделавшийся известным в войне с Карлом Великим, саксов или саксонцев, иначе называемых *англами*.

Что же за народ были сии варяги? Варяги:

1-е. Были моряки, властелины Балтийского моря, ибо оно получило от них свое название *Варяжского*.

2-е. Будучи моряками, они ознакомились с берегами и внутренностями чужих земель, что увеличило их опытность, сведения и подало повод к приобретению себе разных выгод, т.е. отворило им путь к торговле.

3-е. Они производили торговлю, ибо имели магазины или склады товаров в России, а преимущественно в Новгороде Великом.

4-е. Будучи моряками и купцами, должны были иметь гавани, при коих естественным образом возрастали и процветали города, по-видимому, приморские.

5-е. Будучи моряками, должны были иметь сведения в кораблестроении и домостроении, или архитектуре.

6-е. Были могущественные, ибо владычествовали в северной России, налагали дань на новгородцев, кривичей, чудь, мерю и проч.

7-е. Будучи могущественными, были многочисленны и посему занимали большое пространство земель, прилежащих к Балтийскому морю, на котором должны были иметь больше гаваней и городов.

8-е. Из вышеуказанного следует, что по мере превосходства их могущества, опытности и сведений <о> деятельности над их соседями параллельным образом возвышался и дух их, образованность и усовершенствование правил жизни общественной. Наконец,

9-е. Неминуемым следствием вышеупомянутого было богатство, изобилие, излишество, роскошь, нега, разврат и, наконец, упадок народа.

Все сказанное видно из одних только отечественных известий, т.е. в отношении к россам. Подобные отношения варягов к их прочим соседям, кругом их лежащим, отыскать нужно в иностранных летописях; тогда-то в общем сравнении варяги покажутся во всем блеске своего величия и благоденствия.

Но вот беда, – имя варягов находится только у одного Нестора, у заграничных писателей ни следу их не видать. Как же отыскать их?

Прежде всего сделаем вопрос: существуют ли ныне варяги? Из всего видно, что они суть народ падший, ибо в летописях наших упоминаются только до известного времени (NB: до какого?), то есть до тех пор только, пока, еще будучи в силах и независимости, посещали Россию; иначе, если бы они не были народ падший, то россияне не перестали бы и донныне называть их варягами.

Где же жили варяги?

Поелику сей народ только в русских летописях называется варягами, то у заграничных должно отыскивать их под особым, вероятно нарицательным, именем. Для этого надобно приискать самого достоверного, современного Нестору заграничного писателя для очной ставки обоих между собою. Самый достойный из них есть Адам Бременский, монах, саксонец, писавший церковную историю Гамбургской епархии. Святость предмета предохраняла его от всяких вымыслов и сказок.

Теперь заставим их обоих говорить. Между окружными жителями Балтийского (Варяжского) моря они должны указать нам на варягов.

I. Жители западных берегов Балтийского моря, то есть Скандинавии, по Адаму суть: *sveones* и *norvegi*, шведы и норвеги. По Нестору: *свеи* и *урмане*, шведы и норвежцы; сие же по словам самых толкователей – иначе быть нельзя. Сии народы и теперь еще там. Мы видели ясно, что Нестор никоим образом не мог разуместь под варягами скандинавов, ибо сам себе противоречил бы, чего, однако, нельзя допустить. Теперь еще прибавим:

1-е. Что вышеупомянутые девять характеристических пунктов нельзя никак допустить шведам.

2-е. Варяги – народ падший, – но кто решится искать в Скандинавии падшего могущественного народа? Или если русские во время и после Нестора скандинавов называли варягами, то почему перестали их так называть?

3-е. В Скандинавии были только два народа, по словам Адама; те же самые, по словам Нестора, те же самые и ныне. Где же там варяги?

Следственно, варягов там отыскивать нельзя и отыскать невозможно.

II. Жители восточных берегов одного моря: по Нестору они уже исчислены, те же и ныне, что были во время Нестора. Адам, коему сии берега не совсем были известные, не довольно ясно упоминает о сих народах; что, однако, нимало не мешает нашим изысканиям, – и – думаю, что никто не подумает, что варяги по сим берегам жили, когда ясно говорится в летописях, что они жили за морем.

III. Жители южных берегов Балтийского моря от Вислы до Дании, или реки Ейдера, по Адаму и всем историкам суть *славяне*. Теперь спросимся у Нестора, какой народ занимал эту страну, если положим по словам толкователей, что варяги жили в Скандинавии? Возможно ли допустить, чтобы эта плодородная страна не была никем обитаема? Ведь во время прежде Нестора на сем приморском пространстве существовали огромные славянские города, народ обитал с незапамятных для историков времен. Господа же толкователи, перенося варягов в Скандинавию, должны признать сие пространство пустопорожним, ибо не остается никакой другой народ приморский. Но это есть невозможность, на небо вопиющая.

Мы видели восточные и западные берега Балтийского моря по Адаму и Нестору занятыми, остались еще южные; мы видели прибрежных жителей сего моря: шведов, чудов, лотов – до самой Вислы; от Вислы до Дании, по Адаму, славяне. Как назывались у Нестора сии жители? Послушаем его слова. Упомянув о жителях восточных берегов Балтийского моря до

реки Вислы, он продолжает далее к западу, говоря: «*По сему же морю приседают варязи семо к востоку до предела Симова; по тому же морю седают к западу до земли Агнянски и до Волложски*». Это яснее полуденного света. Надобно быть крайне глупым или пристрастным, чтобы не понять слово Нестора. Ведь он, смотрите, пальцем указывает на страну, лежащую за Пруссию, говоря «*по тому же морю*». Кто не поймет, что «*по тому же*» заключает продолжение исчисления берегов, начиная с чуди до Пруссии к югу, а от Пруссии до земли Агнянски к западу? Для чего коверкать естественность слов Нестора и заставлять его противоречить себе?

1. Если бы Нестор, дошедши до Вислы, хотел упомянуть о Скандинавии или Швеции, то он должен был необходимо сказать: *за морем*. А по сему же, «*по тому*» же явно означает остаток берегов по сию сторону моря. Повторю, Нестор именно пальцем указывает на Балтийскую Славонию.

2. Он еще яснее говорит: «*по сему же морю сюда к востоку*»; «*по тому же морю туда к западу*». Теперь спроситесь у ученика географии, какие берега Балтийского моря распространяются от востока к западу? Или посмотрите сами и увидите, что *южные*; что Нестор здесь указывает пальцем на Балтийскую Славонию. Еще посмотрите, в каком направлении лежат скандинавские берега Балтийского моря? Увидите: от юга к северу или с севера к югу. Это ли слова Нестора? О Байер, о Шлецер, о Карамзин! Для чего клеветать на сего почтенного старца? Вы изуродовали безжалостно его слова; оставляю на суд потомству.

Мы видели, что как Адам, так и Нестор согласны в означении жителей прочих берегов Балтийского моря, кроме южных, для коих у Адама остаются славяне, а у Нестора варяги. Адаму следуют и прочие иностранные писатели; посему не удивительно, что название варягов осталось только у одного Нестора. Поелику же варяги были народ могущественный, который приходил в Россию с запада, т.е. со стороны Адама, то он, без сомнения, должен был ему быть известным, однако не под именем варягов; а под каким же? Под именем

славян. И напротив, Нестор разумел балтийских славян под именем варягов.

Наконец обратим внимание еще на одно обстоятельство. Нестор, исчисляя яфетидов, сначала начал от себя, то есть от Руси и окружающих ее земель, после приступил к обозрению прочей Европы; он упоминает о всех почти ему известных ее народах, коих самые толкователи признают¹¹⁰, например: шведов, норвегов, датчан, англичан, испанцев, италианцев, римлян, немцев, корлязей, венециан, французов и проч.

Теперь спросимся: где же многочисленные заграничные славяне? Ведь еще во время Нестора из народов, вне России живущих, самое большее пространство занимали славяне. Возможно ли и подумать, чтобы Нестор не упомянул о славянах, если он упоминает и о других отдаленных, позади славян живущих народах? Если он знал об отдаленных иноплеменниках, то почему не знать ему о близких единоплеменных? Или – под каким именем разумел он славян? Неужели, подумают господа толкователи, пространство между Балтийским морем и Адриатическим, от Гамбурга и реки *Салы* до Трансильвании и Валахии, и по-видимому больше Франции, осталось у него безымянным? Ведь он ясно сказал: варяги живут до земли *Агнянской* (древней Саксонии) и до *Волошской*. Видно, что и без всех предшедших моих изысканий одно сие последнее обстоятельство заключает в себе необходимость принять варягов за славян.

Еще: варяги, как мы видели выше, народ падший должен быть. Кто же падший из окружных народов Балтийского моря? Балтийские славяне, ибо завоеваны немцами и истреблены почти до корня. С тех пор, как они перестали посещать Россию, как потеряли свое политическое существование, имя их исчезло из русских летописей. Довольно ли?

Итак, варяги суть то же, что славяне*. Посему все изыскания, догадки, доказательства и следствия, основанные на ложном положении, будто бы варяги скандинавы, сим должны быть признаны ложными. Ибо при разрушении основания

* Балтийские. – Прим. сост.

должна пасть и вся система критики. Ложному основанию ложные приводятся доказательства, это само собою следует.

Итак, мы давно уже коротко знакомы с варягами; недоумение произошло только от различия названий. Нестор указывал на них пальцем, на который критики смотрели зажмуренными глазами.

Теперь еще предлежит нам согласить сии различные названия; *варягов* Нестора и *славян* Адама. По-видимому, одно из сих двух названий должно быть *собственное*, а другое *нарицательное*.

Мы видели выше, что все названия жителям Балтийской Славонии придаваемы были иностранцами или местные, или общие: народного или собственного нельзя видеть, ибо *вене-ды*, *вандалы* и прочие суть нарицательные, придаваемые им иноплеменниками с самых древних времен. *Славяне* есть название этнографическое и только общее, которое <...> придается и тем народам, кои никогда себя не называли славянами, как россы, чехи, сербы или сорабы и проч. Прочие же названия суть частные, местные. Остается только Несторово *варягов*, которое, можно полагать, есть *народное* или *собственное* балтийских славян.

Мы видели ободритов, разделенных на разные местные названия, мы видели тоже, что и ободриты есть название *местное* и не свойственное славянскому языку. Мы заметили тоже, что Адам там прибавил, что они и иначе называются *reregi*¹¹¹. Не коснулся ли Адам здесь собственного их названия? Вероятность подходит к истине. Если верить Нестору, что он хорошо написал имя варягов, то должно полагать, что у Адама есть опечаток, ибо оба говорят об одном и том же народе. Каждому известно, сколь легко и сколь часто в рукописях малое *-v-* принимается за *-r-* и обратно. К несчастью, Адам только однажды упомянул о сем имени.

Кроме сего, нельзя предположить, чтобы славяне в Голштейне составляли особенное от ободритов племя, ибо для того они не были столь многочисленны; по-видимому, они были с ободритами один и тот же народ; Адам называ-

ет их *waigri*, а в другом месте *wagrii*. Сие имя, как видно, не есть местное, посему должно быть народное. Не должно, однако, думать, что оно точно такое было, как его находим в печатной истории Адама; первое изменение оно могло претерпеть в устах сего писателя, а второе, большее, при разборе и печатании нечеткой, может быть, его или его переписчиков рукописи. Сверх сего, у него заметно непостоянство в писании одних и тех же названий, которые все почти он перековеркал по-своему.

Итак, если отбросить местное название ободритов и принять народное *peregi*, или, лучше, *veregi*, то выйдет, что сие имя есть то же, что *waigri*, в котором *-r-* перенесено после *-g-*: посему должно быть *warigi*. Из тождества сих двух народов следует тождество их имен. *Waigri* показывает, что в *reregi* есть опечатка в первой букве, вместо *veregi*. Сие же означает, что в *waigri* *-r-* перенесено от *-a-*: вместо *warigi*. Итак, *varigi*, или *veregi*, или *varegi* есть собственное народное название не только голштейнцев и ободритов, но и прочих жителей Балтийской Славонии, известных большею частью только под названиями местными. Сие положение, выведенное из сравнения двух названий, совершенно подтверждает Нестор своими варягами, коих собственное имя он мог узнать в Киеве от них самих.

Итак, балтийские славяне суть варяги. Сии же варяги, прежде нежели стали называться у писателей славянами, именовались *вандалами* у Прокопия, у Иорнанда и прочих. Венедями у *Плиния* и прочих. Плиний не без причины называл море Варяжское *Венедским заливом*; заливом потому, что он не имел ясного понятия о положении всего Балтийского моря; кажется, оно было ему известно только в своем направлении с запада к востоку, что, в самом деле, более имеет вид залива, нежели моря. Посему *Венедский залив* Плиния то же и по той же причине назван, что у Нестора *Варяжское море*.

Итак, варяги суть вандалы, коих отважные вожди с отборными своими войсками:

1-ый, Генсерик¹¹², через Францию проник в Испанию под именем вандалов, а оттуда в Африку, где наследники его на земле древней могущественной Карфагенской республики, в некогдашнем отечестве Аннибала, основали так называемое Вандальское царство. Отсюда-то они в последствии времени под начальством короля своего (Генсерика II) напали на Рим и, лишив его последней славы и сокровищ, возвратились в Карфаген. Прокопий пространно описал разрушение их царства, стоявшего не более одного столетия, генералом императора Юстиниана, Велизарием¹¹³.

2-ой, Одоакр¹¹⁴, со своими воинами под именем *герулов*¹¹⁵ ворвавшись в Италию, насильственно сделался королем и властелином Рима.

Посему отвергаются все гипотезы и странные словопроизводства сего имени Байера, Шлецера и прочих, ибо все сии слова, выисканные ими из лексиконов, скандинавских сказок и Бог знает еще откуда, не имеют и не могут иметь ни малейшего отношения к варягам. Подобные словопроизводства, обыкновенные у господ толкователей, находятя без всяких доказательств и суть не что иное, как рудбековские аргументы.

Подробно мы познакомились с варягами в Балтийской Славонии, где все, что сказано о сих славянах¹¹⁶, надобно разуметь о варягах.

Таким образом, сделав следствие о варягах из известий отечественных в сравнении с одним древнейшим и достовернейшим писателем Северной Германии, теперь обратимся к прочим следам варяжского имени и рассмотрим, сколько они относятся к нашему делу.

После Нестора и Адама важнейшие следы их находили исследователи в византийских историках. О варягах как о народе балтийском? Нет, а как об особенном роде сторожей в Константинополе, называемых изредка у тамошних историков *βαραγγοί* – *варангами*. (Из этого господ толкователи заключают, что сии варяги суть скандинавы или норманны, ходившие на службу в Грецию, и были оттуда родом, откуда варяги Нестора¹¹⁷. Если так, то довольно уже доказано, что за

народ могли быть константинопольские варяги, и выходили ли скандинавы из Швеции на службу в Константинополь.)

Критики, отсюда доказывая из греческих историков, что константинопольские варяги были скандинавы, выводят заключение, что и Несторовы варяги должны быть скандинавами. Видно, что все их изыскания о греческих варангах метят только к поддержанию скандинавского происхождения варягов Несторовых, с коими мы, однако, уже довольно познакомимся; мы видели, что если греческие варяги едины с Несторовыми, то невозможно допустить, чтобы они были скандинавами.

Теперь следует только рассмотреть свидетельства византийцев и доказательства господ критиков.

Во всех местах, приводимых толкователями из византийских писателей, нигде не сказано, чтобы *варанги* прибыли в Константинополь из Скандинавии, т.е. из Швеции. И если бы шведы туда приходили на службу, то почему же им называться и в Константинополе не шведами, а варангами, коими они никогда не назывались? Для чего же выводить варангов из Скандинавии, когда все истории об этом глубоко молчат? Не значит ли это высасывать из пальца? У одного только Кодина¹¹⁸, свидетеля последних минут Греческой империи, находим одно место, в коем он говорит, что *варанги* при больших церемониалах представляются императору и поздравляют его на своем отечественном языке, т.е. *английском*. Если так, то они были англичане: это, однако, не заключает в себе никакого противоречия насчет балтийских варягов, ибо это относится к XV столетию, в котором англичане могли прибывать в Константинополь. Но почему же сии англичане назывались там варягами? Кто скажет, что англичане называли себя когда-либо варягами? Кто их называл когда-либо варягами? Можно ли предположить, чтобы Кодин в XV столетии не знал названия ни англичан, ни Англии? Ведь он именно говорит, что они говорят языком английским, тем он их признает англичанами. Ведь варанги не были никогда ни собственным, ни нарицательным названием англичан. Ведь ясно видно, что

варанги здесь есть название службы, а не народа; но и сие свидетельство только относится к XV столетию.

Здесь надобно обратить внимание на все время, с которого название *варангов* упоминается в византийских историях. Толкователи утверждают появление варангов с X столетия, а именно начиная с Константина Багрянородного, у коего они их находят под именем *фарганов* к 935 году.

Если англичане, или датчане, или немцы посещали Константинополь, то это только со времени Крестовых походов, прежде коих нет ни слова в истории о путешествии их народов в Грецию.

Еще и то странно и смешно, что говорится толкователями о путях из Скандинавии в Константинополь; будто бы шведы еще до Рюрика ездили в Грецию обогащаться. Какая нелепость! Имели ли шведы хоть малейшее понятие о столь отдаленной стране? Или поняли ли самые толкователи, что понимали шведские писатели под именем Греции? Почему ни одного слова нельзя найти в византийских писателях о сих мнимых скандинавских выходцах? Или как могли шведы плениться житьем-бытьем или чем-нибудь другим византийцев, не имея о них никакого понятия? Как могли сии скандинавы проходить в Грецию из Швеции через толикое пространство и сквозь столько народов, коих они ни языка, ни обычаев не понимали? Для какой именно спекуляции могли решиться в столь дальний путь? К чему же могли они пригодиться в Константинополе? Чем могли они быть там замечательны; незнанием всего того, что могло бы пропитать их? Но излишне делать столь много вопросов. Вся побудительная причина путешествия скандинавов в Грецию состоит только в том (в голове толкователей), что как варяги Нестора показались им скандинавами, то и константинопольские должны были быть, вопреки истории и естественности, скандинавами: но надобно было объяснить, каким образом они туда попались; для этого толкователи принялись за работу и вычистили им две дороги: одну на Восток (*Austur-wigi*), другую на Запад (*Wester-wigi*) – обе до самого Константинополя.

Рассмотрим теперь обстоятельства, какими попались в Константинополь варяги¹¹⁹. Император *Юстиниан* твердо решил вернуть Империи все земли, отнятые от нее разными народами во время его предшественников. Главный предмет его желаний было завоевание Италии и африканских провинций. Сии последние отторгнуты были от Империи вандалами (варягами) и составляли особенное царство. Храбрость сих варягов и предприимчивость служила опасностью для европейских берегов. Корсика и Сардиния были в их власти; опустошение Рима, нападения на Сицилию, морские разбои на водах Пелопоннеса принудили Юстиниана предупредить оружием усиление их в Африке и дальнейшее распространение их могущества. В 533 году выслана против них морская экспедиция под начальством знаменитого генерала Велизария. Высадка войск на берега Африки была удачна; другая между тем эскадра была выслана против Сардинии. Война началась, и при колеблющихся успехах наконец Велизарий удержал верх над королем *Гилимиром*, лично командовавшим вандалами. Карфаген взят; король же, бежавший и запершийся в одном укрепленном месте, принужден сдаться военнопленным. Казна и сокровища королевские, кои Гилимир препоручил одному чиновнику в случае худых успехов в войне перевезти в Андалузию (область Испании, в коей прежде жили его предки и от коих она названа *Vandaluziyeu*, после Андалузию), попали в руки Велизария. И так кончилось царство сего народа, продолжавшееся около столетия; а область присоединена опять к Империи.

В следующем году (534) Велизарий, успокоив все и приведши в порядок, оставив в военные губернаторы генерала *Саламона* с большею частью войска, сам отправился в Константинополь.

Чтобы же обеспечить сие приобретение, то есть чтобы, совсем расстроив силы вандалов, не допустить им нападение на войско императора, решено было королевскую фамилию и большую часть вандалов перевезти пленными в Константинополь. При сем случае и богатая добыча, приоб-

ретенная при разграблении Карфагена, королевская казна, а наипаче кабинеты драгоценностей и редких вещей, между коими находились и сосуды из Храма Соломонова, по разрушении Иерусалима Титом перенесенные в Рим, а отсюда, по разграблении Рима в 455 году, дедом Гилимира, Генсериком, перевезенные в Карфаген. Въезд Велизария в Константинополь был триумфальный. В день въезда главная площадь Константинополя, лежащая пред величественною церковью Софийскою (называемая Цирком (Circus), иначе *Hippodromus*, а ныне турками *Аммейдан*), столь знаменитая даваемыми на ней зрелищами, играми и конскими рысаниями, с самого утра была наполнена народом. На ней был устроен великолепный трон, вся площадь украшена, как только требовала торжественность триумфа. Весь двор, Сенат, государственные чины подверглись общему церемониалу; это был последний блеск римского величия. Император, в полном облачении, корона на голове, порфира на плечах, скипетр в руке, при возвещении о прибытии кортежа воссел на престоле. Король *Гилимир* и Велизарий рядом, пешком, предшествуемые отрядом войск; за ними множество пленных варягов (вандалов), войска по бокам, после коих длинный ряд взятых королевских имуществ, семейства пленных и, наконец, пожитки разных генералов, офицеров, сопровождаемые тоже военною командою. Там, у подножия великолепного трона, несчастный монарх и счастливый генерал преклонили колена пред самодержцем Империи, первый — чтобы изъявить свою покорность и унижение, а последний — чтобы низложить к стопам своего повелителя военные свои лавры. Крик и рукоплескания многочисленного народа несколько раз вырывали из уст твердодушного Гилимира слова: «*Суета сует, и всяческая суета*».

Королю отданы были пространные поместья или земли в Галации, где он поселился с большею частью своих вандалов. Прочие из них приняты были на службу императора, именно в гвардейцы, и присоединены к прочим гвардейцам — варягам, уже до того состоявшим в службе императора.

Сии варяги суть остатки тех, коими за 60 лет тому назад Одоакр под именем герулов завоевал Италию и воссел на престол римских кесарей. После убиения Одоакра и нашествия на Италию готов они частью возвратились в Балтийскую Славонию, а частью вступили в службу императора, коему они служили телохранителями. Сии-то герулы два года тому назад (в 532) при возникшем в Константинополе возмущении, в коем убито до 30 000 граждан и много строений, между которыми и вновь выстроенный Софийский собор, много претерпели от пожаров и грабительств, были единственным оплотом престола под командою храброго Велизария.

Сии-то вандалы в последствии времени, когда учреждены были в Империи некоего рода военные поселения (Themata), составляли одно под именем *фарганов* (farganogum thema). Каждое их сих поселений имело особое свое назначение, по сему и название. Так, одним была представлена одна морская служба, потому назывались *classarii*, другие были назначены для гвардии, по сему назывались *subsequicii*, т.е. *провожатели государей*. Когда нужда требовала, каждое поселение высылало на службу определенное число людей. Как видно, варяги продолжали занимать место телохранителей.

Нельзя, однако, сказать, чтобы одни только варяги занимали сию должность, ибо и сами греки к ней были допускаемы. Когда уже Восточная империя потеряла все, могущее казаться римским, когда исчез воинственный дух греков, при непрерывных переворотах военная дисциплина постепенно упала, – в VII и VIII столетии гвардия только еще составляла тень римской; она составлена была из большей и средней этерии (полка) варягов и козар.

Причиною, что императоры поверяли охранение себя и своих имуществ иностранцам, было непостоянство и гибкость характера византийцев. Беспрестанные крамолы и дерзкое умышление на жизнь государей возбуждали в них недоверчивость к своим согражданам и принуждали их вверяться наемным булатам иноплеменников. Многочисленная блестящая гвардия (*turma pretoriana*) прежних римских императоров, при-

своившая себе произвол в возведении на престол государей, стала быть опасною самим государям. Константин Великий первый решился уничтожить сию власть, столь опасную для Империи и для самого двора. Титул командира гвардии, носимый прежде вместе с должностию самую достойною особою в Империи, при введении новых государственных чинов он сделал почетным, дав его четырем генерал-губернаторам. Юлиан, будучи всегда в походе, не нуждался в гвардии; преемники его, часто низкого происхождения, для обеспечения себя против возникшего в Константинополе духа беспокойства нанимали для собственной обороны иностранцев или своих земляков. *Зинон* Изаврийский наполнил дворец изаврианами, что причинило ему ненависть между дворянством. После его смерти константинопольский гарнизон еще имел вид гвардии.

В сие время армии Империи наполнены были славянами. Один из них*, правдолюб, родом был из Славонии или из Сербии¹²⁰, по своей храбрости и добрым душевным качествам дослужившись постепенно высших военных чинов, наконец сделан членом Сената и командиром. Будучи уже 68 лет, народ смотрел на него, как на правосудного отца; военная его слава и любовь к нему армий давали ему право на всеобщее уважение. Снисходительность, благодеяния увеличивали любовь к нему между народом; важный вид и душевные качества поддерживали его преимущество между сенаторами. Наконец в 518 году после смерти Анастасия единодушно провозглашен в императоры. Благоразумное его правление возвратило Империи тишину и спокойствие.

Будучи еще офицером, женился на славянке, своей землячке, *Любичине*, которую римляне называли *Lupicina*. По восшествии своем на престол император сам возложил корону на ее голову; причем дано ей имя Евфемии – Элии-Марции. Она умерла прежде императора. Будучи императрицей, она соорудила в Константинополе храм во имя св. Евфемии.

Император, еще прежде принявший имя *Юстиниана*, будучи еще генералом, взял к себе племянника своего, *Управду*.

* Юстиниан. – *Прим. сост.*

Родители сего молодого человека, естественно, были посредственного состояния, добродушные и необразованные славяне. Брат императора и отец Управды назывался *Истоком* (*исток* и *истинный* – одно и то же), а мать *Бегленицей*. Государь, не имея собственных наследников, усыновив своего брата-нича, молодого Управду, взял его к себе, чтобы исправить его воспитание, или, лучше сказать, чтобы к простодушным славянским его нравам сверх некоторых сведений придать ту гибкость характера и утонченность в обхождении, которая обыкновенно тогда царствовала в обществах Константинополя. По прибытии ко двору *Управда* подвергся римскому закону переменить варварское (т.е. славянское) имя на римское, *Юстиниана*; даже и родителям его назначены – *Саббаций* и *Вигиланция*. Это была самая благоразумная политика римлян. Они весьма хорошо знали, что иноплеменники, хотя бы и совсем <...>, не могут быть истинными римлянами, пока семейства их будут носить иностранные названия. Посему все иноплеменники, восшедшие на престол и на другие высокие достоинства, сокрыты от взора историка сею личиною. Еще до Константина Великого узнаем из истории нескольких славян, сидевших на римском престоле. Сам Константин Великий родился в той самой стране, где и Юстиниан. История нам сохранила только имена сего императора и его родителей. Но сколько еще славян сокрывается под римскими названиями; армия была бы ими слишком испещрена, если бы это зло не предотвратили римляне особым законом.

Это была эпоха торжества славян при дворе императора. Еще *Юстиниан* приглашал вытесняемых из Италии ерулов (варягов), коих Юстиниан, восшед на престол, еще умножил и составил из них гвардейский корпус, коего начальство поручил своему земляку, славянину же, *Велизарию*. Кроме сего, еще набрана, по его велению, конница в Руси на жалование и пехота, перенесенные на эскадре из порта Херсонского в Константинополь. Сии-то россияне под именем массагетов с частью корпуса герулов, предводительствуемые Велизарием, сражались под знаменами Империи в Африке и Италии.

Итак, поелику из иностранцев первые были варяги, которые кроме природных граждан служили в гвардии, то малопомалу название их, то есть народное, перешло в военное; тем паче, что варяги вооружены были иначе, нежели как вооружались имперские солдаты. Спустя как сии варяги выводились со временем, то отряд их пополняем был людьми разных соседственных народов, как: болгар, славонцев, волохов и прочих, с оставлением, однако, названия варягов, ибо и сии вооружаемы были, как прежде варяги. Посему и назывались варягами, *βαραγγοί*, не смотря, какого бы они народу или языка ни были. Примером тому служит ныне и следующее. В прошедшие столетия *албанцы*, называемые турками *арнаутами*, были употребляемы для служителей знатным особам в Константинополе. Особы, определяемые султаном в господари Валахии и Молдавии, тоже приводили с собой несколько десятков сих служителей или гвардейцев. В последствии времени господари сих княжеств набирали себе подобных служителей в назначенных им местах из греков, болгар, волохов, сербов, венгров, молдаван и каких бы то ни было празднолюбцев. Сия-то сволочь, называемая *арнаутами*, потому что одета и вооружена по-арнаутски, и исправляет должность, занимаемую прежде арнаутами. Подобным образом было дело и варягов в Константинополе. Вся сволочь называлась варягами единственно потому, что составляла отряд прежних варягов и наследовала их должность и оружие. Итак, изречение Кодина теперь яснее кажется, почему варяги в **XV столетии поздравляли императора на английском языке**. Еще: кому пришло бы в голову, что наши унтер-офицеры, стоящие у дверей больших собраний в треугольной шляпе, с большим бантом через плечо и огромною палкою в руках, суть пришельцы швейцарские, потому что они здесь называются швейцарами?

Итак, варяги (*βαραγγοί*) византийские настоящие были славяне балтийские, разными путями туда дошедшие. В последние же столетия сей Империи варягами назывались все те народы, кои заступали место собственно так называемых варягов. Посему все сии прочие народы так могут быть на-

званы варягами, как сербы или греки арнаутами, наши унтер-офицеры швейцарами. Не стану, однако, спорить, что ни англичане, ни саксонцы, ни датчане не были в Константинополе; напротив, из истории Крестовых походов скажу, что они вместе с французами, итальянцами сотнями тысяч толпились на Востоке и что, будучи рассеяны, могли вступить и вступили в службу императора. Но чтобы они ездили туда еще до Крестовых походов, т.е. до конца XI столетия, совершенно отрицаю, ибо этому не дает примера ни история, ни здравый рассудок, тем паче менее могли ходить туда шведы. Свидетельства, приводимые толкователями, большею частью суть со времен Крестовых походов.

1-ым и главнейшим доказательством мнения толкователей было упомянутое место *Кодина*, которое мы объяснили выше.

2-е их доказательство состоит в том, что иностранные стражи в Константинополе часто означаются названием «*секироносцев*», что не другому народу прилично, как только датчанам.

Быть не может, чтобы секиры собственны были одним только датчанам. Неужели подумают они, что славяне были без секир, в то время когда они более уже успели в домостроении, нежели сами датчане. Ведь по-славянски *секира*, у римлян же *securis* – *секурис*; видно, что или римляне заняли сие орудие от славян, или сии от римлян. Итак, римляне и славяне имели секиры без датчан.

3-е: будто бы варяги пришли в Константинополь с какого-то острова *Туле*, под которым будто бы «византийцы разумели иногда всю Скандинавию, иногда только Норвегию, Англию, один из Оркадских островов»¹²¹.

Никто не знает, где сей остров *Туле*. Впрочем, Скандинавия не есть остров. Англия была известна свету издавна под своим именем Британии; ее подразумевать под Туле в Константинополе не могли, ибо Британия слишком знаменита, чтобы при подобном случае не была упомянута. Впрочем, надобно сказать, что балтийский мир в Константинополе почти совсем был неизвестен. Изречение «люди сии приехали издалека, с острова, на океане находящегося»¹²² показывает явное их не-

вежество в географии. Посему откуда бы ни заставляли греки приходиться варягов, по крайней мере, мы знаем их жилища.

Еще прибавим некоторые общие замечания о варягах.

Из разных свидетельств писателей и из самого дела видно, что варяги были самый деятельный народ европейского Севера. *Гелмолд* в своей *Хронике славян*¹²³ писавший около конца XII столетия, т.е. тогда, когда дела и благосостояние варягов довольно упали, после исчисления разных варяжских племен прибавляет: «Omne hoc hominum (т.е. slavorum) genus, idololatriae cultui deditum, vagum semper, et mobile, piraticas exercentes praedas, ex una parte Danis, ex altera Saxonibus infestum». Т.е.: «Весь сей (варяжский)¹²⁴ народ предан идолопоклонству, всегда бродящий в непрерывном движении, производящий морские разбои, с одной стороны беспокоит датчан, а с другой саксонцев». Это относится уже к тому времени, когда они стали ощущать губительное влияние Немецкой империи. Полный круг их деятельности можно себе представить только во время их могущества, независимости и славы.

Деятельность их весьма ясно заметна и в Несторе; приезжая из-за моря, они бродили по всей почти России, среди чуды, мери и мещеры, куда их заводила торговля. Они имели большой склад в Новгороде. Теснейшая их связь была с великороссами, заключаемая единоверием, одноязычием и торговлею. Деятельность и дух их, кажется, наследовали великороссы. Кто не знает, что русские мужички, оставя на время свои семейства, бросаются за тридцать сот верст в дорогу для нажитков? В Кишиневе, Измаиле и проч. найдете порядочные лавочки владимирских, ярославских, костромских крестьян, точно как и в Сибири, на Кавказе и в царстве Польском! Нет подобного примера у других народов.

В древние времена множество их ездили с продажными своими богатствами в *Воллин* и *Винету*, *Старград*¹²⁵, *Аркону*¹²⁶ и прочие города Балтийской Славонии. Многие из русских богачей отправлялись туда со своими семействами, даже молодое барство ездило в Воллин и Винету для наслаждений. Из всех иностранцев, приезжавших к варягам, были многочисленнее

россияне. В Воллине и Винете им даны были важнейшие преимущества пред прочими иностранцами, между прочим, им позволено было жить в главнейших частях города, между тем как прочим назначены были особые улицы. Сие-то братство и взаимная любовь между варягами и россиянами, сия-то связь причинила, что россы новгородские и псковские напитались в Воллине духом республиканским воллинян¹²⁷.

Поелику Новгород должен быть гораздо моложе Воллина или Винеты, то весьма вероятно, что учреждение Новгородской республики сделано на образец Воллинской; по крайней мере, новгородцы следовали воллинянам в том, что особые улицы назначали для иностранцев. Может быть, что и законы заимствованы новгородцами у воллинян.

Адам при описании варяжских городов упоминает о дорогах самых употребительных, кои показывают, в какую сторону преимущественно направлено было тогдашнее мореходство. Он говорит¹²⁸: «Оттуда (из Винеты) отплывают к стране *Земланд*, занимаемой пруссаками. Дорога же есть такая: от Гамбурга (тогда еще местечка с крепостью) или от реки Элбы сухим путем в 8 дней и доедешь до Воллина. Но если морем хочешь отправиться, то это из Слизвига или из Старграда прибудешь в сей город (Воллин), от коего в 43 дня приплывешь к Новгороду в Россию».

Вот топтанная, так сказать, дорога чрез Балтийское море между Воллином и Новгородом. Вот что значат частые места у Нестора *за море*, ибо нельзя себе представить, чтобы россы могли ездить за море в другое место, как не туда, куда собирались имущества всего Севера.

Но все, что здесь сказано о варягах, это только в отношении их к России. Деятельный их дух заставлял их проникать кругом во все стороны.

Что они заведывали восточными берегами, или так называемыми янтарными Балтийского моря, в том не может быть ни малейшего сомнения. Жители сих берегов еще во время своей независимости полудикие и такие бедные, что однажды победителям своим россиянам не могли доставить другой по-

дати, кроме банных веников и липовых веревок. Кроме сего известно, что они жили в шалашах, без деревень, без городов, кои стали у них появляться только после нашествия нынешних их господ. Кажется, посему, что древность познакомилась с балтийским янтарем только посредством варягов, кои могли проникать в Францию, Италию и самую Грецию. Кажется, Плиний не без причины Балтийское море называет по их имени Венедским заливом.

Нападения их на разные соседственные страны, а преимущественно на Италию в V столетии, открыли им путь к познанию зодчества и разных изделий, в чем свидетельствуют развалины каменных их городов и укреплений. Сие искусство, кроме Греции и Италии, на Севере усовершенствовано одними только варягами, чего нельзя ни малейших следов найти у прочих северян; – их способ домостроения еще и теперь слывет под именем *готического*.

Сам Адам, упоминая о городах варяжских, подает высокое о них понятие именем *civitas*, что значит хорошо и изящно выстроенный, обширный и укрепленный город; посему немцы всегда прибавляли к их именам слово *бург*. Это еще и теперь заметно, что города в нынешней Германии, оканчивающиеся на *-бург*, лежат почти только на древней славянской земле.

Еще можно некоторым образом находить следы варягов в законах некоторых народов.

С X столетия саксонцы и датчане стали равняться силами и наконец преодолевать варягов; земли их, будучи завладе ны врагами, они принуждены были покидать, чтоб избежать угнетения завоевателей-варваров; часто не имея пристанища, они образовывали разбойнические шайки, проникали и грабили во все стороны. Имя сих грабителей сделалось страшным для народов; скоро название народа превратилось в название разбойников.

В сем смысле упоминаются варяги в Салийском законе: «Si quis corpus iam sepultum effoderit aut exspoliaverit, wargus sit, hoc est, expulsus qe codem pago, usque dum cum parentibus defuncti convenerit...», т.е.: «Если кто погрбенное тело выко-

пает из земли или ограбит, должен считаться варгом, т.е. выгнанным из того места, пока не помирится с родственниками умершего». То же узаконение находится и в законе Рипуарском (Lex Ripuaria, tit. 85, § 2). В законе Генрика I, короля английского, глава 83: «Si quis corpus in terra... exspoliare praesumpserit, Wargus habeatur», т.е.: «Если кто осмелится ограбить тело в земле, да считается варгом». Сидоний (Sidonius, lib. 6, epist. 4) говорит, что арверны разбойников чужестранных называют варгами: «*Vargorum nomine indigenas latrunculos nuncupare*»¹²⁹. Отсюда еще и слово *warganeus*, которое дю Канон в своем «Glossarium ad scriptores mediae et infimae Latinitatis» толкует¹³⁰: «*warganeus* значит: иностранец, иноплеменник, какие суть *варги*, сосланные и выгнанные из своего отечества» («*warganeus, extraneus, alienigena, cujusmodi sunt vargi extorres, et banniti, et a patria sua facti exules*»). В грамоте Тулльского епископа Удона в 1069 году (в Аллатиках Вигнерия стр. 128) сказано¹³¹: «*Alienigenae, id est Warganei, qui manserint in banno, dabunt Comiti 4 denarios, etc.*», т.е.: «Иноплеменники, т.е. *варганы*, если останутся в ссылке (т.е. на нашей земле), дадут граду 4 денежки».

Еще переменное сие имя находит Дю Френ (*Du Fresne*) в указе лангобардского короля Ротаря I¹³²: «*Omnes warengangi, qui de exteris finibus in regni nostri finibus advenerint, seque sub scuto potestatis nostrae subdiderint, legibus nostris Longobardorum vivere debeant, nisi legem aliam a pietate nostra meruerint*»* (Rotharis Rex in Edicto, tit.15).

---

* Все варенги, пришедшие из-за рубежа на территорию нашего королевства и подчинившиеся нашей власти, должны жить по нашим лангобардским законам, если только они благодаря нашему благородству не получат права жить по чужому закону.

О СПОРЕ МЕЖДУ ЮЖАНАМИ И СЕВЕРЯНАМИ НАСЧЕТ ИХ РОССИЗМА¹

Исполняя правила настоящей рецензии, мы должны *вкратце пересказать* (*recenseo* – вкратце пересказываю) все содержание сего сочинения; после прибавить некоторые объяснения, как понять автора; а там кое-какие замечания насчет автора, и наконец сказать нечто о достоинстве перевода.

Сочинитель **Guillaume le Vasseur, sieur de Beauplan**, побывавши в Америке, вступил в польскую службу инженером и артиллерийским офицером; он провел 17 лет в Польше; бывал почти во всех углах оной, но преимущественно на Украине. Судя по этому, всякий многое мог бы ожидать от *Описания Украины*; но автор писал оное по возвращении во Францию, единственно для своих друзей, постоянно ссылаясь на свою память, а не на дневные записки. Конечно, нельзя написать многого, подробного и определенного по одной памяти. Вот каково может быть и *Описание Украины*. Но приведем по переводу содержание:

Описание Украины. Эта статья начинается кратким описанием Киева (стр. 1–3); несколько слов об удалстве и числе казаков (4); об их домашних искусствах (5); о плодородии земли (6); вера, невоздержность в напитках, любовь к свободе и другие качества (7–8); состояние дворянства и земледельцев (9); наконец, описание островов и берегов днепровских, от

Киева до Черного моря (10–35). Вот и все *Описание Украины*. Это лучше было назвать описание *Днепра*; в подлиннике выставлено: *и реки Борисафена, вообще называемого Днепром, от Киева до его втечения в море*.

Посему сочинитель избежал ответственности за несообразность заглавия с содержанием статьи.

Следует краткое *Описание Крыма* (36–40): о крымских и буджакских татарах, или, вкратце, об их образе жизни и набегах на русские и польские области (41–59).

Об украинских казаках: об избрании Гетмана и об их нападениях морских (60–68); о свадебных обрядах (69–77); об обрядах на Святой Неделе (78–81); о болезнях, образе лечения, о колтуне (82–83); о мошках, саранче, байбаке, сугаке, оленях, сайгах, диких лошадях, буйволах, воде, соли и, наконец, чего французы так боятся, о *стуже украинской*, обо всем вкратце, *сколько сохранила память сочинителя* (84–99).

Об избрании королей польских (100–106).

О вольностях польского дворянства (107–113).

О нравах польского дворянства (114–127).

Примечания и выноски переводчика, оглавление и указатель (131–179).

Вот все, заключаемое в *Описании Украины*, в коем хорошая треть посвящена татарам и полякам.

Конечно, из подобного *описания* нельзя иметь ясного понятия об Украине; Боплану надлежало назвать свое сочинение: *Нечто о нравах и образе жизни украинских казаков, татар и поляков*.

Здесь должно упомянуть, что такое Украина, что такое казаки, что Малая Россия, что малороссы? Эти вопросы всякому покажутся известными; но дело в том, что очень не всякий имеет о них точное, определенное понятие. В этой мысли убеждают меня ежедневные наслышки из общего мнения. По большей части в Москве малороссом слывет тот, кто из Черниговской или Полтавской губернии; казаками слывет люди военные – конные; Украину – хоть Харьковская или Полтавская губерния. Мы заметим следующее:

Весь русский народ, так как он есть ныне, по огромности своей (удивительная вещь!) разделился только на две ветви (между тем как другие народы распались на многие отрасли); этих ветвей иначе назвать нельзя, как только по местоположению, *северною* и *южною*, или, иначе, *северянами* и *южанами*. Главное условие разделения одного и того же огромного народа на две ветви было во взаимном, постепенном уклонении в языке. Это уклонение называется *наречием*; отсюда наречие *северное* и наречие *южное*. Так только понять то и другое можно; так только то и другое называть должно.

Массивность сих двух ветвей почти равна: северная простирается за 21 000 000, южная до 20 000 000, из коих в Российской империи до 15 000 000: в губерниях Подольской, Волынской, Киевской, Черниговской, Полтавской, Минской, Гродненской, Могилевской, Екатеринославской, Херсонской, Слободско-Украинской, Таврической, Витебской, Воронежской, Курской, Виленской, Белостокской области, в земле черноморских казаков, Бессарабской области и Царстве Польском, в Люблинском воеводстве – в большей части губерний начисто, в других в смеси. Если же взять из истории в соображение все потери, которые понесли южане, то можно за достоверное вывести, что южное русское племя было с лишком одною третью многочисленнее северного.

Было еще третье русское племя, *восточное*, или *волжское*: оно ныне кроме Сербии, Албании и Греции насквозь населяет в смеси с турками всю европейскую Турцию по самый Царьград и простирается до 4 000 000. Оно зашло туда, когда всею Россию управлял *Аттила*, ненасытный в завоеваниях. Потери сей ветви в продолжение 14 веков неисчислимы. Наречие сей ветви есть то, на котором вся Россия и поныне молится Богу. Это *болгаре*.

Но обратимся на север. Общее, собственное название северян и южан есть *росс*, а страны их, общей по свойству славянской географической этимологии, *Русь*. Северяне называют себя прилагательным, производимым от *Русь* (точно так, как и французы, и итальянцы прилагательными же, от *Italia*,

France – Italiano, Français), русскими, но пишется *русские*, ибо последнее *-с-* делает лишним *-ь-*; южане, напротив, еще ближе и естественнее, не прилагательным, но *матереименным* (*matronymicum*) от *Русь* (*русин*), *русинами*, т.е. сынами Руси. Однако же женский пол у южан слывет: *русска*, как и у северян. Но, впрочем, все равно: *русин* ли, *русак* ли, *русский* ли, *россиянин* или коренное *росс* ли.

Здесь нельзя не упомянуть о важном споре между южанами и северянами насчет их россизма (здесь подразумеваю мнение черни, *простолудия*). По мнению москвитян, например, тот только настоящий русский, кто умеет *гаварить на-настоящему*, т.е. *на-русски*, а это значит: по-северному. Но горе южанину; вы можете знать в совершенстве северное русское наречие или так называемый русский язык; можете даже почти совершенно подделаться под северный выговор; но горе вам, если вы спотыкнулись в малейшем оттенении в выговоре, – вам скажут: «*Вы верна из немцов?*» или «*Вы верна нездешний?*», и тогда, любезный мой южанин, называйся, как тебе заблагорассудится, – испанцем, пруссаком, халдейцем или тарапанцем, – все равно, все тебе поверят, и как ты ни вертись, ни божись, все ты не русский! Но ты скажешь, что ты малоросс – все равно, все ты не русский, ибо московскому простолюдину чуждо слово *росс*; и будет ли этот росс велик или мал, для него все равно, только он убежден, что он не русский, а поляк, или хохол, или литва, или казак, или украинец, или что-либо похожее; словом, что он не свой. И в самом деле, можно ли человека почесть своим, который не носит красной или цветной рубашки, называет щи борщом и *не гаварит харашо, а добре!*

Правда, это мнение механическое, и посему происходящее от неведения, – есть, конечно, *à la borodatch*, не более; несмотря на это, оно вкрадывается очень, очень часто в круг безбородый. Но этого мало; как часто и те из числа безбородых, которые даже имеют претензию на ученость, на образованность или, по крайней мере, на основательность своего суждения, увлекаются мнением *à la borodatch!* **Мне часто слу-**

чалось быть свидетелем, как иному украинскому русаку прилагалось имя хохла в противоположность русскому слову; в украинцах иной мудрено ученый северянин по нелепому мнению видит какую-то смесь беглых малороссов, татар, поляков, литвы. Так, по крайней мере, характеризовали происхождение казаков иные, которые брались о них писать. Очень естественно, что иногда учено-историческое, нелепое мнение может дать неприятное направление народному ощущению в образованном сословии. Другое дело с русаками волинскими, подольскими, гродненскими, белостокскими и люблинскими в Царстве Польском. Эти южане в глазах москвитянина ни за какие деньги не омоются от ляхизма. Правда, большая часть южан, выходящая из линии черни, чтобы сблизиться с поляками, образовала свою фамилию à la Polonaise, напр. *Голембовский, Серацинский, Пржелазинский* и проч. (однако простой народ придерживается форм *Илья Бабин, Гриць Иванов, Гаврило Пушкарь, Игнат Савенков*). Итак, несмотря на то, что Пржелазинский и по языку, и по происхождению, и по вероисповеданию чистый южный русак, но мой *Пржелазинский* в Москве будет ни более, ни менее паном ляхом, тем вернее еще, если знает *мувиць по польску*. Если же Пржелазинский из числа русинов Люблинского воеводства, то уже и говорить нечего.

Но зато и южане, в свою очередь, не допускают северян участвовать в россизме; как ни называй себя он русским, все-таки он не *русин*, а *москаль, липован* и *кацап*. По мнению южан, настоящая Русь простирается только до тех пределов, до коих живут южане, а все прочее *московщина*. В том же самом мнении и какой-либо карпато-росс, живущий на берегах Тисы; его Часослов или Минея киевской печати напоминают ему Русь, но не Москву, хотя и московская печать у него не редкость. Он принял русского гренадера, северного уроженца, за чеха, но только глуховский, или воронежский, или черниговский гренадер покажется ему настоящим русским; равномерно землянин Люблинского воеводства в Царстве Польском готов биться об заклад, что он чище русак, нежели

ярославский и володимирский москаль. Нечего делать, ведь он справедлив, потому только, что он в этом убежден. Вот опять новое мнение à la oussatch, à la britaya golova. Из этого следует, что и бородач, и усач стóят один другого.

Впрочем, этот спор утешителен: обеим сторонам приносит равную честь; однако, несмотря на это, обе стороны не равно пользуются этою честью, ибо одна другую оглушает. В этом споре сих двух русских братьев о наследстве участвовала судьей вся Европа и отчасти Азия; единодушно решено всеми народами в пользу южан. И действительно, по понятию всех народов, *Русь* от Карпатов простиралась только по Глухов и Витебск, а то все прочее было Московщина. Напрасно Грозный и *Величавый* Алексей именовались царями *всёя Великия, и Малыя, и Белья России*; все еще в актах Европы Русью именовалась только Галиция, Подолье и Вольшь. Этому имени не осмелились отнимать у южан и самые лютые враги их. История гонений свидетельствует, сколь дорого стóило им это имя.

Меж тем много, много пожертвований делали северяне, чтобы Европа и Азия возвратила им их имя, и только 1812 год заставил поляков, мадьяров и французов распространить пределы Руси по всей Московии², но, несмотря на это, соседние народы надолго не забудут имя москалей. И поделом! Если отец твой и твоего родного брата был Иван, то по какому праву можешь думать, что только ты Иванович, и только тебе так называться?

Впрочем, сколь ни оригинален этот спор и ни маловажен сам по себе, однако кто бы подумал, что ощущения, невольные производимые в спорящих сторонах, имели порядочное, а иногда и сильное влияние на судьбу Руси вообще? Я не могу всего этого пересказать теперь в нескольких словах; замечу только, что умный историк, одаренный проницательным и сообразительным умом, легко заметит и оттенит это, перебирая весь ряд *сценической* жизни как северян, так и южан. Поляки и католицизм (езуиты) очень искусно воспользовались этим внутренним, так сказать, раздором между русаками; и за то сколь-

ко наделали себе прозелитов между южанами! Но нечего было делать, если в старину все суждения и ощущения были только à la bogodatch, à la oussatch.

В старину? Нет, и ныне еще в полной силе водятся в разговорках *старинные* диковинки, и преимущественно между северянами; стоит только вслушаться в их образ мыслей. Высшее общество (понимаю, образованное) несравненно малочисленнее у южан, нежели у северян; ибо оно состоит большею частию из поляков; посему южане, если исключить Украину и Новороссию, не имеют собственного литературного голоса; по всей Южной и Западной Руси вся Русь разжалована в крестьянство; вдоль и поперек все немо и тихо между жителями; разве только на вопрос западного путника скажет крестьянин окрестностей Гродна, Бреста или Замостья, возвращающийся с *паньцины*, что он *русин* и что язык и вера его *русская*, не говоря уже о Волыни, о Подолье. Чувствуя свое унижение, для южанина-русака нет силы, нет удовольствия в его собственном имени, в имени *Русь*. *Это слово в тех странах веками унижено до земли, и русин в средних и высших тамошних обществах значит не иное что, как только босый, бритоголовый раб.* Какая отрада для сего мирного земледельца, если прохожий солдат, или ямщик, или даже русский барин поиздевается над ним *хохлом*, а собственный его пан *холопом*? Он не воззывает матери-родины своей по имени: он о ней знает только по преданию; *он даже не имеет права назвать Русь своею матерью* — одни только поляки шумят о ней под именем отчизны: *nasza ouczizna, nasza Polska. Русь — отчизна поляков!*

Итак, южане, имея похвальное соревнование с северными русинами о россизме, имеют еще соперников и в поляках относительно к их колыбели. В сем деле поляки, составляющие на Южной Руси одно только высшее или образованное сословие, с жаром и успехом оспаривали у безграмотных южан все преимущества и ласки родины, хотя, впрочем, они так же могут назвать Русь своею родиною, как и туркестанцы Болгарию или Грецию. *Поляки, или ляхи, племя хотя славянское, так же*

как и русь, *однако искони оно было чужое Руси. Русь к юго-западу* простиралась и ныне простирается *сплошь до Вислы*; с западных берегов сей реки простиралось к западу, в глубь Германии, племя *ляшское*, которое по своим местностям разделялось на несколько отраслей: на *мазуров, горалей, или кракусов, и слезаков (silesii)*. Это племя имело естественные свои сильные и выпуклые пределы: от России Висла, с юга и юго-запада цепь Карпатов и Судетов, с запада *Ниша и Одра (Neisse и Oder)* реки. Посему колыбель ляхов выходит вне пределов так называемой Скифии, так называемой Сармации, т.е. вне России; она исключительно была в Германии, и ляхи по происхождению племя исключительно германское.

Итак, образование владений по сию сторону Вислы на великом пространстве владычества Польши есть не что иное, как *нашествие ляхов на Русь*: вот почему выше я сравниваю их с туркестанцами и Болгариею. И действительно, сын одного ляха из окрестности Кистрина, дослужившись, или завлеченный фортуною, и сын одного арзерумского цырюльника, бывший у визиря в привратниках, разделили между собою в XVII веке на Русь, на Подольи, земли, и дачи, и рощи, и долины, которыми владел в XV веке богатый *русский боярин Верховец-Щербатый*.

Несмотря на это *нашествие ляхов на Русь*, значительная, если не большая часть нынешних русских поляков может и должна назваться потомками, сынами Руси, сынами, говорю, по прямой линии. Но: *«Вишь, каких русаков открыл нам!»* — скажут мне. Да, русаков по их родине, по их происхождению, по их крови, а не по нынешнему их языку, вере и чувствованиям. Хотя их и называю русаками, но не причисляю к южанам: они сами себе причисляют к ляхам. Говоря о южных, надобно было сказать и об этом, и это-то именно есть важнейшая глава в истории Южной Руси; это есть *нашествие ляхов*.

Итак, из сего видно, что *нашествие на Россию* было *троякое*: татар с востока, турков с татарами же с юга и германцев с запада. Все эти три *нашествия* были очень сильные, деятельны, угнетательны, но вместе и разнохарактерны; посему и тем

вреднее, чем разнообразнее были их влияния. Нашествие татар, влияние турков было механическое, материальное, кровное; нашествие германцев, т.е. славян завислянских, было мирное, бескровное, политическое, нравственное нашествие по заключенному условию; тому можно было представить материальную, физическую преграду, приостановить мечом; но последнее требовало духовного противодействия, ибо никакой меч не мог приостановить оного. Владычество первых нашествий давно кончилось, но последнего еще продолжается, и продолжается нравственно.

Велик и обширен русский народ; велико было и *первостатейно* его назначение; велика была и необъятна его судьба, его участь: Египет, юг, восток и запад утомились и не могли проглотить разбитого и лежащего. Всякий знает, что сей великан раздесятерован между Владимировичами; его члены лежали разбросаны по всему северу и югу; по этим полутрупам открыт путь трем нашествиям, и три эти нашествия ратовали не с силами сего великана, но с судорожными движениями его членов. Зачем же в истории России, или, лучше, в общем разговоре, фигурирует одно только нашествие на Россию? (Странная беспечность северных любителей истории!)

О южном, египетском, т.е. сарацинском и итальянском нашествии на сей раз я умолчу; но намекну о нем там, когда оно превратилось в *турецкое*; и во сколько оно относилось к германскому нашествию, которое имело непосредственное влияние на судьбу Южной Руси.

Пока северяне выносили одно нашествие, южане вытерпели два, и оба были убийственные для человека как в физическом, гражданском, так и в нравственном его отношении.

Провидение снабдило и северного, и южного россиянина хорошим и полным телом, хорошим воздухом, хорошою землею, хорошою водою и, наконец, хорошим умом. Полны зверей леса Руси, полны стад поля, полны рыб реки; *не бывать нищете на Руси*, – сказала Провидение, даря русский народ земными благами; *жить руси[ну] долговечным и здоровым*, – сказала оно, подавая им здоровое тело и чистый

воздух, – *жить руси[ну] счастливым*, – сказало оно, дарив их сметливым глазом, светлым умом и добрым сердцем. Оно ввело его во владение обширной его усадьбы; богаты и изобильны были его уголья: то поле, то зверинец, то пруд и река. Судьба дала русину все блага и, наконец, прибавила ум-наставник, как пользоваться ими.

Долго, долго жил-был русский народ в своем богатом уделе, между Волги, Вислы, Карпатов и Дуная; мало известна нам древняя его жизнь; около 860-х годов он был уже огромен; от Невы до Дуная простирался он. С 860 года обратно в древность по Аттилин век, по пятый включительно, видны из истории его огромные черты, сохраненные в памятниках чужой словесности; эти-то черты, соображенные критикою здравою и правилами естественности, составляют огромное целое, огромный скелет бывшего политического тела русского; это развалины истории. Нельзя не призадуматься, стоя над скелетом, над остовом человека, равно как и глядя на оставленный полуразваленный замок, на его разбитые стекла, тускло и тоскливо освещаемые заревом заходящего солнца: поневоле спросишься: «О, обломки, о, пустыня! Куда девалась жизнь твоя, тебя одушевлявшая? О стены; где те и трогательные, и шумные, и буйные сцены, коих вы были всегда молчаливым свидетелем? Где ваша целость, где ваша краса, обнаженные руины? И где твой румянец, где живость глаз твоих, костяной скелет? Где твои мышцы, где твоя полнота, где твоя минувшая краса, бранный остов? Где те изделия, кои произвели, те предметы, коих дотрогивались твои костяные пальцы, где те дорожки, те страны, по коим носили тебя твои белые голени? Не те ныне дорожки, не та ныне трава, не те деревья. История не знает о тебе; нет растения, нет дуба, который бы помнил тебя; новая природа не помнит тебя, скелет! Только душа человеческая помнит тебя; только ум человеческий поймет жизнь твою; он носится за всеми твоими движениями, деяниями, взглядами, мыслями, желаниями, радостями, страданиями; у тебя была другая, твоя природа, она не моя; расстояние между нами есть расстояние двух миров; ты

отдален от меня чрезвычайно, но душа моя следит тебя вблизи. О, прорцы, прорцы, скелет, и наши души будут современны! (Им принадлежит вечное время, ибо они бессмертны; они вне времени и долговечнее времени; источник их бессмертия, а конец – жизнь вечная.)

Так восклицать принужден и критик-историк, стоя над историческим скелетом.

Я не хотел пугать ничьего воображения сравнением древнего периода истории Руси со скелетом; несмотря на это, сравнение сие необходимо. Нам вдруг открывается русский народ в 860 году, в протяжении от невских окрестностей до Дуная, т.е. почти в таком же, как и ныне; в 970 лет Русь осталась в тех же пределах; 970-тилетняя жизнь ее нам отчасти известна в постоянной связи. Да, вся эта 10-тивековая Русь живет, движется, действует в нашем воображении; но прочая, обратно в древность, есть тот скелет, о котором я говорю; ее остатки ископать надобно, собрать эти кости, составить в одно бывшее целое и дать им жизнь волшебною силою критического рассудка. Если натуралист открыл ископанную из недр земли огромную челюсть, которую простолудин принимал за пустую каменину, какое счастье для моего ученого! Но попадись ему еще кости две, три, голень или позвонки, то поставит оные возле, сообразит, сличит, недостающие в сей картине остальные части пополнит по пропорции линейками или точками и... сотворит животное! Так открыт, например, мамонт. Так открытие жившего существа открывает и главнейшие черты истории климата и прозяблемости, истории первородной природы той страны, в которой совершено открытие. Одни слоновые окаменелости в Сибири открывают или новый период в климатистике, или великие, по крайней мере, физические события в сей стране. Да, одна мертвая костина, открытая случайно, заставляет в воображении нашем в обилии процветать и луга, и леса, и поля сей страны в когда-то бывшие времена; она, говорю, согревает весь небосклон бесконечной Сибири и всей ее природе придает физическую деятельность.

Так это бывает и с историком-изыскателем, с этим натуралистом человеческого рода, человеческих обществ. Две трети костинки, темные намеки в летописях чужих, словцо в языке да обстоятельство из свойств почвы суть те обломки, которые, пополненные критикою, составят целый тот период народа, который исчез из нашего воображения и в котором народ не живет для потомства.

Но, скажет кто, зачем пускаться в период дорюриковский, как неизвестный, темный, непонятный? И что пользы из сего, и можно ли ручаться за успехи? Затем, зачем и трудолюбивый натуралист за окаменелостями; польза же та, что без объяснения времен дорюриковских нельзя себе объяснить и причин, из коих произошел характер послерюриковских веков и кои открыли путь нашествиям на Русь и с востока, и с запада. Мы знаем, какие последствия имели в Руси раздробления оной на уделы, которые было погубили Русь; но мы не знаем еще причин, повода и источника сей системы и не сможем их сыскать в ряду послерюриковских времен. Дело не в том, что Святослав или Владимир разделяли Русь на уделы, но в том, почему, по какой причине они ввели сию моду? Откуда тот дух вольности, дух республиканизма Новагорода Великого и Пскова? Ведь феодализм отличается от удельности? Естественное их происхождение выходит из совершенно противоположных точек. Непосредственный источник феодализма есть неограниченная власть монархическая. Известный способ награждать верных слуг пожизненными местами, сделавшийся впоследствии законом, есть то, что называем феодализмом. Но уделы одолжены своим происхождением республиканизму, в котором, по свойству его устройства, открывается обширнейший ход особенного и, так сказать, противоположного рода ощущениям, которые являются под особым названием *племянничества*, или *nepotismus*. Этот-то самый непотизм в большом объеме, в большом развитии есть то, что называем уделами. Внутренняя связь удельной организации состоит в ощущении родства, в ощущении *своичества*; связь же феодальной организации

состояла в ощущении *благодарности, покровительства* и более всего *зависимости*; это есть *наместничество*.

Ни *feodalismus* (служничество, наместничество), ни *nepotismus* (племянничество, своячество) не происходили и не могли происходить от малых, незначительных обстоятельств, происходить, так сказать, сами собою; их породили одни только великие события, великие перевороты, т.е. первое произвело великое и сильное развитие монархии, а последнее обширное развитие республики, т.е. и то и другое от великих точек в истории человечества, т.е. от великих людей.

Все возможные исторические соображения о состоянии Руси до Рюрика указывают на феодализм. Да иначе и быть не могло; его породил на Руси и по всей Дунайской стране Атилл. Зачем же и историческая характеристика Франции, Германии облечена в феодальные формы? Они рождены Карлом Великим. Мы знаем Турцию, до сих пор чисто феодальную; кто ее образовал? Осман Великий, а поддержали великие его преемники, Магомет II и Сулейман Великий. Упомянуть ли о Тамерлане, Чингисхане? Очень естественно: великие дела требуют великих услуг, а великие услуги великих достоинств и великих наград. Наполеон в своих дюках, или, как по-русски привыкли звать, герцогах, Рагузском, Московском, Далматском, Истрийском, Бассанском, Невшательском и проч., коими дарил своих верных полководцев, возобновлял последнюю тень феодализма, во сколько можно было совместить его с понятиями и законом нашего века.

Конечно, источник феодализма высок и важен; он выпал из широких бород, из толстых усов, т.е. он рожден заслугами и достоинством и как в пожилых летах. Это почти в противоположности с племянничеством, непотизмом, в коем вознаграждалось не достоинство, не лета, а младость, своячество, хотя и неопытность, а иногда, может быть, и недостатки. Замечательно, однако, что он же, Бонапарт, облакая своих маршалов в одни только формы феодальные, на деле исполнил законы племянничества во всей силе: правые и кривые при-

обретения Франции он сулил в удел своим братьям, сестрам под именами королей и корольков.

Замечательно, однако, и то, что по общему ходу дел человеческих дети и феодализма и племянничества превратились, в существе, в одно и то же; и отдельный, полузависимый герцог, *duca* или *duc*, – одно и то же, что удельный князь у славян; только разница в их названии указывает на разное и противоположное их происхождение. *Heerzog*, или *duc*, *duca*, от *dux*, есть имя вождя, военачальника, верного слуги монархии; меж тем как князь, как краткое прилагательное, означает только высокое происхождение или кровь, под коим подразумевается сын.

Итак, находя монархизм и сопряженный с ним феодализм как отличительную черту Руси до времен Рюриковых, спрашивается: откуда же занесены в Россию уделы, и между тем из точки республиканской? Где именно находишь эти корыстолюбивые *nobili*, которые так сильно подействовали на Русь? Где то государство, те учреждения общественные, те события и обстоятельства, которые течению в потомственность подали подобное направление? Или короче: откуда Новгород и Псков заняли свой дух республиканский? До сих пор изыскатели отечественной истории одно твердят: из *Заморья*; но и это только: прибыл какой-то (Рюрик) из *Заморья*. Знаю: но мало дела истории до Рюрика; но спрашиваю: откуда республика? Ибо верно то, что сама собою в России не образовалась при общем сей страны монархическом духе, оставленном ей Аттилою.

На это не было обращено внимания. Либеральность новгородцев и псковитян ничего общего не имеет с разбойническими (впрочем, мнимыми) нападениями норманнов или скандинавов; она происходит, и должна происходить, из особенного рода обстоятельств, особого рода, особых свойств сношений, влияния, и влияния постоянного, непосредственного. Эти-то свойства Новгорода и Пскова искать должно в том дорюриковском периоде, который кажется так темен, так непроницателен для историолюбив (темна вода во облацех

воздушных) и который так пугает многих и не думающих добреть в нем когда-либо до берегу.

Отсюда выходит, что в дорюриковском периоде Северо-западная Русь подвергалась непосредственному и долговременному влиянию из-за границы. Поскольку влияние сие оставило в народе глубокие корни, то это указать может только на соплеменность, на сходство в языке и, главное, в нравах; словом, республику Новгородскую образовала республика же, а именно республика славянская. Это были славянские республики *Винетская*, *Волинская* и *Арконская*. Из сего видно, что нашествию ляхов на Русь предшествовало другое, германское, т.е. славянское. Историки помнят то время, в которое командовал Русью Германарик. Это нашествие было в IV и V веках; оно не истреблено совершенно русскими патриотами *Даном*, *Руяном*, *Аттилою* и *Владом*, ибо они не могли воспрепятствовать морским высадкам, выходившим из главной Арконской, Винетской и Волинской республик. Новгород, Псков и приморская чужь долго остались еще за этими морями, которые так гремят в истории под именем готов или вандалов. Некогда Волини этой принадлежали не только померанские страны, но и прусские, и литовские, и курляндские леты, и ляхи, и Русь по Люблинскому воеводству, Залесью, Гродненской губернии, по Бугу, Горыни. И по нынешний день осталась память сего владения Волинской республики на Руси под сим же самым именем.

Если бы Нестор совершенно умолчал о варягах, о дани им с Руси, о прибытии Рюрика, то я бы об этом сказал, сообразуя вышеупомянутые обстоятельства и самое даже имя Нового-Города Великого. Так часто одно обстоятельство важное служит нам вместо летописи или подтверждает, пополняет, опровергает оную. Так, например, имя *Нов-Город Великий* указывает на один из крупнейших городов могущественных померанцев, который Нестором Померании, современным нашему, Адамом Бременским, называется в буквальном латинском переводе *Magnopolis*, *Magolopolis*, т.е. на языке жителей именовался *Великий-Град* или *Град-Великий*, и который немцы

взяли с *Magolopolis* и стали называть по-своему *Mekelenburg*. Если наш *Город Великий* назван *Новым Городом Великим*, то кто станет ручаться, что он не был колониею первого, коего уже не могла пропитывать земля? Или ужели Новгород Великий не в таком же отношении, как и *Новый Орлеан*, *Новая Голландия*, *Новый Архангельск*?

Я это привел для того только, чтобы, рассуждая вообще о направлении судеб русского народа, показать боязливым историолюбцам или, может быть, и будущим историографам:

1) Утешительную мысль о возможности весьма удовлетворительного объяснения периода дорюриковских времен. Для сего есть весьма удовлетворительные отломки исторические и обстоятельства. В этом отношении и издан мною I том моего опыта под заглавием: «Древние и нынешние болгары в народописном, историческом, политическом и религиозном их отношении к россиянам». Это относительно к феодализму Руси.

2)³.

КОММЕНТАРИИ

Предисловие

Предисловие П. В. Тулаева написано на основе анализа сочинений Ю. И. Венелина из фондов библиотек России, Украины, Болгарии и Словении. Биографические сведения почерпнуты из исследований о жизни и творчестве автора, среди которых выделим: очерк его двоюродного брата И. И. Молнара (1846), описание архива историком Е. И. Соколовым (1898), книгу Т. Байцура «Юрій Іванович Венелін» (1968), а также сборник по итогам международной конференции «Ю. І. Гуца-Венелін і слов'янський світ» в Ужгороде (1992).

¹ Молнар И. И. Черты из частной и ученой жизни Юрия Ивановича Венелина // Венелин Ю. И. Историко-критические изыскания. М., 1841. – Т. 2. С. X.

² Венелин Ю. И. Историко-критические изыскания. М., 1841. – Т. 2. С. I (предисловие М. Погодина).

³ Венелин Ю. И. Древние и нынешние болгаре. Издание 2-е. М., 1856. С. X (предисловие П. Бессонова).

⁴ Венелин Ю. И. Древние и нынешние болгаре. М., 1829. С. 229.

⁵ Молнар И. И. Черты из частной и ученой жизни Юрия Ивановича Венелина. С. XXIV.

⁶ Ученое путешествие Ю. И. Венелина в Болгарию (1830–1831). Публикация подготовлена Г. К. Венедиктовым. М.: Институт Славяноведения РАН, 2005. С. 31–37.

⁷ Там же. С. 106.

⁸ Байцура Т. Юрій Іванович Венелін. Братислава, 1968. С.147.

⁹ Молнар И. И. Черты из частной и ученой жизни Юрия Ивановича Венелина. С. LXXI.

¹⁰ Там же. С. XXVIII.

¹¹ Венелин Ю. И. Древние и нынешние словене. М., 1841. С. 2.

¹² Там же.

¹³ Linhart Anton. Versuch einer Geschichte von Krain und der urbiger sudlichen Slaven Oesterreichs. Laibach, 1788–1791; A. T. Linhart. Poskus zgodovine Kranjske in ostalih dezeli juznih Slovanov Avstrije, Slovenska Matica. Ljubljana, 1981.

¹⁴ Венелин Ю. И. Древние и нынешние словене. М., 1841. С. 178, 203, 223, 242, 244.

¹⁵ Молнар И. И. Черты из частной и ученой жизни Юрия Ивановича Венелина. С. XLIV.

¹⁶ Ю. І. Гуца-Венелін і слов'янський світ. Ужгород, 1992.

¹⁷ Соколов Е. И. Бумаги Ю. И. Венелина, хранящиеся в библиотеке Императорского Общества истории и древностей Российских. М., 1899.

¹⁸ Труды славянской комиссии при Императорском археологическом обществе. М., 1896. – Т. 2. С. 4–5. Цит. по: Байцура Т. Венелин Ю. И. и русское славяноведение первой половины XIX века. С. 9, 11.

¹⁹ Байцура Т. Венелин Ю. И. и русское славяноведение первой половины XIX века // **Sbornik pedagogickej fakulty v Presove university P. J. Safarika v Kosiciach.** Slavistika. 1967. Zv. 3.

²⁰ Ученое путешествие Ю. И. Венелина в Болгарию (1830–1831). М.: Институт Славяноведения РАН, 2005; Юрий Венелин. Избрани страници. Подъ редакцията на Петъръ Динековъ. ХЕ-МУС, София. 1942/50.

²¹ Венелин Ю. И. Скандинавомания и ее поклонники.

²² Венелин Ю. И. Об обрах, их царстве и его пределах.

- ²³ Венелин Ю. И. Скандинавомания и ее поклонники. Гл. 6.
- ²⁴ Венелин Ю. И. О происхождении славян вообще и россов в особенности. С. 22.
- ²⁵ Венелин Ю. И. Древние и нынешние словене. М., 1841. С. 225, 229, 254–255.
- ²⁶ Венелин Ю. И. О споре между южанами и северянами насчет их россизма.
- ²⁷ Молнар И. И. Черты из частной и ученой жизни Юрия Ивановича Венелина. С. LXXVI.
- ²⁸ Свод древнейших письменных известий о славянах. Составители: Л. А. Гиндин, С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин. М., 1994. – Т. 1. С. 31–35, 55–62, 76, 132–133.
- ²⁹ Иванов А. М. История венетов // Национальная демократия. № 1. М., 1995. С. 13–27.
- ³⁰ Венелин Ю. И. Об обрах, их царстве и его пределах.
- ³¹ Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1889. Кн. 2. С. 378.
- ³² Шафарик П. Славянские древности. – Т. II. Кн.1.
- ³³ Молнар И. И. Черты из частной и ученой жизни Юрия Ивановича Венелина. С. XLV.
- ³⁴ Венелин Ю. И. Древние и нынешние болгаре. Издание 2-е. М., 1856. С. XXV.
- ³⁵ См. библиографию в кн.: Байцура Т. Юрій Іванович Венелін. Братислава, 1968.
- ³⁶ Там же. С. 298–304.
- ³⁷ Ягич И. В. История славянской филологии. М.: Индрик, 2003 (репринт с издания 1910). С. 450
- ³⁸ Венелин, Юрий // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Интернет-ресурс: <http://www.vehi.net/brokgauz/>.
- ³⁹ Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М. «Дело славистов». 30-е годы. М.: Наследие, 1994. С. 70–71.
- ⁴⁰ Байцура Т. Юрій Іванович Венелін. Братислава, 1968.
- ⁴¹ Данилюк Д. Д. Наследие Ю. И. Венелина в свете новых исследований // Атений. Русский международный журнал. № 9–10. С. 179.

⁴² Ученое путешествие Ю. И. Венелина в Болгарию (1830–1831). Публикация подготовлена Г. К. Венедиктовым. М: Институт Славяноведения РАН, 2005.

⁴³ Молнар И. И. Черты из частной и ученой жизни Юрия Ивановича Венелина. С. LXXIV, LXXIX.

⁴⁴ Колиненко Ю. В. К публикации рукописи Ю. И. Венелина «О происхождении славян» // Сборник Русского исторического общества. М.: Антиномизм, 2003. – Т. 8 (156). С. 20.

⁴⁵ Jurij Venelin. Starodavni in danasnji Slovenci. Ljubljana: Zalozba Amaletti & Amaletti, 2009.

⁴⁶ Slovanska staroselska teorija / Misteriji. Ljubljana, November 2009. P. 24–26; Sreca z belim cvetom / Misteriji. Ljubljana, Marec 2010. P. 49–50.

Мысли об истории вообще и русской в частности

Публ. по: Венелин Ю. И. Мысли об истории вообще и русской в частности // Чтения Императорского Общества истории и древностей Российских. М., 1847, VIII. С. 31–50. По определению общества от 26 апреля 1847 г. секретарем О. Бодянским.

Очерк содержит размышления о методологии и некоторые обобщения фактов, которые Ю. И. Венелин систематизировал при подготовке задуманного курса для университета. Поэтому мы поместили этот труд в начале собрания сочинений нашего автора. В частности, он разделил историю славян на четыре большие эпохи: 1) Кельтскую, т.е. в которой они покрываются кельтским мраком, или молчанием; 2) Римскую, т.е. под владичеством римлян: от Августа до Аттилы – от Р.Х. до 450 г. н.э.; 3) Русскую, от Аттилы до Карла Великого – 450–800 гг.; 4) Франкскую, а вскоре Немецкую, – от Карла Великого до XIX века. Среди приведенных в статье оригинальных, независимых суждений было и такое полемическое высказывание по поводу авторского метода Н. М. Карамзина. «Нам после Истории государства Российского нужна еще и история русского народа».

**Древние и нынешние болгаре в политическом,
народописном, историческом и религиозном
их отношении к россиянам**

Публ. по: Венелин Ю. Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам. М., 1856. – 241 с.

Этот принесший автору известность труд публиковался дважды. Впервые он увидел свет в 1829 г. в издательстве Московского университета в качестве первого тома «Историко-критических изысканий Юрия Венелина» под редакцией Ивана Молнара. Второе издание, 1856 года, опубликовано там же, с предисловием Ивана Молнара и предварительной статьей П. А. Бессонова. Также работа была издана в Болгарии в 1853 году.

В настоящем исследовании Венелин доказывает, что славяне – старожилы в Европе, наравне с греками и римлянами. Более того, он утверждает, что становление славянского народа как ствола предшествовало развитию греков и латинов как ветвей. Болгары, по его мнению, были одним из восточных славянских племен, получивших свое название от реки Волга (волгари). В Западную Европу они явились под именем гуннов, во главе со своим великим вождем Атиллой, который силой и мудростью завоевал необъятные земли от Волги до Сены. В заключение автор анализирует «военно-политическую роль, которую играла Россия (Болгаро-Россия) в Европе в правление Атилы, и перевес ее над прочими государствами».

После смерти Венелина была издана и другая его книга, посвященная той же теме: «Критические исследования об истории болгар Ю. И. Венелина, с прихода болгар на Фракийский полуостров до 968 года, или покорения Болгарии великим князем русским Святославом». Издание оплатил И. Н. Денкоглу, а свет оно увидело в 1849 году в частной типографии Николая Степанова. Даная работа представляет собой систематическое изложение основных фактов и выводов первой книги нашего слависта, однако не является ее вторым изданием. Две самостоятельные

книги Венелина о болгарях отражают различные этапы его научного творчества: ранний, то есть до поездки на Балканы, и более зрелый, то есть после возвращения в Россию.

Здесь и далее, за исключением особо оговоренных случаев, примечания Ю. Венелина даны без указания авторства, а примечания составителя настоящего и издателей предыдущих работ автора сопровождаются соответствующей пометкой.

¹ «Грамматика нынешнего болгарского наречия», составленная Ю. И. Венелиным, была окончена в 1835 году. Однако она не была опубликована при жизни автора. Вскоре после смерти ученого были изданы «Влахо-болгарские или Дако-славянские грамоты, собранные и объясненные Юрием Венелиным» (1840), а «Болгарские песни из сборников Ю. И. Венелина» были опубликованы в 1855 году. – *Прим сост.*

² Это ныне изменилось. – *Прим изд.*

³ Данный фрагмент включен в основной текст из архивных материалов, дополненных в качестве приложения Иваном Молнаром ко второму изданию книги 1856 года. – *Прим. сост.*

⁴ Это отважно доказал даже 13-ти летний болгарин Райчо Николов в июне сего года. (См. Моск. Ведом. 1854, № 130, стр. 1607.) – *Прим. изд.*

⁵ См. изыскания Венелина о словенах. – *Прим. изд.*

⁶ См.: Метод. popul. in Bulg. Pag. 457.

⁷ Сказанное мною выше об именах у разных народов относится к именам собственно народным, принадлежащим народному языку. Между тем заметим, что большая часть сих народных имен ныне означает не одно лицо, целые фамилии. До введения христианской религии у многих народов не было родовых прозвищ, т.е. фамильных имен. Со времени крещения всякий кроме своего языческого имени получал из святцев еще новое, иностранное, и таким образом у всякого сделалось по два имени; и как сии последние сделались личными в христианстве, то прежние личные (языческие) превратились в фамильные. Итак, сказанное мною прежде об именах вообще разуметь должно о народных, станут ли их принимать за имена (в язычестве) или названия (в христианстве) – все равно. Име-

на, даваемые при крещении, или церковные, как иностранные, туда не относятся.

⁸ Другое, удачное и гениальное объяснение названий «князь и Волга» см. в журн. «Телескоп», № 15, 1832 г. – *Прим. изд.*

⁹ См.: Stritter. II. P. 554.

¹⁰ Т.е. государственные акты, грамоты, дипломатические сношения с королями венгерскими, господарями Трансильвании, Молдавии, Валахии, Сербии и пр.

¹¹ В оригинале глава называется «О древних жилищах болгар». Под словом «жилище» Юрий Иванович понимает места поселения различных племен, а не их дома. – *Прим. сост.*

¹² См. примечание 8.

¹³ Подробное сравнение этих языков, сделанное *Венелиным*, напечатано в «Чтениях в Императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском университете». 1846–1847, год второй, № IV. – *Прим. изд.*

¹⁴ Я сказал, что имя *гунны* прекращается, т.е. заменено другими, уже около 587 года. Это я сказал, говоря о византийских, или греческих летописях; но о западных, или латинских, этого сказать нельзя решительно. Различие между сими и теми состоит не только в духе, языке, но и в успехах в народописи. Так, например, переворот в народописной номенклатуре в западных, или латинских, летописях происходил гораздо медленнее и позже, чем в греческих. Мы видели, что греки с 626 года аваров переименовали в болгар; а западные только с 800 года. Подобным образом происходило и переименование гуннов в аваров. Греки отреклись от имени гуннов уже в конце VI столетия, между тем как западные придерживались оно в полной мере еще и в VII, отчасти в VIII веке. У западных писателей имя гуннов вдруг не могло прекратиться совершенно; оно долго боролось с именем аваров, и весьма замечательно, что обладателей Молдавии, Валахии, Кроации, Венгрии, которых греки с 626 года постоянно именуют болгарами, иные из западных писателей называют до самого почти начала IX века гуннами; иные только аварами; а иные, наконец, обоими, говоря *avari, gens hunnica*, или *hunni avares dicti*.

¹⁵ Собственным именем народа должно называть то, коим он сам себя именует; *нарицательным* то, коим его называют другие народы; посему, например, *дайчеры* есть собственное, *немцы* – нарицательное.

¹⁶ Например, Manuel Malaxus в своей *Хронике*, приводимой Дю-Канжем in Glossar., pag. 1339, под словом обратѣа; Sire de Villerval Болгарию называет la Bourgerie. См. Append. du Cang. ad. Joinville.

¹⁷ См. Muratori in Antiquit. Ital. aevi med. T. I. C. 14. Thunmanns Untersuchungen. 1-er Theil, pag. 34.

¹⁸ В Венгрии и теперь еще придерживаются сего мнения.

¹⁹ Первый сию басню разгласил безыменный нотариий короля Белы. Венгерские новейшие писатели, принявшие его за источник, последовали ему. Иные, однако, по разным причинам стали сомневаться в его подлинности. Енгель – один из его защитников.

²⁰ О гуннских именах написана Венелиным особая статья: «Критическое разложение всех имен Аттилина семейства и прочих, так называемых гуннских его вельмож, о которых только упоминает Приск в своих путевых заметках». – *Прим. изд.*

²¹ См. примечание 13. – *Прим. изд.*

²² См. еще статью Венелина: «Нечто к изысканиям о готах» в «Чтениях в Императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском университете». 1847, № II.

Там же, 1847, № III. «Об обрах, их царстве и его пределах».

Там же, 1848, № V. «О нашествии завислянских славян на Русь дорюриковых времен». – *Прим. изд.*

²³ Отрокочи (Otrokotsius) в своей *Orig. Hungar.* (part. II) и после него и многие другие из венгерских писателей спорят об этимологическом объяснении из венгерского языка имен болгарских, встречающихся у Приска. Для сего они приискивают созвучные слова из своего языка, иногда и мало похожие. Но заметим, что к одному имени можно отыскать созвучные слова и во всяком другом языке. Впрочем, сей род объяснений принадлежит к *глиняной эпохе* исторической критики. Ныне отчасти и САМЫЕ венгры смеются над подобными толкованиями.

²⁴ О Маршалах см. статью Венелина, в «Чтениях в И. О. ист. и др. Р.», 1848, № VIII. – *Прим. изд.*

²⁵ Т.е. Негиша (Ο Νηγησιος). См. примечание выше. – *Прим. изд.*

²⁶ Приск ее называет и *Реканой*. Подобное имя встречается у болгар только мужское. В начале XI столетия сделал его бессмертным защитник болгарской крепости *Берника* против греков *Кракарь* или *Крекарь*.

²⁷ Чтобы исследовать степень вероятности о финском происхождении мадьяров, Венгерская Академия наук еще в 1843 году послала ученого своего члена, *Антоня Регули*, к чудским племенам для изучения их наречий и сравнения с мадьярским языком. – *Прим. изд.*

²⁸ Между тем кривой толк о гуннах Марцеллина сближал сей народ с жалкою жизнью бедных чухонских племен.

²⁹ «Германі у древних не немцы». См. «Ист.-крит. изыска-ния» *Венелина* (о словенах), II. Стр. 65–73. – *Прим. изд.*

³⁰ Правда, что ныне цвет армяков не есть самого черного цвета, но почти коричневого, что можно принять за полинялый черный. Впрочем, галичане свои армяки, а карпато-россы свои гусарские гуни красят настоящим черным. Впрочем, и обыкновенный темный цвет русских армяков входит в категорию *черноты*.

³¹ Или, если под известиями писателей II века об эстах и финнах допущены (разумеется, справедливо) нынешние чухонцы или чудь Несторова, то спрошу, по какой причине не допустить и русский народ, как более многочисленный, под нарицательными же названиями?

³² См. статью Венелина: «Окружные жители Балтийского моря, т.е. леты и славяне» в «Чтениях в м. ист. общ.», втор. г., 1846–1847, № 17. – *Прим. изд.*

³³ См. статью Венелина: «О времени рождения названий: греческое, латинское, немецкое, русское или гражданское, славянское или церковное письмо». Также втор. г., 1846–1847, № IX. – *Прим. изд.*

³⁴ См. статью Венелина: «Мысли об истории вообще и русской в частности», там же, втор. г., 1846–1847, № VIII. – *Прим. изд.*

³⁵ Весьма замечательна аналогия сего знаменитого имени с именами других двух особ, не менее же знаменитых, *Ермича*,

князя аваров, болгарина, осаждавшего Константинополь в 626 году (см. выше), и *Ермака*, россиянина, завоевателя Сибири.

³⁶ См. примечание выше. – *Прим. изд.*

³⁷ Иперборей.

³⁸ Каллипиды.

³⁹ Кимериане, от кимр – волна. Так назван Крымский залив (Восфорос) *Кимерийским*, т.е. волнующимся.

⁴⁰ Аорсы.

⁴¹ Гроб Аттилы был тройной; *внешний* из свинца, *средний* из серебра, а *внутренний*, в коем заключалось тело, из золота.

⁴² Здесь завершается книга Ю. Венелина в первом ее издании 1829 года. Далее во втором издании, подготовленном Иваном Молнаром, прилагаются три фрагмента из черновики к книге о болгарях. Они помещены нами в соответствующих разделах внутри основного текста и в примечаниях автора. – *Прим. сост.*

**Древние и нынешние словене в политическом,
народописном, историческом и религиозном
их отношении к россиянам**

Публ. по: Венелин Ю. Древние и нынешние словене в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам. М., 1841.

Впервые работа под таким названием увидела света в 1841 году в издательстве Московского университета в качестве второго тома «Историко-критических изысканий Юрия Венелина». В 2004 году было подготовлено репринтное издание под редакцией и с предисловием П. Тулаева. Впоследствии с него был сделан перевод на словенский язык для первого зарубежного издания труда в Любляне в 2009 году.

Вторая фундаментальная монография, изданная вскоре после смерти автора, посвящена истории словенцев и их соседей. Именно Ю. И. Венелин впервые ввел в литературу само название будущей страны Словении, тогда еще не существовавшей на политической карте мира. Автор описывает старинные

регионы и населявшие их племена: Венецию, Карнию, Истрию, Паннонию, Норик, Рецию, Винделицию, Далмацию, Иллирию. Он пишет, что коренными жителями Словении были веныды (венеты, венды), показывает родственную связь вендов-славян с вандалами, скифами и руси, исследует историю распространения православия и кириллической письменности.

¹ См. *Schafariik. Geschichte der Slaw. Sprache und Literatur nach allen Mundarten.* (Ofen, 1820) P. 271–288.

² Далее автор помещает 20 стихов из первой главы Евангелия св. Марка как в словенском, так и в русском переводе «по волжскому или болгарскому наречию его». Этот пример ясно показывает сходства и различия двух славянских языков. – *Прим. сост.*

³ O. Gutsmann. *Windische Sprachlehre.* Klagenfurt, 1777. 8. То же под загл. *Unleit. jur wind. Sprache.* Cilly, 1786. – G. *Sellenko.* *Slovenska Grammatika.* Cilly, 1791. – J. L. Schmigoz, *theor. prakt. Windische Sprachlehre.* Gratz, 1812. – *Peter Dainko, Lehrbuch der windischen Sprache für Teutsche und Slowenen.* Gratz, 1824. – Грамматики для краинцев: *A. Bohorizh.* *Arcticae horulae succisivae de Latino-Carniolana litteratura.* Vitebergae, 1584. 8. – *Grammat. lat.-germ-slavonica.* Labaci, 1715. – *Grammatica Oder windische Sprachlehre.* Klagenf, 1758. – *P. Marcus.* *Krainiska Grammatica.* Lublana, 1768; 2 изд. – 1783 – в. *Kopitar's Grammatik der Slaw. Sprache in Krain, Karnten und Steiermarct.* Laib., 1808, – *V. F. de Weissenthurn.* *Saggio Grammaticale Italiano-Cragnoiano.* Triest, 1811. – *V. Vodnik pismenost ali Grammatika sa perve shole.* Lubjana (Laibach), 1811. – *Franz Seraph. Metelko* (профессор словенск. языка и литературы в Корол. Грецком лицее). *Lehrgebäude der Slowenischen Sprache im Königreich Jlyrien, nach dem Lehrgebäude der Bohmischen Sprache des Herrn Abbe Dobrowsky.* 1825. – Словари: O. Gutsmann. *Deutsch-windisches Wörterb.* Klagenf., 1789. – H. *Megiseri.* *Diction. 4 linguarum, germ. Lat. Illyric et Ital. Graecii,* 1592 и Klagenf., 1744. – P. Marcus. *Klein. Wörterb. in drei Sprachen (krainisch, deutsch., lat.).* Laib., 1761.

Другие исторические и геогр. сочинения о Словении суть следующие:

Em. Frolich. Specimen Archontologiae Carinthiae. Viennae, 1768, 2 части. – (Anselm) Sesch. des Berjogth. Karnten. Wien, 1781. – K. Mayers Sesch. von Karnten. Cilly, 1785. – *M. Hansiiz*. Collectanea pro historia Carinth. Norimb., 1793. – *A. J. Caesar*. Annalos ducatus Stiriae. 1768. 3 части in fol. – *Его же*: Staats und Krichengesch. des Krig. Steiermark. Gras, 1786–88. 7 частей. – J. von Baumeister's Bersuch einer Staatsgesch. von Steierm. W., 1780. – *J. W. Valvasor's* Ehre des Herzogth. Krain. Laib, 1689. 4 ч. in fol. – *A. Linhart*. Bersuch ciner Sesch von Krain Laib. 1788–91. 2 части. – *A. Caesar*. Beschreib von Steiermark Gras. 1773–86. 2 части. – *J. K. Kindermann*. Hist. und geogr. Abriss des Htzg. Steiermark. Gratz, 1779–80. – *H. G. Hoff's* hist. – stat.-topogr. Gemalde von Krain und Jstrien. Laib, 1808, 2 ч. Втор. изд. 3 ч. – Diewald das Herjogth. Krain, mit Gorj und Gradisko. Nurnb., 1807. – *J. Rohrer's* Abriss der westlichen Provinzen d. Oesterreich. Staates. Wien, 1804. – Die illyrifchen Prooinjen und ihre Bewohner. W. 1812. – *J. A. Demjan Darstell*. Der illyrisch. Proainjen. – *F. X. Sartori*. Geogr. Von Steiermark. Gratz, 1816. – *B. Hacquet*. Phys.-polit. Reise Durch die Jul. Karn. и проч. Alpen. Leipz, 1785, 2 ч. и проч. смотри Шафарика: Geschichte der slawischen Sprache und litteratur nach allen Mundarten. Ofen, 1826.

⁴ Istri Accolar. Geographia Vetus. T. I. P. 465–467.

⁵ *Европейской* значит Забалканской.

⁶ Свидетельство о скудности жизни жителей Паннонии, равно и о суровости их климата, происходит из относительных ощущений Диона Кассия: а) как южанина и б) как мужа образованного, знавшего все наслаждения утонченной жизни тогдашнего времени. А что касается до неблагоприятности воздуха и бесплодия почвы так называемой Паннонии, то и в нынешнее время географ не более может сказать об этой же стране, как и Дион: и действительно, Задунайская Венгрия плоская, болотистая, а отчасти песчанистая, не имеет ни здорового воздуха, ни хорошей воды.

⁷ Замечательно, что делаемый жителями Паннонии напиток из ячменя или из проса указывает на древнейшее изобретение пива.

⁸ Bell. Gall. Lib. r., cap. 5.

⁹ Lib. V.

¹⁰ Lib. III. C. 23, 24. – *Катанчич*. Istrii Accolar. Geogr. Venus. Pars t., pag. 327.

¹¹ Plin. III. 20.

¹² Это одно обстоятельство не допускает странного понятия о появлении в Европе славян не ранее VI века.

¹³ Так как Бавария граничит с Богемией, то может статься, что и в наше еще время баварский король имеет еще сколько-нибудь *славянских* подданных.

¹⁴ См. Nord Gesch., стр. 231; стр. 326–327.

¹⁵ *Plin.* Hist. Nat. Lib. III, cap. 20. Juxtaque Carnos quondam Taurisci appellati, nunc Norici. His contermini *Rheti et Vindelici*, omnes in multas civitates divisi.

¹⁶ Выражение *народам* есть латинизм; по-русски следовало бы сказать: *общинам*.

¹⁷ Замечательные собрания след: *Vaillant*. Numism. Imp. Rom. praestantiora. Par., 1674, 4-to, 2 voll. – *I. Gruteri*. Inscript. Ant. totius orbis Roman. Amstelod., 1707, fol. 4 voll. – *R. Fabretti*. Inscr. Ant. Pomae. 1099. I vol. fol. – *Muratori*. Novus thesaur. veter. Inscript. Mediol. 1739 – 42, fol., 4 voll. – *Eckhel*. Doctr. num. vet. Vindob. 1792, 4-to, voll. 8 и некоторые другие.

¹⁸ *Ala*, или эскадрон, состоял из 300 всадников. Таким образом, мессинский гарнизон в Сицилии, командуемый *Лелием Бебием*, состоял из 600 *словенских* пехотинцев и 300 *астурийских* всадников из Испании.

¹⁹ См. *Катанчича*: Jstri accolarum Geographia Vetus e monumentis epigraphicis, marmoribus, numis, tabellis eruta et illustr. Pass. I, pag. 100 et aliis.

²⁰ *Gruppen*. Obs. de Primis Francorum sedibus ordinariis. Hannoverae, 1756, in 4-to.

²¹ *J. G. Eckardus*. De rebus Franciae Orientalis. Lib. I, cap. 5.

²² S. Hieronymus in Vita S. Hilarionis: Inter Saxones quipped et Allemanos gens non tam lata quani valida, apud Historicos Germania, nunc vero Francia vocatur.

²³ Примечание Ю. Венелина от слов «Говоря о *Франкии*...» до «...зарейнскими франками и чехами» перенесено в основной текст. – *Прим. сост.*

²⁴ Liv. Hist. Lib. V. C. 33.

²⁵ Примечание Ю. Венелина от слов «Римляне этрусков называли двояко...» до «...по имени преобладавшей Венеции» перенесено в основной текст. – *Прим. сост.*

²⁶ Примечание Ю. Венелина от слов «Свидетельства этих весьма важных авторитетов...» до «...не уцелело ни аза Лидийского» перенесено в основной текст. Далее автор делает особую отметку «N.B. Статью об этрусках со временем помещу в другом месте, как акт *оправдательный*». Однако этот очерк так и остался в архивах неизданным. – *Прим. сост.*

²⁷ Примечание Ю. Венелина от слов «Я обращаю здесь внимание любителей исторической критики...» до «...и прочих славянских племен» перенесено в основной текст. – *Прим. сост.*

²⁸ Sext. Rufus, cap. 8.

²⁹ Читатель лучше это обозрит на прилагаемой мною карте *Дунайского мира* в продолжение первых 4-х столетий.

³⁰ Катанчич: Istri accolar. Geog. Vet. 529–540.

³¹ И доныне еще в Иллирии *словенская* молодежь, как мне сказывали, принимает итальянские фамильные имена.

³² Pag. 158.

³³ Tom. I, pag. 283.

³⁴ Pag. 400.

³⁵ 186 – ссылка автора. – *Прим. сост.*

³⁶ О сходстве славянских празднеств и обычаев с греч., римск., других народов см. весьма много прекрасных собраний в соч. И. М. Снегирева: *Русские протонародные праздники и обряды*. М., 1837.

³⁷ *Алд Мануций* род. в *Bassano* в 1446 году. Обучался в Ферраре. Греческому языку учился в Вероне уже в зрелых летах. Первые греческие книги его издания 1494 года были *Греч. грамматика Конст. Даскариса* и стихотворение *Музея*. Все его издания ценятся наравне с редкими рукописями. Особенно в его предисловиях заключается глубокая ученость и знание дела. Этот распространитель наук кончил жизнь под кинжалами троих убийц в 1516 г. Сын его *Павел* и внук *Алд М.* продолжали великое его дело; но последний, однако, умер в нищете в 1597 г. в Риме. См. *Renouard. Annales de l'imprimerie des Aldes*. Paris, 1803, 2 voll. – Serie dell' edizioni *Aldine*. Padua, 1790.

³⁸ См. *Essai de classification des suites moneraires Byzantines*. Par. *F de Saulcy*. Metz, 1836, и другие тому подобные сочинения.

³⁹ *Plin.* *Hist. Nat. Lib. II. C. 33.*

⁴⁰ *Lib. X, cap. 13.*

⁴¹ *Disquutio in origin. et history. Alphabeti Slavonici glagolitici, vulgo Hieronymiani.* Venet., 1766–8.

⁴² *Versuch einer Geschichte v. Krain.* 1788.

⁴³ *Dissert de slavo-bohemica sacri Codicis versione.* Pragaе, 1777.

⁴⁴ *Origo characteris Slavonici, vulgo Cyrillici et Glagolitich.* Berol., 1727.

⁴⁵ *Introductio in rem liter, Slavorum.*

⁴⁶ См. *Glagolita Clozianus, id est codicis Glagolitici inter suon facile antiquissimi, olim, dum integer erat Veglae in thesauro Frangepiano, habiti pro S. Hieronymi bibliis Croaticis, supparisque adminimum Cyrilliano Ostromini Novogradensis, leipsanon foliorum XII, etc.* edidit Barthol. Kopitar. Vindobonae, 1836, fol. min. (*Glagolita Clozianus*, т.е. *Глаголический кодекс*, безусловно самый старый своего рода. Когда он находился в полном виде в Вегле в франгепанианской библиотеке, святой Иероним считал его хорватской Библией, подобной до мельчайших подробностей кирилловскому кодексу Остромира Новоградского. Фрагмент фолио XII etc. (Издан Б. Копытарем в Вене в 1836 г.) (*лат.*).

⁴⁷ *Lud. Tuberonus.* *Comment. de temporibus suis.* *Lib. I, § 6.*

⁴⁸ *Thomae Archiac.* *Hist. Salonitanae, cap. VII.*

⁴⁹ *Slawifcher Bucherdeud in Wirtemberg im XVI labrbuni dert.* von Chr. Iried Schnurrer. Iubinger, 1799.

⁵⁰ *Caesarius Dialogo. II. См. Bibl. Part. Tom. V. pag. 773.*

О Касари много у Барония под годами 354, 362–364. Жил он в Цариграде, занимаясь около 20 лет преподаванием: законец сделан а *Secretis*, кажется, в Сенате. Так как тогда носились разные мнения о влиянии планет на нравы и обычаи разных народов, то сенаторы *Констанций, Теокарист, Андрей, Григорий, Домн, Исидор и Леонтий* и просили его написать об этом свое мнение, которое он изложил в разговорах в виде спора.

⁵¹ *Sozomeni Salamini.* *Hist. Eccl. Lib. IV, cap. 14.*

⁵² Читатель легко догадается, что это слово, которое следовало переводить, превращено людьми, которым дела не было до исторической логики, в таинственный народ: *geraedes*, *les gepedes* – *гепиды* или *жепеды*! Sic! Я не стану указывать ни на какую книгу, но возьмите любую, и вы во всякой сыщите более или менее мудрований о происхождении, перехождении, хождении, переселении этих (старожилов своей страны) *жепедов*! Одни скажут вам: «пришли с Дона»; другие: «нет, с Вислы»; третьи: «нет, из Скандинавии», и проч.! Вот как люди под видом учености сделали для себя фантом, за которым гоняются подобно ребятишкам, бегающим за своею *бумажною змею*. И удивительно ли после этого, что краинцы, по понятиям этих людей, вторгаются как *старожилы* в свое *исконное* отечество (in Pannoniam Saviam, Venetias et Histriam) только в половине VI века, избивают *жепедов* и навеки поселяются в их (т.е. своей) стране! Эти люди не в состоянии понять *критерий*, что греческие или *нарицательные* имена должно переводить. И удивительно ли после этого, что они тоже не в состоянии растолковать себе, что огромный русский народ, простирающийся до берегов *Вислы* и *Тисы* и *Дуная* в IX, VIII, VII, VI, V столетиях, был под именем *hunni* и *abares* и пр.

⁵³ *Критерии* не позволяют повторять по-русски даваемые греками русскому племени греческие прозвища: *савроматы*, или *сарматы* и *меланхлены*; это было бы так же смешно, как и повторение слова *гепиды* или *жепеды*.

⁵⁴ См. в лат. переводе в Biblioth. part. T. VII, pag. 335, edit. Lugd.

⁵⁵ Может быть, кто-либо возразит: «А *Codex argenteus* в Упсальской библиотеке в Швеции, приписываемый Улфилу?» Если он увезен, как говорят, шведами из Праги, то может статься, что он есть какая-либо книга *глаголическая*; если же славяне его не поймут, то он так же напрасно и *произвольно* приписан сербу Улфилу, как и *Clozianus* приписывали латину Иерониму. Впрочем, весьма хорошо бы исследовать внимательно эту книгу.

⁵⁶ См. Epistolae *Photii* ed a Richardo Montecutio, Episc. Norvic, Londini, 1651, fol. – Латинский пер. в Baronii *Annal.* ad ann. 863.

⁵⁷ *Pagius* ad Baronii *Annal.* под 871 и 876 г. – Изд. 1705.

⁵⁸ De *prima* expeditione Russurum Constantinopolitana (О первом нападении россос и проч.), См. Comment. Acad. Petropolit. Т. I на 1732 и 1733 г.

⁵⁹ *Oriens Christianus*. Tom. I. Col. 1257. Parisiis, 1740.

⁶⁰ Dissert. De *conversione* et fide *Russorum* в Act. Sanct. Т. II. Antverpiae, 1748.

⁶¹ *Histor. Ecclesiast. Helmstadii*. 1755.

⁶² De *primis* initiis Christianae inter Russos religionis. Halae, 1762.

⁶³ См. его Нестора (русск. перев.), часть II, стр. 32–117.

⁶⁴ См. F. *Mariae Gazzaniga* Ord. Praed. In *Vindobonensi* Universitare SS Theologiae Prof. Publ. Praelectionum Theologicarum Diss. V, cap. III.

⁶⁵ *Eginhardus in Vita Caroli M.* к году 799.

Здесь было весьма бы любопытно знать, каким образом гг. *монголомены, глаголющие*, по словам *заморских* книг, что «со смертью обрушившегося исполина (Аттилы) обрушилась его *гуннская* держава, и обломки ее, подобно обломкам *Вавилонской* башни, полетели на вихреватых гривах (sic!) своих коней чрез Волгу, в приютные степи Монголии... и исчезли как грозное привидение»; (sic!) я говорю, любопытно знать, как эти толкователи растолкуют, каким образом *гунны* со времени Аттилы оставались владетелями Паннонии до Карла В.

⁶⁶ См. *Glagol Clozianus*, стр. 75.

⁶⁷ До сих пор было напечатано самим покойным Венелиным. Все же следующее отыскано мною в его бумагах и теперь присоединено к предыдущему. Таким образом, этот имеет свой настоящий конец – *Иван Молнар*.

⁶⁸ Anonymus Salisburgensis (см. *Glagolita Clozian*, p. 75).

⁶⁹ Anonymus Salisburgensis. К 798 году.

⁷⁰ *Annales Fuldenses*. Ad ann. 827.

⁷¹ *Valafridus Strabo*. См. *Bibl. Patr.* Т. XV. Pag. 184.

⁷² De *Scytharum fide et gentis illius Episcopo*. См. *Bibl. vet. Patr.* edit. Lugd. Tom. VII. P. 455.

⁷³ Плиний был послан правителем в *Вифинию*, примыкающую к Константинопольскому проливу и к берегам Черного моря.

⁷⁴ C. Plinius Traiano Imp. S. См. C. Plinii. Lib. X. Epist. XCVII.

⁷⁵ Traiano Plinio S. Lib. X. Ep. XCVIII.

⁷⁶ *Marcellinus Comes Illyrici.*

⁷⁷ *Geschichte und Geographie des alten Pannoniens.*
Стр. 245.

⁷⁸ Продолжение не отыскано. – *Прим. изд.*

⁷⁹ Это их собственное название. Не знаю, с чего Италия их называет *albani*; греки (простой народ) их именуют *арванитами* (αρβανίτης), турки – *арнаутами*. Мы как попало, то *арнаутами*, то *албанцами*. Судя по греч. окончанию иτης, употребляемому для означения названия по месту, выйдет, что это слово образовалось от имени города *Albanum*, Αλβανον (ныне испорч. *Avlona*, лежащего у берега *Отраитского* пролива): Αλβαν-ιτης, просто-нар. Αρβαν-ιτης; следовательно, это название ново. Страну свою они называют Скиперы, так же ее называли и древние – *Epirus*.

⁸⁰ Продолжение не отыскано. – *Прим. изд.*

⁸¹ Indict. V. Trocondo et Severino Coss. *Theodoricus cognomento Valamer* utramque Macedoniam Thessaliamque depopulatus est, Laris-sam quoque metropolim Depraedatus est. *Marcellinus Comes.*

⁸² *Ennadius Episcopus.*

⁸³ Прокопий употреблял слово *gepaedes* (см. стр. 250), чтоб отличить старожилов от новопришедших к ним племен; потому-то я и перевел словом *словенцы*. Некоторые почти машинально последовали Прокопию. Само собою разумеется, что под словом *ὑπηταίδες* должно подразумевать потомков Тибериевых *словенцев*.

⁸⁴ *Marcellinus Comes.* Illyrici in Cliron. «Ind. XIII. Saliiniao et Theodora Coss. Idem Sabinianus, Sabiuii Magni filius, duclorrjue militiae, delegatus coutra *Mundonem* Getam, arma conslruxit, X milia armatorum sibimet adscitorum, plaustraque armis alque commcatisibus ouerala secum trahens, pugnalurus accessil; commissoque ad *orreo Margo* praclio, multis suorum militihus in lioc conllictu perditis, et in *Mar go* flumine enecalis, amissis praeterea plaustris, in castelum, quod *Noto* dicitur, cum paucis fugit, Tanta in hoc lamentabili bello spes militum cecidil, ut quantum apud mortales nequaquam potuerit reparari».

⁸⁵ *Иорнанд*, сар. LVIII.

⁸⁶ У одного преподавателя истории волосы стали дыбом, когда прочел он на 109 стр. 1-го тома намек, что *Томира*, царица массагетов, погубившая страшного *Кира*, была славянка, или просто если не русачка, то болгарка. Чтоб волосы дыбом не вставали, то я предложу хотя десятка три *Томир* поновее из Синодикона XV и XVI веков, хранящегося в Бухарестской митрополии; или даже готов выписать *живых* из-за Дуная, только бы преподаватели не поролы чушь слушателям своим.

**Скандинавомания и ее поклонники,
или столетние изыскания о варягах.
Историко-критические рассуждения Юрия Венелина**

Публ. по: Скандинавомания и ее поклонники, или столетние изыскания о варягах. Историко-критические рассуждения Юрия Венелина. М., 1842.

Работа впервые опубликована в журнале «Московский наблюдатель» за 1836 г. (часть VIII, стр. 487–525, часть IX, стр. 269–307, 395–425). Впоследствии, в 1843 г., в типографии А. Семена при Императорской Медико-хирургической Академии вышло отдельное издание объемом в 114 страниц.

Труд посвящен исследованию норманнской теории, критике воззрений представителей немецкой исторической школы в России – Байера, Миллера и Шлецера. Венелин доказывает славянское происхождение варягов-руси, пришедших в Новгород из владений вендов в Балтийском поморье.

¹ Рассуждение Байера «*De Veragis*» помещено в IV томе комментариев С.-Петербург. Академии наук (Comment. Academ. Scient. Petropolitanae, 1735). Но я здесь ссылаюсь на страницы Байеровой диссертации, помещенной в Клоцовом издании всех его рассуждений. Th. Sig. Bayeri Opuscula. Halae, 1770, in 8.

² Aio igitur, Varagos Ruthenicorum scriptorum fuisse ex Scandinavia Daniaque homines nobiles? Socios in bellis et stipendiarios milites Russorum? Regum satellites, limitum custodes, rebus etiam

civilibus et magistratibus admotos: ab iis (Ruthenicis Scriptoribus) deiude in universum omnes Svedos, Gothlandos, Norvagos, Danos dictos fuisse Varagos (Bayeri opusc. Pag. 343).

³ Lam, si Varagi ex Scandinavia fuere, quare vis social sil consideremus (pag. 335).

⁴ Очень любопытная была бы история постепенного распространения турецкой власти от стен Тавриса по стены Вены и Венеции.

⁵ Lex Salica. Tit 57, § 5: Si quis corpus iam sepultum effoderit, aut exspoliaverit, wargus fit, loc est, expulsus de eodem pago.

⁶ Victi sunt, Orcadalensis rex unus, Trundhemiae Reges quatuor, Golardenses duo, Raundaliae borealis duo et deinceps alii; uani nomina regulorum omnium recensendo defutigor (pag. 357).

⁷ Inter ceteros, qui Constantinopolitanae urbis stipendia merentur, Danicae vocis homines primum militiae gradum obtinent, eorumque custodia rex salutem suam vallare consuevit (Saxo Gramin. Pag. 227).

⁸ См. рассуждения «О начале, ходе и успехах критической российской истории» (М., 1827, стр. 19–20).

⁹ См. Samml. Russ. Gesch. Cnh. 1 и проч.

¹⁰ Des-Guignes, французский подданный, был отправлен в Китай для собрания статистических сведений для французского правительства. Занявшись изучением языка китайского, он занялся и изучением китайской истории, из которой и делал извлечения. В числе монгольских орд, упоминаемых в китайских летописях, он попал на силлабическое название одной из них – шюнь-ну, или хунь-ну, – что по-китайски значит *злые рабы*. Вследствие французской небрежности относительно иностранных имен он вместо перевода *les mauvais esclaves* решил китаянский звук *шюнь* выражать буквами huns: к несчастью, название жителей Руси у греческих писателей V и VI веков (унны, гунны) французы тоже пишут huns! Недосмотр Дегиня произвел монголоманию, или верование в нашествие на Римскую империю будто злых рабов Китайской империи!

¹¹ Мы видели уже стр. 9 его *Homines nobiles ex Scandinavia Daniaque* и увидим еще примеры, в которых его безотчетное пристрастие к Скандинавии выражается разительнее.

¹² В новейшее время г. Шафарик серьезно савроматов производит от сербов: *sauromates*, Сармация, Сармадия, Сербадия – Сербия! См. *Casopis Geskeho Museum. V Praze, 1835, № 120–42. Перв. «Моск. набл.», 1836, № 8 – о народах скифского племени.*

¹³ *Abari, congumento Hanni, huemandum singulis annis in Sclavus (подраз. Bohemicos et Sorabieos) veniebant, uxores Sclavorum et filias eorum straru sumebant: tributa, super alias oppressiones, Sclavi Hunnis solvebant. etc. Fredeg, cap. 48.*

¹⁴ В соч.: О характере народных песен у славян задунайских. Кн. I. Стр. 18–19.

¹⁵ В: Древние и нынешние болгаре. Том I.

¹⁶ *Sed nescio, quomodo isti philosophi superstitiosi et paene fanatici, quidvis malle videntur, quam se non ineptos! Evanuisse mavultis et extinctum esse id, quod, si unquam fuisset, certe aeternum esset; quam ea, quae non sunt credenda, non credere. Cicero. De Divinat. L. II, cap. 57.*

¹⁷ Примечание издателя 1842 года (вероятно, И. Молнара): «Здесь со смертью автора остановилось печатание “Скандинавомании”. Рукописи, которые содержали бы продолжение этого рассуждения, не отыскались ни в типографии, ни в бумагах покойного. Между последними есть, однако же, тетрадь, носящая заглавие “Скандинавомании” и заключающая в себе исследование его об этом учении; но здесь изложены они не в том порядке, не в такой подробности и не с такой отчетливостью, как в напечатанной части настоящего рассуждения, которую имеем перед собой. Надо полагать, что в этой тетради сохранился для нас первый очерк настоящего труда, первое излияние мыслей покойного, первый опыт изложения исследований его в скандинавомании, которые потом он дополнил, обработал и представил свету в другом, более совершенном виде, в каком явились первые статьи скандинавомании в “Московском наблюдателе” 1836 года, и продолжение этого труда здесь. Справедливо это предположение или нет – все равно: дело в том, что в помянутой тетради порядок изложения исследований автора вовсе не таков, как в напечатанной доселе части “Скандинавомании”; следовательно, нет и никакой возможности приделать из нее конец

к этому рассуждению, не позволив себе разных выпусков, сокращений и изменений. Наследник и владелец бумаг Венелина не считает себя и никого вправе распоряжаться таким образом трудами покойного, потому решился скорее выпустить “Скандинавоманию” на свет без конца, в том виде, как осталась она по смерти автора, чем безобразить труд его чуждою редакцией. В утешение почитателей и последователей покойного может сказать он только то, что помянутую тетрадь предполагается напечатать целиком вместе с другими, оставшимися в рукописях трудами Венелина, чего, если обстоятельства не воспрепятствуют, можно ожидать не в продолжительном времени».

**Известия о варягах у арабских
писателей и злоупотребление
в истолковании оных**

Публ. по: «Чтения Императорского Общества истории и древностей Российских». 1870, книга IV, раздел V. С. 1–18.

¹ Это, кажется, отрывок из сочинения: «Скандинавомания и ее поклонники, или столетние изыскания о варягах», изданного в Москве 1842 года, почему-то не вошедший в оное своевременно и в своем месте. – О. Б.

² Продолжение не отыскано.

**Окружные жители Балтийского моря,
то есть леты и славяне**

Публ. по: Венелин Ю. Окружные жители Балтийского моря, то есть леты и славяне. М., 1846.

Впервые труд опубликован в «Чтениях Императорского общества истории и древностей Российских», 1846, книга IV–V. В настоящей работе приведен только раздел «Славяне» (стр. 57–70) из отдельного издания труда 1846 года. В 2006 году

работа была опубликована в качестве приложения к журналу «Атеней».

Публикация соединила вместе два этнографических очерка: первый – о латышах, литовцах и пруссах, а второй – о поморах и Балтийской Славонии. В обоих, помимо географического описания с перечислением древних славянских городов, приводится сопоставление языков и мифологии.

¹ Vid. *Scriptores reum Germanicarum, Lindenbrogii*.

² Vid. *Histor. ecclesiast. Lib. II. Pag. 1, 8*.

³ Посему *вагры* жили в Голштейне, к югу, до реки *Травы*, при которой лежит *Любек*. Город их главный был *Старград*, которой саксонцы перевели, слово в слово, в *Aldenburg*. Название его немецкое и ныне еще существует в городке голштейнском, *Олденбурге*, лежащем неподалеку от моря, напротив острова Фермерна, как сам Адам замечает. Неизвестно, называли ли сами себя *ваграми* голштейнские славяне или иначе; или не потерпело ли сие название сколько-нибудь под латинским пером, что и с прочими названиями случится, как увидим ниже; или прочтено ли оно хорошо, или переписано при переходе из старых рукописей в последующие? Ведь знаем, какой участи подвергались имена собственные лиц и мест в разных классических греческих и латинских творениях, над поправками коих ученые проводили целую жизнь свою. Это замечание тем нужнее делается, что сие название нахожу *waigri*, а в других местах *wagri*, *wagrii*, *wargi*, *wagiri*, *warigi*.

⁴ Quod soils tantum Slavicis civitatibus adetbatur burg, unde hoc? Denionstrabitur infra.

⁵ Vid. *Hubners Real. Slaats – Zeit. nnd Conversations Lexicon*, pag. 1211, и *Allg. Geechichte d. Handlung. und Schiffarl etc. T. II. etc.*, pag. 895.

⁶ Vid. *Krugers Origg. Lusatiae, sea populos Slav. e. Schlzero exscriptos*.

⁷ Vid. *Allgem. Gecohichte der Handlung, Schiffart etc. II, t. pag. 893*.

⁸ Надобно заметить, что он здесь изъяснился следующими словами: *celeberrimam barbaris et Graecis, qui in circuitu prae-*

slat stationem. Слово *celeberrimam* означало большую знаменитость сего города, которою он пользовался у соседственных народов; это весьма естественно; ибо взоры бывают пристальные обращены на большие города; впрочем, оно означает и выгодность и важность местоположения в коммерческом отношении. Варварами вздумалось ему назвать этих славян, над коих городом он удивляется, единственно потому, что употребить и название *греков*, коими он называл россиян; но почему, увидим ниже.

⁹ Vid Allg. Gesch. d. Handl. und Schiffart, pag. 894.

¹⁰ Vid. Origg. Pomer. Mart. Rangonis, pag. 292 et seqq. Colbergae, 1684.

¹¹ Ибо город Демин был и теперь есть еще внутри Славонии, при реке Пан, как мы это видели выше, между попанами и посеми от устья ее весьма далеко.

¹² См. Allg. Gesch. der Handlung und Schiffart. Т. II, pag. 893.

¹³ Dictionaire hist, et crit. de *Pierre Bayle*. Т. X. Paris, 1820, pag. 430.

¹⁴ Там же. Micrael. Cumm. Lib. 2, pag. 143. Helmold. Lib. 1, cap. 2.

¹⁵ Origg. Pomer. pag. 395 seqq.

¹⁶ Allg. Gesch. d. Handl. und Schiff. Т. II, p. 889 et 895.

¹⁷ Allg. Gesch. der Haudl. etc. Т. II, p. 880 et 805.

О первом и втором нашествии завислянских славян на Русь до Рюриковых времен

Публ. по: О первом и втором нашествии завислянских славян на Русь до Рюриковых времен. М., 1848.

Впервые труд опубликован в «Чтениях Императорского Общества истории и древностей Российских», 1848, книга V. Стр. 1–50.

Исторический очерк показывает родовые связи наших предков из Северной и Центральной России с их пращурами, переселившимися из бассейнов реки Лабы и Вислы. Там неког-

да проживали бодричи, лютичи, поморяне, руяне, позже германизированные и утерявшие свою славянскую идентичность.

¹ См. «Скандинавомания».

Нечто к изысканиям о готах

Публ. по: I. О готах. II. Об обрах, их царстве и его пределах. III. О споре между южанами и северянами насчет их россизма. М., 1848.

Готами в эпоху раннего средневековья называли разные племена, проживавшие между Балтийским (Венедским, Скифским) морем и Черным морем (Понтом). Они не были «германцами», поскольку говорили на языках, родственных славянским. Вторжение аваров (обров) с востока в регион Подунавья разрушило единство славянского мира на юге Европы.

¹ См. мой том I, стр. 110–115, 212–214.

² Germanus, брат, – *emblème de l'égalité républicaine, qui se laisse observer chez les Vollinois.*

³ Здесь статья прерывается.

Об обрах, их царстве и его пределах

Публ. по: I. О готах. II. Об обрах, их царстве и его пределах. III. О споре между южанами и северянами насчет их россизма. М., 1848.

¹ Lib. IV. 23. Nam post mortem Chlotarii Regis, Chunni Gallias adpetunt, contra quos Sygibertus exercitum dirigit.

² Cap. 29. Chuni vero iterum in Gallias venire conabantur, contra quos Sygibertus etc. Fugiente autem exercitu Sygiberti, ipse inclusus a Chunnis retinebatur... datis muneribus foedus cum rege iniit, ut omnibus vitae suae diebus nulla inter se proelia commoverent. Sed

et Rex Chunnorum multa munera Regi Sygiberto dedit, vocabatur autem Gaganus, omnes enim reges gentis hocce appellantur nomine.

³ Под этим именем Фредегарий подразумевает чехов, моравцев и сербов.

⁴ Cap. 48. Anno 40-mo regni Chlotarii et 3-o ejus filii Dagoberti... Sclavi iam contra *Avaros*, cognomento *Hunnos*, et regem eorum Gaganum coeperant rebellare, etc *Hunni* hyemandum singulis annis in Sclavos veniebant: uxores Sclavorum et filias eorum stratu sumebant, tributa, super alias oppressiones Sclavi Hunnis solvebant, etc.

⁵ См. «Опыт идравлической географии, или некоторые черты предполагаемой науки», сочинение *Юрия Венелина* (находящееся еще в рукописи). – *Прим. И. Молнара*.

⁶ См. том II, стр. 133 и след. изысканий Венелина. – *Прим. И. М.*

⁷ Здесь статья эта прерывается. – *Прим. И. М.*

О времени рождения названий. Греческое, латинское, немецкое, русское или гражданское, славянское или церковное письмо

Публ. по: О времени рождения названий. Греческое, латинское, немецкое, русское или гражданское, славянское или церковное письмо // Чтения Императорского Общества истории и древностей Российских. 1847, кн. IX, стр. 59–76.

¹ См. статью Ю. И. Венелина о зародыше новой болгарской литературы. М., 1838, стр. 18. – *Прим. И. Молнара*.

² См. *Венелина* «Историч. изыск.», Т. II, стр. 161. – *Прим. И. М.*

³ «*Literas denique slavicas, a Constantino quodam repertas, quibus Deo laudes debitas resonent; jure laudamus, et ut in eadem lingua Christi Dei nostri proeconia et opera enarrentur, jubemus*» и проч., то есть (...).

⁴ См. *Венелина* «О зародыше новой болгарской литературы», кн. I. Москва, 1838, стр. 33, 41, 42 и проч. – *Прим. И. М.*

⁵ Baron. Nobis gratius esset, si venerandae antiquitati annorum mille magia delatum esset, qnam novitati.

⁶ *Nam ego, inquit, me illis non dico praeferam, sed etiam illud absit mihi, ut coaequare praesumat.*

⁷ Кажется, от. Газзанига опять в противоречии. Слова Льва III показывают, что он, вопреки св. отцам, никак не решался одобрить вставки. Зачем же Льву присылать было одобрение, от которого он отрекался так ощутительно?

⁸ Статья прервана смертью ее автора. – *Прим. И. М.*

О происхождении славян вообще и россов в особенности

Публ. по: Сборник Русского исторического общества. Т. 8 (156). Антинорманизм. М., 2003. С. 21–82.

Незавершенная рукопись. Впервые опубликована в «Сборнике Русского исторического общества». В настоящем издании сохранены примечания и комментарии автора архивной публикации Ю. В. Колиненко.

Историко-критический очерк содержит аргументы и факты в пользу славянских истоков государства Российского. Автор рассматривает славяно-русский мир как единый, цельный организм, который не мог появиться вдруг после «призвания варягов». Автор полемизирует с Н. М. Карамзиным, увлекавшимся норманскими теориями происхождения Руси.

¹ *Шлецер А. Л.* Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке. – СПб., 1809. Ч. 1. С. 124.

² *Schlözer A. L.* Fortschug der Allgemeinen Welthistorie durch eine Gesellschaft von Gelehrten in Deutschland und Engeland ausfertiget // Allgemeine Welthistorie von anbeginn der Weilt bis auf gegen wärtige Zeit. – Halle, 1771. Th. 31, p. 230–231, bemerk. J.

³ Там же.

⁴ Он обыкновенно называется Радаганзом.

⁵ Располагался около современного г. Констанца в Румынии. – *Прим. Ю. Колиненко.*

⁶ Венелин идет вслед за В. Н. Татищевым, считавшим скифов угро-финнами. Современная наука признает наличие иранского элемента в угро-финских племенах. – *Прим. Ю. К.*

⁷ *Скифы* – ираноязычное племя, пришло с востока, из степей Азии. В VII в. до н.э. вытеснили киммерийцев из Причерноморья, где обитали до II в. до н.э. – *Прим. Ю. К.*

⁸ *Plinij. Lib. IV. cap. 12 <...>*

⁹ Название «Сарматия» (Европейская) вытеснило прежнее – «Скифия», примерно на той же территории во II-I вв. до н.э., после того как *сарматы* (одно из ираноязычных племен, надвинувшихся с востока) установили господство над большими пространствами Европы от Дона до Среднего Подунавья. В роксалапах и аорсах нередко ищут предшественников будущей «руси» или объяснение самого этнонима «русь». Под Сарматией понималась территория, ограниченная Вислой на западе, включая юго-восточное побережье Балтийского моря, Карпатами на юге и Волгой на востоке. Так же, как и Скифия, Сарматия – название территориальное. Античные авторы причисляли к сарматским народам не только этнических сарматов, но и древние североиранские народы – алан, роксолан, а также этносы, не относящиеся к иранской группе (венеды, герулы). – *Прим. Ю. К.*

¹⁰ *Киммерийцы* – ираноязычное племя, пришедшее с востока. Это первый известный письменным источникам народ Северного Причерноморья. Ок. XIII в. до н.э. приходят на территорию к северу от Черного моря и Дуная. В VIII–VII вв. до н.э. частично уходят в Малую Азию (через Кавказ), частично на юг Франции, частично на север Ютландского полуострова, где будут известны под именем *кимвров* (II в. до н.э.). С VI в. до н.э. киммерийцы исчезают из Северного Причерноморья. Киммерийцы совершали походы в Переднюю и Малую Азию, участвовали в сокрушении Трои в знаменитой Троянской войне (XIII или XII в. до н.э.). – *Прим. Ю. К.*

¹¹ *Мезия* – римская (с 6 г. н.э.) провинция, занимавшая территорию на правом берегу Дуная от впадения р. Савы до Черного моря. Разделялась на Верхнюю и Нижнюю. – *Прим. Ю. К.*

¹² *Иллирия* (лат. Illýria) – область в северо-западной части Балканского полуострова, включающая территорию расселения иллирийцев. С 27 г. до н. э. – римская провинция Иллирик, состоявшая из Нижнего Иллирика (Далмации) и Верхнего (Паннонии). Позднее в ее состав входили Верхняя Мизия, Реция, Норик, Македония, Греция. С начала V в. Иллирия подвергалась набегам вестготов, в конце V в. – вместе с Италией была завоевана остготами. Некоторыми учеными территория Иллирии наряду с Нориком связывается с возможной прародиной славян. «Повесть временных лет» в рассказе о славянской грамоте помещает славян не в Норике, а в соседнем Иллирике: «...и апостол Павел учил здесь; тут находится Иллирия, до которой доходил апостол Павел и где первоначально жили славяне». Летописец, когда перечисляет страны удела Иафета, «словен» ставит вслед за «Иллирией», то есть достаточно определенно связывает население Иллирии и славян. Ничего подобного в византийских хрониках нет, такое представление, видимо, отражает, какие-то предания, существовавшие у западных или южных славян. – *Прим. Ю. К.*

¹³ *Паннония* – римская провинция, различалась на Верхнюю (между Дунаем и Дравой) и Нижнюю (в междуречье рр. Дравы и Савы). – *Прим. Ю. К.*

¹⁴ И ныне еще часть ее носит название Краины (Krain). – *Прим. Ю. К.*

¹⁵ *Schlözer A. L.* Указ. соч., pag. 231, bemerk. K.

¹⁶ *Норик* (Noricum) – древнеримская провинция, находящаяся между верхним течением Дравы и Дунаем. В «Повести временных лет» есть несколько точек зрения на происхождение славян, по одной из которых славяне вышли из Норика: «Норики – это и есть славяне». Славяне оттуда расселились по Дунаю, позже пришли на Днепр (поляне). Летописец не знал, почему полян стали называть русью, но он настойчиво подчеркивал, что поляне-русь – это славянское племя, что вместе с другими славянскими племенами оно получило начала христианства еще в Норике от апостола Павла. Это известие в летописи побудило многих исследователей искать возможную прародину славян на Верхнем Дунае. Ведь страна рогов-русов Ругиланд находилась

именно там, в районе Норика, который на севере входил в состав Ругиланда или же являлся областью фактического господства королей ругов. В 408 г. Норик был захвачен Аларихом I, в конце V в. завоеван остготами и включен в состав созданного ими государства. – *Прим. Ю. К.*

¹⁷ *Карантания (Carontani, Carantani)* – с нач. VII в. известна как княжество Карантанское, располагавшееся на Верхней Драве, населенное славянами. В сер. VII в. из-за аварской угрозы его население вынуждено было признать зависимость от баварского герцога, однако на протяжении века поднимало многочисленные мятежи. – *Прим. Ю. К.*

Каринтия – историческая область в бассейне р. Дравы, известна источникам со второй половины VIII в. Позднеантичная область *Карниола*, с X в. носившая название Крайна (Крайнская марка), – располагалась в верховьях р. Сава, с севера гранича с Карантанией. *Карнунт* – позднеримская крепость на Дунае. – *Прим. Ю. К.*

¹⁸ В латинской литературе *germani* часто употреблялись для обозначения дальних родственников. – *Прим. Ю. К.*

¹⁹ *Октавиан Август* – римский император (27 г. до н.э.–14 г. н.э.). *Карл Великий* – король франков (769–814). – *Прим. Ю. К.*

²⁰ *Claudii Ptolemaei Alexandrini. Geographiae.* – Amsterdami. Lib. 3, cap. 8, p. 75–76.

²¹ *Дакия* – римская провинция, располагавшаяся к северу от нижнего Дуная. – *Прим. Ю. К.*

²² *Константин Великий* – римский император (306–337). – *Прим. Ю. К.*

²³ *Реция* – римская провинция, находилась западнее Норика. – *Прим. Ю. К.*

²⁴ *Дайчеры* – от нем. Deutsch. – *Прим. Ю. К.*

²⁵ *Готы* – германское племя, в IV в. до н. э. частично уходят из области рек Рейна и Эльбы (откалываются от ясторфской культуры) в устье Вислы, где смешиваются с местным населением. В первой половине III в. двинулись на юго-восток. Впервые готы упоминаются на нижнем Дунае (214 г.). В конце IV – начале V вв. готы входят в гуннский союз, после разгрома которого уходят частично в Прибалтику, частично в Крым. С III в. разделяют

ся на две группы: *Вестготы* – в конце IV в. под натиском гуннов уходят через Дунай в Мизию. В начале V в. образуют свое королевство в Южной Галлии (в конце V в. включавшее в себя Среднюю Галлию и Испанию). При Аларихе II (484–509) вестготы терпят поражение от франков и отходят в Испанию. В VII – начале VIII вв. под натиском арабов королевство вестготов было разрушено. *Остготы* – в III в. занимают причерноморские степи между Днепром и Доном, Крым. В конце IV в. гунны разгромили племенной союз под предводительством Германариха, и остготы двинулись на запад (в Паннонию). В конце V в. под предводительством Теодориха продвинулись в Италию, разгромили Одоакра и образовали свое королевство. В середине VI в. при короле Тотиле королевство остготов было разрушено римскими войсками. – Прим. Ю. К.

²⁶ *Юстиниан* – византийский император (527–565). – Прим. Ю. К.

²⁷ Имеется в виду византийский полководец Велизарий, советником которого был Прокопий (с 527 г.). – Прим. Ю. К.

²⁸ Имеется в виду Иордан, историк готы, живший в VI в. – Прим. Ю. К.

²⁹ *Procopii Caesariensis. Historiarum suite temporis. De Bello Gothico.* – Mediolanum, 1723, Т. 1. lib. IV, cap. 4, p. 338.

³⁰ *Венеды* – в германской средневековой литературе «венетами», «венедами», «винидами» именовали либо всех славян, либо их прибалтийскую часть. «Вендами» вплоть до XVIII в. называли себя сами балтийские и полабские славяне. Племена венедов уже в римское время жили по берегам Балтийского моря. Позднее название Балтийского моря как «Венетского» закрепляется лишь за одной его частью – Рижским заливом. – Прим. Ю. К.

³¹ *Склавины, анты и венеты* – три группы славян в латинско-греческой исторической традиции эпохи Великого переселения народов. Хотя Иордан и считал эти наименования лишь разными названиями одного и того же народа, он все-таки указал на три разные зоны, с которыми эти названия были связаны. Так, *венеты* занимают территории севернее Карпат, *склавины* проживают от Днестра до неопределенных западных

районов, *анты* обитают в междуречье Днестра и Днепра. *Склаввины*, очевидно, преобладали в тех областях Подунавья, где одно время располагался центр гуннской державы. В V–VI вв. они упоминаются в районе Иллирии или Норика. Согласно греческим источникам, склавины в VI в. преобладали по всему левому берегу Дуная вплоть до его низовий. *Антов* обычно считают одним из видов славян, однако вопрос об их этнической природе не является бесспорным. Есть мнение об их иранском происхождении, что обосновывается иранской этимологией самого этнонима – «приграничные жители». Анты находились в Восточной Европе, по крайней мере с IV в., когда они стали объектом нападений со стороны готов. Хотя анты в начале VII в. исчезают со страниц источников (авары оттеснили их от областей, представлявших особый интерес для византийских авторов), можно с большой уверенностью предполагать, что потомки их оказались позднее в составе Древнерусского государства. – *Прим. Ю. К.*

³² Подчинение саксов, а также венедов было осуществлено в 80–90 гг. VIII в. (в 780 г. был предпринят поход против саксов и славян, а в 789 г. против вильцев (лютичей)). *Бойи* – не германское, а кельтское племя. – *Прим. Ю. К.*

³³ Очевидно, имеется в виду поход россов на Константинополь в 860 г., описанный константинопольским патриархом Фотием (ок. 810 – после 886), очевидцем которого он был сам. Эти упоминания народа «рос» – одни из первых, наряду с житиями Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. – *Прим. Ю. К.*

³⁴ *Борисфенида* – считается, что под этим названием Иордан имел в виду греч. колонию Ольвию. Ошибочное отождествление Венелиным Борисфениды с Киевом, очевидно, связано с указанием античных авторов, что лежащий в 200 стадиях вверх по Борифену (т.е. Днепру) город носит одноименное название с рекой (Страбон). См. *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов (Getika) / Пер. Е. Ч. Скржинской. СПб., 1997. С. 196. Киева в то время еще не было. – *Прим. Ю. К.*

³⁵ *Strabo*. Lib. II, cap. 5.; lib. VII, cap. II, § 4, 17. *Plinius*. Lib. IV, cap. 25. *Tacitus*. *Annal*. Lib. I, cap. 79. *Ptolemeus*. Lib. III, cap. 8. *Dio Casius*, lib. XXI. *Ammian Marcellinus*, lib. XXII, cap. 8. Кроме сего:

Olius Spartianus, Trebellius Pollio, Flavius Vopiscus и *Iulius Capitolinus* упоминают о роксоланах. См.: *Ewers G. Kritische Vorarbeiten zur Geschichte der Russen.* – Dorpat, 1814, pag. 213.

³⁶ *Аланы* – племя сарматского происхождения. В I в. н.э. аланы обитали в причерноморских степях и Предкавказье. Во II в. н.э. прошли с Дона в северо-западные области Европы и отчасти в Скандинавию (по преданию их вывел Роллон). В IV в. аланы подвергнутся нашествию гуннов. В конце IV – начале V вв. аланы достигают Дуная и Балканского полуострова, Ютландского полуострова, Галлии, в Северной Африке они вместе с вандалами образовали королевство. В IX в. из Норвегии во главе также с Роллоном приходят на север Франции. – *Прим. Ю. К.*

³⁷ Этноним «роксоланы» этимологизируется как состоящее из двух компонентов «рокс» – из иранского «светлый, блистающий, белый» (т.е. племя, считавшее себя особо благородным среди алан) и «аланы». – *Прим. Ю. К.*

³⁸ *Procopii Caesariensis. Historiarum suite temporis. De Bello Gothico. Lib. IV, cap. 4.*

³⁹ *Procopii Caesariensis. Historiarum suite temporis. De Bello Gothico. Lib. IV, cap. 4.*

⁴⁰ Очевидно, имеется в виду Банат – историческая область в Юго-восточной Европе, севернее Дуная. – *Прим. Ю. К.*

⁴¹ *Лангобарды* (букв. «длиннобородые») – этническая принадлежность неясна (само название этноса говорит не в пользу распространенной версии об их германской принадлежности). Обитали в нач. н.э. в районе Нижней Эльбы, в нач. IV в. на среднем Дунае, в нач. – сер. VI в. занимают Паннонию, а в сер. VI в. под натиском гепидов и аваров уходят в Сев. Италию, где оставили свой след в названии Ломбардия. Разгромлены войсками Карла Великого. – *Прим. Ю. К.*

⁴² *Егингард (Эйнгард) (770–840)* – анналист, приближенный Карла Великого, написал труд «Жизнь Карла Великого императора». – *Прим. Ю. К.*

⁴³ *Vid. Bayer G. S. О происхождении Руси // Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae, 1735. Tom IV. Pag. 59.*

⁴⁴ Просто заключать не всегда можно, а в сем случае оно странно и даже смешно. Почему варяги должны жить именно на севере для того только, чтобы прибыть с флотом к берегам Финнии и Естонии и завладеть торговлею оных? Неужели полагает автор, заключая просто, что англичане живут в Африке, потому что они завоевали Гибралтар, Мальту, некогда мешались в дела Сицилии, или что обитают где-нибудь под Южным Полюсом, потому что завоевали южноафриканские и южноазиатские берега? Что козары жили на юге, что естественно, ибо их жилища именно означены историками, к сему они не морем приезжали в Русь, с коей они граничили. Впрочем мы видели, что варяги точно жили на севере, но, однако, не там, куда метит автор (в Швецию).

⁴⁵ Сколь справедливо заключает автор за историографом, предоставляю рассудить истинным знатокам истории сих сторон. Не стану спорить *pro et contra*, ибо все менее уже показано выше: стоит еще открыть истории всего не российского Севера и рассмотреть критически все соотношения между собою сих народов, тогда ясно покажется, сколь несправедливо вышеупомянутое заключение. Только еще прибавлю, что в эту эпоху ни малейших следов нельзя отыскать того величия у норманнов, какие находим у варягов.

⁴⁶ Сие нимало не доказывает могущество норманнов. Свидетельство походит на сказку; странно, что датчане, осадив, так легко приняли предложение оставить город. Что же хочет разуметь автор под городом *славянским*? По-видимому, он метит на Россию, что однако нельзя допустить, ибо древним саксонским, датским и шведским историкам она была известна большею частию под именем Греции, или *Осторгардии*, или *Гардарикии*, или, наконец, России. Город же славянский исключительно относится к берегам Балтийской Славонии (т.е. к варягам), по коим много было городов. Посему-то: 1-е. Нестор ничего не знает о сем нападении на славянский город, ибо оно метило не на Россию. 2-е. Хотя бы и метило на Россию, Нестор не знает о нем ничего, ибо оно не исполнилось. 3-е. Все сие свидетельство одна выдумка Римберта.

⁴⁷ *Погодин М. П.* О происхождении Руси. М., 1825. С. 26–27.

⁴⁸ *Галлия* правда назвалась от *франков*, которые, однако, не были ни немецкий народ, ни нашедший на Галлию. Мы видели уже, что *франки* название суть случайное, происшедшее в самой Франции, подобно названию казаков. И еще скажем напротив, что после завоевания франками древней Саксонии и присоединения оной к Франкской державе западная часть оной, прилежащая к Рейну и более испытывавшая влияние франков, долгое время носила название Франконии, или Франконского округа. Впрочем, и вся Германия во время владычества над ней франков иногда называлась Восточною Франциею, по тому именно праву, по которому Южная Россия называлась Польшею.

⁴⁹ Мы видели, что новгородцы не принимали названия россов. Ксему, сие подтверждают слова самого автора, утверждающего, что таким же точно образом новгородцы, называвшиеся *россами*, получили название от норманнов, называющихся *Свенскимен* Сверике (т.е. шведами, как жители Галлии, называющиеся по низвержении ига римлян на своем языке франками т.е. вольными, независимыми (по франц. franc – вольный)) от немцев, называющихся или *саксами*, или *бойями*; то есть: не принимали ни те, ни другие.

⁵⁰ Странно еще и то, что сам автор говорит, что победителей новгородцев «было очень немного». Как же могли быть эти немногие пришельцы победителями надутых новгородцев, которые во все горло кричали: *Кто против Бога и великого Новгорода?* Неужели автор думает, что в жилах этих... русаков текла капустаная юшка? И от этих многих победителей должны принять имя, коего они сами не имели? Ксему, Нестор ни зги не упоминает о победителях, он ясно сказал, что новгородцы послали за море, чтобы пригласить к себе управителя. Это ли значит победителей? Это ли значит объяснять Нестора? Еще: если автор понимает под норманнами и скандинавами шведов и норвежцев, то для чего употреблять сии названия в толковании Нестора, который определеннее и свойственнее говорит, указывая именно на шведов и норвежцев (свей и урмане)? На вопрос, куда посылали новгородцы, Нестор отвечает: к варягам *к руси*, а толкователи: к шведам! Пусть же благоразумные и беспристрастные читатели рассудят о способе толковать гг. критиков, – мне

только остается прижать плечами. Кажется, что вся беда в том, что Нестор сам не растолковал им яснее полуденного света.

⁵¹ *Шлецер А. Л.* Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке. СПб., 1809. Ч. 1. С. 343 (прим.).

⁵² *Погодин М. П.* Указ. соч. С. 28.

⁵³ Воллин также назывался Винета, Юмнета (Jumneta), Юлин, Йомна, Юмна (Jumne), Йомсбург (Jomsburg) – торговоремесленный центр балтийских славян, располагавшийся на о-ве Воллин возле устья р. Одер (по р. Дзивне – рукаву Одера). К началу IX в. стал важнейшим центром поморских славян в торговле с Востоком. Занимая выгодное географическое положение на пересечении морских и сухопутных путей, Воллин вел активную торговлю как с поморскими (Шецином, Гданьском), так и с датскими (Хедебю) и шведскими городами (Бирка, Хельге). Торговали балтийские города и с Русью: одним из важнейших партнеров Воллина был Новгород (до которого купцы добирались по морю через Ладогу за четырнадцать дней). Автор XI в. Адам Бременский писал о Воллине, что это «отличный порт, посещаемый греками и варварами», «самый большой из всех городов в Европе. В нем живут славяне вместе с другими народами... И прибывающие туда саксы тоже получают равные права с местными жителями, если только, оставаясь там, не выставляют напоказ своей христианской веры. ...Нельзя найти народа более честного и радушного. В этом городе, полном товарами всех народов, ничто не представляется роскошным или редким». В городе были обнаружены свидетельства обширной морской торговли – гавань, портовые сооружения, молы (плотина перед гаванью). Сам город (площадью около 50 га) был укреплен валами и по подсчетам археологов в X в. насчитывал от 5 до 10 тыс. жителей. Считают, что Воллин, как и Новгород, был городом-республикой. Город был языческим (в южной части раскопанного городища, в особом укреплении размещалось языческое святилище), и горожане оставались язычниками почти до самого конца существования Воллина. С сер. XI в. влияние Воллина снижается, в 1043 г. (по другим данным 1093 г.) датский король Магнус разрушил город, а около 1120 г. Воллин был включен в состав Польского государства. – *Прим. Ю. К.*

⁵⁴ Vid. *Погодин М. П.* Указ. соч. С. 50.

⁵⁵ Некоторые имена собственные людей представляют нам язык? И сей язык дошел до нас? Вот вопросы, на кои ответить иначе не возможно, как только отрицательно; ибо не думаю, мог ли бы ктонибудь вызваться утверждать, что язык может сохраниться в нескольких собственных названиях, и показать нам хотя на одно из этих имен между нами. Но, скажут, сие отыскать можно не между нами, но в летописях. Но скажем, это ли язык до нас дошедший?

⁵⁶ *Погодин М. П.* Указ. соч. С. 51.

⁵⁷ Байера нечего приводить в свидетели. Правда, нельзя не отдать справедливости сему мужу признанием его учености; но сия его ученость, подстрекаемая пристрастием в делах критических, вреднее и опаснее самого неведения. Прошу сказать, что можно ожидать от сего человека, который даже имена *Святослава* и *Владимира* произвел из скандинавского?

⁵⁸ *Погодин М. Л.* Указ. соч. С. 51–52.

⁵⁹ *Ewers G.* Указ. соч. Р. 80–81.

⁶⁰ Ibid, p. 86, bemerk. 10.

⁶¹ *Вандалы* – этническая принадлежность не ясна. Обычно их относят к германцам. В II–I вв. до н.э. зафиксированы источниками на южном побережье Балтийского моря. Во II в. н.э. продвигаются на юг, до Одера и Дуная, оседают в Паннонии. В IV в. смешиваются с аланами, вместе с которыми в нач. V в. двинулись на запад, через Галлию в Испанию, откуда их вытесняют вестготы на юг Пиренейского полуострова. В первой четверти V в. переправляются в Северную Африку, где образуют королевство вандалов, в 455 г. разграбили Рим. В конце V в. королевство включало в себя, кроме Африки, Сицилию, Корсику, Сардинию. В 533–534 гг. разгромлено римскими войсками. – *Прим. Ю. К.*

⁶² *Шлецер А. Л.* Указ. соч. С. 272.

⁶³ *Погодин М. П.* Указ. соч. С. 54.

⁶⁴ *Ewers G.* Op. cit. P. 83.

⁶⁵ Ibid. P. 83.

⁶⁶ *Ewers G.* Op. cit. P. 81–82.

⁶⁷ Ibid. P. 82–83.

⁶⁸ *Погодин М. П.* Указ. соч. С. 55–74.

⁶⁹ «Русские» названия Днепровских порогов всегда вызвали оживленные дискуссии, начиная с основателей норманизма и их первых оппонентов (см.: Славяне и Русь: Проблемы и идеи. М., 1999). Оригинальное объяснение – через осетинские параллели – представлено у М. Ю. Брайчевского («Русские» названия порогов у Константина Багрянородного // Земли Южной Руси в IX–XIV вв. Киев, 1985). – *Прим. Ю. К.*

⁷⁰ Главное дело состоит в самом Константине, назвавшем так сии пороги, которые Бог знает как назывались в самом деле. Главная его ошибка произошла от неведения народов; он венгерцев всегда называет *турками*, немцев *французами*, а в России бредит о славянах. Очевидно, что здесь имена не на своем месте; россиян называет неправильно *славянами*, а отнятое у сего народа имя *россов*, как более прочих знаменитое на Севере, прилагает другому народу, соседственному, ходившему тоже по Днестру. Это должны быть не иные кто, как *готы*, коих потомки ныне известны под именем *летских* племен: именно *латыши*, *литовцы* и *пруссаки*. Они еще и ныне спускаются по Днепру на громадах срубленного дерева, которое сбывают с рук в безлесной южной России. Посему, возвратив на свои места собственные имена, должно там читать *по-русски*, где он говорит *по-славянски*. Те же названия порогов, кои почитаются неправильно русскими, должны быть признаны готскими, или, лучше, летскими, или нерусскими. Ошибка Константина явная; что ясно видно из всех выше приведенных исследований, по коим ни следу шведов не находим в России.

⁷¹ *Погодин М. П.* Указ. соч. С. 55–56.

⁷² Там же. С. 69.

⁷³ *Шлецер А. Л.* Указ. соч. С. 324–325.

⁷⁴ *Ewers G.* Op. cit. P. 104–105.

⁷⁵ *Ibid.* P. 106.

⁷⁶ Перевод в русском издании Эверса: «Кто без позволения хозяина сядет на лошадь его и на ней поедет, тот повинен заплатить 600 денариев, которые составляют 15 солидов» // *Эверс Г.* Предварительные критические исследования для российской истории. – М., 1826. С. 332. – *Прим. Ю. К.*

⁷⁷ Перевод в русском издании Эверса: «Кто сядет на лошадь без позволения господина ее, тот повинен заплатить 30 солидов» // Там же. – *Прим. Ю. К.*

⁷⁸ Vid. Du Cange. Du Fresne. Glossarium ad scriptores mediae et infimae Latinitatis. Frankfurt, 1681. Т. 2, р. 2, pag. 297.

⁷⁹ *Погодин М. П.* Указ. соч. С. 93.

⁸⁰ Там же С. 94.

⁸¹ Там же.

⁸² *Liutprandi*, primum diaconitici nensis demum episcopi Cremonsis. Historia // *Muratorius L. A.* Rerum Italicarum Scriptores. – Mediolani, 1723. Т. II, с. VI, р. 463.

⁸³ Совершенно справедливое замечание. «Венецианская хроника» Иоанна Диакона, а также свидетельства Салернской хроники и Лиутпранда ясно показывают, что в конце I – начале II тыс. н.э. в латиноязычных источниках название «норманы» носило не этнический, а географический смысл (люди, живущие севернее).

⁸⁴ *Шлецер А. Л.* Указ. соч. С. 102.

⁸⁵ *Шлецер А. Л.* Указ. соч. С. 100.

⁸⁶ <...> К чему здесь сей вопрос так некстати? Неужели Шлецер не видал, что Нестор жилище варягов именно ясно определяет «до земли Агнянски и до Воложски», следственно, он указывает на одну определенную область? Для чего здесь справляться? Без всякой нужды и пользы для объяснения? Для чего приклеивать еще непристойнее вторую половину вопроса, когда еще не подал никакой справедливой догадки, что варяги могли быть шведами?

⁸⁷ Воскресенский и Алатырский списки соотв. – *Прим. Ю. К.*

⁸⁸ Что *и то* не достаёт в Алат. списке, а *и* в Радзивилловском, этому причиной переписчики и другое какое-нибудь обстоятельство, но что *и то* здесь необходимо и справедливо находится в прочих списках, требует полнота смысла. Нестор, прервав свое исчисление Яфетова удела при слове *либь* означением местопребывания некоторых народов, приступая к продолжению оногo, необходимо должен употребить связывающую или включающую частицу *и то*; *и* включает, а *то* указывает на включаемое, т.е. на народы, коих он станет еще исчислять. Но

можно ли придумать большего педантства, что продолжение исчисления начинается со *свеи* потому только, что словцо *то* в некоторых списках близко написано к слову *варязи*?!

⁸⁹ *Погодин М. П.* Указ. соч. С. 17.

⁹⁰ В какое сомнение? Нестор ясно сказал; понять легко, сомневаться не в чем. – Толкователей! Лучше сказать, перетолкователей, хотевших нарочно придать иное значение его словам, как например Шлецер.

⁹¹ *Погодин М. П.* Указ. соч. С. 9.

⁹² *Погодин М. П.* Критический разбор сочинения о жилищах древнейших руссов // О жилищах древнейших руссов. Соч. г-на N и критический разбор оногo. – М., 1826. С. 69.

⁹³ *Vid.: Шлецер А. Л.* Указ. соч. С. 95.

⁹⁴ В основном считается, что *ляхи* – это только поляки, но в раннем средневековье так называли вообще всех западных славян. В «Повести временных лет» летописец рассказывает, что «словене пришедше седоша на Висле и прозвашася ляхове, а от тех ляхов прозвашася поляне, ляхове другие лютичи, иные мазовшане, иные поморяне». Здесь ляхи и балтийские славяне (лютичи, поморяне) и поляки (мазовшане). В другом месте летописец производит некоторые славянские племена от ляхов: «радимичи бо и вятичи от ляхов. Бяста бо два брата в лясах, Радим, а Вятко седе с родом своим по Оке...» На Руси XI в. видимо еще были живы предания о том, что в среду отдельных древнерусских племен влилось немалое количество западно-славянских, прибалтийских выходцев – ляхов. Известный филолог Д. К. Зеленин (*Зеленин Д. К.* О происхождении северно-великоруссов Великого Новгорода // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. М., 1954) отмечал, что в русских говорах отразились древние ляхские черты, восходящие к прибалтийским славянам, лучше всего, как ни странно, сохранившиеся в северной Сибири. В Сибирь ляхские черты русского языка занесены потомками новгородцев (ильменских славян), которые наиболее тесно общались с балтийскими славянами. Видимо, изначально «ляхами» были лишь прибалтийские славяне, но по мере их миграций и смешиваний с собственно поляками этим названием стали обозначать одних поляков. В летописях «ляхи», «Лядская

земля» связываются с Польшей уже в нач. XI в. Этноним «ляхи» просуществовал достаточно долго: на Руси жителей Польши называли ляхами до XVII в. – *Прим. Ю. К.*

⁹⁵ *Vid.: Шлецер А. Л. Указ. соч. С. 95.*

⁹⁶ *Волошская земля* – определение топонима спорно. Со средневековья у западных славян так обозначали Северную Италию. А. А. Шахматов полагал, что это название, некогда обозначавшее кельтов, перешло и на франков. Обе эти версии, однако, можно объединить, если допустить, что «Волошской землей» летописец называет возникшую в 962 г. Священную Римскую империю (как стала называться франкская держава). Но так или иначе летописец помещает «варягов» на южном побережье Балтики, между землями Польши и Южной Дании, а также на востоке по тем территориям, которые, по сказанию о варягах, принадлежали Рюрику и его мужам. – *Прим. Ю. К.*

⁹⁷ *Погодин М. П. О происхождении Руси. М., 1825. С. 9.*

⁹⁸ От Волги происходит *волжский*; *воложский* же здесь значит *волошский*; явно что это описка, могшая случиться тем, что в произношении сих двух слов различия нет почти никакого. Кроме сего Волга слишком далеко от тех мест, до коих могли распространяться варяги; обширнейшая *Русь* есть между варягами и Волгою; посему и не нужно было комментатору упоминать об ней.

⁹⁹ Еще не доказано, что Нестор под именем волохов разумеет италианцев, а под *Волошкою* землю Италию, посему и нельзя было сказать утвердительно про Италию.

¹⁰⁰ *Шлецер А. Л. Указ. соч. С. 99.*

¹⁰¹ *Погодин М. П. Указ. соч. С. 9.*

¹⁰² *Ewers G. Op. cit. P.54, bemerk. P. 8.*

¹⁰³ *Ibid. P. 10.*

¹⁰⁴ *Ibid. P. 9.*

¹⁰⁵ *Погодин М. П. Ук. Соч. С. 12–13.*

¹⁰⁶ *Там же. С. 13–14.*

¹⁰⁷ *Погодин М. П. Указ. соч. С. 15.*

¹⁰⁸ *Там же. С. 8.*

¹⁰⁹ *Там же. С. 8–9.*

¹¹⁰ *Шлецер А. Л. Указ. соч. С. 99.*

¹¹¹ См. *Венелина*: «Окружные жители Балтийского моря», стр. 59 (*Венелин Ю.* Окружные жители Балтийского моря. Б. славяне // ЧОИДР. М, 1847, № 5, с. 75–94). – *Прим. И. Молнара.*

¹¹² *Генсерик (Гейзерих)* (421–411) – король вандалов. При нем (в 429 г.) вандалы переправились с Пиренейского полуострова в Северную Африку. – *Прим. Ю. К.*

¹¹³ В 533–534 гг. Велизарий одержал победу над вандалами, а короля Гелимера, последнего короля вандалов, правнука Гейзериха, взял в плен. – *Прим. Ю. К.*

¹¹⁴ *Одоакр (Odoacer)* – вождь варварских племен, в 476 г. свергнувший последнего западного римского императора Ромула Августа, после чего стал правителем Италии. В 493 г. был разбит королем остготов Теодорихом. Этническая принадлежность Одоакра вызвала споры: источники называют его королем ругов; торкилингов и рогов; готов; скиров, герулов. – *Прим. Ю. К.*

¹¹⁵ *Герулы* – этническая принадлежность не ясна. В III в. обитали на южном побережье Балтийского моря, откуда переселились частично на Дунай (где в VI в. были разгромлены лангобардами), частично в Галлию. – *Прим. Ю. К.*

¹¹⁶ См. *Венелина*: «Окружные жители Балтийского моря; балтийские славяне». Москва, 1846 (*Венелин Ю.* Окружные жители Балтийского моря. Б. славяне // ЧОИДР. М, 1847, № 5, с. 75–94). – *Прим. И. М.*

¹¹⁷ *Погодин М. П.* Указ. соч. С. 82.

¹¹⁸ Vid. *Codinus Georgius Curopalata.* De officiis et officialibus magnae ecclesiae... – Parisiis, 1625, с. 7, р. 54.

¹¹⁹ О варягах в Константинополе см.: *Васильевский В. Г.* Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков // Труды. Т. I. – СПб., 1908. Автор убедительно доказал, что дружина варангов появилась в Византии раньше, чем Константинополя достигли норманнские искатели приключений. Он показал также, что обычно в источниках середины XI века «варанги» и «русь» отождествляются. В хрисовулах 60–70-х гг. «варяги» и «росы» упомянуты в смысле «русские варанги». С 80-х г. XI в. происходит резкая смена состава варяжских дружин: вместо варяго-русских они становятся варяго-английскими. – *Прим. Ю. К.*

¹²⁰ *Император Юстиниан* (527–565) был родом иллириец (из верхней Македонии). – *Прим. Ю. К.*

¹²¹ *Погодин М. П.* Указ. соч. С. 76, сноски 175.

¹²² Там же. С. 76.

¹²³ *Vid. Helmsoldi, Presviteri Byzoviensis, Chronica Slavorum.* – Francofurti, 1581, lib. I, cap. 2, pag. 4.

¹²⁴ В оригинале – «Winulorum».

¹²⁵ *Ольденбург (Старград)* – главный город вагров. – *Прим. Ю. К.*

¹²⁶ *Аркона* – храмовый центр ранов (руян, ругов), располагавшийся на северном мысе о. Рюген. – *Прим. Ю. К.*

¹²⁷ См. *Венелина* «О споре между южанами и северянами насчет их россизма», стр. 14. (*Венелин Ю. И.* О споре между южанами и северянами насчет их россизма // ЧОИДР. М., 1847, год 3, № 4, с. 1–16). – *Прим. И. М.*

¹²⁸ *Hisc. Eul. lib. II*, p. 18.

¹²⁹ *Vid.: Du Cange, Du Fresne. Glossarium ad scriptores mediae et infimae Latinitatis.* Francfurt, 1681. Т. 3, p. 1377.

¹³⁰ *Ibid.*

¹³¹ *Ibid.*

¹³² *Ibid.* P. 1539.

О споре между южанами и северянами насчет их россизма

Публ. по: I. О готах. II. Об обрах, их царстве и его пределах. III. О споре между южанами и северянами насчет их россизма. М., 1848.

Очерк посвящен актуальной для нашего времени проблеме этнических противоречий между русскими и украинцами. Оба народа, прежде называвшиеся «руссами», «россами», «малороссами» и «великороссами», принадлежат к одному корню и составляют единое родовое целое. Будучи сам по происхождению «руссином», или «карпато-россом» Ю. И. Венелин (Гуца) иронизирует, что разница между братскими этносами

иногда сводится лишь к тому, что одни носят бороды, а другие – усы и чубы.

¹ Написано по случаю рецензии сочинения Боплана: «Описание Украины», перев. с франц. СПб. 1832, в 8-ю д., стр. 179.

² Правда, что немцы и англичане еще в прошедшем столетии Россию именовали ее названием; однако французы и поляки охотно писали еще в исходе прошедшего века, *les Moscovites*, *Panstvo Moskiewskie*; так писала еще и в 1812 году *Gazeta Warszawska*, и впоследствии редакторы думали что пишут из приличия *Cesarz Rossiyski*. **Мадьяры, которые думали, что Червенская Русь есть Польша, прочее Москва, а одна Русь только в их Карпатских графствах, недавно только в своих географиях [стали писать] Imperium Moscoviticum или, по-мадьярски, *Muszka* (Муска) *Birodalom*, заменили мадьярским именем карпатских русаков *Oross*, *Orosz Birodalom*. Молдаван и волох только в присутствии русского скажет *Рушь, цара русаска*, думая, что это делается из приличия; впрочем, *москалу* у них, *московец* у болгар, *москов* у турков всех трех частей мира топором не вырубить из головы.**

³ Здесь текст прерывается. – *Прим. сост.*

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5

МЫСЛИ ОБ ИСТОРИИ ВООБЩЕ И РУССКОЙ В ЧАСТНОСТИ	45

ДРЕВНИЕ И НЫНЕШНИЕ БОЛГАРЕ В ПОЛИТИЧЕСКОМ, НАРОДОПИСНОМ, ИСТОРИЧЕСКОМ И РЕЛИГИОЗНОМ ИХ ОТНОШЕНИИ К РОССИЯНАМ	65

I. Введение	65
1) Болгаре. Имя народа. Характерические черты. Язык и сродство	65
2) Места проживания	66
3) Масса их, или количественное отношение	69
4) Падение болгарского государства	70
5) Болгарская иерархия	73
6) Религия, политическое состояние, просвещение	75
7) Литература	76

8) О состоянии нынешних болгар в турецких владениях.....	77
II. Спор о начале истории.....	81
Разбор доказательств о татарском происхождении болгар.....	86
III. О древних поселениях болгар.....	115
IV. Опыт определения времени выхода болгар из Волжской страны к Дунаю и решение затруднений, происходящих при взгляде на сей переход.....	118
Мнимость и несуществование сих затруднений.....	126
а) Как должно рассуждать о народе по имени.....	127
б) Как должно рассуждать о народе по языку.....	130
V. О болгарях на Волге и об их переходе под именем гуннов (аваров, козар) на Дунай.....	141
VI. Болгария, держава между Дунаем и Волгою. Состояние ее в правление Атилы (410–454 г.).....	148
VII. Путевые записки византийского посольства ко двору Атилы, писанные секретарем оного Приском Ритором.....	153
VIII. Применение понятий, изложенных в предшествующих статьях, к понятиям о происхождении и жилищах древних россиян.....	191
1) Под какими нарицательными именами искони слыл русский народ?.....	203
2) Отношение болгар к россиянам в строгом смысле.....	207
а) Народное название.....	207
б) Язык.....	209
в) Нравы, религия, обычаи и пр.....	211
г) Жилища и колыбель.....	214
3) Заключение.....	214

IX. Военно-политическая роль, которую играла Россия (Болгаро-Россия) в Европе в правление Аттилы, и перевес ее над прочими государствами	221

ДРЕВНИЕ И НЫНЕШНИЕ СЛОВЕНЕ В ПОЛИТИЧЕСКОМ, НАРОДОПИСНОМ, ИСТОРИЧЕСКОМ И РЕЛИГИОЗНОМ ИХ ОТНОШЕНИИ К РОССИЯНАМ	242

Краткая история словен	244

Словене под владычеством римлян.....	245

1. Venetiae, venetae, венеты, бенетяне	245

2. Carnia, carni, Краина, краинцы.....	247

3. Istri, Iстриa. Истрияне.....	247

4. Pannonia, Pannonnes, жупаны, паны, жупании, панства, жупанства	248

5. Норик. Noricum	260

6. Ретия, Rhetia, Rhaetia	262

7. Dalmatia, Delmatia.....	271

8. Illyricum.....	272

9. Vindelicia, Vindelici.....	274

I. Древний период Словении	296

II. Период владычества Рима (Италии). Падение их под иго римлян с 32–12 гг. до Р.Х.	301

1. Падение жупной Словении (Pannoniae). Первая Словенская война.....	301

2. Падение Горской Словении, 12 г. до Р.Х. Вторая Словенская война.....	302

3. Окончательное покорение всей Словении. 6–9 гг. по Р.Х. Третья Словенская война	303

4. Строгие меры против словен.....	308
5. Часть их переходит за Дунай	313
6. Политическое разделение Словении	314
7. Политическое состояние Словении с 9 по 454 по Р.Х.	316
8. Правители Дунайской Словении (Pannoniae) 6–308 по Р.Х.	329
9. Мифология словенцев	331
Ономастикон мифологический.....	345
10. О вредном влиянии дуализма на раннее развитие изящных искусств у славянских племен.	350
11. Письмена словенские	357
а) История греческого шрифта	357
б) История этрусского письма	360
в) Мнения о так называемом <i>глаголическом</i> алфавите и их опровержение	364
г) О подлинной эпохе обращения словенцев и краинцев. 300–360 гг.	384
д) О подлинной эпохе вторжения <i>сербов и херватов</i> (<i>gotthi et heruli</i>) в царствование имп. Валента (364–378), а не имп. Ираклия (610–640)	392
е) О начале обращения <i>Руси</i> до Кирилла и Мефодия и о <i>Томитанской</i> Русской Епархии с 360 по 950 годы.	397
ж) Образ проповедования Евангелия в продолжение первых четырех веков	416
з) О состоянии нынешнего шрифта у славянских племен	423
12. Словене слывят старожилами (<i>γῆραιδες</i>) Паннонии	429
13. О географии Словении	435

14. О скипетарах и Скиперии	444
а) Их пределы: нынешние и древние	444
б) Их язык и нравственное состояние	445
III. Период с Атилы по Карла Вел., т.е. с 450	
по 800 год, в койи подвергались владычеству так	
называемых гуннов, или аваров (болгар), собственно	
жителей Руси	
	453
СКАНДИНАВОМАНИЯ И ЕЕ ПОКЛОННИКИ ИЛИ	
СТОЛЕТНИЕ ИЗЫСКАНИЯ О ВАРЯГАХ	
	465
I. О варягах вообще	465
II. Варяги в службе цареградской	469
III. Известия о других наемных народах	474
VI. Странные Байеровы словопроизводства слова	
<i>варяги и противоречия .....</i>	<i>479</i>
V. Последователи Байера	490
VI. Теоремания изыскателей славянщины	
поддерживает Байера и его последователей	502
VII. Окружные жители Балтийского (Варяжского)	
моря по Нестору и по Адаму Бременскому	536
ИЗВЕСТИЯ О ВАРЯГАХ У АРАБСКИХ	
ПИСАТЕЛЕЙ И ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ	
В ИСТОЛКОВАНИИ ОНЫХ	
	538
ОКРУЖНЫЕ ЖИТЕЛИ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ	
	556

I. Славяне	556
II. Описание Балтийской Славонии	557
III. В Мекленбургском княжестве	574
IV. В Венденском княжестве	575
V. В Шверинском княжестве	578
VI. Старградское графство	581
О ПЕРВОМ И ВТОРОМ НАШЕСТВИИ ЗАВИСЛЯНСКИХ СЛАВЯН НА РУСЬ ДО РЮРИКОВСКИХ ВРЕМЕН.....	583
НЕЧТО К ИЗЫСКАНИЯМ О ГОТАХ.....	628
ОБ ОБРАХ, ИХ ЦАРСТВЕ И ЕГО ПРЕДЕЛАХ	639
О ВРЕМЕНИ РОЖДЕНИЯ НАЗВАНИЙ: ГРЕЧЕСКОЕ, ЛАТИНСКОЕ, НЕМЕЦКОЕ, РУССКОЕ ИЛИ ГРАЖДАНСКОЕ, СЛАВЯНСКОЕ ИЛИ ЦЕРКОВНОЕ ПИСЬМО	663
[О ПРОИСХОЖДЕНИИ СЛАВЯН ВООБЩЕ И РОССОВ В ОСОБЕННОСТИ].....	683
[I. О происхождении славян вообще] Ad. G. D. O. M.	683

[II. О происхождении россов в особенности]	
Ad. G. D. O. M.	713
О СПОРЕ МЕЖДУ ЮЖАНАМИ И СЕВЕРЯНАМИ НАСЧЕТ ИХ РОССИЗМА	789
КОММЕНТАРИИ	805

Редактор Д. В. Орлов
Корректор З. Н. Скобелкина
Компьютерная верстка Д. Е. Поляков
Институт русской цивилизации. Тел.: 8-495-605-25-35

Подписано в печать 22.04.2011 г. Формат 84 x 108 $\frac{1}{32}$.
Гарнитура «Times». Объем 39,8 изд. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Институт русской цивилизации создан в октябре 2003 г. для осуществления идей и в память великого подвижника православной России митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева). Предшественником Института был Научно-исследовательский и издательский центр «Энциклопедия русской цивилизации» (1997—2003).

Целью Института является творческое объединение ученых и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа, проведение научных исследований, конференций, семинаров и систематизация знаний по всем вопросам русской цивилизации, истории, философии, этнографии, культуры, искусства и других научных отраслей, связанных с жизнедеятельностью русского народа с древнейших времен до начала XXI века. Приоритетным направлением деятельности института является создание 30-томной «Энциклопедии русского народа» (вышло 12 томов), а также научная подготовка и публикация самых великих книг русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения и противостояния силам мирового зла, русофобии и расизма (вышло более 50 томов).

**ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
ВЫПУСКАЕТ
БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ
РУССКОГО НАРОДА**

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

- Русская цивилизация *(вышел)*
- Русское Православие в трех томах *(вышли)*
- Русское государство *(вышел)*
- Русский патриотизм *(вышел)*
- Русское мировоззрение *(вышел)*
- Русский образ жизни *(вышел)*
- Русская география
- Русское хозяйство *(вышел)*
- Международные отношения
- Национальные отношения
- Русская литература *(вышел)*
- Русская икона и религиозная живопись в двух томах *(вышли)*
- Русская архитектура и скульптура
- Русская живопись
- Русский театр
- Русская музыка
- Русская наука
- Русская школа
- Русское воинство
- Памятники Отечества
- Русские за рубежом
- Противники русской цивилизации

Каждый том Энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершенным сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подбирать либо полный комплект Энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для Энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция Энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организации. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Настоящая Энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания Энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания.

Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации.

Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения.

Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А., e-mail: info@rusinst.ru

Электронную версию Энциклопедии можно получить на нашем сайте: www.rusinst.ru.

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ ИНСТИТУТОМ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

- Митр. Иоанн. Самодержавие духа, 528 с.
Киреевский И. Духовные основы русской жизни, 448 с.
Гиляров-Платонов Н. П. Жизнь есть подвиг, а не наслаждение, 720 с.
Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность, 640 с.
Гоголь Н. В. Нужно любить Россию, 672 с.
Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни, 640 с.
Филиппов Т. И. Русское воспитание, 448 с.
Григорьев Ап. Апология почвенничества, 688 с.
Данилевский Н. Я. Россия и Европа, 816 с.
Хомяков А. С. Всемирная задача России, 800 с.
Самарин Ю. Ф. Православие и народность, 720 с.
Катков М. Н. Идеология охранительства, 800 с.
Булгаков С. Н. Философия хозяйства, 464 с.
Аксаков К. С. Государство и народ, 680 с.
Концевич И. М. Стяжание Духа Святого, 864 с.
Флоровский Г. В. Пути русского богословия, 848 с.
Гильфердинг А. Ф. Россия и славянство, 496 с.
Страхов Н. Н. Борьба с Западом, 576 с.
Мещерский В. П. За великую Россию. Против либерализма, 624 с.
Свт. Филарет митр. Московский. Меч духовный, 720 с.
Зеньковский В. В. Христианская философия, 1072 с.
Ламанский В. И. Геополитика панславизма, 928 с.
Черкасский В. А. Национальная реформа, 592 с.
Достоевский Ф. М. Дневник писателя, 880 с.
Солоневич И. Л. Народная монархия, 624 с.
Валуев Д. А. Начала славянофильства, 368 с.
Фадеев Р. А. Государственный порядок. Россия и Кавказ, 992 с.
Лешков В. Н. Русский народ и государство, 688 с.
Иван Грозный. Государь, 400 с.

Лобанов М. П. Твердыня духа, 1024 с.
Безсонов П. А. Русский народ и его творческое слово, 608 с.
Леонтьев К. Н. Славянофильство и грядущие судьбы России, 1232 с.
Щербатов А. Г. Православный приход — твердыня русской народности, 496 с.
Шафаревич И. Р. Русский народ в битве цивилизаций, 936 с.
Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства, 896 с.
Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям, 688 с.
Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух, 832 с.
Шишков А. С. Огонь любви к Отечеству, 672 с.
Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность, 576 с.
Кошелев А. И. Самодержавие и Земская дума, 848 с.
Черняев Н. И. Русское самодержавие, 864 с.
Победоносцев К. П. Государство и Церковь в 2-х томах, т. 1 – 704 с.; т. 2 – 624 с.

СЕРИЯ «РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ»

Ильин И. Национальная Россия: наши задачи, 464 с.
Нилус С. Царство антихриста «Близ есть при дверех...», 528 с.
Шарапов С. Ф. После победы славянофилов, 624 с.
Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские!, 544 с.
Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма, 400 с.
Пасхалов К. Н. Русский вопрос, 720 с.
Платонов. О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Почему погибнет Америка, 528 с.
Бутми Г. Кабала или свобода, 400 с.
Жевахов Н. Еврейская революция, 480 с.
Никольский Б. В. Сокрушить крамолу, 464 с.
Величко В. Л. Русские речи, 400 с.
Архимандрит Фотий (Спасский). Борьба за веру. Против масонов, 400 с.
Булацель П. Ф. Борьба за правду, 704 с.
Дубровин А. И. За Родину. Против крамолы, 480 с.

Платонов О. А. Массонский заговор в России, 1344 с.
Бондаренко В. Г. Русский вызов, 688 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

Лебедев С. В. Слово и дело национальной России, 576 с.
Платонов О. А. Экономика русской цивилизации, 800 с.
Антонов М. Ф. Экономическое учение славянофилов, 416 с.
Каплин А. Д. Мировоззрение славянофилов, 400 с.
Романов И. Стратегия восточных территорий, 320 с.
Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации, 480 с.
Крыленко А. К. Денежная держава, 368 с.
Черная сотня. Историческая энциклопедия, 640 с.
Славянофилы. Историческая энциклопедия, 736 с.
Морозова Г. А. Третий Рим против нового мирового порядка, 272 с.
Троицкий В. Ю. Судьбы русской школы, 480 с.
Русские монастыри и храмы. Историческая энциклопедия, 688 с.
Русские святые и подвижники Православия. Историческая энциклопедия, 896 с.
Васильев А. А. Государственно-правовой идеал славянофилов, 224 с.
Игумен Даниил (Ишматов). Просветительская и педагогическая деятельность преподобного Сергия Радонежского, 192 с.
Сохряков Ю. И. Русская цивилизация: философия и литература, 720 с.
Олейников А. А. Политическая экономия национального хозяйства, 1184 с.
Черевко К. Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века), 688 с.
Виноградов О. Т. Очерки начальной истории русской цивилизации, 544 с.
Платонов О. А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа, 944 с.
Олейников А. А. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. Учебник для высших учебных заведений, 1136 с.

Каплин А. Д. Славянофилы, их сподвижники и последователи, 624 с.

Бухарин С. Н., Ракитянский Н. М. Россия и Польша. Опыт политико-психологического исследования феномена лимитрофизации, 944 с.

СЕРИЯ «ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ РОССИИ»

Платонов О. История русского народа в XX веке в 2-х томах, т. 1 – 804 с.; т. 2 – 1040 с.

Платонов О. Тайная история масонства, 912 с.

Платонов О. История масонства. Документы и материалы в 2-х томах, т. 1 – 720 с.; т. 2 – 736 с.

Платонов О. Пролог цареубийства, 496 с.

Платонов О. История цареубийства, 768 с.

Платонов О. Святая Русь. Открытие русской цивилизации, 816 с.

Башилов Б. История русского масонства, 640 с.

Шевцов И. В борьбе с дьяволом, 656 с.

Лютостанский И. Криминальная история иудаизма, 992 с.

Платонов О. Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против христианской цивилизации, 880 с.

Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.

Платонов О. Заговор цареубийц, 528 с.

Платонов О. Николай II в секретной переписке, 800 с.

Книги, подготовленные Институтом русской цивилизации, можно приобрести в Москве: в Книжном клубе «Славянофил» (Большой Предтеченский пер., 27, тел. 8(495)-605-08-58), в книжной лавке «Русского вестника» (Звенигородское шос., д. 4 (пав. «Детский мир на Пресне»), тел. 8(495)-788-41-48, rodina@gw.ru), в книгоиздательской фирме «Крафт+» (Пр. Серебрякова, 4, тел. 8(495)-620-36-94) и в магазине «Политкнига» (тел. 8(495)-543-87-93, www.politkniga.ru)